Устно-поэтическое творчество мордовского народа

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Устно-поэтическое творчество мордовского народа

В ВОСЬМИ ТОМАХ

САРАНСК 1966

Ш3(235=Мо)-615
Е Мор
У 808

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Устно-поэтическое творчество мордовского народа

48097

ТОМ ТРЕТИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОКШАНСКИЕ СКАЗКИ

1977
Библиотека

САРАНСК 1966

Составление, предисловие и примечания
А. И. МАСКАЕВА

Под общей редакцией
В. Я. ЕВСЕЕВА

Научный редактор мордовских текстов
К. Т. САМОРОДОВ

МОРДОВСКАЯ СКАЗКА

Сказка — по-мордовски **ёфкс, ёвкс** — относится, как и песня, к числу наиболее популярных видов устного народного творчества, но она изучена менее, чем песня. Тематическая оригинальность песни приковала к себе большее внимание, чем другие жанры необрядового фольклора.

Собирание и изучение мордовской сказки, как и всего фольклора бесписьменного народа, до Октябрьской революции было начато русскими и зарубежными учеными в связи с исследованиями филологических, исторических, общественных и иных вопросов во II половине XIX века. Так, в 1861 году А. Алквист к мордовскому грамматическому исследованию[1] приложил четыре мокшанские сказки, а спустя пять лет, в 1866 году, краевед Д. Н. Орлов подробно пересказал две эрзя-мордовские сказки, как иллюстрацию к очерку села Напольного Симбирской губернии[2]. Отдельные сказки в переводе на русский язык или в пересказе стали публиковаться в этнографических статьях, помещаемых и в губернских и епархиальных ведомостях губерний, в которых проживала мордва.

В 1883 году в Казани был издан сборник «Образцы мордовской народной словесности», включающий 28 мордовских сказок в оригинале с параллельным переводом на русский язык[3]. Вскоре сказки этого сборника вошли в научный обиход не литературоведческой, а этнографической науки[4]. А в 1909 году был издан сборник мордовских сказок в художественном

---

[1] *A. Ahlqvist,* Eine fersuch mokscha-grammatik, СПб., 1861.

[2] *Д. Н. Орлов,* Село Напольное, Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, выпуск II, Симбирск, 1866.

[3] Образцы мордовской народной словесности, вып. II, Казань, 1883.

[4] *И. Смирнов,* Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края. Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, т. VI, вып. I, Казань, 1886.

переводе на русский язык[1]. Мордовские сказки этого сборника имели огромный успех среди русских читателей, чему способствовали иллюстрации из бытовой жизни мордовской дореволюционной деревни.

Мордовская сказка становится известной и за рубежом. В 1894 году в Финляндии вместе с образцами других жанров проф. Х. Паасоненом были опубликованы на мордовском и немецком языках мордовские народные сказки[2], ставшие достоянием европейской фольклористики. Позднее сказки этого сборника и другие мордовские сказки были опубликованы в Финляндии в больших фольклорных сборниках. Эрзянских сказок напечатано 25[3], мокшанских — 14 названий[4]. Книги, составленные Х. Паасоненом, отличаются точной записью текстов и хорошим переводом, дающим возможность западному читателю ознакомиться с мордовской сказкой.

Изучая русско-мордовские отношения, особенности мордовского языка, русский академик А. А. Шахматов собирает мордовский фольклор, издает замечательный сборник текстов[5] и исследования «Мордовский этнографический сборник». Наряду с другими фольклорными текстами в сборник входят тридцать две сказки и несколько преданий, часть которых можно считать сказками. Мордовские тексты записаны фонетически и напечатаны параллельно с русскими переводами. Книга А. Шахматова была рассчитана на русского читателя, переводы напечатаны русской графикой, а оригиналы — латинской. Таким образом, начало изучения мордовской сказки, как и всего фольклора, было положено до Октябрьской революции, хотя оно не носило систематического характера. Само изучение было подчинено различным и, как правило, нефольклорным проблемам.

Более систематическое изучение мордовской сказки начинается в советское время: проводятся экспедиции, изучаются архивные фонды страны, печатаются тексты, статьи.

Как в дореволюционное, так и в советское время во всех мордовских общих фольклорных сборниках печатаются сказки. Такими сборниками являются известные книги: «Саратовский этнографический сборник»[6], «Эрзянь фольклор» (Эрзянский фольклор)[7], «Мокшень фольклор» (Мокшанский фольклор)[8] и другие. Одновременно стали издаваться отдельные сборники сказок на эрзянском, мокшанском языках, а также мордовские сказки в переводе на русский язык. К сборникам «Эрзянь

---

[1] Мордовские народные сказки (С. Аникин), СПб., 1909.
[2] Proben der Mordwinischen Volksliteratur (H. Paasonen), Heft II, Helsingfors, 1894.
[3] Mordwinische Volksdichtung (H. Paasonen), Bd. III, Helsinki, 1941.
[4] Mordwinische Volksdichtung (H. Paasonen), Bd. IV, Helsinki, 1947.
[5] Мордовский этнографический сборник (А. А. Шахматов), СПб., 1910.
[6] Саратовский этнографический сборник, Саратов, 1922.
[7] Эрзянь фольклор (Л. Кавтаськин), Саранск, 1939.
[8] Мокшень фольклор (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940.

ёвкст» (Эрзянские сказки)[1], «Эйкакшонь ёвкст» (Детские сказки)[2], «Идень ёфкст» (Детские сказки)[3], «Эрзянь ёвкст» (Эрзянские сказки)[4], «Мокшень ёфкст» (Мокшанские сказки)[5], «Мордовские народные сказки»[6], «Мордовские сказки»[7], «Горячие сани»[8] и ко многим другим сборникам сказок предпосланы небольшие вступительные статьи об особенностях публикуемых произведений.

Успехи в собирании и печатании текстов дали материал для научных обобщений, изучения репертуара мордовских сказок, её некоторых поэтических особенностей, составления краткого указателя сюжетов по системе Аарне-Андреева[9]. Конечно, все это представляет собой лишь робкое начало изучения мордовской сказки, живущей в народе.

Однако, несмотря на малую изученность мордовской сказки, можно назвать основные ее особенности. Сказка характеризуется не только специфическими жанровыми особенностями, но и многими особенностями бытования в мордовской среде. Пословица, массовая песня, особенно частушка, в наши дни могут исполняться и на родном языке, и на русском. Сказка же исполняется только на мордовском языке, если даже она и заимствована с русского языка и целые фразы и отдельные слова произносятся на русском языке, например: «русским духом пахнет», «Марья-царевна», «Елена Прекрасная», «конь бежит — земля дрожит» и т. п. Примечательно, что заимствованные сказки теряют многие свои поэтические особенности и приобретают новые, присущие мордовской сказке. Мордовская сказка не имеет присказки, теряет ее и заимствованная. Оригинальная сказка имеет большое разнообразие зачинных формул, приобретает их и заимствованная.

Часто встречающиеся приемы начала сказочного повествования: «Эрясть-аштесть атят-бабат, арасть а эйкакшост, а какшост» — Жили-были старик со старухой, нет у них ни ребенка, ни растущего (в значении: не было у них детей); «Атянь-бабань аш шачисна, аш касысна» — У старика и старухи нет ни рожденного, ни растущего; «Кулось атять рьвац, илядсть кафта шабанза»[10] — Умерла у (этого) старика его жена, остались у него два ребенка — в одинаковой мере могут быть и в оригинальных, и в заимствованных, в частности, от русских. Следователь-

---

[1] Эрзянь ёвкст (М. Е. Евсевьев), М., 1928.
[2] Эйкакшонь ёвкст (А. Маскаев), Саранск, 1940.
[3] Идень ёфкст (М. Бабина), Саранск, 1940.
[4] Эрзянь ёвкст (А. Маскаев), Саранск, 1940.
[5] Мокшень ёфкст (А. Маскаев и С. Потапкин), Саранск, 1940.
[6] Мордовские народные сказки (А. И. Маскаев), Саранск, 1941; 1954.
[7] Мордовские сказки (Э. В. Померанцева), М., 1955.
[8] Горячие сани (Э. В. Померанцева), М., 1959.
[9] Мордовская народная сказка (А. Маскаев), Саранск, 1947.
[10] Мокшень фольклор (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940, стр. 31.

но, мордовская сказка не только исполняется на мордовских (эрзянском или мокшанском) языках, но и имеет единую поэтическую традицию для всех произведений этого жанра, независимо от того, когда, как, где появились они, каким образом стали известны тем или иным сказочникам и исполнителям.

Наблюдением за бытованием мордовской сказки установлено, что сказки, начинающие повествование с зачина типа «Эрясть-ащесть» (Жили-были), как правило, не имеют названия, т. е. никак не называются; сказки же, начинающиеся с других типов зачина, непременно должны иметь название[1], например, «Одава» (Мачеха), «Оцязоронь стирь» (Царская дочь), «Ватракш» (Лягушка) и т. п. В этих случаях название дополняет зачин и осознается вместе с зачином как нечто единое. Такая особенность определяется прежде всего спецификой мордовских языков. Название сказки в подобных случаях выступает в основном или неопределенном склонении, зачин же — в определенном или притяжательном склонении. В этом случае название сказки, например, «Старик» осознается как своеобразная форма зачина, а фраза «У (этого) старика умерла (его) жена» как начало сказочного повествования, идущего после зачина.

Таким образом, на примере мордовской сказки можно видеть, как сказка любого сюжета, в том числе и известная у многих народов мира, приобретает национальные поэтические черты, наглядно выделяющиеся при сопоставлении со сказками других народов.

О репертуарном богатстве мордовской сказки судить пока еще нет возможностей: этот вид народного творчества слишком мало собран. Что же касается популярности тех или иных сказок, то здесь можно назвать отдельные сюжеты, виды сказок у эрзи и мокши. По краткому указателю сказочных сюжетов, составленному А. Маскаевым по системе Аарне-Андреева, установлено, что волшебно-фантастические сказки занимают более 50%, сказки о животных — около 20% и бытовые — около 30% всего учтенного репертуара[2].

Жизнь в лесных районах, охота, рыболовство, бортневое пчеловодство, длительное пребывание охотников и рыболовов в лесных избушках небольшими коллективами давали благоприятную почву для рассказывания и слушания сказок, полных всяких приключений с необычными, смелыми, энергичными героями, одерживающими победу, несмотря ни на какие трудности и лишения. Наряду со сказками в этой среде были попу-

---

[1] Эти наши личные наблюдения подтверждаются бытованием сказок, опубликованных в академическом издании сборника «Мордовский этнографический сборник» (А. Шахматов), СПб., 1910;

В массовых изданиях сборников сказок всем сказкам названия даны составителями.

[2] *А. Маскаев,* Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, стр. 134—173.

лярны рассказы о столкновении охотников и рыболовов с древнемордовскими покровителями стихий природы, отдельных отраслей человеческой деятельности: матери воды — Ведявы (ведь — вода + ава — мать), матери леса и лесного божества — Вирявы (вирь — лес + ава — мать), которые вредили или помогали смелым охотникам и рыболовам, лесорубам и пчеловодам. Эти рассказы переплетались с различными сказками и воспринимались как повествования о происходивших в действительности случаях, поэтому зачины типа «У этого старика умерла жена» нередко относились к рассказам об определенном старике. Подобные рассказы-сказки в русской фольклористике нередко называют быличками.

По мере роста реалистического мышления рассказы о древнемордовских мифологических существах все чаще начинают осознаваться как волшебно-фантастические сказки, а мифологические существа — как чудесные персонажи сказок, чудесные противники героев сказок. Рассказы о дохристианских божествах, их столкновении с людьми увеличивают репертуар сказок этого вида. Разумеется, сам процесс перехода рассказов о мифологических существах в сказки длительный и сложный, и даже теперь среди представителей старшего поколения мордовской деревни можно встретить людей, которые сказки о Ведяве, Вирявe, Модаве (матери земли), Пурьгине Пазе (божестве грома) принимают за рассказы о реально бывших событиях, тем более, что в этих сказках героем бывает не царевич или королевич, а только крестьянин мордовской национальности, да еще живущий в определенной, конкретной деревне.

Прикрепление действия сказки к определенной местности — деревне, роще, озеру, реке — это одна из поэтических особенностей мордовской сказки, один из её художественных приемов. Он присущ для всех видов сказки, в том числе для волшебно-фантастической и бытовой. Так, в сказке «Горячие сани» (барин меняется с мужиком лошадьми и санями) действие происходит в Кочкуровском районе Мордовской АССР[1]. Сказка «Вирява», в какой-то мере приближающаяся к сюжету «Чёрт хочет научиться играть на скрипке, руки крепко защемлены» (сюжет № 1159), прикрепляет события к Атяшевскому району Мордовской АССР, к старику Нестеру[2]; в сказке «Старая Варда» (Варда, завладев костюмом девушки, выдает себя ее братьям за их сестру), братья героини по причине малоземелья переселяются в Сибирь, с ними переносится туда и место действия сказки[3].

Таким образом, внешние различия между сказкой и преданием, между сказкой и быличкой порой стираются. Широко распространенная сказка любого сюжета в конкретном исполнении, в конкретном живом бытовании и осмыслении может

[1] Мордовские народные сказки (А. Маскаев), Саранск, 1941, стр. 50—52.
[2] Там же. стр. 145—152.
[3] Мордовские народные сказки (С. Аникин), СПб., 1909, стр. 21—30.

принимать функцию предания и былички. Следовательно, определение, данное для русской сказки, как устного рассказа с ориентировкой на вымысел[1], для мордовской сказки не всегда приемлемо.

Для мордовской сказки более подходит определение, данное в учебнике по русскому фольклору проф. Ю. М. Соколовым, которое сформулировано: «Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера»[2]. Вместе с тем мы считаем методически удачным в мордовской фольклористике деление сказок на животный эпос, волшебно-фантастические, бытовые сказки, предложенное Ю. М. Соколовым.

Разумеется, такое деление сказок условно, так как, строго говоря, бытовая сказка, например, содержит черты не только собственно бытовых сказок, но и авантюрных, анекдотических и исторических сказок. Исторические сказки, предания по своим художественным приемам, содержанию так близки к бытовым, что практически далеко не всегда можно провести между ними границу, особенно в сказках, изображающих местные исторические и бытовые явления. По этой причине А. А. Шахматов ряд сказок о крещении мордвы, о закрепощении крестьян относит в книге «Мордовский этнографический сборник» к преданиям. При начальной стадии формирования они, вероятно, воспринимались как предания, но позднее превратились в типичные сказки анекдотического характера. Некоторые названные особенности мордовской сказки позволяют усомниться в правильности утверждений о неоригинальности мордовской сказки, хотя эти утверждения касаются, правда, главным образом сюжетной стороны сказки[3].

Из известных по краткому указателю сюжетов мы можем назвать наиболее популярные в народе эрзянские и мокшанские устно-поэтические произведения этого жанра. К ним следует отнести сказки о лисе, крадущей рыбу с воза мужика и встречающейся с волком, которого уговаривает опустить хвост в прорубь (сюжет № 1—4), о зверях, упавших в яму и пожравших собственные внутренности (№ 20—21), зимовье зверей (№ 130), о совместном сеянии репы мужиком, лисой и медведем (№ 140+154—1) и другие.

Большой известностью пользуются волшебно-фантастические сказки об обещанном Ведяве (морскому царю) юноше (сюжет

---

[1] Русское народное поэтическое творчество (Э. В. Померанцева и С. И. Минц), М., 1953, стр. 181.

[2] *Проф. Ю. М. Соколов,* Русский фольклор, М., 1938, стр. 304.

[3] *И. Н. Смирнов,* Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края. Известия Об-ва археологии, истории и этнографии, т. VI, вып. I, Казань, 1886, стр. 59—60; Мордовский этнографический сборник (А. А. Шахматов), СПб., 1910, стр. 6.

№ 313), о мачехе и падчерице (№ 480). В сказках этих сюжетов непременно побеждает человек, несмотря на превосходящие силы и чудесные способности противника. В сказках о мачехе и падчерице гонимая злой мачехой падчерица сталкивается с Бабой-Ягой, Вирявой и с другими чудесными противниками; как и в подобных русских сказках, падчерица отличается своей добродетельностью, скромностью, трудолюбием, внимательностью, выносливостью и преодолевает препятствия; родная дочь мачехи, не обладая такими качествами, погибает. В этих сказках, как и в сказках сюжета о Золушке (№ 510 А), труд и знания, направленные на благо, побеждают и злых людей, и выразителей грозных явлений природы, выступающих в образах Яги, Деда-Мороза, Вирявы, в песенных произведениях этого сюжета — смерть.

Особым вниманием рассказчиков и слушателей пользуется сказка, называемая по имени её героини «Дуболго Пичай». Сказка во многом приближается к сюжету № 709: злые невестки умерщвляют золовку, братья хоронят её на дереве, гроб находит пастух, девушка оживает, выходит замуж за избавителя, встречается с братьями, истина выясняется, виновники наказаны. Сказка имеет и другие названия, особенно когда она бывает в сочетании с сюжетом № 706 (о Безручке): невестки ломают золовке руки и ноги, изгоняют (увозят) её в лес; она купается в чудесном источнике, выздоравливает, набредает на домик братьев-разбойников, за одного из которых выходит замуж. В сказке «Дуболго Пичай» находит отражение бывшее надземное погребение у мордвы, получившее известность благодаря археологическим исследованиям[1] и устным преданиям.

Имя героини сказки Пичай (звательная форма от пиче — сосна) подтверждает древность этого произведения. В мордовских сказках названного сюжета избавителем умерщвленной девушки бывает не барин, царевич, королевич, а только крестьянин, равно как и во многих сказках о Вирявe (Вирява заставляет пойманного мужчину быть своим мужем, приживает детей, он освобождается от нее, зажав ей руки в щель бревна). Сказка приближается к № 485 + 1159, где героем бывает только крестьянин.

В эрзя-мордовской среде хорошо знают сказку, приближающуюся к сюжету № 1159 о Портном, Медведе и Нечистом, которые вместе варят пиво, но Вирява выпивает их пиво, избивает Медведя и Нечистого, Портной ловит Вирявy, избивает её, женится на её дочери, Медведя и Нечистого пугает своей тещей.

Эта сказка своим содержанием и образами во многом напо-

---

[1] *В. Гольмстен,* Надземные погребения в Среднем Поволжье. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, М.—Л., 1940, № 5, стр. 56—58.

минает татарскую сказку о Шурале[1] и сказку «Портной, Бесенок и Медведь» и воспринимается как осмеяние бессилия нечистого и древнеязыческой богини леса Вирявы при их столкновении с человеком. Такова по восприятию и сказка об охотнике красавце Дамае, которому лиса помогает жениться на дочери древнеязыческого бога Пурьгине Паза. По своему характеру авантюрная сказка «Мазый Дамай» (Красавец Дамай) напоминает известную у народов Европы обработанную французским писателем Ш. Перро сказку «Кот в сапогах» (№ 545В): лиса помогает охотнику жениться на дочери бога грома, уговаривает пастухов выдавать себя за слуг героя, добывает для героя дворец у семиспинного дракона; споив Пурьгине Паза спиртным напитком, заставляет громовика убить дракона, чтобы его имуществом завладел охотник.

Охарактеризованные выше последние две сказки по восприятию типичны для многих сказок, в которых в качестве противника выступают древнемордовские мифологические существа. В наши дни во многих сказках, в которых изображается столкновение человека с мордовскими божествами, человек побеждает бога-противника, как он побеждает в других сказках змея, Кощея, Ягу, устанавливает на земле человеческую справедливость. Показательной в этом отношении является и сказка «Девочка — Серебряный зубок», приближающаяся к сказкам сюжетов №№ 13 А+314 Г, в которой повествуется о безуспешных усилиях держательницы воды Ведявы и её чудесного мужа Ведяти поработить девочку. Героиня и её сестра побеждают и водяных поработителей и лесных недругов, выступающих в образе страшных человекообразных существ и диких медведей.

Несмотря на фантастичность и отвлеченность сказок, они так или иначе связаны с действительностью, конкретной жизнью народа, его конкретными вкусами и представлениями, его историей. Особенно это наглядно демонстрируется сказками о закрепощении мордовских крестьян помещиками, о крещении мордвы Даже общераспространенные сказки, связанные с названными событиями, принимают конкретно-историческое звучание с колоритом своей эпохи. В сказке, напечатанной в сборнике А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» под рубрикой «предания», повествуется об обложении барином мордовских крестьян (живших на принадлежавшей ему земле) с души, когда он увидел, что обложение крестьян с ворот, трубы и окон не приносит желаемых результатов, крестьяне обманывают барина[2]. Фамилия барина Апраксин и название села Ключи придают сказке форму предания, так как барин Апраксин в Саратовском

---

[1] Татарские народные сказки (Г. Шарипов), М.—Л., 1952, стр. 101—102, 123—127.

[2] Мордовский этнографический сборник (А. А. Шахматов), СПб., 1910, стр. 26—30.

уезде жил действительно, хотя различные формы обложения крестьян (с трубы, окон, ворот) существовали и до Апраксина.

Известная в русском фольклоре сказка о попе Пахоме (мужик в роли попа, сюжет № 1825) у мордвы рассказывается как анекдотический случай, происшедший у новокрещеных мордовских крестьян, которые, не имея представления о церковной службе, по команде прибывшего в построенную церковь попа топают и дрыгают ногами. В связи с крещением мордвы в XVII и XVIII веках рассказывается и анекдотическая сказка «Почему у мордвы престольный праздник бывает в Николин день». Доверенные старики новокрещеной мордвы не хотели покупать старого бога (образ Николая-чудотворца): старик, скоро умрет; озорники-богомазы им подарили икону Пантелеймона, нарисованную на куске льда; икона растаяла, и старики решили купить Николу; тот безобразничать не станет, а то молодой помочился и убежал. Трудно сказать, когда возникла эта сказка: или в период крещения, или в более позднее время, но в ней осмеиваются престольные праздники, необоснованный авторитет старших в области поддержки религии и других суеверий.

Оставаясь популярной в народе, сказка оказывает влияние на произведения многих мордовских писателей, входит в их произведения, в частности, А. Куторкина, В. Коломасова, М. Безбородова и других.

Обрабатывая, переплавляя традиционную сказку, мордовские писатели Ф. Фролов, А. Чекашкин, Я. Пинясов, Ф. Атянин, А. Куторкин по сказочным мотивам создали для детей ряд рассказов и поэм, многие из которых стали хрестоматийными.

По типу традиционных сказок в советское время создаются устойчивые народные рассказы, в которых изображается жизнь советского народа. Таким произведением стал рассказ «Врозь плохо, вместе очень хорошо»[1] — о преимуществах жизни в кооперативном коллективе по сравнению с жизнью в индивидуальном, единоличном хозяйстве; таким же произведением является и рассказ «Недоплетеный лапоть»[2] — о росте материального благополучия советских людей, взявших в свои руки власть в Октябрьские дни.

Рождение новых устойчивых устных рассказов-сказок происходит одновременно с переосмыслением традиционных сказок. Так, например, традиционная сказка «Как мужик обманул барина» заканчивается повествованием об изгнании барина в 1917 году[3], сказка о барине и его работнике заканчивается

---

[1] Эрзянь ёвкст (А. Маскаев), Саранск, 1940, стр. 126—127.
[2] Эрзянь советской фольклор (А. Маскаев), Саранск, 1942, стр. 82—85.
[3] Мордовские народные сказки (А. Маскаев), Саранск, 1941, стр. 52—56.

сообщением, что барин умер, а бывший работник и теперь живёт[1], бывший работник попа теперь стал хозяином[2].

Часть популярных мокшанских и эрзянских сказок входит в данные две книги серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа». Как и тексты всей серии, сказки в этом сборнике печатаются на литературном эрзянском или мокшанском языках в смысловом переводе на русский язык.

---

[1] Эрзянь ёвкст (А. Маскаев), Саранск, 1940, стр. 32—34.
[2] Там же, стр. 46.

Сказки о животных



ТУВОНЯ

Срхкась тувонясь кемгафтува пурхцканзон мархта церянянь базару и ваны: каршезонза сай врьгаз, и сон корхтай тувоняти:

— Тувоня ялгай, ков молят?

— Молян церянянь базару.

— А монь сявсамак?

— Тоса-тоса ули пяк кели лотка, и сияне тон аф ётаваt.

— Тонь кемгафтува пурхцце, ито ётаваt, а мон шава прязень мархта ёфси ётаван.

— Аде, кда молят,— отвечась тувонясь. Мольсть, мольсть и ваныхть: каршезост сай казаня.

— Тувоня ялгай, ков молят ялгатнень мархта?

— Мольхтяма базару.

— А монь сявсамасть?

— Эх, тоса пяк оцю лотка ули, и тон сияне аф ётаваt.

— Тонь кемгафтува пурхцце, ито ётаваt, а мон шава прязень мархта ёфси ётаван.

— Ну, аде тонга.

Мольсть, мольсть и ваныхть: каршезост сай офта.

— Тувоня ялгай, ков молят ялгатнень мархта?

— Минь мольхтяма базару.

— А монь сявсамасть?

— Сяфтядязь, но аньцек ули пяк кели лотка, и тон турксканза аф ётаваt.

— Тонь кемгафтува пурхцце, ито ётаваt, а мон шава прязень мархта ёфси ётан.

Молихть и ваныхть: сай каршезост келазь.

— Тувоня ялгай, ков мольхтяда?

— Церянянь базару.

— А монь сявсамасть?

— Аде, но аньцек тоса-тоса ули пяк кели лотка, и тон вельфканза аф комотеваt.

— Тонь кемгафтува пурхцце, ито ётават, а мон шава прязень мархта ёфси комотян.

Пачкодсть ся лоткть трвас, конань туркс эряви сембонди комотемс.

— Ну, врьгаз, комотть ина!

Потась, потась врьгазсь... Как комоти — и тусь алубряг лоткти.

— Тяни тон комотть, каза!

Потась, потась казась и кодак кармась комотема, сявок тусь врьгазть мельге.

Офтсь да келазсь ёрасть ётамс, но сембе сяка алу ваясть.

Тувонясь савор, савор ётась лоткть туркс и пачкодсь церянянь базару. Сон якась базарть келес, симондсь-ярхцсесь и мекиге ётась куду.

Офтсь лотка потмаксста мусь нешке, синнезе и кармась ярхцама медьта. Инголи изь ярхцав сяс, мес пяк ламоль мешта. Сявозе офтсь нешкть и колмокстъ чёпафтозе ведти. Казась кизефнесы офтть:

— Офта ялгай, мезьда ярхцат?

— Медьта.

— Минь андсамасть?

— Анттядязь.

Тусь офтсь лоткть кувалмова, аф ламос мольсь, тага фкч нешке мусь.

— Вага тейнтьке кандонь медь.

Офтсь сявозе нешкть лангаксонц и ёрдазе бокти.

Кодак ёрдазе, лисендсть мешне и давай пупсемс сембонь: и келазнек, и врьгазнек, и казанек, и офтонек.

Няйсазь, аф тефт — и сембе комотнесть ведти, но ведьсовок нярьснон эса пупсесть мешне.

Кяжиясь офтсь, сявозе нешкть и пяшкодезе ведьта. Мешнень ламосна кулсесть. Сяда меле нешкть синнезе и андозень сембонь медьта.

Ярхцасть топодемс и кармасть шутендама.

Сяда меле мадсть сембе ваймама. Казанять удомац изь са. Сон варжазе нешкть потмонц, тоса нинге ули аф лама медня. Офтсь пяк кемоста матодовсь. Казанясь ламос думандакшнесь, мезе ба тиемс офтть мархта, но курок изь думандав мезевок. Кргазе нешкнень потмаксста лядыкс медть и ушедсь офтть пулалонц вадендема. Мешне марязь медь шинеть и сембе цямбафтсть офтти. Комотсь удома вастста офтсь и кяжень пачк давай ялганзон эса сязендемс.

Сязендезень сембонь и ськамонза лядсь лоткть потмос.

СВИНКА

Собралась свинка с двенадцатью поросятами на желудевый базар, смотрит: навстречу ей идёт волк и говорит:

— Приятельница свинка, куда идёшь?

— На желудевый базар.

— А меня возьмёшь?

— Там-то, там-то попадётся очень большой овраг, через него ты не переберёшься.

— У тебя двенадцать поросят, и то пройдёшь, а я один и вовсе пройду.

— Пойдем, если хочешь,— ответила свинка.

Идут они, смотрят: навстречу идёт козочка.

— Свинка, подруженька, куда с другом идёшь?

— Идём на базар.

— А меня возьмёте?

— Да там очень большой овраг, через него ты не пройдёшь.

— У тебя двенадцать поросят, да пройдёшь, а я одна и подавно пройду.

— Ну пойдём.

Шли, шли, смотрят: навстречу идёт медведь.

— Свинка, подруженька, куда вы все идете?

— На базар.

— Меня не возьмете?

— Возьмём, да только встретится широкий овраг, тебе через него не пройти.

— Ты с двенадцатью поросятами пройдешь, а я один и вовсе пройду.

Идут они вместе, навстречу им лиса.

— Товарочка свинка, куда вы идёте?

— На желудевый базар.

— А меня не возьмёте?

— Пойдем, да там-то, там-то очень широкий овраг, тебе через него не пройти.

— У тебя двенадцать поросят, и то хочешь пройти, а я одна и вовсе перепрыгну.

Дошли они до оврага.

— Ну, волк, прыгай!

Пятился, пятился волк, как прыгнет — и полетел вниз головой в овраг.

— Теперь ты, коза, прыгай!

Пятилась, пятилась коза, как прыгнет — и она вслед за волком.

Медведь и лиса попробовали перебраться, но тоже свалились. Свинка потихоньку-полегоньку перебралась через овраг и дошла до желудевого базара. Походила свинка по базару, поела, попила и ушла домой.

На дне оврага медведь нашёл улей, разломал его и хотел отведать мёду. Да не мог, потому что было много пчёл. Взял он улей и трижды окунул в воду.

Коза спрашивает медведя:

— Приятель медведь, что ты ел?

— Мёд.

— Нас накормишь?

— Накормлю.

Пошел медведь по оврагу и немного погодя нашел еще один улей.

— Вот и вам принёс мёду.

Медведь бросил улей. Только он бросил, вылетели из него пчёлы и давай всех жалить: и лису, и волка, и медведя, и козу. Те видят, что дело неладное,— все попрыгали в воду, но и в воде их не оставляли пчёлы, жалили им морды.

Обозлился медведь, окунул улей в воду, пчелы захлебнулись. После он разбил улей и всех накормил медом. Наелись они меду и начали небылицы рассказывать, а потом легли все отдыхать. Козочке не спалось. Она глянула на дно улья — там еще немного меду осталось. Медведь крепко спал. Козочка долго думала, как бы подшутить над медведем. Соскребла со дна мед и намазала медведю под хвостом. Пчелы, учуяв мед, прилетели и давай жалить медведя. Вскочил медведь и давай со сна драть своих спутников.

Всех побил и остался один в овраге.

ШАВАЧА

Шавачась сась степка и валгсь фкя марлюняти.

— Марлюня, марлюня, нолдамак, пизоня тиян.

— Кода тият пизоня? Тейне шачихть марьхть, шабанятне лефкскянятнень тарксесазь.

— Коза мле тиян?

— Нява исати тихть.

Валгсь шавачась иса пряс.

— Мес валготь, шавача, лангозон?

— Нолдамак, пизоня тиян.

— Монь прязон тят тиенде: срхкай вии варма, яфодьсыне тараднень, ёрдасы пизоцень ульця кучкав.

— Коза мле тиян?

— Архт тон монашкатнень вирьс.

Тоза изь угадя, а угадясь Карга велень вири. Валгсь пичети.

— Нолдамак, пиза тиян.

— Кода мондейне тият пиза: монь салмоксоне сялгихть. Тон архт Макулнянь вирняв, тоса поюфт улихть.

Лийкстась ся вири, валгсь поюс.

— Мес валготь лангозон?

— Нолдамак, пизоня тиян.

— Нолдамать нолдате, да монь лопане пяк либордихть, лефкскятне абондыхть.

— Мон стане и кельгса, сяда аф удан.

Каннесь пиза, алыясь колма алхт, лихтсь лефкскат. Кармась лефкскансон аннема. Угадявсь келаськясь поють алу, ва-

ны: поють пряса лиза, а тоса пешкодыхть шавачать лефксканза.

— Шавача, шавача, алу ёрдат лефкскя, али вяри куцян — сифте? А вачеда аф ащан.

— Тят куценде ина.

Шавачась ёрдазе фкя лефксканц. Ярхцась-ярхцась келазсь и лядыкстъ сявозе лефксонзонды. Каршезонза угадявсь врьгаз.

— Келазь ялгай, мезе кандат?

— Дурак шавачать лефксканц.

— Дай тейньге!

— Архт тонць вешть.

— Кода мярьгома?

— Мярьк: «Вяри куцян — сифте, или алу ёрдат лефкскя?»

Сияк келазсь шарьхкодсь — эльбядсь, тусь ардозь бокова, шавачати и корхтай:

— Случаем сай мушка пула и анай лефкскя, тон тят макссе, а мярьк: «Тон тяза аф куцеват! Мушка пула пулоце, лавжашка кяльце».

Врьгазсь мольсь шавачати и корхтай:

— Шавача, вяри куцян — сифте, или алу ёрдат лефкскя?

— Тон тяза аф куцеват! Мушка пула пулоце, лавжашка кяльце.

— Шавача, тонь кие тяфта тонафтонзе?

— Монць шарьхкодень.

— Аф, тонь келазсь тонафтонзе!

Врьгазсь васьфтезе келазть...

— Мес тон тонафтыть?

— Аш, мон изине тонафта.

— Аде, карань-каршек вяттядязь.

Келаськясь моли инголи, мадянц шукасы шавачати: «Тят эводе».

Врьгазсь корхтай:

— Тонь, шавача, келазсь тонафтонзе?

— Пежеть тоба, монць думандайне.

Врьгазсь кяжиясь и тусь. Эстоньбере врьгазсь аф ладяй келазть мархта.

Омбоце шиня келаськясь мольсь шавачати и мярьги:

— Дай тонафтомдот лефкскя.

— Тяни тейтьке аф ёрдан, тонга аф куцеват, тоньге мушка пула пулоце, лавжашка кяльце.

И келазсь кармась цятыема эсь прянц шуфтс: «Вага, тят тонафне, шава сяканя».

СОЙКА

Прилетела из степи сойка и села на яблоню.

— Яблоня, яблоня, пусти меня гнёздышко свить.

— Как же ты гнёздышко совьешь? На мне уродятся яблоки, ребятишки заберут твоих птенчиков.

— А где же мне свить?

— Иди на ветле свей.

Села сойка на иву.

— Зачем ты, сойка, села на меня?

— Пусти меня гнездо вить.

— На мне гнездо не делай: налетит сильный ветер, раздует мои ветки, снесёт твое гнездо на середину улицы.

— А где же мне сделать гнездо?

— Иди сделай в монастырском лесу.

Там тоже не нашла места, а нашла в лесу села Карга. Села на сосну.

— Разреши мне гнездо свить.

— Как ты совьёшь на мне гнездо: мои иглы колючи. Ты лети в Макуловский лес, там осины есть.

Полетела она в тот лес, села на осину.

— Зачем села на меня?

— Пусти меня, хочу гнездо вить.

— Пустить-то я пущу, да мои листья колышутся, трепыхаются, птенчики будут пугаться.

— Мне это нравится, лучше не засну.

Она свила гнездо, снесла три яичка, вывела трёх птенчиков. Стала птенцов кормить. Лиса оказалась под осиной, смотрит: на осине гнездо, а в нем пищат птенчики сойки.

— Сойка, а сойка, кинь мне птенчика, или же залезу и тебя съем. Не голодать же мне!

— Не лезь.

Спустила сойка одного птенчика. Поела лиса, а остаток понесла лисятам. Навстречу идёт волк.

— Лисанька, подруженька, что ты несешь?

— Птенца дуры-сойки.

— Дай и мне.

— Иди сам выпроси.

— А как сказать?

— Скажи: наверх залезу и съем тебя или сбрось птенчика вниз.

Сказала так лиса и поняла, что проговорилась, побежала она к сойке и говорит:

— В случае придёт сюда посконный хвост и будет просить птенца, ты не давай ему, а скажи: «Тебе ли сюда залезть? Посконный хвост, деревянный язык!»

Приходит под дерево волк и кричит:

— Сойка, сойка, на дерево залезу — съем тебя, если не сбросишь мне птенца.

— Тебе ли сюда залезть, посконный хвост, деревянный язык!

— Кто тебя, сойка, научил тому?

— Сама догадалась.

— Нет, не сама, лиса тебя научила!

Встретил волк лису:
— Ты зачем научила?
— Я её не учила.
— Пойдем, я вас сведу друг с дружкой.
Лисанька идёт впереди, передней лапой грозит: «Не сознавайся». Волк кричит:
— Сойка, учила тебя лиса?
— Верь мне, сама я догадалась.
Рассвирепел волк и ушел. И с той поры волк и лиса не ладят между собой.
На другой день лисанька идет к сойке и говорит:
— За ученье дай мне птенчика.
— Теперь и тебе не дам: тебе тоже не залезть сюда, и у тебя хвост посконный и язык твой деревянный.
Лиса давай биться головой об дерево: «Вот тебе, пустой горшок, не учи!»

КАЗАНЯ

Эрясь-ащесь бабаня, ульсь ся бабанять казаняц. Сась казанять верозаманяц, сей ёрдави, тов ёрдави, а бабась ашезе сода, да и уркстозе казанять.
Тусь казанясь вири, тись кудня, да и верозась пянакуд алу. Верозась казанясь и тусь лофцонкса, а лефкскятненди мярьгсь киньге аф нолдамс куду.
Якась-тись вирьса, ярхцась пиже тишеняда, ляцсть потянянза, сась куду.

Панчк, панчк, уськомкай,
Панчк, панчк, панжемкай!
Фкя потяса лофца кандан,
Омбоцеса вайня кандан,
Лоткт-латкт пяшкочнян,
Тише прянят ваняфнян.

Лиссть лефкскanза пянакуд алда, панжезь кенкшкять, чёф-чёф-чёф потясть.
Кулезе оцю пря офтсь, кода морай казанясь, и думандась саламс сонь лефксонзон. Учезе, мзярда казанясь тусь вири ярхцама, сась и кенкш фтала эчке вайгяльса морай:

Панчк, панчк, уськомкай,
Панчк, панчк, панжемкай!
Фкя потяса лофца кандан,
Омбоцеса вайня кандан,
Лоткт-латкт пяшкочнян,
Тише прянят ваняфнян.

Кулхцондыхть каза лефкскятне, аф тядяснон вайгяльсь: пяк ни эчке.
— Аф панчсаськ тейть, пяк вайгяльце эчке, а минь тядяньконь вайгяльняц шуваняня.
Тусь ведун бабати пеняндама:
— Бабай, бабай, тоса-тоса улихть каза лефкст, да коданга аф панчсазь кенкшснон: вайгялезе пяк ни эчке. Кода тиемс тейне?

Ведун бабась тейнза указовай:

— Архт, веляфтт эчке тума, плхтак сонь да и нилендить эрек цятконзон, вов и шувалгоды вайгяльце.

Тусь офтсь, веляфтсь эчке тума и плхтазе, а эрек цятконзон нилендезень.

А казанясь сась куду, андозень лефксонзон да и кизефни:

— Кивок изь сашенда?

— Сашендсь кати-кие. Минь ашеськ нолда: пяк ни вайгялец эчке,— азондсазь каза лефксне.

— Ся оцю пря офтсь, тясть нолне, сон тинь сифтядязь.

Мярысь тяфта казанясь, и сонць тага тусь вири.

Ащесь аф ламос офтсь, сась женкш фталу и кармась мора-ма шуваня вайгяльса:

Панчк, панчк, уськомкай,	Омбоцеса вайня кандан,
Панчк, панчк, панжемкай!	Лоткт-латкт пяшкочнян,
Фкя потяса лофца кандан,	Тише прянят ваняфнян.

Панжезь кенкшть каза лефксне, сувась офтсь, сувась да и сивозень синь сембонь, лядсь аньцек пянакуд алу фталняти хромойнясь.

Сась казанясь, моразе морнянц, аш кенкшень панжи — савсь эстейнза сюра пенясонза кода-аф кода панжемс.

Сувась куду, а кудса ашет лефксканза. Аньцек пянакуд ала пштидсь уженяти хромойнясь. Азондозе сон казаняти, кода сашендсь офтсь и сембонь сивозень и кода сон, хромойнясь, лядсь ськамонза. Авардсь, авардсь казанясь, аш мезе тиемс, андозе хромойнять и тусь ведун бабати кизефнема, мезе тяни тиемс.

Ведун бабась и корхтай:

— Срхкафтт од кудонь боза, тердить вирьста инжикс сембе зверьхнень, шуфт лотка и лоткти крьвястть оцю тол. Мзярда офтсь иреди, тинь лиседа кудста и сембе ётнеда слега кувалмос лоткть вельф да и прафтость офтть лоткти.

Тись казанясь од кудонь боза, шувсь лотка, крьвястсь эзонза тол и тердезень вирьста сембе зверьхнень.

Сембе састь, аньцек офтсь ашезь са.

Казанясь омбоцеда мольсь инксонза.

— Пяк прязе сяряди, кумай, пекозевок аф шумбра, аш эрьгязе.

А казанясь корхтай:

— А минь тонь крандаскаса усктядязь.

Кельгозе офтсь пировандаманц, озась крандаскяти и тусь.

Пировандасть, пировандасть, лисстъ ушу колендема.

Кармасть ни лоткть вельфке ётнема, сембе ётасть, офтсь аф ётави. Казанясь кундазе слегать:

— Мон кирдьса, кум, ётак.

Тусь офтсь слегать ланга, казанясь шерьфтезе слегать, прась офтсь лоткти, ювади:

— Таргамак, кумай, аф юкстаса парцень.

— Максыть лефкскянень — таргате,— мярьгсь казанясь. Офтсь уксондозень каза лефкснень, венептезень казаняти.

— Тяни, кумай, таргамак.

— Аф таргате, кум, няк салат.

Прважазень инжиензон и тусь лефксонзон мархта куду.

Тяка пец ваясь ведьс.

КОЗОЧКА

Жила-была старушка, а у старушки той была козочка. Пришла пора козочке окотиться. Сюда стук рожками, туда стук ножками, а старушка недогадливая, взяла да и обругала её.

Пошла козочка в лес, смастерила себе избушку да и принесла маленьких козляток под печкой. Принесла она козляток и пошла за молочком, а козлятам своим наказала никому дверь не открывать.

Погуляла-побродила по лесу, зеленой травки пощипала-пожевала, молочко по жилкам побежало, и козочка вернулась домой.

Дверь откройте, деточки,
Дверь откройте, маленькие!
Тепла молочка несу,
Сладка маслица несу.
В землю молочко бежит,
В травку льется маслице.

Выбежали из-под печки козляточки, открыли дверь, чоф-чоф-чоф молочка почмокали.

Услыхал большеголовый медведь, как поёт козочка, и решил украсть козляток. Ушла опять козочка в лес за молочком, пришел медведь и запел грубым голосом за дверью:

Дверь откройте, деточки,
Дверь откройте, маленькие!
Тепла молочка вам принёс,
Сладка маслица несу.
В землю молочко бежит,
В травку льется маслице.

Слушают козляточки: чужой, не материн голос, уж больно толстый, сердитый.

— Не откроем тебе, очень голос у тебя сердитый, а материн голосок тонюсенький.

Пошёл медведь к бабе-знахарке.

— Баба-знахарка, в лесной избушке козлятки живут, да никак дверь мне не открывают, голос у меня грубый. Что мне делать?

Баба-знахарка указывает ему:

— Иди свали большой дуб, выжги из него углей горячих, проглоти этих углей побольше, вот и голос у тебя будет как раз.

Пошел медведь, свалил большой дуб и сжег его, а угли с огнем проглотил.

А козочка пришла домой, покормила своих козляток, да и спрашивает:

— Никто не приходил к вам?

— Приходил кто-то, а мы ему дверь не открыли: у него голос здоровый,— рассказывают козляточки.

— Это был медведь большеголовый, не открывайте ему дверь, он вас съест.

Наказала козочка козляточкам дверь не открывать, а сама опять пошла в лес за молочком. А медведь подождал немного и пришел к избушке, стал у двери да и запел тонюсеньким голосочком:

Дверь откройте, деточки,
Дверь откройте, маленькие!
Тепла молочка несу,
Сладка маслица несу,
В землю молочко бежит,
В траву льется маслице.

Открыли дверь козляточки, вошел медведь в избушку, вошел да и съел всех козляток, только и остался один хромоногонький под печкой в уголочке.

Ушел медведь в берлогу.

Пришла козочка, спела песенку, а дверь открывать некому, пришлось ей самой рожком зацепить за рогожку да и открыть. Вошла в избушку, а там нет козляток. Только под печкой в уголочке сидит один хромоногонький. Он и рассказал матери, как приходил медведь и съел всех его братиков и сестричек и как он остался один в уголочке.

Поплакала козочка жгучими слезами: нечего делать, покормила одного хроменького, отправилась к бабе-знахарке спрашивать, как и что делать.

Баба-знахарка и говорит:

— Замеси новосельное пиво-брагу, созови в гости из лесу всех зверей, вырой большую яму, а в ней костер разведи. Когда медведь захмелеет, пригласи гостей через яму по жёрдочке ходить,— медведь и упадет в яму.

Замесила козочка новосельное пиво-брагу, вырыла яму, разожгла в яме костер и созвала из лесу всех зверей. Все звери пришли, а медведь не идет. Козочка другой раз пошла звать большеголового.

— Ох, кума, кума, очень уж голова у меня болит, да и животом страдаю, моченьки нет,— говорит медведь.

— А мы тебя на тележке повезем,— просит козочка.

Любил медведь на пиру пировать, сел в тележку барином и поехал.

Пировали, пировали, пригласила козочка гостей своих на травке поиграть. Стали они через яму по жердочке переходить. Все перешли, один медведь никак не может. Козочка ножками держит жердочку, говорит медведю:

— Я, кум, подержу, не упадёшь.

Пошел косолапый по жёрдочке, а козочка перевернула жердочку,— упал косолапый медведь в яму, кричит:

— Вытащи меня, кума, не позабуду я доброту твою.

— Отдай козляток моих — вытащу тебя,— отвечает козочка.

Медведь выбросил всех козляток наверх.

— Теперь, кума, вытащи меня из ямы.

— Не вытащу тебя, кум, из ямы, очень уж ты воруешь.

Проводила козочка гостей своих да и пошла к себе с козлятками в избушку.

Конец утонул в воде.

СИРЕ ВРЬГАЗСЬ И КОСТЯ АТЯ

Эрясь-ащесь Кяшал велеса фкя аля, сонь лемоц ульсь Костя. Вов весть сон недляшиста шобдава сявсь кавлалонза шава кяскав и тусь Арга вели. Моли ки кувалма и няи: каршезонза кевори кати-мезень серай поколь. Мольсь сяда малас и ваны: тя ульсь сире врьгаз. Мзярда арасть карань-каршек, врьгазсь и мярьги Костянди:

— Ков молят, цебярь аля? Тон няйсак, монь мельган ружейникт панихть, сизефтемазь, прафтомазь пильге лангста, тяни хоть прак и кулок, а сяда ичкози аф молеван — кундасамазь. Идек ваймозень, монцьке парцень аф юкстаса.

Алясь и корхтай тейнза:

— А кода мон тонь ванфтте?

Врьгазсь няфтсь алять кядьса шава кяскавть лангс и корхтай тага:

— Тонь кавлалот шава кяскав, дай мон озан тоза, путомак копорезт и сявомак кандозь.

Келептезе Костя шава кяскавть, и сире врьгазсь куйштядсь тоза, кода вашеня. Костя алясь ульсь сонцьке аф пяк кальдяв. серец ульсь кафтошка метра, а копорьсонза кота путтнень каннелезень хоть мезе. Яфодезе Костя копорезонза врьгазть мархта кяскавть и тусь эсь киганза. Моли и моли. Васедсть каршезонза охотникне и пшкядсть тейнза:

— Ашеть няе ли тон, аля, врьгаз? Минь сонь пштай ни сатнеськ, и вов тя вастть эса пряма сельминголенк юмась, кода мастортъ пачк тусь.

Варжакстсь Костя охотникнень лангс и мярьгсь:

— Улема, врьгазсь аф ичкози тусь, сон монь вакскан ётась саворне, пяк знать, сизесь ни. Монь тожа, проклятсь, пяк эвфтемань.

Охотникне эрьхтезь алашаснон и тусть ардозь сяда тов. Костянь тожа копорец начксь. Кандозе врьгазть вирть крайс, валхтозе копорьстонза кяскавть и корхтай:

— Ну, тяни охотникне ётасть, листь кяскавть эзда, давай ваймятама аф ламос.

Лиссь кяскавть эзда врьгазсь, озасть, ваймясть, корхнесть кой-мезень колга, стясть и тусть тага сяда тов.

Врьгазсь молембачк и корхтай Костянди:

— Мон, аля, омбоце шись ни вачедан, молемс аш эрьгязевок, дай сифте.

Пяк эводсь Костя и корхтай:

— Да мезенкса, серай, тон ёрат монь сивомс? Знать, сянкса, мес ваныхтень охотникнень эзда? Мзярда пеце сафоль — эняльдеть и корхтать, што тейне пара тият, тяфтамот, знать, врьгаснень паросна?!

Врьгазсь корхтай Костянди:

— Тямак визделгофне, аля, сякокс сифте.

— Ну, стане, так стане,— корхтай Костя.— Давай тяфта ладясаськ: мольхтяма кить кувалмос, васьфтьсаськ кинь-кинь, кизефтьсаськ, эряван ли мон сивомс или аф. Кда мярьгихть, што эряван, то сивсамак.

Согласиндась врьгазсь, и тусть инголи. Мольсть, мольсть — васьфтсть сире атя. Шумбракшнесть атять мархта и корхтайхть тейнза:

— Ну, атяй, тон светть лангса эрят ни кувать, лама няетькулеть — судендак минь тевоньконь.— И ушедсь Костя азондома атяти, кода ванфтозе охотникнень эзда сире врьгазть и кода сон тянь инкса ёрась тиемс тейнза пара, а тяни, мзярда ванфтовсь сонь ваймоц, пара тиемань вастс сон ёрасы сивомс. Кулхцондозе атясь Костянь и корхтай:

— Кда ванфтыть, аля, врьгазть, то тинь араде маластоннекс, мольхтяда аф ичкозн, ванцасть тинць, кодама тинь ялгатада,— и атясь тусь эсь киганза.

Мольсть аф ламос Костя врьгазть мархта, врьгазсь и корхтай:

— Лоткак, аля, тяни давай сифте!

Костя тага корхтай врьгазти:

— Норак, сире врьгаз, дай васьфттяма тага кинь-кинь, кизефтьсаськ, лац ли ёрат тиемс тон.

Тусть. Мольсть, мольсть, ваныхть: сай каршезост сокор пине. Шумбракшнесть пинеть мархта, и кармась Костя корхтама пинеть:

— Азк, сире пине, видеть: мон ванфтыне охотниконь эзда сире врьгазть, сон надияфнесь сянь инкса мондейне тиемс пара, но мзярда ётасть охотникне, тяни сон ёрасамань сивомс. Кода тон арьсесак тевть?

Пинесь кулхцондозе Костянь и корхтай:

— Лац, аля, арьсезе тевть врьгазсь, тон эряват сивомс. Вов тя ули тейть сонь тиф пароц.

Сон комотсь Костянь лангс и сускозе кафта вастста, а пинесь тусь инголи. Ваны Костя, тевсь кальдяв, и кармась врьгазть эзда аралама пря, а сонць корхтай тейнза:

— Аде, сире врьгаз, нинге мольхтяма аф ичкозн, васьфттяма колмоцеть, кда мярьгн сяцка, што мон эряван сивомс, то эста мадан, и сивомак.

Согласиндась врьгазсь, и тусть тага. Мольсть-мольсть, васедсь каршезост келазсь. Шаштсь малазонза Костя, азондозе сембе тевть ряц-лац. Кулхцондозе Костянь келазсь и корхтай:

— Кода стане можна кяскавса ванфтомс врьгазть? Монтейть, аля, аф верондан, да, пожалуй, тя сире врьгазсь кяскавтиге аф тяльги. Дай-ка няфтьк, кодама кяскавце.

Костя келептезе кяскавть, кяскавсь ульсь оцю. Эста келазсь мярьгсь врьгазти:

— Дай-ка комотте кяскавти, ванцаськ, тяльгат или, может, кафцьке тинь васькафнесамасть.

Сире врьгазсь куйштядсь кяскавти, кода вашеня. Эста келазсь и корхтай Костянди:

— А мезьса сотнефоль кяскавсь?— Костя таргась зепстонза ленгянь пикскя и няфтезе келазти.

— А ну-ка, няфтьк, кода сотнить,— кизефтезе Костянь келазсь. Костя сотозе ленгянь пикскаса кяскавть кемоста. Эста келазсь няфтсь пильгонц мархта оцю пичеть лангс и мярьгсь Костянди:

— Ну, тяни эрьхтьк кяскавть колмокстъ пецек тя пичети.

Костя фатязе кяскавть кяжень пачк и мезе ули вийц эрьхтезе колмокстъ пичети. Сяльде келазсь корхтай Костянди:

— Ну, тяни юкссек кяскавть и нолдак сире врьгазть, варжасаськ, сифтянза тяни или аф.

Юксозе Костя кяскавть, варжазе, а тоса аньцек врьгазть пакаренза. Варжакстсь кяскавти келазськe и корхтай Костянди:

— Мяляфтк, аля, цебярь ломанць врьгазть мзярдонга аф аралакшнесы.

СТАРЫЙ ВОЛК И МУЖИК КОНСТАНТИН

Жил-был в селе Кишалы один мужик, звали этого мужика Константином. Вот однажды в воскресенье утром взял он под мышку пустой мешок и пошёл в село Аргу. Идёт по дороге и видит: что-то серое навстречу ему катится. Подошел поближе и видит: это старый волк. Когда они поравнялись, волк и говорит Константину:

— Куда путь держишь, добрый человек? За мной гонятся охотники. Я бежать не могу. Выручи, мужик, отплачу тебе добром.

Мужик ему отвечает:

— А как же я тебя выручу?

— Посади меня в пустой мешок и унеси.

Подставил Константин пустой мешок, и волк прыгнул туда. Константин мужик был здоровый, ростом больше двух метров, и шестипудовый мешок таскал на спине легко. Перекинул он на спину мешок с волком и пошел своей дорогой. Идет и идет. Повстречались ему охотники.

— Мужик, не видал ли ты волка? Мы его догоняли, а на этом самом месте прямо на глазах пропал, как сквозь землю провалился.

Посмотрел Константин на охотников и сказал:

— Надо полагать, волк недалеко. Чуть тащится, видимо, сильно устал. Меня, проклятый, тоже напугал.

Охотники ударили плетьми своих лошадей и помчались дальше. Константин вспотел. Донёс волка до опушки леса, снял с плеч мешок и говорит:

— Ну, волк, охотники прошли, вылезай — отдохнём немного.

Вылез волк, сели отдохнуть, поговорили кое о чем, а потом встали и пошли дальше. Шли, шли они, волк и говорит Константину:

— Мужик, я уже два дня голодный, идти дальше не могу, дай я тебя съем.

Испугался Константин и говорит:

— А за какие провинности ты, серый, хочешь меня съесть? Может за то, что я тебя спас от охотников? Когда настигали тебя охотники, ты обещал отблагодарить, знать, у волков такая благодарность.

— Не стыди меня, мужик, все равно съем!

— Ну, будь по-твоему,— отвечает ему Константин,— только давай договоримся так: пойдем по дороге, встретим кого-нибудь и спросим: съесть меня или нет. Если скажут, нужно съесть, тогда съешь.

Согласился волк, и пошли дальше. Шли, шли, встретили старика. Поздоровались со стариком и говорят ему:

— Ну, дед, ты на свете живешь много, многое видел, много слышал — рассуди наше дело.— И Константин рассказал, как спас от охотников волка, как волк обещал за это отблагодарить его и как теперь хочет его съесть. Выслушал старик Константина и говорит ему:

— Если ты, мужик, спас волка от смерти, то вы стали товарищами, пойдете дальше, увидите, какие вы товарищи.— Сказал так старик и ушел своей дорогой.

Отошли от старика Константин и волк, волк и говорит:

— Остановись, мужик, дай я тебя съем!

Константин опять говорит волку:

— Погоди малость, старый волк, дай еще встретим кого-нибудь да спросим, хорошо ли ты со мной поступаешь.

Пошли дальше. Шли они, шли, смотрят: навстречу старая слепая собака. Поздоровались с собакой, Константин и говорит:

— Скажи ты, старая собака, правду: я спас от охотников старого волка, за это волк обещал меня отблагодарить, а когда опасность миновала, он хочет меня съесть. Как ты на это дело смотришь?

Выслушала собака Константина и говорит:

— Старый волк очень хорошо решил — тебя нужно съесть. Это и будет его благодарностью.

Собака ушла. Волк кинулся на Константина и два раза укусил его. Смотрит Константин — дела плохие, стал он обороняться, а сам говорит:

— Пойдем, старый волк, еще дальше, встретим третьего, если скажет тот, что меня нужно съесть, тогда я сам лягу и ты съешь меня.— Согласился волк, и пошли дальше. Шли, шли, повстречалась им лиса. Подошел к ней Константин, поздоровался и рассказал все по порядку. Выслушала лиса Константина и говорит ему:

— Как же так можно в мешке унести волка? Я тебе, мужик, не верю. Да и разве волк поместится в мешке? Ну-ка покажи, как это было.

Константин подставил мешок, а лиса говорит волку:

— Полезай в мешок, посмотрим: влезешь ты в него или нет. Может, вы оба врете.

Старый волк прыгнул, как жеребенок, в мешок. Тогда лиса и говорит Константину:

— А чем был завязан мешок?

Константин достал из кармана веревку и показал лисе.

— А ну-ка покажи, как ты завязывал мешок,— говорит лиса.

Константин завязал туго-натуго веревкой мешок. Тогда лиса указала лапкой на большую сосну и говорит Константину:

— Ну, а теперь ударь этим мешком об сосну три раза.

Константин схватил мешок и со злости ударил его что есть силы о сосну три раза. Потом лиса говорит Константину:

— Ну, теперь развяжи мешок и выпусти старого волка, посмотрим, съест он тебя или нет.

Развязал Константин мешок, посмотрел в него, а там остались от волка только кости. Заглянула в мешок лиса и говорит:

— Помни, мужик, умный человек волков не спасает.

ГУРЬ СЕЙ, НУРДОНЯЗЕ

Эрясть-ащесть ляй омбокса атят-бабат, а синь ульсь ёмланя цёранясна. Стясь шобдава цёранясь и корхтай алянцты:

— Аляй, тихть нурдонят! Аляй, тихть нурдонят!

Тись аляц нурдонят, а цёранясь корхтай тядянцты:

— Тядяй, патть цюкорня! Тядяй, патть цюкорня!

Панць тядяц цюкорня, щафтозень цёранясь гальцянзон да и тусь курыконема.

Озась нурдонянязонза и морай:

Гурь сей, нурдонязе!
Гурь тов, поласкязе!
Медь ламбама цюкорнязе!
Гай, тула мандонязе!

Лиссь каршезонза шумбраскясь[1] и корхтай:

— Вай, цёраня, кодама мазы мороняце. Морак тейньге.

[1] Нумолнясь.

А цёранясь корхтай:

— Озак элезон, мораса тейть моронязень.

Озась шумбаскясь цёранять эльс, а цёранясь мярьги:

— Тяни конить сельмонятнень.

Шумбаскясь конезень сельмонзон, а цёранясь морай:

Гурь сей, нурдонязе!
Гурь тов, поласкязе!
Медь ламбама цюкорнязе!
Гай, тула мандонязе!
Гай!
Гай!
Гай!

Гайнефтезе коня ланга шумбаскять, путозе нурдоняв, сонць тага морай. Лиссь каршезонза келаськясь.

— Цёраня, цёраня! Пяк ни мазы мороняце, морак тейньге.

— Мораса тейтьке, озак элезон да конить сельмонятнень.

Озась келаськясь элезонза, конезень сельмонязон, тусть курькстома.

Цёранясь морай:

Гурь сей, нурдонязе!
Гурь тов, поласкязе!
Медь ламбама цюкорнязе!
Гай, тула мандонязе!
Гай!
Гай!
Гай!

Гайфтезе коня ланга келаськять мандоняса, путозе нурдоняв, а сонць тага морай.

Тяни лиссь каршезонза кяжи пона врыгаскясь.

— Вай, вай, цёраня, кодама мазы мороняце, морак тейньге.

— Мораса тейтьке, озак элезон да конить сельмотнень.

Озась кяжи пона врыгазь цёранять эльс, конезень пиндолды сельмонзон, тусть курькстома. Цёранясь морай:

Гурь сей, нурдонязе!
Гурь тов, поласкязе!
Медь ламбама цюкорнязе!
Гай, тула мандонязе!
Гай!
Гай!
Гай!

Гайфтезе коня ланга кяжи пона врыгазть мандоняса, путозе нурдоняв. А сонць тага морай.

Тяни каршезонза лиссь оцю пря офтсь.

— Ох, цёраня, кодама мазы мороце, морак тейньге.

— Мораса тейтьке, озак элезон да конить полкш сельмотнень.

Озась офтсь элезонза, конезень полкш сельмонзон, тусть курыкстома.

Цёранясь морай:

Гурь сей, нурдонязе!
Гурь тов, поласкязе!
Медь ламбама цюкорязе!
Гай, тула мандонязе!
Гай!
Гай!
Гай!

Гайфтезе коня ланга оцю пря офтть, путозе нурдоняв и тусь куду. Аляц стафтсь тулуп, врыгазонь ор, келазень вазь да воротник, а нинге шумбазонь гальцят.

Ефксть пец ваясь ведьс.

БОЙКИЕ САНОЧКИ

За оврагом на пригорке жили-были старик да старуха, а у них был удаленький мальчик. Встал утром удаленький и говорит отцу:

— Тятя, сделай мне саночки! Тятя, сделай мне саночки!

Сделал отец ему саночки, а он и говорит матери:

— Испеки мне, мама, лепёшку-колобок, испеки мне, мама, просяной колобок!

Испекла ему мама просяной колобок, а он надел свои овчинные галички, взял бойкие саночки да под мышку просяной колобок и поехал кататься с крутой горы. Сел на бойкие саночки, поехал и песню такую запел:

Санки мои бойкие!
Санки мои быстрые!
Колобок медовенький!
Палочка бедовенька!

Выскочил ему навстречу заинька и говорит:

— Ой, маленький-удаленький, какая у тебя песенка красивая. Спой мне её еще.

А мальчик отвечает ему:

— Садись ко мне на колени, спою тебе свою песенку.

Сел заинька мальчику на колени, а тот ему и говорит:

— Теперь закрой свои глазки.

Закрыл заинька свои глазки, а мальчик стал напевать песенку:

Санки мои бойкие!
Санки мои быстрые!
Колобок медовенький!
Палочка бедовенька!
Гай!
Гай!
Гай!

Ударил он три раза по голове зайньку, положил в саночки, сам опять напевает свою песенку.

Выскочила ему навстречу лиса.

— Маленький-удаленький! Больно уж красивая у тебя песенка, спой мне её еще.

— Спою я тебе песенку, садись ты ко мне на колени да закрой глазки.

Села лиса ему на колени, закрыла глазки, поехали с горы. Мальчик песенку поет:

Санки мои бойкие!
Санки мои быстрые!
Колобок медовенький!
Палочка бедовенька!
Гай!
Гай!
Гай!

Ударил её три раза по голове, положил в саночки, сам опять напевает свою песенку.

Выскочил ему навстречу сердитый волк.

— Ой, ой, маленький-удаленький, больно уж красивая у тебя песенка, спой мне её еще.

— И тебе спою, садись ко мне на колени да закрой глаза.

Сел сердитошерстый волк мальчику на колени, закрыл глаза, поехали с горы. Мальчик песенку поет:

Санки мои бойкие!
Санки мои быстрые!
Колобок медовенький!
Палочка бедовенька!
Гай!
Гай!
Гай!

Ударил три раза по голове взъерошенного волка, положил в саночки и опять песенку напевает.

Выскочил ему навстречу головастый медведь.

— Ой, маленький-удаленький, хорошая у тебя песня, спой мне её еще.

— И тебе спою свою песенку, садись мне на колени да закрой свои большие глаза.

Сел медведь мальчику на колени, закрыл глаза, поехали с горы. Мальчик песенку поет:

Санки мои бойкие!
Санки мои быстрые!
Колобок медовенький!
Палочка бедовенька!
Гай!
Гай!
Гай!

Ударил три раза медведя по голове, положил себе в саночки да и поехал домой. Отец сшил ему медвежий тулуп, волчью шубу, лисью шапку и воротник да еще заячьи рукавицы.

Конец сказки утонул в воде.

ЁФКСКЯ

Эрясть-ащесть атя и баба. Синь ульсь стирнясна, цёранясна, тракскасна, мацинясна и утканясна. Эрясть лац. Стирнясь ведь канни, цёранясь атять мархта вирьста пенгат ускси, бабась сембе понат кштирди да кодай несокт, варягат, а илять озайхть марняс и морайхть: всякай морот морасть, а фкя морось ульсь цебярь, стама протяжнай, мзярда морайхть, прям-таки седице сяряди:

А кинь тяни оцю горяняц?
А кинь лядсь апак сокак
Равжа моданяц.
А кинь тяни оцю горяняц?
А кинь лядсь апак нук
Ума сёроняц.
А кинь тяни оцю горяняц?
А кинь аяш ни
Аляц-тряйняц.

Синь фкакс тя мороть морсезь.

А вирьса эрясь офта — оцю, страшнай, сельмонза толкс палыхть, пейнза кувакат, оржат, кода пеельхть. Сембе вирть эзга якай и веши, мезьда ярхцама. Якай и офтокс морай:

Бо, врьгаз, бо, шумбаз,
Вирьге-шяйге якан.

Бо, врьгаз, бо, шумбаз,
Шяймарьняда ярхцан.

И кие аф кульсы сонь мораманц, сембе кяшендихть.

И вов весть бабась и атясь удыхть, синь пря песост стирнясна, пильге песост цёранясна, утом ала утканясна, утомса мацинясна, кудонголе тракскасна. Удыхть лац, цебярь он няихть. Веть атясь сргозсь и кули, кие-бди якай, ваны вальмяти — офта калдазса якай. Якась и ушедсь пандста курьконема. Курькони и морай:

Гурь сей, саласкяй,
Гурь тов, поласкяй,
Медь ламбама сускомня,
Атят-бабат сирет кудса,
Пря песост стирнясна,
Пильге песост цёранясна,
Утом ала утканясна,
Утомса мацинясна,
Кудонголе тракскасна.

— Атяй-бабай, максость тейне утканянтень: ярхцамазе сась.

Атясь и бабась эводсть и максозь утканяснон. Офтсь фатязень синь, сивозень и тусь вири ваймама.

Шобдава сембе стясть, идьморхне лиссть калдазу, а утканясна аш, ушедсть авардема. Сембе авардихть; лоткасть, и тага кажнайсь ушедсь эсь тевонзон тиема.

Омбоце веня офтсь тага сась. Курьксни и морай:

Гурь сей, саласкяй,
Гурь тов, поласкяй,
Медь лямбама сускомня,
Атят-бабат сирет кудса,
Пря песост стирнясна,
Пильге песост цёранясна,
Утомса мацинясна,
Кудонголе тракскасна.

— Атяй-бабай, максость тейне мацихнень.

Атясь сргозсь, кеподезе бабать и корхтай: «Мезе карматама тиема?»

А бабась отвечась:

— Максыть, может, сон вишконяста туй и аф сай.

Атясь максозень мацихнень. Офтсь фатязень синь и ласькозь тусь вири, а тоса синь сивозень. И кажнай веня ушедсь офтсь якама пялост. Колмоце веть эзда сась и тага морай:

Гурь сей, саласкяй,
Гурь тов, поласкяй,
Медь лямбама сускомня,
Атят-бабат сирет кудса,
Пря песост стирнясна,
Пильге песост цёранясна,
Кудонголе тракскасна.

— Атяй-бабай, максость тейне тракскять.

Атясь и бабась эводсть и максозь тракскять. Офтсь тракскять фатязе, вири кандозе, сивозе. Веть тага сась и тага курьксни и морай:

Гурь сей, саласкяй,
Гурь тов, поласкяй,
Медь лямбама сускомня,
Атят-бабат сирет кудса,
Пря песост стирнясна,
Пильге песост цёранясна.

— Атяй-бабай, максость тейне стирнянтень.

Бабась аварди, атясь аварди, цёранясь аварди. Мезе тиема, пелихть офтть эзда. Максозь стирнять, офтсь сонь фатязе, стирнясь аварди, а сон вирти кандозе и сивозе.

Омба веня офтсь тага сась. Курьксни и морай:

Гурь сей, саласкяй,
Гурь тов, поласкяй,
Медь лямбама сускомня,
Атят-бабат сирет кудса,
Пильге песост цёрасна.

Сргозсть сембе, эводсть. А офтсь тага корхтай:

— Максость тейне цёранянтень, а кда аф макссасть цёранять, то сембонь сифтядязь.

Аш месть тиемс, максозь цёранять. Офтсь фатязе цёранять, кандозе вирти и сивозе. И тага сась сон, курьксни и морай:

Гурь сей, саласкяй,
Гурь тов, поласкяй,
Медь лямбама сускомня,
Атят-бабат сирет кудса.

Морась, морась, а атять мархта бабась эводсть и авардихть. Офтсь учсь, учсь — пильгонц эса кодак кенкшть тозордасы, и

кенкшсь синдевсь. Офтсь сувась кудти, фатязень атять мархта бабать и тусь вири. Вири кандозень и сивозень. Сивозень и почкодсь.

Почкодсь, а эздонза лиссть цёранясь, стирнясь, атясь, бабась, сембе и авардихть, и рахайхть. Сась куду и тага кармасть эряма лац, а офтть кеденц сявозь и плхтазь.

Мон тоса улень, винада симонь, усанень эзга шудесь, а кургти ашезь пова.

СКАЗОЧКА

Жили-были старик со старухой. У них были девочка, мальчик, коровка, гуси и утки. Хорошо жили. Девочка воды приносит, мальчик вместе с отцом из лесу дрова возит, старуха шерсть прядет, носки да варежки вяжет для всех. А вечером соберутся все вместе и давай песни петь. Разные песни поют. А одна, протяжная, настолько была чувствительна, что даже сердце защемит от её слушания:

У кого теперь большое горе?
У того, у кого осталась не вспахана
Черная землица.
У кого теперь большое горе?
У того, чей остался
Несжатый загон.
У кого теперь большое горе?
У того, у кого нет отца,
У кого нет родимого.

Они часто пели эту песню.

А в лесу жил большой медведь, зубы острые, как ножи, глаза огнем горят. По всему лесу рыскает, еду себе ищет. Ходит и поет:

Бо волк, бо заяц,
Лесом, топью я хожу.
Бо волк, бо заяц,
Болотной ягодой кормлюсь.

И все, кто слышит эту песню, прячутся.

И вот однажды спят старик со старухой, у их изголовья спит дочка, у ног — мальчик, под печкой — утки, за печкой — гуси, а в сенях — их корова. Крепко спят, сны видят.

Проснулся старик, слышит: кто-то ходит, посмотрел в окошечко — медведь по двору ходит. Ходил, ходил, стал с горки (кучи) кататься.

Катается, а сам песню поет:

Туда-сюда, саночки,
Туда-сюда, полозочки!
Вкусна моя еда!
Старик со старухой дома,
У изголовья их дочка,
У ног у них их мальчик,
Под печкой их утки,
За печкой их гуси,
В сенях их корова.

— Старик со старухой, отпустите мне уток. Я есть захотел.

Всполошились, встревожились они, испугались и отдали уточек. Схватил их медведь, проглотил и пошел в лес, отсыпаться.

Утром все встали. Дети вышли во двор, а уток нет, и заплакали. Стали все плакать. Поплакали, поплакали, и пошел каждый делать свою работу.

Во вторую ночь медведь снова пришел. Катается и поет:

Туда-сюда, саночки мои,
Туда-сюда, полозочки.
Вкусна моя еда!
Старик со старухой дома,
У изголовья их дочка,
У ног у них спит мальчик,
За печкой их гуси,
В сенях корова.

— Старик со старухой, отдайте мне гусей!

Старик разбудил старуху, спрашивает, отдать ли гусей. А старуха отвечает:

— Отдай, может быть, скорей уйдет и больше не придет.

Отдал старик гусей. Схватил медведь гусей и поплелся с ними в лес, и там съел их.

Повадился медведь приходить. Пришел он третий раз и опять поет:

Туда-сюда, саночки мои,
Туда-сюда, полозочки мои,
Вкусная моя еда!
В доме старик со старухой,
У изголовья их дочь спит,
У ног их паренек,
В сенях их корова.

— Старик со старухой, отдайте мне корову!

Испугались старик со старухой, отдали и корову. А медведь схватил корову и поволок её в лес. Съел он там корову, а в следующую ночь снова пришел, кататься стал и петь песню:

Туда-сюда, саночки мои,
Туда-сюда, полозочки.
Вкусная моя еда!
В доме старик со старухой,
У изголовья спит их дочь,
У ног их мальчик.

— Старик со старухой, отдайте мне вашу дочь!

Заплакали старик и старуха. Что делать? Боятся медведя. Отдали дочь. Тот потащил и ее в лес, а там проглотил.

На следующую ночь снова приходит медведь, катается во дворе и поет свою песню:

Туда-сюда, салазочки мои,
Туда-сюда, полозочки мои.
Вкусная моя еда!
В доме старик со старухой,
У ног — их парнишка.

— Старик со старухой, отдайте сынка!

Всполошились старик со старухой, плачут: жаль сына. А медведь кричит:

— Или отдайте вашего сына, или войду и всех вас съем!

Нечего делать. Отдали парнишку. Медведь схватил его, унес в лес и там проглотил. Вечером снова приходит во двор, катается и поет:

Туда-сюда, салазочки мои,
Туда-сюда, полозочки мои,
Вкусная моя еда!
В доме старик со старухой.

Он поет, поет, а старик со старухой испугались и плачут.

Медведь ждал, ждал, навалился на дверь избы, с треском сломал её, схватил старика со старухой — и в лес с ними. Там он и их проглотил. Как только проглотил их, лопнул его живот, вышли оттуда девочка, мальчик, старик и старуха. Обрадовались они, плачут и смеются.

Пошли они домой и шкуру медведя взяли. Снова они стали жить хорошо, а медвежью шкуру сожгли.

И я там был, вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

КОДА ПИНЕСЬ ЭСТЕЙНЗА ЯЛГА МУСЬ

Кати-мзярда кунара пинесь эрясь вирьса ськамонза. И арась ськамонза скучна. Тусь вирьге ялга вешендема.

Мольсь, мольсь — каршезонза арды нумолня.

Пинесь тейнза корхтай:

— Нумолня, нумолня, аре марса эрятама.

— Мес мле,— корхтай нумолнясь,— аре.

Мусть вирьса эстейст васта и, кодак шоподсь, мадсть. Нумолсь матодовсь, а пинеть аф сай удомац, ушедсь увама. Нумолнять эстокиге явась удомац. Комотсь и корхтай пинети:

— Мес тон уват? Марятанза врьгаз, сай и кафцьконь сивсамазь.

Лоткась увамда пинесь, арьси: «Кальдяв ялгась повсь. Вов врьгазсь, сон уж, наверна, кидовок аф пели».

И тусь пинесь нумолть эзда, тусь врьгазонь вешема.

Мольсь, мольсь вирьге, вдруг каршезонза врьгаз арды. Корхтай тейнза пинесь:

— Кулхцонтт, врьгаз, аре марса карматама эряма.

Врьгазсь мярьгсь:

— Мес мле, кафонек сяда весяла.

Шоподсь, срхкасть удома. Врьгазське мадсь, пинеське мадсь.

А самай пялевеста сргозсь пинесь и увазевсь. Эводсь врьгазсь, ваймоц кочкярязонза тусь, ушедсь пинеть сюцема:

— Мезе тон уват? Вов сай офта и сивсамазь кафцьконь.

«Ну,— арьси пинесь,— врьгазське аф вии, раз офтта пели. Улема, офтсь богатырь, сембода вии».

Кадозе пинесь врьгазть и тусь офтонь вешема. Тага моли вирьге. Мольсь, мольсь, и каршезонза васедсь офта. Мольсь пинесь малазонза и корхтай:

— Эй, офта-богатырь, аре марса эрятама.

Согласиндась офтсь. Шить ётафтозь. Сась весь. Офтсь нувазевсь. А пинесь пялеве пингста кармась увама.

Сргозсь офтсь, эводсь, ваймоц кочкярязонза тусь. Ушедсь пинеть сюцема.

— Лоткак,— корхтай,— мезе уват? Марятанза ломань, сай и шавсамазь кафцьконь.

«Ну,— арьси пинесь,— тявок пели. Сави ломань вешемс».

И ворьгодсь пинесь офтть эзда.

Арнесь, арнесь, сембе вирть арнезе, а ломань аш. Лиссь сон вирть трвас и озась ваймама. А ломанць самай тя пингть мольсь вири пенгас. Тяса и васьфтезе пинесь сонь. Ардсь тейнза и корхтай:

— Ломань, а ломань, аре марса эрятама.

Ломанць мярьгсь:

— Мес мле, аде мархтон!

И сявозе пинеть кудозонза.

Вов шоподсь, ломанць мадсь. Пялевеста пинесь ушедсь увама. Сргозсь ломанць и ювадсь:

— Эй, пиненязе, кда вачедат — ярхцак, а тейне удомс тят шоря.

Пинесь шарьхкодсь, ярхцась и мадсь. Тя пингста сявомок ломантъ мархта и лядсь. Тячемс эряй.

Тяса ёфксть пецка.

КАК СОБАКА ДРУГА СЕБЕ НАШЛА

Давно, неизвестно когда, в лесу жила собака. Одна. И стало ей скучно. Пошла она по лесу друга себе искать. Бредет она, а навстречу зайка бежит. Собака предлагает ему:

— Зайка, зайка, давай вместе будем жить.

— Что ж,— отвечает зайчишка,— пойдем вместе.

Нашли они себе местечко в лесной чаще и, как стемнело, легли спать. Заяц заснул, а собаке не спится, и залаяла от скуки. У зайца как рукой сняло весь сон. Вскочил он и говорит собаке:

— Да ты что лаешь? Вот услышит волк, придет сюда и съест нас обоих.

Перестала собака лаять и задумалась: «Неважный друг, оказывается. Вот если волк, этот уж, видно, никого не боится». И, оставив зайца, пошла она волка искать.

Идет она по лесу, видит: навстречу бежит волк. Остановила его собака и заговорила:

— Послушай-ка, волк, давай мы с тобой вместе будем жить.

— Что ж, давай: вдвоем веселей будет,— отвечает волк.

Стемнело. Пошли они спать. Волк лег, и собака легла. В самую полночь проснулась собака и тявкнула. Испугался волк, даже душа в пятки ушла, и принялся ругать собаку:

— Зачем ты лаешь? Вот придёт медведь и растерзает нас с тобой.

«Ну,— думает собака,— волк, видать, вовсе и не сильный, если медведя боится. Медведь-богатырь, вероятно, сильнее всех будет».

Оставила собака волка и пошла медведя искать. Бежит она по лесу — встречает медведя. Побежала к нему собака и заговорила:

— Эй, медведь-богатырь, давай с тобой будем вместе жить.

Согласился медведь. Пришла ночь. Медведь задремал. Поскучала, поскучала собака и залаяла. Вскочил перепуганный медведь и ну ругать собаку:

— Перестань,— кричит он,— зачем лаешь? Услышит нас человек, придет сюда и убьет нас с тобой.

«Ну,— думает собака,— и этот трусливый. Придется человека искать». И сбежала она от медведя.

Бегала, бегала по лесу, весь лес избегала, а человека нет. Выбежала она на лесную опушку и села отдохнуть. А человек в это время шел в лес за дровами. Собака дождалась человека, подбежала к нему и говорит:

— Человек, а человек, давай с тобой вместе будем жить.

— Ну, что ж,— отвечает человек,— давай. Идем со мной!

И взял он собаку к себе в дом.

Вот стемнело. Человек лег. А собака не спит и в полночь начала лаять. Проснулся человек и крикнул:

— Эй, собака, что с тобой? Если проголодалась — поешь, а мне не мешай спать.

Все поняла собака. Поела и легла спать. С того времени она осталась у человека и теперь живет с ним.

Тут и сказке конец.

Волшебно-фантастические сказки



ОЦЯЗОРОНЬ ЦЕРА-БОГАТЫРЬ

Эрясь-ащесь оцязор. Шачсь сонь цёрац. Сон касы аф шиса, а частса. Кармась лисендема ялганзон мархта ульцяв. Налхкомста конань пильгонц синди, конань кяденц сязи, конань прянц шулги. Тейнза-арам, шутка, а шабатненди тошна. Тонатнень алясна-тядясна мольсть пеняцяма:

— Тон, кле, оцязорат, а шабацень нолдайть воляс: сон и калечендай минь иденьконь эса.

Сась шабась ульцяста.

— Мес тонь лангозт, цёрай, жалбайхть? Конань пильгонц сязят, конань кяденц, конань прянц шулгат.

— Ну, кли, аляй, изень ту мялезт, тифтть кшнинь байдек кузнецть кядьста, и туян коза няихть сельмоне,— корхтай алянцты цёрац.

Аляц тифтсь кшнинь байдек. Байдекть эса кота путтоль. Ердазе байдекть оцязоронь цёрась вяри, ладязе суронц, суронц туркс байдексь синдевсь.

— Тя мондейне аф байдек. Заказак лия,— мярьгсь сон оцязорти.

Аляц заказась байдек кафкса пудонь сталмоса. Цёрась ёрдазе байдекть вяри, ладязе туркс суронц, прась байдексь и суронц туркс синдевсь.

— Тя тейне, аляй, аф байдек. Заказак кемгафтува пудонь сталмоса байдек.

Аляц заказась. Ердазе оцязоронь цёрась вяри байдекть, ладязе суронц, суронц туркс прась байдексь и мяндевсь.

— Тянь мархта можна молемс. Архт, аляй, видепфтьк.

Аляц видепфтезе байдекть. Оцязоронь цёрась сявозе ся байдекть и тусь кудста коза няихть сельмонза.

Мольсь недяля, мольсь кафта, и повсь сон оцю кис. Моли оцю киге, ваны: кить трваса уды богатырь. Лоткась уды богатырть вакос, ёразе стяфтомс, но тона пяк вишкста уды.

Сявсь и мадсь ваксозонза и матодовсь. Сргозсь омбоцесь, ёразе стяфтомс оцязоронь цёрать, но пельсь — сон эводи. Тись цигарка, ушедсь курендама.

Сргозсь омбоцеськe.

— Эх, тон ялгась тейне парат! Дай минь браткс кундатама!

Кундасть браткс. Оцязоронь цёрась арась оцю браткс, а омбоцесь — ёмла браткс.

Синь тусть кафонест сяда тов. Мольсть, мольсть киге и мусть тага фкя богатырь. Сон удось оцю кить трваса. Синь ёразь стяфтомс, но пельсть — эводи. Мадсть синцьке ваксозонза и матодовсть.

Ся уды богатырсь сргозсь, ваны: удыхть ваксзонза кафта богатырьхть.

«Ня ялгатне тейне цебярьхть»,— думандась сон. Но сон ашезень стяфта синь: пельсь, эводихть начас.

Сявсь и пяльдсь цигарка, кармась курендама. Богатырьхне сргозсть.

— Ах, тинь ялгатне пархтада! Дайте кундатама браткс,— мярьгсь курендайсь.

Кундасть синь браткс и тусть сяда тов.

Мольсть ветешка сяда вайгяльбе. Мусть дикай вирь. Тусть вирь янга, мольсть-мольсть, повсть оцю кити. Тусть ся оцю киге, мольсть сисем-кафкса вайгяльбе, мусть оцю лашма. Оцю лашмоть туркс тиф бука лангс седь.

— Тя седьге аф стак ломатть якайхть. Дайте седть ваксс, лашмоть трвас, тихтяма куд,— корхтайхть богатырьхне эсь ётковаст.

Сире тумотнень эзда тисть куд пилафтома и узерьфтома. Таргасть пиласа шранди анок керф тума корянь. Колма сире тума корятть таргасть скомнянди. И арасть ся кудняса ванома, мезяма якай тя киге.

Каясть жерьба. Васенце веня савсь ваномс ёмла братти.

— Ну, брат, тон тят уда, ату тевоньке кальдяв ули,— мярьгсь оцязоронь цёрась.

Сась весь. Лиссь кота пряса куй и арды алашанц лангса. Марясы оцязоронь цёрась шумонц, а латта азы аш — уды дежурнайц. Сон комотсь вастстонза, панжезе кенкшть—пупордась куйть алашац.

— Месть пупорят, арды-лии сокол? Ули тяса оцязоронь цёра-богатырь, минь люпштасаськ сонь, кода сяськонь,— корхтай куйсь.

Оцязоронь цёрась тейнза отвечай:

— Тят фаленда, нечистай сила! Дай васенда тюрьхтяма!

Кодак яфодсь, кота прянзон сембонь сязезень. Прдазень прянзон, кандонц седть алу, алашанц прдазе тума прятнень алу. А дежурнайсь изь маря мезевок.

Стясть шобдава. Оцязоронь цёрась кизефнесы дежурнай брадонц:

— Кода тефне?

— Пархт.

Омбоце веня савсь ваномс омбоце братти. Оцязоронь цёрась корхтай:

— Брат, тят матодов, ватт сяда строгайста.

Илять ужнасть, мадсть. Веть оцязоронь цёрась марясы — кудсь шерьхки. Сон сразу стясь, щазень кямонзон, эряздоне комотсь, панжезе кенкшть — пупордась куйть алашац.

Вейхкса пряса куйсь пешкодсь:

— Месть пупорят, арды-лии сокол? Тяса ули оцязоронь цёра-богатырь, минь люпштасаськ сонь, кода карунь.

А богатырсь каршезонза отвечай:

— Тят фаленда, нечистай сила! Дай васенда тюрьхтяма!

Лиось каршек тюрема. Кафкстъ яфодсь богатырсь байдеконц мархта, и вейхкса пряза куйть илядсть. Прдазень пряязон, кандонц седть алу, а алашанц тума прятнень алу.

Дежурнай братсна ашезь маря мезевок.

Шобдава оцязоронь цёрась корхтай тейнза:

— Брат, марять мезевок?

— Ашень маря.

— Цебярьста ётась весь?

— Цебярьста.

— Ну, пара. Дайте чайда сиптяма.

Симсть сембе чайда и тусть прогулкас. Шоподсь шись, и сась рядсь ваномс оцязоронь цёрати эстейнза.

— Ну, братт, тяда матодов тя веть тиньге. Тя веть тевсь тейнек кальдяв ули.

Каясь хрустальнай стаканц ведь и корхтай:

— Тинь ванода тя ведть ланге. Мзярда ушеды тя ведсь верыяма, тинь сонь пиярдесть и каяда ару ведь.

Сась весь. Кемгафтува пряса куйсь лиось кудстонза, срхкась алашанц мархта. Оцязоронь цёрась марясы — сай увф. Сон комотсь вастстонза, а брадонза матодовсть ся увфти.

Стясь сон скомнянц лангста — куйть пупордась алашац.

— Месть пупорят, арды-лии сокол? Ули тяса оцязоронь цёра-богатырь, минь люпштасаськ сонь, кода шееронь.

— Тят фаленда, нечистай сила! Давай васенда тюрьхтяма!

Стясь, и тргадсть. Тюрсть-тюрсть, богатырсь куйть кота пряязон сязезень. Куйть илядсть нинге кота пряза, а богатырть ляпомсь байдекоц. Богатырсь и мярьги:

— Ну, нечистай сила, русскяй войскатне лияста ваймосихть. Давай миньге вайматама.

— Давай,— отвечась куйсь.

Лоткасть ваймама. Оцязоронь цёрась каязе кямонц ваймамшовор. Кямоть мархта эрьхтезе кудть уженянц, сргозсть сонь брадонза и ваныхть: стаканць пяшксе верда. Пиярдезь ся ведть стаканцта, каясть эзонза ару ведь, и байдексь калготкстомсь меки.

— Ну, нечистай сила, давай тюрьхтяма тага!

Яфодсь богатырсь весть байдекса — куйть ляцсть кафта прянза. Яфодсь омбоцеда — тага ляцсть куйть кафта прянза. Яфодсь колмоцеда — куйть ляцсть ляды кафта прянзовок.

Ердазень прянзон, кандонц седть алу, а алашать прдазе тума прятнень алу. Сась куду.

— Братт, маряде мезевок?

— Маряме.

— Мезяма маряде?

— Куднясь шерьхкозевсь.

Сон азондозе брадонзонды, мезе ульсь, стай веть.

— Ну, лакафтода чай. Сиптяма чайда и тутама. Вдь минь тяни колма алашаньке. Тинь мезевок ашеде сода. Мон колма вет дежурендань тинь инксонт.

Ластясть синь колмоцьке алашатнень лангс и тусть. Ардсть аф ламос, и оцязоронь цёрась пешкодсь:

— Норавада, мон юкстайне вальмя лангс перчатканень.

Емла братсь мярьгсь:

— Дай мон мрдан инксост.

— Ащеда тязк, монць молян.

Кодамовок перчаткат сон тоза ашезь юкста, а мрдась сяс, мес эсь пачканза арьсесь: «Тоса мезе-мезе улема».

Брадонза лоткасть фкя вастс, а сон мрдась меки. Ардсь куднять вальманц алу, а тоса марявихть, корхтайхть ават. Тя куднясольхть колмоцьке куйхнень авасна и тядясна.

— Эх, юмафтозь цёранянень,— мярьгсь тядясна.— А тяни кода синь юмафтомат?

Емла рьвяняц пшкядсь:

— Тянь тиемс шутя можна: арама синь каршезост пяк ару родникокс. Синь кодак ардыхть ся-ся вастти, сизихть и мярьгихть: «Давай вайматама». Тя родникста симихть и ляпияйхть.

Омбоце рьвяняц мярьгсь:

— Ся мезяма, эряви синь инголест арамс пяк цебярь марлюкс. Эсонза шачест пяк цебярь марьхть. Кодак сускихть синь марьда и ляпияйхть.

А колмоце рьвяняц мярьгсь:

— Ся мезяма, арама инголест пуховой тодукс. Сизихть синь, лоткайхть тодуть лангс, и можнат опаптомс.

А бабась корхтась:

— Эх, рьвянят, ся мезяма, фкя курга трвась кеподема менельти, омбоцесь катк ащи масторса; фкя потясь нолдама мастору, а омбоцесь кеподема менельти. Синь вельфкаст аф комотевихть, и минь нильсаськ синь.

Оцязоронь цёрась кулхцондозень и тусь брадонзонды. Пачкодсь тейст и мярьгсь:

— Айда, мон сявине перчатканень.

Тусть синь сяда тов, мусть родник. И мярьгихть:

— Эх, симоманьке сась.

Оцязоронь цёрась отвечась тейст: «Ожуда, мон васенда симан».

Эрьхтезе плетканц мархта крёзкс родникть, и тусь родниксь сыйса-верса шудема.

— Вот, братт, симоледе тя ведьта, кда аф мон, и кулоледе тязк.

Синь тага тусть, сатсть марлю. Марлють маренза сяшкава мазыхть, што синь тяфтамот мзярдонга исть няенде.

— Эх, братт, пяк цебярьхть марьхне, дайте ярхцатама марьда. Алашатне тярдямат, катк ваймяйхть,— корхтай фкя богатырсь.

— Ожуда, братт, васенда мон сускан.— Эрьхтезе колмокстъ марлють плётканц мархта, и марлюсь тусь сыйса-верса шудема.

— Вот, братт, ярхцаледе тя марьда и юмаледе, кда аф мон.

Ластясть алашаснон лангс и тага тусть сяда ичкози. Сатсть пуховай тоду.

— Эх, братт, давайте тяза алашатнень андома лотказтама, а минць маттама тя тодуть ланго,— корхтай фкя богатырсь.

Оцязоронь цёрась мярьги:

— Ожуда, васенда мон мадан.

Сон эрьхтезе тодуть плетканц мархта крёзкс, и пуховай тодусь тусь сыйса-верса шудема.

— Вот, мадолеме минь, и люпшталемазь, вот и минь удолеме. Ну, нятнень эзда, братт, ётаме, а тяни сай пинге — саттама баба, фкя трвац менельса, омбоцесь масторса. Сонь аф вельфканза, аф перьфканза аф ётават.

Синь тусть сяда тов и сатозь ся бабать, шаштсть малазонза. Оцязоронь цёрать алашац корхтай:

— Ну, цёра, тямак ужяльде монь, ужяльдьк эсь пряцень. Эрьхтемак монь, штоба туст верхт эздон.

Оцязоронь цёрась эрьхтезе алашать — пеке алдонь вер тусь, и сон комотсь бабать вельфке. А брадонзон бабась нилезень.

Арды оцязоронь цёрась киге и ваны: кить трваса кузенця, эсонза кемгафтува горна. Эряздоне сувась сон и корхтай кузнецненди:

— Ердадова горнатненди кемгафтува клеща. Монь мельган ласьки стама-стама ломань. Кодак пачкоди тяза, сон мярьги: «Дайте тя ломать, мон сивса». А тинь мярьгода: «Минь пельхтяма эздот, тонк вальмава кяльцень».

Сёлгозь кузнецне кузенцять кенкшенц и учихть бабать эса. Сась бабась и ушедсь цёрать анама. А кузнецне корхтайхть:

— Минь пельхтяма эздот, тонк вальмава кяльцень.

Бабась тонгозе вальмава кяленц, и синь фатязь кемгафтува клещаснон мархта кяльда. Кшнинь цинзерхнень мархта сотозь мокорьхненди. Лиссь оцязоронь цёрась и ушедсь пикссемонза.

— Давай монь брадонень лихтить.

Бабась кармась эняльдема. Сон кодак кафкстсь, и лиюсть кафцьке брадонза целайнек, алашанек-мезнек. И эста оцязоронь цёрась нолдазе бабать.

Ластясть синь алашаснон лангс и тусть эсь кигаст. Пачкодсть ся кити, коса шоворсть цёратне марс.

Оцязоронь цёрась и мярьги:

— Ну, братт, кона коста саде, тоза и арда.

И кажнайсь тусь эсь киганза.

Моли оцязоронь цёрась инголи, и тейнза сюконяйхть вирьхне, тишетне, нярьхкамасне, палаксне. И сон арьси: «Эх, улема, мон пяк тазан».

Кодак мярьгозень сон ня валхнень, юмась сонь алдонза алашац.

«Улема, мон шкайда оцю валхт корхтань».

И ушедсь фкя вастса авардема. Аварькшнесь, аварькшнесь сон фкя вастса, лоткась, думандай: «Мондейне тяфтанга юмама и тяфтанга юмама. Ну, мон сембе сяка куду аф молян, а вешсан тя алашать. Коса тяза уле сон, мондейне сон мума».

Ангордазе прянц кафта кядьса и тусь алашать вешендема.

Мольсь, мольсь сон, пачкодсь велес, эсонза кабак. Етась ся велева и тусь сяда тов. Мусь пакоя кучкаста клянцеконь куд, пирьфсонза ульсь карда. Сонь вакссонза кемгафтува конюх, синь налхксть картаса.

— Шумбратада, ялгат!

— Шумбрат.

— Месенттяда тяса?

— Конюхондатама.

— А тя кардса мезяма?

— Тя кардса алаша, кемгафтува замок эшкоса. Тяса волшебник эряй.

— Кодама алашац?

— Тюжя прива, эльде.

— Оцязоронь цёрась шарьхкодсь, што алашась сонь. Конюхненди сон мезевок сяда лама ашезь аза, а мрдась меки велеть винанкса.

Рамась велеста вина, сась меки конюхненди и корхтай:

— Ну, братт, вешеда стакан, сиптяма.

— Давай.

Симсть синь стаканонь вина, симсть кафтонь — четвертть аделазь. Конюхне весялгодсть. Ушедсть симома омбоце четвертть эса. Симозь омбоцеть — конюхне иредсть. Кандозе богатырсь колмоце четвертть, и конюхне ушедсть уксонкшнема. Богатырсь сявозень кядьстост панжематнень, панжезе кардть, кемгафтува замок эшкоста салазе алашать, ластясь лангозонза и тусь ардозь.

Волшебниксь корхтай слуганцты:

— Архта, слуга, конюхненди, катк кильдьсазь алашать, и тутама прогулкас.

Мольсь слугась конюхненди, а синь ирецтот, алашась кардса аш. Сон мрдась меки волшебникти и корхтай:

— Мезень алаша кизефнят, конюхне ирецтот, алашась кардса аш.

— Эх, дай-ка кандка ваномазень!

Кандозе слугась ваномать, и волшебниксь кармась ванондома.

— Эх, чёрт возьми, сон ни кота масторонь вельф ётась, стака тяни сатомс.

Тяда меле вятьфтезе колма пильгса эльденянц, озась лангозонза и тусь ардозь оцязоронь цёрать мельге. Ветекстъ комотсь, котоцеда сатозе сонь.

— Ну, цёра, тон мезенди салайть тя алашать?

— Тя монь алашась.

— Давай алашать, а кда оду саласак, то пряцень кярса.

Сявозе алашать волшебниксь и тусь. Лядсь ськамонза богатырсь и думандай: «Мон все равно саласа тонь эшкссто».

Тусь цёрась сонь мельганза. Мольсь сон сяка велети, сявсь тага 4 четвертть вина, мольсь тага сон конюхненди, симдезень прамозост. Салазе кемгафтува замок эшксста алашать, ластясь лангозонза и сразу ётась кафкса государстват.

Стясь шобдава волшебник азорсь и корхтай слуганцты:

— Архта тердьке конюхть чайда симома. Кильтьфтьсаськ алашать и мархтонза тутама прогулкас.

Мольсь слугась, ваны — конюхне уксонкшнихть. Сась меки азорти:

— Эх, кодама алаша кильтьфтят — конюхне ирецтот!

— Дай-ка ваномазень.

Кандозе слугась ваномать.

— Эх, сон ворьгодсь ни кафкса государствань вельф. Вятьке колма пильгса эльдть.

Вятезе слугась колма пильгса эльдть, ластясь азорсь лангозонза. Сисемкстъ комотсь, кафксоцеда сатозе.

— Эх, цёра, улема, пяк ужяль тейть тя алашась!

— Кода тейне аф ужяль тя алашась, сон монцень.

— Кда тейть ужяль тя алашась, мондейне вешть рьвя.

— А коста мон вешан тейть рьвя?

— Стама-стама моря потмаксса ули клянцеконь куд, ся клянцеконь кудса улихть колма стирьхть, ёмла стирть вятьк тейне рьвакс. А кда ся стирть тейне аф тусак, то тейть алаша аш.

«Тейне тяфтанга юмама, тяфтанга юмама»,— думандай эсь пачканза цёрась и мярьги:

— Ну, молян, вешса.

Тусь вешемонза. Мольсь, мольсь сон и мусь ломань — сонць ярхцай, сонць меки ярхцафксонзон нолясыне.

— Шумбрат, ялга!

— Шумбрат! Коза молят?

— Молян кудакс.
— Аде сявомак моньге.
И тусть кафонест. Мольсть, мольсть и ваныхть — палы тол. Сонь вельхкссонза кшнинь инзама, лангсонза крхтапа ломань пешкоды: — Караул, эйндань!
— Шумбрат, ялга! — корхтай оцязоронь цёрась.
— Шумбрат! Коза мольхтяда?
— Рьвянянь симома.
— Айда моньге сявомасть мархтонт.
— Аде.
Мольсть колмонест кемоньшка вайгяльбе, мусть ломань. Сонць сими и эстокиге нолдасыне меки начконзон.
— Шумбратада, ялгат!
— Шумбрат.
— Коза мольхтяда?
— Рьвянянь симома.
— Айда моньге сявомасть.
И тусть. Мольсть, мольсть, мусть ломань. Менельти комоти — тяштекс арай, алу валги — ломанькс арай.
— Шумбратада, ялгат!
— Шумбрат!
— Коза мольхтяда?
— Рьвянянь симома.
— Сявомасть моньге мархтонт.
Сявозь и тусть. Мольсть, мольсть, мусть ломань моря берякста. Чёпафты ломанць моряв — арай калкс, лиси моряста — арай ломанькс.
— Шумбратада, ялгат! — корхтай сон.
— Шумбрат!
— Коза мольхтяда?
— Рьвянянь симома.
— Коса рьвянянте?
— Моряса. Моря потмаксса ули клянцеконь куд. Вот тоза и мольхтяма минь.
— Тейнть муви?
— Да кода мумс, аф содасаськ. Может быть, кода-кода мусаськ,— отвечай каршезонза оцязоронь цёрась.— А, шять, тон содасак?
— А мон эрь шиня ётнян вакскапза аф кемоньда кржакстъ.
— Ну, аде, няфтьк!
— Айда мельган.
Ся тусь инголи, симись и эстокиге начфтысь тусь мельганза, а лядыхне молихть сянь мельге. Пачкодсть кудняти, сувасть. Стирьхне сёрмадыхть панархт, бабась кштирди мушка.
— Шумбрат, бабай!— корхтай цёрась.
— Шумбрат, цёрай. Тон знакомаят цёрась никак.
— Да, минь, блышай, няеме фкя-фкянь мархта.
— Тяни месть якатада тинь?

— Саме рьвянянь симома.
— А тинь кунара сашенттада?
— Кафта недяляшка, бабай, сашенттама.
— Тинь эшеляфтоматада баняса, максомат акшет.
— Да, ничево улель, бабай, кда баняня уштолеть.
— Архта, рьвяня, уштка банять. Тейнть, чай, псиняста уштома?
— Да, псиняста.

Емла рьвянясь уштозе банять стане, што нльне якстерьгодсть кшнинь стенатне. Нетом эшеляма тоса, а кота вайгяльбешка аф шаштоват малазонза. Тусть кудатне эшеляма. Панжезь кенкшть, и пидезень синь псись кенкш лангса.

Кона ульсь кшнинь инзамать лангса толть велькса, мярьги:
— Ожуда, монь нолдамасть инголи.

Нолдазь сонь инголи. Кодак нолдазь, эйндась банясь, кенкшецка нльне ашезь панжев. Сась куду, и цёрась корхтай:
— Бабай, тон, улема, пеедемасть тяфта.
— А мес?
— А тонь баняце эи.
— Рьвяня, сака сей! Банять ушнить?
— Ушнине, авай.
— Да сон эи.
— Месть васькафнят? Мон стане ушнине, што стенатне якстерьготкшнесть.

Мольсь банять уштома омбоце рьвянясь. Сон уштозе банять стане, нльне стенатне шерьхкихть, нльне кафкса вайгяльбет аф эцеват малазонза.

Срхкасть эшеляма. Кафкса вайгяльбет ашесть эцев банять малас — пидезень жарсь. Кшнинь инзамать лангса кевяряйсь и корхтай:
— Ожуда, мон инголи молян.

Сон кодак шаштсь банять ваксс, ингольцеть коряс кафкстъ сяда эйндась. Мольсть банять малас — банясь эи. Састь куду.
— Тон, бабай, минь пеедьсамасть. Весть васькафтомасть. одувонга васькафтомасть,— корхтай оцязоронь цёрась.
— Молякан уштса монць.

Уштозе бабась банять сонць сяшкава, што кемгафтува вайгяльбе аф эцеват малазонза.

Сась бабась куду.
— Бабай, явась банясь? Лац уштыть?
— Мон деряй рьвянятнень лаца. Мон содаса, што эшелятада тяни баняса.

Тусть баняв. Инзама лангса кевяряйсь и корхтай:
— Ожуда, мон васенда лисян кудста.

Сон аньцек аф лама нолдась якшамда, сясы лядсь баняв аф лама пси эшелямс. Синь эшелясть и штасть. Састь куду.
— Ну, бабай, спасиба. Тонць аф васькафнят.

Бабась мярьги:

— Мон ломанян, а синь аньцек монь эздон ломатть.

— Ну, бабай, дай стирть ладясаськ,— корхтай оцязоронь цёрась.

Ладясть синь симомс кудатненди нильгемонь боцькя пива сразу, нильгемонь пуд кши сивомс сразу.

И оцязоронь цёрась эводсь: «Кода сивомат ся кшитне да кода симома нильгемонь боцькя пивась?» Кона алясь сими и эстокиге нолдасыне начконзон, корхтай:

— Тят эводе, цёра, минь сянь симсаськ да нинге нильгемонь боцькя пива анатама кядьстонза.

Кона алясь ярхцай и эстокиге нолдасыне ярхцафксонзон, мярьги:

— Тят эводе, цёра, минь нинге нильгемонь пуд анатама кядьстост.

Цёрась ладясь бабать мархта, эрьхтсть кядьта, крьвястсть штатол и озондсть. Бабась мярьгсь стирти:

— Ну, стирняй, матри, синь улят.

— Мон синь, тядяй, сембе сяка аф улян. Мон мянян кядьстост. Кодак моряста минь листяма, чёпафтан ведти меки, аран калкс и тейст мон аф кундаван.

Ускть нильгемонь боцькя пива кудатненди — симозь, ускть нильгемонь пуд кши — сивозь.

— Тя нильгемонь боцькя пивась аф саты и нильгемонь пуд кшиськe аф саты,— мярьгсть кудатне.

— Монь сяда лама аш,— мярьгсь бабась.

Стясть ярхцама вастста.

— Ну, тяни ульхтяма сватт.

— Ся няеви,— отвечась бабась.

Сявозь стирть кудатне и тусть. Бабась прважазень. Лиссть моряста берякти. Стирсь эстокиге чёпафтсь ведти, арась калкс и тусь морява уезь. Мельганза чёпафтсь калкс арси алясь, сатозе стирть, кундазе и таргазе берякти.

— Нада, тяни сон аф туй козонга, а мон лядан эсь вастозон.

Синь тусть. Мольсть, мольсть — стирсь арась тяштекс и тусь тяшттнень ётксь. Мельганза тусь ся алясь, кона арсесь тяштекс, и кундазе.

— Нада сявость, тяни аф туй, а мон лядан эсь вастозон.

Сявозь стирть и тусть. Мольсть, мольсть, пачкодсть ся алять вастс, кона кеворясь кшнинь инзамать лангса толть вельксса. Ся алясь лядсь, а лядыхне тусть. Пачкодсь ся алять вастонц каршес, конац сими и эстокиге начфты.

— Ну, арда. Мон лядан эсь вастозон,— мярьгсь ся алясь.

Синь тага тусть. Пачкодсть ся алять вастонц каршес, кона ярхцай и тозк нолдасыне ярхцафксонзон.

— Арда кафонень, а мон лядан тязк,— мярьгсь ся аляськe.

Тусь цёрась стирть мархта. Молемста стирсь и корхтай:

— Мон лиянди аф молян рьвакс, а тон монь сявомайть аф эстейть...

— Тон аф молят рьвакс — алашать аф максы.

— Алашать минь сявсаськ, аньцек аде эсь просеказонк, шуфтама канава.

Мольсть эсь просеказост, шувсть канава. Стирсь корхтай:

— Канавать марасаськ тумода и крьвястьсаськ, палыхть ся тумотне, а лоткись юрфазеви седьса. Минь алашать саласаськ, а азороц канавать вельф аф ётави. Сон угадяй канавати, сеттнень ланге, палы тозк, пакаренэовок шянядыхть.

Маразь канавать тумода и крьвястезь. Стирсь мярьги:

— Архт салак алашать, а мон самозт тяса тиса кода эряви.

Цёрась тусь алашать салама, а стирсь лядсь канавать ваксс и тиезе сонь кода эряви.

Оцязоронь цёрась рамась сяка веленяста вина, симдезень конюхнень и салазе алашать. Азорсь стясь шобдава и мярьги слугати:

— Архтака конюхть тердьке чайда симома, алашать кильдьсы, тутама прогулкас.

Мольсь слугась фкя конюхть тердема, а конюхне валяндайхть, уксонкшнихть. Сон мольсь меки азорти и корхтай:

— Алашась тоса аш, а конюхне ирецтот.

— Дай-ка ваномазень.

Слугась максозе ваномать азорти.

— Эх, чёрт возьми, сон пачкодсь ичкози ни, ётась кемгафтува мастор.

Азорсь озась колма пильтса эльденяти и кефкиекстъ аськолдась, а кемгафтувоцеда сон видеста угадясь канавати жархнень ётксе и тозк палсь-шянядсь.

— Ну, тяни тутама куду, тяни мезевок сон аф тии,— корхтай стирсь.

Мольсть, мольсть синь, васьфтсть акша атя.

— Цёра, тя стирть коста сявить?

— Эх, атяй, тя стирть инкса мон трудта лама путонь.

— Мон содаса — лама, но давай явсаськ стирть пачк.

— Мондейне пяк ужяль.

— А, может, совсем тонь ули,— корхтай атясь.

Сявозе атясь стирть и керозе пачк. Ушедсь потмонц чистендама. Таргась стирть потмоста куйхть, ватракшт, сукст и инжат, ракат. Чистендазень сембонь и петфтазень стирть пакшензон марс. Валозе стирть свежай ведьса — стирсь свежайгодсь, валозе живой ведьса — стирсь живолгодсь.

— Эх, мзярс мон удонь!

Атясь мярьги:

— Ничего, сяда тёждялгодоть.

Тоса шарфтсь цёрати:

— Ну, цёрай, архт, сявк куду. Сатада куду — гуляндада свадьбаса.

Тусть синь акша атять эзда куду, цёрать пяли. Пачкодсть цёрать алянц кудс, а аляц ни кенярдезь учсесы сонь дворецть вакоса. Палсесть-тисть, аляц и корхтай:

— Коста сявить тя стирть?

— Тя стирть инкса ощю труд путонь. Аляй, тяни ули сон тейне рьвя.

— Ну, пара, радостсь ощю. Тяни айда куду.

Меле тисть свадьбавок.

Монга тосолень, мондейньге каннесть вина.

ЦАРЕВИЧ-БОГАТЫРЬ

Жил-был царь. Родился у него сын. Растёт он не по годам, а по часам. Стал он выходить с товарищами на улицу. В игре кому руку оторвёт, кому ногу сломает, кому голову разобьет. Ему это шутка, а товарищам несчастье.

Родители пошли на него жаловаться:

— Ты ведь наш царь, а сыну волю даёшь, он наших детей калечит.

Пришел сын с улицы.

— Почему, сын, на тебя жалуются? Кому ногу оторвал, кому руку, кому голову проломил...

— Ну, отец, коли я тебе не угодил, пусть скует мне кузнец железную палицу, и я пойду куда глаза глядят,— говорит сын.

Попросил отец сделать железную палицу. Она была в шесть пудов. Кинул царский сын её вверх, подставил палец, упала палица на палец и сломалась.

— Это не палица для меня, прикажи сделать другую,— сказал он царю.

Отец приказал сделать другую, весом в восемь пудов. Бросил царевич палицу вверх, подставил палец, она упала и сломалась.

— Это,— говорит,— для меня не палица. Вели сделать двенадцатипудовую.

Приказал отец. Бросил царевич палицу вверх, подставил палец, упала она на палец и погнулась.

— С этой можно идти. Сходи, отец, вели выпрямить палицу.

Отец велел выпрямить. Царевич взял её и ушел из дома.

Шёл он неделю, шёл другую и вышел на большую дорогу. Идет большой дорогой, смотрит: около дороги спит богатырь. Он лег рядом с ним и тоже заснул. Проснулся богатырь, хотел разбудить царевича, но побоялся испугать. Завернул махорку и начал курить. Проснулся и царевич. Посмотрел на богатыря и говорит:

— Эх, хороший ты друг! Давай с тобой побратаемся!

Побратались они. Царевич стал старшим братом, а тот младшим.

Пошли они дальше. Шли, шли они дорогой и нашли еще одного богатыря. Тот богатырь спал около дороги. Они хотели разбудить его, но побоялись, что испугается. Легли рядом и уснули.

Проснулся богатырь и видит: рядом спят еще два богатыря. «Да, эти товарищи будут для меня подходящие»,— подумал он. Но не разбудил их, боялся, что испугаются.

Свернул себе цигарку и закурил. Богатыри проснулись.

— Ах, товарищи хорошие! Давайте побратаемся,— сказал курящий богатырь.

Побратались они и пошли дальше. Шли вёрст пятьсот, дошли до дремучего леса. Пошли по лесной тропе. Шли, шли, вышли на большую дорогу. Пошли по ней, прошли вёрст семь-восемь, дошли до большого оврага. Через овраг построен большой мост на быках.

— Через него не простые люди ходят, давайте построим дом около моста,— говорят между собой богатыри.

Из старых дубов без пилы и топора построили они дом, из трех старых дубов сколотили скамью. Стали жить в этом доме и караулить, кто проезжает этой дорогой. Кинули жребий. В первую ночь досталось караулить младшему брату.

— Ну, брат, смотри не проспи, а то дела наши будут плохи,— сказал царевич.

Настала ночь. Едет на лошади шестиглавый змей. Царевич услышал шум, а караульщика нет: спит. Встал он с постели, отворил дверь — змеева лошадь споткнулась.

— Что спотыкаешься, бегающий-летающий сокол? Сюда пришел царевич-богатырь, да его, как комара, мы раздавим,— говорит змей.

А царевич отвечает ему:

— Не хвались, нечистая сила! Давай сначала биться!

Как махнул он палицей, оторвал все головы змею. Собрал царевич змеиные головы, отнес под мост, а лошадь привязал под дубами в роще. А караульщик ничего и не слыхал.

Встали они утром, царевич спрашивает караульщика:

— Ну, как дела?

— Хорошо,— отвечает тот.

На второй день пришлось караулить второму брату. Царевич и говорит:

— Брат, смотри не проспи, следи получше.

Поужинали они вечером и легли спать. Ночью царевич слышит — дом дрожит. Он встал, обул сапоги и быстро открыл дверь—змеева лошадь споткнулась. Девятиглавый змей говорит:

— Что спотыкаешься, летающий-скачущий сокол? Есть здесь царевич-богатырь, мы его, как муху, раздавим.

А богатырь отвечает ему:

— Не хвались, нечистая сила! Давай сначала биться!

Вышли они биться. Махнул два раза богатырь своей палкой и отрубил головы змею. Собрал их, отнес под мост, а лошадь поставил под дуб. Ничего не слышал караульщик.

Утром царевич говорит ему:

— Брат, слышал что-нибудь?

— Не слышал.

— Хорошо ночь прошла?

— Хорошо.

— Ну, ладно. Давайте чай пить.

Попили все они чаю и пошли на прогулку. Стемнело. Пришла очередь дежурить самому царевичу.

— Ну, братья, и вы не спите в эту ночь. В эту ночь дело у нас будет плохо.

Налил в хрустальный стакан воды и говорит:

— Смотрите на эту воду. Когда вода окровавится, вы вылейте ее и налейте чистой.

Настала ночь. Выехал на лошади из своего дома двенадцатиглавый змей. Царевич услышал шум. Вскочил с места. А братья уснули. Встал царевич со своего места — споткнулась змеева лошадь.

— Что спотыкаешься, скачущий-летающий сокол? Здесь есть царевич-богатырь, мы его раздавим, как мышонка.

— Не хвались, нечистая сила! Давай сперва биться!

Начали драться. Оторвал богатырь у змея шесть голов. У змея осталось еще шесть голов, а у богатыря железная палка размякла. Богатырь и говорит:

— Ну, нечистая сила, русские войска иногда отдыхают. Давай и мы отдохнем.

— Давай,— ответил змей.

Стали они отдыхать. Царевич снял свой сапог, швырнул его со всей силой, и сапог ударился об стенку дома. Задрожал дом, проснулись братья и смотрят: стакан полон крови. Вылили они эту воду из стакана, а в стакан налили свежей, и железная палка опять затвердела.

— Ну, нечистая сила, давай опять драться.

Махнул богатырь раз своей железной палкой — отлетели у змея две головы. Махнул второй раз — отлетели у змея остальные головы.

Собрал он змеиные головы, отнес их под мост, а лошадь поставил под дуб. Пришел домой.

— Братья, слышали что-нибудь?

— Слышали.

— Что слышали?

— Дом дрожал.

Он рассказал братьям, что произошло прошлой ночью.

— Ну, вскипятите чай, попьем чаю и поедем. Ведь у нас теперь три лошади. А вы ничего не знаете: я дежурил за вас три ночи.

Сели они все трое верхом и поехали. Проехали немного, царевич крикнул:

— Остановитесь, братья! Я забыл на окне перчатки.

Младший брат говорит:

— Давай я вернусь за ними.

— Постойте здесь. Я сам поеду.

Никаких перчаток он там не забыл, а вернулся потому, что про себя подумал: «Там что-нибудь есть». Братья остановились в одном месте, а он вернулся обратно. Подъехал под окно дома, слышит: там женщины разговаривают. В доме были змеевы жены и мать.

— Эх, пропали мои сыночки,— сказала мать.— А как теперь за них отомстить?

Младшая сноха говорит:

— Это сделать просто: обернуться на их пути чистым родником. Доедут они до этого места, лошади устанут, и они скажут: «Давайте отдохнем», напьются из этого родника и подавятся.

Другая сноха говорит:

— Это что, нужно обернуться в яблоню на их пути. На этой яблоне чтобы росли хорошие яблоки. Как только съедят они эти яблоки, так и подавятся.

А третья сноха говорит:

— Это что, нужно обернуться на их пути пуховой подушкой. Устанут лошади, остановятся богатыри, лягут отдыхать на подушку и задохнутся.

А старуха говорит:

— Эх, снохи, это что, нужно разинуть пасть так, чтобы одну губу поднять до неба, а другую оставить на земле. Одну грудь опустить на землю, а другую поднять до небес. Они через них не перепрыгнут, и мы их проглотим.

Выслушал все это царевич и поехал к братьям. Доехал он до них и говорит:

— Айда, я взял перчатки.

Поехали они дальше, увидели родник и говорят:

— Эх, как хочется пить.

Царевич отвечает им:

— Подождите, сперва я напьюсь.

Царевич плеткой ударил по роднику крест-накрест, и из родника пошли кровь и гной.

— Вот, братья, напились бы этой воды, если бы не я, и померли бы здесь.

Поехали дальше, видят яблоню. На ней такие хорошие яблоки, каких они сроду не видели.

— Эх, братцы, какие хорошие яблоки, давайте попробуем. Лошадей спутаем, пусть они отдохнут,— говорит один богатырь.

— Подождите, братья, сначала я откушу.— Ударил царевич три раза плеткой по яблоне, и потекли кровь и гной.

— Вот, братцы, поели бы этих яблок и пропали, если б не я.

Сели они верхом на лошадей и опять поехали. Нашли пуховую подушку.

— Эх, братцы, давайте покормим лошадей, а сами ляжем на эту подушку,— говорит один богатырь.

Царевич и говорит:

— Подождите, сперва я лягу.

Он ударил плеткой по подушке крест-накрест, и из пуховой подушки потекли кровь и гной.

— Вот, легли бы, задавило бы вас, и уснули бы навеки. Ну, братцы, от многого мы избавились, а придется еще встретить старуху: одна губа на небе, другая на земле. Через нее и не перепрыгнуть, и не обойти ее.

Поехали дальше и встретили старуху. Подъехали поближе. Лошадь царевича говорит:

— Ну, парень, не жалей меня, а пожалей себя. Ударь меня, чтобы кровь брызнула.

Царевич ударил лошадь плетью, и потекла из-под ее живота кровь, и сразу конь перепрыгнул через старуху. А двоих братьев старуха проглотила.

Едет царевич по дороге и видит: около дороги стоит кузница, в кузнице двенадцать горнов. Зашел он туда и говорит кузнецам:

— Бросьте в горны двенадцать клещей. За мной гонится один человек. Как дойдет сюда, скажет: «Дайте этого человека, я сам съем его», вы скажите: «Мы боимся тебя, ты сунь свой язык в окно».

Заперли кузнецы дверь кузницы и стали ждать старуху.

Прибежала старуха, а кузнецы говорят:

— Мы боимся тебя, сунь язык в окно.

Старуха просунула язык в окно, а они схватили её язык двенадцатью клещами, приковали язык цепями к железным наковальням. Вышел царевич и начал охаживать старуху:

— Выпусти моих братьев.

Старуха стала молить царевича. Потом рыгнула два раза, и тут же выскочили его два брата, совсем целые, с конями. Царевич отпустил старуху.

Сели они верхом на лошадей и поехали своей дорогой. Доехали они до той дороги, где побратались.

Царевич говорит:

— Ну, братцы, кто откуда пришел, туда и идите.

И каждый ушел своей дорогой.

Едет царевич своей дорогой, а ему кланяются лес, трава, полынь, крапива. И он говорит:

— Эх, видимо, я очень сильный.

Как только вымолвил эти слова, пропала его лошадь.

— Наверное, я сказал не то.— И начал плакать. Плакал,

плакал, наконец, перестал и думает: «Мне и так, и так пропадать. Но я все равно домой не вернусь без своей лошади. Куда бы она ни девалась, а нужно ее найти».

Почесал двумя руками голову и пошел искать лошадь. Шел, шел он, дошел до села, а в нем кабак. Побыл он в этом селе и пошел дальше. В поле нашел стеклянный дом, на дворе конюшня. Около нее двенадцать конюхов играют в карты.

— Здравствуйте, друзья!

— Здравствуй!

— Что здесь вы делаете?

— Конюшню чистим.

— А что в этой конюшне?

— В этой конюшне лошадь под двадцатью замками. Здесь волшебник живет.

— Какая лошадь?

— Кобыла-рыжая грива.

Догадался царевич, что это его лошадь. Конюхам он больше ничего не сказал, а вернулся обратно в село за вином. Купил в селе вина, пришел к конюхам и говорит:

— Ну, братцы, найдите стаканы,— выпьем!

Выпили они по стакану вина, выпили по второму — кончилась четверть. Конюхи развеселились. Начали пить из второй четверти. Выпили вторую четверть — конюхи опьянели. Принес богатырь третью четверть, и конюхи совсем опьянели. Богатырь взял ключи, открыл двор, вывел из-под двенадцати замков лошадь, сел верхом и поскакал.

Встал утром хозяин и говорит:

— Иди-ка, слуга, к конюхам, пусть запрягут лошадь, и поедем на прогулку.

Пошел слуга к конюхам, а они пьяные, лошади на дворе нет. Вернулся он к волшебнику и говорит:

— Какую лошадь ты спрашиваешь? Конюхи пьяные, а лошади на дворе нет.

— Эх, давай-ка мне мое зеркало!

Принес слуга зеркало, волшебник смотрит.

— Эх, черт возьми, он уже через шесть земель перескочил, трудно теперь догнать его.

Приказал он привести трехногую кобылу, сел на нее и пустился в погоню за царевичем. Скакнула кобыла пять раз, а на шестой нагнала его.

— Ну, парень, зачем украл лошадь?

— Это моя лошадь.

— Давай лошадь, а если снова украдешь, то я голову тебе отрублю.

Взял волшебник лошадь и уехал. Остался богатырь один и думает: «Все равно украду её».

Пошел парень. Пошел он в это село, опять взял четыре четверти вина, пришел опять к конюхам, напоил до упаду. Украл

из-под двенадцати замков свою лошадь, сел верхом на нее и сразу проехал восемь государств.

Встал утром волшебник-хозяин и говорит слуге:

— Иди-ка позови конюха чай пить. Потом пусть запряжет лошадь, и поедем с ним на прогулку.

Пришел слуга, смотрит: все конюхи пьяные. Пришел он обратно к хозяину:

— Как лошадь запрягут — конюхи-то пьяные!

— Дай-ка мне зеркало.

Принес слуга зеркало.

— Эх, ускакал он за восемь государств. Приведи-ка трехногую кобылу.

Привел слуга трехногую кобылу, сел хозяин на нее верхом. Скакнула она семь раз, на восьмой догнала.

— Эх, парень, должно быть, жаль тебе эту лошадь?

— Как же мне не жаль эту лошадь, она моя!

— Если тебе жалко эту лошадь, найди мне жену.

— А где я найду тебе жену?

— Там-то, там-то, на дне моря, есть стеклянный дом, в этом стеклянном доме живут три сестры, младшую возьми мне. А если ты эту девушку не достанешь, то лошадь не получишь.

«Мне и так пропадать» — подумал парень про себя и ответил:

— Ну, пойду разыщу.

Пошел он искать. Шел, шел и нашел человека — через себя еду пропускает.

— Здравствуй, друг!

— Здравствуй. Куда идешь?

— Иду сватать.

— Возьми и меня.

И пошли они вдвоем. Шли, шли и видят — горит огонь. Над этим огнем калится железная борона, на бороне лежит голый человек и кричит:

— Караул, замерзаю!

— Здравствуй, товарищ! — говорит царевич.

— Здравствуйте! Куда идете?

— Невесту сватать.

— Возьмите и меня с собой.

— Идем.

Прошли втроем километров десять, встретили человека — пьёт и питье через себя пропускает.

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуйте!

— Куда идете?

— Невесту сватать.

— Возьмите и меня.

Пошли. Шли, шли, встретили человека. Прыгнет вверх — превратится в звезду, опустится вниз — человеком станет.

— Здравствуй, друг!

— Здравствуйте! Куда идете?
— Невесту сватать.
— Возьмите и меня с собой.

Взяли его и пошли. Шли, шли они, встретили на берегу моря человека. Окунется человек в море — превратится в рыбу, выйдет из моря — станет человеком.

— Здравствуйте, приятели!— говорит он.
— Здравствуй!
— Куда идете?
— Невесту сватать.
— А где невеста?
— В море. На дне моря есть стеклянный дом, вот туда и идем мы.
— А найдете вы её?
— Может быть, как-нибудь найдем,— ответил ему царевич.— А может, ты знаешь?
— А я каждый день плаваю около этого дома.
— Ну, иди покажи.

Пошел он вперед, пьющий и обратно пускающий воду за ним, остальные за этими. Дошли. Вошли они в этот дом. Девушки вышивают рубашки, а старуха со снохами прядет.

— Здравствуй, сынок! Ты, парень, никак мне знакомый.
— Да, с тобой, пожалуй, мы друг друга видели.
— По какому делу вы ходите?
— Пришли невесту сватать.
— А вы давно из дома?
— Две недели, бабушка, шли.
— Надо вас, стало быть, в баньке попарить, бельё вам дать.
— Да, ничего было бы, бабушка, если бы истопила.
— Иди-ка, сноха, затопи баню. Вам, чай, натопить пожарче.
— Да, пожарче.

Младшая сноха натопила так баню, что покраснели железные стены. Не только там мыться, а подойти к ней за шесть вёрст нельзя. Пошли сваты мыться. Открыли они дверь, и обдало их жаром. Тот, который катался на накаленной железной бороне, говорит:

— Подождите, меня вперед пустите.

Пустили его вперед. Как только он вошел в баню, остыла баня, и дверь примерзла. Пришли они домой, царевич говорит:

— Бабушка, ты, видно, пошутить вздумала.
— А что?
— У тебя баня ледяная.
— Сноха, иди-ка сюда! Баню истопила?
— Истопила, матушка.
— Да она ледяная!
— Что зря говоришь! Я так натопила, что стены покраснели.

Пошла топить баню вторая. Она натопила баню так, что даже стены её трещать стали, на восемь верст не подойти к ней.

Собрались мыться. Пришли, а к бане за восемь верст нельзя было подойти, сваришься жаром. Тот, который катался на накаленной бороне, и говорит:

— Подождите, я пойду раньше.

Только подошел он к бане, баня остыла еще больше, чем первый раз. Когда подошли к бане, она обледенела. Вернулись домой.

— Да ты, бабушка, смеешься над нами. Раз обманула да второй раз тоже,— говорит царевич.

— Пойду-ка сама натоплю.

Натопила баню сама так, что к ней нельзя подойти за двенадцать верст. Пришла старуха домой.

— Бабушка, баня истопилась? Хорошо натопила?

— Я разве как снохи, я знаю, что помоетесь теперь в бане.

Пошли они в баню. Тот, который катался на бороне, и говорит:

— Подождите, я первый выйду из дома.

Он только пустил немного холоду, в бане осталось немного тепла, так что можно было помыться. Помылись. Пришли домой.

— Ну, бабушка, спасибо, ты не обманула нас.

Старуха говорит:

— Я — человек, а они только по мне люди.

— Ну, бабушка, давай теперь свататься,— говорит царевич.

Договорились, что сваты должны выпить сорок бочек пива и съесть сразу сорок пудов хлеба. Задумался царевич над тем, как сразу можно съесть сорок пудов хлеба и выпить сорок бочек пива. Тот, который всё время пьёт и через себя воду пропускает, говорит:

— Не пугайся, парень, мы это выпьем и еще сорок бочек пива попросим у неё.

А другой товарищ, который всё время ест и тут же через себя пропускает, говорит:

— Не тужи, парень, мы еще попросим сорок пудов хлеба.

Договорившись, наконец, ударили по рукам, зажгли свечку и помолились. Старуха говорит своей дочери:

— Ну, доченька, наверно, ты их будешь.

— Я все равно их не буду. Я убегу от них. Как только выйдем из моря, я брошусь обратно в воду, превращусь в рыбу, и им тогда меня не поймать.

Привезли сватам сорок бочек пива — выпили, привезли сорок пудов хлеба — съели.

— Сорок бочек пива и сорок пудов хлеба не хватит,— сказали сваты.

— У меня больше нет,— ответила старуха.

Встали сваты со своих мест.

— Ну, теперь будем сватьями.

— Это видно будет,— ответила старуха.

Взяли сваты невесту и ушли. Старуха проводила их. Вышли

они на берег моря. Невеста нырнула в воду, превратилась в рыбу и уплыла в море. Нырнул за ней товарищ царевича, который может превращаться в рыбу, поймал её и вытащил на берег.

— Нате, теперь она не уйдет никуда, а я останусь здесь, на своем месте.

Они ушли. Шли, шли, девушка превратилась в звезду и улетела к звездам. За ней полетел тот мужик, который может превращаться в звезду, и поймал её.

— Нате, возьмите её, теперь она не полетит, а я останусь здесь, на своем месте.

Взяли девушку и ушли. Шли, шли, дошли до того места, где их товарищ катался на бороне. Этот мужик остался, а остальные ушли. Дошел мужик до того места, где он пил и через себя обратно воду выпускал.

— Ну, идите, а я останусь здесь,— сказал он.

Они опять пошли. Дошли до того места, где человек ел и тут же через себя еду пропускал.

— Идите вдвоем, а я останусь здесь.

Пошел царевич с девушкой. В пути девушка и говорит:

— Я за него не выйду замуж. Ты ведь взял меня не для себя.

— Если ты не выйдешь, он не даст мне лошадь.

— Лошадь мы возьмем, только пойдем до нашего рубежа, выроем канаву.

Дошли они до своего рубежа, вырыли канаву, девушка и говорит:

— Завалим канаву дубом и зажжем, а когда сгорит дуб, канава наполнится горячими углями. Мы украдем лошадь, а хозяин через эту канаву не перепрыгнет. Он угодит в канаву и сгорит там, а кости обуглятся.

Наполнили канаву дубовыми дровами и зажгли. Девушка говорит:

— Ступай укради лошадь, а я здесь до твоего прихода все приготовлю.

Парень ушёл за лошадью, а девушка осталась у канавы и сделала всё как надо.

Царевич опять в том же селе купил вина, напоил конюхов и украл лошадь. Проснулся утром хозяин и говорит слуге:

— Иди позови конюха чай пить, потом пусть запряжет лошадь, и поедем на прогулку.

Пошел слуга конюха звать, а конюхи валяются пьяные. Вернулся он обратно и говорит хозяину:

— Лошади там нет, а конюхи пьяные.

— Дай-ка мое зеркало.

Слуга подал хозяину зеркало.

— Эх, черт возьми, он далеко заехал, проехал двенадцать государств.

Сел хозяин на свою трехногую кобылу, кобыла прыгнула

одиннадцать раз, а на двенадцатый угодила в канаву с жаром и там сгорела.

— Ну, теперь поедем домой, теперь он нам ничего не сделает,— сказала невеста.

Ехали, ехали они, встретили седого старика.

— Парень, где ты взял эту девушку?

— Эх, старина, за эту девушку я много труда положил.

— Я знаю, много. Давай разделим её пополам.

— Мне ее очень жалко.

— А может быть, она совсем твоя будет,— ответил старик.

Взял старик девушку и разрубил пополам. Стал чистить внутренности, выбросил из её желудка все нечистоты: змей, лягушек, червяков, жучков, ракушек. Вычистил и соединил разрубленные части. Полил девушку свежей водой — она стала свежеть, полил живительной водой — девушка ожила.

— Эх, как долго я спала!

Старик ответил:

— Ничего, теперь полегче стала.

А потом обратился к парню:

— Ну, сынок, теперь бери её домой... А придете домой — справьте свадьбу.

Оставили они седого старика и уехали к парню домой.

Доехал сын до дома отца, отец обрадовался, поцеловал их и говорит:

— Откуда достал такую девушку?

— Достал с большим трудом, отец, а теперь она будет моей женой.

— Ну, хорошо, радость большая. Теперь зайдите в дом.

Зашли в дом, сели за стол. Потом сыграли свадьбу...

И я был там, и мне подносили вина.

КАФТА СОЛДАТТ

Служама вастста сайхть куду кафта солдатт. Сядынголе машинат ашельхть. Солдаттне састь, састь—сизесть, а удомс тейст аш коса. Вов мольсть, мольсть — мусть киня, кинясь моли вири, синьге тов, и мусть ощо куд. Сувасть ся кудти, а тоса кивок аш. Солдаттне думандакшнесть ярхцамс тя кудса: пексна вачсть, но мезевок ашесть му. Панжезь пянакудть — тоса ярхцамбяль. Синь таргазь ся ярхцамбяльхнень и лацкас закусиндасть.

— Коза маттама?— кизефни фкясь.

— Воляще, брат,— пшкядсь омбоцесь,— мон мадан пянакуд лангс.

— Ну, а мон мадан пянакуд алу, кяшан тоза.

Мадсть синь. Етась аф лама врема — сась тоза стирь, пряш вельхтяф руцяса. Сон варжазе пянакудть — ярхцаматне сивфт. Сон сявсь тарелкат, лиссь кудста и курок сувась меки, кандсь ярхцамат, вина. Озась шрать ваксс и пешкодсь:

— Ну, пянакуд алдонь солдатсь, сак мархтон ярхцама.

— Мон аф кунара ярхцань.

— Мон изихтень няе, кода тон ярхцать,— мярьги стирсь,— сак мархтон ярхцама.

Месендема солдатти, сави лисемс: стирсь апак вешентть музе. «Сивсамань так сивсамань, а лисемс эряви».

Лиссь солдатсь, здоровондась стирть мархта и озась ярхцама. Стирсь андозе, симдезе солдатть. Ярхцасть синь, и стирсь корхтай пянакуд лангса солдатти:

— Пянакуд лангса солдат, валк ярхцама!

Сяндиге аш месендемс, валгсь, озась ярхцама. Стирсь сонь лацкас андозе, симдезе винада. Стирсь ацась васта и корхтай:

— Ну, пянакуд лангонь солдат, тон мадат вага тя вастть лангс, а тон, пянакуд алдонь солдат, аде монь мархтон.

Солдаттненди аш месть тиендемс, савсь кулхцондомс стирсь, мадсть, коза сон мярьгсь.

Шобдава рана стирсь стясь, пидесь всякай ярхцамат, кандсь вина, симдезе, андозе пянакуд алдонь солдатть, меле — пянакуд лангста солдатть, а тоса мярьгсь тейст:

— Тяни мон туян, а тинь тяда тушенда. Вага тейнть панжемат. Нява коса ули цюлан, панжесть сонь и тоста мутада мезе эряви. Ярхцада, гуляндада колма шит, колма шида меле мон саян меки куду.

Тусь стирсь. Солдаттне панжезь цюлантъ — тоса разнай ярхцамат и винат. Удыхть, ярхцайхть, симихть, кштихть и морайхть солдаттне, и стане ётасть колма шит и колма вет. Нилеце шиста сась стирсь, андозень, симдезень солдаттнень. Ярхцась, симсь сонць и корхтай пянакуд алдонь солдатти:

— Вага тейть колма панжемат. Ня панжематне ся цюлаттнень эзда. Макст тоста ялгацти гостинецт, мзяра мялец сявомс. и катк сон туй куду, а тон лядат эряма мархтон.

Корхтазень арьсеманзон стирсь и тага тусь, а солдаттне сявозь панжематнень, мольсть цюлаттненди. Панжезь фкя цюлантъ — тоса пяшксе меднай ярмакта.

— Вачкак, мзяра эряви!— мярьги ялгац. Ся солдатсь вачкась ярмакта, мзяра кандови, и мольсть омбоце цюлантъ варжама. Панжезь — тоса пяшксе сияда. Меднай ярмакнень ёрдазень солдатсь, марась сиянь. Панжезь колмоце цюлантъ — тоса мараф золота. Солдатсь ёрдазень сиянь ярмакнень, вачкась золота. Тяда меле солдаттне прощандасть, и фкясь тусь куду, а омбоцесь лядсь, а сонць аварди: сон тожа туль ба, но тейнза стирсь корхтась, што кда сон ворьгоди, то стирсь сатсы и сивсы.

Етасть колма шит, сась стирсь. Синь кармасть эряма марса. Стирсь сай, ярхцай, уды кудса и туй колма шис и колма вес. Стане синь эрясть кота кофт. Вот солдатсь кармась стирти корхтама, што сон туль ба куду, молель ялганц шири, а меле саль ба тяза. Стирсь марась тейнза золотада, мзяра кандови, и нолдазе кафта кофт куду.

Сась солдатсь куду, музе тядянц, ялганц и давай синь мархтост гуляндамс: ярмакта пяшксе. Гуляндакшнесть синь тяфта, и курок сась пингсь тумс пянакуд лангонь солдатти. Сон макссь лама ярмакта тядянцты и азондозе, коса и кода сон эряй, што стирсь шаманц и прянц аф штафнесы.

Солдатсь сявсь и ётамбачк лоткась фкя велеса воражия бабанди. Азондозе бабати эсь эряфонц, кизефтезе бабать, мес стирсь аф штафнесы прянц.

Бабась тейнза и мярьги:

— Молемда меле, кда стирсь матодови, сявк прястонза руцянц и тон няйсак сонь мазышинц.

Солдатсь удось бабать шireса и тусь стирть ширес. Моли сон куду, ваны — арды офта. Солдатсь ладязе ружьянц, ёрай офтть ляцемс. Офтсь кармась корхтама:

— Тямак шав, солдат, мезень-мезень пара монцьке тейть тиян.

Офтсь сязсь конястонза пона пакшкя и максозе солдатти.

— Кда саттанза нужась, путк тя клокть конязт — и тон арат офтокс,— мярьгсь сон.

Нолдазе солдатсь офтть, а сонць тусь. Моли и моли — инголенза повсь врьгаз. Солдатсь ладязе ружьянц, ёразе шавомс врьгазть, а тонац и корхтай:

— Тямак ляце, солдат, монцьке тейть пара тиян. На вага монь конястон пона клок, и кда саттанза нужась — путк тя клокть конязт, и тон арат врьгазкс.

Нолдазе солдатсь врьгазть, а сонць тусь сяда тов. Моли и моли, ваны, пиче пряса кокнай ащи. Сон ладязе ружьянц кокнайть шири, а кокнайсь и мярьги:

— Тямак ляце, солдат, монга пара тейть тиян. На вага максан толганя, саттанза нужась, путк сонь конязт — и туят лиема.

Сявозе солдатсь толганять и тусь инголи. Сон мольсь, мольсь, пачкодсь куду. Стирсь лацкас сонь васьфтезе, кизефнезе, кода эряйхть раднянза, ялгац. Синь симсть-ярхцасть и мадсть.

Мзярда стирсь матодовсь, солдатсь саворне сявозе сонь прястонза руцянц и няезе, што стирсь стама мазы, светть лангса фкявок стама ашезь няенде. Стирсь сргозсь, фатясь петькольня — и давай шавомс солдатть: Сонць шави, сонць юватькшни:

— Ах, шяйтан солдат! Сивомайть, поремайть монь! Мондейне вельхтяф прят лядондсь эрямс кафта недялят!

Стирсь сонць сялонды, а сонць петькольнять мархта чуфай и чуфай солдатть эса. Ваны солдатсь, тевонза кальдяфт, путозе конязонза офтонь понать и арась офтокс. А стирсь сякокс дубай и дубай.

— Машфтса пецень, шяйтан солдат!

Солдатсь сизесь, тейнза маряй, сон путозе конязонза врьгазонь понать. А стирсь най дубасы и дубасы. Сизесь солдатсь, пяк маряй. Сон кокнайнь толгать конязонза путозе — тусь лиендема кудть эзга. Стирсь лоткась шавомдонза и мярьги:

— Тя пара тяни. Кда тон тяфтамат, давай шобдавас маттама, а ванды азса, мезе эряви тиемс.

Солдатсь арась меки ломанькс, симсть, ярхцасть марса и мадсть удома. Шобдава рана стирсь пидесь, ярхцасть кафонест, и корхтай солдатти:

— Тяни вага мезе, солдат. Арак кокнайкс и архт лийхть стама-стама вастс. Тоса касыхть колма пяшет, тон валгат кучкаста пяшеть лангс, ванк и кулхцонтт, мезе кармай улема.

Солдатсь путозе кокнайнь толганять конязонза, арась кокнайкс и тусь лиезь. Сон лийсь-лийсь и пачкодсь, коза мярьгсь стирсь. Аньцек кенерсь валгомс пяшеть пряс — стирське тоза лийсь. Пяшетнень ала ащи агромаднай кев, и стирсь валгсь ся кевть лангс. Ащесь сон тоса аф кувать, лийсь ваксозонза Кащей, валгсь и арась стирть ваксс. Стирсь кармась авардема.

— Тят аварде, мазы стирь, солдатть инкса, мон монць кулофтонь тонь кодямот вете стирьхть. А солдатть мон шавса, шоряма сон тейнек аф кармай.

— Мон сяс и авардян, што пелян, солдатсь шафтанза тонь, а меле моньге. Сон мусы тонь ваймоцень и кулофттанза.

— Тят пеле, мазы стирняй, монь ваймозе ичкозе, сон киндиге аф сатови. Оцязоронь садть ваксса ули колма пряса куй. Ся куйть прянзон эса монь ваймозе. Куйсь оцю, эряй варяса и эрь шиня кемгафтува частста макссихть тейнза тифтень боран. Кда аф максыхть тейнза боран, сон сиви ломань.

Кокнайсь лаподезень пацянзон и тусь лиезь куду. Аньцек кенерсь солдатсь сувамс куду, мельганза сяка киге сась стирське.

— Ну, солдат, кулить, мезяма корхтай Кащейсь?

— Кулине,— отвечась солдатсь.

— Ну, вот, кда кулить, архт шавк ся инекуйть. Шавк обязательна, а кда аф шавсак, то мон машфтса тонь пецень. Шарьхкодеть?

Омбоце шиня стирсь андозе, симдезе солдатть, солдатсь путозе конязонза кокнайнь толганять, арась кокнайкс и тусь лиезь. Сон лийсь ся оцязорть пяли, коса эряй колма пряса инекуйсь, Кащейнь ваймонц кирдиец. Ся васттнень эса киге аф моли стада ванома: сембе пелихть инекуйть эзда. Солдатсь сиводсь учань стада ванома. Тейнза мярьгсть эрь обедста аннемс учатнень эзда мзяровок колма пряса инекуйти. А кда аф кенери солдатсь максомс инекуйти уча, то солдатть куйсь сивсы, а кда аф сивсы, то оцязорсь солдатть прянц керсы.

Омбоце шиня андозь-симдезь солдатть, и оцязорсь мярьгсь:

— Тяни архт уча ванома. Да вага мезе, кда аф максови куйти уча, сон сиви ломань. Или тонь сифтянза, или лия веши. Илядат шиса — пряцень сякокс кярса.

— Цебярь.

Солдатсь сявозень частттнень, айдязень учатнень. Панезень синь ся вастти, коса эряй куйсь. Музе варянц и кармась учема кемгафтувоть. Кодак кармась малаткшнема кемгафтува частти,

солдатсь путозе конязонза офтонь пона клокть, тиевсь офтокс и арась варять ваксс куйть учсема. Кемгафтува частста инекуйсь лихтезе фкя прянц — офтсь фатязе сонь и сявозе сонь долой. Куйсь потась меки, а солдатсь айдязень учатнень меки дворецу. Тоса лувозь учатнень — целайхть, солдатське шиса.

— Тон мес изеть макса куйти боран?

— Мон макссень, но куйсь мярьгсь, што тячи аф ярхцай, ванды, кле, сиван кафта боратт. Солдатть ашезь шава, веронда́сть тейнза. Стане жа омбоце шистовок. Колмоце шиста, мзярда солдатсь панезень сембе учатнень меки, оцязорсь мярьгсь керомс солдатть прянц. Синь думандасть, што солдатсь эводсь и куйть малас ашезь яка. Солдатсь мярьги:

— Ожуда, тясть кера прязень, мон вдь куйть шавине.

Кивок солдатти ашезь веронда. Кильдсть тройка, озафтозь оцязорть ваксс солдатть и тусть тоза. Кодак мольсть тоза, ваныхть — валяндайхть куйть колма прянза и сонцьке куйсь ащи варять ваксса кулофста.

Оцязорсь макссь солдатти медаль, путозе цебярь квартирас и путсь кафта солдатт: тяза ворьгоде куйть шавиец. Мельганза якайхть ломатть, повархне андсазь-симдьсазь сонь. Оцязорсь ёрай сонь сявомс эстейнза богатырькс.

Солдатть мяльс тя изь ту, и сон кармась думандама, кода ба борьгодемс. Сон панжезе комнатаса форточкать, путозе конянц лангс кокнайнь толганять, арась кокнайкс и тусь лиезь меки стиренштъ.

Стирец эряй кудсонза спокойнайста: Кащейсь кулось. Сувась цёрась кудти, стирсь кенярдсь, палсезе сонь и мярьги:

— Вот тяни тон афкукс монь мирдезят!

Синь рьвяясть и кармасть эряма-ащема пяк цебярьста. Вов и пец.

ДВА СОЛДАТА

Со службы шли домой два солдата. Раньше машин не было. Солдаты шли-шли—устали, а поспать им негде. Вот шли-шли—увидали тропинку. Тропинка идёт в лес, они направились по ней и нашли большой дом. Вошли в него, а там никого нет. Солдаты думали поесть в этом доме: очень сильно захотели есть, но ничего не нашли. Открыли печку — там еда. Они вынули из печки эти кушанья и хорошенько закусили.

— Куда ляжем?— говорит один.

— Воля твоя, брат,— говорит другой,— я лягу на печку.

— Ну, а я лягу под печку, спрячусь туда,— говорит первый.

Они легли. Прошло немного времени, пришла туда девушка, голова накрыта платком. Она посмотрела в печку, кушанья съедены. Взяла тарелки, вышла из дому и скоро вернулась — принесла кушанья и вина. Села за стол и крикнула:

— Ну, солдат под печкой, иди со мной есть!

Солдат говорит:

— Я недавно ел.

— Я не видела, как ты ел,— говорит девушка,— иди со мной есть.

Делать нечего солдату, приходится выходить: девушка не искавши нашла его. «Съест так съест, а выходить надо». Солдат вышел, поздоровался с девушкой и сел есть. Девушка накормила, напоила его. Они поели, а девушка говорит солдату, что на печке:

— Солдат на печке, слезай есть!

Нечего делать: слез, сел есть. Девушка постелила постель и говорит:

— Ну, солдат на печке, ты ложись вот на эту постель, а ты, солдат под печкой, пойдем со мной на другую постель.

Солдатам делать нечего, пришлось послушать девушку, и легли, где она велела.

Рано утром девушка встала, приготовила всякие кушанья, принесла вина, накормила-напоила солдата, что под печкой, затем солдата, что на печке, и говорит им:

— Теперь я пойду, а вы не уходите. Вот вам ключ. Вон там есть чулан, откроете и там найдете, что нужно. Ешьте, гуляйте три дня. После трёх дней я приду домой.

Девушка ушла. Солдаты открыли чулан — там разные кушанья и вина. Спят, кушают, пьют, пляшут и поют солдаты; так прошло три дня и три ночи. На четвертый день пришла девушка, накормила, напоила солдат, поела, попила сама и говорит солдату под печкой:

— Вот тебе три ключа. Эти ключи вон от тех чуланов. Дашь оттуда товарищу гостинцев, сколько захочет взять, и пусть он идет домой, а ты останься жить со мной.

Девушка сказала что нужно и опять ушла, а солдаты взяли ключи и подошли к чуланам. Один чулан открыли — полон медных денег.

— Накладывай сколько надо!— говорит солдат товарищу.

Солдат набрал сколько унесет, и пошли смотреть второй чулан. Открыли — полон серебра. Солдат выбросил медные деньги и набрал серебра. Открыли третий чулан — полон золота. Солдат выбросил серебряные деньги и наложил золотых. После этого солдаты попрощались, и один отправился домой, а другой остался и плачет. Он тоже ушёл бы, но девушка ему сказала, что если убежит, то она догонит и съест его.

Прошло три дня. Девушка пришла. Они стали жить вместе. Девушка придет, поест, переспит дома и уйдет на три дня и три ночи. Придет, покушает, переспит и опять уйдет на три дня и три ночи. Так они прожили шесть месяцев. Вот солдат говорит девушке, что он хотел бы сходить домой, сходил бы к товарищу, а затем пришел бы обратно. Девушка наложила ему, сколько может унести, золота и отпустила на два месяца домой.

Пришёл этот солдат домой, нашел мать, товарища, и давай гулять: денег полно. Погуляли они так, пришло время солдату под печку возвращаться. Он дал матери много денег и рассказал, где и как он живёт, рассказал и то, что девушка не показывает лицо и голову.

Солдат встал, пошел из дому, мимоходом остановился в одном селе у ворожеи. Он рассказал ей свою жизнь и спросил бабушку, почему девушка не открывает голову. Бабушка ему и говорит:

— Когда придёшь, девушка уснёт, возьми с её головы платок и ты увидишь её красоту.

Солдат переночевал у бабушки и пошел домой. Идет он домой, видит: бежит медведь. Солдат направил ружьё, думал застрелить медведя, а медведь стал говорить:

— Не убивай меня, какое-никакое и я добро сделаю тебе.

Медведь вырвал со лба клок шерсти, отдал солдату и сказал:

— Когда понадобится, положи этот клок на лоб — и ты превратишься в медведя.

Солдат отпустил медведя, а сам пошёл. Идёт и идёт — перед ним появился волк. Солдат прицелился, а волк говорит:

— Не убивай меня, солдат, я тебе пригожусь. На вот с моего лба клок шерсти, когда нужно будет, положи этот клок на лоб — и превратишься в волка.

Отпустил солдат волка, а сам пошёл дальше. Идёт и идёт, смотрит: на сосне ворон сидит. Он направил ружьё на ворона, а ворон и говорит:

— Не убивай меня, солдат, и я тебе пригожусь. На вот тебе перо, когда понадобится, поставь его на лоб — и полетишь.

Взял солдат перо и пошёл дальше. Шёл, шёл, дошел до дому. Девушка очень хорошо встретила его, расспросила, как живут родные, товарищ. Поели они и легли отдыхать.

Когда девушка уснула, солдат потихоньку снял с головы платок и увидел, что девушка такая красивая, какую ещё на свете не видел. Девушка проснулась, встала, схватила пест и давай бить солдата. Бьёт, а сама кричит:

— Эх ты, чертов солдат! Съел ты меня! Мне с покрытой головой оставалось жить только две недели!

Ругается девушка, сама пестом бьёт да бьёт солдата. Солдат видит, что дела плохие, положил на лоб клок медвежьей шерсти — и превратился в медведя. А девушка всё равно колотит и колотит.

— Доконаю тебя, чертов солдат!

Солдат устал, ему очень больно. Он положил на лоб клок волчьей шерсти. А девушка знай дубасит и дубасит. Солдат устал, очень больно. Он приставил ко лбу перо ворона и стал летать по избе. Девушка перестала бить и говорит:

— Ну, это хорошо. Раз ты такой, давай до утра ляжем, а завтра скажу, что нужно сделать.

Солдат превратился снова в человека, поели-попили вместе и легли спать.

Рано утром девушка сварила покушать, поели-попили, и она говорит солдату:

— Теперь вот что, солдат. Превратись в ворона и лети туда-то и туда-то. Там растут три липы. Ты спустись на среднюю липу, посмотри и послушай, что будет.

Солдат приложил перо ворона ко лбу, превратился в ворона и полетел. Летел, летел он, долетел куда говорила девушка. Только успел сесть на липу — и девушка туда прилетела. Под липой лежит громадный камень, и девушка села на этот камень. Сидела она там недолго, прилетел к ней Кащей, спустился и встал около девушки. Девушка стала плакать.

— Не плачь, красавица, из-за солдата. Солдата я убью, мешать он нам не будет.

— Я поэтому и плачу, что боюсь: солдат убьет тебя, а потом и меня. Он найдет твою душу и умертвит тебя.

— Не бойся, красавица, моя душа далеко, её никому не достать. У царского сада есть трехглавый змей. В этих головах моя душа. Змей огромный, живет в норе и ежедневно в двенадцать часов дают ему по одному барану. Когда не дадут ему барана, он съедает человека.

Ворон хлопнул крыльями и полетел домой. Только успел солдат войти в дом, за ним пришла и девушка.

— Ну, солдат, слышал, что говорил Кащей?

— Слышал,— ответил солдат.

— Ну вот, раз слышал, иди убей этого змея. Убей обязательно, а если не убьешь, то я прикончу тебя. Понял?

На второй день девушка накормила-напоила солдата, солдат прислонил ко лбу перо ворона, превратился в ворона и полетел. Он летел к тому царю, где жил трехглавый змей, хранивший душу Кащея. Туда никто не идет пасти стадо, все боятся змея. Солдат нанялся пасти овечье стадо. Ему сказали, чтобы ежедневно пригонял в обеденное время овцу трехглавому змею. А если не успеет пригнать овцу, то змей съест солдата, а если не съест, то царь отрубит ему голову.

На другой день солдата напоили-накормили, дали ему часы, и царь сказал:

— Теперь иди пасти овец. Да вот что, если не дашь овцы змею, то он съест человека. Он или тебя съест, или попросит другого человека. Даже и жив останешься — голову отрублю, если не дашь змею барана.

— Хорошо.

Солдат взял часы, выгнал овец. Погнал овец к тому месту, где находился змей, нашёл нору и стал ждать полдня. Когда стало бить двенадцать часов, солдат приложил ко лбу клок медвежьей шерсти, превратился в медведя и стал ждать змея у норы. В двенадцать часов змей высунул одну голову — медведь

схватил и оторвал её прочь. Змей попятился обратно, а солдат пригнал овец во дворец. Там сосчитали овец — все целы, и солдат живой.

— Ты почему не дал змею барана?

— Я давал, но змей сказал, что сегодня не хочет есть, а завтра съест двух баранов.

Солдата не убили, поверили ему. Также и на второй день. На третий день, когда солдат пригнал всех овец, царь велел отрубить солдату голову. Он подумал, что солдат напугался и не подходил близко к змею. Солдат говорит:

— Подождите, не рубите мне голову, я этого змея убил.

Никто ему не поверил. Запрягли тройку, посадили рядом с царём солдата и поехали на то место. Когда приехали туда, видят: валяются три головы змея, и туловище без голов лежит у норы.

Царь дал солдату медаль, поместил в хорошую квартиру и поставил двух солдат, чтоб победитель змея не убежал. За ним ухаживали люди, повара поили его. Царь намеревался его взять к себе в богатыри.

Солдату это было не по душе, и он стал думать, как бы убежать. Он открыл в комнате форточку, приложил ко лбу перо ворона, превратился в ворона и полетел обратно к девушке.

Девушка жила спокойно дома: Кащей умер.

Вошел парень в дом, девушка обрадовалась, расцеловала его и говорит:

— Вот теперь ты действительно мой муж!

Они поженились и стали очень хорошо жить-поживать.

Вот и конец.

ИВАН ГОРОХИН

Эрясть-ащесть атят-бабат кафонест. Ашель шачисна, ашель касысна. Весть бабась тусь ляи муськома. Муськсь-муськсь, ваны — уи ведь ланга турготьф снав. Лоткась бабать инголи и кармась фкя вастса шарондома. Бабась кундазе снавть, каподезе кургозонза и сивозе. Вейхкса ковда меле сонь шачсь цёраняц. Атят-бабат лемонц путозь Иван Горохин. Иван кассь аф кизонь, а частонь. Мзярда сон кассь оцюста, корхтай алянцты:

— Ну, аляй, тяни тифтть кузнецяса тейне кшнинь байдек и бславамак. Мялезе эсь прязень няфтемс и ломатть няемс.

Иванть аляц тусь кузнецяв кшнинь байдеконь тифтема. Аляц тифтезе и максозе цёраицты. Иван Горохин ёрдазе байдектъ вяри. Мзярда кармась прама мастору, 25 пудонь сталмоса байдексь синдевсь, прамок пильгонц лангс.

— Архт, аляй, тифтть 50 пудонь сталмоса.

Аляц тифтсь и тага максозе. Цёрась ёрдазе байдектъ, и сон тусь стама вяри, што афи няевсь; мзярда тага кармась прама мастору, сон ладязе пильгонц — байдексь синдевсь.

— Архт, тифтть 75 пудонь сталмоса байдек.

Аляц стане и тись. Аф лама пингта меле тифтсь 75 пудонь сталмоса. Цёрась ёрдазе байдекть, ладязе пильгонц — байдексь мяндевсь.

— Ну, тяни, аляй, дай косьфтада сухарьхть, мон туян.

Мзярда сембось ульсь аноклаф, Иван Горохин тусь кис. Мольсь ичкози, ётась аф кржа вайгяльбе и вдруг ваны: кусг ала уды богатырь. Тя ульсь Иван Вознесенскяй. Иван Горохин мадсь ваксозонза и матодовсь.

Мзярда сргозсь Иван Вознесенскяй, ваны, эсь сельмонзонды аф верондай. Мялецоль шавомс, но вдруг думандазевсь: «Мезенди мон шавса: сон вдь, мзярда удонь, ашемань тока». Иван Горохинти Иван Вознесенскяй корхтай:

— Ну, давай вийньконь варжасаськ.

Кафцьке согласиндасть. Иван Горохинонь эрьхтезе мяштти Иван Вознесенскяй — богатырсь аньцек шерьхкозевсь. Иван Горохин кодак эрьхтсь — тона пулфокс ляцсь мастору.

— Ну, тяни мон тейть улян младшай брадокс,— корхтай Иван Вознесенскяйсь.

Тяда меле кафцьке тусть сяда тов. Мольсть-мольсть, вачсть пексна. Ваныхть: степса траксонь стада. Иван Горохин фатязе тракстъ пулода и шарфтозе кругса перьфканза. Пулоц лядсь кядезонза. Сивольть пидезь, ярхцасть топодемс и тусть меки. Мольсть, мольсть, мусть вирь кучкаса оцю куд, пирьфоц пяшксель жуватада. Горохин корхтай Вознесенскяйнди:

— Тон пидят обед ня жувататнень эзда, а мон туян охотас.

Тусь Горохин шобдава ранакиге. Тя пингть лийкстась кудняв Кащей Бессмертнай, тоса Вознесенскяй аноклась обед.

— Вознесенскяй, андомак, а то сифте тонцень.

Иван Вознесенскяй макссь пяле котел—сивозе, ашезь топодь.

— Дай нинге,— корхтай Кащейсь.

Иван илядытьке максозе. Обедась Кащей, а меле кеподезе куд уголть, путозе богатырть прянц кудть алу, а сонць лийкстась. Мучендась, мучендась младшай богатырсь, кати-кода лисевсь, а тя пингть мрдась Горохин охотаста, ярхцамбяль ашель.

— Мес, Вознесенскяй, обед ашеть пиде?—кизефнесь Горохин.

— Пенгятне начкт, ашесть крьвястев,— отвечай тона.

Омбоце шиня лядсь обедонь пидема Горохин. Ваткась бука, маразе котелти сивольть и ушедсь пидемонза. Аньцек кармась пима обедсь, кода тага лийкстась Кащейсь.

— Горохин, андомак!

— Тонценьге вийце саты работамс,— пшкядсь богатырсь.

— Мон тонь пакарьхненьге аф кадсайне,— ушедсь гразяма Кащей.

Горохин фатязе сонь сакалда и давай вачкиемс прянц куд стенати. Сакалоц сязевсь, и сонць лийкстась вирть ширес. Горохин ласьки мельганза. Сон няйсы, што богатырсь сатсы,— сувась варяс, тусь модать пачк.

— Ну, тяни содаса, мес обедце ашезь ли, брат,—корхтазевсь Горохин, мзярда Вознесенскяйсь сась охотаста.— Тяни давай, брат, понатама пикс и суватама ся варяти, коза кяшсь Кащей Бессмертнайсь.

Ватксесть кафонест ленгат и понасть сядошка метрань кувалмоса пикс. Мзярда пиксс ульсь анок, тусть ся пещерати.

— Нолдамак, брат, а тонць учсамак тяса,— мярьгсь Горохин Вознесенскяйти.

Младшай богатырсь нолдазе пикстъ вельде ся пещерати. Горохин няи тоса дворец. Мольсь дворецть малас, тоса вальмава ванондсь красавица-стирь. Тя ульсь оцязорть стирец, сонь салазе Кащей.

— Эх, Горохин, местема тяза сать: сай Кащей Бессмертнай и тонь аделатанза,— мярьгсь стирсь.

— А мон сонь как раз вешендьса.

— Сон монь ёмла сестразень шireса, архт тоза,— мярьгсь красавицась.

Богатырсь тусь моря берякова. Ваны, шинять каршеса эженди тишенятнень ёткса щука. Горохин комотсь берякти, кундазе калть и мялецоль сонь жарендамс. Но кальсь ушедсь ломань вайгяльса корхтама: «Тямак тока, богатырь, пара тиян, тейть нинге яраштан». Горохин нолдазе калть и тусь сяда тов. Пачкодсь тага дворецс и няи красавица-стирь, нинге сяда мазы васенцеть коряс.

— Эх, цёра, местема тон сать? Тяста кивок живойста изь мяненде,— эняльгодсь красавицась.— Тяни вов мезе, архт вири. Тоса муят тума. Тумоть пряса сундук, сундукть эса нумол, нумольть потмоса утка, уткать потмоса ал. Вов тоса сонь смертец.

Цёрась сявозе ружьянц и тусь тоза, коза прважазе стирсь. Пачкодсь вири, музе ся тумоть. Богатырсь фатязе тумоть кучкада и синдезе пачк. Прась сундуксь модать ланге, лазовсь крышкац. Потмостонза тусь ардозь нумольсь. Горохин целясь ружьясонза нумолть ланге — шавозе сонь. Потмостонза лийкстась уткась — сяньге шавозе, алсь прась моряв. Якай морять крайге Иван Горохин, прафтсь тоскас.

Кальсь корхтай:

— Мес, богатырь, аф весялат?

— Кода мес, алсь прась ведти.

Щукась эстокиге сембе калхнень кошардозень вешендема, сембе ведть смборгофтозь. Аф лама пингта меле щукась таргазе ведть потмаксста алть, и сон тусь сяка жа дворецти.

— Ну, кода, сатыть?— кизефнесы стирсь.

Богатырсь азондозе, кода музе, и кафцьке озасть шрать ваксс обедама.

— Тяни сон илять сай. Кармай тонь симдемот пивада, конат ащихть вона седяла види бокса. Сянди машты сембе вийце. А тон сипть кержи боконь боцькятнень эзда: сянди кармай касома вийце.

Ётась аф лама пинге, кода вирсь сразу уназевсь.

— Тя сон сай,— корхтай стирсь.— Аре кяште коза-коза.

Цёрать кяшезе цюланц, а сонць лиссь васьфтемонза.

— Фу, русскяй дух кудсон!

— Ворьхть, тят корхта зря, тонць шарондат куване-повсь,— пшкядсь каршезонза стирсь. Озасть обедама, и стирсь корхтай:

— А тон месенделеть, кда монь брадозе саль тяза инжикс?

— Колма шит гуляндафтолине, вов месенделине.

— Сон вдь тяса,— корхтай оцязоронь стирсь.

— А месть мле кяшендьсак, лихтьк,— каршезонза торазевсь Кащейсь.

Лиссь Иван Горохин, венептезь кядьснон, шумбракшнесть. Иванонь озафтозь шрать ваксс. Кармасть симондема. Иван симсь кержи боконь пивать эзда, и нинге сяда кемокстась виец.

— Ну, тяни давай, Горохин, вийньконь варчсаськ.

Богатырсь кодак эрьхтьсы Кащейть, ся модати пялева пезсь, омбоцеда эрьхтезе — прява пезсь модати, но куломс аф кулы. Горохин таргазе зепстонза алть и корхтай:

— Саты повсеть ломатть, мон пецень сатса.

Богатырсь колазе алть, и Кащейсь велясь, кода пулф.

Горохин сявозе оцязорть стиренц и тусь омбоцеть инкса. Молихть колмонест ся варяти, куване сувась богатырсь. Пикстъ шерьфтезе — макссь сигнал, штоба таргамс.

Усксь, усксь Вознесенскяй пикстъ эса, ваны — стирь. Кенярдемац ульсь аф азомшка. Омбоцеда нолдазе — тага таргась красавица. Колмоцеда нолдазе пикстъ, кармась таргамонза, лядсь ни кафтошка метра, кода Вознесенскяй шарьхкодсь, што тя Горохин. Керозе пикстъ, и кевкс богатырсь тусь алу. Стане тапавсь, што цють-цють пачкодсь сяка дворецти, косоль инголи. А Вознесенскяй сявозень стирьхнень и тусь кудозост. Оцязорсь тись стама пир, сембе народть тердезе гуляндама.

А Горохин омбоце шиня сявозе ружьянц и тусь шарондома вирть крайге. Ваны, коське тума, тумоть пряса ранендаф орёл. Иван Горохин ладязе ружьянц, мялец шавомс. Орелсь корхтай:

— Горохин, тямак шав, пара тиян.

Богатырсь нолдазе ружьянц. Аф лама пингта меле тага целясь лангозонза. Орелсь тага эняльгодозевсь:

— Иван Горохин, кадомак.

Богатырсь тага нолдазе ружьянц. Колмокстъ нолнезе и кепсезе ружьять орелть лангс. Меле валхтозе орелть и сявозе куду.

— Кода тяфта ранендаваться?— кизефнесы богатырсь орёлть.

— А тяса нармоттнень ёткса ульсь война, монь сембе отрядозе шавовсь, а монцень ранендамазь.

Ётась аф лама пинге, и орёлсь корхтай:

— Тяни давай аноклак 25 пуд сиволь, 25 ведарка ведь.

Иван Горохин аноклась 25 пуд сиволь, 25 ведарка ведь и срхкась тума. Путозе ведть и сивольть орелть копоренц лангс, и синь лийкстасть. Лийсть, лийсть, орёлсь и корхтай:

— Ватта, алува мезевок аф няят?

— Аф оцю ведня.

Орелсь нолдазе сонь, и богатырсь прась ведти. Ваны орелсь, што Иван вайси, прафтсь алу, кундазе сонь.

— Ну, кода, эводеть, Иван Горохин?

— Кода ашень эводе, мон арьсень ни, ваян.

— Монга вдь эводень, мзярда ружьять латцить лангозон,— мярьгсь орёлсь.

Лиссть берякти, орёлсь корхтай:

— Тяни, Горохин, аноклак 50 пуд сиволь и 50 ведарка ведь.

Богатырсь мольсь вирть крайс, мусь стада, печксесь букат и кандозень орелти. Озасть омбоцеда и лийкстасть.

— Ватта, Горохин, мезевок аф няят?

— Карьхкашка ведня.

Нолдазе орелсь богатырть — шлёпадсь ведть кучкас. Ваны орелсь, вайси ялгац, ёрдась пря, тага таргазе.

Колмоцеда Горохин аноклась 100 пуд сиволь и 100 ведарка ведь, лийкстасть синь колмоцеда. Вов ни синь лиссть варять потмоста, кода маштсь синь сивольсна, ведьсна. Горохин керсь пильге пукшестонза сиволь пакш, максозе орелти.

— Эх, кодама танцти, Горохин,— пшкядсь орелсь.

Мзярда лиссть ся варяста, Иван азондозе, што сон керсесь сиволь пильге пукшестонза. Орелсь брызгазе керсеф вастть, и богатырть пильгоц пчкясь. Фкя-фкянди азсть спасиба, прощандасть фкя-фкянь мархта и тусть эсь кигаст.

Горохин мольсь-мольсь, кундась врьгаз. Аф оцю васта ётась, кундась офта, ётась аф лама васта — кундась тигра. Сотозень сембонь и тусь мархтост сяда тов. Мольсь-мольсь, сатсь веленя. Крайста кудняти сувась и эняльгодсь кудазоравати:

— Бабай, нолдамак удома.

— Аде сувак, цёрай,— корхтай бабась.

Горохин нолдазень зверензон пирьфи, а сонць мадсь. Шобдава макссь бабати ярмак, штоба зверьхненди рамаль сиволь и аннелезень синь.

Аф ичкозе тя веленять эса ульсь эрьхке. Тяса эрясь 12 пряса чудовища-атя. Эрь шиня тя чудовищась салсель ломатть и сивондельхцень синь.

Мзярда чудовищась содазень оцязорть стирензон, што синь састь куду, кучсь пакет, коса анась оцязорть стиренц. Шобдава кармасть шавома пайкнень.

— Бабай, мезень тя шум?— кизефнесы богатырсь.

— Тя оцязорть стиренц тячи прважайхть, прощандайхть мархтонза.

Сась илядьсь. Ускозе аванц Иван Вознесенскяй чудовищати.

Горохин сявсь мархтонза сухарнят, кшнинь байдеконя и тусь эрьхкть трвас. Мзярда пачкодсь и няезе оцязоронь стирть, кона аварькшнесь, содазе. Няемок богатырть, стирсь сельмоведеньбачк корхтай:

— Местема сать, добрай ломань? Катк уш монць юман.

Аф ламос ащемда меле сась чудовищась.

— О, мон арьсень аньцек яксяргать ускть, а сон селезенькe ускозь. Ну, молодец, тяфтак нильхте, или вийцень варжат мархтон?

Горохин сявозе кшнинь байдеконц и лиссь каршезонза. Весть реськафтозе богатырсь — ляцть колма пряпза. Омбоцеда реськафтозе — тага колма прят ляцть.

— Ну, Иван Горохин, саты, тямак адела совсем,— ушедсь эняльдема чудовищась.

— Нинге тямак шав! Мон тейть няфтьса, штоба больше афолеть сивонде ломатть,— и Горохин ляцьфтезень сембе прятнень. Стирсь лоткась авардемда и терди богатырть эса дворецу. Горохин атказась, корхтай:

— Монь кудса тевозе ули, аш мзярда.

Омбоце шиня тага кармасть пайкнень шавома.

— Мезень тя шум, бабай?— тага кизефтезе Иван Горохин.

— Тя, цёрай, омбоце стиренц прважай оцязорсь чудовищати.

Богатырсь каясь стаканц ведь...

— Кда, бабай, верыяй ведсь, то нолдайть пирьфста зверьхнень,— а сонць эстокиге сявозе байдеконц и тусь эрьхкть ширес.

Пачкодсь эрьхкть малас, няезе, оцязорть стирец аварькшни. Мольсь Горохин малазонза и ваны, содаф стирсь.

— Местема, добрай ломань, сать? Катк монць ськамон юман,— корхтазевсь оцязорть стирец.

Сась илядьсь. Появась чудовищась и корхтай:

— Ну, кда монь ёмла брадозень шавить, то тячи пецень сатса.

Лиссть карань-каршек. Богатырсь яфодсь — ляцть чудовищать колма пряпза.

Аф лама пингта меле ляцьфтезень тага колма прянзон. Тюрсть, тюрсть, сизесть, и корхтай богатырсь:

— Давай вайматама. Всякай войнаса эряй, вдь тиендихть перерыфт.

Чудовищась согласиндась аньцек 5 минутас. А стаканца ведсь верыясь. Горохинонь звереиза кармасть порема касякнень. А бабась тя пингть матодовсь.

Горохин таргазе кямонц и ляцезе кудть шири. Кямоц повсь куд уголти — шерьхкозевсь кудсь. Стясь бабась, нолдазень зверьхнень. Зверьхне бурякс лийсть тоза, косоль богатырсь. Пачкодсть и кармасть сязендема чудовищать эса, аньцек сиволь пакшне лийсть эздонза.

Чудовищать сязендезь пакшень-пакш.

Тяда меле оцязорсь тись оцю праздник. Тердезень сембе ломаттнень пирс. Иван Горохин корхтай:

— Аде, бабай, миньге мольхтяма.

Сявозень зверьхнень мархтонза и тусть оцязорть дворецонцты. Мзярда ломаттне няезь, кармасть пелема.

— Тяда пель,— корхтай Горохин,— синь тинь аф токатядязь.

Стирьхне варжакстсть и содазь и богатырть, и зверьхнень, конат аралазь чудовищать эзда.

— Вов, аляй, ваймонь идиеньке,— корхтайхть стирьхне.

Оцязорсь васенда ашезь веронда, но мзярда азондозь сембе тевть, сон пякстазе Иван Вознесенскяйнь, а Иван Горохинонь путозе вастозонза оцязоркс, а сембода цебярь стиренц максозе рьвакс.

Мелеоцязорсь кармась дивандама, кода овоц кеподезе государствать. Ламос кармасть лятьфнемонза и шнакшнемонза Иван Горохинонь. Кие аньцек афольхце сода тя предводительть, кона ульсь ёню, опытнай, гуманнай и оцязоронь кельгома.

ИВАН ГОРОХИН

Жили-были старик со старухой вдвоем. Не было у них ни рожденного, ни растущего. Однажды старуха пошла на реку белье стирать. Моет, стирает она, смотрит: по воде плывет набухший горох. Остановился он против старухи и стал кружиться на одном месте. Старуха достала горох, положила в рот и проглотила. Прошло девять месяцев, и у неё родился сын. Старик со старухой дали ему имя Иван Горохин.

Иван Горохин не по дням, а по часам растет. А когда он стал взрослым, говорит своему отцу:

— Ну, батюшка, закажи мне в кузнице железную палку и благослови меня. Мне хочется людей посмотреть и себя показать.

Старик пошел в кузницу заказывать палку. Сделали палку, отец отдал сыну. Иван Горохин бросил палку вверх. Когда она стала падать, он подставил ногу, и двадцатипятипудовая палка сломалась.

— Иди, отец, закажи мне пятидесятипудовую палку.

Отец заказал такую палку и передал сыну. Сын бросил ее вверх, да так высоко, что и не видно было палки. А когда она стала падать, Иван подставил ногу — и палка сломалась.

— Иди, отец, вели сделать семидесятипятипудовую.

Отец так и сделал, заказал такую палку. Иван подставил и под нее ногу. Палка ударилась и погнулась.

— Ну, теперь, отец, насушите мне сухарей, и я уйду.

Когда было все готово, Иван Горохин отправился в дорогу. Много он шел, много верст отшагал, и вдруг видит: под кустом спит богатырь. Это был Иван Вознесенский. Иван Горохин лег около него и заснул.

Проснулся Иван Вознесенский, смотрит и своим глазам не верит. Он уже хотел убить незнакомца, но потом подумал: «А зачем же его убивать, ведь он не убил меня, когда я спал».

Проснулся Иван Горохин, а Иван Вознесенский говорит ему:

— Ну, давай померяемся силой.

Оба согласились. Иван Вознесенский ударил Ивана Горохина — богатырь только качнулся. Иван Горохин как ударит Вознесенского — тот, как сноп, свалился с ног.

— Ну, теперь я тебе буду младшим братом,— сказал Иван Вознесенский.

После этого оба они пошли дальше. Шли, шли, проголодались. Смотрят — в степи коровье стадо. Иван Горохин схватил корову за хвост и тряхнул ее — шкура осталась у него в руке, а мясо вылетело. Сварили мясо, поели и пошли дальше. Шли, шли они, нашли в лесу большой дом с двором, полным скота. Горохин говорит Вознесенскому:

— Ты из этих животных сваришь обед, а я пойду поохочусь.

Пошел Горохин раненько. Вот прилетает в дом Кащей, а Иван Вознесенский в это время обед готовит.

— Вознесенский, накорми меня, а то и тебя съем,— говорит Кащей. Иван Вознесенский отдал ему половину мяса, тот съел и не насытился.

— Дай еще,— говорит Кащей.

Иван отдал и все остальное. Кащей пообедал, а потом приподнял угол дома, засунул под него голову богатыря, а сам улетел. Мучился, возился младший богатырь и кое-как освободился. А в это время и Горохин возвратился с охоты, а еды нет.

— Почему ты, Вознесенский, не сварил обед?— спрашивает Горохин.

— Дрова сырые, никак не смог я их разжечь,— отвечает тот.

На другой день обед варить остался Горохин, а младший богатырь ушел на охоту. Он освежевал быка, положил мясо в котел и начал варить обед. Как только сварился обед, снова прилетает Кащей.

— Горохин, накорми меня!

— У тебя у самого хватит сил работать,— ответил богатырь.

— Да я и костей не оставлю!— начал грозиться Кащей.

Горохин схватил его за бороду и давай его головой ударять об стену. Вырвался Кащей и полетел к лесу, а клок бороды остался в руке Горохина. Богатырь кинулся за ним, но тот долетел до норы в земле и влез туда.

— Ну, теперь знаю, почему не сварился твой обед,— говорит Горохин, когда с охоты возвратился Вознесенский.— Теперь давай, брат, совьем веревку и спустимся в ту яму, куда спрятался Кащей.

Надрали они лыка и свили веревку длиною метров в сто. Когда веревка была готова, они пошли к той пещере.

— Спусти меня, брат, а сам жди здесь,— приказал Иван Горохин Вознесенскому.

Младший богатырь спустил его на веревке в это отверстие.

Горохин увидел там дворец. Подошел он к дворцу, а в окно дворца смотрит девица-красавица. Это была царская дочь, её похитил Кащей.

— Эх, Горохин, зачем сюда пришел: явится сюда Кащей Бессмертный и прикончит он тебя,— говорит девица.

— А я как раз его и ищу.

— Он у моей младшей сестры. Иди туда-то и туда-то,— велела она.

Богатырь пошел бродить вдоль морского берега. Смотрит: у самого берега в зарослях отдыхает, греется на солнце щука. Горохин прыгнул в воду и схватил щуку, чтоб зажарить её. Но рыба заговорила человечьим голосом:

— Не трогай меня, богатырь, я еще пригожусь тебе.

Горохин отпустил рыбу и пошел дальше. Так он дошел до дворца и видит в окне девицу-красавицу, более красивую, чем первая.

— Эх, парень, зачем ты сюда пришел? Отсюда никто живым не уходил,— жалобно заговорила красавица.— Иди-ка лучше в лес. Там ты найдешь дуб. На дубу есть сундук, в сундуке живет заяц, внутри зайца утка, в утке—яйцо. Это и есть смерть Кащея Бессмертного.

Горохин берет ружье и идет туда, куда велела идти девушка. Дошел до леса, нашел тот дуб. Богатырь ухватился за ствол дуба и переломил его пополам. Упал сундук на землю, треснула его крышка, выскочил оттуда заяц и пустился наутек. Горохин прицелился из ружья и убил зайца. Вылетела из зайца утка. Горохин убил и утку. От убитой утки отделилось яйцо и упало в море.

Приуныл Горохин. Ходит по берегу моря и тужит. Увидела его щука и спрашивает:

— Почему, богатырь, не весел?

— Как почему: утиное яйцо упало в море.

Щука тут же всех рыб послала искать яйцо, всю воду взбаламутили. Немного погодя щука выносит из воды яйцо, и Горохин пошел в тот же дворец.

— Ну, как, достал?— спрашивает девица.

Богатырь рассказал, как он нашел дуб, яйцо, и они вместе сели за стол обедать.

— Теперь он явится вечером. Он будет тебя поить пивом, которое находится в подполе с правой стороны. От этого у тебя пропадет вся сила. Ты пей из бочки с левой стороны, от этого пива твоя сила прибавится.

Прошло какое-то время, загудело, зашумело что-то, как лес шумит.

— Это он прибывает,— говорит девица.— Иди скорее, я тебя спрячу.

Она спрятала его в чулан, а сама вышла встречать Кащея.

— Фу, русский дух в моем доме.

— Перестань зря говорить, мотаешься не знай где,— возразила ему девица.

Сели обедать, и девица заговорила:

— Что бы ты сделал, если бы мой брат пришел сюда в гости?

—Три дня гулял бы с ним. Вот что сделал бы я.

— А он ведь здесь,— говорит царская дочь.

— А зачем же его ты прячешь? Выводи!— закричал Кащей.

Вышел Иван Горохин, протянули друг другу руки, поздоровались. Ивана посадили за стол. Стали они пить. Иван пьет из бочки с левой стороны и от этого почувствовал силу.

— Ну, а теперь, Горохин, давай померяемся силой.

Богатырь как ударил Кащея, тот наполовину в землю ушел, второй раз ударил — по грудь в землю влез, но никак не умирает. Горохин вынимает из кармана яйцо и говорит:

— Хватит, подушил ты людей, но я нашел конец твоей жизни.

Он разбил яйцо, и Кащей перевернулся, свалился совсем. Горохин захватил царскую дочь, и пошли они за второй. Потом пошли к тому месту, откуда пришел богатырь. Богатырь качнул веревку: дал сигнал, чтобы его тащили. Посадил и девицу.

Тянул, тянул веревку Вознесенский, смотрит — девица. Он несказанно обрадовался этому. Вторично спускает — опять девицу вытащил. Спустил веревку в третий раз, стал тянуть. Немного уже осталось до верха, и Вознесенский понял, что это Горохин. Он обрезал веревку, и тот камнем свалился вниз. Горохин так ушибся, что еле-еле добрался до первого дворца. А Вознесенский взял девиц и пошел с ними в их дом. Царь обрадовался, устроил пир, весь народ пригласил на гулянье.

А Горохин встал на второй день, взял свое ружье и пошел бродить по краю леса. Видит — сухой дуб, а на дубу раненый орел сидит. Иван Горохин направил ружье, чтобы убить орла. Орел заговорил:

— Горохин, не убивай меня, я тебе добро сделаю.

Богатырь опустил ружье. Но немного погодя снова прицелился на птицу. Орел снова взмолился:

— Иван Горохин, оставь меня в живых.

Богатырь снова опустил ружье. А потом в третий раз поднял его на орла. Потом он опустил ружье, снял птицу с дуба и понес домой.

— Как ты был ранен?— спросил богатырь орла.

— Да тут между птицами война была, мой отряд весь погиб, а сам я остался израненный.

Шло время, и орел однажды говорит:

— Теперь давай приготовь 25 пудов мяса, 25 ведер воды.

Иван Горохин приготовил 25 пудов мяса, 25 ведер воды, и они собрались лететь. Положил он мясо и воду на спину орла, и тот взлетел. Вот он летел, летел и говорит:

— Посмотри-ка вниз, видишь там что-нибудь?

— Небольшую водичку.

Орел сбросил с себя богатыря, и тот упал в воду. Смотрит орел — тонет, бросился вниз и схватил его.

— Ну, как? Напугался, Иван Горохин?

— Как не напугаться, думал утону.

— И я ведь напугался, когда ты ружье наставил на меня.

Вышли они на берег. Орел и говорит:

— Теперь, Горохин, приготовь 50 пудов мяса и 50 ведер воды.

Богатырь пошел на край леса, нашел стадо, зарезал быков и принес их орлу. Орел взлетел вторично.

— Посмотри-ка, Горохин, ничего не видишь?

— С ковшик водицу.

Спустил орел богатыря вниз, и тот шлепнулся в воду. Видит орел, что его друг тонет, бросился вниз, вытащил его.

В третий раз Горохин приготовил 100 пудов мяса и 100 ведер воды. Взлетели они и в третий раз. Вот они уже недалеко от поверхности, когда кончились мясо и вода. Горохин отрезал икру ноги и кинул ее орлу в пасть.

— Эх, какой вкусный кусок, Горохин,— сказал орел.

Когда они вышли из подземелья, Иван рассказал, что он вместо бычьего мяса отрезал кусок от своей ноги. Орел отрыгнул этот кусок мяса и приложил его к бывшему месту. Рана зажила. Они сказали друг другу спасибо, попрощались, и отправился каждый своей дорогой.

Горохин шел, шел, увидел волка и поймал его. Потом он поймал так медведя, а пройдя часть пути, поймал тигра. На привязи он повел зверей за собой. Шел он, шел, вышел в село. Вошел в крайнюю избушку и попросил хозяйку:

— Бабушка, пусти переночевать.

— Войди, сынок,— отвечает старуха.

Горохин выпустил зверей во двор, а сам лег. Утром дал старухе денег, чтобы та купила мяса и накормила зверей.

Недалеко от этого места было озеро. Здесь жил двенадцатиглавый старик-чудовище. Ежедневно он уносил по человеку и съедал его.

Когда старик узнал, что вернулись две царские дочери, он послал пакет, в котором просил царевну. Утром следующего дня зазвонили колокола.

— Бабушка, что за шум такой?— спрашивает богатырь.

— Это провожают царевну, прощаются с ней.

Стало вечереть. Привезли к озеру жену Ивана Вознесенского.

Горохин взял с собой сухарей, железную палку и пошел к озеру. Когда он подошел, увидел плачущую царскую дочь и узнал её. Царская дочь сквозь слезы проговорила:

— Зачем пришел сюда, добрый человек? Пусть уж погибну я одна.

Немного погодя появляется чудовище.

— О, я полагал, что привезут только уточку, а тут и селезня привезли. Ну, молодец, так я тебя проглочу, или померяешься со мной силою?

Горохин взял железную палку и вышел против него. Ударил он — отлетели три головы, ударил второй раз — еще отлетели три головы.

— Ну, Иван Горохин, хватит, не убивай меня совсем,— стало просить чудовище.

— Не убивай еще... я тебе покажу! Чтоб ты больше не ел людей.

Горохин отрубил все головы. Девица перестала плакать и стала просить богатыря, чтобы он пошел с ней во дворец. Иван отказался:

— У меня дома дел много, времени нет.

На второй день снова зазвонили колокола.

— Что за шум, бабушка?— спрашивает Иван Горохин опять.

— Это, сынок, царь провожает свою дочь на съедение чудовищу.

Богатырь налил в стакан воды и сказал старушке:

— Если, бабушка, окровавится вода, то выпусти со двора моих зверей.

А сам Иван взял железную палку и пошел к озеру. Подходит он к озеру, смотрит — царевна плачет. Подошел к ней Горохин, узнал её.

— Зачем ты, добрый молодец, пришел сюда? Пусть уж лучше одна я погибну,— заговорила царская дочь.

Стало темнеть. Вышло чудовище и говорит:

— Ну, если вчера ты убил моего младшего брата, то сегодня я прикончу тебя.

Вышли друг против друга. Махнул богатырь — отлетели три головы чудовища. Через некоторое время срубил он еще три головы. Бились, бились они — устали. Богатырь и говорит:

— Давай сделаем отдых. Ведь во всякой войне перерывы, перемирия бывают.

Чудовище согласилось дать отдых только на пять минут. А вода в стакане окровавилась. Звери Горохина стали грызть косяки двери. Но бабушка в это время заснула.

Горохин стащил с ноги сапог и бросил в домик старухи. Сапог попал в угол домика и сотряс его. Проснулась старуха, скоренько выпустила зверей. Звери побежали в то место, где был богатырь. Добежали, кинулись на чудовище, стали его рвать со всех сторон. На куски разорвали его.

После этого царь устроил праздник. Позвал на пир всех людей. Иван Горохин говорит дома:

— Пойдем, бабушка, и мы с тобой.

Они взяли с собой зверей и пошли во дворец царя. Увидя зверей, люди взвизгнули, всполошились.

— Не бойтесь,— успокоил их Горохин,— они вас не тронут.

Дочери царя пригляделись, узнали своего богатыря и зверей, которые помогли спастись от чудовища.

— Вот, отец, наш спаситель,— говорят царевны.

Царь не поверил этому, но когда дочери все рассказали, он запер Ивана Вознесенского в тюрьму, а Ивана Горохина поставил на свое место царем, выдал за него дочь. И стал царь восхищаться тем, как молодой Горохин поднял государство. И многие стали вспоминать и хвалить Ивана Горохина. Кто только не знал этого предводителя — умного, опытного, гуманного, любимого царя.

ОФТОНЬ ЦЁРА

Попавась мольсь пяштьс. Прась офтонь утос. Офтсь ашель тоса. Офтсь няезе, попавась утоса, и кандсь канда, пякстазе утоти. Тусь, синнесь нешке, маразе меденц кярня лангс и кандозе попавати. Стане трязе пяле киза, и попавась пекиясь. Ётась вейхкса кофт, и сась шачфтома времац. Шачсь цёра, лемонц путозе Иван, Офтонь цёра-богатырь.

Касы ся цёрась аф кизоса, а частса. Ётась пяле киза, цёрась корхтай тядянцты:

— Тядяй, мес минь мода потмоса эрятама?

— Эх, цёраняй, минь саламазь офтсь.

— Аде, тядяй, листяма!

— Эх, цёраняй, коданга аф лисефтяма, офтсь каннесь лама кандта.

— Ожу, тядяй, варжакстан.— Сон изь кенерь кяденц венептемс, канттне каладсть, синь лиссть утоста и тусть паксяв.

Сяда меле сась офтсь, варжазе: аш авац, аш цёрац, и тусь мельгаст, сонць пешкоды. Марязе попавась и корхтай цёранцты:

— Эх, цёраняй, тяни сивсамазь.

— Ожу, тядяй, сяван илиня, араласа прязень.

Сон таргась коряннек тума, кундазе пряпеда и эрьхтезе офтть коняс. Шавовсь офтсь.

Мольсть куду. Серьгядсть попти:

— Мук миндейнек панархт-понкст!

Попсь марязень и шарьхкодезе вайгяльс коре аванц. Каязень лангстонза панаронзон-понксонзон и ёрдазень тейст. Синь щасть и сувасть попть шири. Попсь мольсь малазост, здоровондась цёранц мархта.

— Ну, цёрай, аре ванды тяляма.

— Аф тяляма, аляй, архт тифтть сисем путт таргай кшнинь байдек.

И тусь аляц тифтсь кшнинь байдек. Ёрдазе Иван вяри, повсь туцятненди. Попсь и мярьги:

— Ну, цёрай, тон аф тряезят.

Тусь Иван ков няихть сельмонза. Мусь эстейнза кафта ялгат. Кафцьке эсь кодямонзот, вии богатырьхть. Мольсть-мольсть,

пачкодсть дикай степи и мусть стама васта, коста лисенди кемгафтува пряса куй.

Лоткасть тяза эряма и путсть тумонь куд.

Кажнай шиня куйсь анцель сивомс ломатть. И мярьги Иван:

— Ну, ялгат, молян мон ся куйть мархта тюрема.

Путсь шра лангс шава шаваня и пезфтась кучказонза пеель.

— Ну,— мярьгсь,— мяляфтомасть моньге. Сай веть веньберьф тяда уда, ванондода ва тя шаваняти! Мзярда сон пяшкоди верда и веляй пеельсь, тинь пиярдесть и озафтость шра лангс.

Пачкодсь седь алу и мадсь. Пялевешкада сась кемгафтува пряса куйсь, кемгафтува вайгяльбе вяшкомац маряви. Пачкодсь седть пес, пупордась куйть алашац. Корхтай куйсь:

— Мес, алашаняй-матаняй, пупорякшнят? Монь мархтон тюри аш. Ули фкя, Иван — Офтонь цёра богатырь, да сонь сязьгататне, варсихне пакаренэонга аф кандсазь.

— Тят пеетькшне, кемгафтува пряса куй. Кинь эзда пелендят, ся самай тяса.

— Ну, кда тясат, сак, виеньконь варжасаськ.

И кармасть тюрема. Тюрсть-тюрсть, кота прятнень Иван кярозень, а кототне илядсть. Иванонь кармасть сивомонза. А ялганза кудса матодовсть. Шаванясь пяшкодсь верда, и велясь пеельсь. Иван таргазе види пильгонь башмаконц и ёрдазе сире тумонь кудть пачк, прась ялгатнень бокс. Сргозсть ялгатне, пиярдезь верть, озафтозь шаванять меки шрать лангс и пезфтазь пеельть. Эста Иван керозень куйть омбоце кота прянзон, кевть алу маразень и кевть мархта вельхтязень.

Сась ялганзонды:

— Ну, ялгат, арда тяни кшни нярь каназоронь стиренц ладясаськ мондейне.

И тусть ладямонза. Сай каршезост аля.

— Ков мольхтяда?

— Мольхтяма кшни нярь каназоронь стиренц ладяма.

— Эх, сон тейнть аф ладяви, сонь кафта оркс офтонза, кодак мольхтяда — сифтядязь. А мон сетьмофтьсайне.

— Ну, аде тонга.

И тусть. Мольсть-мольсть, сай каршезост аля.

— Ков мольхтяда?

— Кшни нярь каназоронь стиренц ладяма.

— Ох, тейнть аф ладяви. Сон, кодак мольхтяда, кошардсыне колмогемонь стиренэон — сязенттядязь. Тинь аф машттада лоткафтомост, а мон лоткафтсайне.

— Ну, аде тонга.

И тусть. Мольсть-мольсть, сай каршезост аля.

— Ков мольхтяда?

— Мольхтяма кшни нярь каназоронь стиренц ладяма.

— Сон сисем шит ушни кшнинь баня, тейнть аф кельмофтеви, а мон кельмофтьса.

— Ну, аре тонга,— и тусть сембе марса.

Пачкодсть кшни нярь каназоронь ортанц лангс. Ардсть кафта офтт. И лиссь ся атясь, кона хвалендась, кундазень кафць-конь пиледа и ёрдазень боку, шавовсть офттне. Пачкодсть ортати, стиренза лиссть сялгафнема. Аф лоткафтовихть коданга. Лиссь ся атясь, кона хвалендась, кеподезе панаронц каркс-эземда вяри, стирьхне визделгодсть. Визделгодсть, лоткасть сялгафнемда, и сувасть кудатне куду. Кшни нярь примазень лац и мярьги:

— Ну, сватт, аряда тяни эшеляма. Кда эшелятада банясон, макссa стирезень, а кда аф эшелятада, кярсесайне прянтень.

И тусть эшеляма. Сисем аськолкст ашесть нежеде баняти. И лиссь ся алясь, кона хвалендась, уфась банять лангс, и банясь кельмось, шачсть эйзюрот. Сувасть эшеляма. Иван, пешкодсь свадонцты:

— Мес, сват, баняце пяк кельме?

Сон отвечась:

— Ну, сват, монга аля улень, тонга алят.

И максозе стиренц Иванонди.

МЕДВЕЖИЙ СЫН

Попадья пошла по орехи и свалилась в медвежью берлогу. Медведя дома не было. Приходит медведь, видит: в доме попадья, повернулся, принес бревно и бревном подпер дверь. Потом он ушёл в лес, сломал улей, выложил мед на лубок и все это отнес попадье.

Так он кормил попадью полгода, а через полгода она затяжелела. Пришло время родить. Попадья родила мальчика и назвала его Медвежий сын-богатырь.

Растет богатырь не ежедневно, а ежечасно. Прошло полгода, и сын спрашивает мать:

— Матушка, а почему мы в земле живем?

— Ох, сын, нас похитил медведь, а твой настоящий отец — поп.

— Давай, матушка, выйдем...

— Эх, сынок, нам никак не выйти: медведь натаскал много колодин.

— Подожди, матушка, попробуем. Он не успел нажать рукой, бревна рассыпались. Они вышли из ямы, пошли в поле.

Вернулся медведь: нет ни попадьи, ни сына, и с ревом побежал за ними. Услышала попадья погоню и говорит сыну:

— Ой, сынок, теперь он нас съест.

— Подожди, матушка, возьму дубовую погонялку, оборонюсь от него.

Он вытащил с корнем дуб, схватил его за вершину и бросил в лоб медведя. Убил медведя. После этого пришли они на гумно. А там поп овин ставит. Они крикнули попу:

— Принеси нам одежду!

Поп услышал и догадался, что это голос жены. Он снял с себя одежду и бросил им. Они оделись, и все вместе пошли к попу. Поп завел их в дом, поздоровался с ними, с сыном.

— Ну, сынок, пойдем завтра молотить.

— Не молотить, батюшка, а вели сделать семипудовую палку.

Пошел поп, заказал железную палку. Бросил Иван палку вверх, добросил до тучи.

— Ну, сынок, ты не кормилец мне.

Пошел Иван куда глаза глядят, нашел себе двух товарищей, как и сам, сильных богатырей. Пошли они вместе. Идут и идут, и дошли до такого места, откуда выходит двенадцатиглавый змей. Остановились они здесь и построили дом из старых дубов.

Змей ежедневно требовал для съедения по одному человеку. Вот говорит Иван-Медвежий сын:

— Друзья мои, я пойду драться с этим змеем.

Он поставил на стол пустую чашку и воткнул в нее нож.

— Ну,— говорит,— друзья, не забывайте меня... В бурную ночь не спите, следите за этой пустой чашкой. Когда она наполнится кровью и упадет в ней нож, вы слейте кровь из чашки и снова поставьте на стол.

Дошел он до моста и спрятался под ним. В полночь подъезжает на коне двенадцатиглавый змей. За двенадцать вёрст слышно его приближение. Подъехал змей к мосту, остановилась его лошадь. Змей её спрашивает:

— Что ты, лошадушка, спотыкаешься? Для меня нет противника. Есть один богатырь, Иван-Медвежий сын, но сюда воронам и сорокам и костей его не занести.

— Не хвастайся, двенадцатиглавый змей: кого ты боишься, тот самый здесь и есть.

— Ну, коль ты здесь, выходи, давай испытаем силы.

И начали они биться. Бились, бились, Иван отрубил шесть голов, а другие шесть остались. Змей стал одолевать Ивана. А друзья его в это время спали. Чашка наполнилась кровью, перевернулся нож. Иван скорее снял с ноги башмак и бросил в избу. Он прошел через дом, упал около друзей. Те вскочили, слили кровь, поставили чашку на старое место, воткнули в дно нож. Тогда Иван отрубил остальные шесть змеиных голов, зарыл их и придавил камнем.

Приходит к своим братьям-товарищам.

— Ну, братцы, теперь пойдем для меня сватать дочь царя с железным носом.

И пошли они все вместе. Навстречу идет старик.

— Куда вы так идете?

— Идем сватать дочь железноносого царя.

— Э-э, вам её не взять. У царя есть два диких медведя. Как только придете туда — они вас разорвут. Но я могу их унять.

— Так пойдем с нами.

Пошли. Шли, шли, идет навстречу старик.

— Куда идете?

— Сватать дочь железноносого царя.

— Её вам не взять. Как вы придете, царь заставит своих двенадцать дочерей укорять вас. Вы не сможете их остановить. Правда, я их угомоню.

— Так иди и ты с нами.

Пошли. Идут, идут, встречают старика.

— Вы куда идете?

— Идем сватать железноносого царя дочь.

— Он заставит семь дней топить железную баню. Чтобы мыться в ней, надо остудить её. Вам её не остудить. Я это смогу сделать.

— Иди и ты с нами.

И пошли все вместе. Дошли они до ворот железноносого царя. Прибежали два диких медведя, кинулись на них. Вышел тот старик, который хвастался, уцепился он за медвежьи уши и отбросил медведей в сторону. Они подохли. Подошли к воротам. выбежали дочери царя и давай ругать сватов, жениха. Никак их не унять. Вышел старик, который хвастался, поднял рубашку выше пояса, и пристыженные дочери царя, перестав ругаться, ушли. Сваты — в избу. Царь с железным носом принял их хорошо и говорит:

— Ну, сваты, помойтесь-ка в бане. Сможете помыться в моей бане, отдам свою дочь, не сможете, головы вам снесу.

Пошли мыться в баню. Пришли. За семь шагов не подойти к бане. Тогда зашел старик, который хвастался, и баня остыла, даже сосульки появились. Вошли все в баню. Иван крикнул царю:

— Что это у вас баня холодная?

— Ну, сваты, я был молодцом, и ваш жених — молодец.

И выдал он свою дочь за Ивана.

ИВАШКА ПРИМЕТЛЬФ

Фкя царстваста салазень кати-кие ни шинять, да ковнять, да сембе тяштенятнень. Может, сяда, а может, ни колма сядот киза ашель тя царстваса кодамовок свет. Весть кочказе оцязорсь народонц и мярьги:

— Кие сатсы меки шинять, да ковнять, да тяштенятнень, сянди макссa царствать пяленц.

Эста лиссь народть ётксta Ивашка Приметльф, а сон аф кунара нинге шачсь.

— Мон молян светонь сатома,— корхтай оцязорти.

— Тейть аф сатови, тон аф кунара шачеть, нинге лишме лангс изеть озсе,— корхтай оцязорсь и нолдазе меки народонц кудга.

Етась мзяра киза, тага кочказе народть. Тага кивок изь лисе. Аньцек Ивашка Приметльф ськамонза. Ну, оцязорсь тага сонь ашезе куче, народтьке нолдазе кудга.

Етась мзяра киза ни, колмоцеда оцязорсь кочказе народть, и тага кивок изь лисе, аньцек ськамонза Ивашка Приметльф:

— Мон молян светонь сатома.

— Аф сатови тейть, Ивашка, кодамовок свет, тон аф кунара шачеть, ашеть озсе лишме лангс ардомонга.

— Сембе сяка светть меки сатса,— корхтай Ивашка Приметльф.

— Ну, архт эста,— мярьгсь оцязорсь.

Максеть мархтонза пара алаша, кучер, пяштть и нинге мезе эряви. Моли да моли Ивашка Приметльф, курендай трубканц, а трубказонза табакта тяльги аф лама аф кржа, фкя курендаманди мера табак.

Пачкодсь сон оцю седь малас, а седть лангса ащи оцю дворец. Ну, лоткасть синь седть малас, шарфтозь алашаснон, учезь веть саманц.

Веть кучерсь мадсь, а Ивашка Приметльф сявозе палашенц— и седть алу. Ащесь част, ащесь, может, колмошка, марясы, масторсь шерьхки, седсь увнай. Арды вете пряса куй Прямярялья. Ступ — пупордась Прямяряльянь алашац. У-у-у — уркодсь пинец, ш-ш-ш — вяшкозевсь соколоц.

— Фу, ведьгемонь киза тейне служатада, мезевок тяфтама ашель, или аф тя масторонь дух маряде?— кизефни Прямярялья.

— Марятама,— мярьгихть синь.

— Тяда пеле. Тейнек пелемс аньцек Ивашка Приметльфонь эзда, а сон аф кунара шачсь, тяза варси-кавал пакаренэон аф кандсыне.

— А мон тясан,— корхтай Ивашка Приметльф.

— Местема сать? Мирендама или тюрема?

— Нечистай духть мархта Ивашка аф мирендакшни, а куломс тюри.

— Ну, давай тюрьхтяма.

Тюрсть-тюрсть, Ивашка Приметльф керозень Прямяряльять колма прянзон.

— Давай вайматама, Ивашка Приметльф, няйса, сизеть,— мярьги куйсь.

— Вайматама так вайматама,— согласиндась Ивашка.

Эстокиге ёрдавсь куйсь види кядь шири боцькяти винада симома, но Ивашка сяда инголи сатозе тя боцькять, куйти савсь симомс кержить эзда. Симсть-ярхцасть, тага тргадсть.

Керозень Ивашка куйть лядыкс прянзон, тусь кучеронцты. Ащесь част, а может, колма, увназевсь вармась, шерьхкозевсь масторсь, эрнай седсь: сай сисем пряса Прямяряльясь. Ступ — пупордась Прямяряльянь алашац, у-у-у — уркодсь пинец, ш-ш-ш — вяшкозевсь соколоц.

— Сизьгемонь киза служатада тейне, а тя ашель: ашеде путоря, ашеде вяшке, а тяни мес тяфта? Или аф тя масторонь дух маряде?

— Да,— мярьги алашац.

— Тяда пеле, Ивашка Приметльф аньцек шачсь, тяза варсикавал пакарензонга аф кандсыне.

— А мон тясан,— мярьги Ивашка.

— Мирендама сать или тюрема?

— Аньцек тюрема сань,— мярьги Ивашка Приметльф.

— Эста давай тюрьхтяма.

Кармасть тюрема. Ивашка керозень куйть ниле прянзон.

— Ну, давай, Ивашка, вайматама, няйса, сизеть тон.

— Вайматама так вайматама,— мярьги Ивашка Приметльф, а сонць тага сатозе види кядь пирдень боцькять.

Симсть-ярхцасть, ваймясть, тага кармасть тюрема. Керозень Ивашка Приметльф куйть лядыкс колма прянзонга. Тусь кучеронцты, а ся уды. Стяфтозе, ярхцасть ни, симсть, ваймясть, картаса налхксть, а веть Ивашка тага срхкай седь алу.

— Ну, кучер, тят уда тячи. Пезфтан седти пеель, а тон ватт лангозонза: кда туйхть вакскаиза верхт — архт куду ськамот, кда аф туйхть — учемак, аноклак вина да закуска.

Сонць сявсь зепозонза пяштть, валясь трубказонза мера табак и тусь.

Ащи ни седть ала, сивозень пяшттнень, кармась курендама, учи. Тяни полафтозень боцькятнень вастснон. Вдруг зярнязевсь масторсь: сай вейхкса пряса Прямяряльясь. Ступ — пупордась алашац, у-у-у — урокодсь пинец, ш-ш-ш — вяшкозевсь соколоц.

— Мес тяфта, или аф тя масторонь дух маряде? Вейхксогемонь киза служатада — мезевок ашель, а тяни?

— Да,— мярьгихть синь,— аф тя масторонь дух.

— Тяда пеле, Ивашка Приметльф аньцек шачсь, сонь тяза варсихне-кавалхне пакарензонга аф кандсазь.

— А мон вов тясан ни,— мярьги Ивашка Приметльф.

— Тюрема сать или мирендама?

— Тюрема сань,— мярьги Ивашка Приметльф.

Заводясть тюрема. Тюрсть-тюрсть, Ивашка Приметльф керозень куйть вете прянзон.

— Ну, Ивашка, давай вайматама, няйса, тон сизеть,— мярьги вейхкса пряса Прямяряльясь. А сонць комотсь симома види кядь шireса боцькяти. А Ивашка Приметльф сими кержи боконь боцькаста: сон вдь полафтозень синь вастснон. Сими Ивашка, касы виец. Сими Прямяряльясь — кири виец.

Симсть-ярхцасть, ваймясть, тага кармасть тюрема. Ивашка керозень куйть нинге кафта прянзон, а кафта лядыкс прятне повсть алашать пильгалу, тапавсть.

Сембе тишенятне, ковнясь да шинясь ульсть вейхкса пряса Прямяряльять кядьса. Сявозень синь Ивашка Приметльф и мольсь кучеронцты.

— Ну,— мярьги,— тяни аде куду.

Тусть ни куду, мольсть-мольсть, Ивашка Приметльф корхтай:

— А мон вдь юкстайне тозк варягачень.

— Молян кандсайне,— мярьги кучерсь.

— Тят яка, монць молян, а тон учемак.

Мрдась Ивашка Приметльф, мольсь дворецть кенкшенцты, кулхцонды, а тоса корхтайхть Прямяряльятнень тядясна-авасна.

— Эрька, васенце рьвянясь, кантта книга.

Ся кандсь книга, ванозе бабась, корхтай:

— Шавф тонь мирдце.

Кантфтозе омбоце книгать сисем пряса Прямяряльять аванц кядьста, ванозе, мярьги:

— Шавф тоньге мирдце.

Кантфтозе колмоце книгать вейхкса пряса Прямяряльять аванц кядьста, ванозе, мярьги:

— Тоньге тапазе Ивашка Приметльф. Арда, простясть тейнза, сатость да стожасть.

Тусть Прямяряльятнень авасна, арасть каршезонза — фкясь родникокс, омбоцесь марлюнякс, а колмоцесь вишке бурякс.

Моли Ивашка Приметльф кучеронц мархта, сатсть родник, эсонза сиянь кеченя. Кучерсь мярьги:

— Ох, симомазе сась, молян симан.

— Ожу,— мярьги Ивашка,— мон васенда.

Мольсь, керозе родникть туркс-нучк, тусть родникть эзда сыйхть-верхт.

Молихть ни сяда тов, садонь марьхне ломань пряшкат да якстерьхть-якстерьхть. Кучерсь венептезе кяденц, вешсь сявомда марь, а Приметльф Ивашка мярьги:

— Ожу, мон васенда.

Вачкодезе марлють туркс-пачк, тусть шудема сыйхть-верхт. Тусть, исть ярхца марьда.

Тага ни молихть сяда тов, меле ваныхть, мельгаст сай вишке буря.

Сатсть синь кшнинь кузнеця, сувасть эзонза, а тоса работай кшнинь кузнец. Сась бурясь, мярьги:

— Нолдамак, кузнец, сивсайне тонь инжихнень.

— Нолсек кенкшезень да сувак,— мярьги кузнецсь.

Нолсесь-нолсесь — почкодсь кенкшсь, навазе варянява пряпц, а Ивашка Приметльф сявсь клещат, кундазе сонь кяльда, озась лангозонза ластя и тусь куду, а кучерсь моли инголи алашаса.

Мольсть-мольсть, васьфтсть стирень полк.

— Ха-ха-ха, цёрась кодама цебярь, алашац кодама дрянь.

Изь пшкяде мезевок Ивашка Приметльф, ётасть вакска. Тага ни мольсть-мольсть, васьфтсть цёрань полк.

— Ха-ха-ха, цёрась кодама цебярь, алашац кодама дрянь.

Изь пшкяде мезевок Приметльф, ётасть вакска. Молихть ни тага, васьфтсть сире атяня.

— Ха-ха-ха, цёрась кодама цебярь, алашац кодама дрянь.

— А тон нинге мезе юватькшнят, пейфтома татар!— пшкядсь Ивашка. Аньцек пшкядсь тяфта, кундазе атясь Ивашкань.

— Тон месть ластя арнят минь тядяньконь лангса?— ювади сон.

Мрдасть стирьхневок, цёратневок, нельгозь кядьстонза шинять, ковнять и тяштенятнень.

— Тяни мезе тиемс мархтонза? — кизефнесазь атять.

— Катк сатсы тейнек Буръяга бабань стиренц, нолдасаськ сонценьге, сявсы светтьке.

Тусь Ивашка Приметльф Буръяга бабань вешема. Мольсь-мольсь, сатсь ки лангса уды аля.

— Кият тон, баяр аля?

— Мон пси банянь эшентьфтиян.

— Аде мархтон, браткс ульхтяма.

— Аде.

Тусть кафта братт, сатсть ки лангса уды аля.

— Эй, кият тон, баяр аля?

— Мон ведьса калонь лувондыян.

— Аде мархтонк браткс.

Мольсть-мольсть колма братт, сатсть ки лангса уды аля.

— Эй, тон кият, пара аля?

— Мон менельса тяштень лувондыян.

— Аде мархтонк браткс.

— Айда.

Мольсть ниленест Буръяга бабань шири.

— Месть якатада, мазы од цёрат?

— Саме стирцень кудалама.

— Максса, максса, аньцек васенда баняса эшеляда.

Уштсь баня, кучезень эшеляма. А банясь кшнинь, толкс ащи, крфай. Сувась пси банянь эшеньфтись — кельмось банясь, тиевсть эзонза эйзюрот. Састь цёратне куду.

— Эрь,бабай, эшеляме банясот.

— Лад, тяни максса стирезень.

И кармась эсь стиренц петькольса шавома.

— Кодак лисят ортаста — ведьс юмак, ведьста лисят — менельс юмак.

Кодак лиссь ортаста стирсь, юмась ведьс.

— Эрька тон, калонь лувонды, мельганза.

Тусь калонь лувондысь, таргазе стирть ведьста.

Кодак таргазе ведьста, стирсь юмась менельти.

— Эрька тон, тяштень лувонды, мельганза.

Тусь тяштень лувондысь мельганза, сатозе и тузе меки. Молихть тяни стирть максома, а стирсь корхтай:

— Кодак тутада вакссгон, лятьфтамасть моньге.

Пачкодсть васту, максозь стирть, сявозь шинять, ковнять да тяшттнень и тусть куду. Молихть-молихть, Ивашка Приметльф мярьги:

— Пяк цебярь стирсь, афолемаль када тейне тоза.

Сонць варжакстсь фталу, а стирсь ащи вакссонза озада.

— Монга тясан, Ивашка Приметльф.

Тяни ни мольсть ся малав, ся царствати, коса аш свет. Ивашка нолдась фкя тяштеня. Оцязорть солдатоц лиссь и няезе тяштенять, ласькс азомонза, а оцязорсь аф верондай.

Ивашка Приметльф нолдась тага тяштеня. Тя тяштенять няезе омбоце солдатсь, тявок азозе оцязорти. Оцязорсь тага изь веронда. Ивашка Приметльф нолдазе менельти ковнять. Лиссь оцязорть авац, дивандай, ювадезе оцязортьке.

— Ватта, ватта, ковнясь лиссь.

Ивашка Приметльф сась, нолдазе шинять, и валдомсь сембе царствась.

Тоса сон рьвяясь мазы стирть лангс и сявозе оцязорть кядьста сембе царствать.

Сембе ёфксськe.

* * *

— Цебярь ёфксце, Анна бабай.

— Цебярь, татаронь пингсь эсонза.

ИВАШКА ПРИМЕТЛЕВ

В одном царстве кто-то похитил солнце и луну, а с ними и ночные светила — звезды. Быть может, сто, а может, и триста лет не было в том царстве никакого светила.

Однажды собрал царь свой народ да и говорит:

— Кто достанет и вернёт обратно солнце, луну и звезды, тому дарю полцарства.

Вышел тогда из народа Ивашка Приметлев, тот, что и сам недавно родился.

— Я пойду за светилами,— говорит он царю.

— Тебе не достать, ты недавно сам родился, ещё и верхом на коне не сидел,— ответил ему царь и отпустил народ по домам.

Прошло там столько-то лет, царь опять собрал народ. Опять никто не вызвался. Только один Ивашка Приметлев. Но царь опять не послал, и народ отпустил домой.

Прошло еще несколько лет, царь в третий раз собрал народ, и опять никто не вызвался, только один Ивашка Приметлев.

— Я,— говорит,— пойду за светилами.

— Не достать тебе, Ивашка, никакого светила, ты недавно сам родился, не садился еще на ретивого коня.

— Все равно я добуду светила,— говорит царю Ивашка Приметлев.

— Ну, тогда ступай,— сказал царь.

Дал он ему пару добрых лошадей, кучера, орехов сколько надо и ещё что нужно.

Едет себе, едет Ивашка Приметлев, курит свою трубку, а в трубке табаку ни много ни мало, а на один покур всего одна мера[1].

Доехали они до большого моста, а на мосту огромный дворец стоит. Ну, остановились они возле, распрягли лошадей, дождались темной ночи.

Ночью, конечно, кучер лег спать, а Ивашка Приметлев взял палаш (саблю) свой и пошёл дожидаться под высокий мост. Сидит там час, сидит, может, и три часа, слышит: земля дрожит, мост гудит — едет пятиглавый змей Прямярялья. Ступ — споткнулся конь под ним, у-у-у — завыла его собака, ш-ш-ш — зашипел его сокол.

— Фу, пятьдесят лет служите мне, такого ещё не было, или чужеземный дух почуяли? — спрашивает Прямярялья.

— Почуяли,— ответили ему.

— Не бойтесь. Нам только и бояться надо Ивашки Приметлева, а он еще сам недавно родился, сюда ворон-коршун и костей его не принесёт.

— А я сам здесь,— говорит Ивашка Приметлев.

— Зачем пришёл: мириться или драться?

— С нечистым духом Ивашка не желает мириться, а желает насмерть биться.

— Ну, давай биться.

Бились, бились, Ивашка Приметлев отрубил три головы Прямярялью.

— Давай отдохнём, Ивашка Приметлев, а то я вижу, ты уставать начал,— говорит змей.

— Отдохнём так отдохнём,— согласился Ивашка.

Тут же бросился змей пить вино из бочки, что стоит по правую сторону. Но Ивашка раньше захватил эту бочку.

Пришлось пить нечистому духу из левой бочки. Попили, закусили, опять биться стали. Отрубил Ивашка змею и другие две головы, да и пошёл к своему кучеру. Днем выспался, в карты наигрался, а в ночь опять пошел под высокий мост. Ждет час, а то и три. Зашумел ветер, задрожала земля, загудел мост: едет семиглавый змей Прямярялья. Ступ — споткнулся конь под ним, у-у-у — завыла его собака, ш-ш-ш — зашипел его сокол.

— Фф-уу, семьдесят лет служите мне, такого ещё не было, или дух чужеземный почуяли?— спрашивает Прямярялья.

— Почуяли,— ответили ему.

— Не бойтесь! Ивашка Приметлев только родился, сюда и ворон-коршун костей его не принесет.

— А я здесь,— говорит Ивашка.

— Мириться пришёл или драться?

---

[1] Мера — кадочка, вмещающая пуд ржи или пшеницы.

— Только биться,— говорит Ивашка Приметлев.

— Тогда давай биться.

Начали биться. Ивашка отрубил змею четыре головы. С тремя головами остался змей.

— Ну, давай, Ивашка, отдохнём, а то, вижу, устал ты.

— Отдохнём так отдохнём,— говорит Ивашка Приметлев, а сам опять захватил бочку, что с правой стороны поставлена.

Попили, закусили, отдохнули, опять стали биться. Отрубил Ивашка Приметлев змею и те три головы. Приходит к кучеру, а тот спит себе спокойно. Разбудил его Ивашка, поели, попили, отдохнули, в карты поиграли, а ночью опять собирается он под высокий мост.

— Ну, кучер, не спи сегодня. Воткну в мост ножик, а ты сиди да смотри: если брызнет по ножу кровь, поезжай домой один, а не будет крови — меня жди, приготовь вина да закуски.

Положил в карман орехов сколько нужно, набил в трубку меру табаку и пошёл.

Сидит так под мостом, щелкая орехи, трубку закурил, ждёт, бочки переставил с левой стороны на правую, а с правой на левую. Вдруг задрожала земля: едет девятиглавый змей Прямярялья. Ступ — споткнулся конь его, у-у-у — завыла его собака, ш-ш-ш — зашипел его сокол.

— Отчего так, или чужеземный дух почуяли? Девяносто лет мне служили — не было такого, а теперь что?

— Да,— сказали они,— дух нездешней земли.

— Не бойтесь, Ивашка Приметлев только родился, сюда коршун и костей его не принесет.

— А я уж здесь,— говорит Ивашка Приметлев.

— Биться пришёл или мириться?

— Только биться,— говорит Ивашка Приметлев.

Стали они биться. Бились, бились, Ивашка Приметлев отрубил змею сразу пять голов.

— Ну, Ивашка, давай отдохнём, вижу, ты устал,— говорит девятиглавый Прямярялья. А сам кинулся к бочке, что стоит по правую сторону. А Ивашка Приметлев пьёт из левой бочки, он ведь переменил бочки местами. Пьёт Ивашка Приметлев — сила у него прибавляется; пьёт Прямярялья, а силы у него убавляются.

Попили, закусили, отдохнули, опять биться стали. Ивашка отрубил змею ещё две головы, а две другие конь его растоптал. Все звезды, месяц и солнце были у девятиглавого Прямяряльи. Взял их Ивашка Приметлев и пошёл к своему кучеру, а тот сидит да смотрит на ножик, воткнутый в мост.

— Ну,— говорит кучеру,— теперь поедем домой.

Поехали домой. Ехали, ехали, Ивашка Приметлев и говорит:

— Я ведь варежки свои там забыл.

— Вернусь я, захвачу,— говорит кучер.

— Сам пойду, а ты меня жди.

Вернулся Ивашка Приметлев, подошёл к двери дворца, сел и слушает. А там разговаривают мать Прямяряльевых да их жёны.

— А ну-ка, жена пятиглавого Прямярялья, принеси-ка мне книгу.

Та принесла книгу, старая раскрыла её и говорит:

— Мой сын, а твой муж — убит.

Приказала принести книгу жене семиглавого Прямярялья, посмотрела, говорит:

— И второй мой сын, а твой муж — убит.

Приказала принести книгу жене девятиглавого Прямярялья, раскрыла, говорит:

— И третьего убил Ивашка Приметлев. Идите, отомстите ему: догоните и уничтожьте.

Пошли вдовы Прямяряльевых, оборотились на пути: первая — родником, другая — яблоней, третья — сильной бурей.

Вернулся Ивашка Приметлев к кучеру, и поехали. Едут они с кучером, встретили у дороги родник студёный, а в роднике ковш серебряный. Кучер говорит:

— Ох, я давно пить хочу, пойду попью.

— Постой,— говорит Ивашка Приметлев,— попью я сперва.

Пошёл, ударил по роднику крест-накрест, брызнула из родника кровь-гной. Не стали пить, поехали дальше. Едут дальше, доехали до яблони, а на ней яблоки с человечью голову, да красные, румяные! Кучер протянул руку, хотел яблоко сорвать, а Приметлев Ивашка говорит:

— Постой, я сперва сорву.

Ударил по яблоне палашом крест-накрест, брызнула она гноем-кровью. Поехали дальше, не стали яблоки есть. Едут дальше, а за ними буря буйная гонится. Встретили у дороги железную кузницу, а в ней работает железный кузнец. Вошли в кузницу, закрыли дверь. Пришла буря, завыла:

— Впусти меня, кузнец, я съем твоих гостей!

— Языком своим пролижи дверь да и входи,— говорит кузнец.

Стала буйная буря дверь лизать — прорвала дверь; буря буйная просунула голову в отверстие, а Ивашка Приметлев схватил клещи, зацепил её за язык, взял молот железный, сел верхом на Прямяряльеву и поехал домой, вслед за кучером. Ехали, ехали, встретили целый девичий полк.

— Ха-ха-ха, парень хорош, а лошадь дрянь!

Ничего не сказал им Ивашка Приметлев, и те прошли мимо.

Опять едут дальше, встречают целый полк молодцов.

— Ха-ха-ха, парень сам хорош, а лошадь дрянь!

Ничего не сказал Ивашка Приметлев, и те прошли мимо.

Опять же дальше едут, встречают деда, старого-старого.

— Хо-хо-хо, парень до чего хорош, а лошадь под ним — кляча!

— А ты ещё, шамка беззубая, чего шамкаешь!— сказал Ивашка.

Только сказал это, старик схватил Ивашку.

— Ты чего это на моей родительнице верхом ездишь? — кричит старик.

Сюда прибежали и целый девичий полк, и целый полк молодцев, отняли у него солнце, месяц и звезды.

— А теперь что будем делать с Ивашкой? — спрашивают старика молодцы.

— Пусть он достанет нам дочь бабы Буръяги[1], тогда мы его отпустим самого и светила ему вернём.

Пошёл Ивашка Приметлев искать бабу Буръягу. Шёл, шёл, видит: на дороге спит мужик.

— Кто ты будешь, добрый мужик?

— Я охладитель горячих бань.

— Пойдём со мною, будем братьями.

— Пойдём.

Пошли два брата, видят: на дороге спит мужик.

— Эй, кто ты будешь, добрый человек?

— Я считаю рыб.

— Пойдем к нам в братья.

— Пойду.

Пошли три брата дальше, видят: на дороге мужик спит.

— Эй, кто ты будешь, добрый мужчина?

— Я звездочет.

— Пойдем к нам в братья.

— Пойду.

Пошли четыре брата к бабе Буръяге.

— По делам ли ходите, ясны молодцы? — спрашивает Буръяга.

— А пришли мы сватать твою дочь.

— Выдам, выдам, только вперед в бане помойтесь.

Баню сама Буръяга истопила: а баня железная, огнем пышет, полымем пылает.

Вошел в баню охладитель горячих бань — остыла баня, появились в ней ледяные сосульки. Вернулись в дом, говорят:

— Ну, бабушка, вымылись мы в твоей бане.

— Ладно уж, выдам свою дочь.— И стала Буръяга свою дочь пестом поучать:

— Как выйдешь за ворота,— в воде пропади, из воды выйдешь — в небе сгинь.

Только вышли за ворота — дочь Буръяги канула в воду.

— Ну-ка, ты, считатель рыб, за нею!

Пошел считатель рыб, достал невесту из воды. Только достал ее, а она сгинула в небе средь звезд.

— Ну-ка, ты, звездочёт, за нею!

---

[1] Буръяга — сказочный персонаж, напоминающий Бабу-Ягу.

Пошёл звездочёт, достал невесту.

Пошли уж теперь невесту сдавать, а невеста и говорит:

— Как уйдёте домой совсем, обо мне вспомните.

Пришли, сдали девицу, взяли солнце, месяц да звезды и домой пошли.

Едут теперь, а Ивашка Приметлев и говорит:

— Ух, хороша девица, жаль мне, что там оставили.

Оглянулся Ивашка Приметлев, а девица рядом сидит:

— И я здесь, Ивашка Приметлев.

Подъехали близко к дому, к тому царству, где света нет, а тьма тьмущая. Ивашка Приметлев выпустил в небо одну звездочку.

Вышел на крыльцо один солдат царский и увидел звездочку, побежал к царю. А царь не верит солдату: он думал уж погиб Ивашка Приметлев до сих пор. И приказал царь отрубить голову своему верному солдату.

Ивашка Приметлев выпустил в небо другую звёздочку. Эту звёздочку увидел другой солдат царский, побежал говорить царю. Царь опять не поверил и отрубил голову своему верному солдату. Ивашка Приметлев выпустил в небо месяц ясный.

Вышла на крыльцо царица, диву далась, царя позвала.

— Смотри, смотри, это месяц всходит!

Царь помолился, хотел поднять мёртвых солдат, да поздно.

А Ивашка Приметлев приехал, выпустил красное солнце, и осветилось всё царство кругом.

Потом он женился на той красивой девице и взял у царя всё его царство. Вот и сказка вся.

* * *

— Хороша сказка, бабушка Анна.

— Хороша, про татарщину в ней сказано.

ПРОШАСЬ — ОЦЯЗОР

Фкя царстваса-государстваса, самай сянь эса, конань эса эрятама минь, эрясь-ащесь бабаня. Сонь ульсь фкя ажа цёрац, конанц лемоц ульсь Проша. Прошась ульсь пяк вии, и сонь каршезонза ашель модать лангса аф ломань, аф жувата, аф зверь, конань ба сон афолезе шав куломс весть цяподезь.

Прошати ульсь сембоц комсь киза, а сонь ни сотцезь сембе масторонь оцязорхне, и ульсь сон мазыхнень ёткстонга мазыдонга мазы. Рьвакс моли Прошанди ашель лишь сяс, мес Прошась ульсь пяк беднай. Куднясна синь ульсь анцяйня и фкя вальмяняса, а жуватасна кодамовок ашель. Прошась тядянц и эсь прянц трякшнезе эсь вийсонза, работакшнесь козя ломань лангс.

И вов фкя временя апак учсек и апак тернек Прошань кудняс сувась омба масторонь оцязорсь и корхтай Прошань тядянцты:

— Мон сисем мода вельф эсь царствастон, эсь монцень государствастон мархтот, бабаняй, корхнема, тевонь латцема сань.

Бабанясь эстокиге пяк эводсь и аф содасы, мезе пшкядемс и мезе инголенза тиемс.

— Оцязорняй, тряйняй-аляняй, мезе тият мархтон, сянь и тихть, хоть живойста модас калмамасть, и минь тонь лангозт аф кепоттяма аф кядь, аф пильге.

Оцязорсь ваны, што бабанясь пяк эводсь, и мольсь тейнза, озась ваксозонза и кармась кизефнема:

— Кода эрятада-ащетяда и кода трякшнетяда пря?

Тянь каршес бабанясь сембонь азондозень рядом-ладом и няфтезе Проша цёранц.

— Шкай ваны цёранязень, конац щасамань и трясамань эсь вийнясонза.

Эстокиге оцязорсь шаштсь сяда малас бабанять ваксс и кизефтезе:

— Афкукс ли, бабай, тонь цёрацень тяшка вийц, што каршезонза кивок аф кирди?

Бабанясь азондсь, што аф шнасы, аф сялдсы сонь, а козя ломаттненди тии тефт: таркси коряннек шуфтт, тумот, конатненди вете-кота сяда киза, ровналгофни паксят; а лияста, коса лашма, тоза шашфты бугор.

Оцязорть стясь пря шяярец.

— Аф мон лишь колганза кизефнян, а сембе масторонь оцязорхне срхксихть сама варжамонза, кодама цёра тон шачфтотькасфтоть. Но мон ётайне синь сембонь и сань сембода инголи. Сань мон, бабаняй, цёрацень инкса и ёраса сявомс эсь царствазон, монцень государствазон служама и цебярь тевонь тиема дворецозон. Мон сонь эряскофтса, андса, симдьса и тонафтса цебярь тевс, а тондейть, кельгома бабаняй, тифтян цебярь куд и раман тейть жуватат, карман трякшнемот и щакшнемот мянь куломозт.

Ламос бабась изь латце оцязорть мархта, ужяль ульсь пяк явомс тяка цёранц мархта, но кода аф кода ладявсь, и оцязорсь ладясь кизоти весть нолнемс цёранц куду. Прошань эстокиге наряжазе оцязорсь ускф щамса, и Прошась тиевсь нинге сяда мазыста. Сонь ильхтемонза оцязорсь кочказень сембе эряйхнень шачема веленястонза и тись прощандамань пир. А омбоце шиня шобдава панцть Прошань вальманц алу кильтьф тройка алаша, и оцязорсь озафтозе Прошань эсь ваксозонза и цяподезень алашатнень шинь стямать шири, нльне кивок исцень няе, кона пяли пувордасть, кона шири кяшевсть.

Оцязорть шири пачкодсть шумбраста. Сяка шиня Прошать эряскофтозе лия щамса и кадозе ваймама кемонь шис, кемонь вес. Кемонь шида меле Прошать кучезе войска мархта тюрема

соседонь оцязорть лангс. Прошась эсь вийнц корява тифтсь эстейнза сабля. Войскатне тюрема тусть сяда инголи, а Прошать оцязорсь кирдезе дворецнень эса, кочксесть Прошань алу цебярь алаша. Мзярда Прошась сатозень войскатнень, синь эздост лядсть аньцек командирсна и кемоньшка солдат, а остаткатне ульсть шавфт-тапафт. Прошась пяк кяжиясь и эцесь ськамонза тюрема лама тёжянь солдат каршес. Тюрсь сон мархтост колма шит и колма вет апак ваймак, апак удок, апак ярхцак, апак сипть. Тапазень сембе войскатнень, тапазе оцязорть дворецонц и сембе эряйхнень, конат ульсть соседонь оцязорть владенияса. Мрдась Прошась сизефста, апак удок, эсь оцязоронц шири. Сяда меле изь яка тюрема ровна пяле киза, сяс мес сонь эздонза кармасть пелема сембе оцязорхне, и война кивок изь срхкафне.

Тядянц эзда Проша получась колма сёрмат, конатнень эса пеняцяй оцязорть лангс, мес сон тейнза мезевок аф лезды. Эста Прошать пяк кяжиясь потмоц, сявозе ружьянц, конанц тейнза максозе оцязорсь храбрайшинкса, и срхкась тума куду. Оцязорсь пяк кирнезе Прошать и корхтась тейнза:

— Тисайне сембонь, мезе ульсь корхтаф, а тяфтак аф лядат. Дай мамацень ускаськ дворецоненди, и кармай симома-ярхцама, мезьда минць. Тямак када, ату юмай сембе честезе, славазе, и монь тапасамазь, равжа модакс тисамазь. Тят тушенда, максса моицень родной стирезень тейть рьвакс и максса царствазень-государствазень пяленц.

Прошась яфодезе сембонь лангс кяденц, сявозе ружьянц и тусь, ильне изь пшкяде оцязорть каршес. Прошась куд шири мольсь колма шит и колма вет апак удок, апак ваймосек, апак ярхцак. И вов лиссь сон фкя веленяс, сувась ваймама крайста кудняти. Тя куднять эса эрясь сире баба стиренц и уноконц мархта. Прошась эстокиге кайсезень лангстонза щамонзон, штась-нардась и срхкась озамс ярхцама, но ярхцамбяль кяжень пачк мархтонза мезевок изь сяв. Бабанясь, конанц шири лоткась ваймама, ульсь колдун, сон эстокиге шарьхкодсь, што Прошати ярхцамс аш мезьда, каясь тейнза лям, лофца, макссь сиволь и давай каванямс Прошань эса и кармась кизефнема:

— Коста саят, ков молят и кият тон?

Прошась корхтай:

— Васенда андомак и макст мондейне васта ваймамс-удомс.

Бабась стане и тись. Учезе, кодак ярхцась Прошась, и матозе ляпе васткас. Удось сон пяк куватьс и пяк кемоста. Тя времать бабать стирец Ольгась и корхтай тядянцты:

— Эх, тядяй, кодама сон мазы, вов кда мондейне тяфтама мирде!

А бабась корхтай:

— Тят пичеде, стирняй, мялезт ули, тонь мамаце тисы сембе тевть, и сон ули тонь мирдце.

Бабась эстокиге сявсь васомбеельхть и Прошать прястонза

керсь шяярьнят, а вельхкссонза мезе-бди мторфтсь эсь потмованза, тоса мольсь стиренц малас и стама жа пакш керсь Ольгань пряста и тага мезе-бди эсь потмованза мторфтсь. Шяярьхнень шорязень марс, ашкодозень лоскоткас и калмазень вири кемгафтува рашкса тума алу. Мзярда бабанясь сувась куду, ваны, Прошась и Ольгац ащихть ряцок озада и корхтакшнихть кельгома баснят, а синць фкя-фкянь каршес пеедихть. Бабась ваны, што тевсь тиф пяк лац и удалась, сон изь карма сяда лама колдавакшнема и нльне исце кизефне, коста сай, коза моли и кие сон тя Прошась.

Омбоце шиня Прошась куду изь ту, а лядсь бабанять шири. Кудса ащемс мольсь мялец, цёрась сявозе ружьянц и тусь охотас. Якась сон пяк куватьс, ётазень сембе шяйхнень, болотатнень, но мезевок изь шава. Шоподема малати тусь куд шири. Ваны, ащи яксярга, ляцсь яксяргть лангс, ранендазе сонь. Прошась эстокиге тусь мельганза кундамонза, но яксяргсь изь мув, и Прошась эрьгодсь болотать кучкас, коданга аф лисеви.

Куватьс сон шарондсь эзганза, а тоса варжакстсь инголенза и няйсь коське киня, лиссь тоза и ваны: ащи кудня. Пачкодсь куднять ваксс и сувась эзонза. Куднять потмоса ащихть лазкст, а лазкснень эса уды стирь, шяяренза нолдафт лазкстьь кувалма и токсихть цють аф киякстн. Стирсь ульсь пяк мазы. Прошась васенда эводсь и меки потазь кармась лисема, но стирсь кенерсь панжемс сельмонзон, няезе Прошать и корхтазевсь:

— Эх, пара цёра, кодама тонь шкай кандонзе, кодама шкай тонь тяза вятензе? Тонь тяса сифтядязь, тифтень суском нефттядязь и афи ули кулице, аф ули содайце, коса наксады буйнай пряняце. Но тят эводе, пара цёра, монь валнень эзда. Сяда курок кулхцондомак, а нинге сяда курок тихть, мезе мон тейть азан. Молят куду, вешть стама книга, рамак кемгафтува штатол и сак меки сей. Васендакиге тяштят лазкснень перьф круг, крьвястьсайть кемгафтува штатолхнень, а тонць озат прязень пес и морафтсак книгать песта пес. Кда тисак тя тевть, мон улян тонь аваце, а тон улят монь мирдезе-спасителезе. Мзярда кармат морафтома, куднясь пяшкоди аф цебярьда, и мезе аф кармайхть тиендема, тон синь тяйть кулхцонда и тят варжаксне ширезост, а морафтт и морафтт. Монь лемозе, пара цёра, Юля, алязе оцязор, а мон улень сонь тяка стирняц, а монь аф цебярсь саламань и тя кудняти кяшемань, тя лазкснендн путомань. Вов курок топоди колма кизот, кода мон тяса ащан, а колма кизот топоди сисем шида меле. Сисем шида меле сон сай, сявсамань рьвакс, и мон улян аф цебярть авац. Юмай-арай од прянязе, мазы шинязе. Мондейне сембоц топоди кемгафксува киза, а мон цебярьста и светтьке аф содаса. Мон тейть эняльдян, кода шкайнди, мезе мон тейть азонь. А тяни сяда курок кенордак, листь тяста, ату маласькоткшни пялевесь. Куду тонь кице, пара цёра, кодак лисят кенкшкять эзга, види кядь пяли.

Прошась мольсь куду пялевети. Кудса кивок изь уда.

— Куватьс якать, куватьс шиять и мес-бди мезевок изеть шава,— мярьгсь бабась.

— Эх, бабай, вирти эцень, китнень-яттнень аф содасайне и эрьгодень, цють лисевонь.

Шобдава ранакиге Прошась стясь, штась-нардась и тусь велева. Фкя ломань ширде добувась книга, рамась кемгафтува штатол и тусь видеста стирть тейс, нльне изь лотка бабанять шири. Кодак сувась Прошась кудняти, Юлясь кенярдсь, нльне пяле видес кеподсь лазкснень эзда. Прошась тяштсь лазкснень перьф круг, крьвястезень штатолхнень, озась Юлять прянц пес и кармась морафтома книгать эса. Кодак кармась маласькоткшнема пялевесь, панжевсь куднясь, кеподсь поталаксь крышанекмезнек. Куднясь пяшкодсь аф цебярьда. Аф цебярьхне тиендсть кие мезе маштсь: вяшкихть, кургснон калафнесазь, пулоснон кепсесазь, аф эсь вайтяльсост ювадихть: «Давайте тя цёрать сязендьсаськ, нефнесаськ тифтень сускомня». Ламоксть врьгятькшнесть фатямс Прошань, но коданга исть ётав кругть вельф. А Прошась пря аф кеподи, морафты и морафты книгать эса, тиенди стане, кода тонафтозе Юлясь. Пялеведа меле сембе юмасть, кати-куване лисендсть и ворьготькшнесть, а куднясь ащесь станяк.

Морафтсь сон тяфта колма шит и колма вет. Вов шумордазе книгать морафтомда, и Юлясь стясь лазкснень эзда и корхтай:

— А тяни мон тонь авацян, а тон монь мирдезят.

И эстокиге Юлясь ашкодозе Прошать кргада. Кармась эсонза кемоста палсема и кенярдемать пачк авардема. Сельмоведьсонза штазе Прошать шаманц. Куднять эзда лиссть и куватьс якасть ляйть берягова, думандакшнесть, кода пачкодемс Юлять алянц шири. Юлясь тусь ськамонза, а Прошати надияфтсь:

— Сак колма шида меле тяка берякти, тяка вастти, мон саян инксот пароходса.

Юлясь озась венчс и тусь ветть эзга, а Прошась тусь бабанять шири. Цёрась мольсь аф весяласта, пряц нолдаф и кемоста думандась. Лоткась ярхцамда и симомда. А бабась кизефнесы:

— Мес тон, Проша, аф ярхцат, аф симат, коза юмсеть?

— Якань мон ярмаконкса ся оцязорть шири, конанцты служендань, но сон монь панемань, а ярмакт изь макса. Вов сяс мон аф весялан и думандан, кода пачкодемс тейне куду, варжамс сире мамазень.

Ольгась и бабась сонь верондазь, бабась корхтай:

— Проша цёрай, рьвяяк монь стирезень лангс, мон тейть максан ярмакт и золотат. Кармат улема азор монь кудсон.

Прошась изь атказа и изь макса согласия рьвяямать колга, а прась кроватть лангс и кемоста матодовсь. Кафта шит сон удось-ваймясь и аньцек стякшнесь ярхцама. Колмоце шиня сявозе ружьянц и тусь охотас. Бабанясь кучезе мархтонза уноконц — Максимть, конанцты надияфтсь: Прошать мельге ваномс, коза якай, коза юмси.

Прошась пяк исце сявонде Максимть мархтонза, а бабанясь мезе изь тиендé, а сякокс кучезе Прошать мархта. Прошась васендакиге мольсь ляйть берякс, коса явсть Юлять мархта, озась ся вастти; куватьс-куватьс ваймосесь. А Максимти корхтай:

— Ванды мархтон тят сашенда, мон туян охотав ляйть омба бокс пяк изкози, и тоса пяк лама зверьда, конат тонь апак стряндак сифтядязь, а мондейне инксот эряви максомс ответ.

Ваймамда меле Прошась тусь охотас, охотац пяк удалась. Сон шавсь сняра нармонь и зверь, конат афольхть усков цебярь алащаса, а сон кандозень кандозь. Максимсь сембонь азондозень, мезе корхтась Прошась. А бабанясь колдавась булавканя, максозе Максимти и корхтай:

— Кда кармай тума ичкози, сялк тя булавканять щамозонза, и сон матодови.

Вов варьхмодсь. Прошась срхкай охотас пяк весяласта и думандай эсь пачканза: «Тячи монь инксон сай пароходса Юлясь и мон туян мархтонза». Максимсь эстокиге корхтазевсь:

— Мон мезьдонга аф пелян и молян мельгат: ков тон — тов мон, тон толти — мон мельгат.

Прошась лангозонза варжакстсь пяк кяжиста.

— Мархтон тячи тят яка, а ванды сяфте и макссa тейть ружьязень, кармат тонафнема ляцендема.

Максимсь кудса аварьгодсь, а бабанясь эстокиге:

— Мес тон сонь пяк обижасак, сон тонь пяк кельктянза, сявк мархтот, сон тейть аф кармай шорсема, ули корхтай ялгаце, вирть эзга якамста кафонень ули сяда весяла, сявк, тяк кадонда. Эряскотт, тят аварде, сяфтянза.

— Ну, аде, а кда сизят, сяван или и шафте цебярняста, мон тонь тонафтте, кода яксихть оцю аля мархта. Аде сяда курок.

Пачкодсть ляйть берякс, сяка вастти, коса ваймосесть исяк, Прошась корхтай Максимти:

— Кармай сама пароход, тон ворьготть и кяшть, а мон кяшан тязк, тишенятнень потмос.

Максимсь ладясь. Ётась аф лама врема, ваныхть — уи пароход. Пароходсь изь пачкоде тейст вайгяльбешка, Прошась прась боком и корхтай Максимти:

— Мон лядан тязк, а тон сяда курок кяшть вирти. Тя пароходть эса сайхть разбойникт и тя берягу кяшендихть лама добра, ярмак, золота.

Максимсь салаване щафтозе булавканять Прошать щамс, а сонць ворьгодсь и кяшсь вирти.

Вов пачкодсь пароходсь Прошать уторс и пувордась берякти. Пароходть эса морай музыка, сембе кштийхть, морайхть, пяк лама ломаньда, и сембе наряжафт. Максимсь сельме аф сёлги: ваны мельгаст, мезе тиендихть. Сембода инголи ласьки мазы стирь, няезе Прошать боком тишеть лангса и ювадсь сембонди:

— Сада тя пяли, монь мирдезе-спасителезе тяса!

Кодак пачкодсь Прошать тейс стирсь, кенярдембачк изь стрянда, што Прошась кемоста уды, и кармась эсонза палсема. Инжихне стряндасть, што Прошась аф стяй, стряндась и стирське. Щупазе теланц, ваймонц и корхтай: «Сон живой, но мес тяфта пяк кемоста сон уды?» Куватьс эсонза стяфнесть, куватьс перьфканза шарондсть, а Прошась сембе сяка удось. Мазы стирсь прась мяштенц лангс и куватьс авардсь-ольксесь Прошать шаманц вельхксса, нльне Прошать шаманц штазе эсь сельмоведьсонза. Мазы стирсь маштсь ёжеда, и сонць цють аф кулокс таргавсь кувалманза. Стирть эстокиге сявозь пароходти. Инжихне аф куватьс ащесть сяда меле Прошать вакссa и срхкасть тума. Ласьксь тага мазы стирсь и сёрмадсь сёрманя, навазе Прошать зепс. Таргазе келенянц, валхтозе сурстонза сурксонц. Тяньге путозе зепозонза, палазе и тусь пароходти. Пароходсь берякть эзда аердсь вайгяльбешка, ласьксь Максимсь Прошать тейс, таргазе булавканять, Прошась сргозсь и тусь ласькозь пароходть мельге берякть эзга. Ласьксь берякть эзга мянь снярс, мзярс изь кяшев пароходсь сельмингольденза. И аньцек эста мрдась куду.

Максимсь куду мольсь сяда инголи и сембонь азондозень бабанцты, мезе няйсь и мезе тиендевсь Прошать мархта. Бабанясь шназе уноконц и тянкса пидесь тейнза кафта алхт.

Прошась куду молемста таргазе зепстонза сёрманять, конань эса ульсь сёрматф: «Кельгома монь мирдезе и спасителезе! Сашендонь мон инксот, сашендсь алязе, тядязе и сембе радняне, а тон удоть и мезьдонга изеть стяфтов. Ванды тага саян инксот, ульхть тязк. Кадса тейть суркозень и руцянязень».

Прошась куду сась аф весяла и кяжи. Ваны — Максимсь ащи кудса. Лихтезе сонь ушу.

— Азк мондейне, мезе тон няеть и кит сашендсть?

— Мон мезевок изень няе и мезевок изень куле: мон кяшендень веляфтф тума корянь алу. Мон изень кенере ласькомс тейть, а тон ворьгодеть монь эздон и кадомайть ськамон. Мон пяк пелькстовонь и тунь ласькозь куду. Бабазти мезевок изень азонда. Кизефтезе кядьстон, коза мон тонь кадыхтень, мон тейнза азыне, што велеть пес и курок саят куду.

— Кда тяфта корхтать — раман вандыкиге тейть кямот.

Прошась сувась куду и велясь кроватть лангс, удось мянь шобдавати. Шобдава ранакиге тага срхкась охотас. Максимсь эздонза коданга изь ява. Бабась пяк изь ноля Прошать эса:

— Тят яка, тяйть шавонда пилькнень, тяк мученда пряцень, улихть якояргоне, мацине, печк хоть кемонь эздост, пуштсайнерястасайне, ярхцак.

— Аф, сембе сяка мон туян, мон вайме аф тарган вирьфтома, охотафтома. Молян тячи вирть потмоста муян цебярь васта и путан тоза куд,— шаркстась, кяжиста хлопадезе кенкшть и тусь вирть шири.

Вишкста якась вирть пачк, цють аф ласькозь ласькондсь

шяйхнень-болотатнень. Максимсь эздонза коданга изь ляда. Састь тага сяка вастозост, ляйть берякс, велясть ряцок тишетнень-панчфкятнень лангс. Аф куватьс Прошась корхтакшнесь Максимть мархта, и апак стряндак марязь музыкань вайгяльть, варжакстсь ляйть шири — пяле вайгяльбешка эздост уи пароход. Прошась кенерсь аньцек пшкядемс Максимти:

— Тон архт кяшть сяда вирь потмос, а мон кяшан ня кальнятнень потмос.

Максимсь шаркстсь, щафтозе булавканять, Прошась матодовсь, а Максимсь кяшсь сяда маланяс. Пароходсь пачкодсь берякть малас, валгондсть эздонза тага сяка ломаттне и сяка мазы стирсь. Ваныхть — Проша тага уды. Куватьс Прошать перьф мучендасть, куватьс эсонза стяфнесть, но мезевок тага изь лисе. Юлясь прась кулос, и сонь кядь лангса кандозь пароходть потмос. Юлять аляц сёрмадсь запискаия: «Ванды сатама мекольцеда». Озсесть сембе пароходти, сембе ризнайхть, сембонь нолдафт прясна, музыкась аф морай, юмась сембе весялашисна инжихнень.

Пароходсь тусь Прошать тейста пяле вайгяльбешка, ласьксь Максимсь, таргазе булавканять. Прошась сргозсь и ласькс берякть эзда пароходть мельге сельмингольденза кяшевомс.

Прошась мрдась сяка вастозонза. И молемстонза думандай: «Мес тяфтане, сембонь марясайне, сембонь кульсайне, а валозе аф азови и аф стяван. Тяса тевсь аф стак, ванды, мезе аф тиендян, Максимть мархтон аф сявса». Пачкодсь сяка вастозонза, коса сон удось. Максимсь учси эсонза.

— Эрь азондк, мезе няеть.

— Няине, кода сашендсь пароходсь, и эздонза пяк лама валгондсь ломаньда, а ётксост ульсь пяк мазы стирь, конац ласькс тейть и прась ваксозт, а тяса сонь сявозь, кандозь меки пароходти, а мельганза озсесть сембе, конат валгондсть. Пароходсь тусь. Мон лисень и ласьконь тейть, но тон эздон ворьгодеть. Вов мезе мон няень и, мезе корхтасть, изине куле.

— Тя пароходсь сашендсь монь инксон, а тя мазы стирсь ава́зе. Азк бабашти, мон кафта шида меле туян, и азондк, мезе няеть, а тяни аде куду.

Куду пачкодсть, мзярда шись шоподсь. Прошась изь карма корхтама, аф ярхцась, аф симсь и исцень кайсе лангстонза щамонзон, мадсь киякстн. Веть сргозсь ранакиге, кудть эса сембе удость, салаване сявозе ружьянц и лиссь кудть эзда. Тусь тага́ ляйть берякс. Учема вастонц сон берякть эса полафтозе. Сргозсь бабась, стряндась — Прошась аш, эстокиге стяфтозе уноконц и кучезе Прошать вешема и кемоста уноконцты надияфтсь: «Мезе тят тие, а мук, аф мусак — пряцень валхтса». Максимсь цють аф лиезь ласькс ляйть берякс, коса Прошась учезе пароходть, Прошась тоса ашель. Лама вастова ласькондсь Максимсь и тага ласькс берякти и ваны, уи ведть эзга пароход и аф пяк ичкозе ни берякть эзда. Сонць кяшенди, а сонць приметни, аф

няйсы ли коста Прошать. Пароходсь шаркстсь берякть шири, музыкась эсонза морай — пандсы сембе вирть. Варжакстсь Максимсь берякть кувалмос — берякть крайса тишетнень потмоса стяф Прошась и картузсонза яфии пароходть каршес. Пароходть эзда сембе сонь няезь, сембе кенярдсть, а Юлясь, сяконь ватт, комоти ведти, кодак няезе берякть эзда Прошать. Максимсь салаване, кяшендезь тишетнень потмова, кальнятнень пачк, пачкодсь Прошать фталу и сялгозе булавканять. Прошась кода кула ломань прась и матодовсь мазы панчфнень-тишетнень потмос, а Максимсь сяда курок сонць кяшсь. Пароходть эзда валгондсть сембе инжихне. Юлясь кенярдеманьбачк ласьки, сонць пракшни, а кодак пачкодсь Прошать тейс, ваны — сон тага уды, и прась ёжефтома турксканза, а сонць аф эсь вайгяльсонза олькси-аварди. Састь мархтост докторхт, конат щупасть, варчсесть Прошать эса и мезевок сембе сяка исть тие. Юлять сявозь кядь лангса пароходти, и сембе инжихне сувсесть мельганза. Синь сембе ульсть ризфса и ощо думса: мезенкса и мес тяфта? Пароходсь тусь. Прошась илядсь.

Ласькс Максимсь, таргазе булавканять, Прошась сргозсь. Ваны — пароходсь маласа, сон мельганза ювади, яфии, но вайгяленц кизок аф марясы и кизок сонь аф няйсы, сембе инжихне ульсть пароходть потмоса и ризнасть. Прошась ласьки берякть эзга и ваны, берякть трваса ащи калонь кунцема венч. Сон озась эзонза и тусь пароходть сатома. Уйсь шобдавас пароходть мельге и пачкодсь, коза лотксихть сембе парохоттне. Сувась столовои, кизефтсь ярхцамс-симомс и кизефтезе, лотксесь ли сей пароход, конанц эса мольсь оцязор.

— Лотксесь, и вов тяса симсть-ярхцасть аф пяк кунара, урядайне мельгаст моркшнень.

Прошась кенордазь симсь-ярхцась и тага тусь пароходть сатома. Куватьс сон уйсь и тага пачкодсь, коза лотксихть парохоттне. Лоткась Прошась тоза ваймама и сувась столовайти, вешсь ярхцамс-симомс и кизефтезе:

— Лотксесь ли тяза пароход, конанц эса ульсь оцязор?

— Лотксесть и вов тяса симсть-ярхцасть, и вона аньцек шуморяйхть нарнемс-урядамс моркшнень эса. Аньцек аф кунара тусть.

Прошась кенордазь симсь-ярхцась и тага тусь пароходть сатома. Шобдавать лангса тага пачкодсь, коза лотксихть парохоттне, лоткась ваймама тоза Прошась. Сувась столовайти, вешсь ярхцамс-симомс и кизефтезе:

— Лотксесь ли сей пароход, конанц эса уйсь оцязор?

— Да, лотксесь, мельгаст нинге ильне апак урядак моркш лангське, и вона ащи пароходсь, конань эса синь састь.

Эстокиге Прошась кизефтезе:

— А косот синць, ков тусть?

— Синь, пара цёра, тусть толонь пандть тона бокс орёл лангса, а тон мельгаст тяни аф ётават, и тейть синь аф сато-

вихть. Ули синь тяса фкя сире-сире орёлсна: сонь кадозь сяс, мес аф ётави тона бокти. И лядсь синь тяза фкя ломаньцна, конац яксекшнесь орёлхнень мельге.

Эстокиге Прошась тертьфтезе тя ломантъ, азондозе сембе тевть, кода ащи, азондозе, кие сонць и местема моли оцязорть шири. Орёлонь андысь изь атказа и максозе орёлть Прошати.

Прошась тумстонза тифтсь эсь виенц корява дубина. Озась орелть лангс и тусь лиема толонь пандть вельф.

Аф лама илядсь ётамс толонь пандть вельхкска, варжакстсь Прошась фталу, фталдост няйсь мезе-бди равжа, конац уезь уйсь мельгаст, а эздонза лийсть толмархт. Прошась и корхтай орелти:

— Мезе шта тяфтама лии мельганк?

Орелсь пшкядсь ломань вайгяльса:

— Тя лии сембонь лангса оцю аф цебярсь, и сон минь нильсамазь-сивсамазь фкя кургса.

— Кенордак, орел ялгай, аф лама илядонды.

— Монцьке сембе виезень нолдайне.

Аньцек кенерсь тянь азомс орелсь, аф цебярсь синь сатозень. Сонь ульсь кемгафтува пряц, ульсть панжадот сембе кемгафтуволъке кургонза, а кургонзон эзда ляцсть толмархт. Вов аф цебярсь лии Прошать мархта ряцок, а орелсь Прошать ала эводсь и трнаты. Аф цебярсь корхтай:

— Кода, тонць эцят кургозон или васенда тюрьхтяма, и мон тонь сембе сяка сифте, тон салайть монь авазень, Юлять, но тейть сонь сембе сяка аф няемс, сон ули монь.

Прошась пяк кяжиясь и корхтай тейнза:

— Лама тон лиендеть, лама тон сивондеть ломаньда, а монь эздон ляпият. Юлясь ули монь.

Аф цебярсь эстокиге врьгятсь Прошать лангс. Прошась таргазе дубинанц и кармась аралама прянц. Орёлть вийнц маштомс толонь пандть ётазь. Эстокиге Прошась корхтай орёлти:

— Валк модать лангс, и мон сонь шавса и модать пачк нолдаса.

Аф цебярсь нинге сяда пяк кяжиясь, нльне аф эсь вайгяльса пешкоды:

— Тапате, кода карувонь!

И тага врьгятсь аф цебярсь Прошать лангс. Прошась кенерсь ни валгомс модать лангс, и эстокиге синь ушедсть фкяфкянь каршес тюрема. Прошась весть яфодсь, сязезень аф цебярть кота прянзон. Аф цебярсь пешкоды:

— Дай вайматама!

Прошась корхтай:

— Ваймосемс ули пингоньке. Кодак сязьсайне прятнень, кармат ваймосема шинек-венек пефтома.

Яфодсь Прошась омбоцеда дубинкасонза и сязсь нинге колма прят, яфодсь нинге весть — сязезень илядыкс колма прятнень и люпштазе модати пачакс: «Вов тяни ваймосек, а мон туян».

Прошась мольсь ляйти, штась-нардась, озась орёлть лангс и тусь ошти лиема, коса эряй Юлясь. Пачкодсть ошти шумбраста. Прошась кизефтезе, коса эряй оцязорсь. И тусь ся шири. Пачкодсь дворецнень инголи, ёрась сувамс эзост, но сонь изезь нолда. Эста сон корхтай:

— Арда азость оцязорти, сась стиренц спасителец.

Аф куватьс сон учсесь кенкшнень фтала, и лиссь уторозонза оцязорть радняста ломань, конац содазе эстокиге Прошать и фатязе цють аф кандозь дворецти. Кодак сувась Прошась оцязорть комнатас, оцязорсь эстейнзовок аф верондай — афкукс ли тя Прошась или кодама причудия. Тертьфтезе аванц, пуроптозень сембе инжихнень, и сембе содазь Прошать, сембе эсонза палсихть. Оцязорсь Прошать сявозе Юлять тейс. Юлясь ащесь эсь комнатасонза, эхярь аварди и юватькшни: коса монь Прошазе? Прошась сувась Юлять комнатас. Варжакстсть синь фкяфкянь лангс, содасть фкя-фкянь, кундасть кргада и куватьс синь палсесть, куватьс синь авардсть. Юлясь кизефтезе, кода пачкодсь и мес сон удось, мзярда якасть инксонза. Прошась азондозе, кода пачкодсь. А мес удось, мянь тячемс сонцьке аф содасы.

Колмоце шиня Прошась Юлять мархта и лама ломань оцязорть радняста тусть Прошать маманц инкса. Кодак ускозе Прошась маманц оцязорть шири, омбоце шистокиге тисть свадьба. Кафта кофт симондсть-гуляндасть, кштисть-морасть Прошать и Юлять свадьбаса. Свадьбада меле оцязорсь путозе эсь вастозонза. Прошась — оцязор.

Изь топоде киза, Прошать лангс кеподсть тюрема колма оцязорхт. Лама войскат Прошась кучсесь уторозост, но синь ульсть сембе тапафт. Кяжиясь Прошать потмоц, озась сонць эсь алашанц лангс, сявозе дубинканц, сявсь мархтонза вете сятт солдат. Шиста сон тапазень колмоцьке оцязоронь войскатнень. Прошать лангс кеподсть нинге сяда лама оцязор тюрема. Эста Прошась тусь войсканзон мархта сембе оцязорхнень лангс. Колма недляста тапась ведьгемонь оцязор, а конат ульсть апак токсект, сят эздонза пельсть и эняльдсть инголенза, штоба сон синь афолезень токсе.

ЦАРЬ ПРОША

В одном царстве-государстве, а именно в том, в котором мы живем, жила-была старушка. Был у неё один сын, которого звали Прошкой. Проша был сильный, и на земле не было ни человека, ни зверя, которого бы он не смог убить одним ударом.

Проше было всего двадцать лет, а его уже знали цари всех стран. Из всех красивых он был самый красивый, а замуж за него не выходил никто, потому что был он очень бедный. Был у них только домик с одним окном, а скотины никакой не было.

Себя и свою мать Проша кормил своим трудом: он работал на богатых людей.

И вот однажды нежданно-непрошенно к Проше прибыл царь из другой страны и говорит Прошиной матери:

— Я пришел из своего царства за семь стран, из своего государства с тобой, бабушка, говорить о деле.

Старушка сильно оробела и не знает, что сказать и как ему угодить:

— Царь-батюшка, отец-кормилец, что хочешь, то и делай с нами, хоть живыми в землю закопай, а мы на тебя не поднимем ни руки, ни ноги.

Царь видит, что старушка очень испугалась, подошёл к ней, сел рядом и стал спрашивать её:

— Как живёте-поживаете и как кормитесь?

Старушка рассказала всё по порядку и показала на Прошу.

— Храни, бог, сына, который своей силой меня кормит и поит.

Тогда царь подсел ближе к старушке и спросил:

— Правда ли, бабушка, что твой сын такой сильный, что против него никто не устоит?

Старушка ответила, что не похвалит и не похает его, он на богатых работает: деревья с корнем выдергивает, которым по 500—600 лет, поля выравнивает, где лощина, туда земли натаскает.

У царя волосы дыбом встали.

— Не только я про него спрашиваю, цари со всех стран собираются посмотреть, какого сына ты родила-выкормила. Я опередил всех и пришёл раньше за твоим сыном, и хочу взять его в своё царство, в своё государство. Я буду его одевать, кормить, поить и выучу хорошему делу, а тебе, бабушка, велю сделать хороший дом и куплю тебе скотину. Буду кормить и одевать тебя до самой твоей смерти.

Старушка долго не соглашалась. Жалко было ей расставаться со своим единственным сыном, но кое-как сладили, и царь согласился раз в год отпускать её сына домой. Одел царь Прошку в привезённую с собой одежду. Прошка сделался ещё красивее. На проводы царь позвал всех односельчан. А наутро пригнали тройку, царь посадил Прошу рядом и погнал лошадей так, что никто и не заметил, куда они повернули, куда скрылись.

Доехали благополучно. Прошу переодели и оставили отдыхать на десять дней, десять ночей. После этого царь послал Прошу с войском на соседнего царя. Проша велел сделать по своей силе дубинку и саблю. Войска драться ушли раньше, а он задержался у царя во дворце: выбирали для него лошадь. Когда Проша догнал войска, остались лишь командиры и десяток солдат, а остальные были побиты. Проша очень рассердился, один кинулся против нескольких тысяч солдат. Дрался он с ними три дня и три ночи без отдыха, без сна, не ел, не пил. Перебил Про-

ша все войска, разбил царский дворец и побил жителей, которые были во владении соседнего царя. К своему царю Проша вернулся усталый, не евши. После этого он не ходил биться ровно полгода, потому что его стали бояться все цари, и войну никто не затевал.

От матери Проша получил три письма. Она жаловалась на царя, что ничем не помогает. Проша очень рассердился, взял ружье, которое дал ему царь за храбрость, и собрался домой навестить свою мать. Царь очень уговаривал Прошу остаться и сказал ему:

— Все сделаю, что обещал. Оставайся. Давай мать привезем во дворец, будет она пить-есть, что и мы. Не оставляй меня, а то пропадет вся моя честь и слава, разобьют меня, в черную землю закопают. Не езжай. Выдам за тебя родную дочь и отдам тебе половину царства-государства.

Проша даже не ответил царю, махнул на всё рукой, взял своё ружьё и пошёл.

Шел он три дня и три ночи без отдыха. И вот в одной деревне зашел отдохнуть в крайний домик. В домике жила старуха с дочерью и внуком. Проша сбросил одежду, умылся и собрался было поесть, но в сердцах он ничего не захватил с собой. Старуха, у которой он остановился, была колдунья и догадалась, что Проше нечего есть. Налила она ему щей, молока, дала мяса и давай потчевать. Стала его спрашивать:

— Ты откуда и куда идёшь, чей ты?

Проша ей отвечает:

— Дай мне поесть, попить да отдохнуть.

Старуха так и сделала. Как только Проша поел, уложила его на мягкую постель. Спал он очень долго и очень крепко. Тем временем бабкина дочка, Ольга, и говорит матери:

— Эх, мама, какой он красивый, вот бы мне такого мужа!

А старуха отвечает:

— Не горюй, дочка, будет он твоим мужем.

Старуха взяла ножницы и отрезала у Проши клок волос, пошептала над ним, потом подошла к дочери и у неё отрезала такой же клок волос и опять что-то пошептала. Волосы смешала вместе, завернула в лоскуток и зарыла в лесу под дубом с двенадцатью стволами.

Когда старуха вернулась, Проша с Ольгой сидели рядом и говорили любовные речи, а сами друг другу улыбались. Старуха видит, что дело налаживается, и не стала больше колдовать, даже не спросила еще раз, откуда он, куда идет и чей.

Проша домой не пошёл и остался у старухи. Взял он ружьё и пошёл на охоту. Ходил долго, обошёл все болота и озёра, а ничего не убил. Под вечер пошёл он к дому. Видит: на болоте утка сидит. Он выстрелил в неё и ранил. Утка, подпрыгивая, ушла в кусты. Проша пошёл за ней, да не нашёл, а сам увяз в болоте и никак оттуда не выберется.

Долго он маялся, но кое-как выбрался. Вдруг увидел он впереди полевую дорожку. Вышел на неё — домик стоит. Дошёл он до этого домика, вошёл. В домике гроб, а в нем спит девушка, волосы распущены до пола. Девушка очень красивая. Проша испугался, попятился и хотел выйти. А девушка открыла глаза, увидела Прошу и заговорила:

— Эх, добрый парень, какой бог принес тебя сюда, какой бог привел тебя сюда? Тебя здесь съедят, на куски раздерут. И не узнает никто, где сгниёт твоя буйная голова. Ты, добрый молодец, не пугайся моих слов. Выслушай меня, сделай, что я тебе скажу. Пойдешь в село, попроси такую-то книгу, купи двенадцать свечей, и приходи обратно сюда. Сначала вокруг гроба начертишь круг, зажжешь свечи, сядешь у моего изголовья и будешь читать книгу до конца. Когда сделаешь это, я буду твоей женой, а ты будешь моим мужем-спасителем. Когда будешь читать, дом наполнится нечистыми, и что бы они ни делали, ты их не слушай и не смотри на них, а читай и читай. Меня звать Юля, отец мой царь, а я была его единственной дочерью, меня украл нечистый и в этот домик спрятал, положил в гроб.

Скоро три года, как я здесь. А три года исполнится через семь дней. И через семь дней придет он, возьмет меня в жены: пропадет моя молодость, моя красота. Исполнится мне восемнадцать лет. Я тебя, как бога, умоляю, сделай то, что я сказала. А теперь торопись отсюда, а то скоро полночь. Как выйдешь в дверь, иди в правую сторону.

Домой Проша пришёл в полночь. Никто не спал, его ждали. Старуха спросила:

— Где ходил, где гулял, почему пустой пришёл?

— Эх, бабушка, этого леса я не знаю, заплутался.

Рано утром Проша встал, умылся-утерся и пошёл в село. В селе у одного человека добыл книгу, купил свечи и пошел прямо к девушке, даже к старухе не заходил. Как вошел Проша в домик, Юлия очень обрадовалась, даже привстала. Начертил Проша круг, зажег свечи, сел у изголовья Юлии и стал читать книгу. К полночи дверь в домике открылась и потолок совсем с крышей поднялся. Дом наполнился нечистью. Кто свистит, кто открывает пасть, кто кричит: «Разорвем этого парня, разделим на кусочки».

Много раз пытались они схватить Прошу, но никак не могли проникнуть через круг. А Проша, не поднимая головы, читает и читает книгу, как учила его Юлия. После полуночи все они пропали неизвестно куда.

Так читал он три дня и три ночи. Кончил читать он, Юлия встала из гроба и говорит:

— А теперь я твоя жена, а ты мой муж.

И тут же обняла Прошу, стала его целовать и от радости плакать. Слезами его лицо обмывала.

Вышли они из домика и долго ходили по берегу реки, думали, как добраться до Юлиного отца. Юлия ушла одна, а Проше сказала:

— Через три дня приходи на этот же берег, на это же место, я за тобой приплыву на пароходе.

Села Юлия в лодку и поплыла, а Проша ушёл к старухе. Домой он шел невеселый, опустил голову и крепко думал. Перестал есть и пить. А старуха спрашивает:

— Ты что, Проша, не ешь, не пьёшь, где пропадал три дня и три ночи?

— Я ходил за деньгами к царю, у которого служил, а он меня прогнал и денег не дал. Вот почему я невесёлый и думаю, как мне добраться до дома, навестить старую мать.

Ольга и старуха поверили ему, и говорит старуха:

— Проша, сынок, женись на моей дочери, я дам тебе денег и золота. Будешь в моем доме хозяином.

Проша не отказал и не дал согласия, упал на кровать и крепко заснул. Два дня он спал-отдыхал, не вставал ни пить, ни есть. На третий день взял ружьё и пошел на охоту. Старуха послала с ним внука Максима, которому наказала следить за Прошей.

Проше очень не хотелось брать с собой Максима, а старуха, что он ни говорил, все-таки послала. Пошёл Проша на берег реки, где расстались они с Юлией, сел на то место, долго, долго отдыхал. А Максиму говорит:

— Завтра ты со мной не ходи, я пойду на охоту на другой берег, очень далеко, там очень много зверей, схватят тебя и съедят. А мне за тебя отвечать.

Отдохнул Проша, стал охотиться. Охота очень удалась. Он убил столько птиц и зверей, что не довезти бы их и на хорошей лошади, а он донёс один.

Максим рассказал всё, что говорил Проша. А старуха заколдовала булавку, дала её Максиму и говорит:

— Как он пойдет куда-нибудь далеко, воткни эту булавку в одежду — и он уснёт.

Вот настало утро. Проша собрался на охоту очень веселый, думает про себя: «Сегодня за мной на пароходе приедет Юлия», а Максим говорит:

— Ничего я не боюсь, пойду за тобой. Куда ты, туда и я.

Проша взглянул на него очень сердито.

— Сегодня со мной ты не ходи, а завтра я возьму тебя и дам ружьё, будешь учиться стрелять.

Максим заплакал. Старуха своё:

— Зачем ты его обижаешь, он тебя очень любит, возьми его с собой, он тебе не будет мешать, будет твоим товарищем. В лесу вдвоём веселее будет, возьми, не оставляй его.

— Ну, идем, а если устанешь, побью хорошенько, научу, как ходить со взрослыми парнями. Идем, быстрее собирайся.

Дошли они до берега, сели на том же месте, где отдыхали вчера. Проша и говорит Максиму:

— Когда будет подходить пароход, спрячься, а я останусь здесь, в траве.

Максим согласился. Прошло немного времени, видят: идёт пароход. Пароход не доплыл сюда ещё с полкилометра, Проша упал на бок и говорит Максиму:

— Я останусь здесь, а ты быстрее спрячься в лесу. На этом пароходе едут разбойники и много добра, денег и золота спрячут на берегу.

Максим тихонько воткнул булавку в одежду Проши, а сам побежал и спрятался. Вот доплыл пароход до Проши и повернул к берегу. На пароходе играет музыка, все пляшут, поют.

Остановился пароход у берега, из него толпами стали выходить люди. Максим глаз не спускает, глядит, что они делать будут. Раньше всех вышла красивая девушка, она увидела на боку лежащего Прошу, и всем крикнула:

— Идите сюда, мой муж-спаситель здесь!

Подошли они к Проше. Девушка с радости и не догадалась, что Проша крепко спит, стала его целовать. Гости догадались, что Проша не скоро встанет. Догадалась и девушка. Ощупали его тело, послушали сердце и говорят: «Он живой, но почему-то крепко спит».

Долго будили его и хлопотали вокруг него, а Проша всё спит. Красивая девушка упала ему на грудь и долго плакала, рыдала, умывала его своими слезами. Красивая девушка потеряла сознание и упала как мёртвая около него. Её тут же взяли на пароход. После этого гости собрались обратно. Красивая девушка опять выбежала и написала письмо, положила его в карман Проши, вынула платок, с пальца сняла венчальное кольцо и это положила в карман, поцеловала Прошу и ушла на пароход. Когда пароход отошел от берега с полкилометра, Максим подбежал к Проше, вынул булавку. Проша проснулся и побежал за пароходом вдоль берега. Он бежал до тех пор, пока пароход не скрылся из глаз.

Максим домой пришёл раньше и всё рассказал старухе, что видел. Старуха похвалила внука и сварила ему за это два яйца.

По дороге домой Проша достал из кармана письмо, в котором было написано: «Мой любимый муж и спаситель, я приезжала за тобой, со мной приезжали и мой отец, и мать, и вся моя родня, а ты спал, и никак не могли разбудить тебя. Завтра я опять приеду за тобой, будь там. Я оставила тебе кольцо и платочек».

Домой Проша пришёл невесёлый. Видит — Максим сидит дома, он вывел его на улицу:

— Расскажи мне, что ты видел и кто приезжал.

— Я ничего не слышал и не видел, что они делали, я не успел добежать до тебя, а ты убежал от меня и оставил одного,

я очень испугался и побежал домой. Бабушке я ничего не сказал, где я тебя оставил, я ответил ей, что на краю деревни и скоро придешь домой.

— Если ты говорил так, то завтра же я куплю тебе сапоги.

Проша пришёл домой и лёг на кровать. Он спал до утра. Рано утром он опять собрался на охоту. Максим от него никак не отстаёт.

Старуха не отпускала Прошу:

— Не ходи, не бей ног, не мучь себя, есть и утки, и гуси, зарежь хоть десяток, зажарю, и ешь.

— Нет, я всё равно пойду, я без леса, без охоты вздохнуть не могу. Пойду сегодня в лесу найду хорошее место и поставлю там дом,— повернулся, сердито хлопнул дверью и ушёл в лес.

Максим не отстаёт, идет за Прошей. Проша по лесу быстро ходил, чуть не бегом бегал по болотам. Максим от него не отставал. Пришли они опять на то же место на берегу реки, легли рядом на траве. Проша немного поговорил с Максимом и неожиданно услышал музыку. Посмотрели они: по реке, с полкилометра от них, плывёт пароход. Проша только успел сказать Максиму:

— Ты ступай спрячься в лесу, а я спрячусь в этих ивах.

Максим догадался, приколол булавку. Проша уснул, а Максим спрятался недалеко. Пароход подплыл близко к берегу, и вышли из него опять те же люди и красивая девушка. Проша опять спит. Долго они мучились около него, долго они будили его, но опять ничего не вышло.

Юлия упала замертво, и её на руках понесли на пароход. Отец её написал письмо: «Завтра мы приедем в последний раз». Все гости сели на пароход, все горюют, все опустили головы. Музыка не играет, пропало у гостей всё веселье.

Пароход отошел от Проши с полкилометра, прибежал Максим, вынул булавку. Проша проснулся и бежал вдоль берега за пароходом, пока он не скрылся из виду.

Проша вернулся на прежнее место и думает: «Что такое? Все слышу, а слова сказать не могу, и встать не могу: здесь что-то не так. Завтра ни за что не возьму Максима с собой». Дошёл он до того места, где спал, Максим ждёт его.

— Расскажи, что ты видел.

— Видел, как приходил пароход и вышло из него много людей, а среди них была красивая девушка, которая прибежала сюда и упала около тебя, а потом ее взяли, унесли на пароход. А за ней сели все. Я прибежал к тебе, а ты убежал от меня. Вот что я видел. Что говорили, не слышал.

— И на этом пароходе приезжали за мной, а та красивая девушка — моя жена. И больше я сюда не приду. Пойдем домой, скажи бабушке, что я через два дня уеду, и расскажи ей, что видел, а теперь идём домой.

Домой пришли вечером. Проша не стал говорить, не ел, не пил и не снял с себя платья. Он лег на пол. Утром рано проснулся, в доме все спали, он тихонько взял ружьё, тихонько вышел из дома, ушёл опять на берег реки. Место своё на берегу он сменил. Проснулась старуха, спохватилась — Проши нет. Тут же она разбудила внука, послала его искать Прошу и крепко наказала ему:

— Что бы ни было, но найди его, не найдёшь — голову сниму.

Максим летит-бежит на берег, где Проша ждет пароход. Проши там нет. Везде бегал Максим и опять прибежал на берег, видит — плывет по воде тот пароход и недалеко от берега. Сам спрятался, а примечает, не видать ли где Прошу. Пароход повернул к берегу, музыка на нём играет — заглушает весь лес. Посмотрел Максим: из травы встал Проша и машет картузом пароходу. С парохода все его увидели, обрадовались, а Юлия того и гляди прыгнет в воду. Максим подошёл сзади к Проше и воткнул булавку. Как мертвец упал Проша на траву и уснул, а Максим спрятался. Гости сошли с парохода. Обрадовавшись, Юлия бежит, даже падает, а как дошла до Проши, увидела, что он опять спит, упала поперек него и не своим голосом заплакала-зарыдала. Пришли доктора, ощупали и осмотрели Прошу, но ничего не сделали. Юлию взяли на пароход, и все гости туда пошли. У всех было горе и большая дума: почему и отчего так?

Пароход ушел. Проша остался. Прибежал Максим, вытащил булавку. Проша проснулся, видит: пароход близко. Он за ним — кричит, машет, но голоса его никто не слышит, никто не видит его. Все гости были на пароходе, у всех большое горе.

Проша увидел на берегу рыбачью лодку. Сел в неё и поплыл вслед за пароходом. Плыл он за пароходом до утра и доплыл туда, где останавливаются все пароходы. На этом месте остановился и Проша. Вошёл он в столовую, попросил есть-пить и спросил, останавливался ли здесь пароход, на котором плывёт царь.

— Останавливался, и вот здесь недавно ели-пили, мы убрали за ними столы.

Обрадованный Проша поскорее поел-попил и опять поплыл за пароходом. Долго он плыл и доплыл опять до такого места, где останавливаются пароходы. Проша спросил:

— Останавливался ли здесь пароход, на котором плывёт царь?

— Останавливался, и вот здесь они пили-ели, и вот только успели убрать остатки со столов. Недавно они уехали.

Обрадованный Проша скорее поел-попил и опять отправился догонять пароход. К утру он опять добрался до такого места, где останавливаются пароходы. Там остановился и Проша. Вошёл он в столовую, попросил есть-пить и спросил:

— Останавливался ли здесь пароход, на котором царь плывет?

—Да, останавливался, за ним даже столы убрать не успели. И вот стоит пароход, на котором они приплыли.

Тут же Проша спросил.

— А где они сами, куда ушли?

— Они, хороший парень, полетели на ту сторону огненной горы на орле, а ты за ними не проедешь, и тебе их не догнать. Есть здесь у них один старый-старый орел. Он здесь остался потому, что не долетит до той стороны, и остался здесь один человек, который кормит орла.

Проша тут же позвал этого человека, рассказал ему всё дело, как есть, рассказал, кто он и зачем идёт к царю. Ухаживающий за орлом не отказал и дал ему орла.

Обрадованный Проша попил-поел и перед уходом велел сделать дубинку по своей силе. Сел на орла и полетел через огненную гору.

Немного осталось лететь над огнём. Проша посмотрел назад и увидел, что-то черное плывёт за ними, а от него летят огненные языки. Проша говорит орлу:

— Что это такое за нами летит?

А орёл отвечает человечьим голосом:

— Это самый главный нечистый летит. Он нас сожрёт, проглотит разом.

— Торопись, друг орёл, недалего остаётся.

— Я и сам изо всех сил лечу.

Только успел сказать орёл, нечистый догнал их. Это был двенадцатиглавый змей, у него открыты все пасти, а из них огонь вылетает. Нечистый летит рядом с Прошей, орел испугался и дрожит. Нечистый и говорит:

— Ну, сам полезешь мне в рот, или драться будем? А я тебя так и так съем: ты украл мою жену Юлию. Но тебе всё равно её не видеть, она будет моей.

Проша очень рассердился и отвечает ему:

— Много ты летал, много ты людей съел, а мной подавишься. Юлия будет моей, а тебе ее больше не видать.

Нечистый бросился на Прошу. Проша достал дубинку и стал рубить головы нечистого. Орла стали покидать силы, но огненную гору прошли. Тогда Проша говорит орлу:

— Спустись на землю, я его убью и сквозь землю пущу.

Пуще прежнего рассердился нечистый, не своим голосом кричит:

— Раздавлю, как муху!

Опять нечистый накинулся на Прошу. Проша успел спуститься на землю, и тут же они начали драться один на один. Одним взмахом оторвал Проша нечистому шесть голов. Нечистый кричит:

— Давай отдохнём!

Проша отвечает:

— Для отдыха время будет. Как оторву все твои головы, день и ночь будешь отдыхать.

Проша второй раз махнул дубинкой — оторвал ещё три головы. Махнул ещё раз — отрубил три последние головы и придавил змея к земле, как блин.

— Вот теперь ты отдыхай, а я пойду к Юлии.

Проша пошёл к реке, умылся, вытерся, сел на орла и полетел в город, где живет Юлия. До города он добрался благополучно. Проша спросил, где живёт царь, и пошёл туда. Он дошёл до дворца и хотел войти в него, но его не пустили. Тогда он говорит:

— Скажите царю, что пришёл спаситель дочери.

Он недолго дожидался у двери, вышел к нему один из царской родни, который тут же узнал Прошу и схватил, чуть не на руках донёс его до дворца. Как вошёл Проша в царскую комнату, царь и себе не верит, на самом деле это Проша или какое-нибудь чудо. Позвал он царицу, собрал всех гостей. Все узнали Прошу, все его целуют.

Проша вошел в Юлину комнату. Поглядели они друг на друга, обнялись и долго целовались, долго плакали. Юлия спросила его, как он добрался и почему спал, когда приезжали за ним. Проша рассказал, как он добрался, а почему спал, он и сам не знает до сего времени.

На третий день Проша с Юлией и много царской родни отправились за Прошиной матерью. Как привезли его мать, царь на второй день утром свадьбу устроил. Два месяца они пили-гуляли, плясали, пели на свадьбе Проши и Юлии. После свадьбы царь вместо себя поставил Прошу царем.

Не прошло и года, на Прошу напали три царя. Он послал войско, но все оно было перебито. Проша рассердился, сел на свою лошадь, взял дубинку, с собой взял пятьсот солдат.

В один день он перебил войска трех царей. На Прошу напало ещё больше царей. Тогда он со своими войсками пошёл на всех царей. В три недели он перебил пятьдесят царей. Оставшиеся цари умоляли Прошу, чтобы он их не трогал.

ОХОТНИК

Эрясть-ащесть атят-бабат кафонест. Иляса мезьсовок ашесть работакшне, аньцек эрь шиня атясь якаль охотас.

Фкя пингоня алясь недяляшка якась вирьге, но сембе сяка мезевок ашезь мушенда.

Моли видеста яннява и ваны: шуфтть пряса нармонь, сон стама мазы, бта золотой. Шуфтсь ульсь пяк сери, а нармонць озаф самай тёганнязонза и ванонды кафта пяли.

Ладязе алясь ружьянц нармонть лангс и ёразе сонь шавомс, но думандась эсь пачканза: «Мезенди мон шавса, лучи куцян

шуфтть пряс и кундаса живьём». Куцсь шуфтть пялезонза и корхтай:

«Ожу мон шавса, ату аф куцеван».

Но сон тага ашезе шава, мес пяк мялецоль кундамс нармонть живьём. Вот-вот ни куци нармонть малас, а сонць думандай:

«Ожу ляцьса, ату сон эводи и туй лиезь».

Тага ашезе шава, мес аф ичкозель эздонза. Куцсь нармонть ваксс, кундазе и кандозе куду.

— На вага, баба, нармонь кундань, мезьда тонць ярхцат, сяда соньге андк.

Анок пяк валдоль куд потмось, а кодак нармонть нолдазь, колмокстъ сяда валдомсь. Нармонть трязь, и сон кизода меле корхтай аляти:

— Аде тяни, атяй, конакокс монь пялон, ату тон вага ни трямайть киза.

Атясь думандась, думандась и тусь нармонть мархта.

— Аде ластяк лангозон, и мон лиезь сяфте.

Атясь ластясь нармонть ланге, и тусть.

— Атяй, ватта алу, мезевок тоста няят?

— Няян куцюшка ведня.

Эстокиге нолдазе нармонць атять, и сон прась ведти крга видева.

Нармонць валгсь атять мельге, лихтезе ведьста и корхтай:

— Атяй, эводеть?

— Эх, и эводень...

— Вдь моньге, атяй, тяфта первай эвфтемайть, мзярда латцить ружьяцень монь лангозон.

Тага ластяфтозе лангозонза и лийфтьсы куд ширезонза.

— Атяй, ватта алу, мезевок няят?

— Няян стакан потмаксса ведня.

Тя ульсь самай Белай морясь.

Нолдазе атять ся ведняти, и сон ваясь пиле видева.

Нармонць нолдась мельганза пря, кеподезе ведьста и корхтай:

— Атяй, эводеть?

— Первай эводень, а тяни нинге сяда пяк эводень.

— Вдь моньге омбоцеда тяфта эвфтемайть, мзярда шуфтть пялестонза латцить лангозон ружьяцень.

Атять ластяфтозе лангозонза, и тага тусть виде киге.

Лийсть, лийсть, и нармонць атяти корхтай:

— Атяй, ватта алу, мезевок няят?

— Няян карьхкашка ведня.

Нолдазе атять нармонць, и сон тусь ведти прянек-мезнек. Валгсь нармонць атять мельге, эцесь алонза, лихтезе ведьста и корхтай:

— Атяй, эводеть?

— Кафкстъ нолямайть — эводень, а тяни, мярьгонь, ни иман.

— Атяй, вдь монга тяфта эводень, мзярда колмоцеда монь ёрамайть ёфси вакстон ляцемс, и монга мярьгонь — эряфозень пец сась. Ну, ладна, атяй, простиндасаськ сембонь, мезе ульсь минь мархтонк.

Пачфтезе атять нармонць кудозонза, тердезень сембе раднянзон, и тисть гульба.

Гуляндасть ни ши кувалма, и простиндась атять мархта нармонць.

Атясь корхтай нармонти:

— Ну, нармонь, прважамак тяни кудозон.

— Ащек, атяй, монь кирдемайть киза кувалма, а мон тонь киртте сяда ламос.

Ётась лама пингта, и нармонць атяти корхтай:

— Ну, атяй, тяни прважате кудозт.

Марась нармонць кептерня назём и корхтай атяти:

— На, атяй, вага ня назепнень тяйть пиярде, мзярда ведень туркс ётат.

Сявозе атясь кептернять и тусь.

Ётазень сембе веттнень и назем кептернянц пиярдезе.

Варжакстсь атясь кептернянц лангс, а тоса ни ашель мезевок, но лиссь перьфканза сняра жувата, што афолеть ванов пильгснон ёткова.

Атясь шаронды жуватанзон перьфке, а сонць аварди, мес фкя айгоронь пильговок аф тяльги кептерняти.

Лиссь каршезонза волшебник атя и кизефнесы жувата азорть:

— Месть, атя ялгай, аварькшнят?

— Кода аф авардемс тейне, кептернястон пиярдине назепнень, эздост тиевсть жуватат, а тяни айгоронь пильговок меки аф тяльги.

Кизефнесы сонь волшебник атясь:

— Мезе аф содат кудстот, сянь макссак тейне? Кда макссак, мон синь марасайне сембонь кептернязт, кода ащесть.

Атясь думандай: «Мезе монь ашель кудсон, мзярда тунь?»

Сон стаки ашезе сода, а мзярда тусь кудста, шачсь шабац.

— Ладна, максса ина, мезе аф содан кудстон.

Волшебник атясь сембе жувататнень маразень кептерняв, и синь тага меки арасть назёмкс. Атясь сявозе кептернять кядезонза и тусь тага киге. Пачкодсь кудозонза, каязень пирьфозонза назепнень, и лиссь сняра жувата, што сонь пирьфсонза аш коса шаромска.

Лиссь атять каршес кемгафксува кизоса цёрац, и атясь аварьгодсь цёранц каршес.

— Эх, цёрай, цёрай, мон вдь тонь михтень.

Цёрась отвечась алянц каршес:

— Мезе мле ина тият, раз мимайть... бславамак, и мон туян.

Атясь бславазе цёранц, и сон тусь. Мольсь, мольсь, токадсь тейнза кудня. Сувась сон ся кудняти, а тоса ащи ськамонза бабаня, и сон корхтай цёраняти:

— Месть, аф содаф цёраняй, якат?

Цёранясь корхтай бабати:

— Монь алязе мимань стама-стама алянди.

— Эх, цёраняй, юмафтозе аляце пряцень.

— А мезе тият ина, бабай.

— Ся вдь монь явф брадозе, конанди минзе аляце; сонь седялнек, калдазнек, пирьфонек пяшксет ломанень пряда. Кодак молят пялонза, сон эстокиге тонь шафтанза.— Бабась макссь тейнза крня и корхтай:— Вага на тя крнять, коза сон кевори, тоза архт, тон, варжак, тят илятькшне эздонза.

Нолдазе цёранясь крнять, коза арды крнянясь, тоза моли сонга.

Крнясь вятезе тага кудняс. Сувась сон ся кудняти, ваны: тоса ащи ськамонза бабаня и корхтай цёраняти:

— Месть якат, аф содаф цёраняй?

— Бабай, мон якан сяс, мес монь алязе мимань стама-стама ломаненди.

— Эх, цёраняй, ся вдь монь патязе, сонь вдь седялнек, калдазнек, пирьфонек пяшксет ломанень пряда. Кодак молят пялонза, эстокиге аделатанза.

— Месендят мле, бабай, стама монь судьбазе.

Макссь бабась цёраняти крня и корхтай:

— На, цёраняй, коза тя крнясь кевори, тоза и мольхть тонгз, сон вяттянза тага стама кудняс, коса эряй ськамонза бабаня.

Нолдазе ся крнянять, и сон стаки кевори, а цёранясь вакс пе эздонза аф кадови.

Крнянясь вятезе тага стама кудняс, коса эряй ськамонза бабаня.

Сувась цёранясь кудняв, и бабанясь кизефнесы:

— Тон, цёраняй, коста повоть сей?

— Монь алязе мимань...

— Саты, сяда лама тят азонда, содате, коста и кодане повоть. Эх, цёраняй, тондейть вдь молема волшебник атянь пяли. А кода эряфцень ванфтомс, мон азондса: архт моря беряку, тоса улихть кальхть, и сятнень потмос кяшть, местьке тят кашторда. Тонь ваксозт валгихть гулянят, синь эздост вете, эрьхтихть модати пря — арайхть ломанькс, кайсесазь щамснон и кармайхть эшеляма. Тон сявить самай цебярь гулянять щамонзон и тяйть макссе мянь снярс, мзярс аф лоткайхть эшелямда, лисихть берякти, эрьхтьсазь модати пряснон — арайхть ломанькс, щашендсазь щамснон и туйхть лиезь меки гулянякс. А конань щамонзон прдат, ся иляды ялганзон эзда и серьгяди стане: «Кие монь щамнень прдазень, улеза васязе-полазе». И сяльде максыть, а илякс, кода тяза мярьгонде, тяйть макссе, варжак.

Тусь цёранясь моря беряку, сувась кальть потмос, и аф ламос ащезь лийсть вете гулянят, эрьхтсть пря мастору и арасть ломанькс. Кайсезь щамснон и сувсесть сембе эшеляма.

Цёранясь прдазень самай цебярь гулянять щамонзон и меки озась вастозонза. Эшелясть гулянятне и лисендсть сембе щама. Щашендсть сембе, эрьхнесть пря мастору и тусть лиезь гулянякс, а самай цебярсь илядсь и ушедсь эняльдема:

— Кие монь щамнень прдазень, улеза родной брадозе.

Цёранясь щамонзон ашезень лихте.

Гулянясь тага эняльгодсь:

— Кие монь щамнень прдазень, улеза алянь брадонь идезе.

Цёранясь тага ашезень лихте щамонзон.

Колмоцеда эняльгодсь гулянясь:

— Кие монь щамнень прдазень, улеза васянязе-поланязе.

Цёранясь лихтезень гулянять щамонзон, и гулянясь корхтай тейнза:

— Тяни тейне сави пичедемс мархтот. Первайкиге молят алязень пяли, и сон тейть максы задача: кемгафтува капа тозер тяляма, понжафтома, яжафтома, синь эздост панема копшат фкя веста.

Пачкодсь цёрась волшебниктъ пяли, и сон корхтай цёрати:

— Сать, сюдоф цёра?

— Да, сань, атяй.

— Тяни тейть вага кодама задачась: ва тя веть тейть тяляма кемгафтува капа тозер; понжафтомат, яжафтомат синь, и панемат эздост копшат.

Цёрась авардезь лиссь кудста, а волшебник атять стирец лиссь мельганза и корхтай:

— Цёра, мес авардят?

— Кода аф авардемс, аляще макссь кемгафтува капа тозер тялямс, понжафтомс, яжафтомс и эздост пидемс покшат фкя веста.

— Тят аварде, тисаськ. Кодак пялевесь сай, тон листь ушу.

Петевсь цёрать седиец, и сон мадсь. Сась пялевесь, и лиссь церать мархта стирсь ушу. Стирсь яфодезе руцянянц — кемгафтува капа тозерсь тялявсь, омбоцеда яфодезе — понжафтовсь, колмоцеда яфодезе — яжафтовсь, и нилецеда яфодезе — пидевсть копшатневок.

— Шаронтт тяни перьфкаст, а алязе сай, кизефттянза: «Анокт?» Тон пшкятть: «Анокт».

Шобдавась сась, атясь лиссь и кизефнесы цёрать:

— Тиить?

— Тиине.

— Тиить, да аньцек аф тонць. Тяни тейть вага кодама заданиясь: тиема кемгафтува вайгяльбе клянцеконь седь, штоба перьфканза мораст всякай-разнай нармотть.

Цёрась тага аварьгодсь. «Коста тейне тиеви?»— думандай эсь пачканза.

Стирсь тага лиссь каршезонза и корхтай:

— Мес, цёра, авардят?

— Кода аф авардемс: аляце макссь тиемс кемгафтува вайгяльбе клянцеконь ки и штоба перьфканза моральхть разнай нармотть.

— Тят аварде, тисаськ.

Лиссть стирть мархта цёрась пялевешкада. Стирсь яфодезе весть руцянц — перьфпяльте таргавсть кшнинь столбат, омбоцеда яфодезе — кись тиевсь, колмоцеда яфодезе — перьфканза моразевсть разнай нармотть.

Лиссь атясь шобдава и кизефнесы цёрать:

— Тиить?

— Тиине.

— Тяни вага кодама задача: максан тейть айгор, и тон тонафтк сонь арнема.

Цёрась кенярдсь, лиссь ульцяв и морай.

— Мес, цёра, морат?

— Мес аф морамс, аляце максы айгор тонафнемс.

— Тят мора, а сяда пяк авартть: ся сон ёратанза аделамс. Макссы эсь прянц тонафнемс, кепоттянза вяри лиезь и лангстонза прафттанза. Вага мезе тон тик: архт кузенцяв и тифтть кемгафтува пудонь таргай лом. Кодак ластят лангозонза, ушетт пиксомонза ломть мархта пиле ёткова.

Цёрась тусь кузенцяв, тифтсь кемгафтува пудонь таргай лом. Сась куду, ластясь айгорть лангс, и айгорсь эстокиге фатязе цёрать лиезь. Кодак тусь лиезь, цёрась ушедсь айгорть пиле ланга шавомонза. Ков сяда пикссы, тов айгорсь ушедысяда алу валгома, и сон тонафтозе стане, што айгорсь кармась молема саворняста, и сяда меле сон нолдазе айгорть карду.

Мадсь цёрась тяни спокойнай седиса. Удось шобдавати, стясь, ваны: лиссь атясь сотнеф пряса и корхтай цёрати:

— Тонафтыть?

— Тонафтыне.

Тяни тейть мекольце задачась: тинь стирезень мархта уштада баня.

Уштсть цёрать мархта стирсь баня, сельгсть банять нилецьке уголонзонды и тусть цёрать шачема вастозонза.

Учсь-учсь атясь, а баня уштыенза ашет, и корхтай ёмла стиренцты:

— Мес ламос ашет? Архта, стирняй, кизефтите, тозкот или ашет.

Мольсь стирнясь баня кудонгольняв и кизефнесыне:

— Тязкотада?

— Тязкотама,— отвечась фкя уголста сельгсь.

Эстокиге стирнясь тусь куду и корхтай алянцты:

— Тозкот.

Учсь-учсь атясь, а банять уштыенза нинге ашет.

Кучезе омбоце стиренц мельгаст.

Мольсь омбоце стирец баня кудонгольняв и кизефнесыне:

— Тязкотада?

— Тязкотама,— отвечась омбоце уголста сельгсь.

Сась стирнясь куду и азондозе алянцты, што синь тозкот, аньцек ламос ашесть отвеча каршезонза.

Атясь учи — ашет, учи — ашет, и кучезе мельгаст колмоце стиренц. Мольсь стирец баня кудонгольняв и кизефнесыне:

— Тязкотада?

Ашезь пшкяде кивок каршезонза.

Стирсь омбоцеда кизефтезень: «Тязкотада?»

— Тязкотама.

И стирсь эстокиге тусь куду, а ся отвечайсь ульсь фталда уголста сельгсь.

— Тозкот,— корхтай,— аньцек васенда пшкядень, ашесть отвеча мезевок, а омбоцеда кизефтине, мярьгсть: «Тязкотама».

Атясь учи — аш, учи — аш, и корхтай стиренэонды:

— Надиянь, надиянь лангозонт, сави ни эстейне молемс. Мольсь атясь баня кудонгольняв и кизефнесыне:

— Тязкотада?

— Тязкотама,— отвечасть атять каршес нилецьке уголста селькне.

Панжезе атясь баня кеикшть, ваны: тоса кивок аш, а отвечайхне селькт.

Эстокиге атясь меки тусь куду и азондозе стиренэонды, што синь ворьгодсть. Тоса кошардозе ёмла стиренц:

— Архт, стирняй, куроконе, сатсайть нинге, синь тусть виде кить каршева вярьге лиезь.

Ёмла стирняц эстокиге тусь лиезь и вот-вот ни сатсыне.

Стирсь кизефнесы цёрать:

— Ватта фталу, мезевок няят?

— Няян, вона вии туця сай.

— Тя аф вии туця сай, а алязень ёмла стирняц сай мельганк. Тяни вага мезе тихтяма: тон арат постуфокс, а мон аран учань стадакс. И кодак сай, сон кизефттянза: «Тон ашеть няе стама-стама ломатть?» А тон отвечак: «Мезевок ашень няе, хотя мон ванондан ни тяса лама кизот».

Пачкодсь ёмла стирсь и кизефтезе постуфть:

— Тон ашеть няе кафта ломатть?

— Мезевок ашень няе,— мярьгсь постуфсь.

Сась стирсь меки куду и корхтай алянцты:

— Няень постуф, учат ваны.

— Нят самай синь,— корхтай аляц.

Эстокиге кучезе омбоце стиренц и корхтай:

— Архт куроконе сатыть и, мезе тяза уле, мрдафтыть меки.

Тага вот-вот сатсыне синь омбоце стирсь.

Стирсь цёрати корхтай:

— Ватта фталу, няят мезевок?

— Няян туця, но васенцеть коряс кемоньксть сяда вии.

— Тяни мон аран церькавкс, а тон арат сторожкс, и кодак кизефттянза, тейнза отвечак стане: «Мон мезевок ашень няе».

Сась омбоце стирсь малати и кизефнесы:

— Тон стама-стама ломань ашеть няе?

— Мезевок ашень няе, а мон работан ни тяса сторожкс кемоньшка киза.

Сась меки куду волшебник алять омбоце стирец и корхтай:

— Няень мон церькав, а инголенза сторож. Мон кизефтине, а сон отвечась: «Мезевок ашень няе, а мон ни работакшняч кемоньшка киза».

— Да нят вдь самай синь! Аш месть тинь сембе кучсемска и аш мезе лангозонт надиякшнемска, сави молемс эстейне.

Лиссь атясь кудстонза и тусь лиезь мельгаст. Лийсь, лийсь и вот-вот ни сатсыне.

Стирсь корхтай цёрати:

— Ватта фталу, мезевок няят?

Варжакстсь цёрась фталу, ваны — сай стама туця, кодама сон мзярдонга ашезь няе.

— А тя алязе сонць сай мельганк. Тяни вага мезе тихтяма: дай тон арак эрьхкокс, а монць аран яксяргокс и карман уендема. Кодак сай сей, кармай сон симома эрьхкть эзда.

Сась атясь эрьхкть малас симома.

Симсь-симсь — пекоцка кассь, а эрьхксь ашезь аделав симомда.

Атясь стиренцты корхтай:

— Ну, стирняй, тяни арда тинь эсь кигант, а мон туян эсь киган.

Стирсь и корхтай алянцты:

— Давно тяфта эряволь, ату мучендасамасть пцтай мирдезень кудозонза молемс.

Тяда меле аляц тусь эсь киганза, а стирть мархта цёрась тусть видеста цёрать пяли.

Стирсь корхтай цёрати:

— Молят куду, сембонь палайть: тядяцень, аляцень, аньцек тят пала кресиай стирцень, ату юкстасамак монь.

Пачкодсть велеть малас, и стирсь цёрати корхтай:

— Тон валгат эсь кудозонт, а мон валган яви брадонтень пяли.

Цёрась пачкодсь кудозонза, палазень алянцка, тядянцка и ашезь кирде — палазе кресиай стиренцка. Кодак палазе кресиай стиренц, сон эстокиге юкстазе волшебник атять стиренц.

Эрясь цёрась кафтошка недяля, и аляц корхтай:

— Тяни ни, цёраняй, рьвяяфтомс эряват, ату вдь монь работамшказе аш ни.

Вешсть цёрати омба велеста ава и рьвяяфтозь.

Тердезь радняснон-плямаснон и тусть стирть венцяндафтома. Венцяндафтозь-тиезь стирть и анокласть ни гуляндакшнемс.

Тердезь свадьбас яви брадонзонга, а тоса эряй самай ся стирсь. Сон корхтай кудазорть аванцты:

— Тон молят свадьбас, пидек монь лемозон копшаня и, кодак молят пялост, кярость ся копшанять пачк шра лангса.

Мольсть цёрать пяли, путозь копшанять шрать ланге, и кярозе сон пачк.

Лисесть кафта гулянят копшать эзда, валгсть лавця лангти и корхнихть кафонест:

— Кылдырку, кылдырку, мяляфтсак, кемгафтува капа тозер мархтот тяляме, конатнень алязе макссезень тялямс, понжафтомс, яжафтомс и пидемс эздост копшат фкя веста?

— Мяляфтса, мяляфтса, кодане монь ужяльдемайть,— корхтай омбоце гулянясь.

А цёрась аванц ваксса кулхцонды, месть корхнихть гулянятне, но сон мезевок аф шарьхкоди.

Тага ушедсть гулянятне корхнема:

— Мяляфтсак, кода минь тиеме кемгафтува вайгяльбе ки, и перьфканза морась лама разнай нармонь?

— Мяляфтса, мяляфтса, кодане помагать мархтон.

Тяда меле цёрась кармась шарьхкодема, но прокс нинге изь шарьхкоде.

Тага гулянятне ушедсть корхнема:

— А мяляфтсак, кодане тон айгорть тонафтыть?

— Мяляфтса, мяляфтса, аньцек тейне афоль тонафтов, кда тон монь кядьстон кемгафтува пудонь таргай лом афолеть тифте.

Цёрась ушеткшни шарьхкодема омбоце гулянять отвечаманц коряс. Гулянятне ушедсть сяда сидеста корхтама:

— Мяляфтсак, кода минь тонь мархтот баня уштоме, сельгоме нилецьке уголга и кадоськ банять, а минць туме лиезь?

— Мяляфтса, мяляфтса.

— А мяляфтсак, мон арань учань стадакс, тон постуфокс?

— Мяляфтса, мяляфтса.

Цёрась кулхцонды и цють аф шарьхкотыкшни.

— А мяляфтсак, мон арсень церькавкс, а тон сторожкс?

— Мяляфтса, мяляфтса, аляце ёрась эрьхке косьфтамс симозь.

— А мяляфтсак, тон туть эсь кудозонт, а мон сувань двоюроднай брадонтень пяли?

— Мяляфтса, мяляфтса.

Цёрать лядьсь мялезонза сембе, и сон корхтай:

— Монь вага авазе, кда аф сон, мон кунаркиге афолень уле шиса.

Яфодезе кядьта од аванц кенкш фталу, а лавцять лангста фкя гулянясь эрьхтсь пря мастору и арась стирькс, а омбоце гулянясь юмась сельме ингольдест. Цёрась мрдась меки, кундазе стирть кядьта и тячемс эряй стирть мархта.

ОХОТНИК

Жили-были старик со старухой. Ничего они не делали, только старик ежедневно ходил на охоту.

Однажды старик с неделю шлялся по лесу, но все равно ничего не нашел. Вот он идет по тропинке и видит: на дереве птица, да такая красивая, как золочёная. Дерево было высокое, а птица сидела на самой макушке и смотрела в обе стороны.

Вскинул человек ружьё, наставил на птицу, чтобы убить её, но в то же время подумал: «А зачем мне её убивать? Лучше залезу на дерево и поймаю её живую».

Полез на дерево, долез до половины и сказал себе: «Стойка. Я её убью, а то ведь туда мне не залезть». Но все-таки не стал убивать, решил-таки поймать её, хотя и не надеялся, что это ему удастся. Так он, меняя решения, понемногу лез вверх. Добрался до птицы, поймал её и принес домой.

— На, старуха, птицу тебе поймал. Чем сама будешь кормиться, тем корми и её.

В избе старика было темновато. А как выпустил он птицу — сразу стало светлее. Так они прокормили птицу целый год. И вот птица говорит старику:

— Теперь, старик, пойдем ко мне в гости, а то ведь ты целый год кормил меня.

Долго думал старик, что ему делать. Пойти — дома некого оставить: нет у них ни рожденного, ни растущего. Наконец, он согласился и решил идти с птицей.

— Иди садись на меня, и я понесу тебя,— говорит птица.

Старик сел на птицу, и они полетели.

— Дедушка, посмотри-ка вниз, не видно ли там что-либо?

— Вижу с ложку водицу.

Тогда птица сбросила его с себя, и он упал в воду по самое горло.

Птица спустилась вниз, вытащила старика на сухое место и спрашивает:

— Напугался, старик?

— Эх, и напугался...

— И меня, дедушка, так напугал ты в первый раз, когда наставил на меня ружьё.

После этого снова посадила на себя старика и полетели дальше.

— Старик, глянь-ка вниз, что там видно?

— Водицу как на дне стакана.

А это было Белое море. Птица сбросила с себя охотника, и тот упал в воду. Когда он стал тонуть, птица подхватила его, подбросила на спину и спрашивает:

— Испугался, старик?

— В первый раз испугался, а теперь еще сильнее.

— И ты так напугал меня, когда хотел убить второй раз.

Летит старик на спине птицы. Летел, летел, и снова птица спрашивает его:

— Старик, глянь-ка вниз, что там видно?

— Вижу с ковшик водицу.

Птица сбросила с себя старика, и тот окунулся в воду с головой и ногами. Спустилась птица, вызволила его из воды и спрашивает.

— Напугался, старик?

— Дважды ты меня сбрасывала — пугался, а теперь мне показалось, что я погибну.

— Так и я напугалась, когда ты, совсем близко поднявшись ко мне, хотел убить меня. Ну, ладно, старик, простим мы друг друга, забудем, что было между нами.

Донесла она старика до своего дома, позвала всю свою родню и устроила пир.

Погуляли они день, и старик стал прощаться с птицей.

— Ну, птица, теперь проводи меня домой.

— Подожди, старик. Ты меня продержал целый год, а я тебя продержу больше.

Прошло недели две, и птица говорит старику:

— Ну, пошли теперь, старик, провожу тебя в твой дом.

Она наклала корзину навозу и говорит старику:

— На, старик, не просыпь этот навоз, особенно когда будешь проходить через воду.

Взял старик корзину и пошёл.

Прошёл он через все воды, берег корзину, и всё-таки рассыпал навоз. Посмотрел он в неё, а там ничего не осталось, но зато вышло много скота, не сосчитать даже. А ведь в корзине-то даже одна лошадиная нога не уместится.

Бегает старик вокруг стада и плачет: в корзину не затолкаешь не только лошадь, но и её ногу. Вышел к нему старик-волшебник и спрашивает:

— Что ты, старик, плачешь?

— Да как мне не плакать? Из корзины высыпался навоз, из него образовались животные, а в эту корзину нельзя вместить и лошадиную ногу.

Спрашивает его волшебник-старик:

— Если отдашь мне то, чего не знаешь в твоем доме, то я тебе помогу. Я уложу весь скот в корзину так, как навоз.

Думал старик, чего же он не знал, когда уходил из дома. А когда он уходил, у них не было дитяти, а теперь оно есть.

Долго он думал, все равно он не нашел ничего такого, чего бы он не знал в своем доме.

— Ладно, отдам тебе то, чего не знаю в своем доме.

Старик-волшебник сделал так, что все животные снова превратились в навоз. Старик взял корзину и пошёл домой. Дошел до дома, высыпал во дворе навоз из корзины, и двор наполнился скотом, даже повернуться негде стало.

Вышел из дома его восемнадцатилетний сын, и старик заплакал.

— Эх, сынок, сынок, я ведь тебя продал.

А сын отвечает ему:

— Что ж теперь делать, раз продал... Если ты меня продал, то теперь благослови меня в путь: я уйду.

Старик благословил сына, и он ушел из дому. Шел он, шел, нашёл небольшой домик. Вошёл он туда, а там сидит старуха. Она спрашивает его:

— Что здесь, незнакомый парень, ходишь?

Парень отвечает ей:

— Мой отец продал меня какому-то человеку.

— Эх, паренек, загубил твою голову отец.

— А что же, бабушка, было делать?

— Тот старик — мой раздельный брат. Его подполье, и двор, и постройки заполнены человечьими головами. Как только явишься к нему, то он изведет и тебя. Но идти надо. Вот тебе клубочек. Куда он катиться будет, туда и ты иди, да смотри не отставай,— сказала старуха и дала ему клубок.

Пустил парень этот клубок на землю, и куда он катится, туда за ним идет и он.

Клубочек довел его до другого домика. Вошёл он в домик, смотрит: там одинокая старуха. Она говорит парню:

— Что ходишь, незнакомый паренек?

— Бабушка, я хожу здесь потому, что отец мой продал меня какому-то человеку.

— Эх, сынок, ведь это мой старший брат. У него и подполье, и конюшни, и подворье заполнены человечьими головами. Как только придешь к нему, он тут же изведет тебя.

— Что поделаешь, бабушка, коль судьба моя такая.

Дала старуха парню клубок и говорит:

— На, сынок, куда покатится этот клубочек, туда и ты иди. Он проведет тебя к такому же дому, в нем живет одинокая старуха.

Бросил парень клубочек на землю, куда клубочек катится, туда и парень идет не отставая, конец нитки в руке держит. Клубочек подкатился к дому, в котором жила одинокая старуха. Зашел парень в избушку, старуха спрашивает его:

— Ты, паренек, откуда здесь взялся?

— Меня отец продал...

— Хватит, дальше не рассказывай: знаю, кто ты и как ко мне пришел. Эх, паренек, тебе придется идти к старику-волшебнику, под его власть. А как тебе сберечь себя, я расскажу. Иди на берег моря. Там растет ивняк, вот ты и спрячься в этот ивняк. Сиди там тихо. Близко к тебе прилетят и сядут голубки, их пять. Они ударятся об землю и превратятся в людей, разденутся и станут купаться.

Ты захвати одежду самой хорошей девушки и не отдавай ее. Когда они перестанут купаться, выйдут на берег, оденутся, ударятся об землю, превратятся в голубок и улетят. А у которой спрячешь одежду, та останется и будет просить: «Кто взял мою одежду,— пусть будет моим мужем». Только тогда возврати ей одежду, а по-другому, как бы она не просила, не молила, смотри, не отдавай.

Пошёл паренек на берег, залез в тальник. Немного погодя прилетают пять голубиц, ударились об землю и превратились в людей. Они разделись и вошли в воду купаться.

Паренек спрятал одежду самой хорошей голубки и сидит на своем месте. Искупались девушки, вышли одеваться. Оделись они в свои одежды, ударились об землю, превратились в голубок и улетели, а самая хорошая осталась раздетой и стала просить:

— Кто спрятал мою одежду, пусть будет мне родным братом.

Парень молчит, не подает голоса. Голубка снова взмолилась:

— Кто спрятал мою одежду, пусть будет сыном отцова брата.

Парень молчит, не дает о себе знать. Она снова:

— Кто спрятал мою одежду, пусть будет моим мужем.

Парень вышел, отдал ей одежду. Голубка говорит ему:

— Теперь мне придется горевать с тобой. Ты сейчас пойдешь к моему отцу, и он даст тебе задачу: смолотить двенадцать одоньев пшеницы, провеять и смолоть зерно, испечь ситный пирог — и все это за одну ночь.

Дошел парень до волшебника. Тот говорит ему:

— Пришел, проклятый сын?

— Да, пришел, дедушка.

— Я тебе задам задачу: за эту ночь смолоти двенадцать одоньев пшеницы, провей зерно, а потом испеки ситный пирог.

Заплакал парень и вышел от старика. А дочь волшебника вышла за ним и спрашивает:

— Парень, ты что плачешь?

— Как не плакать, твой отец велел обмолотить двенадцать одоньев пшеницы, провеять зерно и испечь пирог. И все это за ту же ночь.

— Не плачь, сделаем. Как наступит полночь, ты выходи из дома.

Успокоился парень и лег. Наступила полночь. Парень и девушка вышли на улицу. Девица махнула платочком — двенадцать одоньев пшеницы смолотились, второй раз взмахнула — зерно провеялось, третий раз взмахнула — смололось, четвертый раз взмахнула — испеклись и ситные пироги.

— Теперь ходи около них,— говорит девица,— а когда придет мой отец и спросит: «Готово?», ты откликнись: «Готово!»

Наступило утро. Вышел старик и спрашивает парня:

— Сделал?

— Сделал.

— Сделать-то сделал, да только не сам. Теперь тебе вот какую задачу задам: сделать двенадцативерстный мост, и чтоб по его сторонам пели разные птицы.

Пошел парень, заплакал. «Разве это возможно сделать?» — думает он. Встречает его девушка и спрашивает:

— Почему, парень, плачешь?

— Да как мне не плакать: твой отец велел двенадцативерстный мост построить, и чтобы по обеим сторонам его пели разные птицы.

— Не плачь. Это мы сделаем.

В полночь вышла девица с парнем на улицу, взмахнула платочком — возвелись железные столбы, взмахнула второй раз — мост построен, взмахнула третий раз — у моста появились и запели разные птицы.

Утром вышел старик, спрашивает парня:

— Сделал?

— Сделал.

— Та-ак. Теперь я тебе еще одну задачу задам. Я даю тебе жеребца, а ты обучи его верховой езде.

Парень обрадовался. Пошел по улице и запел.

— Почему, парень, поешь?

— Как же не петь: твой отец дает мне обучить жеребца.

— Ты не пой, а плачь: отец решил убить тебя. Он сам превратится в жеребца, поднимет тебя вверх и сбросит оттуда. Ты сейчас вот что сделай: иди в кузницу и закажи там двенадцатипудового веса лом. А когда сядешь на коня, бей его этим ломом между ушей.

Парень пошел в кузницу, велел сделать двенадцатипудовый лом. Вернулся, сел на жеребца, и жеребец тут же взвился вверх. Как только он поднялся, парень начал его бить промеж ушей железным ломом. Что не больше бьет жеребца, тем он больше спускается, становится более послушным. Наконец, он так избил жеребца, что тот спустился на землю и пошел шагом. После этого парень сошел с него и запер его в конюшню.

Лег парень со спокойным сердцем. Проспал он до утра, проснулся, смотрит: приходит старик с завязанной головой и говорит парню:

— Обучил?

— Обучил.

— Теперь тебе последнее задание. Вместе с моей дочерью истопите баню.

Истопили баню. Девушка плюнула во все четыре угла бани, а они вместе с парнем побежали к нему на родину.

Ждал, ждал старик, а истопники бани не возвращаются. Он говорит своей дочери, чтобы та узнала, там ли они.

Та пришла к бане, спрашивает из сеней:

— Вы здесь?

— Здесь,— отвечает плевок из одного угла.

Ждал, пождал старик, а истопников бани все нет. Послал узнавать вторую дочь. Та тоже, как и первая, подошла к бане и спросила:

— Здесь вы?

— Здесь,— отвечает плевок из другого угла.

Вернулась дочь и сказала отцу, что они там, только почему-то долго не отвечали.

Ждет, пождет старик, нет их. Послал за ними третью дочь. Пришла в предбанник третья дочь и спрашивает:

— Вы здесь?

Никто не отвечает.

— Вы здесь? — снова спросила она.

— Здесь.

Пришла дочь старика домой, не зная, что это ей отвечал плевок из дальнего угла бани.

— Там они,— говорит она отцу,— только на первый мой вопрос ничего не ответили. Спросила я второй раз, сказали: «Здесь мы».

Ждал, пождал старик — нет никого и крикнул на дочерей:

— Надеялся, надеялся на вас — нет толку! Придется самому идти. Пошел он и спрашивает с предбанника:

— Здесь вы?

— Здесь,— отвечает плевок из четвертого угла.

Открывает старик дверь — в бане никого, отвечали на вопросы плевки.

Он тут же возвращается домой и рассказывает дочерям, что истопники убежали. Он приказал младшей дочери догнать беглецов.

— Иди, доченька, догони их. Они убежали по дороге.

Младшая дочь тут же полетела за ними, и вот настигает их. Девица спрашивает парня:

— Посмотри назад, ничего не видно?

— Вижу, сильная туча надвигается.

— Это не сильная туча надвигается, а младшая дочь отца гонится за нами. Нам нужно вот что сделать: ты станешь пастухом, а я превращусь в овечье стадо. Когда она подойдет и спросит тебя, не видел ли ты таких-то, таких людей, отвечай ей, что ты ничего и никого не видел, хотя пасешь здесь много лет.

Прибежала младшая дочь старика и спрашивает пастуха:

— Не видел ли здесь двух человек?

— Ничего не видел,— ответил пастух.

Вернулась она домой и говорит отцу:

— Видела только пастуха, пасущего овец.

— Эх, да это самые они и были.

Тут же он послал вторую дочь и приказывает:

— Скорее за ними, и непременно верни их.

Вот она гонится за ними. Девушка говорит парню:

— Оглянись-ка назад, ничего там не видать?

— Вижу тучу, но по сравнению с первой втрое больше.

— Теперь я превращусь в церковь, а ты будешь сторожем. И когда тебя будет спрашивать вторая дочь старика, отвечай ей, что ты ничего не видел.

Примчалась вторая дочь, спрашивает:

— Ты не видел здесь таких-то, таких людей?

— Ничего я не видел, а работаю здесь сторожем с десяток лет.

Вернулась дочь волшебника домой и рассказывает отцу:

— Видела я церковь, а перед нею сторож. Я его спросила, а он ответил: «Ничего не видел, а работаю здесь десяток лет».

— Да ведь это были они! Нет смысла вас посылать, на вас нельзя надеяться ни в чем. Придется мне все делать.

Вышел старик из дома и полетел за беглецами. Вот он их настигает. Девица говорит парню:

— Оглянись назад, ничего не видишь там?

Тот посмотрел и увидел надвигающуюся громадину-тучу, какую он никогда раньше не видел.

— Это отец гонится за нами. Теперь нужно вот что сделать. Я тебя превращу в озеро, а сама сделаюсь уткой и буду плавать. Он как прилетит, то начнет тебя пить — не бойся.

Примчался старик и начал пить озеро. Вот он пьет, пьет, даже живот раздулся, а испить озера не хватает сил. Обессилев, крикнул:

— Ну, доченька, иди ты своей дорогой, а я вернусь к себе.

Дочь ответила ему:

— Давно так надо бы, а то мучаешь нас всю дорогу, по которой мы идем.

После этого старик вернулся к себе, а парень и девушка пошли к его родителям.

Девушка говорит парню:

— Придешь домой, всех можешь целовать: и отца и мать, но не целуй крестную девицу, иначе ты меня забудешь.

Вот они дошли до их деревни. Девушка-невеста говорит парню:

— Ты иди в свой дом, а я побуду у твоего разделенного дяди.

Парень дошел до дома. На радостях поцеловал и отца, и мать, и крестную девушку. Как поцеловал он её,— тут же позабыл дочь волшебника-старика.

Пожил парень дома недели две, вот отец ему и говорит:

— Женить тебя надо, сынок, а то ведь работать дома некому.

Нашли для парня девицу из другой деревни и женили его. Собрали родню-племя и поехали за невестой: венчаться. По-

венчали парня с девкой и собрались гости на гулянье. Призвали на свадьбу и разделенного дядю. А там живет бывшая невеста парня. Она попросила хозяйку:

— Ты, когда пойдешь на свадьбу, испеки на мое имя пирог, и как придешь в их дом, на столе разрежь этот пирог пополам.

Женщина пришла на свадьбу, принесла пирог, положила его на стол, разрезала его пополам — вылетели оттуда голубь и голубка, сели на полку и заговорили между собой:

— Кылтыр, кылтыр, ты помнишь как мы с тобой двенадцать одоньев пшеницы обмолотили, которую мой отец приказал обмолотить, обвеять, смолоть и испечь ситный пирог, и все это сделали за одну ночь.

— Помню, помню, как же. Ты тогда меня пожалела,— отвечает ей голубь.

Парень сидит около своей жены, слушает, что говорят голуби, но ничего не понимает.

Голуби снова начали разговор:

— А ты помнишь, как мы с тобой построили двенадцативерстной длины мост, и вокруг него стали петь разные птицы?

— Помню, помню, ты же помогала мне.

Жених заинтересовался разговором, но никак не мог понять, когда и где это было.

А голуби продолжают интересный разговор:

— А не помнишь ли ты, как ты обучал жеребца?

— Помню, как не помнить. Без тебя мне бы его не обучить никак. Ты же посоветовала заказать двенадцатипудовый лом.

Что-то знакомое промелькнуло в голове парня. Голуби же продолжают разговор:

— Не помнишь ли, как мы с тобой топили баню, плюнули в четыре угла, а сами улетели?

— Как не помнить, помню.

— А помнишь, как я превращалась в овечье стадо, а ты стал пастухом?

— Помню, помню.

— А помнишь, как я превратилась в церковь, а ты стал сторожем?

— Помню, все помню. Твой отец хотел выпить все озеро...

— А не помнишь ли, что пошел в свой дом, а я пошла к двоюродному брату?

— И это помню, помню...

Вдруг парень вспомнил все и говорит:

— Вот моя настоящая жена! Если бы не она, меня давно бы не было в живых.

Взял он за руку рядом сидящую жену и вывел её за дверь.

А с полки упала голубка, ударилась об пол и превратилась в девицу. А голубь на глазах у всех исчез.

Парень вернулся в избу, привлек к себе девицу, и до сих пор они живут вместе.

РАВЖА ТРАКС

Эрясть-ащесть атят-бабат. Синь ульсь кафта шабасна: цёраня и стирня. Эрясь-эрясь бабась и кулось.

Аф ламода меле шабатне корхтайхть:

— Аляй, рьвяяк, аляй, рьвяяк.

— Кда рьвяян, эстейнть кальдяв ули.

Рьвяясь атясь. Аф лама эрясть, и корхтай авась:

— Атя, юмафтыть шабатнень, ату эряма аф карман мархтот.

— Кати-кода, ава, синь юмафтомс, катк аф ламняс эряйхть. Кода мон юмафтсайне монцень шабанень?

Авась шабатнень аф щасыне, аф трясыне, но шабатне штафкат-нардафкат, акшенят и топотьфкат. А атяти корхтай авась, што кати-кие трясыне шабатнень. Меле талакодсь...

Синь ульсь равжа тракссна калдазсост, ся шабатнень трясыне. Вов сон и корхтай аляти:

— Атя, печк тракстъ.

Атясь думандась равжа тракстъ печкомс, но тракссь содазе, ёрайхть сонь печкомонза. Сон корхтай шабатненди:

— Кучтядязь пикскянь кочкама, кочкада наксаднят. Мзярда монь сотнесамазь, тинь арада кафта бокова орта ширети.

Кармасть тракстъ печкомонза. Сон тарфтозень пильгонзон — пикссь сязевсь, тракссь тусь ардозь ортава. Лиссь калдазста, озафтозень шабатнень эсь копоренц лангс и тусь ардозь вири. Ардсь, ардсь вирьге и корхтай шабатненди:

— Ванода, тяда кеподе шуфтонь пунят, эста пяк кальдяв тейнть ули.

Сонць тага тусь сядонга пяк ардома шуфттнень ёткова. Вирть эса пяшксе шуфтонь пуняда. Шабатнень седисна исть кирде, сявсть шуфтонь пунят. Меле кармасть ётама пакарень вирьге. Тага тракссь корхтай, штоба афольхть сяве пакарень пунят.

Ардсть, ардсть, мусть кудня. Шабатне сувасть кудняти, а равжа тракссь тусь лугав ярхцама.

Сась кудняти оцю бука и кизефни: «Коса равжа тракссь?»

— Тусь лугав ярхцама,— корхтайхть шабатне.

— Кучесть кшнинь тинголангс тюрема, мон шавса: сон монь сембе вирезень тапазе.

Сась равжа тракссь кудняти. Стирнясь и цёранясь авардихть.

— Мес, стирняй-цёраняй, аварттяда?

— Сашендсь кати-кодама бука... мярьгсь молемда кшнинь тинголангс тюрема.

— Эх,— корхтай тракссь,— тинь, улема, сяводе мархтонт пунят. Ну, тяда аварде, стирняй-цёраняй, мон тя букать шавса.

Тусь равжа тракссь кшнинь тинголангс и шавозе тоса букать. Сась куду, азондозе шабатненди, кода шавозе букать, и тусь тага лугав ярхцама. Ётась аф лама пинге, сась ёмла рдазу

буканя. Цёранясь и стирнясь давай рахсемс тя буканять лангс.

— Коса равжа траксонте?— кизефтезень буканясь. Шабатне рахасть, рахасть и азозь, што равжа тракссь тусь лугав.

— Кучесть траксонтень кшнинь тинголангс тюрема.

Сась равжа тракссь. Шабатне вот рахайхть, вот рахайхть. Синь азондозь, кода сашендсь ёмла рдазу буканя и тердезе тракстъ кшнинь тинголангс тюрема.

Равжа тракссь и корхтай:

— О, стирняне-цёраняне, тяда раха, ся буканясь монь шавсамань. Тинь моледа кшнинь тинголангс. Шавомдон меле сявость монь кедезень, сонь мархтонза карматада вельхтякшнема. Сюлонень-пеконень сявость мархтонт и утцефтесть эсь ётксонт.

Мольсь тракссь тинголангс, и буканясь сонь шавозе. Шабатне сявозь кеденц, сюлонзон-пеконзон. Сюлонзон-пеконзон потмоста лиссть кафта зёрнанят, конат тиевсть кафта кутернякс.

Кувать шабатне эрясть кафонест. Кутернятне кассть оцю пинекс. Цёрась кармась якама охотас. Стирнясь илядондсь куду. Стирняти кармась сашендома кшнинь пей солдат. Сон кармась сашендома эрь шиня, кодак аньцек цёрась, туй охотас. Кшнинь пей солдатсь корхнесь, што эряви цёранять юмафтомс: сон шорси синь павазу эрямаснонды.

Стирнясь инголи пельсь кулхцондомска, а меле кармась кизефнема солдатть, кода можна юмафтомс дуганонц. Солдатсь и корхтай стирняти:

— Тик пряцень сярядикс, кучк дуганцень колма масторонь туркс. Тоса ули кяжи офта. Катк сон канды ся офтть эзда лофца. Офтсь сонь сивсы, эста сяфте рьвакс и карматама эрямa пяк лац.

Стирнясь тиезе прянц сярядикс и кучезе цёрать офтонь лофца мельге. Мольсь, мольсь цёрась, пачкодсь офтонь берлогати. Лиссь офтсь берлогастонза и корхтай:

— Месть, од цёра, паронкса якат или аф паронкса сать?

— Паронкса,— мярьги цёрась,— монь аказе сяряди, тейнза эряви тонь лофцце. Сон пара сярядиенди.

Цёрась потязе офтть. Офтсь макссь аф аньцек лофца, но и кафта офта лефкст. Тяни цёрать кармасть улема кафта пинензa и кафта офта лефксонза.

Сась цёрась куду, максозе аканцты офта лофцть, а сонць тусь пинензон да кафта лефксонзон мархта охотас.

Сась кшнинь пей солдатсь и кизефнесы стирнять:

— Иззе сиве офтсь?

— Аш, ашезе сиве.

Солдатсь тага кармась тонафнема: «Кда сай цёрась вирьста, мярьк: ашезь лезда офтонь лофцсь. Эряви молемс тяфтама-тяфтама мастору и кандомс тоста лефонь лофца».

Куду самда меле цёрась тусь лефонь лофца мельге. Кувать якась, музе лефть.

— Месть якат, цёра, паронкса или аф паронкса сать?— кизефни лефсь.

Цёрась азондозе, мезенкса сась. Лефсь мярьгсь сонь потямдонза и цёрати тумстонза максозень кафта эсь лефксонзон. Кандозе цёрась лофцть и тусь тага вири охотас. Звереньза эздонза косонга аф явондыхть.

Сась тага кшнинь пей солдатсь и кизефни:

— Лефсь ашезе сиве?

— Аш, ашезе сиве.

— Сави эстейне сонь юмафтомс. Сонь звереньза тейнза помагайхть: эрявихть машфтомс зверьхнень. Сон эряви кучемс кемгафтува масторонь туркс меленцяв почф мельге. Ся меленцять улихть кемгафтува кенкшенза. Кодак сувай тоза, сон иляды тозк или тозк илядыхть звереньза. Вешть кядьстонза ся меленцянь почфт, тейнза мярьк, што синь эздост ётай урмась.

Сась цёрась охотаста, акац кучезе сонь кемгафтува масторонь туркс меленцяв почфонь мельге.

Кувать мольсь цёрась меленцяти. Сон сизесь сонць, сизесть зверензовок. Сувась кемгафтува замок эшксса кемгафтува кенкшнень эзга и сявсь почфт. Кенерсь лисемс — кенкшне пякставсть, илядсть тозк сембе звереньза.

Сась цёрась куду, кандсь почфт. Звереньза аш. Авардч инксост. Тусь охотас зверьфтома.

Солдатсь сась стирняти и кизефни:

— Ашезе пякста меленцясь?

— Ашезе пякста. Месендемс тяни?

— Тяни монць содаса, мезе тиемс.

Сась цёрась охотаста.

— Ну, тяни, цёра, сифте,— корхтай кшнинь пей солдатсь.— Архт баня уштт, лямбоняста порьхте.

Тусь цёрась баня уштома, сонць аварди. Вярьге лии кранч и корхтай:

— Од цёра, пенгат уштомс кярхт: фкя кенкш зверьхне порсть.

Кярсь цёрась пенгат, кармась ведень каннема. Кранчсь тага пешкоды:

— Каннек да тят эряскода, од цёра: тага фкя кенкш порсть.

Уставась цёрась уштома баня. Кранчсь тага корхтай:

— Уштт, од цёра, тят ушта: тага фкя кенкш порсть.

Тяфта азонкшнесь кранчсь эрь мезне, кодак зверьхне порихть кенкш. Цёрась работай саворне. Сон уштозе банять. Лопафтсь тяльмот. Урядазе банять. Звереньза ни порсть кефкие кенкш. Цёрась кармась кайсема понксонзон-панаронзон.

Кранчсь тага ювади:

— Од цёра, молодец, кайсек тят кайсе, кенкшнень зверьхне порезь, ардыхть куду.

Штась, парясь од цёрась. Ардсть звереньза куду и видеста баняти сувасть. Мольсь баняти кшнинь пей солдатсь и пешкоды:

— Листь, од цёра, сифте. Простиндак эрямать мархта.

— Сувак тонць тяза,— корхтай од цёрась.

Кшнинь пей солдатсь кенерсь сувамс, зверьхне сонь сязендезь. Сявозень од цёрась зверензон и тусь кудста ков няихть сельмонза. Аканц мархта изь сялонда, мезевок афи корхтась.

Акац пяк кяжиясь дуганонц лангс. Сон музе баняста солдатть кшнинь пейнц и сявозе мархтонза.

Од цёрась кувать якась модать ланга. Тоса рьвяясь и аканц тердезе свадьбас. Гуляндасть свадьбаса. Од цёрать рьванц мархта прважазь утому, коса тейст ульсь аноклаф васта.

Акац мольсь од цёрать удома вастс и тодуня лангс путозе солдатть кшнинь пейнц. Тя кшнинь пейсь од цёрать удомста пезсь сонь пилезонза — и сон кулось.

Пейсь киндиге пилестонза изь таргав. Лефонь лефкссь таргазе од цёрать пилеста кшнинь пейть, и сон живолгодсь.

— Эх, куватьс удонь,— корхтай цёрась.

Авац азондозе тейнза, што, кда аф лефсь, удоль-ба сон вечна.

ЧЕРНАЯ КОРОВА

Жили-были старик и старуха. Было у них двое детей: мальчик и девочка. Пожили они, пожили, старуха умерла. Через некоторое время дети говорят:

— Отец, женись, отец, женись.

— Ведь если я женюсь, вам же плохо будет.

Женился старик. Пожили вместе, мачеха и говорит старику:

— Изведи своих детей, старик, а то я с тобой жить не стану.

— Я не знаю, жена, как их извести. Пусть немного поживут с нами. Да и как мне убивать своих собственных детей?

Мачеха сирот не поит и не кормит, но они обуты и одеты, умыты и сыты. Мачеха рассказывает старику, что кто-то поит и кормит их детей. А потом догадалась... Ведь у них есть во дворе черная корова, она, видно, их и кормит. И вот она с новой просьбой:

— Старик, зарежь черную корову.

Старик решил ее зарезать, но корова узнала, что с ней хотят сделать, и говорит сиротам:

— Вас пошлют за веревками. Принесите гнилые веревки. Когда меня привяжут, то вы становитесь по двум сторонам ворот, на улице.

Вот стали резать корову. Она дрыгнула ногами, веревка оборвалась, и корова побежала в открытые ворота. Она выбежала из ворот, схватила сирот, посадила их на спину и побежала в лес. Бежала, бежала по лесу и говорит сиротам:

— Смотрите, не берите деревянных пуговиц, а то нам очень плохо будет,— а сама ещё сильнее побежала между деревьями.

А на деревьях полно деревянных пуговиц. Не удержались дети, взяли их. После этого они стали проезжать через костяной лес. Корова их снова предупреждает, чтобы они не брали костяных пуговиц.

Бежала, бежала корова, и вот нашли они домик. Сиротки вошли в домик, а корова пошла на луга пастись.

Приходит в домик большой бык и спрашивает, где корова.

— Пошла на луг кормиться,— отвечают дети.

— Пошлите её на железный ток биться: она весь мой лес повалила.

Вернулась корова. Мальчик и девочка плачут.

— Почему, доченька и сынок, плачете?

— Приходил какой-то бык... Велел тебе приходить на железный ток биться.

— Эх,— говорит корова,— вы, видать, взяли с собой пуговицы. Ну, ладно, не плачьте, дети мои, того быка я одолею.

Пошла корова на железный ток и убила быка.

Пришла домой, сказала детишкам, что убила быка и снова пошла пастись на луга. Прошло немного времени, приходит маленький бычок с грязным хвостом. Мальчик и девочка засмеялись, увидев бычка.

— Где ваша чёрная корова?— спрашивает бычок.

Ребятишки смеялись, смеялись, а потом сказали, что чёрная корова пошла пастись на луговину.

— Пошлите её на железное гумно биться.

Пришла черная корова. Ребята, смеясь, рассказали ей, что приходил грязнохвостый маленький бычок и велел корове идти на ток биться.

Черная корова говорит:

— Эх, дети мои, напрасно вы смеялись: этот бычок убьёт меня. Вы приходите на железный ток. После моей гибели возьмите мою шкуру, ею вы будете одеваться. Требуху мою возьмите с собой и на ночь кладите ее между собой.

Пошла корова на железную площадку, и бычок убил ее. Сироты взяли шкуру, требуху. Из требухи вышло два зернышка, которые превратились потом в щенят.

Долго жили сироты вдвоем. Кутята у них выросли, стали большими собаками. Парень стал ходить на охоту, а сестра оставалась дома. И вот к девице стал приходить солдат с железным зубом. Он стал приходить каждый день, когда парень уходил на охоту, и уговаривал сестру, чтобы она извела брата, так как он мешает их счастливой жизни.

Сестра раньше боялась и слышать такие слова, а потом стала спрашивать солдата, как можно сгубить брата. Солдат ей советует:

— А ты притворись больной, пошли его через три царства.

Там живет свирепая медведица. Вот пусть он принесет молока той медведицы. Медведица его съест. Я тогда на тебе женюсь, станем мы с тобой очень хорошо жить.

Сестра притворилась больной и послала брата за медвежьим молоком. Пошел парень, дошел до медвежьей берлоги. Вышла из берлоги медведица и спрашивает:

— Что, парень, с добрым или недобрым пришел сюда?

— С добрым,— отвечает парень.— Моя сестра больна. Ей нужно твое молоко. Оно помогает больному человеку.

Парень подоил медведицу. Медведица дала ему не только молоко, но и двух медвежат. Теперь у него не только две собаки, но и два медвежонка.

Пришел брат домой, отдал сестре медвежье молоко, а сам взял собак, медвежат и пошел на охоту.

Пришел солдат с железным зубом и спрашивает девицу:

— Не съела его медведица?

— Нет, не съела.

Солдат снова стал уговаривать девицу, чтобы она сказала брату, как только он вернется с охоты, что медвежье молоко не помогло, нужно итти в такую-то и такую страну и принести оттуда львиного молока.

Брат пошел искать львиное молоко. Долго он ходил, пока нашел львицу.

— С чем пришел, парень? С добрым или недобрым намерением?— спрашивает львица.

Тот рассказал, зачем он пришел. Львица разрешила подоить себя, и, когда он уходил, дала ему двух львят.

Принес брат молоко, а сам ушел в лес поохотиться. Звери все с ним, никуда от него не отходят.

Пришел снова солдат с железным зубом и спрашивает девицу:

— Не съела его львица?

— Нет, не съела.

— Придется мне самому взяться. Ему помогают его звери. Надо их уничтожить. Его надо послать за двенадцать царств на мельницу за мукой. У той мельницы двенадцать дверей. Как он войдет туда, то там и останется или же там останутся его звери. Проси у него муки с той мельницы, скажи, что от нее пройдет твоя болезнь.

Пришел парень с охоты, а сестра его посылает за двенадцать земель на чудесную мельницу за мукой.

Долго шел парень. Он и сам устал, устали и его звери. Дошел. Прошел он через двенадцать замкнутых дверей и взял муки. Успел он только выйти, как дверь за ним захлопнулась, и его звери остались взаперти.

Приходит он домой, приносит муку. Зверей у него нет. Плачет-горюет он о зверях. Пошел на охоту без них, один.

Солдат пришел к девице и узнает:

— Не заперла его мельница?

— Нет, не заперла. Что с ним теперь делать?

— Теперь я сам знаю, что нужно с ним делать.

Брат приходит с охоты.

— Ну, парень, теперь я тебя съем,— говорит солдат.— Иди истопи баню, тепленького тебя сожру.

Пошел парень топить баню, а сам плачет. Поверху летит ворон и кричит:

— Добрый молодец, руби для бани дрова: твои звери прогрызли уже одну дверь.

Парень нарубил дров, стал таскать воду. А ворон снова кричит:

— Таскай, да не торопись, молодец, ещё одну дверь прогрызли.

Начал парень баню топить, а ворон кричит:

— Топи, молодец, и не топи: ещё одну дверь прогрызли.

Так каждый раз, как звери перегрызали дверь, ворон сообщал об этом парню. Парень все делает не спеша. Он истопил баню, запарил веник, вычистил баню. Звери успели прогрызть одиннадцать дверей. Он не торопясь разделся, а ворон кричит:

— Добрый молодец, не торопись раздеваться! Твои звери вырвались на волю и бегут домой!

Помылся, попарился парень. Прибежали звери, влетели прямо в баню. Открывает баню солдат с железным зубом и приказывает:

— Выходи, парень, съем я тебя. Прощайся с жизнью!

— Сам заходи сюда,— говорит парень.

Солдат с железным зубом только успел войти, как звери схватили его и разодрали на куски. А парень взял своих зверей и ушел с ними из дома куда глаза глядят. С сестрой он не ругался и ничего ей не сказал.

А сестра разозлилась на брата. Она пошла в баню, разыскала железный зуб и взяла его себе.

Долго ходил парень по земле. Потом он решил жениться и на свадьбу пригласил свою сестру. Погуляли на свадьбе. Молодых отправили в амбар, где им была приготовлена постель. Сестра пошла туда, где была постель, и положила на подушку железный зуб. Когда брат заснул на этой подушке, железный зуб воткнулся в ухо, и брат умер.

Никто не смог вытащить этот зуб. Львенок вытащил его из уха хозяина, и брат ожил.

— Эх, долго же я спал,— говорит он.

Жена рассказала ему, что если бы не лев, то спал бы он вечно.

ВИРЬБАБА

Эрясть атят-бабат кафонест. Синь ульсь фкя стирьсна и фкя цёрасна. Бабась кармась кулома и корхтай:

— Сада, идняне, бславатядязь.

— Ну, бславамак,— корхтай цёрась, коста мольсь вастонц ваксс.

— Идняне, фкя-фкянь кулхцондода. Тон, стирняй, тиендить кудонь тефнень, а тон, цёраняй,— пирьфонь тефнень.

Тонафтозень тяфта иднянзон и кулось бабась.

Ётась аф лама времада, ушедсь сярядема атяське, и сонга куломстонза тердезень иденэон бславамс.

— Эрь, идняне, монга кулан. Фкя-фкянь кулхцондода. Тон, стирняй, кучефт пяльнети, тяк васькафне сонь. А тон, цёраняй, печк поминканди вазнять. Кодак печксак, сединзон-максонзон кадыть пеке кеднять потмос, путыть башка. Колма шит кирдить пянакуд ала, а колма шида меле варжайть. Тоса тейть колма кутернят, тя ули атянь-авань благословениянь васте. Фкять лемоц Мастордонга стака, омбоцеть — Вармадонга вии, колмоцеть — Комлядонга теждя.

Кулось атяське. Калмазь, поминкать тиезь, кода мярьгсь атясь. Колма шида меле пеке кедть потмоса кармасть улема колма пиненят. Ушедсть эряма акат-пяльнет пяк лац. Пяльнец ушедсь пиненятнень мархта вири якама. Аф вярьге лии, аф алга якай, аф туй пинетнень эзда. Сон сембонь кандсыне куду, стирсь аньцек пици.

Весть акац эшити мольсь ведьс и эшиста няи куй, кона тейнза мярьги:

— Таргамак, аляце-аваце улян.

— Аф таргате,— серьгядсь стирсь.

— Таргамак, васяце-полаце улян,— серьгядсь куйсь.

Стирсь сонь таргазе, кандозе куду, и куйсь кудса мярьги:

— Давай минь ушеттама марса эряма, а пяльнецень юмафтсаськ.

— Кодане?— кизефтезе стирсь куйть.

— Вага кода. Тон тик пряцень сярядикс и кучк пяльнецень лофцонкса вири оцю лашмоса зверьхненди, и ся зверьхне сонь меки аф нолдасазь.

Стирсь сярядикс тись пря и мярьгсь пяльненцты:

— Архт, пяльненяй, вири оцю лашмоста лефненди лофцонкса, конань эзда мон пчкан.

Цёрась сявозе кукшеннять и тусь вири. Мольсь, мольсь, каршезонза сай бабаня и кизефнесы:

— Коза, цёрай, молят?

— Молян оцю лашму зверьхненди лофцонкса: аказе сяряди.

— Тон вага мезе тихть, цёрай. Пачкодят лашму зверьхнень кудснонды, тоса ортать лангса ащи часовой, кона мярьги: «Тонць сать или кучфат?» Тон мярьк, кучфан.

— Ладна, спасиба.

Цёрась мольсь, и мярьги тейнза часовойсь:

— Тонць сать или кучфат?

— Кучфан,— отвечась цёрась.

Тейнза каясть лофца. Сась сон куду. Куйсь няезе и мярьги стирти:

— Сон сась. Тон тят симе: тя лофцсь сюдоф, лефне сюдозь. Кучк тигратненди.

— Ладна, мон пиярдьса лофцть и сонь кучса тигратненди.

Стирсь пиярдезе лофцть и омбоце шиня корхтай:

— Пяльненяй, ашень пчкя, архт тяни лофцонкса тигратненди.

— Ладна, молян.

Сявозе кукшеннять и тусь тигратненди. Каршезонза сай тага вирьбабанясь и кизефнесы:

— Коза молят?

— Молян, бабай, тигратненди.

— Кодак молят, тага стане мярьк.

Пачкодсь. Часовойсь кизефнесы:

— Охотасот сать или кучфат?

— Кучфан.

Каясть тигратне лофца, максозь цёрати.

Сась цёрась куду. Куйсь тага корхтай стирти:

— Тят симе, лофцсь тага сюдоф.

Стирсь пиярдезе лофцть.

— Тяни давай ванды кучсаськ эслек яжай меленцяти почфонкса. Тоста ни уш меки аф сави,— корхтай куйсь стирти.

— Ладна, ванды кучса.

Колмоце шиня стирсь корхтай васта лангса пяльненцты:

— Аф пчксян. Онцтон няень губор пряста эслек яжай меленця. Бта ярхцань ся почфнень эзда и пчкянь. Архт ся меленцяв, почфкат кантт.

— Ладна, молян аньцек андсайне пинетнень.

Тусь. Каршезонза сай тага вирьбабанясь, кизефнесы:

— Цёрай, тон коза тага молят?

— Эслек яжай меленцяти почфонкса.

— Ну, цёрай, архт. Кда сатсак яжамда, то сувак — фкя пильгце суваза, а омбоцесь лисеза.

Сон мольсь, пиненза кати-мес кафнайхть. Меленцясь яжай, кенкшне панчфт. Сон тись, кода мярьгсь бабась. Кодак кенерсь цёрась лисемда, кенкшне сёлговсть, и колма пиненза илядсть кемгафтува кенкш эшксс.

Цёрась сай куду и аварди, мес пиненза пякставсть. Сась куду, куйсь ни лиссь ушу, эсонза учи, акац лангсонза озада ащи и корхтай, бта куйсь:

— Тяни, цёра, сифте.

— Норавак, акай, сисем кизот ашень эшля баняса. Молян уштан баня, эшелян.

Мольсь баня уштома. Банять инголе колма келунят. Фкять пряса сязьгата, сон корхтай:

— Чикр, чикр, од цёра, банять уштк каньф ваяфтома мокорьса. Кармат пенгянь керома — кярхт и тят кяра: тонь пинетне фкя кенкшть порезь, илядсь кефкие.

Цёрась кярсь пенгат, кармась ведень каннема, а сязьгатась тага:

— Уштт и тят уштa, цёра, пинетне тага фкя кенкш порсть.

Тяфта сязьгатась азонкшнесь эрь мезне, кодак пинетне порихть од кенкш. Вов пинетненди поремс илядсь фкя кенкш. Цёрась лиссь баняста и корхтай:

— Норавак, акай, куцян келуть пряс и прощандан сембонь мархта.

Цёрась куцсь келуть пряс и серьгядезень пинетнень лемснон. Ся шовор куйсь кармась порема келуфнень и порезе фкя келуть. Цёрась комотсь омбоцеть пряс — куйсь порезе тяньге, и цёрась комотсь колмоцеть пряс. Кенерсь цёрась комотемс колмоцеть пряс, ардсть пинетне и куйть пакшень-пакш сязендезь. Цёрась валгсь тоста и корхтай:

— Ну, акай, тяни туян эздот коза няихть сельмоне. Тонь мархтот аф карман эряма.

Эстокиге цёрась тусь пинензон мархта. Мольсь, мольсь, сатсь оцю вирь, но шись шопотькшни. Цёрась абонкшни, коза молемс. Мольсь-мольсь — няи кудня, и сувась ся кудняти. Тоса эрясь колма пейса бабаня.

— Сюк, сюк, бабакай! — корхтай цёрась бабати.

— Озак, озак, цёракай. Афолеть мярьге «бабакай», уженяв кяролихтень, кафтонява сиволихтень. Мон ни вага сисем шит ашень мадонда...

— А мес стане? Бабанятне удоманять сяда кельгсазь.

— Кельгса удоманять, сядонга кельгса корхтаманять, баснянь ёфнеманять. Кулхцондан, кулхцондан да матодован. Тон, цёрай, кувак корхтат, бта басня тейне азондат.

— Монь, бабаняй, эрямазевок бта басня,— корхтай цёрась и ушедсь эсь эряфонц азондома. Ушедозе, кода кулость тядяцаляц. Корхтась ламос, мянь варьхмодемс и пачкодсь ся вастти, кода сонь пиненза сязендезь куйть пакшкянь, кода сонць тусь коза сельмоц няи и музе бабанять. Бабанясь пцтай матодовсь и корхтай:

— Вай, цёраняй, правда басня!

Бабанясь ни матодовсь и мезьге ашезь каштopда цёрать каршес. Цёрась ванць, што бабась ни уды, стясь и тусь пинензон мархта охотас. Илять кандсь лама вярьге лиида и алга якайда. Сувась кудняв, бабась нинге удось. Цёраське мадсь удома. Шобдава стясь — бабась нинге уды, и сон тага тусь вири охотас. Илять сувась куду — бабась аш. Ванцыне — исяконь кантф нармоннянза и алга якайнянза ашет. Сон ашезе сода, што вирьбабась тусь вешендемонза и сивомонза, мес сон

шавондсь вирень вярьге лиихнень и алга якайхнень, конатнень бабась валозень живой ведьса, синь живондасть, и сон меки нолдазень.

Аф ламос ащезь сась бабась и корхтай:

— Тон тага кандоть?! Ну, тяни сифте!

— Тямак сиве, бабакай, мон тага тейть корхтан, басня ёфтан,— и ушедсь вирьбабати васькафнема; кода сонь пиненза аф кулхцондсазь и кунцесазь вирень вярьге лиихнень и алга якайхнень, стане эсь прянц аралай.

Бабась кулхцондсь, кулхцондсь, кармась матодовома и ононь пачка корхтай цёрати:

— Вай, цёрай, правда басня.

— Афоль уле басня, кда ёфтамста афолине гасне.— Лиссь шавф вярьге лиихнень и алга якайхнень лоткти калмама. Калмазень и сувась меки куду мадома.

Шобдава стясь цёрась и кизефнесы бабать:

— Бабай, мезень шум маряви?

— Тоса, цёрай, оцязор стирьхть куйхне сивондихть.

— Бабакай, мон молян тоза, а пиненянень кадсайне куду. кда кенкш лангса синь кармайхть уркодома, тон нолдайть.

Сон мольсь тоза, фкя стирсь путф башка.

— Мес, стирь, тон ащат пяк печальса?— кизефтезе цёрась сонь.

— На, стирь, вешк прязень, кда матодован, тон вага тя урнять мархта сялгсамак, и мон стяян.

Вешсь, вешсь стирсь, марясы куйть шумонц, но ужяль цёрась урняса сялгомс и аварьгодсь. Фкя сельмоведсь прась цёрать щёканц ланге — цёрась комотсь.

— Эх, стирь, тон пси ведьса монь щёказень валыть,— корхтай цёрась.

— Аф, тя сельмоведня прась.

Куйсь сась и корхтай:

— Тяса ули и завтрак, и обед.

Цёрась стясь стирть ваксста и тердезень пиненэон. Синь кодак ардсть — куйть сязендезь. Цёрась кемгафтува прянзон кев алу маразень и сувась стирти.

— Ну, стирь, шумбра ульхть! Мон туян,— корхтай цёрась.

— Вай, мес тон туят, кодане тяни тоньфтомот молян куду? Аде мархтон алязти.

— Мондейне тума, лучи оду саян.

— Мзярда?

— Колма шида меле.

— Ну, на суркозень, тон улят монь мирдезе.

Цёрась сявозе сонь суркэонц и тусь.

Шуфта пряста валгсь солдат пеелепц мархта и мярьги:

— Кда тон аф мярьгат, што мон тонь аралайхтень, то прянень вага кярса.

— Мярьган,— отвечась стирсь.

Аф ламос ащезь сась стирти аляц и кизефни:

— Кие шавозе куйть?

— Мон,— отвечась солдатсь.

— Сон?— кизефтезе стирть аляц.

— Колма шида меле мон азса сембонь,— корхтай стирсь.

— Косот куйть прянза?

— Вагот, тяса кевть алот,— корхтай солдатсь. Синь тусть кевть кеподема, но кевсь ашезь шерькставок.

Колма шида меле сась цёрась оцязорть кудс, стирсь мярьги:

— Монь вага идемань. Няфтьк, цёра, суркозень алязти.

Цёрась няфтезе сонь суркосонц и тусь куду, а солдатть прянц керозь.

Меле ушедсть аноклама свадьба, оцязорсь кизефни:

— Аш ли тонь, цёра, радняце?

— Ули тоса-тоса, велеса, аказе и вирьса бабазе.

Курок синь ускозь аканц, а вирьбабать ащезь уска.

— Мес бабанц ашесть уска?— кизефни оцязорсь.

— Сон корхтай: «Тейне вирьста аш кода лисемс, ату вирсь коськи».

— Ну, ладна.

Акац цёрати сась весялакс, но тусь мархтонза тодуня, конань потмоса путф куйть вяшкомац. Веть цёрась мадсь ся тодунять ланге и кулось. Кивок аф содасы, мес сон кулось.

— Кода тинь калмосихть?— кизефтезе аканц оцязорсь.

— Минь,— корхтай стирсь,— калмосихть стане: путсазь боцькя потмос и моряв нолдасазь.

Цёрать пякстазь боцькять потмос и моряв нолдазь, а пинетне коль ардыхть: учихть азорснон эса. Ётась аф лама ши, и боцькять волнатне лихтезь берякти. Пинетне кармасть кевордема боцькять вири, но вийсна аф сатни. Синь тусть вирьбабать инкса. Сась вирьбабась, ванозе боцькять, лазозе сонь и тргазе цёрать. Сяльде мярьгсь вирьбабась келнармонти кандомс живой ведь. Келнармонць кандсь живой ведь, пркштадезе мархтонза цёрать — церась живолгодсь, и куйть вяшкомац щёкастонза прась.

— Ох, пяк ламос удонь.

— Удолеть нинге, кда аф мон,— отвечась бабась.

— Мес мон, бабай, тясан? Вдь мон оцязоронь пялелень.

— Сяс, мес акацень тердить. Лрхт тейнза и кизефтьк, мезенкса тон тясат.

Цёрась тусь.

Мольсь дворецу и ваны, што авац кенярдсь, а акац эводсь. Сон палазе аванц, а аканцты корхтай:

— Тон мезенди кандыть куйть вяшкоманц?

— Вай, простиндамак, пяльненяй,— прась акац пильгозонза, но цёрась тяни кяжиясь, анась оцязорть кядьста айгор, сотозе аканц пулозонза и нолдазе ардозь. Аканц эзда коза илядсь пря, коза пильге, коза кядь.

Айгорсь сась меки, и ушедсь омбоце свадьбась. Аделазь свадьбать и тячемс эряйхть цебярьста, а вирьбабась коль учи, мзярда тейнза цёрась сай колмоце баснять азондома.

ЛЕСНАЯ СТАРУХА

Жили вдвоём старик со старухой. У них были сын и дочь. Стала старуха умирать и говорит:

— Дети, подойдите ко мне, я благословлю вас.

— Ну, благослови меня,— сказал парень, когда подошёл к её постели.

— Дети, друг друга слушайтесь. Ты, дочь, домашние дела справляй, а ты, сын,— что вокруг двора.

Наставила так своих детей старуха и умерла.

Прошло немного времени, заболел старик, и он позвал своих детей для наставления. Подошли к нему дети, он и говорит им:

— Ну, дети, я умираю, хочу благословить вас. Слушайтесь друг друга. Ты, доченька, слушайся брата, не обманывай его, а ты, сынок, зарежь для моих поминок тёлку. Когда зарежешь, то сердце и печень засунь в желудок и положи всё это под печку. После трех дней посмотри их. Там увидишь трёх щенят. Это тебе и будет родительским благословением. Одну собаку звать Тяжелее земли, другую — Сильнее ветра, третью — Легче хмеля.

Умер и старик. Похоронили его, справили поминки так, как он велел. После трёх дней из печени и сердца тёлки родились три щенка.

Стали жить брат с сестрой очень хорошо. Брат стал ходить с собаками на охоту. Ни поверху летающие, ни по земле бегающие не могли уйти от этих собак. Он все приносит домой, сестра только готовит.

Однажды сестра вышла за водой и увидела в колодце змея, который говорит ей:

— Вытащи меня, родителем тебе буду.

— Не вытащу,— отвечала девушка.

— Вытащи меня, суженым твоим буду,— снова крикнул змей.

Девушка вытащила его, принесла домой, а дома змей говорит:

— Давай мы начнём жить вместе, а брата твоего изведём.

— А как?— спрашивает она змея.

— Вот как. Ты притворись больной и пошли брата в лесной овраг к зверям за молоком, и звери его обратно не выпустят.

Девушка притворилась больной и говорит брату:

— Иди, братец, в лесной большой овраг ко львам за молоком: оно мне поможет вылечиться.

Парень взял кувшинчик и пошёл в лес. Шёл он, шёл, идёт ему навстречу старуха и спрашивает:

— Куда, сынок, идёшь?

— Иду в большой овраг к зверям за молоком: сестра больна.

— Ты вот что сделай, парень. Дойдешь до жилья зверей, там у ворот стоит часовой, который спросит: «Охотой пришёл или послан». Ты скажи, что послан.

— Ладно. Спасибо.

Парень дошёл, часовой спрашивает его:

— Охотой пришёл или послан?

— Послан я,— ответил парень.

Ему нашли молока. Пришел он домой. Змей увидел его и говорит сестре:

— Он вернулся. Ты не пей: это молоко проклято, прокляли львы. Пошли его к тиграм.

— Хорошо, я вылью это молоко, а его пошлю за тигриным. Пусть сходит.

Девушка вылила молоко и на другой день говорит:

— Братец, не вылечилась я, иди за молоком к тиграм.

— Хорошо, пойду.

Взял он снова кувшинчик и пошёл к тиграм. Навстречу идет та же лесная бабушка и спрашивает:

— Куда ты идёшь?

— Иду, бабушка, к тиграм.

— Как придёшь, снова так скажи, как раньше.

Дошёл он. Часовой спрашивает его:

— Своей охотой пришёл или послан?

— Послан я.

Дохнули тигры на молоко, чтобы надвое разорвался пьющий его и отдали парню.

Вернулся парень домой. Змей снова узнал, что молоко проклято.

— Не пей, молоко проклято.

Она снова вылила молоко.

— Давай завтра пошлём на мельницу за мукой. Оттуда он больше не вернется,— говорит девушке змей.

— Хорошо, завтра пошлю.

На третий день девушка с постели говорит:

— Не выздоравливаю. Во сне я видела вечно мелющую мельницу. Будто я поела той муки и поправилась. Иди достань муки с той мельницы.

— Хорошо, схожу, только покормлю собак.

Пошёл. Его встречает лесная бабушка и спрашивает:

— Куда, парень, ты снова идёшь?

— На вечно мелющую мельницу за мукой.

— Ну, парень, иди! Если застанешь её мелющей, то заходи, чтобы одна нога заходила, а другая выходила.

Он пошёл, собаки почему-то визжат. Мельница мелет, двери открыты. Он поступил так, как бабушка советовала. Он успел зыйти, двери захлопнулись, и три его собаки остались там за двенадцатью дверями. Идёт парень домой и плачет: собаки оказались запертыми. Пришёл он домой, а змей вышел наружу, ждёт его. Сестра на змее сидит и говорит, будто змей:

— Теперь, парень, съем тебя.

— Повремени, сестрица. Я семь лет в бане не мылся. Пойду истоплю баню, помоюсь.

Пошел он топить. Перед баней растут три березы, на одной сидит сорока. Она стрекочет:

— Чикр, чикр, молодой парень, топи баню чурбаками, употребляемыми при мочке конопли. Начнешь дрова рубить — руби и не руби: твои собаки прогрызли одну дверь, осталось одиннадцать.

Парень нарубил дров, стал носить воду, а сорока снова:

— Топи и не топи, парень: твои собаки ещё одну дверь прогрызли.

Так сообщала сорока каждый раз, как только его собаки прогрызали ещё дверь. Вот собакам осталось прогрызть одну дверь. Парень вышел из бани и говорит:

— Повремени, сестрица, я залезу на березу и попрощаюсь со всеми.

Парень залез на березу и кликнул собак по именам.

В это время змей принялся грызть березу и перегрыз одну. Парень перепрыгнул на вторую, змей перегрыз и эту, парень перепрыгнул на третью. Только успел он взобраться на третью березу,—прибежали собаки и разодрали змея на куски. Парень сошел вниз и говорит:

— Ну, сестра, теперь уйду от тебя куда глаза глядят. С тобой жить не стану.

Тут же парень ушел со своими собаками. Шел, шел, дошел до большого леса, но стало уже смеркаться. Парень забеспокоился: куда ему идти? Идет, идет он, видит: домик. Вошел в него. Там живет трехзубая старушка.

— Поклон, поклон, бабушка!—приветствует парень старуху.

— Садись, садись, сынок. Не сказал бы «бабушка», на части бы тебя разрезала и в два глотка проглотила бы. Говори, говори, сынок: я вот семь дней не ложилась.

— А почему так? Старушки поспать любят.

— Люблю спать, еще больше люблю говорить, слушать сказки. Послушаю, послушаю, да и усну. Ты, сынок, говоришь, будто сказку мне рассказываешь.

— Моя жизнь, бабушка, словно сказка,— ответил парень и начал рассказывать о себе. Начал с того, как умерли родители. Говорил он долго, до утра, дошел до того места, как его собаки разодрали змея, и как он сам пошел туда, куда глаза глядят, и нашел бабушку. Бабушка почти заснула и говорит:

— Ой, сынок, и вправду сказка!

— Потому, бабушка, и сказка, что я не портил своего рассказа.

Бабушка заснула и не поддерживала разговора, ничего не ответила парню. Видит он, что бабушка заснула: поднялся, спать ему не хотелось, а захотелось ему пойти с собаками на охоту. Взял он их и пошел на охоту, а вечером принес много поверху летающих и по земле бегающих. Бабушка еще спала. Лег парень спать. Утром проснулся, бабушка все еще спала, и он снова пошел на охоту и принес много летающих поверху и бегающих понизу.

Вошел в домик — бабушки нет. Смотрит: принесенных вчера птиц и понизу бегающих нет. Он не знал, что лесная баба пошла его искать, чтобы съесть его за то, что он убивал в лесу поверху летающих, понизу бегающих. Их она полила живой водой, они ожили, и она их выпустила.

Немного погодя, пришла старуха и закричала:

— Ты снова принес! Ну, теперь съем тебя!

— Не ешь меня, бабушка, я снова тебе буду рассказывать, сказку расскажу,— и принялся обманывать лесную бабу, как его собаки, не слушая его, ловят верхом летающих и низом ходящих. Так он отговаривался.

Бабушка слушала, слушала, стала дремать и сквозь дремоту говорит парню:

— Ой, парень, правда, как сказка.

— Не было бы сказки, если бы я не сказал неправду.

Смотрит парень: бабушка уже спит. Он осторожно вынес из дома убитых поверху летающих и понизу ходящих в овраг. Завалил их, и пришел спать в избу.

Утром проснулся парень и спрашивает старушку.

— Бабушка, что это за звон там слышится?

— Там, сынок, царскую дочь змей есть будет.

— Бабушка, я пойду туда, а собак оставлю дома. Если к двери они кинутся, выпусти их.

Он пошел туда, царевна там сидит.

— Что, девица, так печальна?— спросил он ее.

— Меня, парень, будет скоро есть двенадцатиглавый змей.

— Поищи, девица, в моей голове, а если засну, то вот этим шильцем уколи меня, и я проснусь.

Девушка искала, искала,— слышит: шумит змей. Но жалко ей стало колоть парня, и она заплакала. Одна слезинка упала на щеку парня, и он проснулся.

— Эх, девица, ты кипятком облила мою щеку,— говорит парень.

— Нет, это слеза моя капнула.

Прибыл змей и говорит:

— Здесь обед и ужин имеются.

Парень отошел от девицы и позвал своих собак. Они прибежали и разорвали змея. Двенадцать его голов парень засунул под камень и подошел к девушке.

— Ну, девица, будь здорова! Я ухожу,— сказал парень.

— Ай, зачем же ты уходишь? Как я теперь без тебя пойду домой? Пойдем со мной к моему отцу.

— Мне нужно уходить, лучше я приду в другой раз.

— Когда?

— Дня через три.

— Ну, возьми мое кольцо, ты будешь моим мужем.

Парень взял ее кольцо и ушел.

С дерева слез солдат с ножом и говорит:

— Если ты не скажешь, что я тебя избавил, то голову тебе отрежу.

— Скажу,— ответила девица, боясь, что отрежет ей голову.

Немного погодя прибыл отец царевны и спрашивает:

— Кто убил змея?

— Я,— ответил солдат.

— Он?— спросил отец свою дочь.

— Через три дня я расскажу обо всем,— отвечает девица.

— Где головы змея?

— Вот здесь, под камнем,— отвечает солдат.

Они стали поднимать камень, но камень ни с места.

После трех дней парень пришел в дом царя, царевна говорит:

— Вот кто меня избавил. Покажи, парень, кольцо моему отцу.

Парень показал кольцо царю и ушел, а солдату отрубили голову.

После этого начали готовиться к свадьбе, царь его спрашивает:

— Нет ли у тебя, парень, родни?

— Там-то, там-то, в деревне, есть у меня сестра, а в лесу бабушка.

Вскоре привезли его сестру, а лесную бабушку не доставили.

— Почему его бабушку не привезли?— спрашивает царь.

— Она говорит: «Мне из леса выходить нельзя: лес засохнет».

— Ну, ладно.

Сестра прибыла веселой, но принесла с собой подушку, в которую вложила змеиный клык. Ночью парень лег на эту подушку и умер. Никто не знает причину смерти.

— Как у вас хоронят?— спросил царь сестру парня.

— У нас,— ответила она,— хоронят так: закладывают в бочку и бросают в море.

Парня заделали в бочку и пустили в море. Собаки бегают, ждут своего хозяина. Прошло немного времени, и волны при-

били бочку к берегу. Собаки стали катить бочку в лес, но не хватило у них сил, и они прибежали за лесной бабушкой. Привели лесную бабушку, она осмотрела бочку, разбила ее и вытащила оттуда парня. После этого лесная бабушка приказала тетереву принести живой воды. Тетерев принес живую воду, бабушка обрызгала ею парня, он ожил, а змеиный клык выпал из щеки.

— Ох, как долго я спал.

— Спал бы еще, если бы не я,— отвечает старушка.

— Бабушка, а почему я здесь? Ведь я был у царя.

— Потому, что сестру свою призвал. Иди к ней и спроси её, зачем она принесла вот этот клык, тогда узнаешь, почему ты здесь.

Взял парень клык и пошел к царю и сестре. Дошел, вошел во дворец и видит, что жена его обрадовалась, а сестра испугалась. Он поцеловал свою жену и спросил сестру:

— Для чего принесла ты вот этот клык?

— Ой, прости меня, братец,— упала она к ногам брата.

Но парень рассердился, попросил у царя жеребца, привязал к его хвосту свою сестру и пустил жеребца вскачь. От сестры ничего не осталось.

Жеребец вернулся домой, началась вторая свадьба. Сыграли свадьбу и до сих пор живут хорошо, а лесная бабушка все ждет, когда парень придет к ней и начнет рассказывать третью сказку.

ПЕРИННАЙ ЧУДА

Кулось купецть аваң, куломстонза сон мярьгсь купецти: «Кинди платьяне ладяйхть, сянь сяфть рьвакс».

Аванц куломда мене купецсь кармась вешема рьвя, но исть ладя аванц платьянза киндиге.

Ся пингти кассь ни сонцень стирец.

Весть стирсь щазень тядянц платьянзон, и тейнза синь ладясть. Аляц кармась сонь рьвакс тревожамонза.

И стирсь мярьгсь:

— Рамак ина тейне цебярь щапт.

Стирсь мезе мярьги, сянь аляц и рамай, и наряжазе стирть пяк цебярь щамса.

— Ну, нинге рамак перинnай щам!

Аляц рамазе сяньге.

Весть стирсь корхтай:

— Служафтт попть кядьста ранняй и поздняй обеднят, а сяльде и венцяндатама.

Купецсь тусь обеднянь служафтома. А стирец ся пингть ворьгодсь. Веть ласьки, а шить кяши. Ласькс сон мзярс и кяшсь кустарникненди.

Угадявсь оцязоронь цёра денщиконц мархта и няезе стирть, но ашезь шарьхкоде, мезе тоса. Кучезе денщикть ваномонза, мезе тоса. Денщиксь тусь ванома, кодама чуда кустарникнень потмоса.

— Мон Периннай чудан,— корхтай стирсь.

Сась денщиксь наследникти и корхтай:

— Стане, стане, мярьгсь: «Мон периннай чудан».

— Архт кандк тяза.

Кандозе, сявозь куда и путозь башка комнатас. Фкя времать оцязоронь цёрати савсь молемс сиделкас. Кармась кухняса штама сапоньца, а Периннай чудась кизефнесы:

— Цёра, а цёра, коза тон ёрат молемс?

— Ах тон, Периннай чуда, месть тон дразнят эсон?

И кармась стирть эса сапоньца пикссема. Тяда меле сон щась-карясь и тусь кштима.

А Периннай чудась каязень толгань нарядонзон, щась шёлковайхть, тердсь слуга и тусь сонга тоза.

Оцязоронь цёрась сембе стирьхнень ванозень, но тя стирть кодяма фкявок аш.

Оцязоронь цёрась кизефнесы:

— Кодама губерниянь?

Стирсь отвечай:

— Стама губерниянь, коса сапоньца тюрихть.

Кармась валдашкоткшнема ушесь. Синь прощандасть и туеть. Васенда цёрась, а стирсь мельганза.

Сась омбоце илядьсь. Кармась оцязоронь цёрась наряжама. Самай щай цюлканзон, а Периннай чудась мольсь ваксозонза и мярьги:

— Цёра, а цёра, коза молят?

Цёрась фатязе цюлканц и кармась цюлкаса пикссемонза:

— Ах, Периннай чуда, фалу шорсят тейне.

И стирсь толгань одежанц мархта аердсь сяка вастонцты.

Оцязоронь цёрась наряжась-тись и тусь. А Периннай чудась каязень толгань нарядонзон и наряжась шелковайса. Тердезе слугать и сонга тусь. Сувась сяка куда, а оцязоронь цёрась учи ни эсонза. Фатязе сонь и кармась корхнема. Цёрась тага кизефтезе:

— Мес мон ашень шарьхкоде, кодама тон губерниянь?

Стирсь отвечась каршезонза:

— Стама губерниянь, коса цюлкаса тюрендихть.

Цёрась тага изь шарьхкоде.

Варьхмодсь. Оцязоронь цёрась сась куду, стирське мольсь мельганза. Каязень шелковай платьянзон и щазень толганнетнень.

Сась колмоце илядьсь. Шоподсь. Оцязоронь цёрась сувась кухняв. Цюлканзон щазень и кармась кямонзон щама. А ся пингоня Периннай чудась шаштсь малазонза и кизефнесы:

— Цёра, а цёра, коза молят?

— Ах, Периннай чуда, эрь шиня шорсят тейне.

И кармась кямоса пикссемонза. Тоса цёрась тусь беседкав.

А Периннай чудась наряжась шелковай платьяса и нарошна ашезь моле ламос. Оцязоронь цёрась тоскавай. Периннай чудась вдруг эвондась, сон фатязе стирть кядьта, и синь кармасть кштима и корхнема. Кармась варьхмодема. Цёрась кизефнесы стирть:

— Мес поваднайста аф азондсак, костоннят тон?

Стирсь кармась отвечама:

— Стама губерниянь, коса кямоса тюрендихть.

Оцязоронь цёрась тага ашезь шарьхкоде.

— Стирсь и мярьги:

— А тяни прощай, оду курокста минь аф няйхтяма.

Синь полафтсть именной суркста. Цёрась кизефнесы:

— А тяни кода няйхтяма?

— Мон колма илядьта меле пялот саян.

Периннай чудась сась, кайсезень шелковай щамонзон и щазе толгань платьянц.

Вов ни кафта шит, кода цёрась коль учи эсонза. Сась колмоцесь, а стирсь стаки аф эвондакшни.

Оцязоронь цёрась сяшкава тоскавась, што урмаськодсь, и мярьгсь поварти пидемс цебярь ямня. Поварсь пидесь цебярь ямня, каязе шаваняс и тусь вайнкса. А Периннай чудась ся пингть каязе цёрать именной сурксонц ямти. Кармась цёрась ярхцама ямда, ваны — именной сурксоц. Тердезе поварть:

— Киель кудса?

Поварсь атказась, кивок, кле, ашель кудса. Эста цёрась шарьхкодсь, што ся мазы стирсь — Периннай чудась. «Сон вдь васень илять корхтась: стама губерниястан, коса тюрендихть сапоньца. Омбоцеда корхтась: стама губерниянь, коса тюрендихть цюлкаса. А колмоцеда мярьгсь: стама губерниянь, коса тюрендихть кямоса».

Тердезе Периннай чудать.

— Азондк, Периннай чуда, тя тон тяфта работать?

Стирсь пеедезевсь каршезонза и тусь комнатазонза. Тоса сон наряжась шелковай нарядса, и нльне комнатаськe валдомсь.

Цёрась сявозе рьвакс Периннай чудать, и тисть синь свадьба.

ЧУДО В ПЕРЬЯХ

Умерла у купца жена, а перед смертью сказала купцу:

— Кому из женщин или девушек будут впору мои платья, ту и бери себе в жены.

После смерти жены начал он искать себе невесту. Долго искал, но платья его жены никому не годились. К этому времени уже подросла его дочь, оставшаяся сиротой после смерти матери. Однажды она надела платья матери, и они оказались

ей как раз впору. Отец стал просить ее, чтобы она согласилась быть его женой. Дочь ответила на это:

— Купи мне хорошие платья, тогда я подумаю.

Дочь что ни скажет, отец то и покупает ей, и нарядил свою дочь в самые лучшие платья.

— Ну, купи мне теперь платье из перьев,— как-то сказала дочь отцу.

Отец купил платье из перьев. Однажды дочь говорит стцу:

— Закажи попу раннюю обедню и позднюю обедню, а потом и обвенчаемся.

Купец пошел попу заказывать обедню, а дочь в это время убежала из отцовского дома, захватив с собой лучшие платья. Ночью бежит, а днем прячется. Раз спряталась в кустарнике, а в это время проходил наследник царя со своим денщиком. Денщик заметил одежду из перьев, но не мог понять, кто там находится. Наследник послал денщика посмотреть, что там такое. Денщик отправился в кустарники посмотреть, что там за чудо. После долгой слежки он убедился, что это человек, и заговорил с ним.

— Я — Чудо в перьях,— отвечает девушка.

Денщик вернулся к наследнику и говорит:

— Сидящий в кустах назвал себя Чудо в перьях.

— Ступай, притащи его сюда,— сказал наследник.

Денщик привел Чудо в перьях к наследнику, они взяли его домой, узнали, что это девушка, и отвели ей в кухне отдельную комнату, где она долгое время и жила.

Однажды наследник собрался на посиделки. Он вышел в кухню, взял мыло и стал умываться. А Чудо в перьях спрашивает его:

— Парень, а парень, куда ты собираешься?

— Ах ты, Чудо в перьях, зачем ты меня раздражаешь!

И начал бить девушку куском мыла. Затем наследник нарядился и отправился на посиделки.

А девушка сняла с себя платье из перьев и надела шелковое, пригласила провожатого и отправилась тоже туда, куда пошел наследник. Наследник осмотрел всех девушек и обратил внимание на одну, которую он никогда не видел, а это и была Чудо в перьях. Лучше её не было девушки. Он подошел к ней и всю ночь не отходил от нее, осыпая ее любезностями, стараясь ей понравиться.

Под утро наследник спрашивает Чудо в перьях:

— Из какой ты губернии?

Девушка отвечает:

— Я из той губернии, где мылом бьют.

Начало светать. Они попрощались и отправились по домам. Наследник сел в коляску и уехал, а девушка шла следом за ним, а потом свернула за угол и скрылась.

Наступил следующий вечер, наследник начал наряжаться.

Когда он надел чулки, Чудо в перьях подходит к нему и говорит:

— Парень, а парень, куда ты собираешься?

Наследник схватил свой чулок и начал бить чулком девушку по лицу, приговаривая со злостью:

— Ах ты, Чудо в перьях, всегда ты мне мешаешь и раздражаешь меня!

Наследник нарядился и опять отправился на посиделки, а Чудо в перьях скинула с себя платье из перьев и надела шелковое. Пригласила провожатого и пошла в тот же дом, куда пошел и наследник. Она входит в дом, а наследник уже давно дожидается ее. Он любезно подходит к ней и начинает спрашивать:

— Скажи, из какой же ты губернии, прелестная незнакомка? Я никак не могу понять твой вчерашний ответ.

Девушка отвечает ему:

— Я из той губернии, где чулками по лицу бьют.

После такого ответа наследник не посмел ей задать лишних вопросов, хотя они и разговаривали всю ночь.

Перед рассветом царевич отправился домой, девушка тоже отправилась вслед за ним. Придя домой, она скинула с себя шелковое платье и надела платье из перьев. Наступил третий вечер. Уже стемнело. Наследник начал в кухне надевать чулки и сапоги. Чудо в перьях подходит к нему и спрашивает:

— Парень, а парень, куда ты так спешно собираешься?

Наследник очень рассердился и давай бить девушку сапогом, громко приговаривая.

— Ух ты, Чудо в перьях! Всегда ты мне мешаешь и раздражаешь меня.

Наследник оделся и торопливо отправился на посиделки, а Чудо в перьях скинула с себя платье из перьев и надела шелковое. На этот раз она нарочно задержалась дома. Наследник, не видя ее среди девушек, очень тосковал, что нет прекрасной незнакомки. Вдруг дверь открывается, и входит прекрасная незнакомка. Наследник восторженно встречает ее и приглашает танцевать. Весь вечер он разговаривал с ней, осыпая её ласками и любезностями. Начался рассвет. Скоро настанет час разлуки, и наследник говорит девушке:

— Почему же ты не отвечаешь на мой вопрос: из какой ты губернии?

Девушка быстро ответила:

— Я из той губернии, где сапогами дерутся.

Никак не мог догадаться наследник, что значит ответ девушки, но донимать ее вопросами не посмел. Девушка и говорит наследнику:

— А теперь до свидания: мы скоро с тобой, наверно, не увидимся.

Они обменялись перстнями.

Наследник спрашивает:

— А когда же теперь мы с тобой увидимся?

— Может быть, я через три дня приду к тебе.

Чудо в перьях вернулась домой, скинула с себя шелковое платье и надела из перьев.

Вот уже проходит два дня. Наследник никак не может дождаться третьего дня, чтобы увидеть свою возлюбленную. Наступил и третий день, а возлюбленная не является. Он начал тосковать и скучать так сильно, что даже заболел. Он приказал повару, чтобы тот сварил сладкую кашу. Повар сварил вкусную кашу, наложил в тарелку каши и отправился за маслом.

В это время Чудо в перьях положила именной перстень наследника в кашу. Когда наследник стал есть кашу, ему попался именной перстень, подаренный им незнакомой красавице. Он вызвал к себе повара и спросил:

— Кто был в доме?

Повар ему сказал, что дома никого не было, кроме Чуда в перьях. Он вспомнил, что незнакомка в первый вечер сказала ему, что она из той губернии, где бьют по лицу мылом, второй вечер сказала, что она из той губернии, где дерутся чулками, и в третий вечер сказала, что она из той губернии, где дерутся сапогами.

Тогда он вызывает к себе Чудо в перьях и говорит:

— Признайся, Чудо в перьях, что незнакомая красавица была не кто иная, а ты?

Чудо в перьях улыбнулась в ответ, пошла в свою комнату, сняла с себя платье и вышла к наследнику. Когда она вышла к нему, то даже в комнате стало светло.

Наследник женился на ней и устроил пышную свадьбу.

БЕДНЯКОНЬ ЦЁРА

Эрясть-ащесть атят-бабат. Эрясть синь, пингонон ётафтозь, а пара мезевок ашесть няе. Удома мадыхть — вачедот, стяйхть — ярхцамс аш мезе. Ащи пялес калада фкя вальмаса куднясна, а кудть потмоса стулонь вастс мокорь ащи. Шрасна тяза-тоза прашенкшни.

Ульсь синь Ваня цёрасна. Максозь сонь тонафнема школав. Сон стане парста тонафнесь, нльне аф аньцек тонафни ялганза, но учительське дивандаль, кодама способнай улсь тя шабась.

— Ичкози туй тонь шабаце, Сергей атя,— корхнесь учительсь Ванянь алянцты,— пяк шарьхкоди цёрась.

Тонафнесь Ванясь колма кизот, аделазе школать. Эряволь ба сонь максомс тонафнема нинге, но атять ашель синтьф трешниковок ярмакоц. Тонафнемать инкса эрявихть пандомс ярмакт, а коста атяти сявомс ярмакне. Илядсь Ваня синцень велезост, кармась алянц мархта синнема пакаренэон козя ломанендя покодезь.

— Няема ни, цёрай, аф минь ялганьконди тонафнемась. Минь ялганьке работак и работак козяля лангс, а синь идьсна тонафнихть.

Эряйхть синь саворне, эряйхть киза, кафта, сяда лама. Ваня покоди алянц мархта. Лама ли, кржа ли ётась пингта, сась тейст кати-кодама атя и корхтай:

— Эй, старина, мес цёрацень козонга аф макссак тонафнема?

— Коза, брат, сонь максома и мезьса, минь нужаньконь и афсатыксоньконь коре можна, што ли, максомс кодамовок ошу тонафнема? Тоса аф минь ялганьконь кондятненди тонафнемс, тейнек тянь колга аш мезе думандамска.

— Давай цёрацень тейне, мон сонь тонафнеса, мезьс сон ёрай. Тонафнема тейнза колма кизот. Тихтяма договор, мон ярмак аф сяван. Щаса, тряса, и, кодак ётайхть колма кизотне, то тон молят инксонза. Кда тейть колма кизода меле содави, то сявсак, а кда аф содави, то аф нолдаса, иляды монь кядезон. Эста тон цёрацень аф получасак.

— Ну, кода, цёра, молят тонафнема?— кизефнесы Ванянь аляц.

— Моляи, мес аф молемс тонафнема.

Тисть договор. Сёрмадозь договорть, сявозе сонь Ванянь аляц, путозе зепозонза. Ломанць кундазе кядьта Ванянь и тусь мархтонза. Кодак тусь атясь, аньцек эста атят-бабат фатясть, а кие жа ульсь ломанць, коса сон эряй, ков молемс цёрать инкса — кие содасы.

— Тон, сире дурак, навайть шабаньконь!— пешкоды бабась.

— Кода стане мон, а тон косолеть? Тонь пилетне штаса валфт ульсть, што ли, кяльце, што ли, кургсот коськонкшнесь?

Сялондсть-авардсть атят-бабат, да и пара. Авардезь тевти мезевок аф тият. Ётась киза, ётась и колма кизотка. Тяни эряви молемс цёрать инкса, а коза молема — кие содасы.

— Архт, сире дурак, коста-аф коста мук шабаньконь. Тон сонь максыть, тон сонь и вешендьк. Шабафтома куду тят сашенда.

Шарсь-тись, тусь атясь, но ков моли, сонць аф содасы, кува моли, сонць аф шарьхкодьсы. Мольсь, мольсь и пачкодсь сон вири. Моли вирть эзга. Няи — лии инголенза кирьхксонь полк. Атясь моли и моли, а кирьхксонь полксь лии аф ламонь васта— валги, лии аф ламонь васта — тага валги. «Мезень шяйтан стане кирьхксне лиендихть-валгондыхть,— думандай атясь.— Дай лоткан, ванца, туйхть или аф туйхть кирьхксне».

Лоткась атясь, а кирьхксне тусть савор лиема инголи. Срхкась атяське, моли и моли. Лийсь инголенза кирьхкс, прась мастору, тиевсь кирьхксста атять цёрац.

— Шумбрат, аляй! Тон монь инксон, наверна, молят?

— Шумбрат, цёраняй, кинь инкса мле, тонь инксот молян, ётась вдь тонафнема срокце!

— Молят, аляй, инксон, но мон тейть аф содаван. Тон, аляй, кодак молят, то азорозе минь сембонь парясамазь баняса, тисамазь сембонь грацекс. Минь эздонк колмогемонь колма, мон карман улема сембода кучкаса, кона ширде тят лува, мон карман улема кемзисемгоцесь. Тон няфтят кемзисемгоцеть лангс, и ся карман улема мон. Но тя нинге аф сембе.

Монь азорозе кармай содафтома колмокстъ. Омбоцеда сон минь сембонь тисамазь орёлкс. Минь карматама улема сембе фкя понаса, сембе фкат. Ва тон тяк юксне, мон карман улема види ширде крайть эзда колмоцесь. Колмоцеда тисамазь сембонь пинекс, минь карматама улема сембе фкя понаса, и тон ванк, мон карман улема кяржи бокста сембода крайняйсь. Вов тон стане и содасамак.

Тон мольхть видеста тя яннять эзга, лисят полянас, а полянать эса минь кудоньке.

Тиевсь сонць кирьхксокс, либорь тусь лиезь. Сатозе кирьхксонь полкть и тусь мархтонза. Атясь моли и моли яннять эзга. Мольсь-мольсь, ваны — поляна. Сон лиссь вирть эзда полянати — няи куд, калдаз. Сувась калдазти, няезе сонь азорсь.

— А, сать цёрацень инкса? Пара, пара: срокоц лиссь. Аде, ваймосек шобдавас, а шобдава кда колмокстъ содасак цёрацень, то сявсак, а кда аф содасак, то аф сявсак.

Илять ужнафтозь атять, матозь. Шобдава стясь сон, сувась тейнза азор атясь и мярьгсь:

— Ну, тяни аде цёрацень содама.

Сон атять сувафтозе комнатас, олга лангса ащихть озсезь колмогемонь колма граць.

— Ну, старина, дай содак, кона тонь цёраце.

Атя яла якай грацнень ингольге, сисемкстъ-кафксокстъ лувондозень грацнень, ваны, кона грацть лангс тейнза няфтемс.

— Ну содавсь, што ли, тейть цёраце, старина?

— Да, содаса.

— Ну, дай содак, кона.

— Вага тя монь цёразе должен улемс, монь мяльсон.

— Да, старина, тя. Содавсь тейть весть. Фкя кизонкса тон пандыть. Илядсь тейть содамс кафкстъ. Омбоцеда няфтьсак, кона тонь цёраце, обедта меле, а тяни аде, ваймосек, обедак.

Атясь тусь, обедась, ваймосесь. Сась азор атясь инксонза.

— Ну, аде, старина, няфтьк, кона тонь цёраце.

Сувафтозе лия комнатас, а комнатаса байдек лангса озазь ащихть колмогемонь колма орёл, сембе фкя понасот и сембе фкат.

— Ну, старина, конац нянь ёткса тонь цёраце?

Атясь якась-якась, и азорсь корхтай:

— Ну, эрь мук, кона тонь цёраце.

— Монь цёразе, улема, вага тя,— няфтсь атясь види крайста колмоцеть лангс.

— Да, старина, тя тонь цёраце, пандыть шумоцень омбоце

кизонксовок. А тяни архт куванявок якак мянь илядьс, и кда илять тага содави цёраце, то сон кармай улема тонь.

Тусь атясь, ётафтозе пингть илядьс. Шоподемда меле азор атясь серьгядезе атять:

— Ну, старина, аде колмоцеда содак цёрацень. Кда тяни содасак, то тонь ули.

Сувафтозе атять комнатас, а комнатаса колмогемонь колма пине, и сембе синь фкат.

— Ну, тяни давай ванк, старина, коса тяса тонь цёраце? Атясь якай и якай, ванонды пинетнень лангс, аф эряскоды, а сонць кунаркиге приметазе, кона эряви няфтемс.

— Ну, содавсь тейть, старина?

— Тейне-арам, вага тя кармай улема,— няфтсь атясь, конань лангс эрявсь няфтемс.

— Ну, содайть колмоцедовок, старина, пандыть питнеть колмоце кизоть инксовок. Тяни листь ёткстост,— мярьгсь цёрати.

Пинесь пупордась и тиевсь цёракс.

Синь удость шобдавас, а тоса азор атясь синь прважазень алят-цёрат куду.

Састь куду и кармасть эряма. Эряйхть ши, эряйхть сяда лама. Кувать или аф кувать синь эрясть, Ваня кулезе, што фкя масторса ули оцязоронь волшебница-стирь.

Кие моли тя стирть ладяма, то сон максы женихонцты колма задачат, кодавок ня задачатне аф решандавихть. А кда аф решандавихть, то сонь прянц керсы и сялгсы пяль пряс. Аф фкя женихонь пря кярсь оцязоронь стирсь, аф фкя авань-алянь шудесть сельмоведьсна. Ёрась тя стирть лангс рьвяямс тя масторонь оцязорть цёрац, и тусь сон. Кульсь тя тевда Ванюшка и думандай: «Юмай пряц, сердешнайть. Аф тонь кодямот якасть ваномонза, и то сон ашезь сявов, а тейть уш коза».

Лиссь Ванюшка ульцяв, кармась велеть эзга якама, эстейнза ялгат кочкама: сембе синь фкя панарсот, сембе синь фкя серьсот. сембе синь фкя шамасот. Кочкась эздост кефкие, а сонць Ванюшка кемгафтувоцесь. Корхтай:

— Аряда монь мархтон, мон тинь тонафттядязь мезьска. Симдемонт, андомонт карман мон, а тинь аньцек кулхцондомасть, мезе мон карман тейнть корхтама.

— Ладна,— мярьгихть ялганза.

Ванюшка фкя шис-вес сявсь ярхцамбяль, ружья, и сембе тусть. Молихть и молихть. Мольсть-мольсть, шись шоподсь. Пачкодсть синь оцю вирьс. Сувасть вирть потмос. Ужнасть и срхкасть мадондома.

— Минь тяса аф содаф вастсотама. Мадонттама, кармата-ма удома,— корхтай Ванюшка,—а кие кармай веть минь ванондомонк? Эряви киндиге ваномс.

— Аш, минь вень ванфтома аф карматама: тон минь сявомасть, тон и ванфтт минь эсонк, а минь маттама.

— Ладна, монць карман ванфтомонт,— отвечай Ванюшка.

Ня сембе ялгатне мадондсть и ушедсть крназь удома, а Ванюшка якай синь перьфкаст. Якась-якась, марясы — кати-кодама шум вирьса кулеви. «Мезень тоса стама шум, дай молян малав, может, мезевок няян тоса». Тусь Ванюшка, мольсь малав и ваны: таргавихть коряннек кафта шуфтт и марс эрьхневихть, таргавихть и тага марс эрьхневихть.

— Кие тяса и мезе тиенттяда? Кит тинь, или шяйтан лефкст?— кизефни Ванюшка, а эстейнза кивок аф няеви.

— Минь шяйтан лефкстама.

— А мес тинь тяфта тюрьхтяда?

— Мес тюрьхтяма? Вага минь кулось атяньке. Кадсь тейнек вещат, и ня вещатне кодавок аф явовихть, и минь тюрьхтяма тяса ни комсь ветие киза.

— Эх, дуракт, дуракт! А мезямот тинь вещанте, эрьда мон явсайне!

— Тя пароль ба, кда яволемасть. Вещаньке вага кодапт: ярмаконь кошелек, невидимка-вазьня, ковёр-самолёт.

— Ну, нятнень мон тяниек явсайне. Вага кона сяда инголи тейне кандсы пунять, сянди кармайхть улема максфт вещатне, а кда кивок аф кандсы, то вещатне кармайхть улема монь. Ну, кода, согласиндатада стане?

— Согласиндатама, што ли? — кизефнесы фкя шяйтаннясь омбоцеть.

— Эряви согласиндамс,— мярьгсь омбоцесь.

— Ну, давай яфт минь эсонк,— мярьгсть кафцьке.

Заряжазе Ванюшка ружьянц, каясь ружьять потмос серень пуня и ляцсь. Мзярс пунясь лийсь, шяйтан лефксне тосот. Тя моли — аф сявови пунясь, тона моли — аф сявови. Синь и стане, и тяфтане, а пунясь киндиге аф сявови.

— Ну, давай тон, тон вдь инголи согласиндать.

— Тейне аф сявови, мон атказан вещатнень эздовок.

— А тейне, тон думандат, сявови? Мон стане жа атказан.

— Ну вот, тяни явовсть вещаньке, тяни оду тюрема аф карматама.

— Ну, тяни, брат, сявить вещатнень, синь тонь,— корхтайхть браттне.

Сявозень Ванюшка шяйтан лефкснень вещаснон и тусь. Мольсь, а сонь ялганза нинге удыхть. Стясть шобдава, тумдост инголе ярхцасть, ваймосесть аф ламос, и Ваня корхтай ялганзонды:

— Ну, тяни минь ичкози мольхтяма.

Ацазе Ваня ковёронц, озась ковёрть лангс и мярьги ялганзонды:

— Эрьда озседа монь перьфкан, кундада эзон и кирдеда фкя-фкянди, штоба афоледе прашенда.

— Коза стане пратама? — рахайхть ялгатне.— Мастору, што ли?

— Ну, ковёр, лийфтемасть стама-стама государствав.

Кеподсь ковёрсь и тусь. Лийсть-лийсть синь, ваныхть — столичнай ош, и лиемста ялгатне корхтайхть:

— Вага коса эрямась, тяса минь якатама!

Валгсть синь ошть крайс, сувасть ошти, мусть ош крайста вдовой бабаня, кизефтсть кядьстонза квартира.

— Эх, цёранят, мон нолдаледязь, да аш кинди нльне ведьска молемс, пенгянятка уштомс аш.

— О, бабай, минь эздонк кемгафтува. Кажнайсь весть кандыведарка ведь, кармай улема кемгафтува ведарка.

— Ну, ладна, цёраняне, сувада.

Сувасть квартирас и эряйхть. Ётась фкя ков, омбоцесь.

Кармасть ошть эса пайкт шавома.

— Бабай, кодама тяфта пайкт шавихть?—кизефни Ванюшка.

— Минь оцязоронькоиь стиренц ладямонза сай лия мастороиь оцязоронь цёра, вот сонь эсонза васьфтихть.

Ванюшка путозе прязонза невидимка-вазьть и тусь ошу ванома, мезе кармай тиендема дворецса оцязоронь стирсь. Мольсь сон дворецть инголи, тя пингста сась оцязоронь цёраське. Стирсь пяк лац васьфтезе оцязоронь цёрать. Андозь, каванязь женихть, стясть шра вакссга. Стирсь сявозе сонь лия комнатав и корхтай:

— Тон вага сать лангозон рьвяяма, мон лисян тейть рьвакс эста, мзярда тон тият колма тефт, кодапт мон тейть азан. А кда тейть ня тефне аф тиевихть, то минь керсаськ тонь пряцень.

— Ладна. Мон согласиндан тиемс сянь, мезе тон мярьгат. Кода ни тонь тефне тейне аф тиевихть!

— Ну, дай сёрматтама договор.

Сёрмадсть договор, путозь подписьснон сонь алонза. Оцязоронь цёрась арась квартирас гостиницав. Сась илядьсь. Мольсь цёрась дворецу задачань получама:

— Ну, давай, кодама кармай улема васенце тонь задачаце?

— Васенце заданиясь кармай улема вага кодама: вандыенди аноклак венцямань щапт стама товарста, кодамста мон аноклан, но штоба синь улест аф стазь стафт, а валозь валфт. Тейне аноклак платьят, эстейть пиджак и брюкат. Шобдава, вейхкса частста, кандсайть, а тяни архт куду, ушетт анокламз.

Тусь цёрась и думандай: «Ну, навайне-прязень. Коста тейне содама, кодама материянь сон стафты, и коста мон содаса, кодама сон размер тифти? Ну, юмань, афоль эряв тейне кундамска тя тевти».

Мольсь цёрась номерозонза и кармась авардема: вдь кда шобдаванди аф аноклавихть, то прять кярсазь. А Ванюшка изь кадондов женихть эзда: пяк интересовандась тя тевса.

Стирсь тердезе палачть и мярьги тейнза:

— Эрь шовак сяда лацкас узерцень. Шобдава кармай улема тейть работа. Сялгсак пяль пряс женихть прянц, и тяда меле тейне аф сай фкявок жених.

Мольсь Ванюшка женихть квартирас, ваны — женихсь вайгяльса пешкоды-аварди.

— Мес тон тяфта авардят, кодама горяще?

Оцязоронь цёрась ваны, апак кизефтть сувась номерозонза аф содаф ломань.

— Мезенди тейть содамс, мес мон авардян, тон тейне сяка мезьсовок аф лездат.

— Тейть тянь аф содама, лездан тейть или аф, тон азонтт.

— Вага мес мон авардян: мон сань тяза рьвянь ладяма, тиеме договор; кда мон решандасайне сонь колма задачанзон, то сон арай тейне рьвакс, а кда тейне аф решандавихть, то монь прязе шаркс лии лангстон.

— Ну, макссь тейть кодамовок задача?— кизефни Ванюшка.

— Ну да, макссь. Стирсь тейне мярьгсь, штоба мон аноклалень шобдаванди стама материянь щапт, кодапт аноклай сонць стирсь, и штоба синь улельхть фкат размерснон коряска. Ну коста мон содаса, кодама материянь сон кармай аноклама!

— Тя задачась ерунда, тянь тисаськ, кати-кодапт кармайхть улема лия задачатне. Тон тяни матт, удок лацкас шобдавас и мезевок тят думанда.

Шарфтсь Ванюшка и тусь. Мольсь дворецу, озась стирть комнатань кенкшенц малас и учси. Лиссь стирсь комнатастонза и тусь ушу. Стясь Ванюшкась и тусь стирть мельге. Лиссь стирсь крыленця лангс, ювадезе невидимай тройканц, ардсь тройкась, стирсь кизефни:

— Коса, кучер, локша недце?

Кучерсь няфтезе локша неденц, стирсь мольсь и озась, а Ванюшка повфтавсь тройкати и аде мархтост.

— Кучер, артт вага стама магазину.

Ардсь тройкась, лоткасть магазин инголи. Стирсь сувась тоза и рамси товар. Кизефтсь сукнань пакш. Ваны — сукнась пара. Мярьгсь кяромс сукнать эзда, мзяра тейнза эряви. Путозе кярфть шра лангс, а сонць кармась ярмак максома. Пока стирсь лувондсь ярмак приказчикть мархта, Ванюшка невидимка вазенц мархта мольсь, габордазе сукнать, путозе кавлалонза, арась фкя бокс и ащи. Стирсь максозень ярмакнень, срхкась тума, а материяц аш.

— Коса материясь? Тон кероть мондейне материя?

— Кода ина, тон сявить сонь и путыть прилавкать лангс ваксозт.

— Коста путыне, коза мле сон мольсь: тяса миндедонк башка кивок ашель, аньцек кафонек. Шяйтан, што ли, кодамовок сявозе? Коза тейнза тумс? Ну, ладна, дай кярхт од пакш, аф карматама спорсема тянкса.

Приказчиксь керсь тяка материянь од отрез, ашкодозе и максозе стирти. Стирсь сявозе сонь кавлалонза и лиссь магазинть эзда. Ванюшкавок лиссь магазинцта. Стирсь озась каретанцты и корхтай:

— Давай вага стама-стама мастерскойс артт.

Кучерсь пани тройкать эса, а Ванюшка арды мархтост. Пачкодсть мастерскойть инголи, лоткась тройкась, валгсь стирсь и тусь мастерскойти. Стирть мельге Ванюшкавок сувась мастерскои, арась фкя бокс. Сась мастерскойть азороц и мярьги:

— Мезе ёрат заказамс, оцязоронь стирь?

— Вага тя материяста стамс венцяманди щамс цёрань костюм и платья, да штоба улельхть аф стазь стафт, а валозь валфт, кода фкя материянь.

— Тянь тисаськ, минь тянди машттама.

Сяконь шовор азорсь максозе материять мастерхненди, а тонат кармасть керсемонза, стамонза. Стирсь тумстонза корхтай:

— Мон кучан шобдава инксост, тинь синь максость.

— Ладна, сембе кармай улема, кода корхтат.

Азорсь сонць тусь, а мастерхне стазь, гладендазь и повфтазь. Лиссь азорсь и кизефни:

— Ну, кода заказсь?

— Заказсь анок ни.

— Аряда эста чайда симома.

Мастерхне тусть чайда симома, а Ванюшка ашкодозень платьять и костюмть, путозень кавлалонза, материять ёрдазе шрать алу, а сонць тага арась фкя бокс. Симсть чайда, лиссь азорсна мастерхнень мархта.

— Ну, коса заказсь, дайте-ка монць ванца.

Мастерхне и тоза, и тяза — а заказсь аш.

— Тя мезень чуда, коза тусь сон? Вдь вага тяза минь сонь повфнеськ.

Ванондсть, вешендсть, а заказсь косовок аш. Синь и тяза, и тоза, а сон аш и аш. Кармасть вешендема эзем алда, шрать алда — музь материять.

— Ну, кодавок аф шарьхкодеви, кода стане, минь заказть стаськ, а материясь ащи тяса апак керсек?

— Тинь, наверна, аньцек думандакшнеде заказть тиемс, шуфтонь прят, а работама нинге изеде кунце. Тиесть сяда курок!

Мастерхне — кона кярси, кона стай, кона гладендай. Аноклазь заказть, тиезь нинге сяда парста. Мольсь азорсь, ванондозе работать.

— Лац стазь, пяк лац, тя уш мялезонза туй.

Сон сявозе, ашкодозе и путозе шкапс, а сонць тусь ваймама. Мольсь Ванюшка, сявозе кавлалонза, а ингольденнетнень путозень вастозост. Сон лиссь и тусь. Мольсь гостиницав, а цёрась сельмонзонга изезень сёлгонда. Кодак Ванюшка сась, цёрась кармась кизефнемонза:

— Ну, кода тефне, муть мезевок?

— Сембе аноклаф, аньцек, кодак молят шобдава, ванк,

инголи тяйть тарга, ату тон няфтьсайть, а сон канды кодамовок нула и васькафттанза.

— Ладна, мон тяфта и тиян, кода тон корхтат.

— Вов нинге мезе: тят васькафтов корхтамста, мярьк, монць добувайне, тят мярьгонде, што кивок лия музень.

Варьхмодсь, сась пинге тумс дворецу, а Ванюшка ни тусь оцязоронь цёрать эзда. «Кода стане, коза тусь тя цёрась, нльне ярмаконявок изень кенере тейнза максомс, коста тяни мон сонь муса? Мезе тият, тусь, а тейне эряви сяда курок молемс».

Щась, срхкась женихсь, сявозень закаснень, озась каретас и аре. Сувась дворецу, а стирсь ни учи эсонза. Палачсь тожа аф ичкозе ащи, шовазе узеренц и учи, мзярда сонь серьгядьсазь: тейнза сави кяромс мекольце прясь, а сяда меле лиси сонь срокоц тя работаста.

— Ну, кандыть заказть?— кизефни стирсь женихонц эса.

— Да, кандыне. (А шрать перьфке озсезь ащи целай комиссия).

— Давай няфтьк, мезе кандоть!

— Аф, аф няфтьса. Васенда тон няфтьк, а меле мон.

— Да, да, тя виде, дай васенда тон няфтить,— корхтай комиссиясь стирти.

Стирти аш мезе тиендемс, савсь таргамс васенда тейнза. Няфтезень, комиссиясь ванондозень.

— Да, пархт, нят стафт так стафт.

Таргазе заказть женихсь, ванозе комиссиясь.

— Да, тя вага стаф.

— Ладна,— корхтай стирсь,— фкя задачать тиить, но тонць ли тиить?

— Ну да монць. Кие жа тисы? — отвечась женихсь.

— Омбоце задачась тейть ва кодама: шобдаванди тихть кямот и ботинкат стама товаронь, кодама товаронь мон заказан. Улест штоба стапт, кода валфт валозь. Шобдава тя пораванди кандсайть.

— Ладна, тянь можна тиемс,— отвечась женихсь, и сонць тусь эсь номерозонза.

Мольсь сон тоза и думандай: «Коста мон содаса, кодама товаронь сон ёрай стяфтомда? Шяйтатт содасазь. Цёраське тусь, а мон ашень кенере тейнза мезевок максомска. Наверна ни, кода-аф кода, а монь прязе кармай ащема пяльня пряса щафтфста».

Сонць тяфта думандай, а сонць аварди. Ётась аф лама пинге — сувась цёранясь.

— Тон мес тяфта юватькшнят? — кизефнесы цёрась.

— Кода, брат, аф авардемс, кда шобдава монь прязе кармай ащема пяльня лангса. Невестась тейне максць тяфтама задача, мярьги: кямот и ботинкат стафтомс стама жа товаронь, кодама товаронь сонць тифти, и штоба улельхть аф стазь стафт, а валозь валфт.

— Ну, тя ерунда, тянь тисаськ, тя мезевок аш. Тон матт и мезевок тят думанда, шобдаванди кармай улема анок.

Цёрась тусь. Мольсь дворецу, арась оцязоронь стирть кенкшенц бокс и ваны, кода лиси стирсь комнатаста. Кувать или аф кувать сон учсь, кули, сай ломань. Панжевсь кенкшсь, лиссь стирсь, а цёрась мельганза. Стирсь крыленця лангса пешкодсь:

— Кучер, давай тройкацень!

— Тройкась анок,— отвечай кучерсь. Сон няфтезе локша неденц стирти, и стирсь озась, а Ванюшка кярьмодсь каретать фталу.

— Давай, кучер, артт стама-стама сапожнай мастерскои.

Тройкась тусь, кода варма, ардсь и лоткась мастерскойть инголи. Валгсь стирсь каретаста и тусь мастерскойти. Ванюшка комотсь каретать фталда и тусь мельганза. Стирсь мярьги:

— Тиеда мондейне кямот и ботинкат вага тяфтама сафьянонь. Улест штоба аф стазь стафт, а валозь валфт.

— Ладна, тя заказть мезевок аш тисаськ.

Стирсь тусь, а Ванюшкась илядсь. Мастерхне раз-раз тиезь ботинкатнень и кямотнень. Аделавсь работасна, и синь тусть чайда симома. Ванюшка мольсь, кямотнень и ботинкатнень сявозень, ашкодозень, путозень кавлалонза и арась тага фкя бокс. Тонат симсть чайда, лиссть мастерскойстост и ваныхть:

— А кямотне и ботинкатне косот? Мес синь ашет, ведь вага тяза синь путфтольхть! Ков тусть?— и кармасть ванондома.

Вешендсть-вешендсть, и эзем алга, и куване, но кямотне и ботинкатне косовок ашельхть.

— Шяйтан, што ли, синь сявозень, иляс аш коза тейст тумс.

— Ну, ладна, минь отт тихтяма, сядонга пархт.

Озасть и тисть кямот и ботинкат сядонга пархт.

Аделавсь работась, и тусть ярхцама. Азорсь ашкодозень кямотнень и ботинкатнень и путозень шкафс. Тусь сонцьке ярхцама. Ванюшкась мольсь, сявозень шкафста кямотнень и ботинкатнень, а инголи стафнень ашкодозень и путозень шкапти нягнень вастс, а сонць тусь.

Мольсь женихти, а женихсь сельмонзон ашезень конце: учи Ванюшкань эса.

— Ну, кода тефне? Добувайть?

— Анокт ни, аньцек инголи тяйть няфте, катк стирсь няфтьсыне. А кда кизефттянза, кие добувазень, мярьк: монць.

— Ладна, мон тяфта тиян.

Ванюшка шарфтсь и тусь. Женихсь ашезь кенере мезевок тейнза максомска. «Вдь тага тусь, тага мезевок ашень кенере тейнза максомс. Ну, ладна, пади, коса-коса няйса и максан тейнза ярмак»,— думандась сон и мадсь удома. Шобдава стясь, сявозе канфть и тусь дворецу. Дворецса комиссиясь ащи ни, озсеф.

— Ну, кандыть заказозень?— кизефни стирсь.

— Кандыне,— отвечай женихсь.

— Няфтьк тейнек.

— Васенда тон няфтьк, а тоса мон.

— Да, да, тя виде,— корхтай комиссиясь.— Давай васенда тон няфтьк, а тяда меле няфтьсы сонга.

Стирсь таргазень кямотнень и ботинкатнень, ваныхть синь лангозост, синь пяк пархт, нльне косонга стафкскя аф содави.

Таргазень женихське, сембе ваныхть. Да, нят тифт так тифт, размерсновок фкат, формасновок фкат.

— А тонць ли нятнень муйть?— кизефни стирсь.

— Кие мле, конешна, монць добувайне.

— Ну, ладна, пяшкодеть кафта задачат, илядсь колмоцесь, тисак колмоце задачатьке — карман улема тонь.

— Кодама тя задачась?

— Тя задачась вага кодама: шобдаванди аноклак веняманди кафта стама суркст, кодапт мон аноклан.

— О, тя ни тейне мезевок аш, тянь мон тиса.

Тусь женихсь моразь номерозонза. Мольсь сон весёлайста, рахай. Сувась тейнза Ванюшкась, ваны — женихсь пяк весяла и рахси.

— Тон мес пяк весялат? Инголи авардеть, а тяни рахат.

— А мес тейне аф рахамс: тейне макссь задача, конань решандамац мезевок аш.

— А кодама тя задачась?

— Мярьгсь шобдаванди анокламс веңяндаманди кафта суркст. Мон рамасайне ошть эса сембе суркснень, конатка да ладяйхть.

— Пяк рана кармать кенярькшнема. Тя задачась, кда ёрат содамонза, сембода стака. Но кодавок тисаськ. Тон ащек тязк, а мон молян.

Женихсь илядсь номерозонза, а Ванюшка тусь. Мольсь дворецонцты, арась невидимка вазенц мархта стирть комнатанц малас и учи. Кувать ли, кржа ли учсесь, кармась сама пялевесь. Кульсы, стирсь срхкай. Лиссь комнатастонза и тусь крыленця лангс, серьгядсь кучерти. Кучерсь тройканц эса кода тяса и ульсь.

Ванюшка най стирть бокса: стирсь озась каретав, а Ванюшка кярьмодсь каретать фталонза. Стирсь кучеронцты наказай:

— Дай паньк тройкать стама-стама паксяв, ся паксять эса ули эрьхке, вот и мольхтяма тя эрьхкти.

— Тяникиге ульхтяма тоса!

Тусь тройкась кода лиезь. Ардсть эрьхке берякти, валгсь стирсь каретаста. Тяда меле сон ацась руця, арась плманжа лангс и кармась мтордома. Мтордсь-мтордсь — лиссь эрьхкста сире шяйтан и кизефни:

— Мезенди, стирняй, тердемайть, мезенди тейть эряван?

— Вага, атяй, сась тейне жених. Тись ни кафта задачат. Тяни мон максыне тейнза колмоце задачать: шобдаванди анок-

ламс венцяманди кафта суркст стама материалонь, кодамоста аноклан мон. И вот, атяй, макст тейне эсь сакалстот колма шяярьхть — сурксонди материал.

— Макст тейть шяярь, а тон сакалозень пяленц таргасак.

— Аф, атяй, аф, тон вдь тонць содасак, кодак аньцек пряни керса, сяда меле тонь карман улема.

— Ну, да аньцек ванк, сяфть колма шяярьхть.

— Колма, атяй, колма.

Сире шяйтанць ладязе улонц, ушедсь стирсь колма шяярьхнень кочкама, а Ванюшка тапардась суронц перьф сакал клок да кодак ноцкофты — сивольнек таргась целай клок. Сире шяйтанць кодак пешкоды, а сонць — бльдерьк! — сувась эрьхконяти, а стирсь ашезь кенере сяземс. Стирсь давай тага шяйтантъ тердема. Тердсь, тердсь — шяйтанць тага лиссь.

— Атяй, мес тон ворьгодеть? Вдь мон фкя шяярьнявок ашень сязе.

— Кода стане, пялеснон сакалнень сязить.

— Да аш, атяй, фкя шяярьнявок ашень сязе.

— Кие мле сакал бокозень сязезе? Вдь тяса тондедот башка кивок аш.

— Но мон ашень кенере сяземс.

— Ну, ладна, да сяфть аньцек колма.

Стирсь сявсь колма шяярьхть, озась каретазонза и аре.

Ардсь мастерскойс, сувась тоза, а Ванюшка мархтонза. Аньцек сувась мастерскои — мастерхне каршезонза.

— Мезе ёрат заказамс, оцязоронь стирь?

— Вага тя материалть эзда тиеда венцяманди кафта суркст, тиемс эрявихть шобдаванди.

— Ладна, тя тевть тисаськ, тя мезевок аш.

Стирсь шарсь и тусь куду, а Ванюшка илядсь. Мастерхне раз-раз тисть кафта суркскат, путозь вальмя лангс, а синць тусть ярхцама. Аньцек тусть, Ванюшка мольсь, сявозень суркскятнень, а пяле сакал бокть ёрдазе моркшть алу. Сонць арась фкя бокс. Ярхцасть мастерхне, лиссть мастерскои, ванондыхть — суркскятне ашет.

— Да косот суркскятне? Вдь минь синь путнеськ вальмя ланге, а тяни синь ашет.

И синь давай вешендемс. Вешендсть-вешендсть, а суркснe ашет.

— Ванодова, тяса целай клок стама шяярьда,— пшкядсь фкя мастерсь, кона музе сакал бокть.

— Ну и вешендемска аш месть, минь сядонга пара суркскат тихтяма.

Озасть мастерхне и куроконе-куроконе тисть сядонга пара суркскат. Азорсь путозень суркснень коробкас, коробканять— шкафс, а синць тусть мадома. Ванюшка мольсь, панжезе шкапть, сявозе коробкать, сявозень тоста суркснень, а инголи тифнень путозень тоза и тусь.

Мольсь Ванюшка женихть номеронцты, а женихсь учси эсонза, кода седь лангса.

— Ну, кода тефне?— кизефни Ванюшкань эса.

— Тефне пархт, на вага, аньцек тят няфне васенда.

— Ладна, тянь содаса ни,— и тусь дворецу.

Мольсь дворецу, сувась, а тоса ни комиссиясь ащи.

— Ну, кандыть суркснень?— кизефни эсонза стирсь.

— Да, кандыне.

— Дай няфтить, кодапт суркснс.

— Васенда тон дай няфтить, а меле ни няфтьсайне мон.

Таргазень стирсь суркснень, ванозь синь.

— Пархт суркскятне, пархт, аш мезе корхтамска.

— Нят мезень пархт, пара суркснс вага косот,— мярьгсь женихсь и таргазень сурксонзон. Ваныхть лангозост, синь сяка жа материалонь. Стирсь ванонды.

— Кие тейть музень ня суркскятнень?— кизефни стирсь.

— Кие, монць муйне, кие тейне кармай добувама.

— Аф тонць, мон тейть аф верондан.

— Воляце, тевсь тонь. Верондат или аф, а тонь задачатнень тиинс колмоцьконь. Договорсь топафтф, и аде срхкак монь мархтон.

Стирсь аф ламос ащезь корхтай женихонцты:

— Тонь лацот, аде, да и пара. Аф, тяфта аф ули. Тон мук тонцень государствань кемгафтува куда, а кда аф кармайхть улема ня кудатне, то мон аф молян тейть рьвакс. А тяни архт вешентть кудат и шобдава синь мархтост сак тяза.

Тусь женихсь, нолдазе прянц и думандай: «Вот тя тевсь тейне аф тиеви: коста мон тейнза сяван эсь масторонь кудат? Вдь тоза молемась аньцек кота кофт. Мезе тяни тиемс, коста сявомс?» Сон сувась номеронцты прянь нолдазь. Сувась, а Ванюшка ни тоса.

— Мес тон тага стамат, бта сёксень ши?

— Мезе, брат, путсь инголен тага задача, а тиемс сонь эряви шобдаванди, сон жа тейне аф тиеви кизода инголе. Стирсь тейне мярьгсь: «Сак шобдава и вятть кемгафтува куда, и штоба синь улельхть эсь масторонь ломатть, а кда аф вятят, то тят сашенда: тейть эста аф молян». Вага тяни мезе мяльце, сянь и тиентть.

— Ну и задача. Сельгонттяма тя задачать лангс: тянь тиемс мезевок аш. Катк сон аф думандай, минь сяка тев сонь сявсаськ. Кудат кармайхть улема, а тяни тон матт и ваймосек. Шобдава сайхть кудатне и эряви частонди молихть дворецу.

Мадсь женихсь, удось шобдавас, стясь и тусь. Моли и думандай: «Коста жа сон сявсыне кудатнень, кодавок аф шарьхкодян».

Пачкодсь дворецти, а тоса кемгафтува цёра — сембе фкат.

— Ну, вот, мон мярьгонь вдь, што кармайхть улема, а тон нинге мондейне ашеть веронда,— корхтай Ванюшка.

А сонць женихсь кенярдсь! Сувасть дворецти. Стирсь ванонды — женихсь сась куданек-мезнек. Тейнза аш мезе тиендемс, савсь согласиндамс. Тисть свадьба, кармасть симома-ярхцама.

Стирсь тиезе свадьбать колма шис. Кува якай стирсь, а сонць думандай: «Кие тейнза посабляй, содамс ба». Шоподсь, матфтозень цёратнень, а сонць тусь бабанди, штоба содамс, кие женихти лезды:

— Содака, бабай, кие лезды монь женихозти!

Бабась мярьги:

— Ого-го! Ня цёратнень ёткса ули фкя хитрай, сонь стака содамац. Содамс сонь эряви вага кода: мольхть, сон уды кержи бокса, сембода крайса. Молят, нарак сонь пря боконц, а шобдава няйсак, конац эздост.

Мольсь стирсь, цёратне сембе удыхть. Сон сявсь васомбеельхть и наразе Ванюшкань пря боконц. Веть сргозсь Ванюшка, варжазе — пря бокоц нараф.

— Эх, ведьма, сон ёрай монь содамс. Аш, аф содасамак.

Сон стясь, вешсь васомбеельхть, наразень сембонь пря бокснон. Сргозсть шобдава, кармасть шабатне молема шамань штама. Фкясь лиссь, стирсь ваны — пря бокоц нараф. «Ага, вага конац сон». Лиссь омбоцесь — сяньге пря бокоц нараф, лиссь колмоцесь — сяньге нараф.

«Тя мес тяфта? Мон нарайне фкять пря боконц, а тяса сембонь. Васькафтомань сон».

Омбоце веста стирсь тага тусь волшебница бабати.

— Бабай, сон тага монь васькафтомань. Мон нарайне сянь, конань мярьгондеть, а лиссть сембе нарафста.

— Да, дочкай, тя пяк ёню цёрась, кати васькафтови, што ли, тейнек. Тяни вага тейть булавка. Сон кармай удома види бокса, и тон сялк тя булавкать панар сивозонза фталу. Тяда меле тон содасак.

Сявозе стирсь булавкать и тусь. Сувась комнатас — цёратне удыхть. Мольсь, види бокса уды цёрать сивонц фталу сялгозе булавкать и тусь. Сргозсь Ванюшка и думандай: «Пади, тя ведьмась тага мезевок тиендсь». Кармась щупама перьф. Щупась-щупась — музе булавкать. «Ах, ведьма, сон ёрасамань содамс». Сон мольсь, вешендсь тяфтама жа булавкат и сембонь сивозост фталу пункснезень, а сонць мадсь оду. Варьхмодсь. Цёратне стяшендсть, кармасть тифтень-тифтень лисема штама. А стирсь учси, штоба тейнза содамс, кие жа нятнень ёткста сембода ёжусь.

Лиссь фкя цёрась — сиве фталонза булавка. «Ага, вага коса тя ёнюсь, тяни содаса». Лиссь омбоцесь — тожа булавка мархта, колмоцесь, нилецесь... сембе булавка мархтот. «Тага васькафтомань, кона жа сон?»

Етась ши, шоподсь. Стирсь тага тусь волшебница бабати.

— Бабай, сон монь тага васькафтомань. Мон сялгине булавкать, а шобдава сембонь сивоса тяфтама булавкат.

— Тяни вага мезе тихтяма: кда ни аф содави, то и аф содави. Илять путт тейст самовар, шрать лангс путт кефкие простой прибор, а кемгафтувоце приборть путк золотой. Ладяк кефкие простой стул, а кемгафтувоцеть кресла. Мзярда синь кармайхть симома чайда, то креслать лангс озай обязательна сон и кармай чайда симома золотой приборста. Вот стане минь сонь содасаськ.

Сась стирсь куду. Эстокиге путсть самовар. Путсть шрать лангс кефкие простой прибор, а кемгафтувоцесь золотой, кефкие простой стулхт, а кемгафтувоцесь кресла. Варжакстсь Ванюшка и эстокиге фатясь, кода ёрайхть сонь содамонза. «Аф ни, ведьма, тя тевце аф лиси, мон тейть аф содаван». Сонь мольсь цёратненди и корхтай:

— Нятнень, наверна, тяза мондейне путозь. Мон карман тя приборста симома, а омбоцесь молеза и мярьгоза: «Ворьготть тяста, тя мондейне аноклаф, аф тейть». Колмоцесь тожа, нилецесь тожа, и стане ётайхть сембе, а сяда меле сявость да тапасть приборнек и кресланек, кизефтеда простой стул и простой прибор.

Кармасть цёратне сувама тифтень-тифтень чайда симома.

Кодак сувась фкясь — лоц! озась креслать лангс и мярьги:

— Тянь мондейне тяза аноклазь.

Стирсь ванонды: «Ва конац сон, тяни содаса». Аньцек тяфта сон думандась, сувась омбоце цёрась, шаштсь и корхтай:

— Ворьхть тяста, тя монь вастозе! Тон ломань вастс озать,— сонць озась тя креслать лангс.

Сувась колмоцесь, сявок ювадсь:

— Стяк тяста: тя вастть мондейне, аф тейть аноклазь.

Стане ётасть сембе. Стирсь ванонды: «Кие жа ёткстост ёнюсь?»

Кеподсь ня цёратнень ёткса шум, споряма. Спорясть-спорясть да как эрьхтьсазь приборть мастору. Приборсь колавсь. Сявозь креслать — сяньге нолдазь шявонь-шявонь. Вешсть лия прибор и лия стул, стапт жа, кодапт лиятневок, и сембе озсесть чайда симома.

Ётасть колма шит свадьбань симомаса и ярхцамаса, и женихсь корхтай:

— Ну, тяни тонь задачатне топафтфт сембе. Тяни эрязста аноклак, и тутама минь государствазонк и тоса венцяндафттама.

Стирти аш месендемс, кармась аноклама, а Ванюшка невидимка вазьсонза ащи тоса жа. Стирсь вачкай сундукозонза венцяндама щапт, путозе венцяндамань шарфонц. Ванюшка сонь сявозе и керозе кафту, путозе фкя пенц зепозонза. Анокласть совсем, кильдсть тройкас карета, сявсть нинге подводат. Женихсь кизефнесы Ванюшкать:

— Ну, кода, тинь тязк иляттада или тутада козонга?

— Арда, арда, минь инксонк тяда пичеде.

Озасть женихсь и невестась и срхкасть. А Ванюшка сявозень ялганзон, лиссь ошень ульцяв, ацазе ковёронц, озафтозень сембе ялганзон и пешкодсь:

— Ну, ковёр, кепотть и лийхть стама-стама государствав.

Кеподсь ковёрсь и тусь лиема. Кувать или аф сон лиендсь, палгсь ошень ульцяв, а Ванюшка ялгатненди мярьги:

— Тяни эрь ломанць арда куду, а стама шиста пуромода тяфтама вастс.

Эряйхть ши, кафта. Ванюшка мольсь алянцты и тядянцты, кандсь тейст кяскав ярмак. Ётась кизошка. Ошть эса вдруг кармасть пайгса шавома. Синь ни стане шавихть, стане шавихть, не то шта. Сембе ошть наряжазь флагса, панчфса, ульцятнень ацазь ковёрса: сай оцязорть цёрац невестанц мархта. Синь васьфтезь кода эряви. Тисть свадьба, кармасть симомаярхцама. Илядсть тевсна аньцек венцяндамс, и стирсь мярьги женихонцты:

— Косот тонь кудатне, кода синьфтомост мон молян венцяндама?

Женихть тевонза тага озасть кев лангс. «Коста тяни сявсайне ня кудатнень? Синь илядсть тозк, а тоза молемс эряви пяле киза да тоста сама пяле киза. Кода мон ашень шарьхходе сявомост, коста тяни синь мусайть, чёрт содасы». Мольсь тейнза Ванюшка.

— Тон коста тяфта, кода стане тяза повоть?— кенярдезь кармась кизефнема женихсь.

— Да мон пяле кизошка ни тясан. А мес тон аф весяласта пряцень кирдят?

— Мезе тоса весяласта! Монь тевне тага аф пчкяйхть, невестась кодавок аф моли венцяндама: косот, кле, кудатне, коза синь кадыть? Кудафтома, мярьги, кода молян венцяндама?

— Ну, тянкса тят пичеде: кудатне сембе тясот, тячиёк мон синь мусайне.

Тусь Ванюшка. Ётась аф лама пинге, сон сась ялганзон мархта. Женихть тевонза тага ладявсть-петевсть. Кармась невестась щама-срхкама. Таргазе венцяндама шарфонц—фкя пец аш. Тердезе женихть и корхтай:

— А коса монь шарфозень пец? Минь мархтот марса монь комнатасон вачкаме-анокламе! Мзярда вачкаме щапнень эса, шарфсь целаель, а тяни пялец аш.

— Аф содаса, коса сон,— отвечай женихсь.

— Ну, значит, аф тонць заказненьге топафтыть. Эрь тяни мук шарфть омбоце пяльксонц. Кда мусак — молян венцяндама, аф мусак — тят думанда, аф молян тейть рьвакс.

Женихсь тага озась калошас: «Коста мон тяни муса? Кие сявозе, архт вешендьк».

Мольсь ёткозост Ванюшка, таргазе зепстонза шарфть омбоце пяльксонц и мярьги:

— На, вага сон коса.

— Мон мярьгонь вдь, доставандайть аф тон, а вага кие: мон тейнза молян авакс, а тейть аф молян,— корхтай стирсь-женихти.

— Аф, стирь, мон тонь лангозт аф рьвяян. Мон нинге одан. Катк сон рьвяяй, и венцяндак сонь мархтонза, а мон туян куване-куване нинге якан.

Рьвяясь оцязоронь цёрась. Симсть-ярхцасть Ванюшка да ялганза свадьбаса. Аделавсь свадьбась, и тусь Ванюшка ялганзон мархта, а оцязоронь цёрась илядсь аванц мархта.

СЫН БЕДНЯКА

Жили-были старик со старухой. Жили они, век прожили, а хорошего не видели. Ложились голодные, вставали — нечего было есть. Стоит полуразваленный их домик с одним окном, а в доме вместо стула пенёк поставлен. Стол качается во все стороны.

Был у них сын Ваня. Отдали его в школу учиться. Учился он так хорошо, что не только учащиеся-товарищи, но и учителя удивлялись способностям Вани.

— Далеко, дядя Сергей, твой сын пойдет. Очень понятливый ребёнок,— говорил учитель.

Учился Ваня три года, окончил школу. Надо было его дальше отдавать учиться, а у отца за душой нет и ломаного гроша. За ученье нужно деньги платить, да взять их негде. Остался Ваня в селе, стал с отцом ломать спину, работая у богатых людей.

— Знать уж, сынок, не нашему брату учиться. Наш брат работай и работай на богача, а их дети учатся.

Живут они потихоньку. Живут год, два и больше. Ваня всё работает с отцом. Много ли, мало ли времени прошло, пришёл к ним какой-то старик и говорит:

— Эй ты, старина, почему сына никуда не отдаёшь в ученье?

— Куда, брат, отдам и на что? Разве при нашей бедности можно думать об учёбе в городе? Там не нашему брату учиться, знать, уже не нам думать об этом.

— Давай мне сынка, я его научу, чему он захочет. Учиться ему только три года. Уговоримся так: платы я не возьму, одежда и еда моя. А как пройдет три года, ты придёшь за ним. Если узнаешь его, то возьмёшь, я отпущу, а если не узнаешь, то он останется у меня, и ты его больше не получишь.

— Ну, как, сынок, пойдёшь учиться?— спрашивает отец Ваню

— Пойду, почему не пойти.

Написали договор, взял Ванин отец договор, положил в карман, а старик взял Ваню за руку и увёл. Когда ушел старик,

муж с женою хватились, кто же был этот старик, где он живёт, куда итти за сыном? Иди ищи!

— Ты, старый дурак, сунул ребенка!— кричит жена.

— Как так я, а ты где была? Знать, у тебя уши воском были залиты, во рту язык, что ли, отсох?

Поругались, поплакали старик со старухой, и ладно. Слезами делу не поможешь. Прошёл год, прошёл другой, и третий.

— Теперь надо за сыном идти, а где его найдёшь?

— Ступай, старый дурак, где хочешь, а найди ребенка. Ты отдал, ты и найди. Ступай! Без сына домой не приходи!

Покрутился, повертелся старик и ушёл. Куда идёт — сам не знает. Шел, шел, дошел до леса. Идет лесом, видит: летит около него стая воробьев. Идет старик, а стая воробьев немного пролетит — опять опустится, полетит — опять спустится. «Что за черт? — думает старик.— Дай остановлюсь, погляжу: улетят или нет». Остановился старик, а воробьи потихоньку полетели вперед. Собрался и старик, все идет и идет. Подлетел к нему воробей. Упал на землю и превратился в сына.

— Здорово, отец! Ты за мной, знать, идешь?

— Здравствуй, сынок! А за кем же? Конечно, за тобой, ведь прошел уже срок твоего ученья.

— За мной идешь, отец, а ведь ты меня не узнаешь. Ты как придешь, попарит нас хозяин в бане и превратит всех в грачей. Нас тридцать три, я буду в середине, с какой стороны не считай, я буду семнадцатый, и ты покажи на семнадцатого, это буду я. Это не всё. Хозяин заставит узнавать меня три раза. Второй раз всех нас он превратит в орлов. Мы все будем одинаковые, все как один. Смотри не забудь. Я буду с правой стороны третьим. Третий раз всех нас он превратит в собак, тоже все будем одинаковые. Ты гляди, я буду слева самый крайний. Вот так ты меня узнаешь. А туда иди прямо вот этой дорогой. Выйдешь на поляну, на ней наш дом.

Сам обернулся воробьем, поднялся и полетел. Догнал воробьиную стаю и полетел с ними. Старик все идет по дороге. Шёл, шёл, видит — поляна. Вышел он из леса на поляну, смотрит — дом, двор. Вошел во двор, увидел его хозяин-старик.

— А, за сыном, знать, пришел? Хорошо, срок вышел. Иди, отдохни до утра, а утром, если ты три раза узнаешь сына, то возьмешь его, если не узнаешь,— не возьмёшь.

Вечером дали старику поужинать и уложили спать. Встал он утром, пришёл к нему старик-хозяин и говорит:

— Ну, теперь идём, будешь сына узнавать.

Привел хозяин старика в комнату, в ней на жёрдочке сидят тридцать три грача.

— Ну, старина, давай узнавай, который здесь твой сын.

Старик ходит около грачей, ходит. Семь-восемь раз пересчитал этих грачей, смотрит, на какого грача ему показать.

— Ну, старина, узнаешь ли своего сына?

— Да, узнаю.

— Ну, давай покажи, который.

— Вот этот, по-моему, мой сын.

— Да, старина, один раз ты узнал. За год рассчитался. Ещё осталось узнать его дважды. Второй раз твоего сына покажу после обеда. А теперь иди отдохни, пообедай.

Старик ушел, пообедал, отдохнул. Пришёл за ним старик-хозяин.

— Ну, идем, старина, покажи, который твой сын.

Привел его в другую комнату, а на жердочке в комнате сидят тридцать три орла, все одинакового оперенья.

— Ну, старина, который среди них твой сын?

Старик всё ходит, всё ходит, а хозяин говорит:

— Ну, найди, который твой сын.

— По-моему, сын мой этот,— и сам показал на третьего справа.

— Да, старина, это твой сын, рассчитался ты и за второй год.

— А теперь ступай, где-нибудь походи до вечера, если ещё раз узнаешь, то сын будет твоим.

Ушел старик, провел время до вечера. А как наступил вечер, позвал его старик-хозяин.

— Ну, старина, третий раз идем узнавать сына. Если уж теперь узнаешь, то твоим будет.

Привел хозяин старика в комнату, а в комнате тридцать три собаки, и все они одинаковые.

— Ну, старина, теперь смотри, который из них твой сын.

Мужик ходит всё, ходит, глядит на собак, вовсе не торопится, а сам давно уж приметил, на которую ему надо показать.

— Ну, старина, узнал?

— По-моему, вот этот должен быть,— старик показал на ту собаку, на которую надо было показать.

— И третий раз узнал, старина, теперь рассчитался со мной за все три года.

— А теперь выйди отсюда,— сказал хозяин парню.

Собака споткнулась и превратилась в парня.

Переночевали они до утра, а утром хозяин проводил отца с сыном домой. Пришли они домой и стали жить. Живут они день, живут больше, не знаю долго, не долго ли они жили, услыхал Ванюшка, что в одном государстве есть царская дочь, волшебница.

Кто ни пойдет сватать эту девушку, она каждому задает три задачи: если жених не решит их, она сейчас же отрубит ему голову и воткнет её на кол. Не одному жениху отрубила голову царская дочь, не одна мать с отцом слезы пролили. Захотел на этой девушке жениться царский сын и пошел. Услышал об этом деле Ванюша и думает: «Пропала твоя голова, сердечный. Не такие сватались, а тебе куда уж!»

Вышел Ванюшка на улицу и стал по селу ходить, собирает себе одногодок-товарищей, все они одинаковые: одного роста, лицом одинаковые и волосы одинаковые. Собралось их одиннадцать, а сам Ванюшка двенадцатый, и говорит он:

— Идемте со мной, я вас чему-нибудь научу. Поить и кормить буду я, а вы только слушайте меня.

— Ладно,— говорят товарищи.

Ванюшка взял с собой на сутки еды, ружье и они ушли. Идут и идут. Шли, шли, стемнело. Дошли до большого леса. Вошли в него. Поужинали и стали ложиться спать.

— Мы здесь в незнакомом месте,— говорит им Ванюшка.— Кто будет ночью караулить? Надо кому-нибудь наблюдать.

— Нет уж, мы ночью караулить не будем, ты взял нас, ты и карауль, а мы поспим.

— Ну, ладно, я буду караулить,— ответил Ванюшка.

Товарищи все легли и храпят, а Ванюшка все ходит кругом. Ходил он, ходил, слышит: в лесу поднялся какой-то шум. «Что это за шум, дай подойду поближе, не увижу ли там что-нибудь?» Пошел Ванюшка, подходит все ближе, все ближе и видит: вырвутся сразу с корнем два дерева, стукнутся, вырвутся и опять стукнутся.

— Кто здесь и что вы делаете? Чьи вы, или вы чертенята?— спрашивает Ванюшка, а самому никого не видать.

— Мы чертенята.

— А из-за чего вы здесь так деретесь?

— Почему деремся? Вот дедушка умер, оставил нам вещи, эти вещи мы никак не можем разделить и деремся здесь уже двадцать пятый год.

— Эх, дураки, дураки! А какие у вас вещи? Дайте я разделю их между вами!

— Это хорошо было бы, если разделишь.

— А что у вас за вещи?

— Вещи у нас вот какие: кошелек с деньгами, шапка-невидимка и ковер-самолет.

— Ну вот, я сейчас разделю их. Кто раньше принесет мне пулю, того и вещи будут, а если никто не принесет, то вещи мои будут. Ну, как, согласны?

— Согласимся, что ли?— спросил один чертенок другого.

— Конечно, надо согласиться,— говорит другой.

— Ну, дели вещи, мы согласны.

Зарядил Ванюшка ружье, положил в него медную пуговицу и выстрелил. Пока летела пуговица, чертенята уже там. Этот подойдет — не ухватит, тот подойдет — не ухватит. Они и так и сяк, а пуговицу никто взять не может.

— Ну, давай ты, ты ведь раньше согласился.

— А ты не соглашался, что ли? Раз согласился, так возьми.

— Мне не взять, я отказываюсь от вещей.

— А мне, думаешь, взять? Я тоже отказываюсь.

— Ну вот, теперь разделились наши вещи, теперь больше не будем драться.

— Ну, брат, возьми вещи, они твои теперь.

Взял Ваня у чертенят вещи и ушел. Пришел, товарищи все ещё спят. Утром встали, поели на дорогу, после еды немного отдохнули и говорит Ваня товарищам:

— Ну, теперь мы далеко пойдем. Расстелил Ваня свой ковер, сел на него и говорит товарищам:

— Садитесь кругом, держитесь друг за друга, чтобы не упасть.

— Куда это упадем,— смеются товарищи,— на землю, что ли, упадем?

— Ну, ковер, лети в такое-то государство.

Поднялся этот ковер и полетел. Летели, летели они, видят: город столичный, товарищи и говорят:

— Вот где жизнь, здесь уж мы погуляем.

Спустились они на окраине города, вошли в него, на окраине города нашли вдову-старушку и попросились к ней на квартиру.

— Эх, дети, пустила бы я вас на квартиру, да за водой-то некому идти и дров принести некому.

— О, бабушка, нас двенадцать, каждый по ведру принесет—будет двенадцать ведер.

— Ну, ладно, сыновья, входите.

Вошли они в дом и живут. Прошел месяц, второй. Стали в городе в колокола бить.

— Бабушка, почему так в колокола звонят?— спрашивает Ванюшка.

— Нашу царскую дочь пришел сватать царевич из другого государства, вот его встречают.

Ванюшка надел шапку-невидимку и пошел в город: смотреть, что будут делать во дворце.

Дошел он до дворца, как раз и царский сын пришел. Царского сына сама девушка встречала, не то что. Накормили, угостили жениха, встали из-за стола. Отвела его девушка в другую комнату и говорит:

— Ты вот пришел меня сватать. Я выйду за тебя замуж тогда, когда ты выполнишь три дела, какие я тебе дам. А если не сделаешь, отрубим тебе голову.

— Ладно, все равно уж, я согласен. Или мне твоих дел не выполнить?

— Ну, давай напишем договор.

Написали они договор, подписали его, осталось выполнить три условия. Сам царский сын встал на квартиру в гостинице. Настал вечер. Пошел парень во дворец первую задачу получать.

— Какое будет твое первое задание?

— Первое мое задание вот какое: до утра сделай венчальный наряд из такого же товара, из какого сделаю я, но только чтобы вещи были не шитые, не вязаные, а как литые. Приготовить надо мне платье, тебе пиджак, брюки. А завтра в девять часов принесешь. Теперь ступай и начинай готовить.

Ушел парень и думает: «Ну, пропала моя голова. Откуда я знаю, какой размер она сделает. Ну, пропал, не надо было связываться». Ушел парень в номер и заплакал: если не приготовит к утру, то голову отрубят.

А Ванюшка не отставал от жениха. Очень уж он заинтересовался этим делом.

Девушка позвала своего палача и говорит ему:

— Ты острее наточи свой топор, завтра будет тебе работа. Воткнешь на кол голову этого жениха и хватит, ни один жених не придет больше.

Пошел Ванюшка к жениху на квартиру, видит — жених навзрыд рыдает.

— Ты почему так плачешь, что за горе у тебя?

Видит царский сын — вошел в номер без разрешения неизвестный человек.

— Зачем тебе знать, почему я плачу, ты ведь все равно мне ничем не поможешь.

— Это тебе неизвестно: помогу я или нет. Ты расскажи только.

— Вот почему я плачу: пришел свататься, сделали мы договор. Если я решу три задачи этой девушки, то она будет моей женой, а если не решу, то моя голова полетит с плеч.

— Дала она тебе какую-нибудь задачу? — спрашивает Ванюшка.

— Ну да, дала. Мне девушка велела, чтобы я приготовил к утру одежду, чтобы одежда была сшита также, как приготовит сама девушка, и размера такого же. Ну, откуда же я знаю, из какой материи она велит шить?

— О, это ерунда, это мы сделаем. Не знаю, какие будут следующие. Ты ложись и спи спокойно до утра, ни о чем не думай.

Повернулся Ванюшка и ушел. Пришел он во дворец, сел в комнате девушки на порог и ждет. Вышла девушка из комнаты и пошла на улицу. Ванюшка встал и пошел за ней. Она вышла на крыльцо, позвала невидимую тройку. Прискакала тройка, а девушка спрашивает:

— Кучер, где черенок твоего кнута?

Кучер показал черенок кнута, девушка тотчас села, а Ванюшка прицепился к повозке и айда с ними.

— Поезжай, кучер, вот в такой-то магазин.

Прискакала тройка, остановилась около магазина, вошла в него девушка и покупает товар. Попросила она один кусок сукна, глядит, сукно хорошее. Велела сукна отрезать столько, сколько ей надо было. Положила кусок на прилавок, а сама

стала рассчитываться. Пока девушка рассчитывалась с приказчиком, Ванюшка подошел в шапке-невидимке и — цап это сукно. Встал в сторону и стоит. Заплатила девушка деньги, только уходить, а материи нет.

— Где материал? Ты отрезал мне материю?

— А как же, ты взяла её и положила на прилавок около себя.

— Как положила? А куда же она делась, ведь здесь, кроме нас, никого нет, здесь мы только вдвоем. Может, уж черт какой-нибудь взял, куда же иначе деваться? Ну ладно, отрежь новую материю, не будем спорить из-за этого.

Отрезал приказчик такого же сукна сколько надо, завернул его и отдал девушке. Девушка вышла из магазина. Вслед за ней вышел и Ванюшка. Девушка села в карету и говорит:

— Вот в такую-то, такую-то мастерскую поезжай.

Кучер гонит тройку, а Ванюшка, прицепившись к карете, скачет с ними. Доехали они до мастерской, тройка остановилась, девушка слезла и пошла в мастерскую. Ванюшка тоже вошел за девушкой и встал в сторону. Пришел хозяин и говорит:

— Что хочешь заказывать, царевна?

— Вот из этого материала сшейте венчальную одежду: мужской костюм и платье, чтобы были и не сшиты и не связаны, а как из одной материи.

— Это можно, это мы можем сделать.

Сейчас же хозяин материю отдал мастерам, они ее стали кроить, а девушка говорит:

— Утром отдадите.

— Ладно, все так и будет.

А мастера уже всё сшили, выгладили и повесили. Вошел хозяин и спрашивает:

— Ну, как заказ?

— Заказ уже готов,

— Ну, идемте чай пить.

Мастера ушли чай пить, а Ванюшка завернул костюм с платьем, положил под мышку, а материю бросил под стол. Сам опять встал в сторону. Напившись чаю, вошел хозяин с мастерами.

— Ну, где заказ? Давайте посмотрим.

Мастера туда-сюда, заказа нет.

— Что это за оказия! Куда делся? Ведь сюда вешали!

Смотрели, смотрели, а заказа нигде нет. Они и туда, и сюда, а заказа нигде нет. Стали искать под столом и под лавками. Нашли материю.

— Ну, прямо никак не понимаем: ведь мы заказ сделали, а материя лежит нерезаная.

— Вы, деревянные головы, только подумали заказ сделать, а сами еще не начинали. Давайте делайте быстрее.

Мастера сейчас же начали: кто режет, кто шьет, кто гладит. Сшили заказ, сшили еще лучше. Подошел хозяин, глядит на заказ.

— Хорошо сшили, хорошо, это уж понравится ей.

Хозяин завернул заказ и положил его в шкаф, а сам ушел отдыхать. Подошел Ванюшка, взял под мышку заказ, а прежний положил на это место. Пришел в гостиницу, а парень сидит и глаз не смыкает. Как вошел Ванюшка, жених стал спрашивать.

— Ну, как дела, добыл что-нибудь?

— Все готово. Но только как пойдешь завтра, раньше нее не смей вытаскивать, а то ты достанешь раньше, а она вынет какое-нибудь рванье и обманет тебя.

— Ладно, ладно, я так и сделаю, как ты говоришь.

— Еще смотри, не проговорись, скажи, что сам достал, а не другой кто-нибудь.

Рассвело. Настало время идти во дворец. Ванюшка ушел от царского сына. «Как же так, куда ушел этот парень, а я и денег ему не успел дать. Где я теперь его найду? Что поделаешь, и мне надо быстрее идти».

Собрался жених, взял под мышку заказ, сел в карету — и айда. Вошел он во дворец, а девушка уже ждет его. Палач тоже недалеко. Он остро наточил топор, ждет, когда позовут. Ведь последнюю голову он должен отрубить, а потом и кончится срок его службы.

— Ну, принес заказ?— спрашивает жениха девушка.

— Да, принес.

А за столом уже ждет целая комиссия.

— Ну, покажи, что принес.

— Нет, я не покажу. Сначала ты вынь, а потом я.

— Да, да, это верно. Раньше ты покажи,— говорит комиссия девушке.

Нечего делать, пришлось ей первой достать. Достала девушка, комиссия глядит.

— Да, хорошо! Хорошо сшиты. Вот так сшиты!

Достал заказ жених, глядит комиссия.

— Да, вот это да, вот это сшиты!

— Ну, ладно, первый наказ сделан. Сам ли сделал?

— Ну-да сам, а кто же сделает?— отвечает жених.

— Вторая задача вот какая: к утру сделай сапоги и ботинки из такого же товара, из какого закажу я. Чтобы были такие же, как вылитые, а завтра в эту пору принесешь.

— Ладно, и это дело можно сделать,— отвечает жених.

Пришел он в номер и думает: «Как теперь я узнаю, из какого товара она будет заказывать? Черт знает, и паренек ушел. Хоть бы он был, а я ему ничего дать не успел. Значит, уж моей голове быть на колу», и начал рыдать. Прошло немного времени и вошел парень.

— Почему это ты так плачешь?— спрашивает он жениха.

— Как, брат, не плакать, если утром голова моя будет на колу. Невеста вот какое задание дала теперь: сделай,— говорит,— сапоги и ботинки из такого же товара, из какого сделаю я, и чтобы были не сшиты, а как вылитые.

— Ну, это ерунда, это мы сделаем, это ничего. Ты ложись и ни о чем не думай, а к утру они будут готовы.

Парень ушел. Пришел он во дворец, встал около комнаты царской дочери и караулит, как выйдет девушка из комнаты. Долго, не долго ли ждал, слышит: подходят к двери. Открылась дверь, вышла оттуда девушка, а парень за ней. Вышла девушка на крыльцо и крикнула:

— Кучер, подавай тройку!

— Тройка готова,— отвечает кучер.

Показал он черенок кнута, и девушка села, а Ванюшка прицепился сзади кареты.

— Скачи, кучер, в такую-то, такую-то мастерскую.

Тройка поскакала, как ветер. Прискакала к мастерской и остановилась. Вышла девушка из кареты и пошла в мастерскую. Ванюшка спрыгнул — и тоже за ней. Вошли они в мастерскую, девушка и говорит мастерам:

— Сделайте мне сафьяновые сапоги и такие же ботинки, да чтобы не сшитые были, а как вылитые.

А Ванюшка в шапке-невидимке стоит в стороне.

— Ладно, этот заказ нам ничего не стоит сделать.

Девушка ушла, а Ванюшка остался. Мастера сейчас же — раз, раз — и сделали сапоги и ботинки. Кончили они работу и ушли чай пить. Подошел Ванюшка, взял сапоги и ботинки, завернул и положил под мышку, а сам встал в сторонку. Мастера напились чаю, вошли в мастерскую.

— А где же сапоги и ботинки? Почему их нет? Вот сюда ведь положили. Куда они делись?

И давай искать. Искали, искали, и под лавками, и где только не искали, а сапог с ботинками нигде нет.

— Это прямо черт взял, так некуда им деваться.

— Ну, ладно, мы новые сделаем, еще лучше.

Сели и сейчас же сделали сапоги и ботинки еще лучше. Кончили мастера работу и ушли есть, а хозяин завернул сапоги и ботинки, положил их в шкаф и тоже ушел есть. Пришел Ванюшка, взял из шкафа ботинки и сапоги. Те, что раньше сделаны, завернул и положил в шкаф, а сам ушел.

Пошел он к жениху, а жених и глаз не закрывал, ждет Ванюшку.

— Ну, как дела, достал?

— Готовы, но только раньше не вынимай, пусть сначала достанет девушка, а потом ты. А если спросит, скажи, что сам достал.

— Ладно, ладно, это я сделаю.

Ванюшка повернулся и ушел. Жених опять не успел ничего дать ему: «Опять ведь ушел, опять я ничего не успел ему дать. Ну, ладно, наверно, еще увижу и дам тогда». Спал он до утра, а утром встал, взял свой узел и айда во дворец. Во дворце комиссия уже дожидается.

— Ну, принес заказ?— спрашивает девушка.

— Принес,— отвечает жених.

— Ну, давай покажи.

— Нет, сначала ты покажи, а потом я.

— Да, да, это правильно,—отвечает комиссия.—Сначала ты покажи, а потом уже он покажет,— говорят царевне.

Достала девушка сапоги и ботинки. Осматривают их:

— Да, хорошие, хорошие, нигде и не сшиты.

— А вот у меня сделано, так сделано,— говорит жених.

— Ну, давай, давай. Посмотрим.

Достал жених сапоги и ботинки, все глядят:

— Да, вот это сделано, так сделано: и размер одинаковый, и форма одна.

— А ты сам их достал?— спрашивает девушка.

— А кто же, конечно, сам, кто больше добудет.

— Ну, ладно, две задачи выполнил, осталось третью сделать, последнюю. Сделаешь третью задачу, после уж я твоей буду.

— А какая это задача?

— Эта задача вот какая. К утру достанешь такие же два венчальных колечка, какие достану я.

— О, это уж не трудно, это уж я сделаю.

Ушел жених в номер с песней. Пришел он такой веселый, смеется. Вошел Ванюшка, глядит — жених очень веселый.

— Ты почему очень веселый? То плакал, а теперь смеешься?

— Почему не смеяться? Дала теперь такую задачу, сделать которую вовсе не трудно.

— А что это за задача?

— Эта задача вот какая: велела к утру девушка достать два венчальных колечка. Я куплю столько, сколько есть в городе колечек, какие-нибудь да подойдут.

— Очень рано ты радуешься. Эта задача, если хочешь знать, самая трудная. Ну, как-нибудь сделаем, ты оставайся здесь, а я пойду.

Жених остался в номере, а Ванюшка ушел. Пришел он во дворец, встал в шапке-невидимке около комнаты девушки и ждет. Слышит: девушка собирается. Вышла она из комнаты, пошла на крыльцо и крикнула кучера. Кучер с тройкой как будто здесь и был.

А Ванюшка все около девушки. Она села в карету, а Ванюшка сзади. Девушка наказывает кучеру:

— Ты гони тройку на такое-то и такое-то поле, там есть озеро, быстрее к нему.

— Сейчас будем там!

Пошла тройка, как полетела. Прискакали к берегу озера, вышла девушка из кареты. Расстелила она платок и начала шептать. Шептала, шептала, вышел из озера старый черт и говорит:

— Зачем, дочка, ты вызвала меня, зачем я тебе понадобился?

— Вот, дедушка, пришел ко мне жених. Две задачи он уже выполнил. Теперь я дала ему третью задачу: к утру приготовить два венчальных колечка из такого же материала, из какого приготовим мы. И вот, дедушка, для этих колечек ты дай мне из бороды три волоска.

— Дай тебе три волоска, а ты полбороды вырвешь.

— Нет, нет, дедушка. Ты ведь знаешь, как я отрублю ему голову, так и твоя буду.

— Ну, ну, только смотри, выдерни лишь три волоска.

— Только три, дедушка, только три выдерну.

Выставил старый черт бороду, девушка стала выбирать три волоска, а Ванюшка целый клок обмотал вокруг пальца, как дернет — весь клок выдернул с мясом. Как запищит старый черт и нырнул в озеро. Девушка ни один волосок и вытащить не успела. Она опять стала черта вызывать. Звала, звала его, насилу вышел этот черт.

— Дедушка, почему ты убежал? Ведь я ни одного волоска еще не выдернула.

— Как не выдернула, полбороды вытащила.

— Да нет, дедушка, я ни одного волоска еще не выдернула.

— А кто же полбороды вырвал, ведь, кроме тебя, здесь никого нет?

— Ну да, дедушка, никого нет, а я не выдернула.

— Ну, ладно, возьми тогда, но только три волоска.

Выдернула девушка три волоса, села в карету и поехала. Прискакали к мастерской, девушка вошла в нее, и Ванюшка за девушкой. Как пришла она в мастерскую, мастера спрашивают:

— Что, царевна, заказать хочешь?

— Вот из этого материала сделайте к завтрашнему дню два венчальных колечка.

— Ладно, тот заказ мы выполним, это нетрудно.

Девушка повернулась и уехала домой. Ванюшка остался.

Мастера — раз-раз — сделали хорошие колечки, положили их на подоконник, и сами ушли есть. Как только они ушли, подошел Ванюшка, взял эти колечки, а полбороды положил под стол и встал в сторонке. Поели мастера, вошли опять в мастерскую, глядят — колечек нет.

— Где же колечки? Ведь мы положили их на подоконник, а теперь их нет.

Начали искать. Искали, искали, а колечек все нет. Один мастер нашел полбороды.

— Глядите-ка, здесь целый клок таких волос.

— Ну и искать нечего, мы еще лучше сделаем колечки.

Сели мастера и моментально сделали колечки еще лучше. Хозяин эти колечки положил в коробку, а коробку в шкаф, и все ушли спать. Подошел Ванюшка, открыл шкаф, взял коробку, вынул оттуда колечки, а раньше сделанные положил туда и ушел.

Пришел он к жениху в номер, а жених дожидается его, как на углях.

— Ну, как дела?—спрашивает он Ванюшку.

— Дела неплохи, на вот, только не показывай их первый.

— Ладно, теперь уж я знаю.

И ушел. Пришел во дворец, а там его уж дожидается комиссия.

— Ну, ты принес колечки?— спрашивает его девушка.

— Да, принес.

— Покажи, какие твои колечки.

— Сначала ты покажи, а я уж потом покажу.

— Это верно, сначала ты покажи, потом он покажет,— говорит комиссия.

Достала девушка колечки, все глядят на них.

— Хорошие колечки, и говорить нечего.

— Что это за хорошие, хорошие колечки вот где, уж эти хороши, так хороши,— говорит жених. А сам достал колечки. Все смотрят на них, а они как раз из такого же материала. Глядит девушка:

— Кто достал тебе эти колечки?— спрашивает она.

— Сам достал. Кто же еще достать мне может?

— Нет, не сам, я не верю тебе.

— Это дело твое, веришь ты или не веришь, а твои задачи я все три выполнил. Договор я выполнил.

— По-твоему, все? Нет, так не будет. Ты к завтрашнему дню пришли двенадцать сватов из своего государства. А если не будет этих сватов, то я не пойду за тебя замуж. А теперь ступай и ищи сватов, а утром с ними, пожалуйста, приходи.

Ушел жених, повесил голову и думает: «Вот это дело мне никак не сделать. Откуда я теперь возьму людей из своего государства? Только туда надо три месяца идти. Что теперь делать? Откуда их взять?» Вошел в номер жених с опущенной головой. Вошел он, а Ванюшка уже в номере.

— Почему ты опять такой, как осенний день?

— Она, брат, поставила передо мной такую задачу, что мне ее раньше года не сделать. А сделать надо обязательно к утру. Она мне сказала: «Приходи завтра и приведи двенадцать сватов, чтобы они были людьми твоего государства, а если не приведешь, то лучше не приходи, я за тебя не пойду». Теперь вот, что хочешь, то и делай.

— Ну и задача! Плюнем мы на эту задачу. Это легко сделать. Что бы они ни думали, все равно ее возьмем. Сваты будут, и все, а ты отдыхай, спи до утра, а утром в нужный час они придут во дворец.

Лег жених, спал до утра, встал и пошел. Сам идет и думает: «Откуда же он возьмет сватов, прямо никак не понимаю?». Дошел он до дворца, а там двенадцать парней, все как один.

— Ну, вот, говорил я, что будут, а ты опять мне не верил,— говорит Ванюшка.

— Ну, идемте.

А сам жених не знаю как обрадовался. Вошли они во дворец. Видит девушка: жених уж пришел со сватами. Нечего делать девушке, пришлось согласиться. На третий день девушка назначила свадьбу. Ходит она и думает: «Узнать бы, кто ему помогает». Стемнело. Уложила она всех парней, а сама пошла ворожить к старухе-волшебнице, чтобы узнать помощника.

— Давай, бабушка, ворожи, кто жениху помогает!

Поворожила старуха и говорит:

— Ого-го, среди этих ребят есть один хитрый, не знаю, сумеешь ли ты его перехитрить. А узнать его вот как. Ступай, он спит сбоку, самый крайний слева, возьми да остриги полголовы, а утром, как встанут, ты его и узнаешь.

Ушла девушка, а ребята все еще спят. Взяла она ножницы и остригла Ванюшке полголовы. Проснулся Ванюшка ночью, щупает голову — острижена.

— Ах, ведьма, она хочет меня узнать. Нет, не узнаешь.

Он встал, нашел ножницы и остриг всем полголовы. Утром все встали, пошли по одному мыться.

Вышел один, девушка видит, что одна сторона его головы острижена, думает: «Ага, вот который, теперь я знаю». Вышел второй, у него тоже сбоку голова острижена, вышел третий — тоже остриженный. «Почему это так? Я одного стригла, а здесь у всех головы острижены. Он меня перехитрил».

В следующую ночь она опять пошла к старухе-волшебнице.

— Бабушка, он ведь меня перехитрил, я остригла того, которого ты велела, а оказались все острижены.

— Да, дочка, он очень хитрый, и не знаю, обманем ли мы его как-нибудь. Теперь вот возьми булавку. Он будет спать справа, ты приколи булавку к вороту у рубашки сзади, и так ты его узнаешь.

Взяла девушка булавку и ушла. Вошла в комнату парней, а они все спят. Подошла к спящему справа, к вороту сзади приколола булавку и ушла. Проснулся Ванюшка и думает: «Чай, эта ведьма опять надо мной что-нибудь сделала». Стал ощупывать себя, нашел булавку. «А, ведьма, ты вот как хочешь меня узнать». Нашел такие же булавки и приколол всем сзади на воротники.

Рассветало, встали ребята и стали выходить по одному мыться, а девушка уже ждет, как бы узнать, который из них такой хитрый.

Вышел один, она видит: сзади на рубашке булавка. «Ага, вот где этот хитрый, теперь уж я знаю». Вышел второй — тоже с булавкой, третий тоже, все с булавками. «Да, опять этот парень перехитрил меня. Как же узнать?»

Прошел день. Стемнело. Девушка опять ушла к старухе.

— Ну, бабушка, опять он меня перехитрил. Приколола я булавку. Утром гляжу: у всех на воротниках такие же булавки.

— Если уж и теперь не узнаешь, то не узнаешь его совсем. Теперь ты вот так сделай: поставь им вечером самовар, на стол поставь одиннадцать простых приборов, а двенадцатый прибор золотой. Поставь одиннадцать простых стульев, а двенадцатое кресло. Как станут они пить чай, то в кресло обязательно он сядет и станет пить из золотого прибора. Вот так мы узнаем, кто этот помощник.

Пришла девушка домой. Тут же на стол поставила самовар, одиннадцать простых чайных приборов, а двенадцатый золотой, одиннадцать простых стульев, а двенадцатое кресло. Ванюшка сразу догадался, как хотят узнать его. «Нет уж, ведьма, все равно у тебя дело не выйдет, все равно ты меня не узнаешь». Пошел он к ребятам и говорит:

— Это, наверно, мне приготовили, я буду из этого прибора пить, а второй пусть подойдет и скажет: «Уходи отсюда, это мне приготовили, не тебе». Третий тоже, четвертый тоже, и так чтобы прошли все, а после возьмите и разбейте и прибор и кресло и попросите простой стул и простой прибор.

Стали ребята по одному входить чай пить. Как вошел первый, сел в кресло и говорит:

— Это мне такое поставили.

А девушка смотрит: «Ага, вот который, теперь уж знаю». Только она так подумала, вошел второй парень, подошел он к первому и говорит:

— Уходи отсюда, это мое место. Ты на чужое место сел.— Сам сел в кресло. Вошел третий, подошел и говорит:

— Встань отсюда, это мне приготовили, не тебе,— а сам сел в кресло. И так сделали все.

Девушка глядит: «Который же самый хитрый?» Подняли эти ребята такой шум! Спорили, спорили — грохнули прибор на пол. Разбили его вдребезги. Взяли кресло, разломали все в щепки, попросили другой прибор и другой стул, такой же стул, такой же прибор, как у остальных, и сели пить чай.

Прошли три свадебных дня, жених и говорит:

— Ну, теперь все дни вышли. Сейчас же давай собирайся, поедем в наше государство и там повенчаемся.

Нечего делать девушке, стала она собираться, а Ванюшка в шапке-невидимке. Девушка кладет в сундуки венчальную

одежду, положила венчальный шарф, а Ванюшка взял его и разрезал пополам, одну половину положил в карман. Собрались совсем, запрягли тройку в карету, сзади была еще пара подвод. Жених говорит Ванюшке:

— Ну, как, вы здесь останетесь или куда-нибудь уедете?

— Поезжайте, поезжайте, о нас не беспокойтесь.

Сел жених со своей невестой и тронулся. Ванюшка собрал товарищей, вышел за город, расстелил ковер, посадил всех и говорит:

— Ну, ковер, давай поднимайся и лети вот в такое-то, такое-то государство.

Поднялся ковер и полетел. Долго, не долго ли они летели, спустился ковер на улицу города, а Ванюшка говорит товарищам.

— Идите каждый по своим домам, а в такой-то день соберетесь вон в таком-то месте.

Живут день, живут два. Ванюшка пришел к родителям, принес им мешок денег. Времени прошло без малого год. Вдруг в городе в колокола стали звонить. Так звонят, так звонят — во всю. Весь город украсили флагами, цветами. Все улицы застелили коврами: едет царский сын с невестой. Приехали. Встретили их как полагается. Справили свадьбу, стали пить, есть. Осталось только повенчаться. А девушка говорит жениху:

— Где сваты, как без сватов я пойду венчаться?

Дело жениха опять село на камень. «Откуда я теперь возьму этих сватов, они ведь там остались, а туда ехать надо целых полгода, и обратно столько же. Как я не догадался взять их?» Пришел к нему Ванюшка.

— Ты откуда, как же попал сюда? — с радостью спрашивает жених.

— О, я уж полгода как здесь. А почему ты невеселый?

— Чему веселиться, опять дело разладилось, никак невеста не едет венчаться, давай, говорит, сватов, где оставил. Как я пойду без сватов венчаться?

— Ну, ты об этом деле не беспокойся: сваты все здесь, сейчас их разыщу.

Ушел Ванюшка, а немного погодя пришел со сватами. Дело жениха опять пошло на лад. Стала невеста одеваться. Достала венчальный шарф, глядит: половины нет. Позвала жениха и говорит:

— Где половина моего шарфа? Мы ведь собирались вдвоем в моей комнате! Когда клала сюда одежду, то шарф был целый, а теперь половины нет.

— Я не знаю где,— отвечает жених.

— Ну, значит, не сам и заказы выполнял. Найди, где вторая половина, пойду венчаться, а если не найдешь, так не пойду за тебя.

Опять жених сел в калошу.

— Откуда же я найду, кто взял?

— Ищи ступай.

Подошел Ванюшка к ним, вынул из кармана вторую половину шарфа и говорит:

— На, вот где.

Невеста говорит:

— Я ведь говорила, доставал не ты, а вот кто: я выйду за него замуж, а за тебя не пойду.

— Нет, девушка, я на тебе не женюсь, я еще молодой. Пусть он женится, венчайся с ним. Я пойду кое-где еще постранствую.

Повенчался царский сын. Ели-пили Ванюшка и его товарищи на свадьбе. Прошла свадьба, и ушел Ванюшка с товарищами, а царевич остался с женой.

МАШТЫКС

Эрясь-ащесь фкя вастса охотник. Вот охотниксь тусь охотас. Якась-якась, мусь вирь кучкаса кудня, сувась кудняти, а тоса кивок аш. Охотниксь кяшсь и учси, мезе кармай улема.

Етась аф лама пинге, сувасть тя кудняти кемгафтува стирьхть-маштыкст, и корхтай фкясь эздост:

— Мон тяни сембодонга довольнаян, кинь аньцек мон ашень муцсе, аньцек ашель кядьсон охотник. Эряви мумс охотник.

— Да кода сонь мусак?— кизефнесазь ялганза.

— Вов кода, мон содан фкя охотник, сон аф ичкозе эряй тяста. Молян пялонза, а сон кодак каяфты аванц кядьста лофца, мон и ваян карунякс лофцозонза. Сон аф няйсамань и симсамань. Вага эста тейнза саты.

Тяда меле маштыксне тушендсть кати-коза, охотниксь мольсь куду и корхтай:

— Баба, каяк тейне лофца.

Каясь бабац ламбама лофца. Прась лофцти аф оцю каруня. Охотниксь шарьхкодсь, кодама тя карунясь, кундазе сонь, пякстазе шава сюлекас и путозе лавцяня ланге. Штоба тяза кула маштыкссь, охотниксь мярьгсь аванцты нолнекшнемс сюлекати тифтень путькс ведня.

Етась мзяра врема, охотниксь нолдазе маштыксть и тусь тага охотас. Сувась тага сяка кудняти и кяшсь. Ащесь-ащесь тоса, сувасть тоза маштыксне, а эздост фкясь аш. Сон стане осалгодсь, што куду ни аф пачкоди. Марясазь: кати-кие вальмять ала саворне пешкоткшни:

— Панжесть кенкшть!

Панжезь кенкшть, няйсазь — сай маштыкссь, кона юмсесь. Сон осалдонга осал. Моли аф стяда, аф комада.

— Тон, сестраняй, коса тнярс улеть? Мес тяфта осалгодоть, знать, кальдяв охотниконь сивольсь?

— Стане, стане,— корхтай беднайнясь,— сяшкава повондонь, спасиба нинге авац тифтень путькс ведь кайсесь, ату куломаль ба тейне.

Меле азондозе маштыкссь, кода сон эрясь-мучендась охотникть пяле.

Охотниксь пянакуд лангса кулхцондсь-кулхцондсь да кодак ляци ружьяса. Маштыксне фкя-фкянь ётазь кенкшкава лисихть. А кона улендсь охотникть пяле, аф кенери мельгаст и пешкоды:

— Учемасть, монга лисян!

Охотниксь каясь тейнза тага весть ложаса и нолдазе. Сяда меле маштыксне сяшкава кармасть пелема охотникта — аш кода азомска.

ЛИХОРАДКА

Жил-был в одном месте охотник. Вот однажды ушел он на охоту. Ходил, ходил, нашел посреди леса домик, вошел в него — там никого нет. Охотник спрятался и ждет, что будет.

Прошло немного времени, вошли в этот дом двенадцать девушек-лихорадок, и говорит одна из них.

— Я больше всех теперь довольна. Кого только я не мучила, кроме охотников.

— А как их найдешь?— спрашивают подруги.

— Вот так: я знаю одного охотника, он недалеко отсюда живет. Пойду к нему, он велит жене налить молока, а я стану мухой и утону в молоке. Он не увидит и выпьет. Вот так я его и одолею.

После этого лихорадки куда-то ушли. Охотник пришел домой и говорит:

— Жена, налей мне молока.

Жена налила парного молока. Упала в молоко мошка. Понял охотник, какая эта мошка, поймал он ее, закрыл в пустую банку и поставил на полку. Чтобы лихорадка не умерла, охотник велел жене пускать в банку по капельке водички.

Прошло несколько времени, охотник отпустил лихорадку и опять ушел на охоту.

Вошел он опять в этот же домик и спрятался. Ждал, ждал, вошли туда лихорадки, а одной нет. Она так заморилась, что до дома не дойдет. Слышит: кто-то тихонько кричит в окно.

— Откройте дверь!

Открыли дверь, глядят: пришла лихорадка, которая пропадала. Она такая заморенная, идти не может, ползет на четвереньках.

— Сестрица, где ты так долго была? Что такая заморенная? Знать, мясо плохое у охотника?

— Да, да,— говорит бедняжка,— так было попала. Спасибо, жена его по капельке воды наливала, а то умерла бы там.

Потом лихорадка рассказала, как она жила-мучилась у охотника.

Охотник слушал, слушал на печке, как выстрелит из ружья. Лихорадки одна за другой в дверь кинулись. А та, которая была у охотника, не поспевает за ними и кричит:

— Подождите, и я выйду!

Охотник дал ей еще ложем и отпустил. После этого лихорадки так стали бояться охотников, что и сказать нельзя.

АЛАШАНЬ КЕДЬ

Ульсь или ашель фкя аф дурак, а хитрай ломань. Тя ломантъ ульсь аньцек фкя алашац. Вот сон сявозе алашанц и тусь велеста ошу. Молемста алашась и корхтай азоронцты:

— Мольхтяма ошть малас, сонь вакскапза шуди ляй, кодак пачкоттяма ся ляйти, тон каяфтсак монь лангстон кедезень, штасак ляйть эса и щафтсак эсь лангозт. Аньцек ватт, тя кедть тяк макссе киндиге и тяк кадонда козонга. Кда мон тейть эряван, келептьк тя кедть модать лангс, шятяк види пильгцень мархта лангозонза и мярьк: «Тон мондейне эряват службань служама». Мон эстокиге саян тейть.

Пачкодсь алясь ся ляйть малас, ватказе алашанц лангста кедть и штазе ляйть эса, щафтозе эсь лангозонза и тусь ошу.

Тя пингть коськсь корольть марнек садоц, и сон вешендсь стама ломань, конац маштоль петемс коськф садть колма ковста. Куватьс вешендсь корольсь тяфтама ломань, но таки ашезь мушендов. Весть шобдава мольсь алашань кедьстось корольти и корхтай:

— Ваша светлость, мон маряйне, што тон вешендят стама ломань, конац маштоль одукс тиема колма ковста тонь коське садцень. Кда ашеть му нинге тяфтама ломань, то мон согласнаян тиемс колма ковста тя тевть.

Корольсь варжакстсь алашань кедьстоть лангс вярде алу и отвечась:

— Ладна, цёра, мон тонь сивотте работама, но условияне тяфтапт: тихтяма тонь мархтот договор; колма кофт мон тонь антте-симтте, мезе ваймоце кельги, и кда колма ковда меле аф улихть садсон свежай марьхть, то мокорь лангса керса пряцень, а кда честнайста пяшкодьсак договорть, то мезе афолеть ана — сянь макссa.

Эста алашань кедсь корхтай:

— Мон тонь договорцень примаса, но эсь ширден тонь инголет путан тяфтама условия: тевозень пяшкодемда меле макссак тейне рьвакс сембода ёмла стирцень.

Вов тя договорть мархта кафцьке и согласиндасть.

Омбоце шиня алашань кедьстось тифтсь кош, ускфтсь эзонза розень шужярьхть, корольсь кучсь тейнза ярхцама-симома.

Ярхцась-симсь алашань кедьстось и кармась утцема шужярьхнень лангса. Тяфта утцесь сон кафта кофт и кемзисемге ши. Комсь кафтувоце шиня келептезе модать лангс алашань кеденц, шятясь лангозонза види пильгса и ювадсь:

— Листе, тон мондейне эряват службань служама!

Эстокиге лиссь инголенза лишмось, шалхка варяванза толхт ляцихть, и кизефтезе алашань кедьстоть:

— Мезе тейть эряви, богатырь?

— Мондейне вов мезе эряви, лишме: мон корольть мархта тиень договор, штоба колма ковста тиемс коське садонц вастс од сад и улест эсонза свежай марьхть.

Лишмось пркстась шалхкстонза кафта шири, и эстокиге эвондась оцю сад, а марлюфнень лангса касыхть якстерь марьхть. Цёрась щазе тага меки алашань кедть, а лишмось юмась. Сонць алашань кедьстось ярхцась-симсь и тага мадсь кошть алу.

Лиссь шобдава корольсь, ваны — дворецть ваксса од сад, и марлюфнень эса касыхть якстерь марьхть. Мрдась меки корольсь дворецозонза и мярьгсь тиемда оцю пир, коза тердезень сембе генералонзон и министронзон. Пуромсть сембе генералхне и министрхне и ушедсть гуляндама. Эста корольсь кучезе васенце стиренц алашань кедьстоть инкса, штоба сонга саль гуляндама тя пирти. Мольсь васенце стирец кошть алу и корхтай:

— Мокша аля, а мокша аля, аде, алязе тердензе пиравама.

Но кода ашезе терне корольть стирец садонь тиить, алашань кедьстось ашезь стя, сон удось богатырень удомаса.

Омбоце шиня шобдава корольсь кучезе омбоце стиренц алашань кедьстоть стяфтома, но сон тага ашезь моле корольть шири. Колмоце шобдаваня мольсь стяфтомонза сембода ёмла стирец, сон эняльдсь алашань кедть перьфке всякай лаца, но сон стаки ашезь стя шужярьхнень лангста и ашезь моле корольть ширес. Нилеце шобдаваня, мзярда корольть пиронц ульсь самай вишке пингоц, слуганза кандсть корольти сёрманя, конань эса ульсь сёрматф: «Колма пряса куйсь веши, штоба корольсь усколезе ляйть трвас васенце стиренц. И кда аф макссы корольсь, то куйсь розарясы корольть марнек государственц». Лувозе корольсь тя сёрманять и мярьгсь пировандайхненди:

— Ялгат, мон получань колма пряса куйть эзда сёрма, сон анасы сивомс монь васенце стирезень. Кинь мялец араламонза, сянди максса рьвакс.

Кулемок корольть валонзон, сембе генералхне и министрхне эводсть и курок тушендсть эсь кудгаст.

Эста корольсь кошардозе кучеронц кильдемс тройка алаша, озафтозе стиренц тарантасс и мярьгсь ускомда ляй трвати. Ускозе кучерсь стирть азф вастти, валхтозе тарантасста, а сонць куцсь шуфта пряс. А тя пингста алашань кедьстось стясь, ацазе модать лангс кедть, шятясь види пильгонц мархта лангозонза и тердезе лишмонц: «Тон эряват службань служама».

Эстокиге ардсь лишмось, пркстась лангозонза, фкя пилеванза сувафтозе, омбоцеть эзга лихтезе, и цёрась арась богатырькс. Эста лишмось корхтай:

— Аде, цёра, сяфте воевандама. Тячи колма пряса куйсь аназе сивомс корольть стиренц. Пингта илядсь кафта частт.

Комотсь богатырсь лишмоть лангс и ардсь ляй трвати. Ляйть трваса ськамонза ащесь корольть стирец. Шаштсь стирть малас богатырсь, озась ваксозонза и кармась корхнема стирть мархта:

— Давай куйть лисемс вешк прязень, кда пяк матодован, на тейть урня, и крхмадемак мархтонза.

Вешезе-вешезе стирсь прянц, цёрась матодовсь. А ся пингть кармась перьфпяльсь увнама: тя лийсь стирть сивома колма пряса куйсь. Стирсь аварьгодсь, и сельмоведец прась цёрать щёкас. Эстокиге богатырсь комотсь и корхтай:

— Кода кемоста сялгомайть урнять мархта, но тя аш мезевок, как раз эсь пингстонза.

Ся пингста колма пряса куйсь лийкстась и корхтай:

— Мон анценъ сивомс фкя, а ускстъ колма.

— Ляпият, нечистай дух,— отвечась тейнза богатырсь и арась каршезонза. Эстокиге колма пряса куйсь и корхтай тейнза:

— Дай уфатама тинголанга тюремс.

— Уфак тон, нечистай дух, тонь колма прядот,— отвечась тейнза богатырсь.

Уфась колмоцьке прясонза куйсь, и тиевсь стама буря, што мезевок аф кулят и мезевок аф няят. А мзярда лоткась уфамда, тиевсь колма вайгяльбень кувалмоса кшнинь тинголанга. Арась фкя ужети куйсь и корхтай богатырти:

— Драться или мириться, добрый молодец?

— Конешна, драться, нечистай дух,— отвечась богатырсь.

Куйсь яфодсь пулонц мархта богатырть лангс, но богатырсь комась и сяка пингть керозень куйть кафта прянзон, омбоцеда яфодсь — и керозе колмоце прянцка. Тяда меле богатырсь сявозень куйть прянзон, кеподсь кудшка кев и навазень куйть прянзон кевть алу. А куйть теланц керсезе мелкайста и ёрдазе ведти. Сяльде мольсь стирть малас и корхтай:

— Вов, красавица, мон куйть аделайне, тяни архт куду и эряк-ащек шумбраста. А тяни прощай.

Эста стирсь корхтай богатырти:

— Аде, цебярь цёра, ильхтемак куду, монь алязе азы тейть спасиба и максы оцю казне.

— Аф молян козонга,— отвечась богатырсь. Эста стирсь валхтозе сурстонза лем мархта сурксонц, таргазе зепстонза руцянянц и максозень богатырти. Богатырсь сявозень ня казнетнень, путозень зепозонза, озась лишмонц лангс и тусь.

Мзярда богатырсь тусь, шуфтть пряста валгсь кучерсь, мольсь стирти и корхтай тейнза:

— Вов мезе, королевна, примак присягать монь инголен, што куйть эзда ваныхтень мон. А кда аф примат присяга, то мон тяникиге аделате тязк, а аляцти азса, што тонь сивонзе куйсь.

Стирсь ваны — тевсь аф пара, сявсь курмозезонза мода, примась присяга и палазе модать. Эста кучерсь озафтозе стирть тарантасти и сявозе меки корольть дворецс. Кучерть и корольть стиренц васьфтезь пайгонь вайгяльса. Корольсь тись оцю пир и пуроптозень ся пирти сембе прислуганзон, ашель аньцек тоса алашань кедьстось. Вов кучезень слуганзон алашань кедьстоть тердема, но тонац удось шужярьхнень лангса богатырень удомаса и пиравама стаки ашезь стяфтов. Якась стяфтомонза и корольть стирецка, но сон стаки удось.

Гуляндасть-гуляндасть, и вдруг кандсть корольть слуганза тага сёрманя, коса сёрматфоль: «Вейхкса пряса куйсь анасы сивомс корольть омбоцекс стиренц, и кда аф макссы корольсь, то куйсь розарясы корольть сембе государственц». Лоткафтозе корольсь пирть, тердезе кабинетозонза кучеронц и корхтай тейнза:

— Вов мезе, кучер, фкя стирезень аралайть колма пряса куйть эзда, ванфтк омбоцетьке.

Кучерсь кильдсь тарантас, озафтозе корольть омбоцекс стиренц, ускозе ляй трвати, и сонць тага куцсь сяка шуфтть пряс. Мзярда озась ляй берякти корольть омбоцекс стирец и ушедсь авардема, ся пингста стясь богатырсь, ацазе алашань кедть масторть лангс, шятясь види пильгонц мархта лангозонза и мярьгсь:

— Монь вернай лишмозе, тон эряват тейне службань служама.

Лиссь лишмось, пркстась лангозонза, фкя пилеванза сувась, омбоцеть эзга лиссь и арась тага богатырькс. Озась лишмоть лангс и ардсь корольть стиренц ваксс. Валгсь богатырсь лишмонц лангста, озась стирть ваксс и корхтай:

— Вешк, сестрай, прязень вейхкса пряса куйть лисемс. Кда марясак саманц, эстокиге стяфтомак, а штоба куроконе стялень, на тейть урня, крхмадемак бокти, мон эста курок стяян.

Корольть стирец кармась богатырть прянц вешема, и богатырсь матодовсь. Аньцек матодовсь богатырсь, эстокиге кармась увнама марнек вирсь. Тя лийсь вейхкса пряса куйсь.

Стирсь стяфнесь-стяфнесь богатырть эса, сон коданявок ашезь стя. Эста корольть стирец аварьгодсь, и сельмоведец прась богатырть щёкас. Эстокиге богатырсь комотсь и мярьгсь:

— Вага тон сялгомайть урнять мархта, сестраняй! Но тя ащ мезевок, стяфтомайть эсь пингстонза. Тяни сави тргадомс нечистай силать мархта.

Вейхкса пряса куйсь лийсь ляйть трвас, а сонь кожфонц эзда шуфттне мянцевсть мяк модати. Кодак пачкодсь вейхкса прястось стирть малас, эстокиге мярьгсь:

— Мон анцень сивомс фкя, а ускть колма!

— Фкятиге ляпият, нечистай сила,— отвечась богатырсь.

— Давай уфатама тюремс тинголанга,— мярьгсь вейхкса прястось.

— Тон уфак, нечистай сила, тонь прядот вейхкса,— отвечась богатырсь.

Эста куйсь уфась сембе вейхкса прянзон эса, тиевсь кота вайгяльбень кувалмоса сёронь тинголанга. Лисстъ тинголангти тюрема, куйсь и корхтай:

— Драться или мириться, добрый молодец?

— Конешна, драться, нечистай дух!— мярьгсь богатырсь.

И вачкодсь куйсь пулонц мархта модати — шерьхкозевсь марнек модась, мяндевсть шуфттне, урокодозевсть марнек вирень зверьхне. Эста богатырсь яфодсь и валхтозень куйть сразу колма прянзон, а кототне нинге илядсть. Кяжиясь куйсь и как ювади котоцьке прянзон мархта — пандозень богатырть пиленэон, а шуфтть пряса ащи кучерсь ильне аф ламне нолдась алонза. Но богатырсь ашезь эводе. Сон комотсь тинголангть кучкас ёндолкс и керозень куйть тага колма прянзон. Куйсь лафчемсь. Богатырсь ваны, што сон эводсь,— нинге весть яфодсь мезе ули вийса и керозень лядыкс прянзонга. Таргавсь куйть кулоц тинголангс. Мольсь богатырсь, кочказень куйть прянзон и навазень тага кевть алу, а сонць мольсь стирть малас. Корольть стирец ащесь ёжефтома и авардсь. Богатырсь кеподезе сонь, палазе види щёкас и мярьгсь:

— Ну, сестрай, тон тяни аралафат. Прощай, мон туян эсь киган.

А стирсь кармась эняльдема, штоба сон молель мархтонза алянцты, но богатырсь ашезь согласинда. Эста сон валхтозе сурстонза венцяндама сурксонц и максозе цёрати. Цёрась путозе суркстъ зепозонза, озась лишмонц лангс и тусь бурякс ардозь.

Ся пингти сась ёжец и шуфта пряса ащи кучертьке. Сон варжакстсь алу, тоса аш куй, аш богатырь — ащесь ськамонза корольть стирец. Валгсь шуфтть пряста кучерсь, мольсь стирти и корхтай:

— Минь тяса аньцек кафонектяма, куйть эзда ваныхтень мон, тяфта и азсак аляцтиге, а кда аф примат присяга тянь колга, мон тонь аделате.

Стирти лия ашель мезе тиемс, примась присяга, и марса тусть куду.

Кулезе корольсь, што стирец илядсь шиса, и мярьгсь гайфтемс ошса уликс сембе пайкнень; пуроптозень сембе музыкантнень и лиссь стиренц васьфтема сембе народть мархта.

Мзярда ускозь стирть дворецти, корольсь мярьгсь пуроптомс ошень сембе эряйхнень эсь ширезонза и тись оцю пир. Ашель тя пирть эса тага аньцек алашань кедьстось. Но корольть слуганза кода ашезь стяфне алашань кедьстоть, сон стаки удось

богатырень удомаса. Тяфта гуляндась народсь корольть дворецса колма шит и колма вет. Ульсь симф лама вина и сивф лама танцти корма. Народсь дуром шнась корольть эса и сонь стиренц ваныенц.

Колмоце шить пестонза корольти кандсть тага сёрманя, конань эса кемгафтува пряса куйсь аназе сивомс самай ёмла и самай мазы стиренц. Ацергодсь корольсь, но тиемс ашель мезе. Тердезе тага кучеронц и корхтай тейнза:

— Вов мезе, монь верпай слугазе, тон аралайть кафта стирнень, няфтить эсь пряцень честнайкс. Тяни кодак ванфтсак сембода кельгома стирезень, то колмоцьконь эзда любойть максса тейть рьвакс.

Прась кучерсь корольть пильгс, палазень кяме прянзон и тусь тройкань кильдема.

Кильдезень кучерсь корольть инь цебярь алашанзон, озафтозе королевнать, и тусть ляйть трвас. Стирсь озась ляй трвати, а кучерсь прьгафтозень алашатнень и куцсь тага сяка шуфтть пряс. А тя пингста ардсь сонць алашань кедьстоть лишмонц кошть малас, коса удось мяк тнярс азороц, и ювадсь:

— Пинге стямс, богатырь! Тячи кемгафтува пряса куйсь ёрасы сивомс тонь невестацень, сон ни ускф ляйть трвас и тоса аварькшни. Но содак, цёра, што кемгафтува прястоть мархта тюремась пяк стака. Васендакиге сон пандсыне мянь пилетнень и мон глухойгодан, а тонь сон может люпштамс алонза. Мзярда арай тейть пяк стака и кда кармай маштома вийце, тон вяшк колмокстъ мельцек мезе ули вийце. Эста мон маряте и моляй тейть лездома. А тяни сувак фкя пилеван и омбоцева листь.

Алашань кедьстось сувась лишмонц фкя пилеванза, а омбоцеть эзга лиссь и арась стама мазы и вии богатырькс, кодапт ашельхть светть лангсонга. Эста озась лишмонц ланге и ардсь корольть стиренц ваксс. Валгсь лишмонц лангста, озась кельгома стиренц ваксс и кизефтезе:

— Мес тяшкава, мазыняй, авардят?

— Да кода аф авардемс, цебярь ломань богатырь, вдь тячи монь ёрасамань сивомс кемгафтува пряса куйсь.

— Тят пеле, мазыняй, кда сивомс, сивсамазь кафцьконь, а мон тонь тяфтак тейнза сивомс аф макете.

Корхтакшнесть тяфта аф ламос, а тоса богатырсь мярьгсь стирти:

— Вешк куйть самс, мазыняй, прязень, а кодак марясак, што сон сай, стяфтомак куроконе.

Путозе богатырсь прянц стирть эльс, и стирсь кармась сонь пешемонза. Аньцек матодовсь цёрась, эстокиге кподсь вишке давол, торазевсь коське атям и пиндолгодсь ёндол. Тя тяфта ардсь эсь лишмонц лангса кемгафтува пряса куйсь. Мзярда пачкодсь куйсь седть ланге, лишмоц пупордась и прась ингольце пильгонзон ланге. Эста нечистай духсь кизефтезе эсь лишмонц:

— Мес тон, лишмозе, пупордать?

А лишмоц и корхтай:

— Пупордань мон сяс, мес мольхтяма кафцьке кулома.

Кяжиясь куйсь лишмонц лангс ня валхнень инкса и керозе колмокстъ плёткаса. Лишмось комотсь и ардсь ведь трвати.

А корольть стирец, кодак няезе нечистай духть, трназевсь, и кармасть путьксема сельмоведенза. Прась фкя сельмоведец богатырть щёкас, и комотсь богатырсь пильгонзон лангс. Мзярда комотсь богатырсь пильгонзон лангс, куйсь ювадсь тейнза:

— Тюремс или мирендамс, добрый молодец?!

— Конешна, тюремс, нечистай сила!

— Эста дай уфатама тюремс тинголанга.

— Уфак тон, нечистай сила, тонь прядот кемгафтува.

Куйсь уфась, и тиевсь сиянь тинголанга. Арасть сиянь тинголангс карань-каршек богатырсь и куйсь и ушедсть тюрема.

Кодак яфодсь богатырсь — валхтозень куйть колма прянзон, яфодсь омбоцеда — керсь тага колма прят, но мзярда кеподезе палашенц колмоцеда, керф прятне кеподсть меки куйти. Куйсь вяшкозевсь, мезе ули виец, и вачкодсь пулонц мархта сиянь тинголангса. Ашезь кирде пильгонзон лангса богатырсь и прась плманжа лангс. Эста яфодсь куйсь пулонц мархта и сатозе богатырть алонза. Богатырсь нозордась инголи мезе ули вийц, комотсь пильгонзон лангс и эстокиге керозень куйть колма прянзон, конат ляцсть ичкози. Яфодсь тага весть — керсь нинге колма прят, но куйсь кяжиясь и комотсь богатырть лангс, тага люпштазе алонза. Эста богатырсь яфодезе меколанкт палашенц и вяшксь колмокстъ мезе ули вийц. Ардсь лишмось, комотсь куйть лангс и порезень колма прянзон. Илядсть куйть колма прянза. Эста богатырсь комотсь пильгонзон лангс, а тинголангса ульсь каркс-эземга вяр. Но кода ашезень керсе куйть мекольце прянзон, синь тага педендсть. Тюрсть апак лотксек кафтошка част. Эста куйсь корхтай богатырти:

— Давай, богатырь, вайматама.

Но алашась мярьгсь богатырти:

— Тят ваймосе, кда кармат ваймама, сонь тага педихть меки сембе прянза.

Богатырсь тага яфодсь — керсь нинге фкя пря, а лишмось пильгсонза ся керф прять ёрдазе бокс. Но куйсь пуроптозе сембе вийнц, тага комотсь богатырть лангс и матразе эсь алонза. Богатырсь, пожалуй, ляпияль верть потмос, но тейнза тага макссь оцю лезкс сонь лишмоц. Комотсь сон куйть лангс и тага сязезе фкя прянц. Эста лиссь куйть алда богатырсь и керозе куйть мекольце прянцка.

Кочказень куйть прянзон, навазень кевть алу и мольсь стирть малас. А стирсь ащесь аф живой аф кулоф. Кеподезе богатырсь стирть эсь кядезонза, нолдазе и мярьги:

— Ну, мазыняй, архт куду, кенярьфтьк аляцень.— Корольть стирец ашкодсь богатырть кргас и корхтай:

— Цебярь цёра, кда тон прянь аф ужяльдезь тюреть монь инксон, то аст мондейне мезевок, а мон азсайне тонь валхнень алязти, минь тонь парцень мзярдонга аф юкстасаськ.— И ктмордазе сядонга кемоста.

Эста цёрась мярьгсь стирти:

— Вов тя мондейне сембе парце.— Шаркстсь и ёрась тумс, но стирсь кундазе кядьта и тага мярьгсь:

— Азк, кельгомняй, хоть, коса эрят тон, коста тон можнат мумс,— а сонць валхтозе сурстонза венцяндама сурксонц и щафтозе цёрать сурс. Тоса таргазе сельмоведьса лопотьф руцянянц и навазе цёрать зепс. Цёрась комотсь лишмонц лангс и тусь ардозь даволкс. Ардсь корольть садс кошенцты, валгсь лишмонц лангста и мадсь кошенц алу тяфтак, кода тюрсь куйть мархта.

А кучерть сась шуфтть пряса ёжец, нарнезень понксонзон, варжакстсь, што бойсь аделавсь, валгсь шуфтть пряста и мольсь стирти. Кодак мольсь стирти, эстокиге корхтай тейнза:

— Тон азсак аляцти, што ваймоцень куйть эзда идине мон, а кда аф примат присяга, то мон туян тяста ськамон, а тон ваят ведти.

Стирти тиемс ашель мезе, примась присяга и тусь куду кучерть мархта.

Марязе корольсь, што кемгафтува пряса куйсь аделаф и стирец шумбраста сась меки куду, тись оцю пир, коза мярьгсь тердемда сембе генералонзон, министронзон и сембе слуганзон. Кучерть корольсь озафтозе сембода почётнай вастти, и ушедсть гуляндама. Гуляндасть ши, гуляндасть омбоцеть, а эста корольсь корхтай кучеронцты:

— Ну, монь вернай слугазе, азк, мезе эряви тейть!

А кучерсь корхтай корольти:

— Мондейне мезевок аф эряви, дай рьвакс мондейне мекольдень стирцень.

Корольсь тердезе кельгома стиренц и корхтай:

— Монь вернай слугазе служай тейне вераса-правдаса, ванфтозень куйхнень эзда колма стирнень, тяни сон ёратанза сявомс тонь рьвакс, надиян, што тон аф атказат тя честть эзда.

Стирсь аварьгодсь и корхтай алянцты:

— Аляй, волясь тонь, но мон ёран тейть азомс сянь, што мзярда монь аралаезе аделазе куйть и пращась мархтон, мон максыне венцяндама сурксозень и казине зепозонза сельмоведьса лопотьф руцянязень; катк няфтьсыне тонь вернай слугаце, и эста тиян стане, кода мялезт.

А кучерсь ащесь эсь вастсонза, якстерьгодсь и толомсь, ваны, што тевсь кальдяв, эста сон мярьгсь:

— Суркснень и руцянятнень мон ёрдайне ляйти.

А ся пингста тяса жа ащесть корольть сяда сире стиренза и аляснонды азозь, што синь тяфта жа максозь аралайснонды венцяндама сурксснон и руцяняснон. Эста корольсь мярьгсь

тердемс тя пирти сембе подданнайнзон и кандомс кажнайти цярка вина, а сяка ёткть приметамс, кинь кядьса сурксь.

Пирсь мольсь ни целай недяля, сембонди ульсь кантф вина, но ся ломанць, конань кядьса ульсть корольть стиренэон суркссна, стаки ашезь мув. Эста фкя слугась азозе корольти, што пирса ашель алашань кедьстось. Кучезе корольсь сире стиренц, а мзярда мольсь стирсь стяфтомонза, варжакстсь, эстокиге содазе, што тя самай ся богатырсь, конац шавозе куйть.

Мольсь эста корольсь сембе пировандайхнень мархта кошти и стяфтозе алашань кедьстоть.

Варжакстсть — сурсонза сембе колмоцьке суркснс. Эста корольсь тись свадьба и максозе ёмла стиренц богатырти рьвакс, а кучерть сотнезе алашань пулос и нолдазе светть ланга.

Кодак рьвяясь алашань кедьстось корольть стиренц лангс, арась оцязоркс. Но аф лама пингта меле сонь царствасонза тиевсь революция, народсь панезе сонь престолонц лангста и кармась строяма од эряф оцязорфтома.

ЛОШАДИНАЯ ШКУРА

Жил-был один человек: не дурак, и не хитрец. Все богатство его состояло только из лошади. Взял он лошадь и ушел с ней из села в город. По пути лошадь и говорит хозяину:

— Около города есть река. Как только мы достигнем берега, снимай с меня шкуру, обмоешь ее в реке и надевай на себя. Только смотри, эту шкуру никому не давай и нигде не оставляй. Когда понадобится моя помощь, расстели шкуру на земле, встань на нее правой ногой и скажи: «Лошадь, ты мне нужна службу служить!». Я тут же явлюсь.

Доехал парень до реки, снял с лошади шкуру, обмыл, надел на себя и пошел в город.

В это время у одного короля высох сад, и он искал такого человека, который мог бы в три месяца обновить высохший сад. Долго король искал такого человека, но так и не нашел. Раз утром к королю пришел парень в лошадиной шкуре и говорит:

— Ваша светлость, я слышал, что нужен человек, который бы мог в три месяца превратить высохший сад в цветущий. Если до сих пор ты не нашел такого человека, я согласен за три месяца сделать это.

Король посмотрел на Лошадиную шкуру сверху вниз и ответил:

— Ладно, парень, я найму тебя на работу. Мои условия такие: три месяца я тебя буду кормить, поить тем, что душе твоей угодно. Если через три месяца не будет в саду свежих яблок, то отрублю тебе голову на пеньке, а если честно выполнишь договор, дам тебе, что захочешь.

Тогда Лошадиная шкура и говорит:

— Твой договор я принимаю. А от себя ставлю такое условие: после окончания дела выдашь за меня свою младшую дочь.

Вот с таким договором оба и согласились.

На другой день Лошадиной шкуре сделали шалаш, привезли в него ржаной соломы, а король прислал ему еду и питье. Наелся, напился парень в лошадиной шкуре и улегся спать на соломе. Так спал он два месяца и двадцать семь дней, на двадцать восьмой день расстелил на земле лошадиную шкуру, встал на нее правой ногой и сказал:

— Лошадь, ты мне нужна службу служить!

Тут же вышла к нему лошадь. Из ноздрей огонь пылает:

— Что тебе надо, богатырь?

— Мне вот что надо, лошадь: я с королем сделал договор, чтобы за три месяца вырастить новый сад вместо этого высохшего и чтобы были на третий день в этом саду свежие яблоки.

Лошадь фыркнула ноздрями на две стороны, и тут же появился большой сад, а на яблонях — красные яблоки. Надел опять парень лошадиную шкуру, лошадь пропала, а сам он поел, попил и опять лег спать.

Вышел утром король, смотрит: новый сад около дворца, а на яблонях — красные яблоки. Вернулся он обратно во дворец и велел готовить большой пир, на который пригласил всех генералов и министров. Когда собрались все генералы и министры, начали гулять. Тогда послал король первую дочь за Лошадиной шкурой: звать его на этот пир. Пришла первая дочь в шалаш и говорит:

— Мокшанский парень, а мокшанский парень, идем, отец зовет тебя пировать.

Как ни звала дочка короля того, кто обновил сад, Лошадиная шкура не встал. Он спал богатырским сном. На следующее утро король послал вторую дочь будить Лошадиную шкуру, но он опять не пришел к королю на пир. На третье утро пошла будить самая младшая дочь. Она всячески упрашивала Лошадиную шкуру, но он так и не встал с соломы и на пир к королю не пошел.

На четвертое утро, когда пир короля был в самом разгаре, слуги принесли записку, в которой было написано: «Трехглавый змей хочет, чтобы король послал на берег реки свою первую дочь, а если не даст её король, то змей разорит всё королевское государство».

Прочитал король эту записку и сказал пирующим:

— Друзья, я получил от трехглавого змея записку. Он просит на съедение мою первую дочь. Кто защитит её, тому отдам её замуж.

Услыхав слова короля, все генералы и министры испугались, и скоро разошлись по домам. Тогда король велел кучеру запрячь тройку лошадей, посадил дочь в тарантас и велел ехать на берег реки. Привез кучер туда девушку, высадил ее из таран-

таса, а сам залез на дерево. А в это время Лошадиная шкура встал, расстелил на земле лошадиную шкуру, встал на нее правой ногой и позвал лошадь: «Ты нужна мне службу служить!» Тут же прискакала лошадь, фыркнула на него, велела в одно ухо влезть, а в другое вылезть, и стал он богатырем. Тогда лошадь и говорит:

— Идем, парень, возьму тебя воевать. Сегодня трехглавый змей выбрал королевскую дочь для съедения. Времени осталось два часа.

Вскочил богатырь на лошадь и поскакал на берег реки. Там сидела королевская дочь. Подошел богатырь к девушке, сел около нее и стал с ней разговаривать.

— Пока нет змея, поищи у меня в голове. Если я крепко засну, на тебе шильце и кольни им меня.

Искала, искала девушка в голове, парень уснул. А в это время вокруг зашумело. Это летел трехглавый змей есть девушку. Девушка заплакала, и слеза ее упала на щеку парня. Тут же вскочил богатырь и говорит:

— Вот так уколола ты меня шильцем, сестрица. Но ничего, как раз вовремя.

Прилетел трехглавый змей и говорит:

— Я просил для съедения одну, а привезли трех.

— Подавишься, нечистый дух,— ответил ему богатырь и стал перед ним. Тогда трехглавый змей и говорит парню:

— Давай для борьбы раздуем ток.

— Раздуй ты, нечистый дух, у тебя три головы,— отвечает ему богатырь.

Стал дуть змей из всех трех голов, сделалась такая буря, что ничего не видно, ничего не слышно, а когда перестал дуть, образовался железный ток в три километра. Встал змей на один край тока и говорит богатырю:

— Драться или мириться, добрый молодец?

— Конечно, драться, нечистый дух,— отвечает богатырь.

Змей махнул на богатыря хвостом, богатырь нагнулся и отрезал змею мечом сразу две головы, второй раз махнул мечом — отрезал и третью голову. Потом богатырь взял змеиные головы, поднял камень величиной с дом, положил под него змеиные головы. А змеиную тушу мелко изрубил и бросил в воду. Подошел к девушке и говорит:

— Вот, красавица, я одолел змея. Теперь ступай домой и живи на здоровье. А пока прощай.

Тогда девушка говорит богатырю:

— Идем, добрый молодец, проводи меня домой, мой отец скажет тебе спасибо и даст большую награду.

— Не пойду никуда,— ответил богатырь.

Тогда девушка сняла с пальца именное кольцо, достала из кармана платочек и отдала его богатырю. Взял богатырь эти подарки, положил в карман, сел на лошадь и ускакал.

Когда уехал богатырь, кучер слез с дерева, подошел к девушке и говорит:

— Вот что, королевна. Прими передо мной присягу, что я спас тебя от змея. А если не примешь, то я тут же прикончу тебя, а отцу скажу, что тебя съел змей.

Видит девушка — дело плохое. Взяла она горсть земли, приняла присягу и поцеловала землю. Тогда кучер посадил девушку в тарантас и повез обратно в королевский дворец. Королевскую дочку и кучера встретили с колокольным звоном. Король устроил большой пир и собрал на него всю свою прислугу. Не было здесь только Лошадиной шкуры. Послали на ним слуг, но он спал на соломе богатырским сном, и на пир так и не могли его разбудить. Ходила будить его и королевская дочь, но он опять спал в лошадиной шкуре.

Гуляли, гуляли — и вдруг слуги принесли королю опять записку, а в ней написано: «Девятиглавый змей хочет съесть вторую королевскую дочь, а если не даст ее король, то змей разорит все королевское государство».

Король остановил пир, позвал кучера в кабинет и говорит ему:

— Вот что, кучер, ты одну мою дочь спас от трехглавого змея, спаси и вторую.

Кучер запряг в тарантас лошадей, посадил туда вторую королевскую дочь, повез ее на берег реки, а сам опять залез на то же дерево. Заплакала вторая королевская дочь, а в это время Лошадиная шкура расстелил шкуру на земле, встал на нее правой ногой и говорит:

— Моя верная лошадь, ты мне нужна службу служить!

Вышла лошадь, фыркнула на него, он в одно ухо влез, а в другое вылез и опять стал богатырем. Сел богатырь на лошадь и поехал к королевской дочери. Приехал он, слез с лошади, сел около девушки и говорит:

— Поищи, сестрица, в голове, пока не выйдет девятиглавый змей. Когда услышишь, что он летит, тут же разбуди меня, а чтобы быстрее, вот тебе шильце, уколи им меня в бок, тогда я быстрее встану.

Королевская дочь стала искать в голове богатыря, и богатырь уснул. Только уснул богатырь, тут же зашумел лес. Это вышел девятиглавый змей.

Девушка будила, будила богатыря, он никак не встает. Тогда она заплакала, и ее слеза упала на щеку богатыря. Как упала девушкина слеза на щеку парня, тут же вскочил он.

— Вот так уколола ты меня шильцем, сестрица. Но это ничего. Разбудила как раз вовремя. Теперь придется драться с нечистой силой.

А девятиглавый змей прилетел на берег, и деревья нагнулись к земле. Прилетел девятиглавый змей к девушке и сказал:

— Я одну хотел съесть, а привезли троих!

— Подавишься, нечистая сила,— отвечает богатырь.

— Давай выдуем ток для борьбы,— сказал змей.

— Дуй ты, нечистая сила,— у тебя девять голов,— ответил ему богатырь.

Тогда змей стал дуть всеми девятью головами и сделал медный ток на шесть верст. Вышел на ток змей и говорит:

— Драться или мириться, добрый молодец?

— Конечно, драться, нечистый дух!— ответил богатырь.

И ударил змей хвостом об землю, задрожала земля, деревья пригнулись к земле, завыли все лесные звери. Тогда богатырь махнул мечом и сразу отрезал змею три головы. Шесть осталось. Рассердился змей, как крикнет — оглушил богатыря, а кучер на дереве даже немножко пустил под себя. Но богатырь не упал. Он прыгнул на середину тока и отрубил у змея три головы. Змей ослаб. Богатырь смотрит, что змей упал, еще раз махнул мечом что есть силы — отрубил остальные головы. Растянулся змей на току. Подошел богатырь, собрал змеиные головы и опять положил их под камень, а сам пошел к девушке. Королевская дочка сидела без памяти и плакала. Тогда богатырь поднял ее и, поцеловав в правую щеку, сказал:

— Ну, сестрица, ты теперь выручена. Прощай, я ухожу своей дорогой.

Девушка стала просить, чтобы он пошел с ней к отцу, но богатырь не согласился. Тогда она сняла с пальца венчальное кольцо и отдала его парню. Парень положил кольцо в карман, сел на лошадь и помчался, как буря.

К этому времени пришел в себя и кучер на дереве. Он посмотрел вниз: там нет ни змея, ни богатыря, сидит одна только королевская дочка. Слез кучер с дерева, подошел к девушке и говорит:

— Мы здесь только вдвоем. От змея тебя спас я, так и скажи отцу. А если не примешь присягу, то я тебя прикончу.

У девушки не было другого выхода, она приняла присягу и они поехали домой. Услыхал король, что жива осталась дочь, велел звонить во все колокола, собрал всех музыкантов и со всем народом пошел встречать дочь.

Когда привезли королевскую дочь во дворец, король велел пригласить к себе всех городских жителей и устроил большой пир. Не было на этом пиру только Лошадиной шкуры. Как ни будили королевские слуги Лошадиную шкуру, он спал богатырским сном.

Так гулял народ в королевском дворце три дня и три ночи. Было выпито очень много питья и съедено много вкусной пищи. Народ вовсю хвалил короля и спасителя королевской дочери.

В конце третьего дня королю опять принесли письмо, в котором двенадцатиглавый змей требовал на съедение самую младшую и самую красивую дочь. Горюет король, но делать нечего. Вызвал опять своего кучера и говорит ему:

— Вот что, мой верный слуга, ты спас моих двух дочерей. Если теперь спасешь мою любимую дочь, то из трех любую отдам за тебя замуж.

Упал кучер королю в ноги, поцеловал носок сапога и ушел запрягать тройку. Запряг кучер лучших королевских лошадей, посадил королевну, и они поехали на берег.

Девушка села на берег, а кучер распряг лошадей и залез опять на то же дерево. В это время лошадь Лошадиной шкуры сама прискакала к шалашу, где до сих пор спал Лошадиная шкура, и крикнула:

— Пора вставать, богатырь! Двенадцатиглавый змей хочет съесть твою невесту. Она на берегу реки плачет. Запомни, парень, что с двенадцатиглавым змеем бороться очень трудно. Прежде всего он оглушит меня и я оглохну, а тебя он может подмять под себя. Когда тебе будет очень тяжело и когда будут убавляться твои силы, ты махни мечом наотмашь и трижды свистни что есть силы. Тогда я услышу тебя и помогу. А пока в одно ухо влезь, а в другое вылезь.

Лошадиная шкура в одно ухо влез, а в другое вылез и стал таким красивым и сильным богатырем, каких не было на свете. Тогда сел богатырь на лошадь и поскакал к королевской дочери. Слез с лошади, сел рядом с любимой девушкой и спрашивает:

— Почему ты, красавица, так плачешь?

— Да как же не плакать, добрый человек? Ведь сегодня меня съест двенадцатиглавый змей.

— Не бойся, красавица, если съест, то съест нас обоих, а так тебя съесть ему не дам.

Поговорил так немного богатырь и сказал девушке:

— Поищи, красавица, у меня в голове до прихода змея, а как услышишь, что он летит, разбуди меня быстрее.

Положил богатырь голову девушке на колени, и она стала искать. Только заснул парень, тут же поднялся сильный ураган, загремел гром и блеснула молния. Это ехал двенадцатиглавый змей на своей лошади. Когда подъехал он к мосту, лошадь споткнулась и упала на передние ноги. Тогда нечистый дух спросил свою лошадь:

— Лошадь, ты почему споткнулась?

А лошадь и говорит:

— Споткнулась я потому, что оба идем на смерть.

Рассердился змей на лошадь за эти слова и три раза хлестнул ее плетью. Лошадь вскочила и прибежала на берег реки.

А королевская дочь, увидев нечистого духа, задрожала, у нее закапали слезы. Упала одна слеза на щеку богатыря, и вскочил он на ноги. Змей и говорит ему:

— Драться или мириться, добрый молодец?

— Конечно, драться, нечистая сила!

— Тогда давай для борьбы ток выдуем.

— Дуй ты, нечистая сила, у тебя двенадцать голов.

Змей дунул и сделался серебряный ток. Встали на серебряном току друг против друга богатырь и змей, и началась битва.

Как махнет богатырь мечом — отрубил три змеиных головы, махнул второй раз — опять отрубил три головы, а когда поднял меч в третий раз, отрезанные головы опять прилепились к змею. Змей свистнул во весь дух. Ударил хвостом по серебряному току. Не устоял на ногах богатырь и упал на колени. Тогда змей второй раз ударил хвостом и смял богатыря под себя. Богатырь рванулся вперед что есть силы, вскочил на ноги и тут же отрубил змею три головы, которые далеко отлетели. Махнул еще раз — опять отрубил три головы, но змей рассвирепел, бросился на богатыря и подмял его под себя. Тогда богатырь наотмашь махнул мечом и свистнул три раза что было силы. Прискакала лошадь, вскочила на змея и отгрызла три головы. У змея осталось еще три головы. Тогда богатырь встал на ноги, а на току крови было по пояс. Схватил он меч и стал опять биться со змеем. Но змеиные головы опять прирастали.

Боролись без отдыха часа два. Тогда змей говорит богатырю:

— Давай, богатырь, отдохнем.

А лошадь сказала богатырю:

— Не отдыхай. Будешь отдыхать, все головы змея опять прирастут.

Богатырь махнул мечом — отрубил еще одну голову, а лошадь толкнула эту голову в сторону. Змей собрал все свои силы, опять бросился на богатыря и смял его. Богатырь, пожалуй, захлебнулся бы в крови, но ему помогла лошадь. Вскочила она на змея и оторвала ему одну голову. Тогда богатырь вылез из-под змея и отрубил ему последнюю голову. Собрал все змеиные головы, положил их под камень и пошел к девушке. А она сидела ни жива, ни мертва. Поднял девушку богатырь на руки, поцеловал и говорит:

— Ну, красавица, теперь можешь ехать домой, обрадуй отца. А я пойду отдыхать.

Королевская дочка обняла богатыря за шею и говорит:

— Добрый молодец, если ты из-за меня не пожалел головы в борьбе, то скажи мне что-нибудь, а я передам твои слова отцу. Мы твою услугу никогда не забудем,— и обняла его ещё крепче.

Тогда парень говорит девушке:

— Это мне лучшая награда.— Встал и собрался уходить, а девушка взяла его за руку и сказала:

— Скажи, любимый, хоть где ты живешь, где можно тебя найти?— а сама сняла кольцо и надела его на палец парня. Потом вынула мокрый от слез платочек и сунула ему в карман. Парень вскочил на лошадь и поскакал, как вихрь. Прискакал он в королевский сад к шалашу, слез с лошади и лег не раздеваясь.

А кучер пришел в себя, очистил белье. Увидев, что бой кончился, слез с дерева и подошел к девушке.

— Ты скажи отцу, что от змея я спас тебя. А если не примешь присягу, то я пойду отсюда один, а ты утонешь в воде.

Девушке нечего делать. Приняла присягу и поехала с кучером домой.

Король, услыхав, что двенадцатиглавый змей убит и дочь вернулась домой невредимой, устроил большой пир, на который велел пригласить всех генералов, министров и всех слуг. Кучера король посадил на самое почетное место, и начали гулять. Гуляли день, гуляли два, потом король и говорит кучеру:

— Ну, мой верный слуга, скажи, что тебе нужно.

А кучер отвечает королю:

— Мне ничего не надо, выдай за меня замуж свою младшую дочь.

Король позвал свою любимую дочь и говорит:

— Мой верный слуга служил мне верой и правдой: спас от змея трех моих дочерей. Теперь он хочет на тебе жениться. Надеюсь, что ты не откажешь в такой чести?

Девушка заплакала и говорит отцу:

— Отец, воля твоя, но я хочу сказать, что когда мой спаситель прикончил змея и прощался со мной, я отдала ему венчальное кольцо и сунула ему в карман слезами облитый платочек. Пусть их покажет твой верный слуга, тогда поступай, как хочешь.

А кучер видит, что дело плохо, покраснел весь и говорит:

— Кольцо и платочек я бросил в реку.

Здесь же были старшие дочери короля, и они сказали отцу, что тоже отдали венчальные кольца и платки. Тогда король велел созвать на этот пир всех подданных и каждому налить чарку вина, а в то время примечать, у кого на пальце кольцо.

Пир продолжался целую неделю, каждому было поднесено вино. Но тот человек, у которого были кольца, так и не нашелся. Тогда один слуга сказал, что на пиру нет Лошадиной шкуры. Послал король слуг звать Лошадиную шкуру, но он так и не встал. Тогда король послал за ним первую дочь. Когда она пришла его будить, тут же узнала, что это тот самый богатырь, который убил змея. Пошел тогда король со всеми пирующими в шалаш и разбудили Лошадиную шкуру от богатырского сна.

Посмотрели — на его пальцах все три кольца и у него все три платочка. Тогда король выдал замуж за богатыря свою младшую дочь, а кучера привязал к лошадиному хвосту и пустил по свету. Лошадиная шкура, женившись на королевской дочери, стал царем. Но недолго пришлось ему царствовать: скоро свершилась революция, и народ прогнал царя с престола и стал строить новую жизнь без царя.

ПЯШТЕНЬ ТАРАТКЯ

Эрясь фкя велеса аля. Сон ульсь аф пяк беднай, аф пяк козя. Эрясь сон ветененза: синць атят-бабат да колма стирьсна. Весть праздник малав срхкась атясь базару и кизефнесыне стирензон:

— Мезе, азость, тейнть рамамс праздниконди?

Кэфттне ульсть пяк жаднайхть нарядс, кельгозь наряжакшнемаснон да фалу ёмла сазорняснон рахсекшнезь, кона ёфси афоль вана наряд лангс. Мезец ули — сянь щасы, мезе рамайхть — ся мархта сон довольнай. Кизефтезень алясь, мезе тейст рамамс. Оцюсь корхтай:

— Тейне рамак парьхциень мазы руця, кувака сюролда мархта, марнек панчфонь.

Омбоцесь корхтай:

— Рамак тейне валда сенем парьхциень платья, эсонза улест мази ёмла панчфкат.

Мольсь алясь колмоцети, кизефнесы:

— Мезе, стирняй, тейть рамамс? — Сон пяк кельголезе ёмла стиренц.

— Мезевок, — корхтай стирнясь, — тейне аф эряви, а мзярда ётат вирьге, тоста сясть тейне пяштень тараткя.

— Пяштень тараткять мархта месендят? — корхтай аляц. — Тон ина мярьк ладом, мезе тейть рамамс?

— Мезевок аф эряви, кантт мондейне пяштень тараткя.

Тусь атясь базару. Рамась тоста кафта стирензонды казнет и моли ни куду. Пачкодсь вирь малас. Лядьсь мялезонза, мезе тейнза наказакшнесь ёмла стирец. Сувась кить эзда вирь кучкав, мусь цебярь пяштелкс да синдсь эздонза цебярь тарад, ёмла лопаня мархта. Аньцек ёрась атясь тумс, коста-бди лиссь да кядьта кундазе оцю офта. Корхтай офтсь:

— Мезенди тон токсесайть монь владениянень? Тяни, кда пачкодят куду, эстокиге уск тя вастти ёмла стирцень.

Алясь эводсь.

— Ков, — корхтай, — мон макссa кельгома стирезень, да и конанцка аф макссa!

— Архт, саты корхтамс, — мярьги офтсь. — Ванды уск ёмла стирцень. Аф усксак — кальдяв ули эстейть.

Тусь алясь куду аф весёлайста. Сась куду. Кафта стиренза ласькозь каршезонза ласькихть, мезе сон тейст рамась, кизефнихть. Сувась алясь куду, таргазень рамаф казнетнень кафта оцю стирензонды, а сонць ризназь ащи, киньге лангс аф ваны. Сявозь казнетнень, наряжакшнихть, дивандакшнихть, молихть сазорснон вакес, фалендакшнихть. А ёмлась ащи да учи, усксь тейнза аляц мезевок или аш. Лиссь сонга ингольдень куду. Ваны алянц сельмос, сяльде кизефтезе:

— Ускоть, аляй, мондейне, мезе наказакшнень, или аш?

А аляц ащихть ни аванц мархта кафонест и горявакшнихть.

— Ускомс усконь,— уставась атясь,— да оцю беда тиень тя ускомать мархта. Мзярда сязине, офта кундамань да нолдамань тяфтама уговор мархта, што мон ванды тонь ускте тейнзя оцю вири. Али аф ускте? Молян тага монць, катк месендьсамань.

Сявозе ёмла стирец пяштень тараткять и корхтай:

— Ну, аляй-авай, тяда горява, кли тянди улемс, ковга аф туят. Давайте ускомасть, мезе ули, ся и ули.

Аш месендемс. Кильдезе алашанц атясь, озафтозе ёмла стиренц да ускозе оцю вири, тона вастти, коста синдезе сон тараткять. Аньцек пачкодсть пяштерькстъ ваксс, офтсь ни учси эсост.

— Мес пяк ламос?— корхтай офтсь.— Мон ни ёрань веть монць молемс. Ну, тяни, атя, пращак стирцень мархта да архт, мекиге тят ванонда.

Палазе атясь стиренц, шарфтозе алашанц да тусь авардезь вирь пачк.

Аньцек кенерсь атясь тумс, офтсь сувафтозе стирть кодамабди утомс. Тоста сон мусь кенкш. Панжезе кенкшть да сувафтозе стирть алдонь хоромас. Ащи тоса дворец, дворецса всякай богатства: комнататне валтт, стенатне хрусталень. Сувасть фкя кенкшкава, тусь офтсь, омба кенкшкава прважазе стирть. Катикинди пшкядсь сонь наряжамда. Сувась стирсь комнатас, тоса шрать лангса сембе анокт. Нинге сон аф няйсы, аньцек марясы, кати-кие эсонза кошарды наряжамдонза. Путфт шрать ланге всякай добра, пец аш: улихть тоса стафт золотаса, ульсть тоса простойнят. Сон щась простой платьяня, каркзазе серай каркскаса, сотсь прязонза акша гарусонь руцяня, и сонь лийхтезь залу. Залса шра песа ащи цебярь од цёра, учи эсонза. Шрать лангса всякай пища, винат, мезе повсь. Озафтозе цёрась ваксозонза, корхтай:

— Тон монь эздон тят пеле, мон аф токате. Мон од цёран, аф офтан. Учт малость. Врема сай. Минь дворецоньке лиси лангу, да карматама эряма мастор лангса, а тяни пока тямак кизефне, мес тейнек эряви тяфта эрямс.

Тусь эрямасна эсь кигаванза. Шобдава стяйхть, илять мадыхть. Эрясть тяфта целай киза. Кажнай недяляня няенкшнесь стирсь, кода офтсь кайсезе офтонь понав кеденц и арсесь меки ломанькс, и, меколанкт, коста вирьге шарома срхкай, меки офтокс арай. «Мес сон,— думандай стирсь,— тяфта тиенди, мезенди щасы офтонь понав кедть?» Весть стирсь учезе, мзярда офтсь каязе понав кедть, сон салава сувась комнатазонза, салазе кедть да пянакуду каязе. Кедсь пальсь тоса.

Етась ши. Кармась цёрась кати-ков срхкама. Сувась комнатазонза, ваны, аш косовок офтонь понав кедсь. Ванць, ванць—аш. Кизефнесы стирть:

— Коса тяса ульсь монь офтонь кедезе?

— Мон плхтайне,— азонды стирсь.

— Тон тиеть оцю беда,— корхтай тейнза цёрась.— Стама беда, конань мезьсовок аф петьсак. Мон улень колдубаф фкя колдунонь эзда. Сон монь колдубамань ся пингс, мзярда мон кельгован кодамовок стиренди, и эрямс тя стирть мархта мода потмонь царстваса целай колма кизот. Минь ни мархтот эряме кафта кизот да тяла, илятькшнесь аф лама, аньцек пяле киза. Тон плхтайть монь офтонь кедезень аф времастонза, тяни аф содан, мезе мархтонк вандыс тиеви.

Лажнай цёрась, стирське аварди.

— Мес тон ашеть азонда тянь тейне сяда инголи? Мон ёрайхтень тяфта тиемс ломанькс, штоба тумс мастор лангс эряма.

Шододсь шись. Ваны стирсь, куду сувасть лиезь колма вирь мацихть. Вирь мацихне таргасть эсь пацястост кувака толгат, ёрдазь мастору толгатнень, синць лиссть лиезь кудста. Ваны стирсь, арась цёраське мацикс да мельгаст лиссь.

Илядсь стирсь мода потмонь царствав ськамонза. Шити аф весть аварди. Стане эряй. Весть марясы, пялеветь кенкшкава сувась акша маци сонь комнатазонза да корхтай:

— Тон тят аварькшне, красавица. Тонь эсь эздот лиссь бедась, а мон тяни эрян колдун шireса, паксянзон лангста сукскат кочксян—нянь мархта пеке андан. Кеподить масторда мациень колма толгатнень, сявить мархтот да архт вешендема ся колдунть, конань пяле мон эрян. Кда сонь мусак, пря няфтть тейнза, сонь цёранц мяльс туят. Цёрась кармай тонь сявомот рьвакс. Тон озак шра пезонза, вешть эстейть лаказь лакай ведь. Ся ведти нолдайть ня колма толгатнень, да мзярда кармайхть вина каннема, ся веднять эзда каяк путькся колдунть рюмкас, колдунть рьванц да цёранц рюмкас. А мон тейть кандан толга. Сянь ванды синнезь синнек, сон вирьса арай алашакс, ведьса арай кораблякс, тонь колдунонь шири пачфттянза. Ну, тят аварькшне, прощай. Тят юкста, мезе мярьгонь, тиемс.

Азондозень нянь, да сонць юмась.

Шобдава стясь стирсь, кочказень толгатнень, лиссь ушу. Синдерезе фкя исяконь максф толгать — появась кильтьф тройка, сембе рысакт. Озась, тусь ардозь. Илядьс пачкодсь моря берякс, алашатне арасть кораблякс. Пачкодсь сон тона беряку. Ваны, колдунонь дворец берякть вакссa. Сон озась беряконяти, няйсы, сай од цёра. Колдунть мяльс стирсь тусь, да колма шида меле тисть свадьба. Каясь стирсь синь рюмказост, кода тейнза мацись мярьгсь, толгань ведня. Сразу арась колдунць семьянек мацикс, а сембе мацихне од цёракс. Ваны стирсь, пеедезь сувай соньге цёрац — офтсь. Кундазь синь ня мацихнень, шавозь да калмазь. А ня колма цёратне тусть куду. А стирсь цёрать мархта венцясть. Строясть дворец эстейст, стирть алянцты да кармасть эряма. Тянивок жифт и здорофт.

ВЕТКА ОРЕШНИКА

Жил в некотором селе мужик. Был он не беден, но не так уж и богат. А семья была из пяти душ: сам он с женой да три дочери. Однажды под праздник собрался старик на базар и спросил дочерей:

— Скажите, кому что нужно купить на базаре?

Старшие дочери были жадные, любили одеваться в новые наряды и все посмеивались над меньшей сестрой, не желавшей новых нарядов. Что было у нее, то и надевала, что ей покупали, тем и была довольна.

Старшая дочь говорит отцу:

— Купи мне красивый шелковый платок с длинными кистями, да чтобы весь был в цветах.

Вторая дочь наказывает:

— Мне купи светло-синее платье из шелка, да чтобы оно было усыпано мелкими чудными цветами.

Подошел старик к меньшей дочери:

— А тебе, дочка, что купить?— Старик очень любил свою меньшую дочь.

— Ничего,— говорит,— мне покупать не надо. А поедешь через лес, отломи мне веточку от орешника.

— А для чего тебе ветка орешника?— говорит отец.— Ты скажи мне, что купить для тебя на базаре?

— Ничего мне не нужно, привези только ветку орешника.

Поехал старик на базар. Купил там подарки для старших дочерей, едет обратно домой. Вспомнил наказ младшей дочери и завернул с дороги в сторону, где орешник растет. А орешник чудный, красивый! Старик согнул ветку и сломал ее. Откуда ни возьмись — хвать старика за руку медведь!

— Зачем ты сломал ветку в моих владениях?

Старик испугался, рассказал, как и что. Медведь и говорит:

— Как только приедешь домой, собери свою меньшую дочь и привези её ко мне.

Старик еще больше испугался:

— Куда,— говорит,— соберу свою любимую дочь? Я и вообще ни одну из них не отдам!

Медведь тоже сердится:

— Завтра привези меньшую дочь. Не привезешь — тебе же худо будет!

Вернулся старик домой печальный. Старшие дочери подбежали к нему, спрашивают, какие наряды привез им отец. Вошел старик в избу, отдал дочерям подарки, а сам ни на кого смотреть не может.

Старшие дочери взяли наряды, стали примерять, хвалиться да гордиться перед меньшей сестрой. А меньшая сестра сидит себе, ждет, может, и ей привез отец ветку орешника. Потом вышла она в переднюю. Посмотрела на отца, спросила:

— Тятенька, привез мне то, что я просила?

Сидят старик со старухой, печалятся, не знают, что ответить.

— Привезти-то я привез,— начал старик,— да большую беду наделал с этим подарком. Когда я ломал ветку, за руку меня схватил медведь, а отпустил только с уговором, что завтра тебя отвезу я к нему в большой лес.

Взяла меньшая дочь ветку орешника и говорит:

— Ну, тятенька и матушка, не горюйте, не печальтесь: чему быть, того не миновать. Отвезите меня, что будет, то и будет.

Делать нечего, конечно. Старик запряг лошадь, посадил в повозку меньшую дочь да и повез туда, где отломил ветку орешника. Только они доехали до орешника, а медведь уж ждет их.

— Почему так долго не приезжали?— спрашивает медведь.— Я уж сам хотел ночью пойти к вам. Ну, старик, прощайся со своей дочерью да и поезжай назад, не оглядывайся.

Поцеловал отец дочку, повернул лошадь и поехал домой со слезами.

Только успел отъехать старик, как медведь повел девушку в какую-то берлогу. Там отыскал дверь, открыл её и завел девушку в подземельную хоромину. Стоит там дворец, а во дворце всякое богатство: комнаты светлые, стены хрустальные. В одну дверь пошел медведь, в другую дверь проводил девушку.

Вошла девушка в комнату, видит — на столе все приготовлено. Еще не видит, а слышит, кто-то предлагает ей принарядиться. На столе всякое добро лежит без счета: есть там и шитое золотом платье, есть и простое. Надела она простое платье, опоясалась пояском, повязалась белым гарусным платком, и тогда вывели ее в зал. А там, подле стола, ждет ее красивый молодец. А на столе явства всякие, вина разные и всякая всячина.

Посадил молодец ее рядом с собой, говорит:

— Ты меня не бойся, я тебя не трону: я молодой парень, а не медведь. Погоди малость — придет время, наш дворец поднимется из-под земли, и будем жить с тобой на земле. А пока ты меня не спрашивай, почему должны жить здесь.

Пошла их жизнь своим чередом. Утром встают, вечером ложатся. Жили они так круглый год. Каждую неделю видела девушка, как медведь снимал свой медвежий покров и становился человеком и, наоборот, когда в лес на обход идет, снова в медведя превращается. «Почему,— думает девушка,— он так делает? Зачем надевает на себя медвежью шкуру?». И однажды девушка подкараулила, когда медведь снимал свою шкуру с шерстью, тайком прокралась в его комнату, взяла медвежью шкуру и бросила в печку — сгорела шкура.

Прошел день. Стал молодец собираться куда-то. Входит в комнату, смотрит: нет нигде шкуры с шерстью. Спрашивает девушку:

— Здесь была моя медвежья шкура. Ты не знаешь, где она?

Видит девушка, что парень страшно испугался, с тревогой спрашивает про шкуру.

— Я сожгла ее,— говорит девушка.

— Ты сделала большую беду,— говорит парень,— такую беду, которую ничем не поправишь. Был я заколдован одним колдуном до тех пор, пока не встретится девушка и не полюбит меня. И жить мне с нею в подземном царстве круглых три года. Жили мы с тобой два года и одну зиму, оставалось немного, только половина года. Ты сожгла мою медвежью шкуру прежде срока, теперь и не знаю, что с нами сделается до завтра.

Запечалился парень. Девушка тоже плачет:

— Отчего ты раньше не говорил мне? Я ведь хотела тебя превратить в человека, чтобы пойти с тобой на землю.

Закатилось солнце. Во дворец влетели три диких гуся. Гуси достали по длинному перу из своих крыльев, бросили их на пол, а сами вылетели из дворца. Видит девушка: парень тоже превратился в гуся и полетел за ними. Осталась девушка в подземном царстве одна. За один день не один раз поплачет. Так и живет. Однажды в полночь слышит: входит в ее комнату белый дикий гусь и говорит:

— Не плачь, красавица. От тебя самой вышла беда. А я теперь живу у колдуна, на полях его собираю червей — тем и питаюсь. Подними с пола три гусиных пера, возьми их с собой да и иди разыскивать того колдуна, у которого я живу. Ежели найдешь его — покажись ему, ты полюбишься его сыну. Сын будет тебя себе в жены брать. Ты садись подле стола, попроси подать себе кипящую воду. Подадут тебе воду, а ты опусти в нее эти три гусиных пера. Когда будут подносить вино, ты этой воды и налей по капле в стакан колдуну, его жене и их сыну. А тебе я оставлю перо. Его завтра разломи: оно станет в лесу лошадью, в воде кораблем. Оно тебя и доставит к колдуну. Ну, не плачь, прощай. Не забудь сделать, что я тебе сказал.

Сказал гусь это и скрылся. Встала девушка утром, собрала перья гусиные с полу, вышла во двор. Разломила подаренное перо — появилась тройка лошадей, все рысаки. Села, поехала вихрем. К вечеру прискакала к морю. Лошади тут же сделались кораблями. Переплыла девушка море, вышла на тот берег, видит: стоит на берегу дворец колдуна, а к ней молодец идет. Взял ее за руку, повел к колдуну. Понравилась она ему, через три дня свадьбу назначили.

Налила девушка в рюмки, как ей гусь наказывал, по капле воды кипящей. Колдун с семьей превратился в гусей, а гуси вокруг — в молодцев. Видит девушка: с улыбкой входит к ней знакомый молодец, что медведем был. Схватили они этих гусей, убили и в землю зарыли. Три молодца домой пошли, а девушка со своим парнем повенчались. Построили себе дворец да отцу невестиному, и стали жить-поживать. И до сего дня живы.

ОД АВА

Алять кулось рьвац, лядсь фкя стирняц. Алясь рьвакс сявсь од рьвя ёмла стирня мархта. И аляти авась мярьги:

— Эрьфтьк стирняцень. Эрьфтьсак стирняцень — эрян мархтот, аф эрьфтьсак — аф эрян.

Аляти арась ужялькс, изезе эрьфте.

Од тядясь макссь стирняти равжа сумань пракстаня и корхтай:

— Мзярда акша сумань пракстанякс муськсак, акшептсак, эста сак куду.

Тусь стирнясь муськома: муськсь, муськсь — изь акшема. И тусь стирнясь ков няихть сельмонза.

Мольсь-мольсь, каршезонза угадявсь траксонь стада. Тракс стадаса фкя тракс аф вазыяви, и постуфсь серьгядезе:

— Акай, акай, сак траксоньконь вазыяфтк, меки ётамста максан ваз мархта тракс!

Мольсь стирсь, тракстъ вазыяфтозе, вазнянц урядазе, симдезе. Постуфсь андозе-симдезе стирнять, и стирсь тусь. Мольсь, мольсь, каршезонза угадясь алашань стада, стадаса фкя алаша аф вашияви, и постуфсь серьгяди:

— Акай, акай, сак алашаньконь вашияфтк, меки ётамста вашенек-мезнек алаша макстама!

Мольсь стирсь, алашать урядазе, алашась вашиясь. Ваше-нять урядазе, симдезе.

Стирть андозь-симдезь и мархтонзовок макссть, прважазь, и сон тусь тага.

Мольсь, мольсь — учань стада. Аф верозави учась. Серьгядезь тага постуфне:

— Акай, акай, аф верозави учаньке, сак лезтт, меки ётамстот верознек-мезнек уча макстама!

Мольсь стирнясь, учанять верозафтозе, урядазе и кармась тума. Тумстонза андозь-симдезь и мархтонзовок макссть.

Мольсь, мольсь — казань стада. Постуфсь терди:

— Акай, акай, казаньке аф верозави. Сак верозафтк. Меки ётамстот каза верознек макстама!

Мольсь стирнясь, урядазе казанять, и сон верозавсь. Тумстонза андозь-симдезь и мархтонзовок макссть. Тусь тага.

Мольсь, мольсь — тувонь стада. Постуфкятне серьгядихть:

— Акай, акай, тувоньке аф пурхцозави, сак лезтт. Меки ётамстот пурхцкянек-мезнек тува макстама!

Мольсь, урядазе. Тувось пурхцозась 12 пурхцкя. Тостовок тусь. Якась, якась — мусь кудня и сувась ся кудняти. Удофтозь тоса. Стясь шобдава, стирняти корхтайхть атят-бабат:

— Стирняй, тон содасак, мзярда кудста туть?

— Содаса, шись вержиель.

— Стирняй, вдь шись тячиенге вержи, а тячи топоди, кода кудста туть, колма кизот: тракстце вазыясь колма вазнят, да

вазняц вазыясь кафта вазнят; алашаце вашиясь колма вашенят, да вашеняц — кафта; учаце верозась колма вероскат, да вероскятне верозасть; казатне верозасть тондедот меле колма вероскат; тувоце кемгафтува пурхцкя пурхцозась, да ся пурхцканза кемгафтувонь пурхцкя пурхцозасть. Ну, тяни архт, стирняй, куду. Мархтот кучан помощник стадань панема.

Ётай стирнясь тувонь стадать вакска, постуфсь ювади:

— Акай, акай, тувонь стадацень сявк!

Панезе постуфсь каршезонза.

Мольсь, мольсь—казань стадась шовордась тувотнень мархта. Мольсь, мольсь—учань стадась шовордась. Мольсь, мольсь—алашань стадась шовордась. Пачкодсь траксонь стадати—траксонзонга максозь. Вот пачкоди ни велети жуватанзон мархта.

Стирнять тядяц кудса пачат пици, а пиненясь лаподьсыне кенкш порогть ланге пильгонзон и морай:

— Каф-куф, тячи-ванды аказе сай, калдаз пяшксе жувата туй!

Моли авась, пинеть пикссы. Авась куду сувай, а пинесь тага мельганза сай:

— Каф-куф, тячи-ванды аказе сай, калдаз жувата туй.

Варжакстсь вальмава авась — аф родной стирец жуватань гурт пани. Аляц каршезонза лиссь, панжезе ортать: алашанза, траксонза, учанза, казанза, тувонза.

Авать мяльс аф пара и паньцы эсь стиренц ся киге жа. Макссь кядезонза равжа сумань пракстаня и корхтай:

— Куду тят сашенда снярс, мзярс тя пракстанять аф акшептсак.

Стирнясь сявозе сумань пракстанять и тусь муськома.

Мусыксь, муськсь — изь муськов, и тусь коза няихть сельмонза.

Мольсь, мольсь — угадясь алашань стада ланге. А постуфне серьгядезь:

— Акай, акай, сак алашаньконь урядак!

Од авань стирнясь отвечай:

— Пинетне сиволедязь алашанек-мезнек.

Тага мольсь, мольсь — тракс стада угадясь, постуфне серьгядсть:

— Акай, акай, сак траксонь урядама!

— Пинетне-тувотне сиволедязь траксонек-мезнек!

Мольсь, мольсь — учань стада каршезонза угадясь. Постуфне ювадихть:

— Акай, акай, урядак учаньконь, ётамста уча верознек макстама.

— Пинетне сиволедязь учанек-мезнек!

Мольсь, мольсь — каршезонза угадясь казань стада. Постуфсь серьгяди:

— Акай, акай, сак, казаньке аф верозави. Урядак, меки ётамста верознек-мезнек каза макстама!

— Пинетне-тувотне казанек-мезнек сиволедязь!— и тусь.

Мольсь, мольсь — каршезонза угадясь тувонь стада. Постуфсна серьгяди:

— Акай, акай, сак тувоньконь урядак, аф пурхцозави. Меки ётамста тува пурхцонек-мезнек макстама!

— Пинетне сиволедязь тинь тувонек-мезнек.

Ичкозе тувонь стадать эзда стирнясь няйсь кудня. Мольсь ся кудняти, и бабаня кизефнесы:

— Мезевок, стирняй, няеть?

— Мезяма няень? Няень траксонь, тувонь, алашань, казань, учань стадат.

— Ну, стирняй, удок шобдавати, а шобдава стяят — анттядязь-симттядязь и тумстот бславатядязь.

Удось веньберьф, шобдава стясь, и срхкафтозь тума. Бабанясь мярьги:

— Тяни веле пезонт пачкодят — пинетне-тувотне сязенттядязь.

Тусь тоста стирнясь, ётай тувонь стадать вакска, а постуфкясь ювади:

— Стирь, а стирь, веле пезонт молят, пинетне нефттядязь!

— А тинь стадантень вакоса нефттядязь!— отвечась стирсь.

Мольсь, мольсь — каршезонза лиссь тракс стада. Постуфснон кядьста веши тракс. Постуфне отвечасть:

— Тувотне-пинетне веле песа сязенттядязь!

Тяфта жа иляды стадань постуфне отвечакшнесть.

Стирнять тядяц пачат пици, а пиненясь порог лангс арась и ушедсь морама:

— Каф-куф, аказе сай, калдор-кулдор пакарьхть туй! Стирть тядяц ласьксь и давай пинеть шавомс, а сонць тонафты пинеть морама:

— Тон мярьк: «Каф-куф, аказе сай, калдаз пяшксе жувата туй!»

Авась куду пешефтанц мархта сувай, пинесь сонцень содай, сяконь морай:

— Каф-куф, аказе сай, калдор-кулдор пакарьхть туй!

Авась кучсы алять стиренц каршес. Лиссь алясь бта жуватань панема. А кона постуфкясь сась стиренц мархта, отвечась:

— Аля, аля, тон сяфть мархтот кяскав — сон кондясти.

Алясь кулхцондозе постуфкять и сявсь кяскав. Лиссь велеста, ваны: стирнясь сязентьф и катфт аньцек пакаренза. Атясь ванць-ванць, стирть пакарензон кочказень и кандозень куду кяскавса.

Стиренц пакарензон срафтозень и аванцты мярьгсь:

— На, ва стирцень жуватанза!

МАЧЕХА

Умерла у мужика жена, осталась одна дочь. Женился мужик, взял мачеху тоже с дочерью. И говорит мачеха мужику:

— Погуби дочку! Погубишь дочку — буду с тобой жить, не погубишь — не буду.

Отцу жалко дочь, но делать нечего.

Мачеха дала ей стирать черные онучи и говорит:

— Когда эти онучи отстираешь добела, тогда вернешься домой.

Пошла девочка стирать. Стирала, стирала — не побелели онучи. И пошла девочка куда глаза глядят. Шла, шла она, попалось ей навстречу стадо коров. Одна корова из этого стада никак не отелится, и позвал пастух девочку.

— Сестричка, сестричка, иди помоги корове отелиться, пойдешь обратно — дам тебе корову с теленком!

Пошла девочка, помогла корове отелиться, теленка убрала, напоила. Пастух напоил, накормил девочку, и она ушла.

Шла она, шла, встретила табун лошадей. Одна лошадь в табуне никак не может ожеребиться. Пастух кричит девочке:

— Сестричка, сестричка, иди помоги лошади ожеребиться, пойдешь обратно — дам тебе лошадь с жеребенком!

Лошадь ожеребилась, жеребенка девочка убрала, напоила. Девочку пастух накормил, напоил, и она опять пошла.

Шла она, шла, встретила овечье стадо. Овечка никак не может оягниться. Позвали опять её пастухи:

— Сестричка, сестричка, помоги овечке оягниться, пойдешь обратно — дадим овцу с ягненком!

Подошла девочка, помогла овечке оягниться, убрала ягненка и собралась уйти. Накормили ее пастухи и дали с собой.

Шла она, шла, встретила стадо коз. Пастух её зовет:

— Сестричка, сестричка, козочка никак не окотится. Иди помоги ей. Пойдешь обратно — дадим козочку с козленком!

Подошла девочка, помогла козочке окотиться. Накормили ее пастухи, напоили и с собой дали, и она опять пошла.

Шла, шла, попалось ей стадо свиней. Позвали ее пастухи:

— Сестричка, сестричка, свинья никак не опоросится. Иди помоги ей. Пойдешь обратно — дадим свинью с поросятами!

Подошла она, убрала ее. Свинья принесла двенадцать поросят. Пошла девочка дальше. Шла, шла, нашла избушку и зашла в нее. Переночевала там. Встала утром, а старик со старухой и говорят:

— Девочка, ты знаешь, когда ушла из дома?

— Знаю, ушла в среду.

— Девочка, ведь и сегодня среда, но ты ушла из дома вот уже как три года: корова твоя принесла трех телят, да и телочка — двух телят, лошадь ожеребила трех жеребят, да тот жеребенок — двух; овца оягнилась тремя ягнятами, да и ягнята

оягнились; коза принесла трех козлят, да и они окотились; свинья опоросила двенадцать поросят, да каждый поросенок по двенадцати. Ну, теперь иди, дочка, иди домой. Пошлю с тобой помощника гнать стадо.

Идёт девочка около свиного стада, пастух кричит ей:

— Сестричка, сестричка, возьми стадо свиней!

Пригнал пастух стадо свиней.

Шла, она шла — прибавилось к свиньям стадо коз. Шла, шла — стадо овец прибавилось. Шла, шла — табун лошадей прибавился. Дошли они до стада коров и коров ей дали. Вот она подходит к селу со своим скотом.

Мачеха печёт блины дома, а собачка положит свои лапки на порог и тявкает:

— Каф-куф! Не сегодня-завтра сестричка придет, приведет с собой полный двор скота!

Выйдет мачеха, побьет собаку. Войдет она в дом, а собачка за ней идет:

— Каф-куф, не сегодня-завтра сестричка придет, полный двор скота приведет!

Выглянула мачеха в окно — неродная дочь гурт скота гонит. Отец вышел навстречу, открыл ворота: лошади, коровы, овцы, козы, свиньи.

Позавидовала мачеха и стала гнать свою дочь по тому же пути. Дала ей в руки онучи и говорит:

— Не приходи домой до тех пор, пока не выстираешь черные онучи добела.

Девочка взяла онучи и ушла стирать. Стирала, стирала она, не выстирала, и ушла куда глаза глядят.

Шла, шла, встретила табун лошадей. Пастух зовет её.

— Сестричка, сестричка, иди убери лошадь!

Дочь мачехи отвечает:

— Пусть вас и ваших лошадей разорвут собаки!

Опять шла она, шла, встретила стадо коров. Пастухи кричат ей:

— Сестричка, сестричка, подойди убери нашу корову!

— Пусть вас и ваших коров разорвут собаки!

Шла она, шла, встретила стадо овец. Пастушок кричит:

— Сестра, сестра, убери нашу овечку. Пойдешь обратно — дам овцу с ягненком!

— Пусть тебя и твоих овец разорвут собаки!

Шла она, шла, встретила стадо коз. Пастушок позвал ее:

— Сестра, сестра, иди к нам, помоги козочке окотиться, убери ее. Пойдешь обратно — козочку с козленком дадим.

— Пусть вас с вашими козами собаки и свиньи разорвут!— И ушла.

Шла она, шла, встретила стадо свиней. Пастух кричит ей:

— Сестра, сестра, иди к нам, помоги убрать свинью, никак не опоросится. Пойдешь обратно — дадим свинью с поросятами!

— Пусть вас и ваших свиней разорвут собаки!

Недалеко от свиного стада девочка увидела домик. Вошла в него, спрашивает ее старушка:

— Что-нибудь видела, доченька?

— Что я видела? Видела стадо коров, стадо свиней, табун лошадей, стадо коз и овец.

— Ну, доченька, ложись и спи до утра, а утром поднимешься, накормим-напоим тебя и благословим в дорогу.

Спала девочка до утра. Утром встала она и собирается уходить.

Старушка говорит:

— Дойдешь до околицы вашего села, разорвут тебя собаки.

Ушла оттуда девочка, проходит около стада свиней, а пастух говорит ей:

— Девочка, девочка, дойдешь до села, собаки разорвут тебя!

— А вас пусть здесь разорвут,— ответила она.

Шла она, шла, навстречу стадо коров. Стала просить девушка у пастухов корову. Пастухи отвечают ей: «Пусть тебя разорвут собаки». Так же ответили и другие пастухи.

Мать дома печет блины, а собака встала у двери и начала петь:

— Каф-куф, сестрица идет, кулдыр-калдыр косточки несет!

Мать вышла и давай собачку бить, а сама учит:

— Ты скажи: «каф-куф, сестричка идет, полный двор скота ведет».

Только войдет старуха домой, а собака, знай свое, все поет:

— Каф-куф, сестра идет, кулдыр-калдыр косточки несет!

Жена гонит мужика встречать дочь.

Вышел отец, а пастушок, который пришел с его родной дочерью, отвечает ему:

— Отец, а отец, ты бери с собой мешок, он пригодится тебе.

Послушал мужик пастушка и взял с собой мешок. Вышел из села, смотрит: девочка разорванная, остались только косточки.

Мужик смотрел, смотрел, собрал девочкины косточки в мешок и принес их домой.

Высыпал он из мешка косточки девочки и говорит жене:

— На, вот скот твоей дочери!

СИРЕ АВАНЬ СТИРЬ

Эрясть-ащесть атят-бабат, и синь улысь фкя стирьсна. Кулось бабась, илядсь атясь стиренц мархта. Атясь сявсь од ава, а од авать сонцень кафта стиренза.

Атясь якай разнай васту товаронь рамама. Кармай сон орхкама, а од авать стиренза мярьпихть рамамс мар рамафкс,

мезяма синдейст эряви. А сире авань стирсь кудса аф эряй. Стирсь цебярь, но танцти ярхцамда аф ярхцай. Сон эряй инголе садсост, кядьстонза ванфтыхть вазнят. Стирть пильгсонза калада кямот, лангсонза карьготьф ор лоскод, прясонза сязентьф руцяня. Атясь корхтай од авань стирьхненди:

— Тердесть куду ся стирнять, пади, сонга мезевок рамафты.

А стирнятне мярьгихть:

— Месенди сон наряттнень мархта, сонь тяфтанга тевонза улихть. Катк садть эса ащи да вазнянзон ваны.

— Арда тердесть всё-таки,— корхтай атясь.

Мольсть инксонза. Тердезь куду, аляц корхтай:

— Корхтак тонга, мезе тейть эряви.

А стирсь отвечай:

— Мондейне мезевок аф эряви, тейне тук ва мезе: кодак ки ширеста вирти суват, кона ились первай шамазт яфоди, сянь мондейне синдьк и тук куду.

Вов атясь мольсь вири и, кона ились шаманц керькстазе, сянь алясь и синдезе, путозе крандаззонза. Сяда меде мольсь сон коза тейнза эряви и рамась од авань стирьхненди, мезе мярьгондсть. Тяда меле сась куду, пуромсть од авань стирьхне атять перьф, ушедсть рамафнень ванондома. Атясь тертьфтезе садть эзда эсь стиренцка и максозе тейнза илить.

Стирсь сявозе и тусь меки садти.

Сембе Россиять эзга оцязорсь макссь приказ: сонь ули рьвяяфтомс цёрац, и костонга тейнза аф лисенди рьвя. Кува аф якай — коряванза рьвя аф муй. Оцязорсь тердезень мастор лангонь од стирьхнень. Од авась эсь стирензонды корхтай:

— Давайте пяконе наряжада, пади, конацка цёрать мялезонза тутада.

Авась наряжазень стирьхнень парьхциса, шамаснон вадендезень краскаса и ушедсь прважамост. Садть эзда сась сире авань стирсь и мярьги:

— Монга молян.

Од авань стирьхне сонь аф сявондьсазь.

— Местема тон молят карьготьфнень мархта? Тонь тевце ули садть эса, ваныть вазнятнень.

— Молян ванондома,— отвечась тейст стирсь.

А од авань стирьхне тейнза тага мярьгихть:

— Тят яка!— и синць тусть.

А од авась мярьги сире авать стиренцты:

— Тондейть молемс аф ётка. Васенда кочкак кяскав сура тифтень-тифтень видьмоня, эста молят ванондома.

— Мес, што ли, аф кочкан,— пшкядсь стирнясь каршезонза.

Сявсь од авась и лаподсь стирть лангс кяскав сура. Стирнясь лиссь садозост, веляфтозе модать лангс и ушедсь тифтенянь зёрна кочкама. Пуромсть перьфканза сембе нармоттне и кочказь суротнень. Ламбафтозе стирсь кяскавть копорезонза и кандозе куду.

— Кочкайть?— кизефни од авась.

— Кочкайне,— пшкядсь стирсь.

— Ну, эста архт ванондома,— мярыгсь авась.

Стирсь сявозе кядезонза алянц илинянц и тусь. Арась тейнза ётамс калмотнень вакска. Мольсь тядянц калмонц ланго, пезфтазе ся илиенц тядянц пряпес. Ушедсь тядянц калмонц лангса явсема. Явсекшнесь-явсекшнесь пяк куватьс — лиссь тядяц калмоста, наряжазе стирть кода эряви, урядазе-петезе, андозе и прважазе.

Мольсь стирсь, коза пуромсть сембе масторонь од стирьхне. Ваныхть сембе лангозонза, народсь сембе явсь кафту, тейнза кадсь ки. Пяк ни цебярь.

Оцязоронь цёрась ваны лангозонза, пяк тусь мялезонза. Ялганзон мархта цёрась якай — аньцек лангозонза ванонды. Ушедсь цёрась стирть мархта якама и якафтозе стирть мянь илядти. Аньцек ванонды сембе народсь мельгаст, а стирть содаец кивок аш.

Кармась шоподема, цёрась нолдазе сонь куду. Стирсь ётамста тага мольсь тядянц калмонц ланго, каязень нарядонзон и сась меки садозонза сяка карьготьфнень мархта.

Састь од авать стиренза куду, тядясна кизефнесыне:

— Конацка изеде ту мялезонза?

— Кодама тума! Мольсь кодама-бди стирь, сембе народсь кафту явсь, кадсь ки тейнза. Тага нява ся молель тоза карьготьфонзон мархта! Тоса аф стапт улихть, ито кивок цёрать мяльс ашезь ту,— отвечайхть од авань стирьхне.

Омбоце шния тага стирьхне пуромсть вастти. Од авась тага наряжазень стиренэон. А сире авань стирсь ёрай молемс, но сонь аф сявондьсазь. Од авась мярьги тейнза:

— Кяскав канцёр видьмонянь-видьмонянь кочксек, эста молят.

— Мес кда, што ли, аф кочкаса,— пшкядсь стирсь. Сон лаподезе копорезонза апак чистендак канцёр кяскавть и тусь садти. Веляфтозе кяскавть модати, и пуромсть тага сембе светонь нармоттне, кочказь видьмонятнень. Стирсь лаподезе кяскавть копорезонза и кандозе куду. Тяда меле од авась нолдазе сире авань стирть невестань ванома.

Ётамбачк стирсь мольсь тядянц калмонц ланго, тага ушедсь явсекшнема. Лиссь тядяц калмоть потмоста, стиренц наряжазе разнай нарядса и прважазе. Пачкодсь стирсь народть малас, народсь явсь кафтува, макссь тейнза ки. Цёрась ваны аньцек тя стирть мельге. Сон якафтозе стирть эсь мархтонза и илядендн нолдазе куду, а сембе стирьхненди мярыгсь:

— Пуромода тага ванды!

Куду ётамста стирсь мольсь тядянц калмонц ланго, кайсезень сембе нарядонзон, сась садти вазнятнень вакос сяка карьготьфнень мархта. А од авась стирьхнень куду самдост меле кизефнесыне:

— Каба изеде ту конацка мялезонза?

— Аш,— отвечайхть стирьхне,— кодама тума тоса, омбоце шись якай кодама-бди стирь, вов ся тусь мялезонза. Тага нява карьготьфонзон мархта якай тоза!

— Мон, што ли, пря няфтема якан?

Сась колмоце шись. Од авань стирьхнень тага тядясна наряжазень сяда лац, прважазень и мярьги:

— Пади, конацка тутада мялезонза.

Сире авань стирьхне срхкасть. Од авась тейнза и мярьги:

— Коза тага тон молят? Тондейть аш мзярда якамс. Васенда архт кочкак видьмонди кяскав тозер.

— Мес, што ли, аф кочкаса,— мярьгсь стирсь. Сон лаподезе копореиц лангс кяскавть и тусь садняти.

Веляфтозе кяскавть модати и ушедсь тифтень зёрна кочкама. Пуромсть сембе светонь нармоттне и кочказь тейнза тозер видьмотнень. Лаподезе стирсь кяскавть копорезонза и сувафтозе куду. Эста од авась нолдазе.

Стирсь тусь калма вакска, мольсь тядянц калмонц лангс. Кона ились пезфтаф тядянц пряпенцты — арась келукс, кассь оцюста, паргу, мазы, ильне ломаттне ваныхть лангозонза и абонкшнихть.

— Коста тя келунясь? Тяса ашель мезевок, а тяни пяк паргу келу тяса касы.

Сире авань стирсь мольсь тага тядянц калмонцты и ушедсь пяк явсема. Лиссь тядяц, наряжазе лацкас, андозе-симдезе и прважазе. Мольсь стирсь тоза, коза пуромкшнесь народсь. Цёрась ушедсь стирть мархта якама. Кува вятнесы, сонць думандай: «Мезе тиемс мархтонза?». Сон ялганц мархта сявозь стирть кафта пяльде и вятнесазь шочконь ланга. Повсь стирть пильгоц шочка ётксс, илядсь тоза башмакоц. Цёрась аньцек сяконь учсь. Кодак няезе башмакть праманц, сонь кеподезе и полалонза прдазе. Илять, шоподемань шовор, нолдазе стирть куду. Тусь стирсь куду и молембачк лоткась тядянц калма лангс, кайсезень щамонзон. Сась садонцты вазнятнень ваксс.

Ётась времада кати-мзяра, ушедсь оцязоронь цёрась рьванц вешендема, и кодавок сон аф муви. Якась колма шит, но аф лемонц, аф фамилиянц аф содасы. Ушедсь вешендема башмакть коряс. Кинь пильгс ладяй ся башмаксь — ся рьвац. Сон тяфта ётазень сембе велень од стирьхнень, якась кудгаст, но киньге пильгс башмаксь изь ладя. Илядсь молемс ся кудти, коса эрясть ня стирьхне. Ардсь пялост целай обоз, алашатне кильнефт тройкаса и пайгсот. Мзярда ардсть, мянь масторсь зрнась. Ломаттне сувасть пялост и корхтайхть:

— Давайте варжасаськ стирентень пильгонон.

Сявозь башмакть и сувасть од авань оцю стирти, максозь тейнза башмакть. Стирсь варжазе: башмаксь пильгозонза аф тяльги. Сон керозе оцю пильге суронц, и башмаксь тяльгсь пильгозонза. Сон лиссь комнатастонза, кизефнесазь:

— Ладясь пильгозт?

— Ладясь,— отвечай стирсь.

Озафтозь стирть алашас, сявозь мархтост и арфтозь сонь стане, мянь масторсь зрнай. Ётайхть стане калмоть вакска, а ся келуть пряс сембе масторонь нармоттне пуромсть и ювадсть:

— Цёра, аф тонцень рьвяцень арфтсак! Цёра, аф тя рьвяце, архт меки мрдак!

Таргазь стирть пильгста башмакть — потмоц пяшксе верда. Мрдасть сембе меки, састь кудозост и мярьгсть:

— Давайте омбоце стиренгень пильгонц мерасаськ.

Од авань стирсь сувась комнатазонза, варжазе башмакть — аф тяльги. Сон сявсь и кочкярянянц керозе, башмаксь тялькгсь.

Стирть озафтозь алашас и тусть ардома, мяк масторсь зрнай. Од авась кенярдсь.

Обозсь пачкодсь калмоть ваксс, и тага ся келуть пряс сембе светонь нармоттне пуромсть и ювадихть:

— Цёра, ся аф тонцень рьвяцень арфтат, таргак пильгстонза башмаконц!

Таргазе цёрась стирть пильгста башмакть, ваны: потмоц пяшксе верда. А нармоттне ювадихть:

— Архт тага сяка кудти, тоса рьвяце!

Мрдась цёрась меки кудти и корхтай:

— Давайте, тинь тага ули фкя стиренте!

— Минь иля аш,— мярьгихть од авань стирьхне.

— Тяни иляста аш коста вешемска: минь ётаськ сембонь, аньцек илядсь тинь кудонте.

— Минь иля аш, аньцек ули садсонк дурак стирь, козонга ёфси сон аф лисенди, якай карьготьфста-карьготьфста,— отвечайхть од авась и стиренза.

— Аряда,— мярьгсь цёрась.

Мольсть садти инксонза, тердезь стирть куду, сувась стирсь калада кямоса, карьготьф орса, калада руцяса. И козк сувась, ломаттнень пингста пильгстонза кямонц ёрдазе, и башмаксь пильгозонза щафтовсь.

Стирть озафтозь алашас и сявозь цёрать мархта. Цёрась кенярдсь: мувсь рьвац. Сон аф пичеди, мес рьвац лоскодса. Озафтозе стирть ваксозонза и тусь ардома.

Пачкодсть калмотнень каршес, и келуть пряста сембе светонь нармоттне ювадихть:

— Вага, цёра, тонцень рьвяце! Тяни сон мувсь!

Стирсь мярьгсь лоткафтомс алашатнень ся вастти:

— Ожуда, молян тоза, тядязти.

Лоткафтозь. Стирсь мольсь тядянц калмонц лангс, шарфтозе келуть, лиссь калмоть эзда тядяц, наряжазе стиренц кода эряви, марась стирть мархта мезе эряви и бславазе сонь эряма-ащема, шида-парда няема.

Тяда меле стирсь озась мирденц вакссе, и тусть синь ардозь.

И лец ваясь ведьс.

ПАДЧЕРИЦА

Жили-были старик со старухой. Была у них дочь. Умерла старуха, остались вдвоем старик с дочерью. Взял старик мачеху, а у нее двое дочерей.

Старик ездит по разным местам покупать товары. Начнет он собираться, а дочери мачехи приказывают купить им то, в чем нуждаются. А падчерица дома не живет. Она сама хорошая, но вкусную пищу не видит: живет все время в саду, ее заставляют там пасти телят. На ногах у неё развалившиеся сапоги, одета в рваную шубку, голова обвязана рваным платком. Старик говорит неродным дочерям:

— Позовите домой и ту дочь, может быть, и она велит что-либо купить.

А неродные дочери говорят:

— А что ей делать с нарядами? У нее и без этого есть что делать. Пусть там в саду остается да пасет телят.

— Идите все-таки позовите,— говорит старик.

Вышли за ней, позвали домой. Старик спрашивает ее:

— Говори и ты, что тебе нужно.

А дочь отвечает:

— Мне ничего не нужно. Только вот что: как войдешь в придорожный лес, сломай и привези домой прут, который ударит тебя по лицу.

А ездил отец лесной дорогой. Как вошел он в лес, сразу сломал ударивший его по лицу прут и положил в повозку. После этого он поехал куда ему надо и купил своим неродным дочерям всякой шелковой одежды. Потом он приехал домой. Собрались вокруг него неродные дочери и начали рассматривать привезенные наряды. Старик велел позвать свою родную дочь и отдал ей ветку. Дочь взяла ее и пошла в сад. Там она снова стала жить.

Царь по всей России дал приказ: у него есть взрослый сын, и ему никак не находится жена. Где ни ходит-бродит, нигде жену для себя не найдет. Царь созвал всех молодых девушек страны. Мачеха и говорит своим родным дочерям:

— Давайте получше принарядитесь, может быть, которая-нибудь понравится парню.

Мать их нарядила в шелк, лица намазала красками и стала провожать. Из сада пришла дочь старой жены и говорит:

— И я пойду.

Дочери ее не берут.

— Зачем ты пойдешь? У тебя есть дело. Стереги в саду телят.

— Пойду, побуду там,— отвечает падчерица.

Мачехины дочери снова ей говорят:

— Не ходи!— И сами ушли.

А мачеха говорит своей падчерице:

— Тебе некогда ходить. Прежде собери по одному зернышку мешок проса, тогда пойдешь смотреть.

— Ну что ж, не соберу, что ли,— возразила ей падчерица.

Мачеха взяла мешок проса, навалила его на падчерицу. Падчерица пошла в сад, высыпала содержимое на землю и принялась собирать чистые зерна по одному.

Собрались вокруг нее со всего света птицы, собрали просо. Девушка схватила мешок, накинула его себе на спину и принесла домой.

— Собрала?— спросила мачеха.

— Собрала,— ответила падчерица.

— А теперь иди смотреть,— сказала мачеха.

Падчерица взяла в руки привезенную отцом ветку и пошла на смотрины. Ей пришлось пройти мимо кладбища. Она пошла на могилу матери, воткнула ветку к изголовью и принялась причитать. Причитала она очень долго. Вышла из могилы мать, нарядила-одела, убрала-почистила свою дочь, накормила и проводила.

Пошла она в то место, где собрались все девушки страны. Пришла последней: все смотрят на нее, народ дал ей дорогу, разойдясь в две стороны. И царевич смотрит на нее — уж очень понравилась она ему. Парень ходит со своим товарищем и наблюдает только за этой девушкой. Потом начал парень прогуливаться с этой девушкой, ходили они так до самого вечера. Народ на них только и смотрит, но никто не знает, кто такая девушка.

Стало смеркаться, парень отпустил ее домой. Идя домой, девушка зашла на кладбище, сняла с себя наряды и пришла в сад в старом своем загрязненном платье.

Пришли домой и родные дочери мачехи, она и спрашивает:

— Ну, которая из вас понравилась ему?

— Где там понравиться! Пришла какая-то девка, весь народ посторонился, ей дал дорогу. Вот еще и эта грязнуля хотела лезть туда. Там не такие есть, да и то никто парню не понравился,— отвечают мачехины дочери.

На второй день девушки снова пошли на смотрины. Мачехины дочери снова оделись. Хочет идти и падчерица, но ее не берут. Мачеха говорит:

— Ты куда? Тебе нет времени шляться там. Вон раньше собери по зернышку мешок конопляных семян, тогда пойдешь.

— Что ж, или не соберу?— ответила падчерица. Взвалила себе на спину мешок зерна и вышла в сад. Высыпала мешок на землю, снова собрались со всего света птицы, собрали зерно. Девушка перекинула через спину мешок и принесла домой. После этого мачеха отпустила падчерицу на смотрины невест.

По пути зашла девушка на могилу матери и снова там стала причитать. Вышла ее мать из могилы, одела дочь в разные наряды, проводила ее. Подошла девушка к месту — народ по-

сторонился, освободил ей дорогу. Парень только и смотрит на эту девушку. Он снова погулял с ней до вечера, а потом отпустил домой, а всем девушкам сказал:

— Завтра придете снова!

Домой идучи девушка зашла на могилу матери, сняла с себя одежду, пришла в сад в своей грязной одежде. А родных дочерей мачеха спрашивает после их возвращения:

— Неужели никто из вас не понравился ему?

— Нет,— отвечают дочери,— какое там понравиться. Туда второй день приходит какая-то девушка. Вот та понравилась ему. Вот еще грязнуля ходила туда, а то не на кого ему смотреть.

Наступил третий день. Мачеха своих дочерей нарядила лучше прежнего и, провожая их, сказала:

— Может быть, которая понравится.

И падчерица собирается идти. Мачеха говорит ей:

— Ты куда опять собираешься? Тебе нет времени ходить. Вон иди мешок пшеницы набери по одному зерну.

— Что ж, или не соберу?— ответила падчерица. Она кинула на спину мешок и вышла в сад. Вывалила содержимое мешка на землю и принялась собирать по одному зернышку. Собрались со всего света птицы и тут же собрали пшеничное зерно. Взяла девушка мешок на спину, внесла в избу.

— Мачеха, разреши и мне сходить на смотрины.

— Теперь иди.

Пошла девушка мимо кладбища, зашла на могилу матери. Ветка, которая была посажена у изголовья матери, стала большой, красивой, развесистой березой. Даже люди, смотря на нее, дивуются.

— Откуда эта береза? Здесь ничего не было, а теперь очень развесистая, ветвистая береза растет!

Падчерица прицла на могилку матери и начала горестно причитать. Вышла мать, нарядила хорошо и проводила ее. Пришла девушка туда, где народ собирается, и народ посторонился, освободив ей дорогу. Парень начал прогуливаться с этой девушкой, а сам думает: «Чья же эта красавица?» Взяли с товарищем девушку с двух сторон и водят ее по бревнам. Завязла нога девушки между бревнами, остался там ее башмак. Парень этого только и ждал. Заметив упавший с ноги башмак, парень взял его и спрятал под полу. Вечером, в сумерки, отпустил девушку домой.

Ушла девушка домой, а по пути остановилась на могиле матери, сняла с себя одежду. Потом пошла в сад к телятам: стеречь их.

Прошло сколько-то времени, царевич начал искать свою жену, но никак не найдет ее. Гулял он с ней три дня, но не знает ни имени ее, ни фамилии. Стал он искать ее по башмаку. К чьей ноге подойдет этот башмак — та и жена.

Так он прошел все деревни, ходил по домам, но ни по чьей ноге не пришелся башмак. Осталось идти в дом, где живут эти три девушки. Прибыл к ним целый обоз лошадей, запряженный тройками с колокольчиками. Когда они бежали, земля дрожала. Люди вошли к ним и говорят:

— Дайте посмотрим на ваших дочерей.

Вошли к старшей дочери мачехи, подали ей башмак. Она посмотрела — башмак на ее ногу не лезет, отрезала большой палец, и нога вошла в башмак. Потом вышла из своей комнаты. Её спрашивают:

— Подошел по ноге?

— Подошел,— отвечает она.

Посадили ее в повозку, взяли с собой и едут так, что земля дрожит. Проезжают они мимо кладбища, а с той березы со всей округи собравшиеся птицы кричат:

— Парень, не свою жену везешь! Парень, это не твоя жена, возвращайся обратно! Сними башмак с ноги жены!

Сняли с ноги девушки башмак — он полон крови. Все возвратились, вошли в дом и говорят:

— Покажите вторую дочь.

Мачехина дочь вошла в комнату, примерила башмак — не лезет. Она срезала себе пятку — башмак пришелся по ноге. Девицу тут же посадили в повозку и поехали, даже земля задрожала. Мачеха обрадовалась.

Дошел свадебный поезд до кладбища, а на ту березу собрались птицы всей земли и кричат:

— Парень, не свою жену везешь! Сними с ее ноги башмак.

Парень снял с ноги девицы башмак — он полон крови. А птицы голосят:

— Поезжай обратно в этот дом, твоя жена там!

Вернулся парень обратно, вошел в дом и говорит:

— Давайте еще одну дочь!

— А у нас больше нет,— отвечают две девицы и их мать.

— В другом месте искать негде: мы всех обошли, только ваш дом остался.

— А у нас другой нет, только в саду есть дура-девка, она совсем никуда не выходит, одевается грязно, противно,— отвечают мачеха и дочери.

— Приведите ее,— сказал парень.

Пошли за ней в сад, позвали девушку в избу. Она вошла, прямо при людях сбросила с ноги сапог, и башмак пришелся по ноге. Девицу усадили в повозку и повезли вместе с парнем. Парень обрадовался: нашлась его жена. Он не горюет, что жена в лохмотьях. Усадил девушку рядом с собой и поехали так, что земля дрожит.

Доехали до кладбища, а с вершины березы птицы всей страны кричат:

— Вот, парень, это твоя жена! Теперь она нашлась!

Девушка велела остановить лошадей, сошла на землю и говорит:

— Подождите, я пойду туда, к матери.

Девушка пошла на могилу матери, повернула березу, вышла из могилы мать ее, нарядила свою дочь как полагается, снабдила ее, чем нужно, благословила ее на житье-бытье, хорошее видеть-знать. После этого девушка подсела к мужу, и они поскакали.

И конец канул в воду.

КЕЛЬМЕ-АТЯ

Эрясть-ащесть атят-бабат кафонест. Синь видесть снав. Весть шобдава. Кельмось шавозе, тапазе снавть.

— Месенттяма, баба?— кизефни атясь.— Учеме снавть эса, а Кельмось шавозе, тапазе. Тяни илядоме кшифтома. Сай тялось, и сави куломс вачеда.

— Атя,— корхтай бабась,— тон архт Кельмоти и пеняцяк тейнза.

— А коста мон сонь муса?

— Сяфть кядезт байдеконя и архт вешендемонза, может, коста-коста мусак.

Сявсь атясь кядезонза байдеконя и тусь Кельмоть вешендема. Якась, якась сон — мусь эйнь куд. Атясь ушедсь байдеконять мархта вальмя кенкшезонза чакама. Кельме-атясь труба фтала ащесь озада и ювадсь:

— Ся кие тоса покай?

— Мон, Кельме-атяй, пеняцяма тейть сань.

— Мезямонкса сать пеняцяма?— кизефтезе Кельме-атясь.

— Тон мезенди кельмоса тапайть монь снавозень? Тяни минь бабать мархта вачеда кулотама.

— Сак, сувак кудозон.

Атясь панжезе эйнь ортанять, сувась Кельмоть кудняицты.

Кельме-атясь макссь тейнза мазы кяскавня и мярьги:

— Куцят губорняс и шукадьк мазы кяскавнять, а тонць мярьк:

— Давайте ярхцама!

Тусь атясь кить кувалма. Мольсь-мольсь атясь и сатсь губорня. Сявозе сон мазы кяскавнять, шукадезе и мярьгсь:

— Давайте ярхцама!

Эстокиге тиевсь тоза моркшкя, лангсонза скатерня, а тоса разнай ярхцама, аньцек нармонь лофца аш. Ярхцась-симсь атясь и тусь куду моразь.

Пачкодсь кудозонза и ювадсь:

— Баба, листь каршезон.

Бабась куроконе лиссь атять каршес куцема пес. Атясь шукадезе мазы кяскавнять, эвондась тоза моркшкя, лангсонза

ацаф акша руцяня, моркшть лангса ярхцамат и симомат, аньцек нармонь лофца аш. Ярхцасть, симсть атят-бабат и кармасть морама. Пуромсь сембе велень народсь, ваныхть и дивандакшнихть лангозост, мес синь тяшкава беднай прясост симихть и морайхть.

Атясь и бабась тердезь ломаттнень ярхцама-симома. Синь ярхцасть-симсть и тусть велень келес азонкшнема, кода цебярьста ярхцасть.

Тя велеса фкя козяля как раз тись свадьба. Сон мольсь атяти и бабати, ушедсь кизефнема, коста сявозь тя мазы кяскавнять. Атясь и бабась азондозь сембонь, кода синь получазь тя кяскавнять, и андозь козялять пяк лац.

Меле козялясь тя кяскавнять кармась рамсемонза.

— Мон аф миса,— корхтай атясь,— мезе минь соньфтомонза карматама тиендема?

— Мон тейть максан инксонза усф сёра, максан ярмак. А кда тоса кармай эрявома тейть тяфтама кяскавня, тон молят Кельме-атяти и тага анат кядьстонза кяскавня, нинге сяда пара.

Ванць-ванць атясь, корхтась бабать мархта и мизе кяскавнять козяляти. Вов синь эрясть, кшить сивозь, ярмакнень ётафтозь, эста атясь тага тусь байдеконя мархта Кельме-атяти од кяскавнянь анама. Музе сон эйнь сяка куднять и тага ушедсь байдеконц эса вальмяти стукама. Кельме-атя ащи эйнь трубать фтала и ювади:

— Кие тоса тага стукади? — лиссь вальмалу.— Тон мес тага сать вальмалон?

— Сань, Кельме-атя, стама кяскавня анама, ату бабазень мархта вачеда кулотама.

— Да мон тейть макссень кяскавня. Коза сянь тон тиить?

— Мон сянь мийне козялянди, сявонь ярмак и усф почф.

— Сувак куду,— кяжиста ювадсь Кельме-атясь. Панжезень Кельме атясь ортанзон, нолдазе сонь куду, макссь тейнза руцяня и мярьгсь:

— Архт тяни куду. Киге молемста муят ляйня, пачкодят видезонза, яфодьк руцянять тя пяли и тона пяли, а тонць пяконе ювать: «Лиседа и шавода!»

Атясь сявозе руцянять и тусь куду. Мольсь-мольсь, пекоц вачсь, сон пачкодсь ляй ваксс, таргазе руцянять, яфодезе и ювадсь:

— Лиседа и шавода!

Листь ляйть эзда кафта алят, фатязь атять и давай сонь пикссемс. Стане сонь пиксозь, што атясь кой-кода куду пачкодсь. Сась куду и мярьги бабати:

— Баба, Кельме-атясь макссь руцяня. Архт листь сонь мархтонза куцема пес, яфодьк руцянять кафта пяли и ювать, коза саты вайгяльце: «Лиседа и шавода!»

Бабась стане и тись.

Лисеть кафта алят и кармасть пикссемонза бабать. Пиксозь-пиксозь бабать, и сон кулось. Кундазь атять, шавозь сяньге.

Пец ваясь ведьс.

МОРОЗ

Жили-были старик со старухой. Посеяли они горох. Однажды утром мороз побил, помял этот горох.

— Что нам делать, баба? — говорит старик.— Ждали мы горох, а мороз побил, помял его, теперь мы остались без хлеба. Придет зима, и придется нам умирать с голоду.

— Старик,— говорит старуха,— ты иди к Морозу и пожалуйся ему.

— А где я его найду?

— Возьми в руки посох и иди, может быть, где-нибудь и найдешь.

Взял старик в руки палку и пошел искать Мороза. Ходил, ходил он — нашел ледяной дом. Дом целиком ледяной, даже окна ледяные. Старик принялся стучать палкой по наличникам. Старик Мороз сидел за трубой и спросил:

— Это кто там стучит?

— Я, дедушка Мороз, жаловаться тебе пришел.

— На что пеняешь? — спросил Мороз.

— Ты зачем побил мой горох? Теперь мы со старухой умрем голодной смертью.

— Войди в мой дом.

Старик открыл ледяную калитку, вошел в дом Мороза. Мороз дал ему красный мешочек и говорит:

— Взойдешь на бугорок, тряхни этот красный мешочек, а сам промолви: «Давайте еду».

Пошел старик по дороге. Шел, шел он, дошел до бугорочка. Взял он красивый мешочек, тряхнул его и сказал:

— Давайте еду!

Сразу там появился накрытый скатертью столик, на нем различное кушанье, только птичьего молока нет. Поел, попил старик и ушел домой с песнями. Дошел он до деревни, идет по ней и поет. С песней дошел он до своего дома и крикнул:

— Старуха, встречай меня!

Старуха тут же вышла на крыльцо. Старик тряхнул красным мешочком, появился столик, покрытый скатертью, а на столе всякая еда и питье, только птичьего молока нет. Поели, попили старик со старухой и стали петь. Собрался народ со всей деревни, смотрят и дивуются: почему они, такие бедные люди, пьют и поют?

Старик со старухой всех пригласили попить-поесть. Люди, наевшись, напившись, пошли по всей деревне рассказывать, как они угощались пищей из красного мешочка.

В этой деревне богатый мужик как раз справлял свадьбу. Он пришел на гулянье к старику, а потом начал спрашивать, откуда взял тот красный мешочек. Старик и старуха рассказали все. Немного погодя богатый мужик стал покупать этот мешочек.

— Я не продам,— говорит старик.— Что мы станем делать без него?

— Я за него дам тебе воз хлеба, дам денег. А если тебе понадобится потом такой мешочек, ты пойдешь к Морозу, выпросишь себе другой, да ещё лучше этого.

Подумал, подумал старик, посоветовался со старухой и продал мешочек богачу. Вот они пожили, хлеб съели, деньги истратили. Старик снова взял палку и пошел к Морозу просить новый мешочек. Нашёл он снова тот же ледяной дом и принялся стучать палкой по окну. Мороз сидел за трубой и отозвался:

— Кто это опять стучит? — и вышел под окно.— Ты что снова пришел к моему окну?

— Пришел, дед Мороз, просить такой же мешочек, иначе мы со старухой с голоду умрем.

— Да я тебе давал мешочек, ты куда его дел?

— Я продал его богатому мужику, взял деньги и воз муки.

— Войди в избу,— сердито крикнул Мороз. Открыл старику ворота, впустил его в избу, дал ему платочек и сказал:

— Иди теперь домой. Дорогой ты найдешь речку. Дойдешь до нее, махни платочком в ту и другую сторону, а сам сильнее крикни: «Выходите и бейте!»

Старик взял платочек и пошел домой. Шел-шел, проголодался. Дошел он до речки, вынул платок, махнул им и крикнул:

— Выходите и бейте!

Вышли из ручья два молодца, схватили они старика и давай бить. Так они его избили, что старик еле до дома добрел. Пришел домой и говорит старухе:

— Старуха, Мороз подарил нам платочек. Выйди с ним на крыльцо, махни платочком на две стороны и что есть сил крикни: «Выходите и бейте!».

Так и сделала старуха. Выскочили два молодца и стали колотить старуху. Били-били старуху, она умерла, схватили старика, убили и его.

Конец канул в воду.

ЛЕНГЯНЬ И СИЯНЬ КОШЯЛЬНЯ

Эрясть-ащесть атят-бабат кафонест. Синь видесть пянакуд ланго фкя сура. Кассь сурось мяк поталакть и вельхксть пачк. Синь исть кенерь нумонза: вармась пиярдезе. Бабась атять машнефтезе: «Архт Давол-атянди пеняцяма, мес сон сура прять пиярдезе. Архт пантфтк!»

Атясь тусь. Мольсь, мольсь и мусь кудня. Эсонза озада ащесь атяня.

— Месть, атя ялгай, якат?

— Да месть: витцеме пянакуд лангс сура пря. Сон кассь, кассь и лиссь мянь вельхкстъ пачка, а нумонза иземе кенерь: Давол-атя пиярдезе. Бабазе вага машфтомань: архт, корхтай, панфтк прять Давол-атянь кядьста.

Атянясь и корхтай:

— Монць вдь самай Давол-атясян. На вага максан ленгянь кошяльня. Кда лисят паксяв, мярьк:

Ах тон, кошяль, ленгянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Атясь лиссь паксяв и ювадсь:

Ах тон, кошяль, ленгянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Эзк кошялься панжевсь, и эздонза лисстъ ярхцамбяльхть. Атясь ярхцась всякай ярхцамбяльда, и пякставсь меки кошялься.

Мольсь атясь куду, бабац мярьгсь:

— Пандозе Давол-атя сура прять?

Атясь отвечась:

— Максс нява кошяльня. Кда лисян ушу, то мярьк:

Ах тон, кошяль, ленгянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Лиссь атясь ушу. Кодак сон лиссь, эзк бабась и мярьгсь:

Ах тон, кошяль, ленгянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Эзк панжевсь кошялься, да лисстъ ярхцамбяльхть. Месть лисстъ, бабась вестенге стамот изь няенде.

Ярхцась бабась. Пякставсь меки кошялься. Бабась повфтазе кошяльть стенати.

Сась атять брадоц ширезост. Атясь лихтезе кошяленц да мярьгсь:

Ах тон, кошяль, ленгянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Панжевсь кошялься. Лисстъ эздонза стама ярхцамбяльхть, кодапт кивок ашезь няенде мзярдонга.

Ярхцасть-тисть, да кошяльнясь сёлговсь меки. Мольсь атять брадоц эсь кудозонза и азондсы аванцты:

— Эх, ули ленгянь кошяльнясна... Вага-таки кошяльня! Кодак аньцек мярьк: «Ах тон, кошяль, ленгянь кошяль, макст тейнь ярхцамбяль!» — и лиси эздонза всякай ярхцамбяль. Монь сяшкава андомазь, нльне пекозе турондась.

Авац мярьгсь:

— Архт анак ся кошяльнять тейнек.

Атясь отвечай:

— Да аф макссазь.

— А тон мярьк, максан вете капат сёра да кафта тёжятть.

Мольсь брадонцты и мярьги:

— Альнякай, макск ся ленгянь кошяльняцень тейне. Монь пялон сайхть купецт. Эрявихть синь андомс, эрявихть синь каванямс.

— Аф максса.

— Мон вдь анаса аф стак. Максан тейть инксонза кафта тёжятть ярмак да вете капат сёра.

Атясь максозе ленгянь кошяленц. И кармась сон эряма-ащема вете капанзон и кафта тёжятть ярмаконзон лангс.

Ётась аф лама киза. Сивовсть атять капанза, ётасть кафта тёжятть ярмаконза.

Тага бабась ушедсь машнефтема:

— Архт Давол-атянди, пантфтк сура прять, мезенди сон пярдезе.

Тусь атясь. Мольсь-мольсь, мусь кудня. Сувась атясь кудняти. Эсонза озада атяня. Ся атясь мярьгсь:

— Месть якат?

— Нява бабазе покойс аф кадондсамань, корхтай: архт Давол-атянди пеняндама.

Атясь кизефтезе:

— Мезенкса?

— Да мезенкса... Витцеме пянакуд лангс сура. Сон кассь-кассь и лиссь вельхксть пачк. Минь иземе кенерь нумонза: пярдезе сонь Давол-атя. И вага бабазе кучемань пантфтомонза.

Атясь и мярьгсь:

— Вдь самай монць Давол-атясян.

— Эста ни давай пандк.

Давол атя и корхтай:

— Макссень ленгянь кошяльня, деряй нинге изеть топодь?

— Да ся аделавсь.

Эста Давол атя макссь тейнза сиянь кошяльня и мярьгсь:

— На вага, да паксяда ушеса мярьк:

Ах тон, кошяль, сиянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Атясь лиссь паксяда ушу и корхтай:

Ах тон, кошяль, сиянь кощяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Эзк панжевсь сиянь кошяльсь, и лиссть эздонза кемгафтува од цёра и атять пиксозь. Пиксомда меле сувасть меки кошяльти, кошяльсь сёлговсь.

Сась атясь куду. Повфтазе стеназонза кошяльть и корхтай бабанцты:

— Кда лисян ушу, тят мярьге:

Ах тон, кошяль, сиянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Лиссь атясь ушу. Бабась и мярьги:

Ах тон, кошяль, сиянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Эзк сиянь кошяльсь панжевсь. Лисеть эздонза кемгафтува од цёра и бабать стане пиксозь! Пиксомда меле сувасть кошяльти, кошяльсь пякставсь. Меки кошяльть повфтазе бабась стеназонза.

Сась атять пяли брадоц, няезе сиянь кошяльть. Кошяльсь пяк тусь мялезонза.

— Вай, альнякай, коста тя сиянь кошяльнять сявить?

Атясь мярьгсь:

— Да коста, Давол-атя максозе.

— Макск, альнякай, тейнь тя кошяльнять. Монь сайхть пялон купецт, визькс ули лихтемс инголест ленгянь кошяльнять.

— Да сявк ни! Аньцек меки кандк ленгянь кошяльнять, а вастозонза сявк сияннеть.

Кода мярьгсть, стане и тисть. Брадоц максозе ленгянь кошяльнять альняканцты. Атясь максозе сиянь кошяльнять брадонцты.

Брадонц пяли састь купецт. Андозень-симдезень купецнень. Купецне стясть, орхкасть ни тумс.

Атять брадоц мярьгсь:

— Ожуда нинге.

Валхтозе стенать эзда сиянь кошяльнять и корхтазевсь:

Ах тон, кошяль, сиянь кошяль,
Макст тон тейнь ярхцамбяль!

Эзк панжевсь сиянь кошяльнясь. Лисеть эздонза кемгафтува од цёра и пиксозь-пиксозь купецнень. Сияк колсезь вальмятненьге.

А альнякац эряй таки сяка ленгянь кошяльнять вельде.

ЛЫКОВЫЙ И СЕРЕБРЯНЫЙ КОШЕЛИ

Жили-поживали старик со старухой. И вот они посеяли на печке просо. Растет, растет просо. До потолка выросло, а потом пошло выше, вышло через крышу. Но убрать урожай не удалось: налетел ветер, вытряс зерно. Загрустили старик со старухой.

Вот старуха и давай ругать старика:

— Сходил бы к старику-ветру с жалобой. Зачем это он вытряс просо? Пусть заплатит урон.

Встал старик, пошел. Шел, шел он, набрел на домик. В нем сидел старичок. Он спрашивает:

— Ты что, старик-друг, ходишь?

— Да что... Посеяли мы на печке просо, взошло оно, проросло через крышу, а вот сжать вовремя не успели, старик-ветер вытряс зерно. И вот старуха меня изругала: иди, говорит, к старику-ветру, заставь его урон возместить.

Старик отвечает:

— Да ведь старик-ветер я и буду. Ладно. Я тебе дам лыковый кошельчик. Но как выйдешь отсюда, не говори:

«Эх ты, кошель, лыковый кошель,
Дай мне поесть!»

Старик взял кошель и ушел. Немного пройдя, сказал:

«Эх ты, кошель, лыковый кошель,
Дай мне поесть!»

Тут же раскрывается кошель, и оттуда повалилась всякая еда. Наелся старик, и кошель закрылся.

Пришел старик домой, а старуха уже спрашивает:

— Уплатил старик-ветер за просо?

Старик отвечает:

— Вот он дал кошельчик. Когда выйду на улицу, без меня не вздумай сказать:

«Эх ты, кошель, лыковый кошель,
Дай мне поесть!»

Ушел старик куда-то по делу, а старуха тут же сказала:

«Эх ты, кошель, лыковый кошель,
Дай мне еды!»

Тут же открывается кошель, появляется всякая еда. Появилось такое, какого старуха никогда и не ела. Наелась старуха. Закрылся кошель. Старуха повесила его на стену.

Вот как то приходит к старику его брат. Старик снял со стены кошель и крикнул:

«Эх ты, кошель, лыковый кошель,
Угости нас ты едой!»

Открылся кошель. Появилась оттуда такая хорошая еда, какой никогда и не видели. Старик так накормил своего брата, что тот никогда так не наедался. Поели они, и кошельчик закрылся. Пришел брат старика домой и рассказывает жене:

— Эх, есть лыковый кошельчик... вот так штука. Как только скажешь: «Эх ты, кошель, лыковый кошель, дай мне еды!»— выйдет из него всякая еда. Меня там брат так угостил, что даже живот разболелся.

Жена его и говорит:

— Ты иди выпроси этот кошель себе.

— Да он не отдаст,— говорит муж.

— А ты скажи, что дашь за него пять одоньев хлеба, две тысячи рублей денег.

Пошел богач к брату.

— Братец, ты уступи тот кошельчик мне. Ко мне скоро придут купцы. Их нужно угостить.

— Не отдам.

— Да я ведь не даром. Дам тебе за него пять одоньев хлеба, две тысячи рублей денег.

Уступил старик лыковый кошель. Получил за это две тысячи и пять одоньев хлеба.

Прошло сколько-то времени, хлеб был съеден, истрачены и две тысячи рублей денег. Старуха снова стала донимать старика:

— Иди к старику-ветру, заставь его уплатить за просо, ведь это он вытряс зерно.

Пошел старик. Шел, шел, нашел домик. Вошел в него. Там сидит какой-то старичок. Хозяин домика спрашивает:

— Что здесь ходишь?

— Что... Старуха доняла, говорит, иди к старику-ветру с жалобой.

— На что жаловаться-то? — спрашивает хозяин.

Старик начал рассказывать:

— Посеяли мы со старухой просо на печке, оно выросло, пробилось через крышу, но убрать зерно мы не успели: старик-ветер вытряс зерно. Вот моя старуха и послала к нему с жалобой.

А тот старичок и говорит:

— Да ведь старик-ветер я и есть.

— Ну, тогда давай плати.

Старик-ветер возразил:

— Я же тебе давал лыковый кошельчик, так неужели ты еще голоден?

— Да того кошелька уже нет.

Тогда старик-ветер подарил ему серебряный кошельчик и наказывает:

— На вот тебе, но дорогой не вздумай сказать:

«Эх ты, кошель, серебряный кошель,
Угости-ка ты меня хорошенько!»

Старик взял серебряный кошель, а когда дошел до поля, крикнул:

«Эх ты, кошель, серебряный кошель,
Угости-ка хорошенько!»

Тут же раскрылся кошель, выскочили оттуда двенадцать молодцев и давай дубасить старика. Поколотили они его, вошли в кошель, и он закрылся.

Пришел старик домой. Повесил кошель на стену. Говорит старухе:

— Без меня ты не говори кошелю:

«Эх ты, кошель, серебряный кошель,
Угости-ка хорошенько!»

Вот ушел куда-то старик, а старуха тут же сняла кошель и крикнула:

«Эх ты, кошель, серебряный кошель,
Угости-ка хорошенько!»

Тут же раскрылся кошель, выскочили двенадцать молодцев и давай бить старуху. Побили ее, влезли в кошель, и он закрылся. Старуха повесила его на старое место.

Пришел как-то к старику богатый брат, увидел на стене серебряный кошель и очень он ему понравился.

— Ой, братец, откуда ты взял серебряный кошель?

Старик ответил:

— Откуда... Старик-ветер подарил.

— Ты уступи, братец, этот кошельчик. Ко мне приезжают в гости купцы. Совестно будет угощать их из лыкового кошеля.

— Да возьми, коль так. Только ты принеси лыковый, а взамен возьмешь серебряный.

Как договорились, так и сделали. Богатый брат принес лыковый кошельчик, а старик отдал ему серебряный.

К богатому брату приехали купцы. Нагулялись они и собираются уже уходить.

— Не уходите! — остановил их богач.

Он снял со стены серебряный кошель и крикнул:

«Эх ты, кошель, серебряный кошель,
Угости-ка хорошенько!»

Тут же открывается кошель, выскакивают оттуда двенадцать здоровых парней и давай всех колотить, все переломали, побили окна.

А бедный брат так и живет с тем лыковым кошелем.

КАФТА БРАТТ

Эрясть-ащесть кафта братт тядяснон-аляснон мархта. Эрясть-эрясть браттне, рьвяясть, тядясна-аляснa кулость. Браттне эрясть марса. Фкя братть ульсть вете шабанза, омбоцеть ёфси шабанза ашельхть.

— Брат, дай яфтама. Тонь семьяце оцю, монь шабане ёфси аш: шабатне тонь, тейть эрявихть синь андомска,— корхтай шабафтома братсь.

Вов синь явсть, паршионон явозь пачк: шабафтомсь сявсь пяле доля кафоненза, шаба мархтось — тяфтама доля сисемненза. Шабафтомсь пяк козякодсь, шаба мархтось сядонга беднайгодсь.

Сась сёронь аф шачема киза. Беднай братть кшиняц маштсь, сявомс аш коста. Мольсь сон козя брадонцты и корхтай:

— Брат, дай пудня, шабане вачеда кулсихть.

Козя братсь макссь пуд. Етась аф лама пинге, пуднясь сивовсь. Тага аш коста сявомс. Мольсь тага брадонцты:

— Брат, шабане кулсихть, дай фкя пудня.

Козя брадоц инголи думандась, норавась, меле макссь пуд почф.

Колмоцеда сась беднай братсь, но козясь атказась:

— Брат, мон аф виноватан, мес тонь аш кшице. Аф виноватан трямс тонь шабатнень. Вот мезе, брат, мон максан тейть колма путт почф, а тонь сельмотнень давай таргасайне. Тон эста сяда лац пряцень трясак. Мон тонь ускте оцю ки лангс, и тон кармат вешема ярмакт.

Беднай братсь согласиндась: козясь таргазень сонь сельмон-

зон и кучезе аф ки лангс, а шобда вири, штоба сон тага кулоль вачеда.

Илядсь сокорсь шобда вири ськамонза. Ков аф моли — шуфта. Якась-якась, мусь оцю тума ала такор васта. Ащесь-ащесь такорть лангса, сась весь. Юватькшнесь, юватькшнесь сокорсь — кивок тейнза ашезь отвеча. Сон кармась авардема.

Ушедсь прама раса, думандай: «Веть сайхть зверьхть и сивсамазь. Может, сай кодамовок пара ломань и вятьсаманъ вели».

Куцсь сон тумоть пряс. Озась лангозонза и нюрькси, а сонць сембе думандай эсь положениянц колга.

Сась пялевесь. Вов сон кули — марявихть тумоть ала катикодама корхтамат.

Тя ульсь шяйтаттнень пуромкссна. Кодак пуромсть сембе, фкясь кармась корхтама:

— Мон содан фкя оцязоронь стирь, сон сяряди колма-ниле кизошка, киндиге аф пчкафтови.

— Кода сонь пчкафтомс? — кизефнесазь сонь.

— Кода? Дворецть порогса таргамс кирпиць, алонза ащи ватракш. Эряви таргамс ся ватракшсь, и стирсь сярядемда лоткай.

— Монга фкя штука содан,— кулеви вайгяль,— тоса-тоса 5 кизот сяряди козя купецонь цёра, киндиге аф пчкафтови, а лекарствась пяк простой: тя тумоть алда эряви сявомс тише и симдемс тя тишеть мархта ведьта. Но тумось киндиге аф муви, тяза фкявок ломань аф сашенды.

— Тя мезе,— маряви корхтама,— мон содан стама тев, кодама тинь ёфси аф содатада. Фкя велеса козя братсь беднай брадонц сельмонзон таргазень. Но сельмотнень можнат тиемс, и синь кармайхть оду няема. Эряви аньцек тя тумоть алда расаса штамс сельмонзон.

Кувать корхтасть шяйтаттне эсь ётковаст и пялеведа меле тусть.

Сокорсь ашезь уда ёфси. Валдашкодсь. Сон валгсь тумоть пряста, штазень сельмонзон расаса и кармась няема, сельмонза бта ёфси таргафтка ашельхть. Сявсь тумоть алда тишенят и тусь ся странати, коса сярядихть купецонь цёрась и оцязорть стирец.

Сась ся масторти и мярьгсь азомс оцязорти, што сон пчкафтсы сяряди стиренц.

Оцязорсь тердезе сонь эстейнза и корхтай:

— Тон пря шнать, што пчкафтсак стирезень. Кда пчкафтсак, максан тейть лама золота, сия. Аф пчкафтсак — пряце ули керф вандыкиге.

Беднай алясь мярьгсь синнемс кенкш порогть, таргазе тоста ватракшть, и стирсь пчкясь.

Оцязорсь макссь тейнза пяшксе золота, сия, и братсь тусь купецть шири.

Купецть цёранц симдезе тишеть ведьта, и цёрась пчкясь. Купецсь макссь тейнза лама ярмакта, и сон тусь куду. Тись од куд, рамась алаша, тракс, семьянцты кши.

Козя братсь и думандай: «Мезьста сон козякодсь? Коста оду кармасть няема сельмонза?» Сон сявсь бутылка вина, тердезе брадонц и кизефнесы, кода кармасть няема сонь сельмонза и коста сон сявозе тняра паршить.

Брадоц азондозе сембе тевть, кода сон куцендсь тумоть пряс и кода кулезень шяйтаттнень корхтамаснон.

Козясь прважазе сонь куду, а сонць и думандай: «Молян монга ся вастти, монга тняра ярмак кандан». И вот сон ускфтозе эсь прянц тумоть алу, куцсь тумоть пряс и кармась учема пялеветь.

Пялевеста пуромсть шяйтаттне и кармасть эсь ётковаст корхтама.

Фкясь и мярьгсь:

— Чуда кати-кодама, оцязорть стиренц, конань кувалма мон корхтань, пчкафтозь.

Омбоцесь корхтай:

— Купецть цёранцка пчкафтозь.

Колмоцесь мярьги:

— Сокортьке сельмонза кармасть оду няема. Шять, кизок марямазь, кулхцонкшнемазь.

Синь варжакстсть тума пряти и няезь тоста козя братть.

— Вов кие минь кулхцонкшнемазь! — ювадсть синь.

Валхтозь сонь тумоть пряста и сязендезь тирьхконь-тирьхконь. Вот жаднайшись коза сонь вятезе.

Омбоце брадоц кармась лац эряма, шабанзон андома.

ДВА БРАТА

Жили с отцом и матерью два брата. Долго жили они вместе. У одного было пять ребятишек, а у другого не было ни одного.

— Брат, давай разделимся. У тебя семья большая, а у меня нет детей.

Вот они разделились: поделили добро между собой поровну. Бездетный брат взял половину имущества на двоих, а другой брат такую же долю взял на семь человек. Бездетный брат скоро разбогател, а брат с детьми совсем обнищал.

Настал неурожайный год. У бедного брата нет ни куска хлеба, а достать неоткуда. Пришел он к богатому брату и просит:

— Брат, дай пуд хлеба, дети с голоду умирают.

Богатый брат дал пуд хлеба. Прошло немного времени, съели хлеб. Опять негде достать хлеба. Опять пришел к брату.

— Брат, дети умирают с голоду, дай ещё один пудик.

Богатый брат подумал, дал ещё пуд муки.

Третий раз пришел бедный брат, богатый отказал ему.

— Брат, я не виноват, что у тебя нет хлеба. Не обязан я кормить твоих детей. Вот что, брат: дам я тебе три пуда муки, но за это выколю тебе глаза. Тогда тебе легче будет заработать на хлеб. Я свезу тебя на большую дорогу, а там ты будешь просить подаяние.

Богатый брат стыдился бедного брата.

Бедный брат согласился. Богатый брат выколол ему глаза и отвез не на большую дорогу, а в темный лес, чтобы он там умер.

Остался тот один в темном лесу. Куда ни пойдет — деревья. Ходил, ходил, нашел под большим дубом гладкое место. Сидел, сидел он там — настала ночь. Звал, звал безглазый на помощь — никто ему не ответил. Стал он плакать.

Пала роса, слепому стало холодно. А что делать — не знает. Думает: «Придут ночью звери — растерзают. Или, может, придет добрый человек и доведет до села?»

Залез он на дуб, сел на сук и задремал, а сам всё думает, как быть.

Настала полночь. Вот он слышит, как кто-то под дубом разговаривает. А это было сборище чертей. Собрались все, один из них и говорит:

— Я знаю дочь одного царя, которая болеет вот уже года три-четыре, и никто ее вылечить не может.

— Как ее вылечить? — спросили его.

— Как? Из-под порога дворца вынуть кирпич, под этим кирпичом сидит жаба. Надо достать эту жабу — и девица поправится.

— И я знаю одну штуку,— послышался голос.— Там-то, там-то болеет лет пять купеческий сын, никому его не вылечить. А лекарство очень простое. Нужно сорвать траву из-под этого дуба, настоять в воде и напоить больного. Да этого дуба никто не знает, сюда не приходил ни один человек.

— Это что,— послышался ещё голос,— я знаю такое дело, которого никто из вас не знает. В одном селе богатый брат выколол у бедного брата глаза. Глаза можно вылечить, и они будут зрячими. Надо только промыть их росой из-под этого дуба.

Долго разговаривали между собой черти и после полуночи разошлись.

Слепой совершенно не спал. Рассвело. Он слез с дуба, вымыл глаза росой и стал зрячим, как будто глаза его никто и не выкалывал. Нарвал из-под дуба травы и ушел в ту страну, где болела царская дочь.

Дошел до этого царя и велел доложить, что он вылечит его дочь.

Позвал его царь и говорит:

— Ты хвалился, будто можешь вылечить мою дочь. Если вылечишь, дам тебе много золота, серебра; если не вылечишь, отрублю твою голову завтра же.

Бедный мужик велел разломать порог, выкинул оттуда жабу — и царская дочь исцелилась. Царь дал ему золота, серебра, и он ушел к купцу. Напоил сына купца настоем травы, и сын купца выздоровел. Дал за это купец денег, и мужик ушел домой. Построил он себе новый дом, купил лошадь, корову, купил много хлеба.

Богатый брат и думает: «Отчего он так разбогател, как он снова стал зрячим?» Купил он бутылку вина, позвал брата в гости и расспросил, как он стал зрячим и откуда взял такое богатство.

Брат рассказал все, как было: как он лазил на дуб и как подслушал разговор чертей.

Проводил богатый своего брата, и сам думает: «Пойду и я к этому дубу, и я принесу столько же денег». И вот он приказал отвезти себя к этому дубу, полез на дуб и стал ждать полночи.

В полночь собрались черти и начали разговаривать между собой. Один говорит:

— Чудо какое-то: царская дочь, про которую я рассказывал, выздоровела.

Другой говорит:

— И сын купца выздоровел.

Третий говорит:

— И слепой стал зрячим. Наверно, кто-либо слышал нас, кто-то подслушивал.

Они посмотрели на дуб и заметили сидящего на сучке богатого брата.

— Вот кто нас подслушивал! — закричали они.

И разорвали его на клочки.

Вот жадность до чего доводит.

А второй брат стал жить хорошо, кормить своих детей.

КОЛМА БРАТТ

Эрясть-ащесть колма братт колмонест, кафттне прявихть, колмоцесь дурак. Кулось синь алясна. Куломстонза мярьгсь:

— Кодак калмасамасть, якада калмолангс колма вет калмозень ванома: васенда оцю цёрась, меле ёткста цёрась, а колмоце веня дураксь.

Калмазь-тиезь алять, и кармась шоподема. Ёжу браттне корхтайхть рьваснонды, што синь аш мяльсна молемс вень ванома и эряви кучемс инксост дуракть. Оцю братсь корхтай:

— Дурак, архт монь инксон аляньконь калмонц лангс тя вень ванфтома, мон тейть кандан карьсема карьхть.

— Мезе мле, молян,— корхтай дураксь.

Аватне ужнафтозь дуракть, и сон ужнамда меле срхкась. Щась эсь лангозонза кувака чапан. Брадоц кучкава карксазе, макссь кядезонза тумонь байдек, и дураксь тусь алянц кал-

монц лангс. Мольсь дураксь, озась и нюрьксесь-нюрьксесь, ащесь пялевес. Сон аф мезевок кульсь, аф мезевок няйсь. Эсь пачканза думандай: «Мон мезевок тяфта аф няян».

Сявозе тумонь байдеконц и думбадезе алянц калмонц коза вийц саты. Аф ламос учезь сон тага думбадезе калмоть, но костовок мезевок аф кулеви. Сон давай колмоцеда калмоть шавомс. Лиссь калмоть потмоста аляц и мярьгсь:

— Оцю цёра, тя тон?

— Аф,— корхтай дураксь.

— Ёткста цёра, тон?

— Аф,— корхтай дураксь.

— Дурак, тон?

— Мон, аляй.

Лихтсь аляц акша шиярьнят и ушедсь ся шиярьнятнень пачк вяшкома. Сась ару сивай айгор. Дуракти аляц корхтай:

— Тянь бславалине оцю цёрати, а кда сон изь са, улеза тонь. Кодак тонь сай нужа пеце, вяшк тя шиярьнятнень пачк, арды тейть айгорсь, а тонць цебярьгодат, мазолгодат и наряжават. А тяни, цёрай, архт куду.

Сась дураксь куду, кизефнесы оцю брадоц:

— Дурак, мезе няеть?

— Аш мезевок,— отвечась дураксь.

Аватне андозь-симдезь дураконь, и сон мадсь.

Омбоце веня эрявсь молемс омбоце братти. Ёжу омбоце братсь мярьги:

— Архт монь инксонга, друак, мон тондейть карькст понан.

— Мес мле, молян,— отвечай дураксь.

И омбоце братть рьвац андозе дуракть, и сонь кучезь вень ванфтома. Дурак тага щазе ся калада чапанонц, перьфканза карксась ленгянь пикскя, сявсь кядезонза тумонь байдек и тусь. Мольсь алянц калмонц лангс, озась тоза и учсесь пялевес. Соч мезевок ашезь куле, мезевок изь няе. Фатязе байдеконц и алянц калмонц кемоста эрьхтезе — аш мезевок, сон омбоцеда эрьхтезе калмонц — тага мезевок аш. Эрьхтезе колмоцеда — лиссь аляц и кизефни:

— Оцю цёрай, тон?

— Аф,— корхтай дураксь.

— Ёткста цёрай, тон?

— Аф.

— Дурак, тон?

— Аляй, мон.

Лихтсь аляц каряй алашань шиярьнят, вяшкозевсь пачкаст. Ардсь каряй алаша, гриванза сиянь.

Аляц мярьги:

— Тянь вага бславалине ёткста цёрати, но кда сон изь са, улеза тявок тонь. Мзярда нужа пе саттанза — вяшк тя шиярьнятнень пачк, и арды тейть лишме. Тонцьке цебярьгодат и наряжаф улят. А тяни архт куду.

Сась дураксь куду, и ёжуфне кизефнесазь:

— Мезе няеть?

— Да мезе тоса няят? — отвечась дураксь.

Шобдава аватне андозь дураконь, и сон мадсь ваймама. Удось дураксь шоподемати. Илять ёню браттне корхтайхть тейнза:

— Тячи, дурак, архт вень ванфтома эсь инксот.

— Мес кда, молян,— корхтай дураксь.

Сась илядсь, аватне дураконь ужнафтозь. Сон наряжась ся-ка калада чапанца, карксась перьфканза ленгянь пикскя, кядезонза сявсь тумонь байдек и тусь алянц калмонц лангс. Озась тоза и нюрькси. Ащесь сон пялевес и мезевок изь куле, мезевок изь няе. Сявозе байдеконц и эрьхтезе алянц калмос. Учсь-учсь — мезевок аш. Тага эрьхтезе омбоцеда — мезевок аш, колмоцеда — и тага мезевок аш. Ушедсь дураксь пяк вишкста ювадема:

— Аляй!— ювадсь сон колмокстъ.

Лиссь аляц калмонц потмоста, а кядьсонза кирди тувонь щетинат. Вяшксь сон ся щетинатнень пачк — лиссь кати-коста тува: срнань, сиянь щетинаса. Тувоть мельге моли кемгафтува пурхцкя. Дуракти аляц корхтай:

— Тя, дурак, тонцень пайсь. Тяни сембонь пайсна тонь улест.

Шобдава сась дураксь куду, тоса кизефнесазь:

— Мезе няеть, дурак?

— Аш мезевок,— отвечай сон.

Ётась мзярошка врема, пади, ши-кафта, или, пади, недля-кафта, или тоса ковшка, а дураксь козонга аф лисенди. Сась кати-коста ёжу брадонза и корхтайхть рьваснонды:

— Оцязорсь латта азонкшни: сонь ули максома стирец. Оцязорсь дворецонц ваксс марась кевонь столба и столбать пряс азафтозе стиренц. Кие сонь столбать пряста паласы — сянди макссы стиренц. Оцязорсь тернесыне сембе од цёратнень.

Дураксь марязень браттнень и корхтай:

— Альнякане! Чяй, тиньге мольхтяда оцязоронь стирень палама?

— А мес мле аф мольхтяма! Мольхтяма ванцаськ.

Сась омбоце шись, срхкась народсь ванома, кода эцихть од цёратне стирть паламонза. Срхкасть дуракть брадонза ластя. Дураксь мярьги:

— Альнякане, тейньге, чяй, макссасть тазу фтал эльденянтень?

— Сявк,— мярьгсть тейнза брадонза, а синць тусть.

Дураксь сявозе эльденять, озась лангозонза и тусь мельгаст. Озась сон аф алашать няренц шири, а кода ломатть аф ласнихть. Кядезонза сявсь лапама и ушедсь лапамать мархта алашать фталонц ланга эрьхнема. Пачкодсь рдаз крайс и пешкоды:

— Коза лишме, тоза ватракш!

Сон валгсь рдазть крайс, фатязе алашать, шарфтозе пулонц прянц перьфке, и алашать пулоц илядсь кядезонза. Алашась лядсь рдаз кучкати. Дураксь ювадезень варсихнень:

— Варсихть, вага тейнть ярхцамбяль!

Тяда меле дураксь таргазень карманцтонза сивай айгоронь шяярьнятнень и вяшксь пачкаст. Ардсь сивай айгорсь: срнянь гриванза, сиянь. А сонць дураксь цебярьгодсь, мазолгодсь и пяк наряжавсь. Озась алашать лангс и тусь ардозь.

Пачкодсь оцязорть дворецонцты. Ломатть сувайхть ортава, а сон комотсь ортать вельф. Но стирсь тейнза изь палав. Сембе народсь ванць лангозонза, и сембе дивандасть:

— Костонь тяфта од цёрась сашендсь?

Дураксь сась куду сембода инголи. Веле песа нолдазе айгоронц, каявсть лангстонза нарядонза. Сась дураксь лоскодонзон мархта и куцсь пянакуд лангс, мадсь. Ювадезе ваксозонза катоснон, котьфтезе пеконц и ушедсь кштифтемонза, а сонць корхтай:

— Мур-мяр, катонь нярь!

Мзярс дураксь кштифнезе катоть, састь альняканза ванондома вастста и озасть ужнама. Дураксь мярьги:

— Альнякане, чяй, паласть оцязоронь стирть?

— Да, паласьк. Ардсь кодама-бди цёра сивай айгорса. Айгорть золотаннет гриванза, сонцьке цёрась пяк наряжаф, мазы. Дивандась сембе народсь. Чуть ашезе пала стирть.

— Да, тя альнякай, никак монолень?— мярьги дураксь. Браттне варжакстсть дуракть лангс и рахазевсть.

Омбоце шиня сембе народсь пуромсь стирть ванома. Дураксь тага анась тазу эльденя. Сон тага ушедсь лапамаса алашать шавома. Лангозонза рахасть сембе моли ломаттне.

Пачкодсь дураксь сяка рдазть крайс, пупордафтозе эльденять прянц вельф, ватказе трубкакс алашать кеденц и ювадсь:

— Варсихть, мон тейнть ярхцамбяль максан!

Тяда меле лихтезень каряй шяярьнятнень и вяшксь пачкаст. Ардсь каряй айгорсь: срнянь, сиянь гриванза. Дуракське тиевсь цебярькс, щаф, наряжаф пяк лац. Дураксь ластясь айгорть лангс и курок пачкодсь оцязорть дворецонцты. Лия од цёратне сембе ортава сувсихть, сон комотсь ортать вельф алашанекмезнек и палазе стирть. Тоса тусь ардозь меки куду. Стирсь палама пингстонза цёрать коняс путсь золотой печать.

А дураксь пачкодсь велеть пес, нолдазе айгоронц, каявсть лангстонза нарядонза, а конястонза печатсь изь ёта. Сон пели сувамс куду, мес коняц печатлаф. «Месендема тяни?»— думандась сон. Путозе конязонза кяденц и стане сась куду. Куцсь пятна лангс. Сявсы конястонза кяденц — и кудсь валдоми.

Састь альняканза ванома вастста. Дураксь сотнезе конянц нуласа, штоба кивок афоль шарьхкоде. Альняканзон кизефнесыне:

— Альнякане, оцязоронь стирть паласть?

— Палазь, да аф минь. Тоса аф минь кодямонк народсь, ито изь палав киндиге. Аньцек кодама-бди цёра палазе стирть. Стирсь пяк ни кенярдсь: сяда курок цёрать коняс золотой печать путсь.

Корхтамдост меле ушедсть ужнама. Дураксь кодавок пятна лангста аф валги.

— Дурак, мес тага аф валгат?

Валгсь дураксь, коняц нуланяса сотнеф. Альняканза кизефнихть:

— Мес тага дуракть коняц лоскодса сотнеф?

А дураксь кашт аф моли. Ужнасть-тисть, дураксь тага куцсь пятналангс и мадсь, нолдазень сельгонзон. Меле тердезе катоснон и ушедсь катонять кштифнема, а сонць катоть мархта корхтай:

— Мур-мяр, катонь нярь!

Колмоце шиня ушедсть вешендема, кие оцязорть стиренц палазе, но костовок сон аф муви. Оцязорсь мярьги:

— Кда муволь, то венчандафтолеськ и свадьба тиелеме, овкс нолдалине.

Сембе купецонь цёратнень ётазь синь, ётксост аш печатлаф коня. Ушедсть крестьяттнень, дуракнень ёткова вешендема. Музь дуракть пянакуд лангста катоснон ваксста, коцькаргаса ускозь. Дураксь лоскод-ласкод потмоса, рдазу. Ваныхть — коняц сотнеф рдазу нуласа. Аерфтозь нулать — алонза золотой печатсь. Фатязь дуракть и сявозь оцязорть пяли.

Няфтезь дуракть стирти. Дураксь лоскод потмоса, сельгу. Стирсь ванць-ванць лангозонза, кундазень кядензон и кармась авардема. Сон аф аварди, верхт-сыхть лихти, а сонць корхтай:

— Монь аф тяфтама цёра паламань, мес тянь тейне тусть мирденди?!

Но тиемс аш мезе. Оцязорсь условиянзон эзда изь атказа и тердезе дуракть овонди. Стирсь нарнезень дуракть сельгонзон, рдазонзон, и тусть венцяма. Дураконди свадьбавок ломань лаца исть тие. Венцямда меле дуракть кудунга ашезь нолда, кучезь баняв, тоса и эряй-ащи дураксь аванц мархта.

Вот оцязорсь срхкафтсь кодама-бди бал, тердезень стирензон-овонзон пиравама. Анды-симди ёню овонзон эса, а дураксь баняса ащекшни. Дуракть рьвац мольсь ваномост и корхтай алянцты:

— Аляй, ся овцтиге максолеть пяле литрашка.

Оцязорсь макссь тейнза пяле литра вина, а закуска ёфси ашезь макса. Стирсь моли баняти и аварди. Аварькшни-тии, тага моли кулхцондома, мезе корхтай аляц ёню овонзон мархта.

Оцязорсь мярьги:

— Луга кучкаса якай сивай айгор: золотань, сиянь гривanza. Кие сянь дворецозон вятьсы — сембе имениязень тейнза макссa.

Сась баняв оцязоронь стирсь, азондозе дураконди, мезе кульсь, а сонць коль аварди.

Мзярс оцязорсь овонзон симнесь-аннесь, дураксь лиссь баняста и тусь лугати. Вяшксь сивай алашань шяярьнятнень пачк — ардсь тейнза лишмось, дураксь наряжавсь и мазолгодсь. Дураксь вятьсы сивай лишмоть оцязорть шири, а ся овонза молихть нинге алашать кундама, синць корхтайхть:

— А паколь шарондоме, нява кати-кодама аля вятьсы ни лишмоть. Давай рамасаськ кядьстонза.

— Цёра, мик тейнек лишмоть!

— Рамасть.

— Мзяра сяват инксонза?

— Тейне мезевок аф эряви, давайте копорьстонт шнат ваткан.

Нят и думандайхть: «Максомс ваткамс — маряй пяк, и лишмоськe пяк эряви. Но маряйть кодавок кирдьсаськ, а панаронь пачк копореньке аф няевихть». Синь согласиндасть ваткафтомс шнат. Дураксь ваткась шнат, максозе айгоронц. Еню офне тусть оцязорти лишмоть мархта. А дураксь каязень зепозонза шнатнень и тусь банянцты.

Оцязорсь овонзон мархта сядонга пяк кармась гуляндама, корхтама од лишмоть колга. А дуракть авац сай баняв авардезь: «Юмань-арань мон тонь вакссот,— корхтай дуракти.— Архта-ка, алязе тяни месенди овонзон мархта! Кулень, алязе корхтай, бта якай лугать кучкава каряй алаша: срнянь, сиянь гриванза. Кона овоц сянь кундасы, сембе оцязорть эряфоц улеза ся овть властьса».

Сась омбоце шись, оцязорсь андсыне-симдьсыне овонзон, а дуракти мезевок аш. Дуракть рьванцты досадна. Сон алянц кядьста тага вешсь винаня и закуска, оцязорсь изь макса.

Тусь тага дураксь банять эзда, вяшксь каряйнь шяярьхнень пачк, и каршезонза ардсь каряй лишмось, сонцьке дураксь цебярьгодсь, мазолгодсь и наряжась. Сявозе сон лишмоть и вятьсы куд шири. А оцязорть лядыкс овонза молихть нинге лугав.

Ванозь, вятьсы лишмоть кие-бди, и корхтайхть эсь ётковаст: «Вятьсы ни, давай рамасаськ кядьстонза».

Кизефтезь:

— Мик тейнек лишмоцень!

— Аф миса,— отвечась дураксь.

— Мзяра тят ана, макстама,— корхтайхть офне.

— Мондейне мезевок аф эряви, давайте керсайне тифтень оцю пильге суронтень,— мярьги дураксь синь каршезост.

— Месенттяма,— корхтайхть ёню офне,— максомс — маряйхть и няевихть. Но кудса якатама цюлкаса, пильге сурхне цюлка потмоса аф няевихть.

Синь сявсть и керфтозь пильге сурснон. Дураксь тейст максозе лишмоть.

Оцязорсь пяк кенярдсь: овонза пяк ни старандайхть, сянкса оцязорсь синь каванясыне. Дуракть рьвац аварди: тейнза пяк досадна ваномс гуляндай офнень лангс. Оцязорсь дуракть пирс аф тернесы, сон лангозонзовок аф ваны. Позорясы и эсь стиренцка.

Стирсь корхтай, пеняндай дурак мирденцты:

— Тяни алязе сембе имениянц синдейст макссы. Мярьгсь тейст тиемс аньцек фкя тев. Пакся кучкаса тува якай, шувонды, кемгафтува пурхцкя мельганза якай — вот сянь мярьги вятемс.

Сась омбоце шись. Оцязорсь ушедсь ёню овонзон андомасимдема. А дуракть рьвац коль тоса пульхки и тага анай алянц кядьста винаня. Оцязорсь аф максы:

— Аш мезенкса тейнть максомс: паронте аш мезевок.

Сась дуракть рьвац банязост авардезь. А дураксь мольсь паксяв, таргазень зепстонза тувонь щетинатнень, вяшксь пачкаст, и ардсь тувось. Дураксь цебярьгодсь, мазолгодсь, сявозе тувоть и тусь мархтонза. А оцязорть ся овонза срхкасть паксяв и няйсазь: тувоть кати-кие вятьсы ни.

— Дай рамасаськ,— корхтайхть эсь ётковаст.

— Эй, цёра,— ювадихть дуракти,— мик тувоцень!

— Аф миса,— корхтай цёрась.

— Мезе кельгат, сянь и сяфть, аньцек мик.

— Давайте види кядень вяшкянянтень керсайне — эста максса,— корхтай тейст дураксь.

Тонат думандасть-думандасть и корхтайхть эсь ётковаст: «Сурфтома аф цебярь, тувофтомовок аш кода. Перчаткаса карматама ащекшнема кудсовок».

Синь керфтозь сурснон, дураксь максозе тейст тувоть. Синь вятезь оцязоронь дворецти. Оцязорсь пяк кенярдсь и тись овонзон мархта гуляндама.

— Тинь пяк лама пара тиеде. Сянкса мон максса тейнть сембе царствазень, имениязень и нолдатядязь эсь кудозон эряма,— мярьгсь оцязорсь и ушедсь паршинц макссема.

А дуракть рьвац аварди, мес тейст мезевок ашесть макса.

— Аде тага тоза, алязень кудс, миньге мезевок тоса анатама.

Синь мольсть оцязорти. Оцязорть ёню овонза эзембряса озадот. Дуракть ашезь нолда малавга. Сон ащи шалгам лангса озада и мярьги:

— Батькай, мондейне мезевок максолеть!

— Аш мезенкса тейть максомс, ня овне нява мзяра парода тисть, а тон мезевок ашеть тие,— отвечась оцязорсь.

— Нят сембе, батькай, моннет,— корхтай дураксь.— Давай каяфтыть панарснон.

Тонатнень лангста каяфтозь панарснон. Дураксь ладязень копорезост шнатнень, и синь ладясть. Каяфтозь цюлкаснон — оцю пильге сурсна ашет.

— Кизефтить, батькай, косот пильге сурсна,— корхтай дураксь.

Овонзонды корхтамс аш мезе.

— Ня шнатнень ваткайне сивай лишмоть инкса, пильге суронон керыне каряй лишмоть инкса, а вяшкяняснон керыне тувоть инкса.

Оцязорсь фатязень ся стиренэон-овонзон и ёрдазень вальмава. Дуракть озафтозе эзембряв и тейнза бславазе сембе именинянц. Ушедсь дураксь эряма-ащема оцязорть кудса. Лишмотне и тувось кемгафтува пурхцонзон мархта якайхть калдазса.

Дураксь кармась улема цебярь, мазы, наряжаф. Оцязоронь стирть кургоц кармась пеедема валда шинякс.

Пец ваясь ведьс.

ТРИ БРАТА

Жили-были три брата: двое умных, а третий дурак. Умер их отец. Перед смертью он сказал им:

— Как похороните меня, то после похорон три ночи приходите на мою могилу.

Он велел каждому из сыновей одну ночь провести на кладбище. Первому сыну велел прийти в первую ночь, второму — во вторую, а на третью ночь — дураку.

Похоронили сыновья отца. Старшие братья говорят своим женам, что им нет охоты идти на могилу отца, надо послать туда дурака. Старший брат и говорит:

— Дурак, сходи за меня на могилу отца, а я тебе пару лаптей сплету.

— Что ж, пойду,— отвечает дурак.

Женщины накормили дурака ужином, и он после этого собрался. Одел на себя длинный чапан. Брат его опоясал, дал ему в руки дубовую палку, и дурак пошел на могилу отца. Пришел, сел и задремал. Пробыл так до полуночи. Ничего не увидел, ничего не услышал и подумал про себя: «Я так ничего не увижу». Взял дубовую палку и давай что есть силы бить ею по могиле отца. Немного подождал и снова стал бить палкой по могиле, но ничего не услышал. Он принялся бить в третий раз — вышел из могилы его отец и спрашивает:

— Старший сын, это ты?

— Нет,— отвечает дурак.

— Средний сын, ты?

— Нет,— говорит дурак.

— Дурак, ты?

— Я, отец.

Вынул отец белые волосы, свистнул сквозь них. Прибежал жеребец. Его грива серебряно-золотая. Отец говорит дураку:

— Хотел было подарить его большому сыну, но коли он не пришел, пусть жеребец будет твоим. Как только придет нужда,

свистни сквозь эти волосы, прибежит к тебе этот конь. Сам ты станешь хорошим, красивым и нарядным. А теперь, сын мой, иди домой.

Пришел дурак домой, старшие братья спрашивают его:

— Что видел, дурак?

— Ничего не видел,— отвечает дурак.

Женщины накормили, напоили дурака, и он лег спать.

Во вторую ночь надо было идти на могилу среднему брату. Он говорит:

— Иди за меня, дурак, я тебе оборы совью.

— Что ж, пойду,— отвечает дурак.

Жена среднего брата накормила дурака, и послали его коротать ночь на могиле отца. Дурак, как и в первый раз, надел на себя чапан, опоясался лыковой веревкой, взял в руки дубовую палку и пошел. Пришел, сел на могилу отца и прождал до полуночи. Ничего он не слыхал, ничего не видал. Тогда схватил он свою палку и сильно ударил ею по могиле отца — нет ничего. Второй раз ударил по могиле — и опять ничего нет. Ударил третий раз — вышел отец и спрашивает:

— Старший сын, ты?

— Нет,— отвечает дурак.

— Средний сын, ты?

— Нет.

— Дурак, ты?

— Я, отец.

Вынес отец волосы от вороной лошади, свистнул сквозь них. Прискакал вороной конь. Грива золотисто-серебристая. Отец говорит:

— Этого вот хотел подарить среднему сыну, но, коли он не пришел, пусть и этот будет твоим. Когда тебя нужда настигнет, свистни сквозь эти волосы, примчится к тебе конь. А сам ты похорошеешь и нарядный будешь. А теперь иди домой.

Пришел дурак домой, а умные спрашивают его:

— Что видел?

— Да что там можно увидеть?— отвечает дурак.

Женщины накормили дурака, он лег спать. Спал до вечера. Вечером умные братья говорят ему:

— Сегодня, дурак, иди коротай ночь за себя.

— Ну что ж,— отвечает дурак,— пойду.

Женщины накормили дурака. Нарядился дурак в рваный чапан, опоясался лыковой веревкой, в руки взял дубовую палку и пошел на могилу отца. Там он сел и задремал. Побыл он так до полуночи, ничего не слыхал, ничего не видал. Взял он свою палку и ударил ею по могиле отца. Подождал, подождал — ничего нет. Снова ударил по могиле — и снова ничего нет. Принялся дурак что есть силы кричать:

— Тятька!

Крикнул он трижды. Вышел из могилы отец, в руках дер-

жит свиную щетину. Он свистнул сквозь эту щетину — откуда ни возьмись вышла свинья, щетина на ней золотисто-серебристая. За свиньей идут двенадцать поросят. Отец говорит дураку:

— Это, дурак, твоя доля. Пусть теперь все доли твои будут.

Утром дурак пришел домой. Дома его спрашивают:

— Что видел, дурак?

— Ничего не видел,— отвечает дурак.

Прошло сколько-то времени. Может, день, а может, два, может, неделя, может, другая. А может, и месяц. Дурак никуда не выходит. Вот раз пришли откуда-то умные братья и говорят своим женам:

— Царь объявление дал. У него есть дочь на выданье. Царь около дворца сложил каменный столб, на вершину столба посадил свою дочь. Кто поцелует ее там, тому и отдаст ее. Царь собирает всех парней.

Дурак слышал их разговор и говорит им:

— Братья, неужели и вы поедете целовать царскую дочь?!

— А почему бы нам не ехать? Поедем посмотрим.

Наступил следующий день. Народ собрался смотреть, как лезут парни целовать царевну. Садятся на лошадей и братья дурака. Дурак умоляет:

— Братья, и мне, может быть, дадите чесоточную (паршивенькую) кобыленку.

— Бери,— сказали ему братья, и сами поехали.

Дурак взял эту кобылку, сел верхом и подался за ними. Сел он не как люди садятся, а задом наперед. Взял в руки валек и принялся им бить по лошади. Доехал до болота и крикнул:

— Куда лошадь, туда и лягушка!

Сошел с лошади у болота, схватил кобылку за хвост, повертел вокруг своей головы, и только хвост остался у него в руке. Лошадь полетела в грязь. Дурак крикнул воронам:

— Вороны, вот вам корм!

После этого дурак вынул из кармана волосы сивой лошади, свистнул сквозь них. Прискакал сивый жеребец, грива у него золотисто-серебристая. Дурак похорошел, стал красивым и нарядным. Сел он на жеребца и поехал рысью.

Доехал он до царского дворца. Другие въезжают в ворота, а он перескочил на лошади через ворота. Но поцеловать девицу не смог. Весь народ смотрел на него, все диву давались:

— Откуда такой парень приезжал?

Дурак прибыл домой раньше братьев. У деревни отпустил своего коня, и исчезли с него наряды. Пришел он домой в своем рваном чапане, залез на печку и лег спать. Прижал к себе кошку, пощекотал ей живот и заставил плясать ее, а сам приговаривает:

— Мяр-мур, кошачья морда!

Пока он так забавлялся с кошкой, прибыли его братья и сели ужинать. Дурак спрашивает:

— Братья, уж не поцеловали ли вы царевну?

— Да, как бы не так! Приехал какой-то парень на своем жеребце с золотисто-серебристой гривой. Сам он очень нарядный, красивый. Весь народ диву дался, глядя на него. Чуть-чуть не поцеловал девицу.

— Да это, братья, наверно, я был,— сказал дурак.

Братья посмотрели на дурака и засмеялись.

На другой день весь народ собирается девицу смотреть. Дурак опять выпросил шелудивую кобылку. Опять принялся бить вальком свою лошадь. Смеялись над ним все встречные.

Доехал дурак до того же болота, повертел кобылку вокруг своей головы, снял с нее кожу и крикнул:

— Вороны, я вам корм дарю!

Потом вынул черные волосы, свистнул через них — примчался вороной жеребец, с золотисто-серебристой гривой, хвост и шерсть блестят. Дурак сделался красивым, богато одетым.

Вскочил дурак на коня и скоро прискакал к царскому дворцу. Все другие парни в ворота въезжали, а он перескочил через ворота, поцеловал царскую дочь и помчался к себе домой. Во время поцелуя девица успела приложить золотую печать ко лбу парня.

Дурак доехал до околицы, отпустил своего коня, снялись с него одежды, не стерлась только печать со лба. Он боится войти в дом, потому что лоб с печатью. «Что теперь делать?»— думает он. Закрыл лоб ладонью и так пришел домой, залез на печку. Отнимет от лба руку — и в доме становится светло.

Прибыли со смотрин и его братья. Дурак обвязал лоб тряпкой, чтоб никто не догадался. Спрашивает братьев:

— Братья, поцеловали девицу?

— Поцеловали, да не мы. Там не такие, как мы, да и то никому не удалось поцеловать её. Только один какой-то парень перескочил через ворота и поцеловал девицу. Девица очень уж обрадовалась: красивый парень поцеловал её. Она золотую печать поставила на лбу парня.

После беседы братья сели ужинать. Дурак не хочет сойти с печи.

— Дурак, ты почему не идешь?

Слез дурак. Лоб у него перевязан тряпкой. Братья спрашивают:

— Почему опять лоб тряпками перевязан?

Дурак молчит. Поужинали — дурак скорее на печку. Потом поманил к себе кошку и принялся её щекотать и с ней разговаривать:

— Мур-мяр, кошачья морда!

На третий день стали искать поцеловавшего царскую дочь, но нигде найти его не могут. Царь заявил:

— Если бы он нашелся, женил бы его на дочери, свадьбу сыграли бы, в зятья принял бы его.

У царя не было ни одного сына, были только три дочери. Две уже выданы замуж, а третья готовилась к этому. Царь стал разыскивать того парня, который поцеловал его меньшую дочь. Искал, искал — нигде не нашел. Всех купеческих сыновей обошли. Принялись искать жениха среди крестьян и дураков. Нашли дурака на печи рядом с кошкой, стащили его оттуда кочергой. Дурак весь оборван, грязный, слюнявый. Смотрят, лоб перевязан грязными тряпками. Сняли тряпки — на лбу след золотой печати. Схватили дурака и отправили к царю.

Показали дурака царевне. Дурак оборванный, слюнявый. Девица смотрела, смотрела на него, заломила руки и начала плакать:

— Меня не такой парень поцеловал. Зачем вы его привели ко мне в мужья?!

Делать нечего. Царь не отказался от условий: принял дурака в зятья и отправил его жить вместе с дочерью в баню. Царевна вытерла дураку слюни, очистила его грязь, и поехали венчаться.

Дураку и свадьбу сыграли не так, как людям. После венчания его и в избу не пустили, а отправили в баню, где и оставили его жить со своей женой.

Вот царь собрал какой-то бал, пригласил на пир своих зятьев. Кормит, поит умных зятьев, а дурака и не пригласил, он в бане поживает. Его жена пришла посмотреть на бал и просит у отца:

— Отец, и третьему зятю дал бы поллитровочку.

Царь дал ей поллитра вина, а закуски не дал никакой. Царевна идет в баню и плачет. Поплачет, погорюет, снова идет подслушивать, о чем говорит ее отец с умными зятьями, и снова плачет.

Царь говорит:

— На лугу гуляет сивый жеребец с золотисто-серебристой гривой. Кто поймает его и приведет ко мне — все свое именье отдам ему.

Царевна пришла в баню, рассказала дураку то, что слышала, а сама принялась плакать пуще прежнего.

Пока царь угощал своих зятьев, дурак вышел из бани и пошел на луг. Он свистнул сквозь волосики-шерстинки от сивой лошади — примчался жеребец, дурак похорошел, стал нарядным. Ведет дурак сивого коня к дворцу, а навстречу зятья идут лошадь ловить. Они говорят:

— Ну, вот! Пока возились да собирались, какой-то молодец ведет уже того коня. Давайте мы купим его у него.

— Эй, парень, продай нам эту лошадь!

— Купите.

— Сколько за него возьмешь?

— Мне ничего не надо. Дайте со спин ваших по ремню вырежу.

Зятья и думают: «Дать содрать кожу — очень больно, но и лошадь очень нужна. Боль как-нибудь перенесем, а через рубашку спину не видать».

Они согласились. Дурак вырезал ремни и отдал жеребца. Умные зятья пошли к царю. А дурак засунул эти ремни в карман и пошел к себе в баню.

Царь с зятьями пуще прежнего загулял, хвалился своим конем. Жена дурака пришла в баню и плачет.

— Пропала я, на что только ты годишься!— говорит она дураку.— Вон что делает теперь мой отец, как пирует со своими умными зятьями! Слышала я, отец говорит, будто на лугу пасется вороная лошадь с золотисто-серебристой гривой. Кто из зятьев поймает ее, то отец свою жизнь для того не пожалеет.

Наступил следующий день. Царь угощает зятьев, а дураку нет ничего. Жене дурака досадно до слез. Она выпросила у своего отца вина, а закуски царь так и не дал.

Вышел дурак из бани, свистнул сквозь волосины — примчался вороной жеребец. Сам дурак превратился в красавца, стал нарядным. Взял он лошадь за гриву и ведет его ко дворцу. А зятья только пошли на луг. Смотрят, какой-то молодец ведет уже вороного коня. Они спрашивают у него:

— Продай нам коня!

— Не продам,— отвечает дурак.

— Сколько ни запросишь — дадим, только продай.

— Мне ничего не надо, давайте отрежу по одному большому пальцу с ваших ног,— отвечает дурак.

«Что делать?— рассуждают между собой зятья.— Отрежет наши большие пальцы — больно, но и конь очень нужен. Да ладно, в чулках пальцев не будет видно».

Согласились отдать большие пальцы. Дурак отдал им лошадь. Царь очень обрадовался, больше прежнего стал угощать зятьев, пировать с ними.

Жена дурака плачет: ей ведь очень досадно смотреть на пирующих зятьев. Царь дурака на пир не приглашает, знаться с ним не хочет. Позорит и её, дочь свою. Вот она и говорит, жалуется дураку-мужу:

— Теперь мой отец всё своё имение отдаст им. Он велел сделать только еще одно дело. По полю гуляет свинья, двенадцать поросят ходят за ней. Велит поймать свинью с поросятами.

Настал следующий день. Царь кормит и поит своих умных зятьев. Жена дурака просит у отца вина для мужа. Царь не дает:

— Не за что вам давать: толку от вас никакого!

Вернулась жена дурака в баню, а сама горько плачет, слезами заливается. А дурак вышел в поле, вынул из кармана щетину, свистнул сквозь неё — прибежала свинья с поросятами. Дурак похорошел, стал нарядным. Погнал свинью к царскому дворцу.

В это время царские зятья собрались итти в поле и видят: кто-то уже свинью гонит.

— Давайте мы купим у него её,— говорят они между собой.

— Эй, парень, продай нам свинью!

— Не продам,— отвечает им дурак.

— Что хочешь, то и проси, ничего не жалко, только продай.

— Давайте мизинцы с правых рук у вас отрежу, тогда отдам,— отвечает дурак.

Те подумали-подумали, говорят между собой: «И без мизинцев нехорошо, но и свинья нам очень нужна. А дома в перчатках никто не заметит, что у нас нет мизинцев». На том и решили.

Дурак отрезал у них мизинцы с правых рук, отдал свинью. Они пригнали её в царский дворец, царь очень обрадовался и давай гулять со своими умными зятьями.

— Вы очень много мне доброго, хорошего сделали, поэтому я подарю вам все свое царство, свое именье и пущу вас жить в свой дворец,— сказал им на радостях царь.

А жена дурака плачет, почему им ничего не дают. Она говорит дураку:

— Пойдем и мы туда, в царский дворец, что-нибудь выпросим.

Пришли они к царю. Умные зятья в переднем углу сидят. Дурака даже близко не подпустили. Он сидит на пороге и говорит:

— Тестюшка, и мне что-нибудь подарил бы!

— Тебе не за что дарить. Эти зятья сколько хорошего для меня сделали, а ты ничего не сделал,— отвечает ему царь.

— Это все мое, тестюшка,— говорит дурак.— Прикажи-ка им снять рубашки.

С тех сняли рубашки. Дурак приладил к их спинам ремни, которые он вырезал, они были как раз на месте. Велел снять чулки — больших пальцев на ногах нет.

— Спроси-ка, тестюшка, где у них большие пальцы,— говорит царю дурак.

Зятьям и говорить нечего.

— Вот эти ремни я вырезал у них за сивого жеребца, пальцы ног я отрезал за вороного жеребца, мизинцы отрезал за свинью.

Царь схватил умных зятьев вместе с их женами и выбросил в окно. Дурака усадил в передний угол и завещал ему все своё имущество.

Стал дурак жить-поживать в царском дворце. Лошади и свинья с двенадцатью поросятами гуляют в его дворе. Дурак стал хорошим, красивым, нарядным. Его жена повеселела, стала улыбаться.

ПЯЛЬХКЯНЯ

Атянь-бабань ашель шачисна, ашель касысна. Эрясть синь аф беднайста, аф козяста, ломань шири анама исть яксекшне.

Срхкась атясь сокама, кармась путома кярядонц крандазти — керозе пяльхканц.

— Эрь, бабаньке, лядонь пяльхкафтома.

Бабась сявозе пяльхкянять, ашкодозе нуланяса да и путозе пенчкорти. Атясь тусь сокама.

Писть бабать лепёшканянза, срхкась атять мельге паксяв: путсь лепёшканят кептериняв, каясь кукшень лофца.

— Тядяй, дай мон молян алязти.

— Вай, кият тон?

— Мон — Пяльхкянясь.

Кучезе бабась паксяв Пяльхкянять. Моли Пяльхкянясь кить кувалмос, мора морай:

Широка страна моя родная!...

Пачкодсь атяти, корхтай:

— Аляй, дай мон сокан, а тон ваймак да ярхцак.

— А кият тон?

— Мон — Пяльхкянясь.

Кенярдсь атясь, максозень Пяльхкяняти вожиятнень, сонць озась ярхцама.

А Пяльхкянясь сокай да морай:

Широка страна моя родная!...

Етай тя пингова английскяй лорд: сась сон Россияв чуданьванома.

— Мезень тя чуда?— кизефнесы атять.— Ломань аф няеви, а мора кулеви, да алашаське бта сонць якай.

Атясь и мярьги:

— Тя сокай монь цёразе, Пяльхкянясь.

— Эх, атя, тяда чуда аф муян. Мик сонь тейнь.

Ужяль атяти явомс Пяльхкянять эзда, да и минь Россияса тяни ломатть аф мишендихть.

А Пяльхкянясь корхтай саворне:

— Согласиндак, аляй, верхсь минь ули.

Согласиндась атясь, кучезе цёрать лордть мархта. Лордсь ашкодозе Пяльхкянять руцяняс и путозе зепозонза. «Вов молян Англияв,— думандай тяфта сон,— кочкасайне лорттнень-морттнень, няфтян тейст чуда»

А Пяльхкянясь молемста ёрязень лордть золотанзон, кадсь марня руцянять потмос, а сонць комотсь тоста. Кить кувалмос кочказень золотатнень и сась куду.

А лордсь мольсь Англияв, кочказень лорттнень-морттнень да и корхтай:

— Господат! Мон усконь тейнть подарка!

Содаф, баярхне кельгсазь подаркатнень, ювадсть:

— Давай сей!

Лордсь лихтезе руцянять, келептезе, а тоса аньцек начка назём марня.

Тяка пец ваясь ведьс.

ПАЛЬЧИК

У старика со старухой не было детей. А были они ни бедны, ни богаты, но к чужим просить не ходили. Собрался однажды старик поле пахать, стал поднимать плуг на телегу — отрезал себе большой палец.

— Ну, старуха, остался я без пальца.

Старуха взяла у старика палец, завернула в платок да и положила в печурку. Поехал старик в поле без пальца. А у старухи испеклись лепёшки. Собралась она к старику в поле: положила лепешки в корзину, в кувшин налила кислого молока. И хотела уходить. Вдруг слышит:

— Мама, дай мне корзину, я схожу к отцу в поле.

— Ой, а кто ты такой?

— Я — Пальчик.

Послала старуха к старику с лепешками Пальчика. Идет Пальчик по дороге, песню поет:

Широка страна моя родная!..

Приходит к старику, говорит:

— Тятя, дай я буду пахать, а ты поешь лепешек да отдохни немного.

— А кто ты такой? — спрашивает старик.

— Я — Пальчик.

Обрадовался старик, передал ему вожжи, сам сел за завтрак. А Пальчик пашет поле, песню поет:

Широка страна моя родная!..

Проезжал в то время английский лорд, он приехал в Россию чудо смотреть.

— Что это за чудо? — спрашивает он у старика. — Человека не вижу, а песню слышу, да и лошадь, смотрю, сама пашет.

Старик говорит:

— Это пашет мой сын Пальчик.

— Ба, такого чуда я нигде не найду и не увижу. Продай мне его.

Жаль расставаться старику с Пальчиком, да у нас в России теперь и людей не продают.

А Пальчик говорит тихонько:

— Тятя, соглашайся, верх наш будет.

Согласился старик, послал Пальчика вместе с лордом. А лорд завернул его в платочек да и положил к себе в карман.

— Вот приеду в Англию,— думает так он,— соберу всех лордов-мордов, покажу им чудо.

А Пальчик по дороге прорезал дырку в кармане лорда и давай кидать оттуда золото, пока все не выкидал. Потом оставил в платке мокрую навозную кучку, а сам выскочил вон, да и домой.

Лорд приехал в Англию, собрал всех лордов-мордов да и объявил:

— Господа! Я привез вам подарок.

Известно, баре любят подарки, кричат:

— Давай сюда!

Он вынул платок, развернул, а там грязь, навоз.

Конец утонул в воде.

ТЯДЯСЬ

— Тя, пожалуй, аф ёфкс, а эряфонь басня,— корхтай Наста баба.

— Коста сонь кулить?

— Кати Пиченяста, кати Анагорьста,— корхтай сон,— а может, ладнек тязк и ладявсь. Войнать пингста.

Фкя тядять ульсть вете цёранза и ветецьконь срхкафтозень войнав. Срхкасть ни цёратне, ильхтезень тядясна ки пулоти, палазень ветецьконь и корхтай:

— Арда, идняне, тевс-кис.

Лия тядятне корхтайхть цёраснонды мезе-мезе, а сон сяда лама мезевок изь аза.

— Мес, тядяй, мезевок аф азат тейнек войнань ки лангс? — кизефнесазь цёрасна.

— Кати-мезе азомс. Кда мяленте ули, кулхцондода, азондан басня.

Цёратне озасть ки пулоти, кулхцондыхть, а тядясна азонды:

— Ульсь светть лангса фкя мастор, тяни сонь лемоцка юкстаф ни. Эрясь ся масторса фкя тядя: кафта цёранза, кафта рьвянянза, кафкса уноконза. Эрясть синь козяста-павазуста, да мес-бди тиевсь семьяса раздор: рьвянятне бабать лоткасть кельгомдонза, кармасть сялонкшнема:

— Аф эряви тейнек сон, тяни минцень улихть идняньке! Ков мяленте, тов и тиесть тядянтень.

Вов тяфта эрь шиня кармасть корхнема мирдьснон. Мезе тиемс цёратненди? Панемс рьваснон — иттне ужяльхть, кадомс тядять — аватне олафтыхть.

Сась весть купец медень рамама и лядсь тозк удома. Кульсы илять олафтомать, кульсы шобдава олафтомать, сон и корхтай цёратненди:

— Мес тяшкава олафтыхть рьвянте?

— Да вов тядяньке аш ков тиемс.

— Эста мисть сонь тейне.

Кулезь аватне купецть валонзон, тага олафтыхть:

— Мисть да мисть.

Эста цёратне мизь тядяснон. Мизь и лядсть тядяфтома. А купецсь сявозе тядяснон, товаронзон и тусь эсь масторозонза. Етась мзяра киза, сяка жа купецсь тага моли товаронкса. Етай сияк, коса ульсь ся цёратнень царствасна. Етай сон и васттьке аф содасы: коса ульсь ся цёратнень царствасна — тяни тоса наксада эрьхке, коса ульсь утомсна — тяни тоса равжа кев мархт, эрьхкть потмоса куйхть, ватракшт. Шарсь купецсь лия шири, мольсь и кизефни ломатть:

— Косот ся козя-павазу цёратне, конат тядяснон мизь?

— Тостонга-тов мода пачк тусть! — азозь ломаттне.

Вов мезе, идняне, азонь тейнть войнав тумстонт. Арда лацкас, мрдада лацкас.

МАТЬ

— Это, пожалуй, не сказка, а басня жизненная,— говорит бабушка Настя.

— Где вы ее слышали?

— То ли в Печевке, то ли в Анагоре,— отвечает она,— а может, и здесь сложилась. Во время войны.

У одной матери было пятеро сыновей — и всех пятерых она собрала на войну. Ну, собрались братья, проводила их мать до стыка дорог, поцеловала всех пятерых и говорит:

— Идите, детки мои, в путь-дорогу.

Другие матери наказывают сыновьям, слова особенные говорят, а она ничего более не сказала.

— Почему, мать, нам никакого напутствия не даешь на военную жизнь? — спрашивают сыновья.

— А что мне сказать? Если есть у вас на это думка сердечная, то послушайте, расскажу басню.

Сели сыновья у дороги, слушают, а мать рассказывает.

— Было на земле такое царство, теперь и имя которого народ позабыл. Жила в том царстве одна мать, и было у нее два сына, две снохи, восемь внуков.

Жили они богато-счастливо, да вдруг в семье раздор пошел. Снохи стали мать недолюбливать, ругань пошла между ними.

— Не нужна она нам! Теперь у нас у самих дети есть... Куда хотите, туда и девайте свою старую мать.

Вот так и стали каждый день мужьям своим надоедать жены. Что делать сыновьям? Жен выгнать — детей жалко, мать оставить при себе — от жен житья никакого нет.

Однажды к ним приезжает купец за медом и остается у них в доме ночевать. Вечером слышит тот купец раздор в семье, утром слышит раздор в семье и говорит хозяевам:

— Отчего у вас жены так раздорно живут с вами?

— Да вот мать некуда девать.

— Тогда продайте мне ее.

Услыхали снохи про купеческие слова, опять к мужьям бросились.

— Продайте да продайте.

Тогда сыновья продали свою родную мать. Продали её и остались без матери. А купец взял её и вместе с товарами своими повез в свое царство.

Прошло сколько-то лет. Тот же самый купец едет снова за товарами. Едет он там, где было царство сыновей проданной матери. Едет он и место не узнает. Где был дом-дворец — там озеро гнилое, где были амбары — теперь там куча черных камней, в гнилом озере змеи да жабы кишат. Повернул купец в другую сторону, едет, людей спрашивает:

— Где теперь те богатые-счастливые братья, которые свою мать продали?

— Провалились сквозь землю в тартарары! — ответили люди.

— Вот что, детки мои, скажу я вам в напутствие. Идите подоброму, возвращайтесь славно.

ПОПСЬ И КУПЕЦОНЬ СТИРСЬ

Фкя ошса эрясть пяк козя купец аля и ава. Синь ульсь пяк оцю несчэстьясна: фкявок шабасна ашель. Меле шачсь цёрасна, конавди максеть лем Иван. Кизода меле шачсь стирьсна. Лем путсть Маря. Авась кулось. Стирсь пяк мазыель, и содай бабаня мярьгсь Марянь алянцты, што стирсь пякстама пещерас 18 кизос, штоба сонь кивок тяза няе.

Атясь стане и тись. Сон тейнза макссь нянька баба, кона содась разнай кяльхть. Пякстазь стирть няньканц мархта пещерав. Тоса бабась стирть эса тонафнесь разнай кяльс.

Етась кеветие киза, шабать кивок ашезе няе. Но кизода меле купецсь цёранц мархта тусть торгавама лия странав, а азоркс куду кадозе ялганц — приходскяй попть.

Вов тяни попсь думандай: «Оцюсь тяни монць, молян ванца стирть».

Ну и тусь ваномонза. Мольсь попсь пещерав, кармась панжема кенкшть, а тоста нянька бабась пешкоды:

— Кие тоса?

— Сась попсь, кона лангсонт азор,— отвечась попсь.

— Марькась эздот эводи: сон вдь кемонь кизот ашезь няе фкявок аля, особенна попт, тонь шяярьхне кувакат.

— Нолдамак!— кяжиста серьгядсь попсь.— Мон азондса закон божить и тонафтса сонь озондома.

— Мон сондейнза закон божить азыне ни и озондомонга тонафтыне.

Ну, попсь кармась пяк кяжиста кенкшть эрьхнема; бабась сонь нолдазе и мярьгсь:

— Ащек тязк, кенкш лангса: мон Марькати асте, што сувай попсь.

Но попсь ашезе уча мярьгоманц, мольсь стирти, и стирсь эводсь, прась ёжефтома. Бабась эводсь, мярьги: «Тяни кулы Марькась, и мон улян виноват». Марькась сргозсь и мярьги попти:

— Мезе тейть эряви?

— Мондейне мезьге аф эряви, мон сань тейть закон божить азома и тонь тонафтомот,— корхтай попсь, а сонцень мяльсонза: «Кода ба обижамс Марькать?»

— Мон закон божить содаса ни, бабазе тонафтомань.

Попсь кармась сондейнза корхтама аф закон божить колга, а корхтась кельгомать колга:

— Тон вага тяса, пещераса, мезевок аф няендят, тонь ялгатне воляса гуляндайхть. Улихть тоса цёрат. Цёратнень мархта гуляндайхть стирьхть. Мон вага тонь тонафтте, кода гуляндакшнихть,— корхтай попсь и сявозе стирть апак шарьхкотть кядь кунозонза.

Ну, Марька тага эводсь, и бабась айдязе попть. Попсь тусь пяк обижафста: мялезонза тусь Марькась. Попсь, кува моли куду, и думандай: «Сяка тев мон сонь обижаса». Оду попти ашезь сав молемс: сась ни Марькать аляц.

Кафта кизода меле купецсь тага тусь торгавама и кадозе азоркс тага попть. Ну, попсь кенярдсь. Кодак прважазе купецть, и ашезь моль нльне кудуга, видеста тусь пещерав. Кармась панчсемонза кенкшть, бабась кизефнесы:

— Кие тоса?

— Тя сась попсь.

Бабась мольсь, азозе Марькати, Марькась мярьгсь нолдамда. Попсь мольсь Марькати и ваны: стирсь нинге сяда цебярьгодсь.

— Тяни кулхцонтт, мезе корхтан,— и кармась Марькати азондома, кодане стирьхне тушендыхть рьвакс, кодане эряйхть и лият.

Марькась шарьхкодезе, мезе корхтай сон, сяс мес бабац сятнень ни азондозень тейнза. Ну, попсь тага изь кирде и ашкодозе Марькать кядь кунозонза. Марькась кяжиясь и попти мярьги, бта кельгомга:

— Мон шарьхкодьса, мезе тейть эряви. Тяса тянь аш кодане: пещерась — святой васта. Мон ванды лисян простору, заказан баня, и молят тон мархтон 8 частса илять.

Попсь кенярдсь и тусь, а Марька, кодак лиссь, мольсь алянц куду и корхтай дворникти:

— Кильдить алязень алашанзон!

Дворникся сразу кильдезень. Озась Марькась тройкати и ардсь, коса ащесь солдатонь ротась. Вешезе ротнайть и корхтай:

— Мон купецть ся стирецан, кона пякстафоль пещерас. Дай тейне самай боевой колма солдатт.

— Есть, молян азса фельдфебельти.

Стирсь курок получандась боевой колма солдатт — Гришкань, Мишкань и Ванькань. Солдаттнень ускозень алянц куду, озафтозень горенцяв, инголест путсь вина, закуска и лият. Симдезень-андозень, и солдаттне корхтайхть:

— Местема минь тердемасть?

— Ва местема: приходскяй паршивай попсь ёрасамань обижамс шаба прясон. И мон тинь тердедязь араламон. Сон ванды илять моли баняв, коза мон тейнза мярьгонь, а тинь арда тозя и эшелясть, кода пара, штоба оду сон тяза яка.

— Давай тага каяк тифтень стопка,— корхтай Мишкась.

— Ва мезе: давайте попть тисаськ шяйтанкс,— корхтай Ванькась,— смола боцькя сявомс баняв и толгат.

— Молян кевордьса смола боцькять,— корхтай Гришкась.

Удость. Шобдава тусть кудста сембе. Стирсь сувась баняв, нят кевордазь смола боцькять кудонголи и учихть попть эса.

Попсь афи учезе 8-це частть, сась. Кодак сувась баня кудонголи, Ванькась фатязе кувака шяярьда, а Гриша мярьги:

— Мезе, Мишка, ванат?

— Есть!

Фатязь попть тифтень пильгта, кеподезь, бзнофтозь мастору.

Сяльде давай кучкорькссa боконзон, кеподезь ёжефтома попть и тонгозь смола парьти. Тоста таргазь и ёрдазь толгатнень лангс и давай кеворямс.

Ванькась мярьги:

— Мон сизень.

— Сейчас мон лисян,— корхтай стирсь,— тинь аньцек тясть шава.

Попсь аньцек губанзон мштерьфтезень стирть валдонза.

Стирсь лиссь, сявозень мархтонза солдаттнень, озафтозень каретав, а попть ёжефтома кадозь. Сувасть куду и тага ушедсть симондема, стирське нльне иредсь малость. Казезень солдаттнень цалковай ярмакса и прважазень меки ротав. Ротнайти мярьгсь, штоба синь колма шит ваймяльхть.

Синь шобдава стясть, прясна сярядихть и пелихть симомать. Ротнайсь сувась и мярьги тейст:

— Тейнть колма шит отпуск, гуляндада.

Солдаттне кенярдсть и тусть гуляндама мянь колма шис. Симихть, хвалендайхть, кода пиксозь попть.

Омбоце шиня попти сась ёжа. Боконза сярядихть, и аф стяви. Валяндась колмошка част и кати-кода стявсь, но куду тумс шить страшна. Учезе шоподемать и тусь куду. Кармась кенкшть панжема — аф панжеви нльне кенкшське. Попавась кулезе и кизефнесы:

— Кие тоса?

— Тя мон, азорсь.

Кодак панжезе попавась кенкшть, ваны — каршезонза шяйтан. Авась эводсь и прась. Лиссь стряпухац, ваны: попавась боком, токсесы — аф корхтай. Попсь шарьхкодсь, што авац эводсь, и кармась молитва морафтома. Стяфтозь попавать и кизефнесазь:

— Мес тон эводеть?

— Кенкш фтала шяйтан.

— Да сон молитва морафты.

— Ну, панчк.

Стряпухась панжезе — и сонга эводезь прась.

Попсь нинге ушедсь молитвань морафтома. Попавась стясь, панжезе кенкшть, попсь мярьги:

— Тя, матушка, мон тясан.

— Ну, сувак куду.

Сувась, козы.

— Тон мес тяфтане козат?

— Норак, матушка, но инголи доктор тук.

Авась ускфтозе курок докторть, сон сувась и ваны:

— Мезце сяряди?

— Сембозе сяряди. Кодане монь лангстон смолась пяярьфтема, азк.

Докторсь кярьмоди толгатненди, попсь пешкоды. Надияфтсь попсь лама ярмак, кода ба аф сярядезь аерфтомс. Докторсь сяльде тись стама надобия и кодак валозе, кяшесь лангстонза пяярсь, хотя попть пяк трудналь кяшеть эзда явфтомс.

Докторсь тусь. Попавась кизефнесы попть, мезе сонь мархтонза тиевсь. Попти азондомс визькс, што сон ёрась купецонь стирть обижамс, и аф ламос ащезь корхтай:

— Мон илятеня купецть лавканц проверяндайне, ярмакнень сявине мархтон. Жуликне няемазь, што мон сявине ярмакнень, сатомазь фталда, фатямазь и кати-коза ускомазь, ярмакнень сявозь кядьстон, а монцень пиксомазь, кяшеса толга мархта вадендемазь.

Попсь пчкясь и думандай, мезе тиемс стирть мархта, кода сонь наказамс. И думандазе, кодане наказамс стирть. Сон решандась кучемс алянцты сёрма, коса мярьги, што стирец лиссь пещераста, магазинцта товархнень мишендезень, приказчикнень панезень и кудозонза тись разврат. «Тяни тонь кудсот сраминдатядязь, и сяда пара улель, кда афолеть сашенда».

Получандазе тя сёрмать купецсь и пяк кяжиясь. Кучсь сёрма, што фкя недяляда меле сай. Попсь получандазе тя сёрмать и тага думандась: «Эх, тевсь кальдяв, сон няйсы, мезе кудсонза, и мон виноватокс лядан. Ладна, мон сонь аф нолдаса кудозонза».

Попсь курок тифтсь кудня, коза лоткай пароходсь, и учси.

Пароходсь сась, купецсь валгсь цёранц мархта, а попсь лиссь каршезост и корхтай:

— Пожалуйста, тят яка кудозт, тят няфне пря рахамс. Аде вага тя кудняв сувак.

Сувась ся кудняв и купецсь корхтай попти:

— Давай вина.

— Ва винась.

— Цёрай,— мярьги купецсь,— на ва тя кинжалть, архт сестрацти, печк и кандк седиенц тейне, а монць тоза аф молян, визькс.

Цёрась тусь. Мольсь ошста куду, магазину. Ваны, сембе ащи ингольцеть лаца. Сон мольсь пещерав, кармась кенкшть панжема. Бабась думандай, наверна, тага попсь.

— Кие тоса? — серьгядсь Марька.

— Мон, сестраняй, панчк.

Бабась кенярдсь и панжезе. Цёрась сувась и Марькать мархта кармась палсема. Кафцьке авардихть. Цёрась аварди, мес сазороц печкома и седиец кандома, а Марькась аварди, мес пяк кенярдсь. Цёрась лоткась авардемда и корхтай:

— Мон, сестраняй, сань аф варжамот, а печкомот. Вага алязень кинжалоц, конань пряса сон мярьгсь кандомс тонь седицень тейнза.

— Мезенкса печксамак?

Брадоц азондозе, мезенкса. Ну, бабась хитрай, сон корхтай:

— Молян кудста кандан пине. Минь сонь печксаськ, и седиенц сявсак кинжалть пряса, а Марькать мон тяста сявса ичкози, штоба тяза содав, што сон аф печкф.

Стане и тисть. Пяк авардсть тумста, но эрявсь ни тумс. Цёрась сявозе пинеть седиенц кинжалть пряс и тусь. Попть мархта аляц учихть ни эсонза: ащихть ни пароходть лангса. Цёрась ласьки пароходу доскатнень ланга, кядьсонза кирди кинжал седи мархта. Кодак пяк малав пачкодсь, нарошна прафтозе кядьстонза кинжалть ведти, штоба аляц тяза шарьхкоде. Но синь няезь, што седить кандозе. Цёрась мярьгсь, што пупордась и прась.

Пароходсь тусь, попсь илядсь азоркс. «Ва тя пара тяни. Хоть стирсь ласьфнезе седиезон, но мон сонценьге кучине мода авати стане, што сембе имениясь илядсь». Сась куду и попавати мярьги:

— Ну, матушка, тяни мон азоран, купецсь тусь ёфсикс и оду аф сай мзярдонга, вага макссь доверенность, што азорсь мон. Ванды молян и азса тянь приказчикненди.

Омбоце шиня стясь и тусь азома тянь. Азозе и мольсь пещерати. Тоса ни аш кивок.

Бабась Марькать мархта пачкодсть ни пяк ичкози. Мольсть-мольсть, мусть ош. Бабанясь корхтай:

— Тяни аф мусамазь тяста и афи кулефтяма. Раматама тяса кудня и ушеттама эряма.

— Ванды мон вешан кудня, а тяни тон архт тейне рамак алянь щапт, штоба афольхть приставанда од цёратне и алятне.

Бабась кандсь алянь щапт, конатнень Марькась щазень и нинге сяда мазыста арась. Шобдава стясь Марькась, и бабась корхтай:

— Ну, архт рамак кудня, Марька.

— Молян раман кудня и вешан работавок, но тон, бабай, тейне мярьгонтть тяни аф Марька, а Ванька, брадозень лемса.

— Ладна, архт.

Марька лиссь квартираста алякс Ванька лемса и тусь ошю ошень ульцява. Моли, и сембе лангозонза ваныхть и думандайхть: «Кодама тя тяфтама цёрась? Сон пяк мазы. Коста сась шта? Тяфтама ашель минь ошсонк».

Васьфтезе фкя купец, ваны — пяк мазы цёрась, и кизефтезе:

— Костоннят тон, цёра?

— Мон пяк ичкозде, сань тяза и вага вешендян работа.

— Мезе тон маштат?

— Коза тямак ладя, эса маштан,— отвечай Ванькась.

— Мондейне эряви фкя приказчик.

— Мон маштан приказчикокска.

— Ну, аде мархтон.

— Сейчас аф молян мархтот, а давай тейне адресцень. Ванды саян тонь пялот.

Купецсь макссь адрес, и Ванькась тусь рамама. Рамась кудня и сась меки бабанц инкса. Вятезе бабанц рамаф куду, удость, и омбоце шиня тусь Ванькась купецть пяли. Купецть стирец учи эсонза стане, што веньберьф ашезь уда, ванць вальмава, кодак аньцек марязе алянц кургста, што сай работама мазы приказчик, кона нинге ёфси од цёра. Ванькась самай сай, стирсь няезе и мярьги алянцты:

— Ванка, сон сайсь?

— Сон, сон, стирняй.

Стирсь лиссь кудста эстокиге, кодак марязень алянц васенце валонзон, и афи учезе, мезе нинге корхтась. Аф ламос ащезь Ванькась сувась стирть мархта.

— Ну, сать? — кизефни купецсь.

— Сань.

— Мон исяк юкстайне азомс, кодама путан жалования.

— Ва карман работама, мезе тиян, сянь и путат.

— Ну, ладна, дай озак, ярхцак, а сяльде мольхтяма магазину.

Ванькась озась и купецть сембе семьянц мархта ярхцась. А стирсь бта ярхцай, а сонць аньцек ванонды Ванька-Марькать лангс: сон пяк тусь мялезонза.

Ярхцасть-тисть, и Ванькась мярьги:

— Ну, тяни пинге молемс лавкав.

— Аде сявк ва тя халатть лангозт.

Ванькась сявозе халатть и тусь магазину. Купецсь няфтезе магазинть и путозе Ванькать кшнинь-эсконь отделенияв.

Васень шиня сон аф пяк лама мись, да вообще кивок ся отделенияста мезьге афи рамси, но ошень келес тусь слава, што ся магазинца работай пяк мазы приказчик. Омбоце шиня сембе стирьхне и аватне мольсть лавкав бта рамама, а стане мазы цёрать ванома. Кажнайсь мезе-мезе рамай, аньцек шаштомс цёрать малас и корхтамс мархтонза. Иляденди сон сембе товархнень мишендезень, нинге афи сатсть. Купецть мялезонза пара, што мусь тяфтама приказчик, а стиренцты сядонга пара, што кармай улема мирдец.

Колмоце шиня сонь путозь котфонь отделенияв, и сон сембе котфнень мизень обедс. Колма шида меле савсь тумс Англияв товаронкса. Ванькась торгавама шовор сядошка сёрманя получандась стирьхнень и од аватнень эзда. Кона терди эсонза кудозонза, кона саду, кона коза, а хозяинть стирец терди цёрать эса кудозост. Но Ванькась коль веши туфталхт, што тейнза аф ётка, а сонць пели — афолезь сода, што сон стирь.

Срхкась купецсь Англияв, но английскяй кяльть аф содасы. Сон вешенди переводчик и Ванькати корхтай:

— Аф содат тейне стама ломань, кона маштоль англичанонь лаца корхтама?

— Кода аф содан, мон содан стама ломань, кона содасыне английскяй, немецкяй, французскяй, испанскяй кяльхнень.

— Кие ся?

— Мон.

— Тон?! Виде?!

— Мон,— кемоста мярьгсь Ванькась.

Ванькась рад молемс тоза: аляц и брадоц тосот.

— Ну, аре, аноклак, ванды тутама.

Пачкодсть Англияв, рамасть тоста товархт, Ванькась корхтай:

— Мярьк тейне кафтошка част ошу якамс.

— Архт,— нолдазе купецсь.

Но учсь аф кафта частт, а кемгафтува — Ванькась аш, и сон тусь вешендемонза, но ашезе му: Ванькась кяшсь.

Купецсь тусь меки ськамонза и оцю горяса, а Ванькась сиводсь тага приказчикокс лия магазинц. И тосонга сонь мазышинц коряс кассь славац.

Ся шовор Ванькать аляц аноклась именинат цёранцты. Тердезе попть, кона ёразе обижамс Марькать, и Ванькать азоронцка, сембе знакомаензон.

Азорсь мархтонза сявозе пирс Ванькатьке, сяс мес сон лац работай, лац кшти и лама басняда содай.

Тусть. Ванькась афи содазе, што сон моли алянц пяли. Мольсь тоза, няйсы сон, што сась алянц пяли. Няезе брадонцка, кона содазе, но ашезь каштордa: мес наряжаф алякс. Няезе поптьке.

Ушедсь пирсь. Курок сембе иредсть, и Марькаськe симсь малость. Ушедсть кштима. Купецсь мярьги:

— Монь приказчикозе машты лац кштима.

— Давай, давай!— пешкодсть сембе фкя вайгяльса, синь ни учихть эсонза.

Ванькась ушедсь кштима стане, што сембе стясть вастстост. Аф ламос ащезь ушедсть баснянь азонкшнема. Сась рядсь Ванькати, но Ванькась атказась. Синь требовайхть пяк, и Ванькась согласиндась стама условияса, штоба кивок афольхце эльбафта и кивок афолезе персе. А кие перясы, то сянди сисем розгат. Сембе согласиндасть. Ванькась ушесь эсь эряфонц азондома, кода ульсь фкя купец, сонь шачсь цёрац и стирец, кона ульсь пяк мазы, конань воражиятне пякстафтозь пещерав, кода сонь тоса нянька бабась тонафтозе разнай кяльс корхтама, кода сонь приходскяй попсь, конань аляц кадондозе азоркс, ёразе обижамс...

— Ся зря,— пшкядсь попсь.

Попти каясть сисем розгат. Сембе баснять азондомста попти колмокстъ каясть сисемонь-сисем розга. Ванькать аляц нинге коль ашезь шарьхкоде, но седиец ушедсь тотнама, и коста Ванькась мярьгсь, што сон аф цёра, а стирь, кона ащесь пещераса и конань лемоц Марька, алясь стясь вастстонза.

— Тон монь стирезят?!

— Да,— серьгядсь цёрась,— мон сонь ашине печке.

Марька ёрдазе галстуконц, щамонц. Сембе ваныхть — сон стирь. Попть наказазь ляцемс моряв, а купецсь мрдась куду и кармась лац эряма.

ПОП И КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

В одном городе жил-был богатый купец со своей женой. Они оказались в большом несчастье: не было у них детей. Потом родился сын, которого назвали Иваном. Спустя год родилась дочь, которую назвали Марией, и жена купца умерла.

Дочь была очень красивой. И знахарки велели её отцу, чтобы он держал дочь до восемнадцати лет в пещере, чтобы никто не смог увидеть её лицо.

Он так и сделал. Приставил к ней няньку-бабку, которая знала различные языки. Поселили дочь вместе с нянькой в пещере. Там старушка начала обучать девочку разным языкам.

Прошло десять лет, девушку никто не видел. Но однажды купец с сыном собрался ехать торговать в другую страну, а хозяином в доме оставил своего друга — приходского попа.

Вот поп и думает: «Старший теперь я сам, пойду посмотрю-ка девицу». Пошел в пещеру, стал открывать дверь. Оттуда нянька-старушка спрашивает:

— Кто там?

— Пришел поп, который является над тобой хозяином,— отвечает поп.

Марьюшка испугалась: она в течение десяти лет не видела ни одного мужчину, особенно попа.

— Пусти меня!— сердито крикнул поп.— Я научу ее закону божьему и молиться научу.

— Я ей рассказала и закон божий и молиться научила.

Но поп сердито стал бить в дверь. Бабушка впустила его и сказала:

— Побудь здесь, у двери. Я скажу Марьке, что идет поп.

Но поп, не ожидая окончания ее речи, рванулся к девушке, та перепугалась и упала без памяти. Старуха растерялась и думает: «Теперь умрет Марьюшка, а я буду в ответе» и оттолкнула попа. Марька очнулась и спрашивает его:

— Что тебе нужно?

— Мне ничего не нужно, я пришел научить тебя молиться и понимать закон божий,— говорит поп, а про себя думает: «Как бы её обесчестить?»

— Я закон божий знаю, меня бабушка научила этому.

Поп начал ей говорить не о законе божьем, а о другом:

— Ты вот живешь здесь, в пещере, ничего не видишь. Твои подруги на воле ходят гулять. С девушками гуляют вместе и парни. Вот я научу тебя, как гулять,— говорит поп, а сам схватил девушку в охапку.

Марьюшка снова испугалась. Старушка снова отогнала попа. Поп ушел обиженным: слишком понравилась Марьюшка. Идет он домой и думает: «Все равно я возьму её», но снова идти ему к ней не пришлось: вернулся отец девушки.

После двух лет купец снова отправился торговать и снова оставил попа хозяином. Поп обрадовался. Как проводил купца, даже не заходил домой, прямо отправился в пещеру. Стал отворять двери, старушка спрашивает:

— Кто там?

— Это пришел поп.

Бабушка пошла и сказала об этом Марьке, та велела впустить попа. Вошел поп, подошел к Марьке и смотрит: она ещё лучше стала. Он и говорит:

— Теперь слушай, что скажу,— и стал рассказывать Марьюшке, как девушки выходят замуж, как они живут, и другое.

Марьюшка поняла, о чем он ведет речь, ибо бабушка посвящала ее в такие тайны. Поп снова не сдержал себя, кинулся на Марьюшку. Она рассердилась и говорит попу, как влюбленная:

— Я поняла, что тебе нужно. Но это не здесь: пещера — святое место. Я завтра выйду на простор, закажу баню и ты придешь туда в восемь часов вечера.

Поп обрадовался и ушел, а Марька пошла в дом отца и говорит дворнику.

— Запряги отцовских лошадей!

Дворник сразу же запряг их, Марька села и поехала на

тройке туда, где стояла рота солдат. Разыскала ротного и говорит:

— Я такого-то и такого-то купца дочь, которая была заперта в пещере. Давай мне самых боевых три солдата.

— Есть, пойду скажу фельдфебелю.

Девушка вскоре получила боевых трёх солдат — Гришку, Мишку и Ваньку. Она привезла солдат в дом отца, усадила их в горнице, поставила водку, закуску и другое. Напоила, накормила их. Солдаты спрашивают:

— Для чего ты нас пригласила?

— Вот для чего: паршивый приходский поп намерен обидеть меня, ещё девочку. Я призвала вас для своего спасения. Он завтра вечером придет в баню, куда я ему велела придти, а вы идите туда и там поймайте его и проучите как следует, чтобы впредь он сюда не приходил.

— Налей нам ещё по одному стакану,— говорит Мишка.

— Вот что, превратим попа в черта,— говорит Ванька.— Надо взять бочку смолы и перья.

— Пойду прикачу бочку смолы,— говорит Гришка.

Переночевали. Утром все ушли из дома. Девушка вошла в баню, а они закатили бочку со смолой в предбанник и стали поджидать попа.

Поп, не дождавшись восьми часов, пришел. Как вошёл в предбанник, Ванька схватил его за волосы, а Гришка говорит:

— Чего ты, Мишка, смотришь?

— Есть!

Схватили попа за ноги, приподняли его и бросили на землю. Потом давай его пинать в бока. Обезумевшего его схватили и сунули в кадку со смолой. Вытащили оттуда, бросили на перья и давай по ним катать его. Ванька говорит:

— Я устал.

— Сейчас я выйду,— говорит девица.— Вы только не убивайте его.

Поп только губами пошевелил в ответ на слова девушки.

Девушка вышла, позвала с собой солдат, усадила их в карету, а попа еле живого оставили. Вошли они в дом и снова загуляли. Даже девица немного опьянела. Она наградила солдат: дала им по рублю денег и проводила их обратно в роту. Ротному сказала, чтобы они три дня отдыхали. Они утром проснулись с больной головой. Ротный и говорит им:

— Вам три дня даю, гуляйте.

Солдаты обрадовались и ушли гулять на три дня. Они пьют и вспоминают, как ловко попа избили.

На второй день поп пришел в себя, но подняться не может— бока болят. Провалялся он так часа три и кое-как поднялся, но домой идти побоялся. Дождался ночи и только тогда пошел домой. Хотел открыть дверь, но и дверь открыть не хватило сил.

Попадья услышала шум за дверью и спрашивает:

— Кто там?

— Это я, хозяин твой.

Попадья открыла дверь, смотрит — перед ней черт. Она испугалась и упала в обморок. Вышла стряпуха, видит: попадья валяется, потрогала ее — молчит. Поп догадался, что его жена испугалась, и начал читать молитвы.

Стряпуха попадью спрашивает:

— Чего ты испугалась?

— За дверью черт.

— Да он молитву читает.

— Ну, открой.

Стряпуха открыла дверь и сама упала в обморок, страсть как перепугалась. Поп снова принялся читать молитвы. Попадья встала, открыла дверь, поп говорит:

— Это я здесь, матушка.

— Ну, заходи в избу.

Вошел он, кашляет.

— Отчего ты так кашляешь?

— Погоди, матушка, пошли сначала за доктором.

Жена послала за доктором.

— Что у тебя болит? — спрашивает он попа.

— Все у меня болит. Как с меня смолу снять, скажи?

Доктор возьмет его за перья, поп кричит от боли. Поп обещал доктору много денег, только бы снять с него перья без боли. После этого доктор составил такое лекарство, как польет им тело, перья сами отстают, хотя и трудно было освободить их от смолы.

Доктор ушел. Попадья спросила попа, что с ним случилось.

Стыдно попу признаться, что он хотел обесчестить дочь купца, и, немного подумав, он говорит:

— Вечером я проверил лавку купца, деньги взял с собой. Жулики подкараулили, схватили меня и куда-то поволокли. Деньги у меня отняли, самого избили, облили смолой.

Когда поп поправился, стал думать, что бы такое сделать с девушкой, как ей отомстить. Он решил послать купцу письмо, сказать, что «мол, твоя дочь вышла из пещеры, распродала товары из лавки, приказчиков разогнала, а твой дом превратила в притон. Теперь в твоем доме осрамят тебя, лучше было бы, если бы ты не возвращался вовсе».

Купец, получив письмо, очень рассердился. Он написал в ответ, что через неделю приедет. Прочитав такое письмо, поп снова задумался. «Эх, это неладно. Он увидит, что у него все дома в порядке, и я останусь виноват во всем. Ладно, я его не подпущу близко к дому». Поп решил выстроить домик, где останавливаются пароходы. У пристани стал ждать купца. Прибыл пароход, а поп вышел и говорит:

— Пожалуйста, не ходи домой, не показывай себя. Смеяться будут над тобой. Заходи вот в эту избушку.

Зашли они в избушку, купец и говорит попу:

— Давай вина.

— Вино есть,— показал поп под стол. Они стали пить.

— Сын,— сказал купец,— на вот тебе кинжал и иди к своей сестре. Заколи её кинжалом, а на его острие принеси мне ее сердце. Сам я туда не пойду: стыдно.

Ну, парень пошел. Пошел в городской дом, в лавку. Смотрит, все по-старому. Парень пошел в пещеру, постучался.

Старуха подумала, что снова пришел поп.

— Кто там? — спросила Марька.

— Я, сестренка, открой.

Старушка обрадовалась и открыла дверь. Парень вошел и стал целоваться с Марькой. Оба плачут. Парень плачет потому, что он должен зарезать свою сестру и принести ее сердце отцу. Марька плачет от радости: брата встретила.

Парень перестал плакать и говорит:

— Я, сестренка, ведь пришел, чтоб зарезать тебя. Вот отцов кинжал, на конце которого велел он принести твое сердце.

— За что же ты меня хочешь зарезать?!

Брат рассказал причину. Старуха хитрая, услыхала их разговор и говорит:

— Пойду из дома приманю собаку. Мы ее зарежем и ты возьмешь ее сердце. А Марьюшку я возьму отсюда далеко, чтобы не узнали, что она не зарезана.

Так и сделали. Очень плакали брат и сестра при расставании, но нужно было расставаться. Парень взял сердце собаки на кинжал и пошел. Отец и поп ждали его, уже были на пароходе. Парень бежит на пароход по сходням и несет на конце кинжала сердце. Добежав до половины, он нарочно споткнулся и уронил кинжал в воду. Отец и поп видели, что у него на кинжале было сердце.

В это время пароход отчалил, поп успел сойти с него, и он остался хозяином. «Вот теперь хорошо. Хотя девка сделала мне неприятное, но я ее отправил в землю. Теперь все ее имущество мне осталось». Пришел он домой и говорит попадье радостно:

— Ну, матушка, теперь я хозяин: купец уехал совсем, не вернется он сюда никогда. Вот он дал мне доверенность, что хозяином буду я. Завтра и скажу это приказчикам.

На следующий день он проснулся и пошел сказать об этом. Потом он пошел в пещеру. Там никого не было. Старуха и Марьюшка в это время были уже далеко. Шли, шли они и дошли до города. Старуха и говорит:

— Теперь не найдут нас и не услышат о нас. Купим здесь домик и будем жить.

— Завтра я поищу такой домик, а теперь ты иди и купи мне мужской костюм, чтобы не приставали ко мне мужчины и парни,— сказала Марька.

Старушка купила ей мужскую одежду. Марья надела ее на себя и ещё красивее стала. Утром проснулась Марька, старуха ей и говорит:

— Ну, иди, иди, Марьюшка, купи домик.

— Я куплю домик и поищу себе работу, но ты меня зови теперь не Марька, а Ванька — именем брата.

— Ладно, иди.

Марька вышла из квартиры и пошла по большой улице. Идет она, все смотрят на нее и думают: «Парень какой красивый. Откуда он только и появился здесь?» Встретил его один купец, смотрит — очень красивый парень, и спрашивает:

— Откуда ты, парень?

— Я издалека пришел сюда, ищу вот работу.

— А что ты умеешь делать?

— Все могу, всякую работу могу делать,—отвечает Ванька.

— Мне нужен приказчик.

— Я гожусь и в приказчики.

— Ну, тогда пойдем со мной.

— Сейчас с тобой я не пойду, дай мне твой адрес. Завтра к тебе приду.

Купец дал Ваньке свой адрес, и Ванька пошел покупать дом.

Купил он себе домик и вернулся к старухе. Привел он старушку в купленый дом, переночевали они там, и на следующий день Ванька пошел к купцу. Дочь купца так его ждала, что не спала всю ночь, смотрела в окно: она услышала от отца, что к ним придет приказчик — очень красивый молодой парень.

Идет Ванька, а дочь купца в окно смотрит. Увидела его и спрашивает отца:

— Посмотри-ка скорее, не этот ли?

— Он, он, доченька...

Девка выбежала на улицу встречать приказчика, не дослушав отца. Немного спустя Ванька вошел в дом купца в сопровождении девицы.

— Ну, пришел? — спрашивает купец.

— Пришел.

— Я вчера позабыл договориться о цене. Сколько положить тебе жалованья?

— Вот начну работать, сколько буду стоить, столько и положишь.

— Ну, хорошо. Давай садись есть, потом пойдем в магазин.

Сел Ванька за стол и поел вместе с семьей купца. А девица будто бы ест, а сама все смотрит на Ваньку: уж очень он ей понравился! Поели-попили, Ванька и говорит:

— Ну, веди теперь в свою лавку.

— Пойдем, надень на себя вот тот халат.

Ванька надел халат и пошел в магазин. Купец показал ему магазин и поставил его в железоскобяное отделение. В первый

день он не очень много продал, почти никто ничего не покупал. Но вот по всему городу пошла слава, что в этом магазине работает очень красивый приказчик. На следующий день все девушки и молодые женщины пришли в лавку будто бы покупать, на самом деле посмотреть на красивого парня. Каждая что-нибудь да купит. К вечеру он все товары распродал, даже не хватило. Купец очень доволен. Наконец-то, нашел приказчика! А его дочери это дважды хорошо: у нее будет такой красивый муж...

На третий день его поставили в ситцевое отделение, и он весь ситец продал к обеду. Пришлось ехать в Англию за товарами. Во время торговли Ванька получил сотню писем от девиц и женщин. Кто зовет в свой дом, кто в сад погулять, кто куда, а хозяйская дочь зовет к себе домой. Но Ванька отказывается, а на самом деле боится, как бы не узнали, что она девушка.

Собрался купец в Англию, но английского языка не знает. Он и говорит Ваньке:

— Не знаешь ли ты такого человека, который умел бы по-английски?

— Как не знать. Такого человека я знаю. Он знает английский, немецкий, французский и испанский языки.

— Кто такой?

— Я.

— Ты?! Неужели правда?!

— Я,— решительно ответил Ванька.

Ванька рад поехать в Англию: там у него отец и брат.

— Ну, иди собирайся, завтра отправляемся в путь,— говорит купец.

Приехали в Англию, накупили разных товаров, Ванька и говорит:

— Разреши мне часа на два сходить в город.

— Иди,— отпустил его купец.

Он ждал не два часа, а двенадцать, а Ваньки все нет.

Купец огорчился и вернулся обратно. А Ванька нанялся в Англии приказчиком в магазин, и опять пошла слава об этом магазине.

В это время отец Ваньки справлял именины сына. Был приглашён в числе других гостей и поп, который хотел обидеть Марьку. Был приглашен также купец, Ванькин новый хозяин. Хозяин взял с собой на именины и Ваньку, потому что Ванька хорошо работает, хорошо пляшет и много знает сказок.

Ванька не знал, что идет к своему отцу. А когда понял, что находится у отца, увидел и брата, который узнал сестру, не подал вида.

Начался пир. Скоро все опьянели, немножко выпила и Марька. Началась пляска. Купец говорит:

— Мой приказчик хорошо пляшет.

— Давай, давай! — подхватили все в один голос.

Ванька начал так плясать, что все встали со своих мест. Немного погодя начали рассказывать сказки. Дошла очередь и до Ваньки, но он стал отказываться. Все стали очень просить. Ванька согласился при том условии, что во время рассказа никто не возразит ему, не прервет. А кто нарушит это условие, тому дадут семь розог. Все согласились. Ванька начал рассказывать о своей жизни: как жил-был один купец, у него родился сын, а потом дочь очень красивая, которую посоветовали держать в пещере, как там ее нянька-бабка научила разным языкам, как ее хотел обесчестить приходский поп.

— Это ложь!— крикнул поп.

Трижды всыпали попу по семь розог. Отец Ваньки еще ничего не понимал, но его сердце учащенно забилось. А когда Ванька сказал, что он не парень, а девушка, та самая, которая жила в пещере и которую зовут вовсе не Иваном, а Марькой, ее отец вскочил с места.

— Ты моя дочь?

— Да! — воскликнул сын.— Я ее тогда не зарезал.

Марька сбросила с себя мужскую одежду и осталась в женском платье. Все увидели, что она девица.

Попа решили бросить в море. Так и сделали. А купец вернулся на родину, в свой дом с детьми и стал хорошо жить.

КУЙГОРОЖТЬ ДЕЙКАНЗА

1

— Мезе стамсь Куйгорожсь? — кизефтезе Алда бабань сосед ава. Вов мезе азондсь Алда баба.

— Тяни аш Куйгорошт, тяни ломаттне хитрайхть, враз кундалезь Куйгорожтьке. Шачендсть Куйгорошне бта тундань васень алыяф алста. Ня алхнень эзда сонць ломанць нарвай кавлалонза Куйгорож и нолдасы калдазу. Ну, козякоды ся ломанць, калдазоц пяшкоди жуватада, кудоц — добрада. Куйгорожсь каннесыне.

Сонць Куйгорожсь лиси то ломанькс, то жуватакс, мезькс пови.

2

Азонкшнесазь, пяк ни вешсь мяленц ваномс тя Куйгорожсь. Вов тяса эрсесть Явишне. Бывала, оцю праздник шиня кочкави сембе семьясна моркш ваксс обедама. Бабась ни аноклай пищатнень. Аноклай, а тоса сембода цебярь сускомнятнень вачкасыне фкя лапшаваняс и лихтьсыне карденяв. А кда васень сускомть аф макссак тейнза, эста сон кяжияй и меки розарясы ломанть.

3

Весть тяфта сембе семьясна Явишнень ульсь степса. Кудсольхть аньцек атясь и бабась. Тяни степса урмаськодсь рьвянясна, и ускозе сонь куду работниксна. Илять ни ужендасть, и атясь прважазе работникть алаша ванома Седь ляи. Тусь работниксь, а нят мадсть удома: атясь да бабась удость кудса, рьвянясь уды лапаз ала.

Мзяра пинге ётась, рьвянясь марясы, эци ваксозонза удома работниксь.

Рьвянясь нолдазе, сонць ни шаштсь плетеннять ваксс и мялецоль ашкордамс кядьса работникть.

Венептезе кяденц рьвянясь, ашкордазе работникть, а тонань копоц аш ёфси. Эводсь рьвянясь, да и ласькозь куду. Стяфтозень атять да бабать, азондсы — стане-стане.

— Ах, изводь сяволезе! Мезе тейнза эряви тонь эздот? Ожу мон сонь молян мирендаса! — ювади бабась.

Тусь ни, ётась мзяра пинге, сувась меки:

— Ну, архт, рьвяня, матт, аф токатанза. Архт.

А ульсь тя аф работниксь, няк, а Куйгорожсь. Сон фалу кармай зарничендама, мзярда юмама пингоц ни сай.

4

Явишнень семьясна срадсь-каладсь, кивок изь иляда, аньцек фкя авасна. А сон Куйгорожть мархта тев изь сотце. А Куйгорожсь стаки аф туй, стаки аф туй.

И вов илять ушеды авась траксонь потяма, а сон ламбафтови ортаняти и учи: кантт тейнза мезевок.

— Ворьхть тон тяста, тейнь аф эряват, ворьхть! — ювади авась, а сон аф туй.

Ламос тяфта учсесь, а тоса юмась ков-бди. Юмась, да и аватьке хозяйстванц сембонь разориндазе.

ПРОДЕЛКИ КУЙГОРОЖА

1

— А кто такой Куйгорож? — спросила молодая хозяйка бабушку Алду.

Вот что она рассказала ей про Куйгорожа:

— Теперь уже нет Куйгорожей. Теперь люди пошли хитрые. Если бы появился он, его сразу и поймали бы. Люди рассказывали, будто Куйгорожи получились из первых весенних яиц. Из этих яиц будто сами люди, кто хотел, выводили Куйгорожа под мышкой и пускали во двор. Ну и разбогатеет тот человек, двор скотиной наполнится, а дом — драгоценным добром. Это Куйгорож таскает ему со всех концов. Сам Куйгорож показывается то в виде человека, то в виде животного, как ему удобно.

2

Уж очень, говорят, этот Куйгорож любил, чтобы за ним ухаживали. Вот здесь жили Явиши. Бывало, в дни больших праздников собирается вся огромная семья за стол к обеду. Старуха готовит пищу, а самые лучшие кусочки положит в тарелку да и вынесет в хлев. А ежели самый лучший кусок ему не положить, тогда он рассердится и снова разорит все хозяйство.

3

Однажды вся семья Явишей находилась в степи на уборке, а дома были только старуха и старик. И вот заболела в степи сноха молодая, привез ее домой работник. Вечером поужинали и старик отправил работника с лошадью в ночное на Мостовую речку.

Поехал работник, а эти легли спать: старик да старуха спят дома, сноха спит под лабазом. Сколько уж там прошло времени, слышит сноха, лезет к ней на кровать работник. Она пустила его, сама отодвинулась к плетеной стене и хотела рукой приласкать. Протянула руку, обняла, а у того совсем спины нет. Она испугалась да и побежала домой. Разбудила старика и старуху, рассказывает им: так-то и так-то.

Старуха говорит:

— Ах, провалиться бы ему. Чего ему надо от тебя? Погоди, я вот пойду усмирю его.

Пошла старуха. Прошло сколько-то времени, вернулась назад.

— Ну, иди, сноха, ложись, не тронет тебя. Иди.

А был, говорят, то совсем не работник, а Куйгорож.

Он всегда начинает озорничать, когда срок его приходит к концу.

4

У Явишей семья распалась, никого нет, только и осталась одна сноха. Но она с Куйгорожем не зналась и не хотела знаться. А Куйгорож не уходит, и не уходит. И вот вечером она начнет доить корову, а Куйгорож прислонится к задней калитке и ждет: дай ему что-нибудь.

— Уходи ты отсюда, не нужен ты мне, уходи!— кричит сноха, а он не уходит.

Долго так и приставал, а там и пропал куда-то. Пропал, да и ее хозяйство дотла разорил.

Эрясь-ащесь фкя велеса атя, лемоц ульсь Пятань Сергяйсь. Атять кота шабанзоль: колма стиренза, колма цёранза. А бабанц лемоц ульсь Акуля.

Жуватац аньцек алашаль и кафта саразонза. Алашанцты мярьголь Пятань Сергяйсь «колдунонь пани», а мес стане мярьголь Сергяй, да вага мес: кодак эрьятьсы бока ланга, то алашась пулонц мархта тин крёз.

Кудоц Пятань Сергяйть содуволь — ашель трубац, ашель керосинка лампац. Ащекшнельхть келувонь шявса. А велеса сембонь ульсть ни лампасна, а стане жа ульсть кудсост пянакудсна и трубасна.

Сергяй атянь бабац якаль пяк содуста, а стане жа шабанзовок: пялес крхтапат — аш лангсост панархт, аш понкст. Пятань Сергяйть пяли пуромкшнельхть ся велеста од ломаттне: стирьхне, цёратне. А Акуля баба озай шра пезонза, и сембе кулхцондыхне, од ломаттне, озсихть эземонзонды. Акуля баба азонкшнель, кода якаль Тишка патяц Пятна велень лашмотненди кшнинь щупонц мархта казнань таргама, кода кокнайсь ювадсь шуфта пряста «кры» и кода сяльде кяшсь казнась; кода веть ки лангс лисендихть тол мархт; кода свадьбаса колдуттне колсесазь женихть и од рьвянять, тиендемок синь пинекс увайкс, катокс мявксникс.

Акуля бабань шабатне кизефтезь:

— А тонь, Сергяй бабай, сявонделедязь свадьбатнень и кстингятнень ланга? Казендельхть панархт-понкст? Наверна, тонга шарьхкоделеть ся тевса.

Шабатненди Акуля бабась отвечакшнесь стане:

— Тинь, шабанят, оттада, ся тевсь аф содама тейнть — содаса монць да монь алязе.

— А коса, бабай, аляце?

— Да вакссонок велеса.

Акуля бабань аляц сирель, сакалонза бта нефтаса вадентьф мушка комор. Эряль ськамонза, ашельхть мархтонза шабат, а стане жа ашель бабацка. Велень прозвищац Буланай атя. Эряль тожа пяк беднайста: качама, трубафтома кудняц, жуватац кодамовок ашель. Кирдель аньцек равжа ката, и сяда иля ашель мезецка. Корхтафнелезь, бта Буланай атя ульсь колдун: арсесь катокс и тувокс. А веть лисендель тол маркс. Аньцек и надиякшнель сяка промозонц ланг с — учель, мзярда тердьсазь свадьбас или кстингас, сянкса тейнза казендельхть панархт-понкст или кандольхть стопка вина. Ся казнетнень учсезень целай киза кувалма, а иля тевть ланг с афи ванондоль Буланай атя.

Буланай атять ульсь пяк оцю трубкац, конань крьвястьсы, озай петькольса пяльф вальмянянц алу и ванонды целай ши.

Буланай атя маслань ётктъ думандась молемс стиренц пяли и марса няемс Сергяй овонц мархтовок. Мольсь Буланай атя овонц пяли шобдавакиге, кафцьке стирнек-овнек кудсольхть. Акуля стирец трубафтома пянакуд лангсоль. Кодак Буланай атя сувась овонц пяли, пшкядсь:

— Широкай масленця, Куля стирняй!

Стирец куфцезевсь пянакуд лангса:

— Аляй, аляй, сать?

— Сань, стирняй.

— Озак шрать ваксс, монга валган, аляй.

Буланай атя ётась и озась шрать ваксс и пшкядсь вишкста:

— А Сергяй коса?

— Аньцек лиссь ушу, сувай.

Сонць Буланай атя лихтезе зепстонза трубканц. Тя шовор сувась Сергяй овоцка.

— А-а, тяса милай атязе. Шумбрат, атяй!

— Шумбрат тонцьке, овняй!

Озась Пятань Сергяйсь шрать омбоце пезонза, сявок зепстонза лихтсь трубканц, чаказе кержи кядень сур кенженцты. Ся ёткова валгсь пятналангста Акулявок. Озась, шрань ужети нежедезень кенерьбакаренэон. Буланай атя и Сергяй овоц шавозь пяльхкя пряса трубкаснон, а сяльде мярьгихть:

— А тон мес, Акуля, аф таргат?

— А мон враз.

Акуля лихтезе соду повстонза куйгор табакерканц, польтядезе бока ланга, фатясь кафцьке суронзон мархта табакеркаста табакт, эцезень шалхка варянзонды, вишкста кшнязевсь, и сонць эстейнза мярьги: «Виде, мезе думандань, ся и ули».

Буланай атя мярьги:

«Да, стирняй, мезе думандать, ся тейть аф тиеви или тейть тожа, Сергяй».

Буланай атя куфкстсь, а сонць кяденц эцезе суманень види зепозонза, коста таргась плуг сошникшка мусадонц, а омбоцеста таргась клокшка тев. Табак кяскавнястонза Буланай атя таргась тумонь сиямонц, люпштазе види оцю суронц мархта мусадонц — цяткне пкшторгодсть, кода горнаста. Катось пянакуд лангста комотсь мастору. Катось ульсь равжа, а соттненди нинге сядонга равчкодсь, пулоц бзорготф. Катось мольсь Акуля бабань малас и кармась прянц мархта шовама сонь. А Буланай атя да овоц, Пятань Сергяйсь, сембе курендасть, и трубкаснон эзда качамсь лисендсь кода бта вяльдярьмава[1].

Сонць Буланай атя, козкстомок, няфтсь рафжа катоть лангс пяльхканц мархта Сергяй овонцты и мярьги:

— Няйсак, Акулянь бокс кода шовай? Ся кати-мезе тейнза корхтай.

— Да,—Сергяй овоц отвечась.

---

[1] Вяльдярьма — качамонь лисема васта трубать вастс.

Буланай атя тага мярьги стиренцты:

— Акуля стирняй, тон, хотя монць тонафтыхтень, а сяда лама содат. Может, думандат соседоньконь лаца эрямс?

— Да, аляй, мон думандакшнян сяда лац лихтемс, аньцек тейнек ащемс кота недялят ал лангса да лихтемс тейнек Куйгорож. Ся тейнек сембонь тисыне, а стане максы козяши.

Буланай атя мярьги:

— Стирняй, ня сосеттнень лаца минь аф арафтама. Синь колма кильдема алашасна, да учасна, да нинге лама паршисна.

Акуля баба козкстась и омбоцеда маразень шалхка варянзон, а сяльде вишкста кшнясь, козкстась.

— Терпеть не могу. Ня соседоньконди мон кадан аньцек тумонь пяль. Сяда лама аш месть корхнемс, аляй. Мон мезе думандань, сянь и тиса.

— Да, стирняй, так да так. Ну, овняй, давай тага марасаськ трубкатнень и таргатама. Да и шись шопотькшни — аш месть тяфтак шрать вакссa нюрьксемс.

Тага маразь трубкаснон, нинге маразь, и шись шоподсь.

Буланай атя мярьги:

— Врема, пожалуй, тумс, ату шись валгонды.— Буланай атя путозе прязонза лоханьбряшка вазонь кедень малахайнц и кенкшста лисемста мярьгсь: «Якак, Сергяй овняй, пялон, а стане жа тонга мольхть очижиста, Акуля стирняй, алалама».

Лиссь кенкшста Буланай атя и валомне тусь эсь качама куднязонза. А Сергяй нинге стаки нолсесь пейнзон ёткова трубка качамонц. А авац, Акуля, нувась кенерьбакарензон лангса шра песа.

— Баба, шись валгсь, шабатне вона сайхть. Аде куцтяма пянакуд лангс, аф ламос велятама да сутяптама,— мярьги Пятань Сергяйсь.

— Пожалуй, атя.

Кафцьке Сергяй мархта куцсть пянакуд лангс.

Пуромсть ульцяста шабасна, сивозь кеднек модамарьхнень и мадсть сятка.

Етась кота недялят очижинь постста. Лямбондсть шитне. Етасть шада веттне. Пижелгодсть лугатне. Сембе лиссть велеста сокама, равчкодсть паксятне, а Пятань Сергяйсь сокамать колга афи думандай, а учи, мзярда авац, Акуля баба, лихти Куйгорож — сяльде синь кармай улема сембосна.

Сась страшнай пяденцясь, Акуля баба алонзон ёткста кочкась первай алыяф сараз алонц, конань лангс содса тяштсь куй, а лиятнень — крёскат. Но Акуля баба нарошна ся кунть тиезе, сон содазе ингольки ге, што сон колдун, а кда тиемс крёз, сяльде аф лиси куйгорожсь.

Шобдавакиге рана, страшнай пяденцяста, Акуля баба путозе кержи кавлалонза алть. Перьфканза ашкодсь, боконда вярьге, кушак, штоба, кда матодови, афоль пра алоц, а сяда меле Акуля баба куцсь пянакуд лангс и озась ужети.

— Нарват?

— Да, атя, озань и нарван.

Сергяй атя пяк ни кенярдсь и куцсь бабанц ваксс эжема. Сяльде корхтай:

— Но, баба, кда лац-ряц лихтьсак, эста эрятама!

— Вот, атя,— отвечась бабась,— похож, тевсь тонь. Аньцек сувамдот инголе сутямкшнень и няень он.

— А кодама, баба?

— Кулхцонтт, атя. Онцтон бта эвондань оцю и сире тума вирь кучкас. Ванондан перьфпяльге, косонга аш кашт моли, аньцек шумнайхть вармати малостьке тума прятне. Ламос, атя, бта якань ся дикай вирь кучкава, и мольсь мялезе, и думандань тумс меки куду. Срхкань. Якань-якань, аш тейне коза лисемс, а монць и думандан: «Тяфта самай эрьготькшнихть!» Да вдруг прась пилезон шаба вайгяль и мярьги: «Яфодьк кержи кядцень кенерьбакарьда алга, а сяда вярьге тят, ату прафтсамак». Мон, атя, яфодень, и коза тусь ся тума вирсь! И тихтедень эсь кудозонк. Вот, атя!

Пятань Сергяйсь и мярьги:

— Да, баба, онце цебярь. Тяфтак трудце аф юмай. Ся тейть няфтсь пря куйгорожсь, но няк мярьги: «Кенерьбакарьда вяри тяк кепсе кядцень.

Сась очижись. Састь обедняста ломаттне, ярхцасть-тисть. Пятань Сергяйсь тожа шабанзон андозень сонць, а шабанза кизефнесазь:

— Аляй, а аляй, а мес тядязе аф валги ярхцама?

— Тинь арда ульцяв, а мон тиндедонт меле андса.

Пятань Сергяйть шабанза тусть ульцяв, а сонць Акуля бабанди макссь ярхцамс пянакуд лангс. Акуля ярхцась и мярьги:

— Тяни, атя, архт тонцьке ульцяв!

Атясь щась и лиссь вальмалу, коса ульсь оцю тумонь мокорь, и озась ськамонза. Лихтезе карманцтонза трубканц и таркси саворне. Качамть нолясы види курга ужеванза.

Вдруг варжакстсь Сергяй атя — малазонза сайхть шкайнь канды шабатне.

— Ага!— мярьгсь Сергяй,— попсь ётай. Но тя сосеттнень пяльде аф курок лиси. Тоса сембось ули: ули пал, ули медь, ули вай, улихть и алхтка, а винада — моря.

Ламос Сергяй тарксесь ся тумонь мокорть лангса, а сонць ванондсь соседонц шири, мзярда лисихть попне да шкайнь кандыхне. Варжакстсь кафта частшкада меле, лисихть шабатне и синць морафтыхть: «Христос воскрес».

— Ага!— мярьгсь Сергяй,— молема азома бабати латта. Сон содасы, месендема поп атять пингста. Сергяй прдазе меки карманозонза трубканц, вишкста сувась кудозонза.

— Баба, а баба, попсь сай! Кода тон тият?

Акуля бабац пянакуд лангса ужеса ся пингть удось. Комотсь вдругста и корхтай:

— Атя, тейне ладан качамсь аф моли тевкс, сяльде аф лиси нарвафоньке. Кда ни тяфта эряви, мон лисян фталу-латалу.

Попть самс Акуля баба лисць фталу-латалу и кяшсь шужярьхнень потмос, штоба афолезень маря морафтома вайгяльхнень. А Сергяй атя илядсь куду. Сувасть шкайнь канни шабатне, синць морафтыхть: «Христос воскрес». Сергяй атя отвечась: «Воистину воскрес». Шкайхнень мельге сувасть попневок. Попсь ульсь ирецта — азсь кафта-колма вал и мярьги:

— Дяд Сергей, давай за работу.

— Да батюшка, небесутте, аш мезе максомс.

— А коса Акуля баба?

— Да сон тусь алянц пяли.

— Ага!— попсь мярьги,— айда, эти люди не наши.

Сергяй атя аф ламос озась и думандась: «Молема тердема бабась. Тусть попне».

Сонь малазонза попсь ладан качам афи нолдась: ашесть угадяв тя пингти синь кудсост крфай сетть. Лиссь Пятань Сергяйсь пирьфи и серьгядсь валомне:

— Баба, а баба, косат?

— Ваган, атя, шужярьхнень потмосан.

— Аде куду, баба. Попне ётасть, да и пяк лац — аш ладан качам, аш мезевок.

— Ну, архт, атя, инголи, а мон мельгат суван.

Ётась очижись. Ломаттне лиссть кочкома, а Пятань Сергяйсь нинге афи лисендсь сокамовок. Аньцек ванондсь бабанц мельге, кода ся нарвай Куйгорож.

Ётасть кота недялят. Тройця алдонь недялять Пятань Сергяйсь лиссь сокама и сияк видема. Целай недяля Сергяй ашель кудса, сон «крёстай пулонц» мархта сюволязе паксяса моданц и сембе тя пингть думандась: «Тячи, пожалуй, бабать лихтема шиц. Аф содаса, лац-ряц, што ли, лихтьсы нармоненц?»

А Сергяй бабась ащесь пянакуд лангса озада и марясы: алть потмоса кати-мезе дуборды аф сараз лефкскакс, а вроди кати-мезе якай и козксни. Сергяй баба ащи и эсь потмованза арьси: «Тяни вот-вот лиси тряеньке. Сай паксяста атясь, азса, кенярть фтьса».

А Пятань Сергяйсь ашезе уча ломаттнень мархта ряц ши валгоматьке, кадозе паксяв соканцка, ластясь «крёстай пулонц» лангс и тусь вишкста куду.

Куду молемста Сергяй атя эрьхнезе алашанц бока ланга, и тонац тиендсь пулонц мархта крёз. Варжакстсь фталу Сергяй и шарьхкодезе: «Пулоц, пожалуй, сотома, ату тя аф ладяй бабати». Юксозе седёлка пиксонц и алашать пулонц сотнезе фкя боку. Сяльде сувафтозе Сергяй алашать пирьфи, а сонць куроконе сувась куду.

— Баба, аф удат?

— Аф, атя. Тяни аф кадондсамань нармонць удома.

— Да ну!— Сергяй мярьги.

— Тят каштopда, атя, някне онть пачк, што тев. Ванды лиси, а сяльде мон соседоньконди кадан аньцек тумоць пяль, кода ни мярьгонь.

— А кода, баба, пяк ся нармонць вии?

— Да, атя, сяшкава вии — мезе мярьгат, сянь тии. А кда аф максат тейнза тев, сон сяльде аделатанза.

— Ого, баба, да тон содасак, месендема мархтонза?

— А кда афолине сода, эста афи связондалень тя тевтиге. Атя, архт ушу, ату кати-мезяма кавлалон мярьгонди «как-как».

Сергяй атя эстокиге лиссь ушу. Аньцек лиссь ушу Сергяй атя, Акуля бабац шаштсь фталу и марясы тага: «как-как». И эстокиге кати-мезе лопадсь, кода граната. Сергяй баба эводсь и мяк велясь боконц лангс.

«Конашка равчть виец, аваняй!» Акуля баба юксозе перьфканза карксаф кушаконц, а сяльде фатясь кавалалонза, целай алоц или аф. Но сон таргась кавлалдонза аньцек пачк лазф ал кетть, и сятка ульсть шавот. Ал кеттнень сон прдазень, сотнезень равжа лоскоткя потмос и путозень кенкш касякть алу. А сонць мярьги: «Коса шта куйгорожсь, конань лихтине-нарвайне?»

Акуля баба ламос абонкшнесь, кода тердемс куйгорожть.

А сяльде думандась: «Ожу тердьса вага тяфтане: «Куйгорож-тряйняй, Куйгорож-щайняй, монць лихтихтень-нарвайхтень, и мон мезе мярьган тейть, сянь тиема кармат».

Аньцек мярьгозень ня валхнень Акуля баба, эстокиге маладсь ваксозонза бта куй и котнай: «Как-как, мон ваган, ваксотан тага. Макст тейне тон тев, а тонць матт — мон тиса сонь». Акуля баба кодак марязе ся вайгяльть, пяк кенярдсь, малостьке эводсь нльне и корхтай:

— Архт тик, Куйгорошкяй, тейне алашань карда, эсонза улеза калода, а калодаса алашать инголе пинепт.

Куйгорожсь отвечай тейнза:

— Матт, Акуля баба, ули тиф.

Аньцек кенерсь Акуля баба мадомс, ётась фкя част или сявок ашезь ёта — Пятань Сергяйть пирьфозонза эвондась од карда. Стясь шобдава Сергяй, ваны: ташта карденя вастсонза ащи од карда, и эсонза од калода, а «крёстай пулоть» инголе каяф пинем мера.

— Вай-вай,— мярьги Сергяй,— тя тяфта мезяма, илять нинге мадондонь ташта карду, а тяни, шобдава, стянь ни од кардса. Ох, тя, наверна, бабась тяфта нармоненц мархта работай. Вага тяни тевозе туй.

Пятань Сергяйсь ласьксь видеста кудозонза, кенярьфтемонза бабанц — Акулянь. Бабац нинге аньцек стясь и корхтай:

— Атя, кода пирьфса тевсь?

— Пяк моли, пряма алуветть. Ужефтома кардть вастса од карда, а «крёстай пулоть» инголе пинем мера.

— Вов, атя, мезяма мон ёрань, сянь и получандань. Тяни

эряфоняньке туй цебярьста — сембонь щасаськ, сембонь и трясаськ. Аньцек, атя, тят корхтафне ломаненди, ату сяльде шнафозе аф ушеды кулхцондома и юмай трудсь.

— Ладна, ладна, баба.

Акуля баба кудозонза илядсь ськамонза. Шабанза тусть ни ульцяв ласькондема, а Сергяй атя тусь алашань од карду. Акуля тага марясы: «Как-как, мярьгондеда, мон ваган, тонць матт, мезе мярьгат, мон тиса тага».

— Вага мезяма, Куйгорошкяй, тейть тиема: атязень паксяса илядсть видеманза-сокаманза — суронза и лия сёронза, а ломаттнень ни лиссть пижес.

— Ладна, тядяй,— Куйгорожсь мярьги Акулянди,— ванды шобдавати сембе тефне улихть тифт! Сёротне улихть лисьфт и кочкфт.

Сонць Акуля лиссь пирьфи од кардть ванондома, тосоль ся пингть и атяське. Панжезе Акуля карда кенкшть и мярьги:

— Атя, тонга тясат?

— Тясан, баба. Аде сувак кенярькшнема, Акуля.

Сувась, озась атять кроватенц крайс и пшкядсь:

— Атя, или тон ёрат сокама срхкамс?

— Да, баба, молема мзяра-мзяра шувондома, ату ломаттнень ни лисендихть сёросна, кочкихть ни аватне.

— Атя, тон тят ризна мезенксовок! Архт уштт баня, эшелятама баняса, а ванды шобдава ваныть уматнень. Минь нинге ламода сяда пижет улихть сёроньке.

— Ой, баба, да ся правду, што ли, стане ули?

— Конешна, стане. Няйсак вага, кардце шачсь, а сянь и ёфси тисы лихтьфозе.

— Ся пара,— Сергяй мярьгсь и тусь баня уштома.

Сергяй атя уштозе банять, сонць эшелясь, а сяльде ласькскудозонза, Акуля бабанц тердема. Бабац сявозень сембе шабанзон, и тусть марса эшеляма. Сергяй атя ся пингть илядсь кудонь ванома. Велясь пянакуд лангс, афтозень сельмонзон поталакти, и сонць думандай: «Ванды шобдава завторкта мелемолян уманень лангс, тиендян тяштенят, а сяльде бабать кядьста анан аф стройка, а козяши, эвондась няк од карда».

Марясыне Сергяй атя, артелец сай ни баняста. Шись арась валгома лангс. Сергяй атя валгсь пянакуд лангста, и, панжемок кенкшть, мярьгсь:

— Сувак, сувак, баба.

— Тядяй,— корхтайхть шабатне,— тяни эряволь ба ярхцамс или симомс чайда.

— Ащеда аф ламняс, шабаняне, аф ламос лиседа алянтень мархта сембе ушу.

Сергяй атя мярьги:

— Аряда, лиседа, шабат, куроконе ушу!

Шабатне сембе лиссть, а Сергяй атя лядсь мекоди и пшкядсь бабанцты: «А монць, баба, лисян?»

— Архт, архт, атя, листь тонга шабатнень мархта.

Сергяй атявок лиссь ушу. Акуля баба илядсь ськамонза, озась пянакуд ланга кучкав и ушедсь тердемонза Куйгорожть:

— Куйгорошкяй-лефкскяй, тик, мезе мярьган.

— Как-как, азк тевцень — ули тиф эстокиге.

— Вага мезяма тик: шра лангсон улеза пища, мезьда ярхцай аньцек очижинь шиня вага тя соседоньке. Улест жаренайхть-паренайхть да шра песа штоф вина.

— Матт, тядяй, веляк вастти — ули тиф,— корхтай Куйгорожсь.

Сергяй баба велясь. Ся пингста кудса срхкась канзерф, тжф, калдорф — путнихть скомнят.

Аф ламос ащезь Куйгорожсь мярьги:

— Тядяй, тифт, стяк и тердьк семьяцень ярхцама-симома.

Акуля баба панжезень сельмонзон, варжакстсь шрать лангс — тоза ацаф скатерть и мараф всякай жаренай-паренай, нльне соседтонза цебярьхть. Акуля баба валгсь алу и озась шрать ваксс, афи содасы, кона пищати кундамс. Стане жа афи няенкшнесь стама тарелкат, кодамс путнефт пищатне.

Акуля баба няезе шра песта штоф винать, ваксозонза путфоль бокал. Сергяй баба и мярьги: «Варжаса лефкскязень максфонц монць, а сяльде тердьсайне шабанень да атять». Каязе пяшксе бокалть, симозе сембонь и сявсь закусканди студень пакшкя. Сяльде эрязста панжезе кенкшенц и серьгядсь:

— Сувада сембе. Мон тейнть пидень-панень, а тейть, атя, баняда меле аф ламоня сявонь.

Сувась Пятань Сергяйть сембе семьяц. Озасть шрать ваксс. Ярхцасть-симсть кода эряви.

— Тядяй, пяк цебярь пища пидеть, тяфтамда соседоньке очижинь шинявок, пожалуй, ашесть ярхца.

Илять Сергяй баба мадсь пянакуд лангс. Аньцек матодовсь сон, Куйгорожсь стяфтозе: «Как-как, давай тев-тейне макст, а сяльде матт тон».

— Тев мон тейть максан, Куйгорож лефкскяй: Сергяй атянь шобдавас штоба уманза улест сокафт и кочкфт-урядафт.

Куйгорожсь мярьги:

— Сят ни тифт, катк ванцыне атяце.

Сяльде Акуля баба мярьги:

— Архт тихть нешкопереня, и улеза эсонза колмогемонь нешке, а стане жа нешконь ванома кудня.

— Шобдавати ули тиф, мезе мярьготь, тядяй.

Стясь шобдава Пятань Сергяйсь пяк рана.

— Атя, васендакиге архт варжак, мезяма тись нармоненьке паксяв, а сяльде молят, мезяма тись Лайма шяйть ваксс.

— А мезе, баба, тага тоза мярьготь?

— Да вага мезе, атя: тоза мон мярьгонь тиемда нешкопереня и нешке кудня.

— Ай, баба, ай, баба! Ёфси аф савать тонафтомс.

Сергяй атя ярхцась илядень кормада, а сяльде пяк весяласта тусь паксяв уманзон ванома. Васендакиге варжазе Пою шяй кить лангста клинть. Ваны Сергяй ичкоздекиге — лац-ряц урядаф: видеф сурода, а сурось ульсь пиже и кочкф. Сергяй атя ванозень сембе уманзон — сембе урядафт. Кодама сёрот ёрась видемс — стамот и видефтольхть.

— Тяни молян ванца,— корхтай Сергяй атя,— Лайма шяйть вакссa тага мезяма тись бабать нармонец.

Сергяй атя аньцек сувась вири, аф пяк ичкозель крайть эзда ся шяйсь, няеви нешке ванома кудня прясь.

«Ватта,— арьси эсь пачканза Сергяй,— правду тяса кудня няеви».

Шаштсь сяда малати Сергяй атя и ваны: перяф нешкопере, эсонза колмогемонь нешке, тумоннет сембе, и мешт лисендихть эздост. Сергяй атя сувась кудняв, варжакстсь перьфпяльге и уштозе куднять. Тоса таргазе трубканц, крьвястезе и тусь якама нешкнень ёткова. Обедта меле тусь куду.

Сергяй сай куду — пильгонза афи токсихть масторуга, атясь пряма касозь касы. Нинге ётамбачк ванозе клинонц и мярьгсь:

— Тяни лац-ряц урядаф клинць. Тяса круглай кизонди сёра ули.

Сась. Сувась фтала ортанява, а Акуля бабац учендсь эсонза: якай пирьфканза. Кодак няезе Сергяй эсь бабанц, ласьксь ваксозонза:

— Ай, баба, ай, баба, пряма золодонь казнат!

— А мес, атя? Кода думандакшнеть, стане и лисенди тевоньке.

— Ага, баба! Уматне видефт, и сембе пижет ни, лиссть, а стане жа аш фкявок тишеня лангсост; а Лайма шяйть вакссa переня, колмогемонь нешке эсонза. Пряма ваймозе касы — сембе сельмодихть. Тяни минь сёксети пяк козякоттама.

— Н-да, атя, стане-стане. Соседоньконь коряс минь луча карматама эряма-ащема. Тяни, атя, вага мезяма: монь лихтьфозе пяк шачф, сон ёфси стак эряманц аф кельгсы.

— А мес, баба?

— А вага мес: кодак аф максат тейнза тев, сон кармай яжама мезяма-повсь.

— О, баба, работадонк минь лама тейнза. Тон кошардк сонь сяльде вага мезень тиема: шяйть омбокса сери тума вирь, эздонза комозьшка ума эряви саньфтемс и видефтемс сурода.

— Видеце, атя. Монь кодак тя веть ушеды анама кядьстон тев, то азса.

Аньцек шоподсь тундань шись, Акуля баба мадсь пянакуд лангс нарвама вастозонза, а иляды семьяц, Сергяй и шабанза, мадсть карду. Куйгорожсь шаштсь Акулянь малазонза и мярьги:

— Давай, тядяй, тев, ату мон калафтсайне, мезе тиень.

Акуля удомбачк комотсь вяри, афи содасы, кода мярьгома Куйгорожти и кодама тев максома. Сямольде лядьсь мялезонза, мезе корхнесь атяц.

— Куйгорож лефкскяй, архт вага мезяма тихть: Лайма шяйть тона бокса ули сире тума вирь, ся эряви сандемс, а вастоц сокама да видема сурода.

— Ладна, тядяй, ули ся тиф-урядаф и сурода видеф тя веть, а шобдава кучк Сергяй атянь, ванцы.

Акуля баба сяда меле ламос ашезь матодов — всякай лаца арьсекшнезе тевонц, кодама работа максома сяда меле? А сяльде Акуля матодовсь.

Валдашкодсь, лиссь шись. Стясь Сергяй, сувась бабанцты, стяфтозе. Акуля комотсь удома вастстонза, малостьке эвотьф.

— Атя, или валдашкодсь?

— Да, баба, валда ни.

— Вага, атя, мезяма: работа мон максонь нармонти. Ся Лайма шяйть ваксста сире тума вирть сандемс. Кати тиезе, кати аш. Ярхцак и архт, атя, ванк, кода ащи тоса тевсь.

Ярхцась атясь и пряма пялес ласькозь тусь ся вастти. Шаштсь ся малати и ваны: сембе тума вирсь сантьф, тумонятне марафт маронь-маронь, а умась сембе сокаф-инзаф и сурода видеф, а стане жа лисьф ни. Сергяй атя кенярькшнесь уманц лангса, а сияк сувась нешкоперенязонза. Тоса ванондсь афламняс, а сяльде тусь меки куду. Молемста кяденэон путозень фталонза, валомне сашенды кудозонза Лайма шяй киге. Велеть маласа каршек васьфтсь велень козя атя, Пётр Ивановичень, кона мольсь паксяв сёра видефонзон ванома. Пётр Иванович мярьги:

— Ага, Сергей Петрович! Тон ни, брат, паксяста саят!

— Да, Пётр Иванович, удомс аш мзярда. Ванондонь видефонень-сокафонень.

— Конешна, тевдот тяни тонь лама — хозяйствать ланга якама. Няк, нешкопереняце да мзяра видефце-саньфце. Давай, Сергей Петрович, сёксе пяли ушеттама марса торгавама!

— Мес мле, Пётр Иванович, давай.

Сяльде Сергяй тусь куду, а Пётр Иванович — паксяв. Молемста Сергяй атя и мярьги эстейнза: «Няйсак, Пётр Иванович музе фамилиязень да и лемнень-пиленень, ату инголи мярьгольхть Пятань Сергяйсь».

Сергяй атя пачкодсь куду. Акуля бабац васьфтезе нинге орта лангсонза и вишкста пшкядсь:

— Ну, кода, атя?

— Ай, баба, ай, баба! Мезяма корхтать, стане и тиить сембонь. Тяни, баба, пряма афи мяляфтса, кода кенярдень. Содасак, мезяма анама нармонцень кядьста тя веть?

— Афи содаса, атя.

— Да, вага мезяма: сембонь лангса штоба улельхть цебярькотфонь панархт да зепе мархта вачкотьф котфонь понкст. А

стиреньконь лангса улест шуваня иляназонь котфонь панархт-понкст, а стане жа, баба, мярьк: качама кудонь ке улезе труба мархта, цебярь вальмя мархта, а потмоц улеза акшептф акшеста.

— Ладна, атя, шобдавати улихть тифт.

Илять нинге ашезь матодов Акуля баба, а Куйгорожсь шаштсь малазонза.

— Как-как, тядяй. Давай, тядяй, тейне тев, сон ули тиф эстоките.

— Вага мезяма, Куйгорож идняй, тя веть тик сянь, штоба шабатнень и аляцень лангса улест од панархт-понкст, а стане жа эсь лангсонга. И тага: кудське улеза урядаф од трубаса, а стане жа од вальмат и вальмала улеза тумонь мокорть васте скомняня.

— Матт,— корхтай Куйгорожсь, шобдавати ули тиф, тядяй.

Семьяц Пятань Сергяйть мадсь, а шобдава стясть — сембе наряжафт, кода и думандакшнесть Сергяй атя бабанц мархта. А стане жа кудсновок петьф-урядаф и акшептф.

Сергяй атя сувась куду пеедезь, и сонць корхтай:

— Ай да, баба! Тяни пряма наряжамайть Манухин баярть лаца.— Сергяй атя ярхцась-симсь попть лаца, да и меле лиссь вальмалонза, озась скомнять лангс и сеенкшнесь моцькяндемаса пряиц. Сяльде крьвястезе трубканц и кармась ноляма интольде пей варяванза качамть, а сонць валомне козондсь: кхм-кхм.

Няезе тянь велень козялясь. Пётр Иванович, и цёранзонды мярьги: «Молема корхнема Сергей Петровичень мархта кой-мезень колга». Пётр Иванович шаштсь Сергяйнь малазонза, валхтозе прястонза картузонц, а сяльде пшкядсь:

— Шумбрат-эрят, Сергей Петрович!

— Шумбрат тонцьке, Пётр Иваныч! Озак, Пётр Иваныч, мархтон — ваксозон. Мезямат-мезямат корхнетяма хозяйствань кувалмова, Пётр Иваныч.

Кафцьке кядь лапшензон мархта ашкодозе Сергяй атянь види кяденц и ламос люкафнезе.

— А тяни вага, Сергей Петрович, можна шумбракшнемда меле ваксозотка,— мярьгсь Пётр Иванович.

Озась Пётр Иванович види бокозонза и корхтай:

— Н-да, Сергей Петрович, кизось похож тядде сёронь шачикс ащи. Да кормилецсь ёряй вярде лямбе пиземнят.

— Н-да, Петр Иваныч, кормилецть ся пяли ажиянза ащихть, тев похож ули. А монь, Пётр Иваныч, и вовси Лайме шяйть ваксоц, кда ванцы кальдяв пиземда, тоса кши ули.

— Н-да, н-да, Сергей Петрович, тоса парши.

— Пожалуй, аш месть нюрьксемс, врема ни тумс, ату кода ба афоль мяне пувозозе нешкопереняста,— Сергяй атясь кадозе. Пётр Ивановичень и тусь нешкоперенязонза пялес ласькозь.

А Пётр Иванович ськамонза ламос нюрькссесь, арьсекшнесь: «Кода ба Сергейнь мархта шоворемаль марс торгавама да иля тевс. Да, тердемат Акулянц мархта кафцьконь».

Ётась кизось. Сась сёксесь, а Сергей тяни аф Пятань Сергяйль, а Сергей Петрозич, авац аф Пятань Сергяйрясь, а Акулина Степановна.

Сергей Петровичень пяк цебярель кудоцка, а стане жа пирьфонза-шарфонза. Алашац аф «крестай пулось», а цебярь эльде, да нинге нарочнай арнема айгороц. Коза молема, кильдьсазь айгорснон и озайхть Акулина Степановнань мархта серцек.

Сергяйнь эряфоц арась ломаненди диванди. Сонь ушедсть сембе велень козятне тернемонза инжикс. Пётр Ивановичень мархта Сергей Петрович связондасть торгавама. Ушедсть якама алашаса Астрахани калонкса, а стане жа ушедсть торгавама люкшаса, а стане жа мациень гуртонь рамсема. А Куйгорожсь Акуля бабанди аф макссн покой: эрь илять анай тев, а Акуля баба хотя и нарвазе, ну сон аф содасы, кода сон тейнза панема-аерфтома.

Недляшинь карша илять поздна ни Акуля удось эсь спальнясонза, семьянц эзда башка, коза тихтедсь Куйгорожсь ломанькс и мярьги Акулянди:

— Ёрат эрямс, так эряк, а монь коли лихтемайть, давай тейне тев, а стане жа тон монь лихтемайть аф аньцек тя тефнень тиема, а соседонтень кувалма местьке аф корхнят.

Акуля баба мярьги:

— А мезе мон корхнян?

— Мон содаса, тон аньцек работафтсамак паршинкса да эстейть.

— А мон, лефкскяй, сянкса и лихтихтень-нарвайхтень.

Эстокиге Куйгорожсь Сергяй бабань люпштазе клдоманц и ламос люпшнесь эсонза. Но коста сась ёжа, Акуля мярьги:

— Тямак шава, Куйгорож лефкскяй, а кадомак эрян, тон тевфтома аф улят. Кода мон сюдокшнень соседоньконди кадомс тумонь пяль юрхтозост, стане и тисаськ. Архт, лефкскяй, соседоньконь кота алашасна, тя веть колмотнень кулофтыть.

— Улихть тифт,— Куйгорожсь мярьгсь.

Стясь азороц, Павел Иванович соседсна, мольсь алашань карду. Варжакстсь, колма самай цебярь алашасна бокопт. Васенда Павел Иванович думандась, што удыхть, а сяльде ваны — кулот. Эстокиге вачкодезень кядензон и вярьге вайгяльхть ушедсь явсема. «Кода гразсесь Пятань Сергяйрясь, стане и тиезе. Тяни месендема? Арай тяни вешемс стама ломань, ату сон, пожалуй, юмафтсыне иляды жувататненьге».

Павел Иванович ардсь иля велес. Тоса эряй атя, мярьгондихть тейнза Карпа атя. Кизефтезе сонь:

— Месендема, Карпа альнякай, вдь монь юмафтомань соседоньке.

— А кода, Павел Иваныч?

— Да ётай веть кулость колма алашане, да нятка сярядихть.

Эста Карпа атя мярьги:

— Кда юрхтаванясь нападандась, сянь мон кирдьса, а кда Куйгорожсь — ся трудна. Да, вага мезяма, Павел Иваныч, тон архт и содак тя веть — мон максан тейть штань колма штатолхт. Сятнень пяльдить марс мекпяли и путыть калода пецень алу, а тонць сувафтт комсь ветие пейса инзама, конань пейнза улест калодать шири. Сувак марнек алонза орцень мархта, кона штоба улеза щаф велянь пяльде. Коста тргадыхть юрхтаванять мархта, а сонць, Куйгорожсь, мярьгонди: «Тейне эрявл тев, сон максф монь лихтиезень-нарвайзень эзда — мон тиса, тейть мон аф кирдеван»,— тон, Павел Иваныч, ся шовор и пшкятть: «Мон максан тейть тев».— «Кодама?»— сон мярьги.— «Да вага кодама, понак шуваронь пикс». Сон меле вяри вайгяльхть пешкоды: «Шарьхкодсь, шарьхкодсь, шарьхкодсь, юмафтомазь, юмафтомазь». А тон, Павел Иваныч, мельганза ватт, кона пяли туй вайгялец. Стане, Павел Иваныч, тихть, ату юмафттанза коряннек, ведьмась.

Павел Иванович сявозень, мезяма макссь Карпа атя, и тусь меки кудозонза. Сась весь. Куйгорожсь Акуля бабань кядьста тага анась тев. Акуля баба тага кучезе соседснон иляды алашанзон кулофтома. А Павел Иванович тиезень сембе тевонзон, кода указовась Карпа атя, кяшсь инзамать алу. Ламос нюрьксесь Павел Иванович и марясы: панжевсь карда кенкшсь — сувась ломань. Алашатне аньцек ярхцайхть. Ушедсь вадярмост, а сонць корхтай:

— Ай, стирняне-цёраняне, сай соседоньконь пяльде аф цебярсь, тя веть юмафттядязь.— Сонць ушедсь понама гриваснон.

Павел Иванович шарьхкодсь, што тя аф Куйгорожсь, а юрхтавась. Сон ламос корхнесь алашатнень мархта. Аф ламос ащезь кармась валдашкодома совсем пирьфсь, и карда вальмава сувась тол мар. Павел Иванович думандась васенда, может, крьвязсь пирьфсь, а сяльде вроди шарьхкодсь: тя сай Куйгорожсь и сразу тргадсь юрхтавать мархта.

Юрхтавати мярьги Куйгорожсь:

— Мондейне максф тев, мон тиса, а тейть мон аф кирдеван, мезе тейне максыхть, сянь и тиян.

Павел Ивановичень шияренза стясть, а сямольде и мярьги:

— Куйгорож, мон тейть максан тев.

Тона инекуй лаца вяшксь и мярьги: «Макст».

— Архт вага мезяма тя веть тихть: понак шуваронь пикс! Эстокиге, кода бта тол капа, меки комотсь карда вальмава, а сонць пешкоды:

— Шарьхкодсть, шарьхкодсть! Юмань, юмань.

Вайгяльсь тусь соседснон шири. Алашатне меки шаштсть колодати — ушедсть ярхцама, а Павел Иванович лиссь меки салаваие и сувась куду. А Куйгорожсь лийсь меки Акуля бабанди, стяфтозе удома вастста и корхтай:

— Стяк, лихтиняй-нарвайняй, давай тяни тев.

Комотсь удома вастста бабась, эводсь.

— Кодама тев максома? Якать соседонь пяли, тиить, аш? Куйгорожсь пяк кяжиясь, а стане жа пяк лац содазе, што аф юмафтови Акуля баба. Вишкста Куйгорожсь пешкодсь:

— Давай тев!

Акуля мярьги:

— Давай архт вона шяйста ведть урядак!

Куйгорожсь шяйста ведть лихтезе и сась меки.

Пялеведа инголе Акуля ашезь уда. Куйгорожсь тага анай:

— Дай тев!

Акуля мярьги:

— Ваймак.

— Монь аф ваймама лихтемайть, а работама.

Акуля ащесь пянакуд инголе. Куйгорожсь сявозе и веляфтозе Акулянь лангс пянакудть — и пенц сазе алонза. А сонць Куйгорожсь сязсь поталакста фкя звена и тусь лиезь. А шобдава стясь Пятань Сергяйсь: аш бабац, аш пянакудоц, а стане жа аш козяшиц.

КУЙГОРОЖ

Жил-был в одном селе старик, звали его Пятань Сергей. У старика было шестеро детей: три дочери, три сына. А жену звали Акулей. Из домашних животных у них были только лошадь, две курицы да петух. Лошадь свою Пятань Сергей прозвал «гонительница колдунов». А потому так прозвал, что как только ударит ее по боку, лошадь хвостом сделает крест.

Дом у Сергея был по-черному: трубы не было, не было и керосиновой лампы, освещался берёзовой лучиной. А в селе у всех были лампы, дома были с печами и трубами. Жена старика Сергея была очень чумазая, такие же грязные были их дети, не было на них ни рубах, ни портков.

Молодежь этого села собиралась в доме старика Сергея. Бабка Акуля сядет за стол, молодёжь рассядется около неё на скамейках и слушает. Старуха Акуля рассказывала, как её брат Тишка хаживал с щупом в овраг доставать клад, как ворон с дерева каркнул «кры» и как после этого клад пропал, как ночью по дороге появляются огни, как на свадьбах колдуны портят молодожёнов, превращая их в лающих собак и мяукающих кошек.

Слушатели спрашивают бабку Акулю:

— А тебя, бабка, приглашали на свадьбу и на крестины? Дарили тебе рубашки, порты? Наверно, ты тоже понимала в этом деле?

Ребятам бабка Акуля отвечала:

— Вы, дети, ещё молоды, этого дела вам не нужно знать. Знаю сама да мой отец.

— А где, бабушка, твой отец?

Да в соседнем селе.

Отец бабки Акули очень стар, борода его как будто клеем намазанная пакля. Жил он один, детей с ним не было, а также не было у него старухи. Прозвали его старик Буланый. Он тоже жил очень бедно: дымно, без трубы, скота никакого у него не было. Была только черная кошка, больше ничего. Поговаривали, что старик Буланый был колдуном: превращался в кошку и свинью. А ночью показывался огненным костром. Только и ждал, когда его позовут на свадьбу или на крестины. За это старику давали рубашки, порты или стакан водки. Таких подарков ему приходилось ждать целый год, а на другие дела старик Буланый не обращал внимания.

У старика Буланого была очень большая трубка. Зажжёт он её, сядет под своё окошечко и смотрит целый день. На масленицу старик Буланый задумал навестить свою дочку и повидаться с зятем Сергеем. Пришёл старик Буланый к своему зятю утром. Дочь Акуля лежала на печи. Старик Буланый вошёл в дом зятя, сказал:

— С широкой масленицей, доченька Акуля!

Дочь вздохнула на печи:

— Отец, отец, пришёл?

— Пришёл, доченька.

— Проходи, отец, садись за стол, я тоже слезу.

Старик Буланый прошёл, сел за стол и громко спросил:

— А Сергей где?

— Да он только куда-то вышел, сейчас придёт.

Старик Буланый достал из кармана свою трубку. В это время пришёл зять Сергей.

— А, ты здесь, милый тесть! Здравствуй, отец!

— Здравствуй и ты, зятёк!

Пятань Сергей сел за другой конец стола, достал из кармана трубку, постукал её об ноготь пальца левой руки. В это время слезла с печи и дочь Акуля. Она села против третьего угла.

Старик Буланый и зять Сергей, постукивая трубками об ногти больших пальцев, разом сказали:

— Акуля, а ты почему не закуриваешь?

— А я сейчас.

Акуля достала из-за пазухи берестовую табакерку, вынула деревянную затычку, постучала ею по табакерке, а потом, запустив в неё два пальца, достала нюхательного табаку и набила им свой нос. От удовольствия Акуля зажмурила глаза, громко чихнула и сказала: «Правда, что задумала, то и будет».

Старик Буланый ответил на это:

— Да, доченька, что задумала, того тебе не сделать, да и тебе, Сергей, тоже.

Старик Буланый тяжело вздохнул и полез в правый карман своего зипуна, достал огниво величиной с сошник, из другого

достал кремень величиной с кулак. Из кисета он достал дубовый трут, приладил его к камню и, словно кузнечным молотом, ударил огнивом по кремню. Брызнул целый сноп огня, как из горна. Кошка, лежавшая на печи, вздрогнула и прыгнула на пол. Она была черная, но от сажи казалась ещё черней. Кошка подошла к Акуле и стала тереться головой об её ноги. А старик Буланый и зять Пятань Сергей всё курили, и из трубок курильщиков валил дым.

Старик Буланый кашлянул и, обращаясь к зятю, указал большим пальцем на кошку:

— Видел, как трется об Акулю. Это что-то она рассказывает ей.

— Да,— ответил зять Сергей.

Старик Буланый опять обращается к дочери:

— Акуля, доченька, хотя я сам тебя научил, а ты больше меня знаешь. Может быть, ты думаешь жизнь свою устроить, как ваши соседи?

— Да, отец, я свою жизнь мыслю устроить ещё лучше. Только мне шесть недель придётся посидеть на яйце и вывести Куйгорожа. Он всё сделает и даст богатство.

Старик Буланый говорит:

— Доченька, нам за соседями не угнаться. У них три рабочих лошади, да овцы, да много другого добра.

Баба Акуля кашлянула и вторично табаком забила свой нос, а потом громко чихнула и ответила:

— Терпеть не могу этих соседей, отец. Я оставлю им во дворе только дубовый кол. Больше об этом нечего говорить, отец. Что я задумала, то и сделаю.

— Да, доченька, так-то так. Ну, зятёк, давай набьём опять свои трубки и покурим. Да и день клонится к вечеру, нечего попусту за столом время терять.

Они опять набили трубки, и, пока курили, стемнело. Старик Буланый говорит:

— Время, пожалуй, идти, а то солнце уже садится.

Он нахлобучил на голову большой, из телячьей шкуры, малахай и, выходя из двери, сказал:

— Зятёк Сергей, захаживай ко мне, а также и ты, Акуля, приходи на пасху христосоваться.

Старик Буланый медленно пошёл в свою избушку. А Сергей все еще курил и пускал дым. Облокотясь на стол, думала бабка Акуля.

— Баба, на дворе темно, дети домой идут. Пойдём-ка, заберёмся на печь, полежим да заснём,— говорит Пятань Сергей.

— Пожалуй, старик.

И оба залезли на печь и легли рядышком. Сергей лёг на бок, а старуха Акуля на спину. Вошли дети в избу, разделись, поели нелупленой картошки и тоже легли.

Прошло шесть недель великого поста. Стало теплее. Прошла полая вода. Зазеленели луга, почернели поля. Все сельчане вышли пахать, а Пятань Сергей о пахоте и не думает: он ждёт, когда его жена Акуля выведет Куйгорожа. Тогда у них будет всё.

Настала страстная пятница. Старуха Акуля выбрала первое снесённое курицей яйцо, на котором углем нарисовала змею, а на других сделала крестики. Акуля нарочно так сделала. Она знала, что если сделаешь кресты, не высидишь Куйгорожа.

Рано утром в страстную пятницу Акуля положила яйцо под мышку левой руки, а, чтобы не уронить его во время сна, повыше пупка обвязала себя кушаком. После этого она забралась на печь и села в угол.

— Высиживаешь, старуха?

— Да, старик, высиживаю.

Старик Сергей очень обрадовался и, поднявшись к старухе на печь, сказал:

— Ну, бабка, если ладком-рядком выведешь, то поживём!

— Да, старик,— отвечает старуха,— дела, пожалуй, идут хорошо. Только перед тем, как тебе войти, я вздремнула и видела сон.

— А какой, старуха?

— Слушай, старик. Будто бы очутилась я в большом и старом дубовом лесу. Смотрю вокруг — тишина, только ветер колышет верхушки дубов. Долго, старик, я будто бы блуждала посреди дикого леса, и мне уже надоело ходить. Задумала я вернуться обратно домой. Собралась. Ходила, ходила — из лесу выйти не могу, и стала думать: ведь так и заблудиться можно. И вдруг будто детский голос слышу: «Махни левой рукой ниже локтя, выше не надо, а то выронишь меня». Я махнула, старик, и куда сразу дубовый лес девался. И очутилась у себя дома. Вот, старик!

Пятань Сергей и говорит:

— Да, старуха, сон хороший. Даром твой труд не пропадёт. Это тебе Куйгорож приснился и сказал: «Выше локтя руки не поднимай».

Настала пасха. Рассвело. Пришли люди с обедни, похристосовались. Пятань Сергей накормил своих детей, чем мог, а дети спрашивают его:

— Отец, а отец, а почему мать не слезает есть?

— Вы ступайте на улицу, а я мать после накормлю.

Дети Пятань Сергея ушли на улицу, а сам он подал еду бабе Акулине на печь. Акуля поела и говорит мужу:

— Старик, теперь и ты иди на улицу.

Старик оделся и вышел под окно, где лежал здоровый дубовый чурбан, и сел на него. Вынул из кармана свою трубку, набил её табаком и стал курить. Вдруг старик Сергей оглянулся и вздрогнул: к нему шли люди с образами.

— Ага,— сказал Сергей,— поп идёт. Но от этих соседей он скоро не выйдет. Там всё есть: масло, мёд, яйца, а водки — море.

Сергей долго курил на дубовом чурбаке, а сам всё поглядывал в сторону соседа. Часа через два взглянул — люди с иконами выходят и поют «Христос воскрес».

— Ага! — произнёс Сергей,— придётся старухе сказать, она знает, что нужно делать при попе. Он спрятал трубку и вошёл в дом.

— Старуха, а старуха, поп идёт! Как нам надо поступить?

Старуха Акуля в это время спала на печи. Вдруг она подпрыгнула и говорит:

— Старик, дым ладана не пойдет мне впрок: высиживаемая птица может не выйти. Если уж так, я на двор пойду. Спрячусь где-нибудь.

До прихода попа старуха Акуля вышла во двор и спряталась в солому, чтобы не слышать молитвы. А старик Сергей остался дома. Вошли с иконами и запели «Христос воскрес». Старик ответил: «Воистину воскрес». Внесли иконы, затем вошёл и поп. Он был пьян, сказал два-три слова и говорит:

— Дядя Сергей, давай за работу.

— Да, батюшка, не обессудьте, дать-то нечего.

— А где бабка Акуля?

— Да она к отцу своему пошла.

— Ага,— говорит поп,— айда, эти люди не наши.

Поп ушел. Старик Сергей посидел немного и надумал старуху позвать. К счастью, поп и дыму от ладана не напустил, потому что в печке горящих углей не оказалось.

Пятань Сергей вышел во двор и негромко позвал:

— Старуха, а старуха, ты где?

— Я здесь, старик, в соломе.

— Идём, старуха, домой. Поп ушел, да и ладанного запаха нет в доме.

— Ну, старик, ты иди вперёд, а я за тобой войду.

Прошла пасха. Люди вышли полоть, а Пятань Сергей даже пахать не выезжал. Он всё наблюдал за старухой, как она высиживает Куйгорожа.

Прошло шесть недель. Перед троицей Пятань Сергей выехал в поле пахать и сеять. Посеял он просо и другой хлеб. Целую неделю не было дома Сергея. Он на своей лошади Хвост крестом ковырял землю и всё время думал: «Сегодня уж старуха должна высидеть свою птицу. Не знаю, высидит ли».

А жена Сергея чувствовала, что внутри яйца что-то не по-циплячьему шевелится, будто кто-то ходит и покашливает. Старуха сидит и сама про себя бормочет: «Теперь вот-вот выйдет. Придёт старик с поля, скажу ему — обрадуется».

А Пятань Сергей не дождался вечера, в поле оставил соху, сел верхом на свою лошадь и быстро поскакал домой. По дороге старик бил лошадь по боку, а она хвостом своим делала

кресты. Сергей оглянулся назад и решил, что хвост, пожалуй, привязать надо, а то это может помешать старухе: при въезде во двор лошадь сотворит крест, а сегодня как раз день выводки. Он развязал чересседельник и хвост лошади привязал к задней ноге. Потом въехал во двор и быстро пошел в дом. Как только он вошел, увидел сидящую на печи Акулю.

— Старуха, ты не спишь?

— Нет, старик. Теперь спать не даёт птица.

— Да ну! — удивился Сергей.

— Молчи, старик, сон прямо в руку, дело будет. Не сегодня — завтра. А потом, как я уже говорила, соседу только кол дубовый оставлю.

— А как, старуха, птица эта очень сильная?

— Да, старик. Она так сильна, что прикажешь ей, то и сделает. А если не дать дела, она тебя может извести.

— Ого, старуха, да ты, видно, знаешь, что надо делать с ней!

— А если бы не знала, то не связалась бы с этим делом. Старик, ты выйди на улицу. Я под мышкой «как-как» слышу.

Сергей тут же вышел на улицу. Только он вышел на улицу, старуха Акуля подвинулась к углу печи и опять слышит: «как-как»! И вдруг взрыв, будто граната разорвалась. Жена Сергея вздрогнула от испуга, повалилась на бок и думает: «Какая у нечистого сила!» Потом развязала свой кушак и посмотрела, цело ли яйцо. Но оно оказалось пустым и разбитым. Наверно, сам вышел. Акуля собрала скорлупку, завязала её в черный лоскуток, положила под косяк двери и говорит: «А где же теперь Куйгорож, которого я высидела? Не ошибиться бы, не сказать как-нибудь божье слово, а то плохо будет. Он ведь таков, сразу погубить может или совсем покинет, а потом за это старик убьёт».

Долго печалилась баба Акуля, как позвать Куйгорожа. Потом придумала: «Куйгорож-кормилец, Куйгорож желанный, я сама тебя высидела. Что скажу тебе, то и делать будешь». Только баба Акуля вымолвила эти слова, тут же к ней приполз змей и говорит:

— Как-как, вот я с тобой рядом. Дай мне работу, а сама ложись спать, я всё сделаю.

Старуха Акуля как услыхала этот голос, обрадовалась и напугалась.

— Куйгорож, иди сделай мне новую конюшню. И чтобы была новая колода, а в колоде перед лошадью был бы овёс.

Куйгорож отвечает ей:

— Ложись, старуха Акуля, будет сделано!

Только легла старуха Акуля, у Пятань Сергея во дворе появилась новая конюшня. Сергей проснулся утром, смотрит: вместо старой конюшни стоит новая, а в ней новая колода, а перед Хвост крестом насыпана мера овса.

— Вай, вай,— говорит Сергей,— что это такое? Вечером ничего этого не было, а проснулся утром — всё новое. Ох, это, наверно, старуха со своей птицей так орудуют. Теперь дела мои пойдут.

Пятань Сергей прибежал прямо в дом обрадовать свою Акулю. Когда он вошёл в дом, старуха поднялась с постели и громко спросила:

— Старик, а старик, как дела на дворе?

— Очень хорошо, старуха. Вместо гнилой конюшни — новая, а перед Хвост крестом — мера овса.

— Вот, старик, что я хотела, то получила. Теперь наша жизнь очень хорошо пойдёт, всех и оденем, и накормим. Только, старик, людям не проболтайся. А то наш выводок не будет слушаться, и наш труд может пропасть даром: он ничего для нас не будет делать. Потом совсем пропадём: умертвит меня, и ты после этого умрёшь.

— Ладно, ладно, старуха.

Старуха Акулина в доме осталась одна. Дети ушли на улицу играть, а старик Сергей пошёл к новой конюшне. Опять слышит Акуля: «Как-как, вот я. Сама ложись. Что прикажешь, то я и сделаю».

— Вот что, Куйгорож! Сделай такое дело: у старика в поле осталась земля не вспахана, не посеяна, а у людей уже всходы зеленые.

— Ладно, мать,— говорит Куйгорож Акулине,— к завтрашнему утру все дела будут сделаны: хлеба взойдут и будут пропалоты.

Сама Акуля вышла на двор смотреть новую постройку. Там был в это время и старик. Акуля распахнула дверь конюшни и говорит:

— Старик, и ты здесь?

— Здесь, старуха. Заходи радоваться.

Акуля вошла, села и говорит:

— Старик, или ты пахать собираешься?

— Да, старуха, надо поковырять сколько-нибудь, а то у людей хлеба уже взошли, и женщины полоть уже вышли.

— О, старик, ты ни о чём не беспокойся. Иди, затопи баню, помоемся, а завтра утром посмотришь свои загоны. На наших загонах всходы будут зеленее и лучше.

— Ой, старуха, да это правда, что ли, так будет?

— Конечно, так. Видишь, вот появилась конюшня, а это и вовсе мой выводок сделает.

— Это хорошо,— сказал Сергей и ушёл топить баню.

Истопил он баню, вымылся сам, а потом пошёл звать старуху. Она собрала всех детей и пошла с ними мыться, а старик Сергей остался караулить дом. Он завалился на печь и стал думать: «Завтра утром после завтрака пойду смотреть свои загоны и сделаю метки. А потом попрошу у старухи не по-

стройку, а богатство. Как же иначе! Люди скажут: на какие средства он строится?»

Слышит старик Сергей: идут из бани. Солнце стало садиться. Старик Сергей слез с печи и, отворяя дверь, сказал:

— Войди, войди, старуха.

Старуха вошла, а за ней вошли все дети и сели за стол.

— Мать,— сказали дети,— надо бы поесть или чаю попить.

— Подождите малость, дети. Немного побудьте с отцом на улице.

Старик Сергей говорит:

— Дети, идите скорее на улицу.

Все дети ушли, а старик остался дома и говорит:

— Старуха, а мне уходить?

— О, старик, и ты иди с ребятишками.

Старик Сергей тоже вышел на улицу. Баба Акуля дома осталась одна, села на середину печи и стала звать Куйгорожа:

— Куйгорож, дитятко моё, сделай то, что я прикажу.

— Как-как, прикажи, что делать. Тут же будет сделано.

— Ты вот что сделай: на столе чтобы было такое кушанье, каким угощаются соседи только на пасху. Чтобы было жареное-пареное да штоф вина.

— Ложись спать, мать, всё будет сделано,— сказал Куйгорож.

Старуха легла. В это время в избе поднялся шум, звон, двиганье скамеек. Немного погодя Куйгорож говорит:

— Мать, всё готово, встань и позови семью есть-пить.

Старуха Акуля открыла глаза, смотрит на стол, а стол накрыт чистой скатертью и на ней жареное-пареное. Стол накрыт даже лучше, чем у соседа. Слезла с печи баба Акуля, села за стол и не знает, за какое кушанье приниматься. Закуска лежит на разных блюдах, каких Акуля никогда ещё не видела. Да что до сих пор она имела у себя в хозяйстве? Деревянный ковш, ложки и деревянную чашку. В неё и щи наливали, из неё же и воду пили. Старуха Акуля приметила и штоф вина, а рядом бокал. Посмотрела на всё это старуха Акуля и говорит про себя: «Сначала сама попробую угощение детёныша, а потом детей и старика позову».

Старуха наполнила бокал вином, закусила куском холодного. Потом отворила дверь и кричит:

— Старик, войди, и вы, дети, тоже. Я приготовила вам поесть, а тебе, старик, после бани поднесу немного.

Пятань Сергей со своей семьей вошёл в дом. Все сели за стол. Поели, напились как следует. Дети Сергея и говорят:

— Мать, ты очень хорошую пищу нам приготовила. Наши соседи и на пасху так не ели, не пили.

Все легли спать, жена Сергея забралась на печь. Только она уснула, подходит к ней Куйгорож: «Как-как! Давай дело, а потом уснёшь».

— Дело я тебе дам, деточка Куйгорож. Сделай вот что: до утра пусть будут вспаханы, засеяны и выполоты все загоны Сергея.

Куйгорож ответил:

— Это дело уже сделано, пусть твой старик пойдёт утром и проверит.

Тогда баба Акуля говорит:

— Иди, сделай пасеку, чтобы было в ней тридцать ульев, а для караула сделай избёнку.

— К утру, мать, всё будет готово.

Пятань Сергей встал рано утром, вошёл в избу, разбудил свою старуху и стали они вместе думать, куда идти Сергею. Баба Акуля говорит:

— Перво-наперво, старик, иди в поле, погляди, что там сделала птица, а потом посмотришь, что она сделала в Черемуховой долине.

— А что, старуха, там что-нибудь опять заказано?

— Да, старик. Там я приказала сделать пасеку, а для караула избушку.

— Ай да, баба, ай, баба! Совсем не приходится учить тебя.

Сергей поел остатки вчерашнего ужина и весело пошёл в поле осматривать свой загон. Сначала он осмотрел клин у Осиновой долины. Всё убрано хорошо, всходы хорошие и травы нет. Сергей смотрит на загон и говорит:

— Вот это да! Дела наши теперь, как по маслу, пойдут. Как скажет старуха, так и будет.

Старик Сергей проверил все свои загоны — всё было засеяно и прополото. Какой хлеб он хотел посеять, такой и посеяли. Всходы на всех загонах зазеленели.

— Теперь,— говорит Сергей, пойду посмотрю, что ещё около Черемуховой долины сделала птица.

Только Сергей вошёл в лес, недалеко от края леса увидел пасеку и избушку. «Смотри-ка,— говорит он сам себе,— и верно, избушка виднеется».

Старик подошёл поближе и смотрит: пасека огорожена, а в пасеке тридцать ульев, все дубовые, и пчёлы вылетают из них. Сергей вошёл в избушку, оглядел её кругом и затопил печку. Потом вынул трубку, закурил и пошёл ходить между ульями. После обеда Сергей пошёл домой. Идёт старик Сергей домой, и земли под собой не чует, так радуется. По пути он взглянул на клин и подумал: «Клин хорошо убран. Здесь на целый год хлеба будет».

Вошёл в задние ворота, а жена Акуля уже ждёт его, ходит по огороду. Как только Сергей заметил свою старуху, быстро прибежал к ней и крикнул:

— Ай да, старуха! Ай да, старуха! Прямо золотой клад!

— А что, старик? Как задумали, так и выходит дело?

— Ага, старуха,— сказал Сергей,— земля засеяна и зеленеет

вся, и нет на ней ни одной травинки, а около Черемуховой долины — пасека, в ней тридцать ульев. Прямо, старуха, душа радуется, все нам завидуют. Теперь до осени мы очень разбогатеем.

— Н-да, старик, так-то так. Заживём мы теперь, конечно, лучше, чем наши соседи. Только вот что, старик, мой выводок слишком ретивый на работу, он не любит бездельничать.

— А что, старуха?

— А вот что, старик. Если не дашь ему дела, он будет ломать всё, что попадётся.

— О, старуха, у нас для него много работы. Ты заставь его вот что сделать: за болотами есть огромный дубовый лес. Вот его надо вырубить, выкорчевать, вспахать и засеять просом.

— Правду говоришь, старик. Сегодня вечером он будет просить дело, я и прикажу это сделать.

Только окончился долгий весенний день, баба Акуля легла на печь, а остальные легли в конюшне. Подходит к старухе Куйгорож и говорит ей:

— Мать, дело давай, а то я разрушу всё, что сделал.

Акуля спросонок и не знает, что сказать Куйгорожу, какую работу дать ему. Немного погодя вспомнила, что говорил ей старик Сергей.

— Куйгорож, детёныш, иди вот что сделай: за болотами есть старый дубовый лес, его нужно вырубить, выкорчевать, вспахать и засеять просом.

— Хорошо, мать, это будет сделано. А утром пошли старика Сергея посмотреть.

После этого Акуля долго не могла заснуть: думала, какую работу дать после этого. А потом крепко заснула.

Рассвело. Взошло солнце. Сергей встал, зашёл к старухе, разбудил её. Акуля вскочила со своего места, испугалась.

— Что, старик, или уже рассветало?

— Да, старуха, на дворе светло уже.

— Вот что, старик, работу я дала птице: болото около старого леса выкорчевать. Не знаю, выполнила ли. Ты, старик, поешь и иди посмотри, как там обстоит дело.

Старик позавтракал и бегом отправился в то место. Подошёл поближе и видит: весь дубовый лес вырублен, дубы сложены в штабеля, а загон весь вспахан и засеян просом, а просо уже взошло. Старик Сергей полюбовался своим загоном и по пути зашел на пасеку. Побыл он там немного, а потом пошёл домой. Заложив руки за спину, Сергей не спеша идёт домой. По дороге он встретил сельского богатея Петра Ивановича, который шёл в поле осматривать свои посевы. Он поравнялся со стариком Сергеем и говорит ему:

— Сергей Петрович, ты, брат, не с поля ли идёшь?

— Да, Пётр Иванович, спать некогда. Я осматривал вспаханное и посеянное.

Пётр Иванович говорит:

— Конечно, дел у тебя много по хозяйству. Гляди — пасека, да сколько засеяно. Давай, Сергей Петрович, осенью вместе начнем торговать.

— Что ж, Пётр Иванович, давай.

Потом Сергей ушел домой, а Пётр Иванович в поле. В пути старик Сергей говорит сам себе: «Видишь, Пётр Иванович нашел моё имя и род, а раньше звал Пятань Сергей». Старуха Акуля встретила его еще у ворот и громко спросила:

— Ну, как, старик?

— Ай, баба! Ай, баба! Что говорила, то всё и сделано. И не скажешь, как я обрадовался. Знаешь, что надо в эту ночь попросить у птицы?

— Не знаю, старик.

— Да вот что: на всех чтобы были из хорошего холста рубашки, да с карманами из набивного материала порты. А для девочек чтобы были сшиты из тонкого льняного полотна платья, а также, старуха, скажи: «Нам бы новый дом не по-черному, чтоб был с трубой и с хорошими окнами, а внутри побелено было бы белой глиной».

— Ладно, старик, к утру всё будет сделано.

Не успела старуха Акуля ещё уснуть, а Куйгорож подошёл к ней: «Кок-кок. Давай мне дело, мать. Оно будет сделано».

— Вот что, Куйгорож, дитятко. В эту ночь чтобы на моих детях и старике были бы новые рубашки и порты, а также и на мне. И еще: пусть у нас будет новый дом, с трубой, с большими светлыми окнами, а под окнами вместо дубового чурбака — скамеечка.

— Спи, мать,— говорит Куйгорож,— к утру будет сделано.

Семья Пятань Сергея уснула, а утром встали все наряженные, как и хотели старик со старухой. И была теперь у них не старая изба, а новый дом. Он был убран и побелен белой глиной. Вошел Сергей в дом, улыбнулся и говорит:

— Ай да, старуха! Ты одела меня, как барина Манухина.

Старик Сергей поел-попил, как поп, да и вышел под окно, сел на скамеечку и стал причёсывать гребешком голову. Потом он зажёг свою трубку и стал пускать дым сквозь передние зубы, а сам потихоньку кашляет «кхм, кхм». Заметив его, сельский богатей Пётр Иванович сказал своим сыновьям:

— Пойду поговорю кое о чем с Сергеем Петровичем.

Пётр Иванович подошёл к Сергею, снял с головы картуз и, поклонившись, сказал:

— Здорово живёшь, Сергей Петрович!

— Того и тебе желаю, Пётр Иванович! Сядь со мною рядом, поговорим о хозяйстве.

Пётр Иванович взял двумя руками правую руку Сергея и долго тряс её.

— Вот теперь, Сергей Петрович, можно и посидеть.

— Садись, садись, Пётр Иванович.

Сел Пётр Иванович рядом и говорит:

— Н-да, Сергей Петрович, нынешнее лето обещает быть урожайным. Кто много посеял и хорошо обработал свою землю, у того хлеба много будет. Видишь, какие теплые дни. Да кормилец дает сверху теплые дождички.

— Н-да, Пётр Иванович, у кормильца оглобли в эту сторону повернуты. Дело, похоже, будет. А у меня, Пётр Иванович, и вовсе около поймы. И без дождя хлеб будет.

— Н-да, н-да, Сергей Петрович, там богатства много.

— Пожалуй, нечего бездельничать, время идти, а то как бы рой не улетел,— встал старик Сергей и быстро направился в свою пасеку. А Пётр Иванович один посидел немного, потом говорит:

— Как бы начать с Сергеем торговлю или другое какое дело? Видно, придётся позвать его с Акулиной к себе в гости.

Прошло лето. Наступила осень. Сергея теперь звали не Пятань Сергей, а Сергеем Петровичем, а жену его не женой Пятань Сергея, а Акулиной Степановной. У них был новый, очень хороший дом, а также и дворь, и лошадь не Хвост крестом, а породистая, и был выездной жеребец. Если приходилось куда-нибудь ехать, он запрягал выездного жеребца и садился рядом с Акулиной Степановной.

Жил Сергей на диво людям. Все богатеи стали Сергея Петровича с его женой приглашать к себе в гости. С Петром Ивановичем Сергей Петрович завели совместную торговлю. Стали ездить на лошадях в Астрахань за рыбой, а также торговать гречихой и закупать гусей. А Куйгорож не давал покоя бабе Акуле, каждый вечер он требовал новую работу. Баба Акуля, хотя и сама высидела его, не знала, как избавиться от него.

Накануне воскресенья, поздно вечером, Акулина спала в своей спальне отдельно от семьи. Появился в образе человека Куйгорож и говорит ей:

— Если хочешь жить, так живи, а коль меня высидела, то дай мне работу. Да и про соседей ничего не говоришь.

На это Акуля ответила:

— Что я скажу?

— Как что? Ты мне говорила, когда я ещё в яйце был, что ты своему соседу оставишь только дубовый кол. Я вижу, ты заставляешь меня работать только для себя.

— Да я, дитятко, из-за того и высидела тебя, чтобы нажить богатство.

После такого ответа Куйгорож сдавил горло старухи и долго, долго мял её. Когда Акулина пришла в себя, она сказала:

— Не убивай меня, дитятко Куйгорож, а оставь жить. Ты без дела не будешь. Как я поклялась, что соседу оставлю только дубовый кол, так и сделаем. Иди, дитятко, у соседа шесть лошадей, в эту ночь трёх лошадей умертви.

— Будет сделано,— сказал Куйгорож.

Встал хозяин, сосед Павел Иванович, пошёл в конюшню, глядит: три самые хорошие лошади подохли. Сначала он подумал, что они спят, а потом посмотрел — мёртвые. Всплеснул руками, во весь голос стал реветь, а сам говорит:

— Как говорила жена Пятань Сергея, так и сделала! Что ж теперь делать? Придётся искать выход, а то она, пожалуй, остальную скотину изведет.

Павел Иванович поехал в другое село. Там был старик, звали старика Карпом. Спрашивает его:

— Что мне делать, дядя Карп, ведь задумала соседка меня разорить.

— А как, Павел Иванович?

— Да в прошлую ночь подохли три лошади, а остальные болеют.

Тогда Карп говорит:

— Если напала Юртава[1], ту я задержу, а если Куйгорож, это трудно. Да вот что, Павел Иванович! Ты поезжай и узнай в эту ночь. Я дам тебе три восковые свечи, ты их свей в одну и положи под колоду, а сам втащи в конюшню борону с двадцатью пятью зубьями и прислони её к колоде. Выверни наизнанку свою шубу, надень её и полезай под борону. Когда начнут драться Юртава и Куйгорож, и Куйгорож скажет: «Мне нужно дело, оно поручено моей матерью, я сделаю его, тебе меня не удержать», и твою Юртаву Куйгорож прогонит в сторону, ты, Павел Иванович, в это время скажи: «Я дам тебе дело».— «Какое?» — он спросит.— «Да вот какое: свей из песка веревку». Он тогда во весь голос крикнет: «Догадались, погубили, погубили!» А ты, Павел Иванович, смотри за ним и слушай, в какую сторону пойдет голос. Так и сделай, Павел Иванович, иначе погубит тебя эта ведьма.

Павел Иванович вернулся домой. Настала ночь. Куйгорож у Акули опять попросил работу. Старуха Акуля послала его к соседу уморить лошадей. Павел Иванович приготовил всё, что наказал ему старик Карп, и спрятался под борону. Долго лежал Павел Иванович и слышит скрип — конюшня отворилась. Вошел человек. Лошади ели. Вошедший начал гладить их и говорит: «Ах, девушки, мальчики, придет от соседей нечистая сила и погубит вас», а сам начал плести лошадям гривы. Павел Иванович понял, что это не Куйгорож, а Юртава. Она немного поговорила с лошадьми — вдруг появился свет, и через окно ворвался сноп огня. Павел Иванович подумал, что загорелась конюшня, а потом понял, кто это идет. Куйгорож стал драться с Юртавой и говорит ей:

— Мне дано дело, я выполняю его, а тебе меня не удержать. Что мне прикажут, то я сделаю.

---

[1] *Юртава* — покровительница двора, хозяйства; домовая.

У Павла Ивановича волосы стали дыбом, но он сказал:

— Куйгорож, я дам тебе дело.

Куйгорож свистнул и сказал:

— Дай!

— Иди, вот что сделай в эту ночь: свей из песка веревку.

После такого задания Куйгорож опять огнём выскочил в окно, а сам кричит:

— Догадались, догадались! Пропал я, пропал я!

Голос пошёл в сторону соседа. Лошади опять подошли к колоде и стали есть корм, а Павел Иванович вышел обратно украдкой, вошёл в избу (никто не заметил его) и лег. А Куйгорож пришел обратно к старухе Акуле, разбудил ее и говорит:

— Встань, матушка, давай мне дело!

Вскочила спросонок старуха, испугалась и говорит:

— Какое дело дать? Ты ходил к соседу, выполнил, что я тебе говорила?

Куйгорож очень рассердился и понял, что не погубить ему старуху. Ещё громче крикнул:

— Дай дело!

Акуля говорит:

— Иди из болота вычерпай воду.

Куйгорож вычерпал из болота воду и пришел обратно.

— Дай мне работу!

Акуля сказала:

— Отдохни.

— Меня высидела не отдыхать, а работать.

Акуля стояла у печки, Куйгорож взял и свалил печку на Акулю, а сам сорвал из потолка звено и вылетел. Утром встал Пятань Сергей: ни старухи, ни печки, и никакого богатства.

Бытовые сказки



СЕЕЛЕНЬ ГАЛЬЦЯТ

Эрясь-ащесь фкя козя купец. Ульсть сонь колма стиренза. Кафттнень сявозь рьвакс, аньцек топодсь тейст 18 киза. А колмоцесь илядсь и коданга аф туви сяс, мес сон ульсь пяк анелька, афольхцень кулхцонда эсь родителензон и бокста ломаттнень. А стирсь ульсь шамас мазы, панчфокс ащель. И весть фкя беднай цёра тядянцты корхтай:

— Тядяй, архт кизефтьк, может, моли тейне рьвакс.

Тядясь фкя шиня тусь купецть ширес. Аф ламос корхтамда меле сон азондозе, местема сась. Купецсь корхтай:

— Мон стирезень максса, кда цёрацень улихть сеелень гальцянза.

— Стапт аш,— отвечась бабась.

— Ну, раз аш, то стиртьке аф максса рьвакс,— азозе купецсь. Бабась тусь куду аф мяльвельде.

— Ну, кода, тядяй?

— «Кда улихть сеелень гальцянза,— корхтай купецсь,— сяльде максса стирезень». А мон, цёрай, мярьгонь: «Аш сонь стама гальцянза».

— Архт мярьк, сонь кафонцт.

Бабась эстокиге тусь ласькозь купецть шири и корхтай:

— Цёразень стама гальцянза кафонцт.

— Вов, тяни, пожалуйста, может сватондамс,— отвечай купецсь. Беднай цёрась аноклась, мезец ули, и пяле ковшкада меле тисть свадьба. Тяда инголе кузнецяса тифтсь аф оцю узерня и ушедсь каннемонза перьфсонза, нльне утцесь мархтонза.

Фкя шиня синь моркшть вакссa синнесть тарелкати сивольнят — ушедсть ярхцама. Катось мадянц венептезе и мялецоль саламс сиволь пакшкя.

— Лоткат, мярьгонь, салсемда, ату мон тонь тонафтте,— уркстозе цёрась.

Катось тага мадянц венептезе.

— Лоткак мадяцень венепнемда!— сяда кяжиста ювадсь.

Колмоцеда венептезе катось лапканц, мялецоль ускомс сиволь пакшкя. Цёрась таргазе узернянц и цяподезе мадянц.

— Мярьгонь вдь, тяк кяжияфне хозяинцень, бта аф содасак монь промозозень!

Стирсь ваны цёрать лангс, а сонць думандай: «Вов повонь». Аф лама пингта меле вазыясь тракссна. Тракссь кармась мукснема вазняти, а цёрась тага тейнза: «Лоткак, мярьгонь». Тракссь кафкстъ паразевсь, колмоцеда сяньге прянц керозе.

Но аванц мархта лац эрясь, вестенге ашезе уркснe, бта тя аньцек жувататненди сон тяфтама.

Фкя шиня срхкасть миртть-рьват атянь куду инжикс. Тяза састь купецть лия стиренэовок эсь мирдьснон мархта. Кармасть симондема и рахсема беднай цёрать эса, конань пильгсонза ульсть карьхть.

— Давай 100 цалковайда спорятама, кинь сяда кулхцондсы авац! — пшкядсь ся купецсь, конанди максфоль купецть стирец.

— Давай,— отвечась омбоцесь.

— А монь фкя цалковаезевок аш,— пшкядсь беднайсь.

Атявозец венептсь шрать алга 100 цалковай и корхтай:

— Споряк, зятёк, мархтост.

Беднайсь согласиндась.

— Нина полай, комак пильгозон и паламак монценьге,— корхтай фкясь козятнень эзда.

— Тьфу, дурак, алязень ингольде аф виздят!

Омбоцесь тердезе аванц и корхтай:

— Кда кельгсамак, Машенька, паламак.

— Ворьхть, визьксфтома, сельган шамазт!

Очередсь сась беднайти.

— Мария, комак пильгозон! — строгайста мярьгсь аванцты. Авась комась и палазень карьпрянзон.

— А тяпи монцень паламак!

Стирсь чокшт палазе. А ня козятне ваныхть, келептезь сельмоснон.

— Ну, зятёк, аф стак мярьгихть, улихть сеелень гальцятне, молодец. Сявить сембе ярмакнень, тинь сембе рьвянтень аф машттада кирдемост,— мярьгсь атясь.

Беднай цёрати максозень сембе ярмакнень атявозец, нинге макссь инь цебярь алашать пирьфстонза и прважазе куду. А ня козя офне визькстъ эзда ворьгодсть сяка минутаня. Тячемс эряй беднайть мархта колмоце стирец, и вестенге аф эряй спорсна, сялондомасна.

ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ

Жил-был один богатый купец. Было у него три дочери. Старших взяли в жены, как только им исполнилось по восемнадцать лет. А третья осталась и никак не выйдет замуж, потому

что очень капризная: не слушается ни родных, ни посторонних людей. А сама красивая, как цветок.

И вот однажды бедный парень говорит своей матери.

— Матушка, иди спроси, может, она пойдет за меня замуж.

В этот же день старуха пошла к купцу. Поговорила о том, о сем, а потом сказала, зачем пришла. Купец ответил:

— Я выдам свою дочь, если у твоего сына есть ежовые рукавицы.

— Таких нет у нас,— отвечает старуха.

— А коль нет, то и дочь свою не выдам,— сказал купец.

Ушла старуха в плохом настроении.

— Ну, как, родная?

— Если есть ежовые рукавицы,— сказал купец,— тогда выдам свою дочь. Я сказала, сынок, что таких рукавиц у тебя нет.

— Иди скажи, что у меня есть такие рукавицы.

Старуха тут же вернулась к купцу и сказала, что у сына две пары ежовых рукавиц.

— Теперь другое дело,— отвечает купец,— может свататься.

Бедный парень приготовился к свадьбе и через полмесяца женился. А потом заказал в кузнице острый топорик и стал его носить за поясом. Даже спал с топориком.

Однажды сели они за стол. Он накрошил в тарелку мяса, и они принялись есть. А кошка подошла к тарелке и протянула лапу, чтобы схватить мясо.

— Перестань, говорю тебе, воровать, а то я проучу тебя,— крикнул он на кошку.

Кошка снова протянула лапу.

— Кому говорю, что перестань протягивать лапу! — ещё громче крикнул он на нее.

А когда третий раз протянула кошка лапу, он выхватил свой топорик, отрубил лапу и крикнул:

— Говорил ведь, не зли хозяина! Или ты не знаешь мой характер?

Смотрит жена на мужа и думает: «Вот попалась я». Немного позже у них отелилась корова и стала мычать по теленку. А он кричит ей: «Перестань, говорю!». Корова ещё дважды мукнула, а после третьего мычанья была зарублена топором. С женой человек живет хорошо, ни разу на нее голоса не повысил, будто его дело касается только животных. Однажды собрались муж с женой пойти к тестю в гости. Туда приехали и другие дочери купца со своими мужьями. Выпили они и стали смеяться над бедным родственником, обутым в лапти.

— Давайте поспорим на сто рублей, чья жена более послушна,— предложил купец, за которым была первая дочь.

— Давайте,— поддержал второй.

— А у меня и рубля нет в кармане,— ответил бедный зять.

Тесть протянул под столом деньги и говорит:

— Спорь, зятек, с ними!

Тот согласился.

— Жена моя Нина, поклонись мне в ноги и поцелуй меня,— сказал богатый муж своей жене.

— Тьфу, дурак! Ты и отца моего не стыдишься?!

Второй позвал свою жену и говорит:

— Если любишь меня, Машенька, поцелуй.

— Отойди, бесстыжий, а то в лицо плюну тебе!

Дошла очередь до бедного зятя.

— Марья, нагнись к моим ногам!— приказал он строго.

Жена поклонилась.

— А теперь поцелуй меня.

Поднялась она, поцеловала в щеку. А богатые зятья смотрят и протирают свои глаза.

— Ну, зятек, не зря ты хвастался, что у тебя есть ежовые рукавицы. Молодец. Возьми деньги себе. А вы не умеете с женами жить,— говорит старик богатым зятьям.

Бедному зятю он отдал деньги, лучшего коня из своей конюшни подарил ему. А богатые зятья убежали, устыдившись.

Бедный зять до сих пор живет со своей женой, в семье никогда нет ни спору, ни ругани.

ПЕТР 1 И СОЛДАТСЬ

Весть тусь Петр I охотас и эрьгодсь. Якась-якась вирть эзга, и каршезонза лиссь солдат. Солдатсь тожа эрьгодсь. Ащестьтисть, думандасть, кода лисемс, мезевок ашесть арьсе и тусть: инголи солдатсь, а тоса Петр 1. Солдатсь куцсь самай сери пичеть пряс и ичкозде няйсь толня. Весь ульсь пяк шобда. Но синь кой-кода лиссть полянкав и няихть дворец. Дворецсь перяф шуфтонь стенаса. Сувасть дворецти, тоса баба и мазы стирня.

— Бабай, пади, обедафтсамасть.

— Аш мезьда,— отвечась бабась.

Эста солдатсь панжезе пянакудть и таргась тоста кафта пидеф мацихть. Ярхцасть и тусть кудботмару. Петрась якась-якась и сизесь. Кода шавф эстокиге матодовсь. Солдатсь арьси: «Тевсь аф пяк пара. Кда васьфтемазь минь аф инжикс, то нинге мезе-мезе ули». Сявозе Петр 1 шашканц и кяшсь куцемать вярде пезонза, кенкшть фталу. Солдатсь аф уды.

Кафтошка частта меле дворецти ардсь тройка. Валгсть тоста атя и кафта разбойник-цёранза. Сувасть куду, озасть ужиндама.

— А коса омбоце мациньке? — кизефтезе атясь бабанц.

— Да стане, стане, састь тяза кафта алят. Фкя мацить сивозь и тусть кудботмару мадома.

— А ну-ка, ёмла цёрай, архт керыть сялдазснон,— торазевсь атямкс атясь цёранцты.

Разбойник-цёрась куцсь кудботмару, а тоса шобда, мезевок аф няят. Разбойниксь лихтезе прянц и ваны, коза матф сол-

датсь Петрать мархта. А солдатсь раз — и керозе разбойниктъ прянц, аньцек алу прась прясь и ронгоц.

Разбойник-атясь учи, цёрац кати-мес аш: «Наверна, подлецсь, познакомондась мархтост».

— А ну-ка тон, оцю цёразе, архт тонць керыть пряснон,— пшкядсь атясь.

Старшай цёра-разбойниксь куцсь, аньцек венептезе прянц, солдатсь раз — и керозе прянц.

Атясь учсь, учсь — цёранза ашет. «Молян монць керсайне пряснон». Сон куцсь кудботмару, венептезе прянц, а солдатсь яфодсь и керозе атять прянц.

Шобдава стясть, штазь шамаснон, и Петра корхтай:

— Ох, и лац тячи удонь.

— Да, удоть, а мон ожка мезе няфтян.

Солдатсь мольсь Петрати, няфтезень шавфнень.

— Кда аф мон, то кафцьке минь тнярс вечна удолеме.

— Благодарю,— мярьгсь Петр 1 солдатти.

Сувасть куду, а стирть кядьса пистолет. Солдатсь тавадозе Петрать и яфодезе кяденц. Стирсь лящсь, и солдатть пиле прянц пулясь сязезе. Солдатсь сявозе шашкать и керозень стирть мархта бабать.

Вальмя лангса ащихть панжемат. Синь сявозь панжематнень, панжезь фкя утомть — тоса сият. Солдатсь валхтозе вазенц, пяшкодезе сонь сияда, и тусть омбоце утомти. Панжезь кенкшть, сувасть, а тоса пяшксе амбарсь золотада. Солдатсь золотатнень эса эцесь и повозонза, и карманозонза. Тоса валозь кудть и амбархнень газса и крьвястезь, а синць озасть тройкати и тусть тя проклятай вастть эзда куроконе.

Ардсть Петрань дворецонц инголи, сувафтозе Петр 1 солдатть оцязоронь комнатати, андозе, матозе ваймама. Тоса стяфтозе Петрась солдатть и путозе полковникокс.

Аф лама пингта меле солдатсь рьвяясь. Шачсь сонь идняц. Аф кунара синь тиендсть кстинат фкя идняснонды.

Монга якань тоза пиравама. Симондень.

ПЕТР 1 И СОЛДАТ

Однажды отправился Петр 1 на охоту и заблудился. Ходил, ходил по лесу и повстречал солдата. Солдат тоже заблудился. Посидели-подумали, как им отсюда выбраться, ни до чего не додумались и пошли вперед. Солдат залез на самую высокую сосну и увидел огонек. Ну, они кое-как выбрались на полянку, видят: перед ними дворец. Дворец этот огорожен заборчатой стеной. Вошли они во дворец. А там сидят старуха и красивая девица.

— Бабушка, накормила бы нас.

— Нечем,— ответила старуха.

Солдат открывает печной заслон и вытаскивает из печи двух жареных гусей. Поели они с Петром и пошли на чердак. Петр устал (весь день шатался) и как убитый тут же свалился спать. А солдат не спит и думает: «Дело здесь нехорошее. Если нас приняли не как гостей, то тут что-то будет». Он взял у Петра шашку и спрятался за дверью.

Спустя часа два к дворцу подкатила тройка. Вышли из кареты старик и два его сына-разбойника. Вошли в дом, сели ужинать.

— А где второй гусь? — спрашивает старик старуху.

— Да так и так. Пришли сюда двое мужчин. Они съели одного гуся и пошли спать на чердак.

— А ну-ка, сын, иди отруби им шеи! — как гром, крикнул старик.

Сын-разбойник залез на чердак, а там темно, ничего не видно. Разбойник вытянул голову и высматривает, где спят солдат с Петром. А солдат в это время и отрубил голову разбойнику.

Старик-разбойник ждет-пождет — нет сына. «Наверное, подлец, познакомился с ними».

— А ну-ка, старший сын, иди сам расправься с ними,— приказал старик старшему сыну.

Старший сын только просунул голову на чердак, солдат сразу и отрубил ее.

Ждал, ждал старик — нет сына. «Пойду-ка сам отрублю им головы». Залез он на чердак, а солдат снова махнул саблей и отрубил ему голову.

Утром проснулись, умылись, Петр и говорит:

— Ох, и хорошо я спал сегодня.

— Да, ты спал, а вот посмотри, что я тебе покажу.

Солдат показал ему убитых.

— Кабы не я, то оба спали бы вечным сном.

— Благодарю,— говорит Петр I солдату.

Вошли в дом, а в руках у девицы пистолет. Солдат загородил своим телом Петра, ударил девицу по руке. Она выстрелила, и пуля оторвала солдату конец уха. Солдат размахнулся шашкой — убил девицу и старуху.

На окне лежали ключи. Они взяли ключи, открыли один амбар, там серебро. Солдат снял с головы шапку, наполнил ее серебром. Пошли глядеть другой амбар. Открыли дверь, вошли, а там золото. Солдат натолкал этого золота в карманы, за пазуху. После этого облили дом и амбары керосином и подожгли, а сами сели на тройку и уехали из того проклятого места.

Подъехали к Петровому дворцу. Петр повел солдата в царские комнаты, накормил его и уложил спать. Потом перевел его в полковники.

Прошло время, солдат женился. Народились дети. Недавно они крестили одного ребенка. И я ходил туда пировать. Нагулялся.

ФОКАСЬ И ПРОКОФИЙ ПОПСЬ

Мокшень фкя велеса эрясть колма братт колмонест: Петя, Егор, Фока. Эрясть синь беднайста. Ульсь синь аф ощо кудняcна, кода сардоня коробканя, катонясна, колма саразсна, нилецесь атякш — вов и сембе паршисна.

Колма браттне кулезь, што Прокофий попсь сивотькшни работник, но аф мушенды, сяс мес пяк стака сонь пялонза работамась. «Молякан мон,— мярьгсь Петясь.— Кда мон аф кирдян попть шireса, то кивок аф кирди». И тусь. Пачкодсь попть пяли.

— Мон, кулине, бачка, што тон работникт сивотькшнят, сиводемак монь,— мярьгсь Петясь.

— Да, да, сивотькшнян, дай сивотть. Тихтяма сейчас договор,— отвечась попсь Петяти. И сёрмадсть синь тяфтама договор: работникти работама фкя киза ведьгемонь цалковайда. Мезе мярьги попсь, кулхцондома. Фкя-фкянь мархта аф сялонкшнема. Конац инголи кяжияй, сянь кярома шалхкоц. Петя мярьгондсь договорста ёрдамс шалхконь кяромать, но попсь ашезь согласинда.

Омбоце шинякиге попсь стяфтозе Петять нинге ши лисемда инголькиге и корхтай:

— Сейчас, Петр, кильдят алаша и туят сокама. Мархтот моли монь пинезе, сон тейть няфтьсы умать, и мзярда кильдьсак сокати алашать, сон кармай якама мековасу умать кувалма, а тон мельганза кармат сокама. Сокат снярс, мзярс кармай якама пинесь. На вов тейть целай кши и ветчина, но штоба синь улельхть целайхть и тонцьке вачеда тят уле. Шарьхкодеть?

— Шарьхкодень,— отвечась Петясь и тусь киганза. Мольсьмольсь сон пакся киге, и пинесь лоткась кели умать ваксс. Озась пулонц лангс и учи. Петясь аньцек кенерсь кильдемс сокати алашать, пинесь тусь умать кувалма межа прява, а Петясь ушедсь мельганза сокама. Сон сокась апак ваймак мяк обед малати, пекоц вачсь аф азомшка, сизесь, а пинесь якаманц содай, хотя соньге ни кялец нюрьгсь кургсонза, кода начка нула пакш.

Сась обедсь, пинесь лоткась якамда и мадсь крандазть алу. Петясь прьгафтозе алашать и нолдазе тишетненди. Ломатть тожа прьгафнезь алашаснон и ушедсть обедама, а Петять аньцек сёльгонза шудихть кшить и ветчинать лангс. Сон велясь крандазть алу, ёрась аф ламода ваймамда, но пинесь ащесь пулонц лангса ни. Аш месть тиендемс, стясь Петяське. Сон симдезе алашать, сонцьке копордась кельме ведняда и ушедсь пинеть мельге тага якама.

Шись илядь. Ломатть ётайхть куду, а Петять нинге пинесь вятнесы мельганза. Сон лоткась якамда мянь шобдаста, и эста Петясь тусь куду.

— Ну, кода, Петр, сокайть умать?— кизефнесы попсь.

— Сокайне.

— А монь лангозон аф кяжият?

— Аш мезенкса кяжиямс,— отвечась Петясь, а сонць пчкясь тязк пондалезе попть, сяшкава сась лангозонза кяженза.

— Ватт, цёрай, кда кяжият — шалхкцень кярса. Матт, шобдава рана стяфтте.

Петя велясь кудонголи. Удомац аф сай. Попсь афи ужнафтозе.

Омбоце шинявок пинесь станяк сокафтсь Петять эса и колмоце шистонга станяк. Петять пекоц копорезонза токась: кяденза-пильгонза-ленгяннекс арасть, а потмоц пяшкодсь кяжда попть лангс.

Колмоце шиня сась Петясь сокама вастста, попсь тага кизефнесы:

— Ну, кода, Петр, колмоце умать аделайть сокамда?

— Аделайне,— отвечась Петясь.

— А монь лангозон аф кяжият?

— Кода тонь лангозт аф кяжиямс, чёрт долгогривай, мон колмоце шись ни вачедан! — ювадсь Петясь.

— Ага, повоть, молодец. Архт тердьк Митрофанонь Ефим мархта,— мярьгсь попсь рьванцты. Но Петясь цёрась ульсь таза, вии, и, аф ваномок сизеф и вачеда шить лангс, сон ворьгодсь.

Петя ласьксь куду кжназь.

— Мес сать? — кизефнезь Петять кудса.

— Тоса чёртське аф кирди вачеда, ворьгодень.

— Ванода монць молян ни. Мон попть шалхконц матса,— мярьгсь Егорсь, ёткста цёрась, и тусь.

Но колма шида меле сонга сась меки.

— Тяни тейне молема,— мярьгсь Фока.

— Коза тон, дурак, кда минь Егорть мархта ашеме кирде, тага ни тон кирдят. Архт, саят тоста шалхкфтома.

Фокась тусь, пачкодсь попть шири. Попсь сонь мархтонза сёрмадсь тага стама договор, кода и брадонзон мархта, шобдава указовась тейнза, и сон тусь сокама.

Аньцек лиссь пирьфста, кярсь кшить эзда печф, ветчина и молема ёткова ушедсь ярхцама. Пинетиге ёрдась кши.

Паксяса пинесь лоткась умать ваксс. Думандай Фокась: «Кати ушедома сокама, кати ваймама аф ламоняда? Пожалуй, ваймама». И мадсь крандазть алу, а пинесь пулонц лангса нюрьги: учи, мзярда Фокась кильдьсы алашать. Сргозсь Фокась, а шись обед маласа ни. Кильдезе алашать. Пинесь тусь умать кувалма якама. Сон пинеть мельге ушедсь сокама. Сокась обедти, пинесь нинге якай. Састь Фокать сонь лангозонза кяженза. «Кутю, попонь лефкс, сака сей!» — пшкядсь пинети. Кундазе пинеть, сотозе вожиятнень мархта крандазти — да локшеса, да локшеса. Пинесь пешкоды, вяри-вяри комотни, и мзярда мянць беднайсь, веле шири врьгятсь мезе ули вийц. Фокась прьгафтозе алашать, ластясь лангозонза да мельганза. Кудть маласа лиссть Фокать каршес попсь, рьвац, стиренза, цёранза.

— Ну, и пине кирдят, бачка,— корхтась Фокась прянь веляфнезь,— кодак аньцек молень умать лангс, и давай сон якамс, и давай якамс. Куломс сизефтемань. Но монцьке максонь тейнза локшеть мархта. А кода, бачка, аф кяжият монь лангозон?

— Аф, аф, Фокей, мезенкса кяжиямс?

— Ватт, ату шалхкфтома илядат. Ну, тейне обедамс эряви да ваймамс аф ламняда, куломшка сизень.

Фокась обедась и мадсь кудонголи.

Попсь Митрофан работниконц кучезе паксяв крандазть и сокать инкса. Тона самда меле азондозе попти, што умась станяк ащи, боконява сокаф аньцек колма саженьшка, и сявок сокамс оду сави. Састь кяженза попть, но аш месендемс — шалхкоц ужяль. Сон стяфтозе удома вастста Фокать и корхтай тейнза:

— Архт, Фокей, тувотненди корма макст, синь ярхцамс мялься.

Фокась лиссь пирьфи, вешсь пяль, сувась тувонь карденяв и ушедсь матома тувотнень эса пяльса. Шавозень попть ветецьке тувонзон.

— Эх, и тувот кирнеть, бачка.

— А мес, Фокей? — эводезь кизефнесь попсь.

— Мес, мес. Шавонь, шавонь эсост пяльса, коданга аф шавовихть. Мянь кядне сизесть. Аф стак корхнесть, што тонь ширесот работамась стака.

— Да мезе тон тиеть? Вдь мон мярьгонь: архт тувотненди корма макст, синь ярхцамс мялься.

— А-а-а, виноватан, бачка, виноватан. Лац ашине куле. А тон монь лангозон аф кяжият?

— Аф, аф думандан кяжиямс.

А эсь пачканза попсь думандась: «Эх, и повонь. Ёфси розариндамань. Нинге шалхкфтома каттанза».

Омбоце шиня попсь стяфтозе Фокать ранакиге и мярьгсь, штоба сон печколь уча, конац лангозонза ваны, сембодонга цебярть, ату синь маштсь сивольсна. Фокась лиссь пирьфи. Комотсь ортать вельф калдазу учатнень ёткс. Тонат эводсть, и сембе ваныхть лангозонза. Сон калдаз пяшксе учатнень сембонь и печксезень. Сувась куду вер потмоса.

— Эх, бачка, и учат кирдеть,— лякозь корхтась Фокась.

— Мес, Фокей? Мезе тиеть?

— Кодак кенерень сувамс калдазу, синь, дуракне, сембе кеподезь сельмоснон монь лангозон. Тейне и савсть сембе печксемс. А тон, бачка, монь лангозон аф кяжият?

— Аф, аф, мезенкса кяжиякшнемс?

— Ватт, ату шалхкфтома илядат.

Попсь, оцю кяжень кирдезь, кучезень Фокать и Митрофанть учатнень ваткама. Митрофанць ваткась и урядась фкя уча, Фокась вакканза — вете, а кетть аш: сон ваткай кедь пакш, кярсы и ёрдасы. Урафты учатнень эса сивольнек-мезнек.

Митрофанць кошардозе, штоба сон кладовои каннель учань стякнень, и мярьгсь, штоба сон афолезе кадонда кладовой кенкшть панжада. Фокась фатясь копорезонза учань стяг, кандозе кладовои, валхтозе петляста кенкшть и сявозе копорезонза. Калдазста куфцезь канды учань стяг и кенкш, а тоса меки кенкшть кандсы. Попсь лиссь кудста, ацергодсь седиец: велень сембе пинетне порсть учань стякнень эса.

— Мезе тон тиендят, Фокей? — корхтай пцтай авардезь попсь.

— А мес, бачка, мон кенкшть вестенге ашине кадонда, фалу копсон каннеса. Виде корхтайхть, што тонь пялот пяк стака работамась. А монь лангозон аф кяжият?

Попть цють кирдевсь ювадемац, сяшкава кяжиясь Фокать ланге. Но лядьсь мялезонза договорсь и мярьгсь, што аф кяжи.

Тя веть попсь рьванц мархта ашесть уда суском удоманя. Синь думандасть, кода мянемс Фокать эзда. Арьсезь синь тяфта: прважамс Фокать куду инжикс, а самозонза мезе-мезе думандамс.

— Вов мезе, Фокей,— корхтась омбоце шиня попсь,— тон архт куду инжикс. Ваймат и саят меки или ёфси тят сашенда, тяни монь работане аделавсть ни.

— Аф молян, бачка, мон стак нюрьксемазень аф кельгса, и договорть мон аф коласа.

— Архт, Фокей, максан тейть ведьгемонь цалковай ярмак, ся учань стякнень, конат илядсть кладовои, матушкась мезевок аноклай мархтот.

«Пожалуй, молема, кли стане корхтай долгогривайсь»,— думандась Фокась.

— Пожалуй, молян,— мярьгсь Фокась кайгиста.

Попсь макссь Фокати, мезе мярьгондсь, и работниксь тусь. Но омбоце шинякиге шарфтсь меки попть пяли. Кенкш лангса сонь васьфтезе явсезь попть рьвац.

— Ах, Фокей, Фокей, мезе тяни карматама тиендема? Шкайсь лангозонза гневондась, батюшкась кулось. Тяни, Фокей, архт куду, тейнек работник аф эряви.

— Ах, конашкава ужяль! Вдь мон сонь лувондыне родной алякс,— корхтась Фокась бта нолдаф нярьса.

Сувась горенцяв. Попсь ащесь кунф эзембряса, акша котфса вельхтяфста. Фокась комась вельхксозонза, тись авардикс; няйсы, покойникть мяштец кепси, ваймонц таркси. Шарьхкодсь Фокась, кода ёразь васькафтомс. Сувась сон кухняв, каясь кубста пси ведь ведарка и сувась горенцяв.

— Коза кандсак ведть, Фокей?— кизефнесы попть рьвац.

— Батюшкась эряви штамс, матушка,— отвечась Фокей и жольнефтезе пси ведть попть ланга. Попсь комотсь вастстонза и кармась ласькондема горенцять келес рангозь, кода офта, шовась пеконц эса.

— Тон месть наругат лангсон, нищай пине? — ювадсь попсь Фокать лангс.

— А, мон нищай пинян! А договорть юкстайть, чёрт долгогривай?

Фокась фатязе попть коня шяярьда, чёфадезе шалхконц пеельса и лиссь кудста.

ФОКА И ПОП ПРОКОФИЙ

В одном мокшанском селе жили три брата: Петр, Егор и Фока. Жили они бедно. Был у них небольшой, как спичечная коробка, домик, кошка, три курицы, четвертый петух — вот и все их богатство.

Услыхали три брата, что поп Прокофий нанимает работника, но подходящего не находит, потому что очень трудно у него работать.

— Пойду-ка я,— сказал Петр.— Если я не вытерплю у попа, то никто не выдержит,— и ушел.

Пришел к попу:

— Батюшка, я слыхал, что ты работников нанимаешь, найми меня.

— Да, да, нанимаю. Давай наймись. Заключим сейчас договор,— ответил поп Петру.

И написали они такой договор: «Работнику проработать один год за пятьдесят рублей. Что прикажет поп — слушаться. Никогда меж собою не ругаться. Кто первый рассердится — у того нос отрезать». Петр просил из договора вычеркнуть это место, но поп не согласился.

На второй же день поп разбудил Петю до восхода солнца.

— Сейчас, Петр, запряги лошадь. Поедешь пахать. С тобой пойдет моя собака: она покажет тебе загон. А когда запряжешь лошадь в соху, собака будет ходить туда и обратно, а ты будешь за ней пахать. Паши столько, сколько будет ходить собака. На вот тебе целый каравай хлеба и окорок, но чтобы они были целы, а сам был бы сыт. Понял?

— Понял,— ответил Петя и уехал пахать.

Ехал, ехал он по полевой дороге, собака остановилась около широкого загона. Села на хвост и ждет. Петя только успел запрячь лошадь в соху, собака стала ходить вдоль загона, а Петя начал за ней пахать. Он пахал без отдыха до самого обеда, проголодался, устал, а собака, знай, ходит, хотя и у неё висит изо рта язык, как мокрая тряпка.

Наступило время обедать. Собака легла под телегу. Петя распряг лошадь и дал ей корм. Люди тоже распрягли лошадей и начали обедать, а Петя смотрит на хлеб и окорок, только слюнки текут. Он прилег под телегу, хотел немного отдохнуть, но собака сидела уже на хвосте. Делать было нечего, встал и

Петя. Напоил лошадь, сам немного хлебнул холодной водички и начал опять пахать.

Начало темнеть. Люди едут домой, а Петю всё ещё водит собака по загону. Она перестала ходить, когда совсем стемнело. Тогда Петя поехал домой.

— Ну, как, Петя, вспахал загон? — спрашивает его поп.

— Вспахал.

— А на меня не сердишься?

— Не за что сердиться,— ответил Петя, а сам про себя выругал попа, так был зол на него.

— Смотри, парень, если сердиться будешь, нос отрежу. Ложись, утром раненько разбужу.

Петя прилег в сенях, но спать не хотелось. Его поп и ужином не накормил.

И на другой день, и на третий собака также водила Петра до ночи. У него от голода живот к спине прирос, руки-ноги как лыки стали, а злоба на попа так его и распирала. На третий день пришел Петя с работы, поп опять спрашивает:

— Ну, как, Петр, вспахал третий загон?

— Вспахал,— ответил Петр.

— А на меня не сердишься?

— Как на тебя не сердиться, долгогривый черт! Я уже третий день голодный! — крикнул Петя.

— Ага, попался, молодец! Иди позови Митрофана с Ефимом,— обратился поп к жене.

Но Петр парень был здоровый, и, несмотря на голод и усталость, он сбежал.

Прибежал домой, задыхаясь.

— Почему пришел?— спросили Петра домашние.

— Там и черт не выдержит. С голода сбежал,— ответил Петя.

— Вот я пойду сам! Я уж отрежу попу нос,— сказал средний брат, Егор, и ушел.

Но после трех дней и он пришел обратно.

— Теперь мне нужно итти,— сказал Фока.

— Куда ты, дурак? Если мы с Егором не выдержали, а ты и подавно. Иди, вернешься оттуда без носа.

Пошел Фока. Поп заключил с ним такой же договор, как с его братьями, также сказал ему утром, что делать, и Фока поехал пахать. Только выехал он со двора, отрезал себе кусок хлеба и ветчины и начал есть. Бросил хлеба и собаке. В поле собака остановилась около загона. Фока думает: «Сейчас начать пахать или отдохнуть маленько? Пожалуй, отдохну». И лег под телегу. А собака сидит на хвосте и ждёт, когда Фока запряжёт лошадь. Проснулся Фока, а уже обед близко. Запряг он лошадь в соху. Собака стала ходить вдоль загона. Начал пахать и Фока. Пахал он до обеда, а собака всё ходит. Рассердился Фока на собаку.

— Кутька, поповское отродье, иди-ка сюда!

Поймал собаку, привязал вожжами к телеге и стал хлестать ее. Собака визжит, бросается во все стороны, а когда вырвалась, бедная, побежала что есть силы к селу. Фока распряг лошадь, сел верхом и погнался за собакой. Из поповского дома навстречу вышли встречать Фоку поп, жена его, дочери и сыновья.

— Ну и собаку держишь,— упрекнул попа Фока.— Только доехал я до загона, а она и давай ходить вдоль него. Заморился донельзя. Ну, я дал ей кнутом. Как, батюшка, не сердишься ты на меня за это?

— Нет, нет, Фока, за что сердиться?

— Смотри, а то останешься без носа. Ну, вот что: мне нужно пообедать и отдохнуть. Я устал.

Фока пообедал и лег спать.

Поп послал своего работника Митрофана в поле за телегой и сохой. Тот вернулся и рассказал попу, что загон не вспахан, вспахано не больше трех сажен, и то нужно снова перепахать. Рассердился поп, но делать нечего — жалко оставаться без носа. Он разбудил Фоку и сказал ему:

— Иди, Фока, дай свиньям корм, они хотят есть.

Фока вышел во двор, отыскал дубовую палку, зашел в свинарник и начал ею бить свиней, пока не перебил всех.

— Эх, и свиней держишь, батюшка!

— А что, Фока? — удивился поп.

— Что, что... колотил, колотил их палкой, никак не подыхают. Даже руки устали. Не зря люди говорили, что у тебя работать трудно.

— Да что ты сделал?.. Ведь я сказал: иди дай свиньям корм, они есть хотят.

— А-а-а, виноват, батюшка, виноват. Я не расслышал. А ты на меня не сердишься?

— Нет, нет, я и не думаю сердиться. А про себя думает: «Эх, и попался я. Разорит совсем, да ещё и без носа оставит».

На другой день поп разбудил Фоку чуть свет и приказал, чтобы он зарезал овцу, которая будет смотреть на него, то есть самую лучшую. Фока зашел во двор. Перескочил через городьбу к овцам. Овцы испугались, прижались в угол и все смотрят на него. Фока перерезал всех овец. Вошел в дом весь в крови:

— Эх, батюшка, и овец же ты держишь,— задыхаясь, говорит Фока.

— Что, Фокей? Что сделал?

— Как вошел во двор, они, дуры, все вылупили на меня глаза и смотрят. Так и пришлось всех перерезать. А ты, батюшка, на меня не сердишься?

— Нет, нет, никогда не рассержусь.

— Смотри, а то без носа будешь.

Поп, еле сдерживая злость, послал Фоку и Митрофана свежевать зарезанных овец. Митрофан ободрал одну овцу, а Фока — пять, но овечьих шкурок нет. Дерет с мясом. Митрофан попросил его, чтобы он таскал в кладовую овечьи тушки, да чтобы не оставлял дверь кладовой открытой. Фока взвалил на спину тушку, отнес в кладовую, снял дверь с петель и взвалил на спину. Со двора таскает овечьи тушки, а на спине носит дверь. Поп вышел из дома, смотрит: собаки со всего села собрались и грызут овечьи тушки.

— Что ты делаешь, Фока? — Чуть не со слезами на глазах говорит поп.

— А что, батюшка, я дверь не оставляю, все время таскаю на спине. Правильно говорят, что у тебя работать очень трудно. А ты на меня не сердишься?

Поп чуть-чуть не высказался, но вспомнил договор и сказал, что не сердится.

В эту ночь поп с женой не смыкали глаз. Они обдумывали, как избавиться от Фоки. Решили так: выпроводить Фоку домой погостить, а до его прихода что-нибудь придумать.

— Вот что, Фока,— сказал на второй день поп,— ты иди домой повидаться. Отдохнешь и придёшь обратно, или вовсе не приходи. Теперь мои работы уже кончились.

— Не пойду, батюшка. Я бездельничать не люблю и договор нарушать не буду. Да и к вам я уже привык.

— Иди, Фока, дам я тебе пятьдесят рублей деньгами, овечьи тушки, которые лежат в кладовой, и матушка приготовит тебе еще кое-что.

«Пожалуй, надо итти, если так говорит долгогривый»,— подумал Фока.

— Пожалуй, пойду,— вслух ответил он.

Поп дал Фоке все, что обещал, и он ушёл. Но на второй же день вернулся обратно к попу. У порога встретила его матушка со слезами.

— Ах, Фока, Фока, что теперь будем делать? Разгневался на нас бог. Батюшка скончался. Теперь, Фока, иди домой. Работник нам не нужен больше.

— Ах, как его мне жаль! Ведь я его почитал, как родного отца,— будто печалясь, говорит Фока.

Вошел он в поповскую горницу. Поп лежит на скамье, покрытый белым холстом. Фока наклонился над ним, притворно заплакал. Смотрит, а у покойника грудь поднимается и опускается: он тихонько дышит. Догадался Фока, в чем дело. Вышел он на кухню, налил из куба полное ведро горячей воды.

— Куда несешь воду, Фока? — спросила попадья.

— Нужно помыть батюшку,— ответил Фока и вылил кипяток на попа.

Поп соскочил и стал бегать по горнице, ревет, как медведь, и держится за живот.

— Ты что издеваешься надо мной, нищая собака? — заорал поп на Фоку.

— А, я нищая собака! А договор ты позабыл, черт долгогривый?

Фока схватил попа за гриву, отхватил ему нос и вышел из дома.

КЯЖИ АВА

Аф оцю веленяса, седнять маласа губорнять пряса, ульсь путф кудня. Тя куднясь наксадоль ни, сембе уженза пяярьфтольхть, сонць сюконясь модати и, штоба афоль калада прокс, перьфпяльге вадентьфоль сёвоньца. Лия стройка маласонза кодамовок ашель, аньцек фталонза перяф илиень перяфкя. Тя кудняса эрясть-ащесть кафонест: Ефремонь Фролась и сонь рьвац Марфа.

Фролань рьвац ульсь понду, лапш пакарь и нльне улель мазы, кда улельхть кафцьке сельмонза. Хоть Марфа илядсь фкя сельмоса, но сякокс сонь обуцяц ашезь петев — тиендель сянь, мезе афоль мярьге Фрола, а мезе мярьголь тиемс, Марфа афольхце тиенде.

Весть шобдава Фрола стясь и мярьги Марфанди:

— Марфа, уштолить пянакудть да куроконе пиделеть модамарьхть: тейне эряви ярхцамс и тумс работама.

Марфа стясь, озась пянакудть малас и, кода кяжи пине, отвечась Фроланди:

— Тетькомаце сась, што ли? Вот аф уштан и аф пидян модамарьхть.

Эста Фрола мярьги:

— Архт, Марфа, хоть кельме ведня кантт.

— Ведьге аф кандан и мезевок аф тиян! — кяжиста ювадсь Марфа.

Кемоста кяжияфтозе Марфа Фролань, сюцезе аф цебярь валса.

— Кда аф молят, тят и яка, фкя сельме шяйтан!

Аньцек тяфта мярьгсь Фрола, Марфа эстокиге комотсь пятналангста, арась Фролань каршес и, путомок кядензон копазкс ащи бедранзон лангс, мярьгсь:

— Мон хоть фкя сельме шяйтанан, а тонь аф кулхцонтте, сейчас туян и кандан ведь.

Фатязень Марфа ведарканзон и ласькозь тусь ведьс. А Фрола тя пингть ащесь и арьсесь: «Знать, вона кода эряви мумс проворец фкя сельме шяйтанть. Эряви валда, пожалуй, сондейнза мярьгондемс мекланкт».

Кандсь Марфа ведь, путозень ведаркатнень эзем лангс, а сонць куцсь тага пятналангс. Фрола ащесь аф кувать и тага пшкядсь:

— Ну вов ина мезе, фкя сельме шяйтан, тяк ушта пянакудть и тят пиде модамарьхть.

Комотсь эстокиге авац, фатязень сардонянзон, уштсь, пидесь модамарьхть и путозень томбалангс. Фрола озась шрать ваксс и корхтай Марфанди:

— Пидемать пидеть модамарьхть, но шрать лангс тяйть путне.

Топ топадезе Марфа шрать лангс модамарь мархта цюгуннять, а сонць мярьги:

— Тетьк, лихойхне потмозт.

— Аф ярхцан,— мярьги Фрола.

— Архт, тетьк,— Марфа мярьги.

Ярхцась лац-ряц Фрола и мольсь ведаркать малас симома, амолдась кружкас ведь и апак кизефтть ушедсь симома. А Марфа фатязе марнек ведаркать и лосядезе Фролань лангс, тяконь шовор корхтась:

— Сипть, сипть, вяр сязезазе потмоцень.

Пяк кяжиясь Фрола фкя сельме рьванц лангс и всякай лаца арьсекшнесь, кода ба тумс эздонза. А мякпяли арьсезе: вдь сонь вастоц ёфси тязк, маласа, седьбеста тяри лебоньца.

Фролань куднянц эзда аф пяк ичкозе шудесь ляй, тя ляйть туркс тифоль седня, а седть маласа тяри лебонть туркс путфтольхть ялга молемс кафта олгонят. Кда лац-ряц моли ломанць. то можна ётамс лебонть туркс, а кда ломанць кенордай, ся может тумс масторварять пачк.

Омбоце шиня Фрола стясь нинге сяда рана: тячи тейнза савсь молемс Лавранянди тяляма, а фкя сельме Марфац нинге сембе удось пятналангса. Штась-тись Фрола, а сямольде озондсь шкайти и пшкядсь Марфанди:

— Марфа, а Марфа, мон тячи аф молян Лавранянди тяляма.

Марфа эстокиге кодак комоти пятналангста, кодак вачкодьсыне кядензон и мярьги:

— А мон мярьган, архт! Кода стане аф молят?

Фрола ащесь аф куватьс и тага мярьгсь:

— Ну мон ина катк молян, а тон, Марфа, тячи ляйть тона бокс тят яка тарадонкса, катк лучи монць молян кода-кода.

— Кода стане тонць молят, а мон, што ли, кудса карман ащема? Туян и тяниёкиге кандан таратт.

— Варжак, Марфа, молемать молят, да ся олгонятнень ланга тята ётне. Кда молят, то архт лучи седть ланга.

— Кода аф стане, стаки кулхцонтте, туян и нарошна ётан олгонятнень ланга.

— Ётамать ётат, Марфа, но канфцень мархта мольхть олгонятнень ланга саворне, ватт тят шерьхконде.

А Марфа тейнза мярьги:

— А тонь кодама тевце? Мон кштизь ётан.

Аньцек кенерсь Фрола лисемда кудста, а Марфа фатясь пикскя тарадонь кандомс и тусь вири. Тоза молемста ётась сед-

нять ланга, кочкась таратт, сотозень марс и тусь ляйть ширес. Пачкодемок тяри лебонть малас, авась шятясь олгонятнень лангс и ушедсь лангсост пуворяма. Мянцевсь, мянцевсь Марфа олгонятнень лангса и мяндсь ётковаст лебонти. Сонць Марфась ваясь, а канфоц лядсь олгонятнень лангс. Ков сяда алу лебонти сувай Марфа, тов нинге сяда пяк люкай, штоба сяда курок пачкодель тартарарыти.

И вдруг эвондась стама вастс, прась луга кучкас. Ванондсь перьфпяльге: аф ня̆й, аф кули киньге. Эста Марфа тусь инголи и мусь тяйняня яння. Ваны, яннять лангса ащихть ломатть.

— Ага,— мярьги Марфа,— пяян ломатть, аньцек эф содаса, кит синь.

Шаштсь малазост: ваны, сембе крхтапат, а кучкасост фкя озада. Марфа нежедсь малазост, а озада ащись мярьги: «Вага сай Фролань фкя сельмоц, дайте срадода перьфпяли, а мон илядан». Кодак Марфа шаштсь ся озада ащи шяйтантъ малас, шяйтанць и мярьги Марфанди:

— Тон коста, Марфа, тяза повоть?

— Тага тоста, коса улень.

— Ся кода стане, тага тоста?

— А вона кода,— Марфа лаподсь шяйтантъ лангс, и шяйтанць пяк эводсь, пшкядсь Марфанди:

— Тяни коза лийфтте?

— А вона коза: аде лийфтемак, коса мон эрян.

Шяйтанць лихтезе ся варяти, куване Марфа прась тяза, и сямольде мярьги:

— Аде, фкя сельме Марфа, кундак монь пильгозон кафцьке кяттнень мархта и сяфте ся васту, коста тон сать.

Марфа кемоста кундась кафцьке кяденэон мархта шяйтантъ види пильгозонза, и шяйтанць сявозе тяри лебонть пачк. Марфа марясы, што валазяти кяденза аф кирдихть, курькснихть, сон эста, штоба аф лядомс тяри лебонть кучкас, сявсь да суксь шяйтантъ кержи кочкярязонза. Шяйтанць пяк эводсь и вишкста нотфтась инголи. Тя вишкста норхцадемать эзда курькстсть Марфань кафцьке кяденза и мянцть пейнза кочкярястонза, и лядсь Марфа тяри лебонть кучкас. А шяйтанць марязе, што теждялгодсь, ушедсь вишкста куцема вяри...

* * *

Куватьс Фрола эрясь ськамонза. Всякайкс арьсекшнезе эсь тевонц: «Кати рьвяямс, кати аф. Кда рьвяямс, то, пожалуй, нинге меки шарфты фкя сельмось, сяльде и ёфси юмафттанза. А тяфта тожа аф эряф: тонць уштт, тонць пидек и тонць муськ».

Арьсесь тяфта Фрола, а сямольде сявсь пикс, пезонза сотнесь кафта пудонь гиря и тусь ся вастти, коза ваясь Марфа. Пачкодсь Фрола тяри лебонти, шятясь олгонятнень лангс и водендазе гиряти сотф пикстъ ся вастти, коза тусь тартарарыти

Марфа. Нолдазе-тиезе пиксть Фрола, и тусь гирясь бульфса алу. Лядсь Фролань кядьс аньцек пиксть пец. Вдруг Фрола марясы, што кати-мезе токсесы пиксть. Фрола думандась: «Тя, пожалуй, кундась Марфа». И правду, ся пингста, мзярда тяфта арьсесь Фрола, куцсь вяри шяйтанць, повсь каршезонза алу нолдаф гирясь и мярьгсь:

— Тя гиряти эряви кундамс, катк куцьфтьсамазь вяри.

А Фрола марязе, што кати-мезе кундась гиряти, и кармась ускома пиксть меки. Уски и уски, ваны, гирять пилезонза кундафт кафта кятть. «Вов и таргайнь Марфань»,— мярьгсь эсь потмованза Фрола. Ваны, а тя ёфсикс аф Марфа — мезе-бди понав.

— Да ладна,— мярьги Фрола,— тяни ни все равно таргама, мезе тяза уле.— Нотфтась нинге весть Фрола и таргазе марнек тяри лебонть эзда шяйтантъ. Варжакстсь лангозонза Фрола и машtсь ёжеда, нльне прась кядьстонза пикскясь.

— Во так так,— мярьгсь Фрола,—тя таргавсь аф Марфа, а кати-кодама Проса. Месендема шта тяни? Пожалуй, эцема лебонти тя сюру конясь, катк уенди тяри лебонть эса.

А шяйтанць ваны Фролань лангс и корхтай:

— Фрола, тямак эце меки лебонти, сявомак эсь мархтот, мон тонафтте тонь парста эряма-ащема. Тон улят помещик, кда ёрат, путте оцязоркс. А фкя сельме шяйтанцень инкса тят ризна, мон ёрань сонь лихтемс, да сон суксь монь кочкярязти, и кадыне пяле ки лангс.

Фрола ламос думандакшнесь, а сяльде мярьгсь эсь таргафонцты:

— А кода тонь лемце?

— Лемозе монь Таньчутка. Пара лемозе, Фрола?

— А кода мон сяфте тонь эсь кудозон? Няйсамазь ломатть, мярьгихть: «Мезе тяфтама Фрола вяти?»

— Да мон ломанти аф няеван, а кда эряван тейть, тон мярьк аньцек валцень.

— Ну, кда стане, то аде, примате.

— Примамак, примамак,— мярьгсь Таньчуткась,— и мон тонь тонафтте, мезе тейть эряви тиемс. Архт тон кудозт, а мон лядан тязк, и кодак мон мезе мярьган, сянь тон тик.

Фрола ашкодозе пиксонц кядь копозонза, гирянц сявозе кядь пезонза и тусь куду. Пачкодсь-тись Фрола куду, путозень кроватть алу пиксть и гирять, озась эземть лангс и кармась корхтама эсь потмованза: «Мезенди кулхцондыне мон Таньчуткать, мес ашине нолда меки пиксть лебонти, может, Марфа нинге тоса. Сон хоть фкя сельме, но ульсь тейне законнайкс, пидельпанель, а тяни кие монь инксон заботендай. Таньчуткать Лангс кода надиямс, пади, сон тиярс ни меки чёпафтсь».

Эста Таньчуткась пшкядсь:

— Мес стане корхтат, Фрола батяй, што ли, мон тонь кадыхтень, мон вакссотан. Мезе тейть надияфнень, сянь мон тиса-

Фрола варжакснесь кафта шири, но киньге ашезь няе, ильне эводсь и мярьгсь:.

— Аваняй, вага мезяма пристандафтонь эстейне. Тя тяни сасы пезень,— и ушедсь авардема, кода ава.— Юмань, юмань, тядякай, юмань, тядяй-авай, аф тяда-тонада, а эрьхконь кучф ломаньда, кода тяни эряма, кода тяни ащема?

— А вага кода,— пшкядсь Таньчуткась Фроланди,—тинь ули попонте, сонь ули стирец пяк мазы, и сон тяконя — вайме каяйхть инксонза. Мон молян суван потмозонза, тиса сонь сярядикс — пялязкс, а тон молят пчкафтсак. Сон тондедот башка киндиге аф пчкафтови, а тон воражьясак. Кодак молят сярядити и мярьгат: «Таньчутка, тясат?» Мон мярьган — тясан. Тон тага мярьгат: «Листь потмостонза». Мон лисян, сяльде мон тага тонафтте месендема.

— Ладна, Таньчутка, кода мярьгат, стане и тиян,— отвечась Фрола.

Сямольде пидесь Фрола ярхцамбяль, ярхцась и мадсь ваймама.

Варьхмодсь. Шись ульсь недляши, попсь тусь обеднянь служама, а попавась стиренц мархта кргань пяльцек нинге удость. Вдруг удомбачк попонь стирсь ювадсь вярьге вайгяльхть: «Вай, тядяй, сивомань!» Попавась пяк эводсь, комотсь вастстонза и прась кроватть эзда мастору. А ся ёткова сувась Таньчуткась попть стиренц потмос. Стясь попавась, лаподсь стиренц ланге и кармась явсема:

— Мезяма, идняй, сивонзе, мезяма юмафтонзе?

А попть стирец аньцек пря ёрясь, сязендсь кенженэон мархта эсь шаманц эса.

— Кулан, кулан, тядяй! — ащи и яфи! стенати пря.

Ламос попавась басясь эсонза, а сяльде повсть суронза стиренц пейнзон ёткс, ся порезень вярс. Попавась ювадсь аф эсь вайгяльсонза и тердсь лездома, штоба сотнемс пяляскотф стиренц. Ся ёткова прислугасна урядась посудат. Марязе попавать вайгяленц и ласькс спальняв. Кодак сувась, эстокиге няезе, што попавать кяденза вярыхть, а стирец праф кроватти и шави прянц эса. Прислугась эводсь и ювадсь:

— Мачка, мачка, месендесть? Или печкить стирцень?

Мачкась ащесь и аньцек куфкснесь, кода андонь тува, и саворне пшкядсь:

— Нюра, а Нюра, архт скорей ласьк бачкать инкса церькаву, ату стиреньке аделасамань, ватт, кода порезень сурнень — сон пяляскодсь.

Прислугась шарфтсь меки и видеста тусь церькаву.

— Бачка, а бачка, аде скорей куду, тоса арась стирце аф лац — мачкать совсем порендезе.

Попсь кадозе службанц и, кодак ульсь ризанек-мезнек, станяк тусь ласькозь куду. А Таньчуткась ся пингть попть стиренц потмоста мярьги:

— Сака, кувака шиярь, мон тонь тонафтте.

Кодак попсь сувась фталда кудозонза, варжакстсь — стирец озаф мачкать мархта серцек, и корхтакшнихть лац-ряц, кода мезевок бта ашель. Попсь варжакстсь прислуганц лангс, кона сувась мельганза и мярьгсь:

— Ай да, Нюра, мес зря васькафнят, тон тяфтак ащемдэ катфтыть монь службазень — тянкса шкайсь прощения аф максы тейть.

Ня валда меле попсь озась стиренц ваксс и кармась вадерямa шияренэон, сонць корхтай:

— Мес тяфта арась, стирняй? — а сяльде шарфтсь попавати: — А тонь мес кяттне вярыхть?

А попть авац мярьги:

— Ся пара, ванк тонць кицень.

Корхтамань шовор попть стирец шаштсь алянц ваксс, а Таньчуткась тонафты, месендема стирти.

— Мес, аляй, шиярьхне тяфтама кувакат?

— А тя тяфта эряви,— отвечась попсь.

Попть стирец кеподезень кафцьке кядензон попть пряс, ашкодозень гриванзон кядензон перьф, а Таньчуткась макссь тейнза стама вий, и сонцьке лездсь стирти. Стирсь нотфтазе попть шиярьда, прафтозе киякстъ кучкас и кармась усксемонза, кода левожень кярьме. Попсь пешкодсь шапама вайгяльхть:

— Явфтость прястон суронзон, ату сязьсыне сембе шияренень, эста мон ни попокска аф кондястян!

Ласькъсь попть прислугац церькаву и ювадсь шапама вайгяльса народти:

— Православнайхть! Айда араласть бачкать, сонь повасы стирец.

Пуромсь народсь попть кудонц малас и ваны: стирсь ульсь ластяф попть лангс, а сонь шияренза ашкотфтольхть кядензон перьф.

Сувасть попть ширес церковнай старостась, сторожсь и нинге кафта-колма таза аля. Синь валхтозь стирть попть лангста, сотнезь кроватти и корхтайхть попти:

— Бачка, эряви ардомс докторонкса, лия тиемс стирцень мархта аш мезе.

А тяка ётктъ стирть потмоса Таньчуткась и корхтай:

— Мондейне аф эряви доктор, тердесть Ефремонь Фролать.

Попсь кулезень стиренц валонзон и кучезе эсь прислуганц Фролань инкса. Мольсь попть прислугац Фроланди, шумбракстсь мархтонза и корхтай:

— Фрола патяй, монь бачкась кучемань тонь инксот, а местема — молят и содасак тонць.

Фрола, конешна, содазе, местема тердьсы попсь, и корхтай прислугати:

— Вов мезе, матаняй, архт кучк сонцень попть, мондейне эряви корхтамс сонцень мархтонза.

Прислугась шарфтсь и тусь меки. Попсь васьфтезе прислуганц нинге орта лангса и кизефтезе:

— Ну, кода, сай, што ли, Фрола?

— Аф, батюшка.

— А мес?

— Сон мярьгсь: «Архт сонцень бачкать кучк».

Попсь куфкстсь кувакаста, сувась куда эряскодозь и тусь Фролань шири. Сувась Фролань куду и корхтай:

— Шумбрат-эрят, Фрол Ефремыч!

— Шумбрат тонцьке, бачка! Етак, озак. Месть шкайсь кандонзе, бачка?

— Стане вага тевсь ащи, Фрол Ефремович, монь пяк сярятькстсь стирезе, и мон арьсяи, што тондедот башка сон аф правондафтови киндивок.

— Мон тонь тевценди, пожалуй, лездан,— отвечась Фрола,— но аньцек тяфтама тефне гиендевихть аф уцезста.

— Мзяра тят сяв, аньцек правондафтк стирезень, Фрол Ефремыч.

— А мзяра ба максолеть?— кизефни Фрола.

— Да, кода корхтайхть, аф ужяльдьса лангстон панарозеньге.

— Панарсь мондейне, бачка, кржа, панарцень ланге мон правондафтомс стирцень не могу.

— Да вдь тя, Фрол Ефремыч, аньцек валмуворкс, а мон панарда башка паршида лама максан. Колма алашане, кемонь траксоне да лама лия паршине. Монь ули, Фрол Ефремыч, кукшень золотазе.

Фрола эста мярьги:

— Но кда стане, бачка, эста архт кандыть ня золотатнень, а сямольде молян стирцень пчкафтома,

Лиссь попсь Фролань кудста и думандай: «Васькафтсыне золотатнень проклятсь и стиртьке аф пчкафтсы». Пачкодсь попсь куду, сувась калдазозонза, таргазе модать потмоста золота мархта кукшеннять, ашкодозе простыня потмос и тусь ласькозь Ефремонь Фролать шири.

— Вот и сань, Фрол Ефремыч, золоттнень кандыне, но аньцек тямак васькафта.

— Ладна, ладна, батюшка, зря аф сявсайне тонь золотатнень. Кода мярьгонь, стане и ули.

Сявозе Фрола попть кядьста золота мархта кукшеннять, а попти мярьгсь:

— Ну, батюшка, тяни тон архт кудозт и аноклак стирцень.

Попсь тусь, а Фрола седялу шувсь лотка и прдазе тоза золота мархта кукшеннять. А сяльде щазе лангозонза суманенц и тусь видеста попть пяли. Мзярда Фрола пачкодсь тоза, ся пингста попсь сувафтозе стиренц башка комнатас и озафтозе стул ланге. Сувась Фрола ся комнатати, коса ащесь стирсь, шумбракстсь стирть мархта и мярьгсь попти:

— Ну, бачка, тяни кадомасть минь тяза аньцек кафонек.

Попсь сюконясь Фроланди и лиссь. Фрола илядсь стирть мархта, кундазе кядьта и пшкядсь:

— Сярядят, стирняй?

— Да, сярядян, Фрола патяй.

— Ерат пчкамс, стирняй?

— Пяк, Фрола патяй!

Фрола комась стирть бокозонза и кармась кулхцóндома, а сяльде ушедсь кизефнема:

— Таньчутка, тясат?

— Да, тясан, Фрола патяй!

— Эста мярьган тейть, листь стирть потмоста!

— Сейчас лисян, Фрола патяй,— отвечась Таньчуткась.

Сон лиссь попть стиренц потмоста, эста стирсь стясь вастстонза и тусь кухняв аляпцты, а Фрола пращась сембонь мархта и тусь эсь кудозонза. И попть стирец сяда меле правондась ёфсикс.

Сяда меле, кодак правондафтозе попть стиренц, Ефремонь Фролась кармась эряма козяста. Воражьянь славац сонь пачкодсь перьфпяли, кармасть усксема тейнза хворайхть сембе васттнень эзда, и Фрола синь пчкафнезень. Тя тевса лезнесь тейнза Таньчуткась. Весть Таньчуткась и корхтай Фроланди.

— Тяни вага мезяма, Фрола патяй, может, тонь мялезт афи туй, но тяфта эряви. Тяни тон козякодоть, и тейне тянкса аст спасиба, а сяда тов вов мезе: тяста пяк ичкозе эряй фкя король. Тя корольть ули пяк мазы стирец, лемоц сонь Елизавета. Так вот, мон суван тага сонь потмозонза, а кота недляда меле кулофтса и сявса эстейне рьвакс. Кда сави тейть молемс сонь пчкафтомонза, то тят яка, мон сонь потмостонза аф лисян.

Азомок ня валхнень, Таньчуткась тусь.

Оцю ведь трваса ульсь перяф оцю кирпицень стена, а потмосонза ульсь колма этажса оцю куд. Тя кудть инголе кассть сери шуфтт, а кудть эзда сяда тов озафнефтольхть марлюфт. Садть эзга тифтольхть кинят, а кинятне ацафтольхть тюжя шуварса, и ваксозост тифтольхть копорень нежедема мархта скомнят: тя садти лисендель семьянц мархта гуляндама корольсь.

Эрьхтезь шобдава солдаттне пайгть кафксокстъ, арсесть вастоваст синь, а сторошне и корольть сембе прислуганза ванцть корольть кудонц ширн. Шись ульсь мани. Менельть эса ашель фкявок туцяня. И вот корольсь лиссь семьянц мархта гуляндама саду, ётасть шуварса ацаф кинятнень ланга, и корольсь королеванц мархта озасть эземнять лангс, а стирьсна, Лизась, кармась панчфонь кочкама. Вдруг срхкась вишке варма, кеподсь давол и сяда пяк шуфттне кармасть увнама. Эста корольсь варжакстсь перьфпяльге и ювадсь:

— Лиза, сак куроконе малазонк, ату нинге шуфта прай лангозт.

Ласькс корольть стирец и озась алянц и тядянц ваксс. Аньцек кенерсь Лизась озамс, Таньчуткась эстокиге сувась потмозонза. Лизась комотсь вастстонза и прась алянц ланге ёжефтома. Аньцек кенерсь азомс: «Кулан, аляй».

Корольсь ашкодозе стиренц и кизефнесы: «Мезе мархтот тиевсь, стирняй?»

А стирец аньцек кафта пяли прянц ёряй. Корольсь серьгядезень прислуганзон и мярьгсь кандомда стирть куду, а сяльде тердсь доктор. Кувать лечиндасть корольть стиренц эса, а Лизась стаки ашезь правондафнев. Эста корольсь пуроптозень сембе советниконзон и кармась кизефнемост: аф содайхть ли синь стама ломань, кона пчкафтолезе сонь стиренц.

Лама корхтасть советниконза, но стама ломань ашесть куленде. Эста стясь фкя сире чиновник и мярьгсь:

— Монь ули фкя знакомаезе, сон служай попокс, и вов ся попть стирец тяфта жа хворайготкшнесь и ашезь правондафнев киндинге. И вот сяка жа велеста мувсь кати-кодама воражья, и ся правондафтозе.

Корольсь кильтьфтсь тройка алаша и кучезе чиновниктъ воражьять вешема.

— Ся воражьяфтома штоба тят сашенда. Кда аф согласиндай самс, то сявк вихца.

Недляшиста Ефремонь Фролать кудонц инголи ардсь тройка алаша. Валгсь тарантасть эзда Фролань ширес баяр. Фрола ся пингста как раз ащесь кудса, ашезь кенере кяшемс. Сон пяк лац содазе, што тя тройкась ардсь корольть эзда, штоба сявомс стиренц правондафтома. Но Фрола содазе, што Таньчуткась стирть потмоста аф лиси.

— Ну, Фрол Ефремович, эряскотт мархтон, сяфте корольть стиренц пчкафтома.

Тиемс Фроланди ашель мезе, савсь тумс. Озась Фрола корольть тарантасс, кода баяр, и тусть. Недляда меле Фрола ардсь корольть дворецс, васьфтезе нинге куцематнень лангса сонць корольсь и корхтай Фроланди:

— Кда пчкафтови стирезе, Фрол Ефремович, то сяфте эстейне овкс, а кда аф пчкафтсак, кярса пряцень.

Эста Фрола корхтай корольти:

— Тяни аде няфтьк сяряди стирцень.

Сявозе корольсь Фролань кядьта и сувафтозе ся комнатати, коса ульсь сяряди стирец и докторхне. Кодак сувась Фрола комнатати, эстокиге стирсь пешкодсь мезе ули вийса:

— Ворде тяста сембе, мон аф правондафтован киндинге!

Тя, конешна, пешкодсь аф стирсь, а потмосонза Таньчуткась, тянь мархта азондозе Фроланди, што тейнза стирсь аф пчкафтови.

Мзярда сувась Фрола комнатати, эстокиге мярьгсь корольти:

— Тяни вов мезяма, панить тяста сембе докторхнень и сембе прислугатнень, мон лядан стирцень мархта ськамон.

Кучезень корольсь комнатать эзда сембонь, и лиссь сонцьке. А Фрола озась Лизать ваксс и кармась кизефнема:

— Кунара сярядят, Лиза?

Стирсь мярьги:

— Кунара ни.

А корхтакшнемда меле Фрола мярьги:

— Таньчутка, тон тясат?

— Да, тясан,— кяжиста пшкядсь Таньчуткась.

Фрола тага ювадсь:

— Листь стирть потмоста, Таньчутка!

А Таньчуткась корхтай:

— Аф лисян, ашень мярьгонде вдь тейть самда! Аф лисян!

Фрола крутаста шарфтсь кенкшть шири, и сонць ювадсь:

— Сейчас тердьса фкя сельмоть! Мон Марфань ускине мархтон, содайне, што тон кармать ахальничендама.

Аньцек тяфта мярьгсь Фрола, эстокиге Таньчуткась корхтай:

— Пожалуйста, тяк терне, Фрола патяй, сейчас лисян, но лисемстон страсть няфтян и туян эсь эряма-ащема вастозон.

Эста Фрола мярьги:

— Ну, давай листь, мон аф тердьса фкя сельмоть.

Вдруг торазевсь кодама-бди атям, дворецонь сембе кенкшне ляцсть петляста, сязевсь оцю залонь поталаксь, и тусь нечистай силась кожфти. Кода придворнайхне, а стане жа и корольсь шуфтомсть. А Фрола ащесь стирть ваксса и корхтась тейнза:

— Лиза, тят пеле, тяни пчкат.

Мзярда састь сембонь ёжесна, корольсь аванц мархта мольсть Фролань и стирть ваксс и кармасть Фролань шнама и сияк азозь, што тяни Фрола должен рьвяямс Лизать лангс.

Эряскофтозь Фролань акша панарса, карксазь мазы кушакса цёка мархта, повоц нолдаф алу. Фрола арась корольти овкс.

ЗЛАЯ ЖЕНЩИНА

В маленькой деревушке, около мостика на бугорке, стоял одинокий домик. Домик этот был уже гнилой, все углы его давно разрушились, а сам он от старости согнулся. Чтобы не развалился совсем, был он со всех сторон обставлен деревянными подпорками и обмазан глиной. Позади домика стоял ивовый плетень и больше ничего не было. В этом домике жили-были Фрол Ефремович и его жена Марфа. Жена Фрола была ширококостная и красивая, если бы были целы оба глаза. Но хоть и осталась Марфа без глаза, характер ее от этого не изменился. Она всегда делала то, чего не хотел Фрол, поступала всегда наоборот.

Однажды утром Фрол встал и говорит Марфе:

— Марфа, затопила бы ты печку да скоренько сварила картошку: мне нужно поесть да идти на работу!

Марфа встала, села на край печки и, как собака, стала огрызаться.

— Жрать, что ли, захотел? А я вот не затоплю печку и не сварю картошки.

Фрол и говорит ей:

— Марфа, иди хоть водички принеси.

— И воды не принесу, и ничего не сделаю.

Сильно рассердила Марфа своего Фрола. Выругался нехорошими словами Фрол и опять молвил:

— Коли не хочешь, так и не ходи, одноглазая сатана!

Только он сказал, Марфа спрыгнула с печи, встала против Фрола и, уперев руки в бедра, ответила:

— Я хоть и одноглазая сатана, а тебя слушаться не буду — сейчас пойду и принесу воды.

Марфа схватила вёдра и побежала за водой. А Фрол в это время сидел и думал: «Вот, оказывается, можно заставить одноглазую работать. Нужно всегда ей говорить противное, тогда скорее сделает».

Тем временем Марфа принесла воды, поставила вёдра на скамью, а сама полезла на печь. А Фрол посидел малость и опять заговорил:

— Ну вот что, одноглазая, не затопляй печку и не вари картошку.

Спрыгнула Марфа с печки, взяла спички, затопила печь, сварила картошку и поставила на шесток. Фрол сел за стол и говорит Марфе.

— Хоть ты и сварила картошку, но на стол не ставь ее.

Марфа тут же схватила чугунок с картошкой, поставила на стол и говорит:

— Жри, чтоб ты подавился!

— Не буду есть,— говорит Фрол.

— Нет, жри,— настаивает Марфа.

Поел как следует Фрол и подошел к ведру напиться. Зачерпнул кружку воды и начал пить, а Марфа схватила ведро с водой и вылила ему на голову, приговаривая:

— Пей, пей, пей, чтоб тебя разорвало!

Очень рассердился Фрол на одноглазую жену и думает, как бы избавиться от неё. Думал-думал и надумал: «Ведь этой сатане место есть совсем близко: за мостом, в трясине». Недалеко от домишка Фрола протекала речушка. Через нее был построен мостик, а через трясину для пешеходов были перекинуты две жердочки. Если проходить осторожно, то ещё пройдешь, если же будешь торопиться, то обязательно свалишься.

На другой день после ссоры Фрол встал ещё раньше: сегодня ему нужно было идти к Лаврентию молотить, а одноглазая Марфа ещё спала на печке. Умылся-убрался Фрол, а потом помолился богу и говорит Марфе:

—Марфа, а Марфа, я сегодня решил не ходить к Лаврентию молотить.

Марфа сразу как вскочит с печки, как хлопнет руками по бедрам, да и говорит:

— А я говорю — иди! Как так не пойдешь!?

Фрол подождал немного и опять заговорил:

— Ну, я, может, и пойду, может, и не пойду, а ты, Марфа, сегодня в лес за хворостом не ходи, сам лучше схожу.

— Как сам пойдешь? А я, по-твоему, должна дома сидеть? Сейчас принесу хворосту.

— Пойти, может быть, ты и пойдешь, но смотри, Марфа, через переход не ходи. Если уж пойдешь, то иди через мост.

— Как бы не так, так и послушаюсь тебя. Обязательно пройду через переход...

— Может, ты пойдешь через переход, Марфа, но с ношей переходи осторожней. Смотри не упади.

А Марфа на это отвечает ему:

— А твое какое дело? Я, может, плясать буду на жердочках.

Только успел Фрол выйти из дома, а Марфа схватила веревку и пошла в лес за дровами. В лес она прошла через мостик. Набрала хворосту, перевязала его веревкой и, перекинув ношу через плечо, пошла прямо через переход. Подойдя к переходу, встала на жердочки и начала переходить, кривляясь. Кривлялась-кривлялась Марфа, поскользнулась — и провалилась в трясину, а ее ноша осталась на жердочке.

Попала Марфа на зеленый луг. Посмотрела вокруг, ничего не видать, ничего не слыхать. Тогда она пошла вперед и напала на узенькую тропку. Смотрит, а на тропинке сидят люди.

— Ага,— говорит Марфа,— вижу людей, только не знаю их.

Подошла ближе, слышит: все говорят, а один сидит в середине и молчит. Подошла Марфа ещё ближе, а человек, сидящий в середине, и говорит:

— Вот идет одноглазая жена Фрола. Разойдитесь-ка вы все кто куда, а я останусь здесь.

Как только подошла Марфа к тому сидящему черту, он и говорит ей:

— Марфа, откуда ты попала сюда?

— Все оттуда, где и была...

— Это как же так: всё оттуда?

— А вот так,— и Марфа навалилась на черта всей своей тяжестью. Черт испугался, даже крикнул не своим голосом:

— Теперь куда тебя вывести?

— Вот куда: вынеси меня туда, где я живу.

Черт притащил Марфу на то самое место, где она провалилась, и говорит:

— Идем, одноглазая Марфа. Уцепись обеими руками за мою ногу, я вынесу тебя туда, откуда ты пришла.

Уцепилась Марфа обеими руками за правую ногу черта, и он потащил ее сквозь трясину. Почувствовала Марфа, что руки скользят по чертовой ноге, и, чтобы не оторваться, взяла да и уцепилась зубами черту в левую пятку. Испугался черт, рванулся что есть силы вперед. От сильного толчка соскользнули Марфины руки, отцепились от пятки зубы, и осталась Марфа в трясине. А черт, почувствовав облегчение, быстро стал подниматься вверх...

* * *

Фрол долго жил один. За это время он много передумал, много думал и о себе: жениться ли, или холостым жить. Если жениться, может попасть опять одноглазая жена, тогда совсем изживет. А жить бобылем — тоже нет расчёта: сам топи печку, сам готовь пищу, сам стирай бельё.

Фрол рассудил свое дело так: достал веревку, привязал к концу верёвки двухпудовую гирю и отправился на место, где случилась беда с Марфой. Дошел до трясины, встал на жердочку и спустил веревку с привязанной к ней гирей в тартарары. Пошла гиря ко дну. Остался в руках Фрола только кончик веревки. Вдруг Фрол почувствовал, что кто-то внизу дергает веревку. Фрол думал, что за гирю уцепилась Марфа. На самом деле черт столкнулся с гирей, идущей вниз, и сказал:

— Ага, за эту гирю надо уцепиться, пусть вытащат меня наверх.

А Фрол почувствовал, что кто-то уцепился за гирю, и стал тянуть ее обратно. Тянул-тянул веревку и смотрит: за ушко гири держатся две руки.

— Вот и вытащил Марфу,— сказал про себя Фрол. Посмотрел как следует и видит: это совсем не Марфа, а что-то лохматое, страшное.

— Ну, да ладно,— говорит Фрол.— Теперь уж всё равно, кто бы там ни был.

Дернул ещё раз, выскочил из трясины черт. Посмотрел Фрол на черта и обезумел, даже веревка из рук выпала.

— Вот это дело,— молвил Фрол,— оказывается, я вытащил не Марфу, а какую-то Прасковью. Что мне теперь делать? Пожалуй, придется обратно затолкать этого рогатого, пусть лучше там плавает.

А черт смотрит на Фрола и говорит:

— Фрол, не толкай меня обратно в трясину, возьми меня с собой, я тебя научу, как нужно жить богато. Ты можешь быть барином, а если захочешь — будешь царем. А об одноглазой сатане не тужи, я хотел ее вытащить, а она укусила меня за пятку, и я бросил её на полпути.

— А как тебя зовут?

— Меня зовут Танчуткой. Хорошее имя, Фрол?

Фрол спросил ещё:

— А как я тебя возьму в дом? Люди увидят и скажут: «Кого Фрол ведет?»

— Я невидим буду. А если понадоблюсь тебе, ты только назови мое имя,— ответил на это Танчутка.

— Ну, коли так, приму тебя.

— Прими, прими,— говорит ему Танчутка. Я тебе расскажу, что ты дальше должен делать. Ты пойдешь сейчас домой, а я останусь здесь. Что я тебе скажу, то ты и делай.

Фрол смотал свою веревку, взял гирю за ушко и пошел. Пришел домой, веревку и гирю сунул под кровать, сел на скамью и стал разговаривать сам с собой: «Зачем я послушался Танчутку, почему не спустил обратно гирю в трясину? Может быть, и Марфа ещё жива? Она хоть и одноглазая, но ведь моя законная жена, она варила, стирала на меня, а теперь кто обо мне позаботится? Как можно положиться на этого Танчутку?». Тогда Танчутка отозвался:

— Почему ты так думаешь обо мне, братец Фрол, разве я тебя покинул? Я здесь вместе с тобой. Что обещал тебе, все будет исполнено.

Фрол оглянулся по сторонам, но в доме никого не было. Фрол испугался и сказал:

— Мать моя родная, какого жильца я приютил. Этот жилец теперь совсем изживет со света,— и принялся вопить, как женщина.— Пропал, пропал я, матушка, пропал, родимая, ни от чего другого, а от озерного человека. Как теперь жить, что мне делать?

— А вот как,— сказал Танчутка,— у вас в селе есть поп, у этого попа есть красивая дочь, она у него единственная. За нее поп душу отдаст. Сегодня я пойду к этому попу, войду в нее и сделаю ее душевнобольной, а ты пойдешь ее лечить. Кроме тебя, никто ее не сможет вылечить. А ты вылечишь так: как только придешь к больной, тут же скажешь: «Танчутка, ты здесь?» Я скажу: «Здесь». А ты опять скажешь: «Выходи вон отсюда!» Я выйду, а дальше тебе скажу, что нужно делать.

— Ладно, Танчутка, как скажешь, так и сделаю,— ответил Фрол.

Фрол сварил себе поесть, пообедал и лег отдохнуть. Рассвело. День был воскресный, поп пошел служить обедню, а матушка с дочерью в обнимку все ещё спали. Вдруг спросонья крикнула поповская дочь не своим голосом: «Ой, мама, погибла я!» Матушка спрыгнула с постели и от испуга упала на пол.

Поднялась с пола матушка, прижала к груди свою дочь и начала вопить:

— Что, деточка, с тобой приключилось? Что, родная, с тобой сделали?

А поповская дочь бросалась во все стороны, рвала ногтями свое лицо и приговаривала:

— Умираю, умираю, маменька!— А сама бьётся головой об стенку.

Долго попадья успокаивала свою дочь, а она вцепилась зубами в ее пальцы и укусила их до крови. Вскрикнула попадья не своим голосом и позвала на помощь, чтобы привязать больную к кровати. На кухне прислуга убирала посуду. Услышала попадью и прибежала в спальню. Как только вошла, сразу заметила, что пальцы попадьи в крови, а дочь лежит на кровати и бьётся. Испугалась прислуга и спрашивает попадью:

— Матушка, матушка, что случилось? Или ты зарезала свою дочь?

А попадья лежит неподвижно, как откормленная свинья, и стонет.

— Нюра, а Нюра, иди скорей в церковь за батюшкой, а то дочь убьет меня. Видишь, прогрызла мне пальцы: она обезумела.

Прислуга оделась и пошла в церковь. Раздвигая на пути молящихся людей, дошла она до алтаря и позвала попа:

— Батюшка, а батюшка, идем скорее домой, что-то с дочерью неладное сделалось — укусила матушку.

Поп бросил службу и, как был в ризе, так и побежал домой. А Танчутка в то же время говорит себе: «Иди, иди, долгогривый, я тебя проучу». Вошел поп в спальню дочери, посмотрел кругом, а дочь сидит как ни в чем не бывало и мирно разговаривает с матерью. Поп посмотрел на прислугу, которая тоже вошла вслед за ним, и говорит:

— Ай, Нюра, почему ты обманываешь? Я бросил богослужение, за это бог тебя никогда не простит.

Поп подсел к дочери и стал гладить ее волосы, приговаривая:

— Что с тобой случилось, доченька?

А потом обратился к матушке:

— А почему у тебя рука в крови?

А попадья отвечает:

— Ты смотри сам не попадись.

Девушка начала разглядывать поповские ризы, а потом спросила отца:

— Папа, почему у тебя такие длинные волосы?

— А это так нужно, дочка,— отвечает поп.

Дочь подняла руки к голове отца, закрутила волосы на пальцы, дернула попа за волосы, повалила его на пол и стала таскать, как чучело. Крикнул поп благим матом, а потом стал просить:

— Отцепите от моих волос ее руки, иначе оставит меня совсем без волос, тогда и в попы не сгожусь.

Побежала прислуга в церковь и крикнула народу:

— Православные! Идите помогите батюшке, его там душит дочь.

Прибежал народ к поповскому дому и смотрит: дочь сидит верхом на попе, а его волосы намотаны на ее руке.

В дом вошли церковный староста, церковный сторож и ещё два-три сильных человека. Сняли дочь с попа, привязали ее к кровати и говорят попу:

— Батюшка, нужно съездить за доктором, иначе делать с ней нечего.

А Танчутка за девушку отвечает:

— Мне доктора не надо, позовите Ефремова Фрола.

Выслушал поп просьбу дочери и послал прислугу звать Фрола. Пришла прислуга к Фролу, поздоровалась с ним и говорит:

— Дядя Фрол, меня послал за тобой батюшка, а зачем — придешь узнаешь.

Фрол, конечно, знал, зачем зовет его поп, и говорит:

— Вот что, милая, иди обратно и пошли самого попа. Мне нужно поговорить с ним лично.

Прислуга пошла обратно. Поп встретил ее у крыльца и спросил:

— Ну, как, придет или нет?

— Нет, батюшка.

— А почему?

— Он говорит: «Иди, пошли самого батюшку».

Поп тяжело вздохнул, вошел в избу, оделся и пошел к Фролу. Вошел он к Фролу и говорит:

— Здравствуй, Фрол Ефремович!

— Здравствуй, батюшка! Проходи и садись. По какому делу бог принес, батюшка?

— Дело обстоит вот так, Фрол Ефремович. У меня сильно заболела дочка, и я думаю, что, кроме тебя, ее никто не вылечит.

— Я, пожалуй, помогу твоей беде,— ответил Фрол попу.— Но такие вещи даром не делаются.

— Проси, сколько хочешь, но только вылечи дочь, Фрол Ефремович.

— А сколько бы ты дал?— говорит Фрол.

— Да, как говорится, последнюю рубашку с себя не пожалею.

— Нет, батюшка, рубашки мало, за рубашку лечить не буду твою дочь.

Растерялся поп, но тут же сказал Фролу:

— Да ведь это, Фрол Ефремович, только так говорят, у меня кроме рубашки добра хватит: три лошади, десять коров, да ещё и другое добро. У меня, Фрол Ефремович, спрятан кувшин золота.

Тогда Фрол и говорит:

— Ну, если так, то иди принеси это золото, а после приду лечить твою дочь.

Вышел из избы поп и думает: «Выудит, проклятый, мое золото и дочь не вылечит». Но выкопал из земли кувшин с золотом, завернул его в простыню и побежал звать Фрола. Пришел к Фролу и говорит:

— Вот и пришел, Фрол Ефремович, золото принес, но только не обманывай меня.

— Ладно, ладно, батюшка, зря не возьму твое золото. Как сказано, так и будет.

Взял Фрол кувшин с золотом и говорит попу:

— Ну, батюшка, теперь ты иди домой и приготовь свою дочь.

Поп ушел, а Фрол полез в подпол, вырыл там яму и спрятал туда кувшин с золотом. Надел он свой зипун и пошел к попу. Поп привел свою дочь в отдельную комнату и посадил на стул. Зашел Фрол в эту комнату, поздоровался с ней, а попу говорит:

— Ну, батюшка, теперь оставь здесь нас вдвоем.

Поп поклонился Фролу и вышел. Фрол взял поповну за руку и спросил ее:

— Болеешь, дочка?

— Да, болею, дядя Фрол.

— А выздороветь желаешь?

— Очень, дядя Фрол.

Фрол приставил ухо к её груди и стал выслушивать, а потом спрашивает:

— Танчутка, ты здесь?

— Да, здесь, дядя Фрол!

— Тогда я тебе приказываю выйти вон!

— Сейчас выйду, дядя Фрол,— ответил Танчутка.

Покинул Танчутка поповскую дочь, а Фрол ушел домой.

После того как вылечил поповскую дочь, Фрол Ефремович стал жить богато и повсюду прославился. К нему стали привозить больных со всех краев, а он их вылечивал: в этом ему помогал Танчутка. Однажды Танчутка и говорит ему:

— Теперь вот что, дядя Фрол. Может быть, тебе это и не понравится, но так нужно. Ты разбогател, и за это должен благодарить меня. Так слушай: очень далеко отсюда живет один король. У этого короля есть красивая дочь, звать ее Елизаветой. Через шесть недель я умертвлю ее, а потом возьму за себя замуж. Если случится, тебя позовут лечить ее, ты не ходи: я не выйду из нее.

Сказав это, Танчутка скрылся.

На берегу большой реки была высокая кирпичная стена. За стеной построен трехэтажный дом. Против этого дома росли высокие деревья, а подальше был раскинут сад. В саду — дорожки покрыты желтым песком, а по краям — скамейки со спинками. Каждое утро в этот сад выходил король с семьей гулять.

Утром ударили солдаты в колокол восемь раз, выстроился караул, сторожа, прислуга. День ясный, на небе ни облачка. Вышел король со своей семьей в сад гулять. Прошлись они по песчаным дорожкам, а потом король со своей королевой сел на скамью, а их дочь Лиза стала собирать цветы. Вдруг подул сильный ветер, поднялась буря, даже деревья стали шуметь. Король и крикнул:

— Лиза, иди скорее сюда, а то может свалиться дерево и задавить тебя.

А этот ветер неспроста — это вошел в сад Танчутка. Только успела Лиза сесть, Танчутка вошел в неё. Лиза подпрыгнула и упала на руки своего отца, только и успела сказать: «Папа, умираю».

Король обнял её и начал спрашивать:

— Что с тобой случилось, доченька?

А дочка в судорогах билась на его руках и ничего не говорила. Король позвал прислугу и приказал отнести её в дом. А потом позвали доктора. Долго лечили больную, но Лиза так и не выздоравливала. Много докторов приглашал король, но вылечить ее никто не мог. Тогда король собрал всех своих чиновников и стал их спрашивать, не знают ли они такого человека, который сумел бы вылечить его дочь.

Долго совещались чиновники, но такого человека никто не знал. Потом поднялся один старый чиновник и сказал:

— У меня есть один знакомый, он служит попом. И вот у этого попа дочь также в одно время заболела, и вылечить ее никто не мог. А вот в этом же селе нашелся какой-то ворожея и вылечил ее.

Король тут же приказал запрячь тройку лошадей и отправил чиновника за этим человеком. Когда провожал в путь чиновника, сказал ему:

— Без этого человека не приезжай обратно. Если он не согласится приехать, возьми его силой.

В воскресный день к дому Фрола Ефремовича подкатила тройка. Слез с тарантаса барин и вошел в дом Фрола Ефремовича. Фрол был как раз дома, не успел спрятаться. Он знал, что эта тройка прибыла за ним от короля. Но Фрол также хорошо знал о том, что Танчутка ему не уступит дочку короля. Посланник короля сказал:

— Ну, Фрол Ефремович, собирайся, я повезу тебя лечить дочку короля.

Фролу делать нечего, нужно соглашаться. Уселся он в тарантас, как барин, и тройка его умчала. Через неделю Фрол подкатил ко дворцу, а король ждал его, даже встречать вышел на крыльцо и говорит ему:

— Если сумеешь вылечить мою дочь, Фрол Ефремович, то возьму тебя в зятья, а если не вылечишь, срублю голову.

Фрол на это говорит королю:

— Ну, пойдем, покажи твою больную.

Король взял Фрола под руку и привел его в ту комнату, где была больная. Как вошел Фрол в комнату, тут же больная крикнула не своим голосом:

— Уходите отсюда все, меня никто не сможет вылечить!

Это, конечно, говорила не она, а говорил за нее Танчутка. Этим самым он предупреждал Фрола, чтобы он не лечил больную. Фрол сказал королю:

— Теперь вот что: попроси отсюда всех твоих докторов и прислугу, я останусь с больной один.

Король приказал всем покинуть комнату, а вслед за ними вышел и сам. А Фрол подсел к Лизе и стал ее расспрашивать:

— Давно заболела, Лиза?

Лиза ответила:

— Давно уже.

Поговорил так Фрол, а потом обращается:

— Танчутка, ты здесь?

— Да, здесь,— злобно откликнулся Танчутка.

Фрол опять говорит:

— Выйди сейчас же отсюда, Танчутка!

А Танчутка отвечает:

— Не выйду, я же не велел тебе приходить!

— Ах, так, не хочешь выйти!— Фрол повернулся к двери и крикнул:— Сейчас позову одноглазую. Я привез Марфу, я знал, что ты будешь упрямиться.

Только он это вымолвил, Танчутка заговорил другим тоном:

— Пожалуйста, прошу тебя, дядя Фрол, не зови ее. Сейчас покину и уйду к себе навсегда, но перед уходом страху нагоню.

Тогда Фрол говорит ему:

— Ну, выходи, так уж и быть, не позову одноглазую.

И вдруг загрохотал сильный гром, все дворцовые двери открылись и с петель слетели, провалился потолок в большом зале, и вырвалась нечистая сила на воздух. Все придворные и сам король как сидели на месте, так и остолбенели. А Фрол сидел около больной и все говорил:

— Лиза, не бойся, теперь будешь здорова.

Когда все опомнились, король с женой вошли в комнату дочери и стали хвалить Фрола, а также сказали, что теперь он должен жениться на Лизе.

Одели Фрола в белую рубашку, опоясали его красным кушаком с кисточками, и он стал зятем короля.

ХИТРАЯ БАБА

Эрясть-ащесть атят-бабат кафонест. Атять пяк ни сась мациень сивольда ярхцамац, и сон рамась маци, печкозе и максозе бабанцты пидемс, а сонць тусь вири пенгас. Сась меки вирьста и корхтай бабанцты:

— Баба, каяк маци лямня да маци сивольня давай.

Сонць сяконь шовор кенярдемать эзда, што кармай ярхцама маци лямняда, сакалнянц эса вадерхть, вадерхть вадеряй. А бабась кда ушеды:

— А коста тон мацить сявить, дурак атя? Или вири якамста тон пяласкодоть ни? Кодамовок маци аш.

Бабась сонць, няк, сивозе мацить атять самс, и тейнза аш мезе корхтамс. «Аш да аш маци»,— сяконь содай.

Састь атять кяженза, тага рамась маци, печкозе и максозе бабати пидемс, а сонць тусь вири. Сась вирьста и нлтай алашанцка ашезе прьгафта, эрязста куду:

— Баба, тяни ни андомак маци лямняда да маци сивольняда.

— Да тон месть омбоце шись пронямайть?— ювади лангозонза бабась.— Кодама тейть маци? Тонцень мацихне аш, а вешат маци сиволь!

Тага изь ярхцав атясь маци сивольда.

Колмоце шиня атясь тага рамась маци. Печкозе, щафтозе байдек пряс и тусь станяк велеть кувалма. Моли атясь, а народта мельганза пефтома. Сась куду и корхтай бабанцты:

— Ну, баба, тяни ни аф сёпсак, что маци рамань, сембе велесь няезе. На пидек.

Вириге изь ту атясь, учи, мзярда пидеви мацись. Сась обедшка пингсь и корхтай:

— Баба, давай ярхцатама маци сивольняда и лямняда.

А бабась мярьги:

— Тяка весть шачсь мациеньке, кода ськамонк минь сонь сивсаськ? Дай серьгядьсаськ попть. Архт тон инксонза, а мон самозт анокласа обедть.

Тусь атясь попть инкса, а бабась самозонза таргазе пянакудста мацить и сивозе ськамонза. Сась атясь попть мархта, озасть моркшть ваксс, и атясь анай бабать кядьста маци. А бабась и пшкядсь атять пилес:

— Архт пеельть шовак, ату сивольське аф керови, пяк ношка.

Лиссь атясь пеелень шовама мяк пирьфи, а сембе сяка куду маряви, кода вжняфнесы пеельть брускять ланга.

Попсь кизефнесы бабать:

— Мезе стане атясь тоса тиенди?

— Пеельть, бачка, оржаптсы, тонь ёрай печкомс.

Попсь фатязе шляпанц, кеподезень щамонзон мяк каркс-эземс да ласькозь куду. Атясь сувась и мезе няи: попсь кенкшкава, кода варма, лии, ласьки.

— Мезе тяфта, баба, тиевсь?

— Мезе, мацить долгогривайсь салазе.

Атясь ласькозь попть мельге, кядьсонза пеелец, а сонць пешкоды:

— Ёрдак мацить, печкте!

А попсь сембе ласьки и ласьки. Пачкодсь куду, варжазень— понксонза начкт. Атясь ласькс попть вальмалу и пешкоды:

— Дай мацить, печкте, долгогривай.

Попсь — аксялу и кяшсь уженяс.

Стане атясь таки изь ярхцав мациень сивольда.

ХИТРАЯ ЖЕНА

Жили-были вдвоем старик со старухой. Старику очень захотелось поесть гусятины, и он купил гуся. Купил он гуся, зарезал и отдал его жене варить, а сам уехал в лес за дровами. Вернулся он из леса и говорит жене:

— Жена, налей супу и мяса гусиного дай.

Сам радуется, что скоро будет есть суп с гусятиной. Бороду поглаживает. А жена как начнет:

— А откуда ты гуся выдумал, старый дурак? Или по дороге в лес у тебя в голове помутилось? Никакого гуся нет.

Жена до прихода старика съела гуся, ей больше нечего говорить. «Нет да и нет гуся»,— знай твердит. Рассердился старик, опять купил гуся, зарезал его и отдал жене, а сам поехал в лес. Приехал он из леса и лошадь не распряг, скорее домой.

— Жена, теперь уж накормишь меня супом с гусятиной.

— Да что ты меня второй день донимаешь?— кричит на него жена.— Какой тебе гусь? Гусей у тебя своих нет, а просишь гусиного мяса!

Опять старик не поел гусятины.

На третий день старик опять купил гуся. Зарезал его, проткнул палкой и пошел вдоль села. Идет старик, а народу за ним без конца. Пришел он домой и говорит жене:

— Ну, баба, теперь не утаишь, что я гуся купил: все село видело. На, свари его.

В лес старик не поехал, ждет, когда гусь сварится. Настал обед и говорит жене:

— Жена, давай есть.

А жена отвечает:

— Раз у нас появился гусь, давай попа пригласим. Ступай за ним, а я до твоего прихода обед приготовлю.

Старик ушел за попом, а жена вынула из печки гуся и съела. Пришли старик с попом, сели за стол. А жена шепнула старику в ухо:

— Ступай нож наточи, а то мясо не разрежешь, тупой очень. Вышел старик нож точить во двор, но и в доме слышно, как он нож точит.

Поп спрашивает старуху:

— Что там старик делает?

— Нож, батюшка, точит, тебя хочет зарезать.

Схватил поп шляпу, поднял свою рясу до пояса — и бегом домой. Вошел старик, видит: поп в двери, как ветер, выскочил.

— Жена, что случилось?

— Что? Долгогривый гуся украл.

Бросился старик за попом, в руках у него нож, а сам кричит:

— Брось гуся, а то зарежу тебя!

А поп все бежит и бежит. Добежал он до дома, пощупал — портки мокрые. Старик прибежал под окно к попу и кричит:

— Отдай гуся, а то зарежу, долгогривый.

Поп под лавку спрятался в уголок.

Так и не поел старик гусятины.

ГЛУПАЙ БАЯР

Весть баярсь кучеронц мархта тусь охотас. Молемста кизефнесы кучеронц:

— Азк мондейне, кинь ёткса сяда лама дуракта: простой алятнень или баярхнень?

— Аф содаса,— отвечась кучерсь.— Мярьгомс, баярхнень ёткса — обижасайть, мярьгомс, простой алятнень ёткса — аш мезенкса.

Каршезост сай сире атя, прясонза кели лента мархта шляпа.

— Кизефтьк тя атять,— мярьгсь кучерсь,— сон содасы.

Баярсь кизефтезе. Атясь корхтай:

— Простой алятнень ёткса пялесна ёнюфт, омбоце пялесна тожа аф дуракт; баярхнень пялесна — пялес прявихть, омбоце пялесна — прявийфтомот.

Токазь алашаснон и туеть ардозь. Мольсть-мольсть, баярсь и думандай: «Аф лац сон отвечась». Кизефнесы кучеронц, што кода отвечась атясь, пожалуй, аф ёфсикс виде.

— Баярхнень колга, пожалуй, аф лац мярьгсь — волясь сонь, месендят,— корхтай кучерсь.

— Давай арттама меки и жарендасаськ локшеса копоренц!

Но тона атясь угадявсь аф сондедонза глупай. Ваны, баярсь мельганза пани, сон шляпанц ёрдазе боку, одёжанц лангстонза каязе и шарфтсь меки каршезост ласькозь шляпафтома. Баярсь лоткафтозе сонь и кизефнесы:

— Ашеть няе стама атя: прясонза лента мархта шляпа?

— Няемать няень, да кати-мес сон пяк ласьки,— корхтай атясь.

— А тейть аф сатови сон?— кизефтезе баярсь.

— Ялга аф сатови, а алашазе аш, алашаса ластя сатолине.

Баярсь корхтай кучеронцты:

— Макск тейнза пристяжнойть, катк сатсы.

Атясь ардсь-ардсь ластя колмошка-нилешка вайгяльбе и думандай: «А вдь виде, баярхне дуракт. Молян тага весть васькафтса».

Шаркстась меки. Баярсь кизефнесы:

— Ну, кода, сатыть атять или аш?

— Сатнемс сатнине, аньцек тумс ашезь тув: мон ластя туян — сон ляды, сонь озафтса — монь кадсамань.

Баярсь корхтай кучеронцты:

— Макск омбоце алашать, катк усксы атять!

Атясь сявозе омбоце алашатьке и тусь.

Ащесть-ащесть шоподемс баярсь кучеронц мархта — аш атясь. Баярсь кизефнесы кучеронц:

— Тяни азк тейне, крандазсь сяда стака ускомс или дугась кандомс?

Кучерсь шарьхкодсь, малость думась, азозе:

— Крандазсь сяда тёждя, сон шары лангса, а дугась лангсот эряви кандомс.

Баярсь согласиндась крандазть ускомс. Баярсь уски ливозь-пар потмоса тележкать эса, а кучерсь илядсь меколи, уфксни, бта пяк стака кандомс дугась.

Пачкодсть имениянц малас, баярсь корхтай:

— Варжак пайгонятнень тяйть кальдерьфте, тямазь маря куду сувамста.

Кучерсь сявсь да ортава сувамста пайгонятнень нарошна кальдерьгофтозень. Кудста лиссть сембе вазьфтома: баярсь сай. Ваныхть — баярсь ливозь-пар потмоса ажиятнень ёткса.

— Батюшки! — ювадсть васьфтихне. — Тя аф баярсь. Тя кати-коста шяйтан кучерсь кильдсь!

ГЛУПЫЙ БАРИН

Однажды барин со своим кучером поехал на охоту. Дорогой спрашивает кучера:

— Скажи мне, где больше дураков: среди мужиков или среди господ?

— Не знаю, — ответил кучер. Сказать, среди господ — обидится, сказать, среди простых людей — не за что.

Навстречу им идет старик, на голове шляпа с широкой лентой.

— Спроси этого старика, — говорит кучер, — он знает.

Барин спросил. Старик отвечает:

— Среди простых людей половина умных, вторая половина тоже не дураки, из господ одна половина — полоумные, вторая половина — неумные.

Тронули лошадей и поехали. Ехали, ехали, барин и думает: «Не ладно он ответил». Спрашивает кучера, как ответил старик:

— Пожалуй, не совсем верно?

— О господах, пожалуй, неправильно сказал — воля его. Что сделаешь, — говорит кучер.

— Давай обратно поедем и отстегаем его кнутом по спине!

Но старик оказался не глупей его. Видит: барин за ним гонится, он бросил шляпу в сторону, снял с себя одежду и быстро пошел навстречу без шляпы. Остановил его барин и спрашивает:

— Не видел ли ты такого старика: на голове шляпа с лентой?

— Видать-то видел, да почему-то он очень уж бежит,— говорит старик.

— А ты не догонишь его?— спросил барин.

— Пешком не догонишь, а лошади нет, на лошади верхом я догнал бы.

Барин говорит кучеру:

— Отдай ему пристяжную, пусть догонит.

Старик скакал, скакал верхом километра три-четыре и думает: «А ведь, верно, господа — дураки. Пойду ещё обману». Вернулся он обратно. Барин спрашивает:

— Ну, как, догнал старика или нет?

— Догнать догнал, но привести нельзя его: если поеду верхом — он отстанет, его посадить — меня оставит.

Барин говорит кучеру:

— Дай ему вторую лошадь, пусть привезет старика.

Старик взял вторую лошадь и уехал. Ждали, ждали его дотемна — нет старика. Барин спрашивает кучера:

— Теперь ты скажи мне: телегу тяжелее везти или дугу нести.

Кучер догадался. Подумав немного, сказал:

— Телегу легче, она на колёсах, а дугу на себе нести надо.

Барин согласился везти телегу. Везет он телегу, весь в поту, а кучер тащится позади, кряхтит, будто очень тяжело дугу нести. Подошли близко к имению, барин и говорит.

— Смотри, чтобы колокольчики не зазвонили, чтобы не слыхали, как мы приедем домой.

Кучер взял нарочно в воротах зазвенел колокольчиками. Из дома все вышли без шапок — барин едет. Смотрят — барин весь в поту между оглоблями.

— Батюшки!— удивились встречающие.— Это не барин. Это кучер какого-то черта запряг.

ШУТ ИВАН

Фкя велеса эрясь хитрай аля, мярьгондсть тейнза шут Иван. Вов весть моли шут Иван ульцява, фкя пильгсонза паргоня, омбоцеса кептерня, прясонза сифтем. Каршезонза сайхть поп, дьякон, дьячок. Кодак няезь шут Иванонь, сембе фкя вайгяльса мярьгсть:

— Шумбрат, шут Иван! А ну-ка, шутендака мезевок.

— Мон шутендалень, да шутканень куду кадыне. Дайте молян шутканень инкса. Аньцек, бачка, тон обрядцень монь лангозон максолить.

Попсь каязень лангстонза ризанзон, марнек обрядонц и сембонь максозень, а сонць наряжась шут Иванонь щамсонза: пильгозонза щась паргоня, кептерня, а прязонза — сифтем.

А шут Иван наряжась попть ризаса-мезьса, сявозень попть алашанзон и тусь куду попокс ардозь.

Кудсонза ульсь кальдяв эльденяц. Сувась куду и корхтай рьванцты:

— Баба, шоряк эльденяти шужярнят.

Сонць кочказень коста-аф коста сембе ярмаконянзон-трошенянзон, тонгондозень алашанять потмос.

Етась аф лама врема, сайхть попсь, дьяконць и дьячоксь. Попть прясонза сифтем, фкя пильгсонза кептерня, омбоцеса паргоня. Сувасть Иванонь шири, и попсь корхтай:

— Ну, шут Иван, минь шутендафтомс тонь ёрадязь, а тон кяльготнемасть.

— Ну, а кодама нинге лия шутка эряви, кда кептерняса, паргоняса сать?

— Ну, давай каяк обрядцень.

— Ожуда, ярмакнень васенда урядасайне.

Шут Иванонь авац сявозе кяскавонц, арась алашать фталу. Шут Иван сявсь байдек, эрьхтезе алашать бока ланга. Кармасть пиярема алашать пулалда ярмакт. Няезь шут Иванонь алашанц попне, тусь мялезост. Попсь тошкась дьяконть и дьячокть мархта и мярьгсь шут Иванонди:

— Мик тя алашацень тейнек!

— Мезе мле, миса.

— А мезе питнец?

— Питнец тёжянь цалковай.

Синь думандасть колмонест и рамазь алашать 1000 цалковайда. Попсь кенярдембачк кадозень ильне шут Иванонди эсь щамонзон: пельсь грехта, што шут Иванонь алашанц рамазе уцезста. «Вдь сонь алашац пяк питни, улема»,— думандась сон эсь пачканза.

Тяда меле кармасть алашать каямонза, кинди инголи сави алашась андомс и ярмакса венели якафтомс. Савсь васенда попти. Попсь сувафтозе горенцязонза, шоряєь тейнза ярхцамс почфкя мархта тишенят и корхтай попавати:

— А ну-ка ладняс почетт почфкат и ладяк фталонза кяскавня.

Попавась сявсь кяскав и арась алашать фталу. А попсь учезе, мзярда лоткась алашась ярхцамда, да кодак вачкодьсы бокс — алашась попавать шаманц сембонь тюжалгофтозе.

Омбоце шиня мольсь попть пяли дьяконць.

— Батюшка, тон тяни давай тейне алашать, ату тон сембе ярмакнень сявсайть.

Алашать максомста попсь изезе азонда, кодама ярмакт макссь алашась.

— Коса, батюшка, кирдема тя алашась?

— Кда ярмаконкса, то горенцяса.

Дьяконць андозе горенцясонза алашать и рьванцты мярьги:

— Ладяк фталонза кяскав.

Кодак ладязе дьякон авась кяскавть алашать фталу, дьяконць эрьхтезе алашать бокс. Алашась нолдась стама варма, пргазень дьякон авать сельмонзонга.

Мекпяли шобдава сась алашать инкса дьячокське и корхтай дьяконти:

— Тяни дай тейне алашать, а то тинь сембе ярмакнень, улема, лихтесть, тейне афи кадоде.

Дьяконць отвечай:

— Илядсть, илядсть, тейтьке илядсть.

Сявозе алашать дьячокське. Горенцяц сонь аш, кудозонза сувафтозе, инголенза каясь пинемнят, арьсесь, алашась тейнза сяда лама ярмакта максы. Андозе.

— Аде, баба, давай карматама ярмаконь кочкама.

Ладясть кяскав. Кодак дьячоксь вачкодезе алашанять — рьванц сембонь валозе, а алашанясь ворьгодсь кядьстонза лугав.

— Ожу молян пеняндама, синь сембе ярмакнень сявозь, мондейне ашесть када, визькссновок аш. Ярмак пандоме ровнайста...

Пуромсть попсь, дьяконць, дьячоксь марс. Азондозь фкяфкянди, кодама ярмакт получасть алашать эзда. Думандасть шут Иванонь наказамс.

Мольсть шут Иванонь пяли. Рьвац пачат пици, кавлалонза прдаф верса пяшкотьф уфам. Шут Иван озафтозень синь пачада ярхцама. Рьвац пиди, стадонга эряскоды, а шут Иван ласькс тейнза и пеельса сялгозе уфамть. Уфамста пчкорфтсь вер, и авась прась. Пачада ярхцайхне ваныхть и думандайхть: «Эрь, печкозе авать».

Иван фатясь локшеня, кармась аванц локшеса вишкста шавомонза. Кярсь, кярсь авать эса, авац комотсь и сядонга эрязста кармась пачань пидема.

Попне корхтайхть эсь ётковаст:

— Вов так эрязста бабац пици пачат. Тя вага лац. Хи-хи-хи!— рахайхть.— Тя локшесь да тя пеельсь эрявихть рамамс.

Думандасть-думандасть, рамазь. Молемань перьф цють аф тюрихть — кажнайсь сонць ёрасыне сявомс инголи. Меле попсь мярьги:

— Кода тяда тюре-сялонда, шуфтса каясаськ.

Каязь шуфтса, инголи тага попти сатсь.

Попсь аноклафтсь люпавать кядьста пача шапакс. Стясь рьвац шобдава и пици пачат.

— Мес аф кенерят? Шут Иванонь авац колмонек андомазь и кенерсь, а тейть ськамот аф андован.

Кодак попсь аванц кавлалонза пеельть орхкадьсы, попавась пейнзон низелгофтозень.

— А-а-а! Тон нинге пеедят!— кармась рьванц эса локшеса сязема.

Эрьхтезе весть локшеса — изь стя, оду эрьхтезе — изь стя, колмоцеда эрьхтезе — изь стя. Ваны — рьвац шуфтомсь ни. Сявсь да кяшезе рьванц; сон ни шарьхкодсь, што авац пачань пидема оду аф стяй.

Сась дьяконць.

— Эх, бачка, монь пача шапаксозе шады ни. Давай скорейне.

Пеельть и локшеть сявозень куду. Кодак сась, кармась рангома аванц лангс:

— Сяда курок пицек пачат!

Дьяконь авась уставась пачань пидема, дьяконць пачада ярхцама.

— Тон мес тяфта пицят, аф кенерят? Шут Иванонь авац колмонек андомазь и кенерсь.

Дьяконць комотсь и аванц кавлалу навазе пеельть. Авац эстокиге прась, пейнзон низелгофтозень.

— А-а-а-а! Тон нинге пеедят!

Керозе локшеса колмоксть, мезевок ашезь тиев. Няйсы, авац кулось, сонга прдазе рьванц.

Сась дьячоксь.

— Дай сяда курок, вдь шапаксоньке шады.

Сявозень дьячоксь пеельть и локшенять, тусь куду. Дьячокть авац уставась пачань пицема, а дьячоксь — ярхцама.

— Мес аф кенерят пачань пицема? Шут Иванонь рьвац колмонек андомазь, а тейть ськамот аф андован.

Кодак комоти, пеельть рьванц бокозонза рнафтозе и локшеса ушедсь керомонза; керсь, керсь локшеса — авац аф стяй. Дьячоксь комотсь, тусь ласькозь попти.

— А-а-а! Тинь васькафтомасть!

— Да вдь монга печкине авазень.

— Айда дьяконти.

Мольсть дьяконти, дьяконць тожа печкозе аванц.

Ну, эста суд ашель, тусть колмонест синцень судса шут Иванонь судендамонза.

— Мезе тяза тие, тинь тяда вана, а кундасаськ, каясаськ кяскавс и ведьс ускаськ,— корхтай попсь.

Мольсть, кундазь Иванонь, озафтозь алашас, каязь кяскавс, сотозь кяскавть и ускозь попть пяли. Кадозь кяскавть мархта крандазть попть шири, а синць тусть виндада симома. Тумда инголе попсь наказась работницанцты:

— Ватт, тят юкссекшне кяскавть, тейть аф эряви содамс, мезе тоса.

— Аф, бачка, аф токаса.

Аньцек тусть, работницась думандай: «Мес аф мярьги попсь варжамс кяскавть, эряви варжамс». Варжазе, тоса ломань.

— Кие токсесамань?— мярьгсь шут Иван.

— Мон.

— Тон кият?

— Попонь работницан, а тяни попонь рьвя карман улема. А тон кодама ломанят?

— Мон шут Иванцян. Кундамазь и оцязоронь цёра мархта венцяма сявсамазь. Мон аф молян. Кда стирь улелень. Аш мялезе молемс оцязортиге.

Работницась мярьги:

— Тон листь, а мон суван.

Тяда меле шут Иван лиссь кяскавста, сувась тоза потмозонза эчке попонь работницась.

Шут Иван кяшсь, попти пря из няфте. А тонат ускозь кяскавть эши ширес и ёрдазь эшити.

Шут Иван саворне тусь паксяв, сон содазе, коза ёрдазь кяскавть.

Мольсь тоза. Ваны, баяр арды кучерфтома. Иван мольсь баярти, макссь тейнза ярмак, мярьгсь баярти мадомс тарантасти, а сонць озась кучеронь вастти и тусь ардозь ся вастова, коса эряйхть попсь, дьяконць и дьячоксь. Пачкодсь попть малас и ювадсь:

— Шумбрат, батюшка!

Тоса няезень дьяконть, дьячокть и тяфта жа шумбракснесь мархтост.

Попсь, дьяконць и дьячоксь ласькстъ Иванонь пяли и кизефнесазь:

— Шут Иван, тон коста сявить ня алашатнень?

— Кие ули ся вастса, кармай содама, коста сявомс кодама эряви добра.

А вдь попне жаднайхть, тусть и комотсть эшити, штоба содамс, кода мушендомс добра.

ШУТ ИВАН

В одной деревне жил хитрый человек, звали его шут Иван. Вот однажды идет шут Иван по улице: на одной ноге корзинка из лубка, на другой — плетенка из ивовых прутьев, на голове решето. Навстречу ему едут поп, дьякон и дьячок. Как увидели они шута Ивана, все в один голос сказали:

— Здравствуй, шут Иван! А ну-ка, пошути-ка.

— Я бы пошутил, да шутки свои дома оставил. Разрешите мне сходить за шутками. Только, батюшка, одеяние свое мне отдал бы.

Поп снял с себя свои ризы и все свое одеяние отдал, а сам

оделся в Иванову одежду: на одной ноге корзинка из лубка, на другой — плетенка из ивовых прутьев, на голове решето.

Иван нарядился в поповские ризы, забрал поповских лошадей и поехал домой по-поповски. Дома у него была плохонькая кобыленка. Вошел он в дом и говорит своей жене:

— Баба, замеси кобылке соломки.

А сам собрал свои гроши и копейки, засунул их лошадке под хвост.

Прошло немного времени, приходят поп, дьякон, дьячок. На голове попа решето, на одной ноге корзина из ивовых прутьев, на другой из лубка. Вошли в дом к Ивану, поп и говорит:

— Ну, шут Иван, мы тебя пошутить попросили, а ты обманул нас.

— А какая ещё шутка нужна, если ты в корзинки обутым пришел?

— Ну, давай сними одежду.

— Повремените, я только деньги уберу.

Жена шута Ивана взяла мешок, стала позади лошади. Шут Иван взял палку и ударил ею по бокам лошади. Из-под хвоста посыпались деньги. Попы заметили лошадь, понравилась она им. Поп пошептался с дьяконом и дьячком и говорит шуту Ивану:

— Продай эту лошадь нам.

— Что ж, продам.

— А сколько она стоит?

— Стоит она тысячу рублей.

Они подумали втроем и купили лошадь.

Обрадованный поп даже оставил шуту Ивану свое одеяние— боялся греха, что слишком дешево купил у шута Ивана лошадь. «Ведь его лошадь, должно быть, очень дорогая»,— думал он про себя.

После этого стали тянуть жребий, кому первому достанется лошадь. Достался жребий попу. Он ввел лошадь в горницу, намесил ей сена с мукой и говорит попадье:

— А ну-ка, хорошенько подсыпай муки да приставь позади нее мешок.

Попадья взяла мешок и стала позади лошади. А поп, дождавшись, когда лошадь перестанет есть, как ударит лошадь по животу — лошадь обрызгала все лицо попадьи.

На другой день к попу пришел дьякон.

— Батюшка, теперь давай лошадь мне, а то ты все деньги взять один хочешь.

Поп, когда передавал лошадь, не сказал, какие деньги лошадь дала.

— Батюшка, где держать эту лошадь?

— Если из-за денег, то в горнице.

Дьякон покормил лошадь и говорит жене:

— Подставляй мешок.

Как только жена дьякона подставила мешок, став позади лошади, дьякон ударил лошадь. Лошадь залепила дьяконихе глаза.

На следующее утро пришел за лошадью дьячок и говорит дьякону:

— Давай теперь лошадь мне, а то вы, наверно, все деньги выбили, мне не оставили.

Дьякон отвечает:

— Остались, и тебе остались.

Взял лошадь и дьячок. Горницы у него нет, завел ее в избу, задал овса.

— Давай, жена, деньги будем собирать.

Жена подставила мешок. Как ударит дьячок лошадь, она испачкала жену дьячка, а сама убежала на луг.

— Подожди, пойду жаловаться, они все деньги выбили, мне ничего не оставили, бессовестные. Деньги платили вместе.

Собрались вместе поп, дьякон, дьячок. Рассказали друг другу, какие деньги получили от лошади. Решили наказать шута Ивана.

Пошли к шуту Ивану. Жена его печёт блины, под мышкой спрятан наполненный кровью пузырь. Шут Иван пригласил их блины есть. Жена его и так быстро печёт блины, торопится, а шут Иван подбежал к ней и ножом пырнул пузырь. Из пузыря брызнула кровь. Иван схватил кнутик, стал им бить свою жену. Бил, бил он жену, она соскочила и еще быстрее стала печь блины.

Попы говорят между собой:

— Вот так быстро печет блины его жена! Это вот да. Хи-хи-хи!— смеются.— Этот кнутик и нож нужно купить.

Думали, думали — купили. Идя домой, они чуть-чуть не подрались между собой. Каждый из них первым хотел взять их. Наконец, поп говорит:

— Как вы не ругайтесь, а конаться придется.

Поконались, попу досталось первому.

Поп заказал попадье тесто для блинов. Жена встала утром и начала печь блины.

— Почему ты не успеваешь? Жена шута Ивана троих нас кормила, и то успевала.

Поп как пырнет попадью в бок — попадья оскалила зубы.

— А-а-а! Ты ещё смеёшься!— и стал он свою жену бить кнутом. Ударил кнутом раз — не встаёт, ещё ударил — не встает, третий раз ударил — не встала. Смотрит — жена его уже одеревенела. Он взял да спрятал жену: понял, что жена его печь блины больше не встанет.

Пришел дьякон.

— Эх, батюшка, у меня блинное тесто уходит. Давай скорее нож и кнутик.

Как пришел, стал кричать на жену:

— Быстрее пеки блины!

Жена дьякона принялась печь блины, а дьякон ест их.

— Ты что так печёшь, не успеваешь? Жена шута Ивана троих нас кормила и успевала.

Вскочил дьякон и пырнул ножом жену. Жена тут же упала, оскáлив зубы.

— А-а-а! Ты ещё смеёшься!

Выпорол он жену три раза, ничего не вышло. Смотрит, жена уже умерла. Он спрятал ее.

Пришел дьячок.

— Дай скорее, ведь тесто уходит.

Взял дьячок нож и кнутик и пошел домой. Жена дьячка принялась печь блины, а дьячок стал есть.

— Ты почему не успеваешь блины печь? Жена шута Ивана троих нас накормила, а тебе одного меня не накормить.

Вонзил нож в бок жены и стал бить ее кнутом. Бил, бил — жена не встает. Дьячок побежал к попу.

— А-а-а, вы обманули меня!

— Да ведь и я жену зарезал.

— Пойдем к дьякону.

Пошли к дьякону, дьякон тоже зарезал свою жену. Ну, тогда суда не было, пошли они судить шута Ивана самосудом.

— Чтобы он не делал, не обращайте внимания, поймаем его, положим в мешок — и в воду,— говорит поп.

Пошли, поймали Ивана, посадили в мешок и повезли к попу.

Оставили телегу с мешком у попа, а сами ушли вино пить. Перед тем как идти, поп приказал работнице:

— Смотри, не развязывай мешок: тебе не нужно знать, что в мешке.

— Нет, батюшка, не трону.

Только ушли, работница думает: «Почему не велит поп посмотреть мешок? Нужно посмотреть».

Посмотрела, там человек.

— Кто меня тревожит?— спрашивает шут Иван.

— Я.

— Кто ты?

— Работница попа, а теперь буду поповой женой. А ты что за человек?

— Я шут Иван. Поймали меня и хотят венчать с царевичем. Я не хочу. Кабы девкой был я. Нет у меня желания идти к царю.

Работница говорит:

— Ты выходи, а я войду.

Шут Иван вышел из мешка, вошла туда толстая поповская работница. Шут Иван спрятался, а работницу взяли. Привезли мешок к колодцу и бросили его туда.

Шут Иван осторожно пробрался в поле: он знал, куда бросили мешок. Пошел туда, смотрит: барин едет без кучера. Иван подошел к барину, дал ему денег и велел лечь на дно тарантаса, а сам сел на место кучера и поехал рысью к тому месту, где живут поп, дьякон и дьячок.

Доехал до попа и крикнул:

— Здравствуй, батюшка!

Увидал дьякона, дьячка, и с ними поздоровался. Поп, дьякон, дьячок прибежали к Ивану и спрашивают:

— Шут Иван, откуда ты взял этих лошадей?

— Кто бросится в колодец, тот будет знать, где нужно брать добро.

А попы ведь жадные, пошли и прыгнули в колодец, чтобы знать, как добывать добро.

ЕНЬФТОМА

Эрясть-ащесть атят-бабат кафонест. Атясь цютькяне глуповатайль. Весть маштсь синь салсна. Бабась тейнза и мярьги:

— Атя, архт рамак сал.

— А мзяра рамамс?

— Да батмання (10 фунтт).

— Мон юкстаса.

— Тон киге молят и корхтак: батмання, батмання. И мишендити мярьк тяфта.

Моли атясь киге, и сонць корхтай: «Батмання, батмання, батмання». Ня валонзон мархта пачкодсь умать пес, коса аля види розь.

— Мес тон корхтат батмання? Стадонга кальдяв уманязе, да нинге тон батман сёра шачфтат. — И кармась плёткаса алять эса шавома тяфтане мярьгондеманц инкса.

Сась алясь авардезь куду, пеняцяй бабанцты.

— Мес, атяй, авардят?

— Алясь види розь, а мон уманц пева ётан и мярьгондян «батмання». Сяс и пиксомань.

— Эх, атя, атя, ашеть машта, мезе азомс. Тон мярьк: сяда ламоне, сяда ламоне.

— Мон юкстаса.

— Ну, юкстасак! Тон киге мольхть и корхтак: «Сяда ламоне». Атясь моли киге, а каршезонза кандыхть ловажа.

Атясь моли кулыть вакска и ювади мезе ули вийц:

— Сяда ламоне, сяда ламоне!

Кулыень кандыхне кулыснонга кадозь, сявозь носилкаснон и атять пря ланга носилкатнень мархта.

Атя тусь меки авардезь куду бабанцты пеняцяма.

— Тон мес, атяй, авардят?

— Кода аф авардян, прязень лазокшнезь, пря уйнень лихтекшнезь.

— Мезенкса тага, кие обижанзе?

— Каршезон кандыхть калмамс ловажа, а мон корхтан: сяда ламоне, сяда ламоне!

— Эх, атя, атя, тон ашеть шарьхкоде, мезе азомс, тейть мярьгомаль: «Тяка весть улеза».

— Молян мярьган, пелян аньцек, юкстаса.

— Аф юкстасак, тон мольхть, а тонць корхтак: «Тяка весть улеза».

Атясь моли киганза и сяконь содай: «Тяка весть улеза!»— валонзон эса азонды. Сонь думоцка ашель, што кие-кие васеди, но вов васедсь свадьба. Атясь сякокс корхтай: «Тяка весть улеза». Лоткасть горнямда кудатнень пайгонясна, лоткась сембе поездсь, и ваныхть атять лангс, а сон изь лоткссе. Кудатне кяжиясть лангозонза.

— Фкя-фкяня цёраньке, а тя шава прясь ювади: «Тяка весть улеза».

Кудатне пиксозь стане, что атять пильгонза цють усковсть. Моли атясь и мезе ули вайгяльса аварди.

— Мес, атя, авардят?

— Кода аф авардемс? Тон улелеть монь вастсон — тозк кулолеть, а мон вага нинге куду пачкодень.

— Кие тага пиксонзе, мезенкса?

— Кие содасы, мезенкса. Мон молян и ювадян: «Тяка весть улеза». Киньге ашень учсе — фать, каршезон арды свадьба. Мон корхтан, корхтан, ширезостка аф ванан, а синь лоткасть и монь пиксомазь. Ух-ух-ух-ух,— аварди сонць.

— Эх, атя, атя, изеть машта эрявикс валонь азома, тон сяволеть да моралеть.

— Молян ина моран.

Моли пиксф атясь и морай, бта аф салонкса моли, а кодамакодама радостец. Фать — каршезонза авонь палы, а азорсь горевандай. Атять исть кирдев кяженза и кода эряви атять боконзон ичезень.

Атясь сай и аварди нинге сяда пяк, сельмоведенза шудихть шамаванза, шамастонза — сакалонц кувалмос.

— Тон мес, атя, авардят, мезенкса тага пиксодязь?

— Кие содасы, мезенкса. Мон молян киге и морсян, киндиге аф шорсян, фать—палы фкя алять авонец, а мон ашень вана лангозонза, морань и морань. Ласьксь алясь и цють марнек сире сакалнень изезень нефте.

— Эх, атя, атя, векцень эряйть, а изеть машта, мезе тиемс. Тон ба сяволеть каймоня и матолеть мархтонза.

— Молян ина матан.

Атясь моли каймонц мархта и ваны: фкя вастса алясь крхтай тувоня.

— Тяни уш аф пикссамань, молян лездан мархтонза.

Тувоть перьф шужярьхне крьвязихть, а атясь лангозост модат ёряй, стане и матозе алять толонц.

Алясь фатязе каймонц и давай прянь туркс пикссемонза, ильне каймонц мушкокс тиезе.

Атясь сай куду, авардемшкацка аш ни, сембе сельмоведензон прокс ни авардезень, ильне сельмоветтьке исть ляда сельмозонза.

— Тон мес, атя, кие покойс аф кадонттанза?

— Афи содаса, баба! Ломаненьке пяк дуракт, аш мезенксонга пикосеттядязь. Алясь тува крхтай, а мон модат ёрянь лангозонза, сянкса и пиксомань.

— Эка, тон ба шужярнят путнелеть и крьвяснелеть.

— Молян ина тиса.

Моли атясь, кядезонза сявсь шужярьхть, а зепозонза сардонят. Васедсь каршезонза поп. Кода эряви, атясь изезе сода, арьсесь, тува тя моли, и попть пулонц алу навси шужярьхть и крьвясни эсост. Попсь и байдекса пикссесы, и сюци эсонза, но атясь сяконь содай — пулонц алу эцекшни шужярьхть. Крьвязсь попть пулоц, попсь каязе лангстонза кувака пула одежанц и сянь мархта атять пря ланга и пря ланга.

Атясь тяни и сизесь, и соду. Сай куду, сонць аварди.

— Мес, атя, шудихть сельмоветтне, кие тяфта содыяфтонзе?

— Кувака пула попсь, грехтонга изь пеле.

— Мезенкса сон содыяфтонзе?

— Мон арьсень, сон тува, и пулонц алу эцекшнень шужярьхть и крьвяснень эсост. Сон монь палф одёжанц мархта пря ланга.

— Эх, атя, тон сяволить кяденц и палалить.

— Молян ина, паласа.

Атять мяленц мольфтезе ся кись, кува якси, сяс тусь лия киге, вирень пачк. Каршезонза попть эземс сай офта. Офтсь лангозонза, а атясь кенярдсь и лапканц палазе. Офтсь атять мядондазе, цють живойста кадозе.

Атясь сай тага бабанцты пеняцяма.

— Мес, атя?

— Попть вастс офтть палайне, сон монь и мядондамань.

— Тон ба ружьяса сонь.

— Молян ина, сатса.

Сявозе атясь ружьянц и тусь. Ки лангса стирьхть и цёрат, сон и грохадсь лангозост. Спасиба, атять трнатсть кяденза, и кивок изь пов.

Цёратне атять пиксозь нинге сяда пяк. Атясь тага сась бабанцты пеняндама.

— Ляцень цёратнень ланге, мярькшнень, офтсь каршезон сай, синь монь и пиксомазь.

— Тон сяволить скрипканяцень и молелеть морама.

— Молян ина, моран.

Сявозе атясь скрипканц и морай. Ки лангса пинет, тейнза бокс арамаль или байдекса лангозост ёрдамаль, а сон морай и морай. И пинетне сонь нефтезь, аньцек нюрьгихть лоскодонза.

Сай атясь и аварди.
— Мес, атя, авардят?— кизефнесы сонь бабац.
— Пинетне нефнемазь.
— Кли тевце аф моли, тят яка, салфтомонга ярхцатама.

ДУРАК

Жили-были старик со старухой. Старик был немного глуповат. Однажды кончилась у них соль. Старуха и говорит старику.
— Старик, иди купи соли.
— А сколько купить?
— Да батманчик (10 фунтов).
— Я позабуду.
— А ты иди по дороге и говори: «батманчик, батманчик, батманчик», и продавцу так скажи.
Идёт старик по дороге, а сам твердит: «батманчик, батманчик, батманчик». С этими словами дошёл до загона, где мужик сеет рожь.
— Почему «батманчик?»— Мужик надеялся урожай получить. — У меня и так плохонький загон, а ты хочешь, чтобы десять фунтов уродилось.— И начал старика плёткой хлестать.
Пришел старик домой со слезами, жалуется жене:
— Мужик сеет рожь, а я прохожу мимо загона и говорю «батманчик». За это он избил меня.
— Эх, старик, старик! Ты сказал бы: «побольше, побольше».
— Я забуду.
— Не забудешь, ты иди по дороге и говори: «побольше».
Идет старик по дороге, а навстречу ему несут покойника. Идет старик мимо покойника и кричит, что есть силы:
— Побольше, побольше!
Опять избили старика носилками по голове. Старик пошел домой со слезами.
— Ты что, старик, плачешь?
— Как не плакать, голову чуть не разбили.
— За что опять, кто обидел?
— Навстречу несли покойника, а я говорю: «побольше, побольше».
— Эх, старик, старик! Не догадался, что сказать. Нужно бы сказать: «в последний раз чтобы было».
— Пойду скажу, боюсь только забуду.
— Не забудешь. Ты иди, а сам говори: «в последний раз чтобы было».
Идет старик своей дорогой и знай твердит: «в последний раз чтобы было». Он даже не подумал, что встретит кого-нибудь. Но вот встретилась ему свадьба. Старик всё твердит: «в последний раз чтобы было». Перестали звенеть бубенцы, остановился весь свадебный поезд, а он всё твердит. Рассердились на него сваты.

— У нас единственный сынок, а эта пустая голова твердит «в последний раз чтобы было».

Сваты так избили его, что старик еле ноги унес. Идет старик и во весь голос ревет.

— Ты что, старик, плачешь?

— Как не плакать? Была бы ты на моем месте, умерла бы там, я вот хоть до дома дошёл.

— Кто побил опять, за что?

— Кто знает, за что. Я иду и кричу: «в последний раз чтобы было». Никого не ожидал встретить, вдруг навстречу попадается свадьба. Я говорю и говорю, и на них не смотрю, а они остановились и меня побили.

— Эх, старик, старик! Не сумел нужного слова сказать. Ты взял бы да и запел.

— Ладно, пойду буду петь.

Идет битый старик и поет, будто не за солью идет, будто у него радость большая. Глядь: овин пылает, а хозяин горюет. Рассердился хозяин, намял бока старику.

Идет старик, еще пуще плачет, слезы по лицу текут, с лица на бороду капают.

— Ты что, старик, плачешь? За что опять побили?

— Кто знает, за что. Я иду дорогой и пою, никому ничего не говорю. Гляжу: горит овин у одного мужика, а я пою да пою. Подбежал мужик, чуть всю бороду не вырвал.

— Эх, старик, старик! Век прожил, а не нашёлся, что сказать. Взял бы ты лопатку и тушил с ним.

— Ладно, пойду потушу.

Идет старик с лопатой и смотрит, не видать ли где-нибудь огня. Видит: в одном месте мужик свинью палит.

— Теперь не будет колотить меня, пойду помогу ему.

Только разгорелась солома, старик стал кидать лопатой землю в огонь, так и потушил его.

Схватил мужик лопату и давай ею охаживать старика по башке, так бил, что деревянную лопату в щепки превратил.

Идет старик домой, даже плакать не может, все слезы выплакал, ни одной слезинки не осталось.

— Ты что, старик! Кто не оставляет тебя в покое?

— Не знаю, старуха. Люди очень глупые, ни за что отколотят. Мужик палил свинью, а я стал бросать землю, вот за это он и поколотил меня.

— Эка, не сумел, ты соломки бы подкладывал и огонёк разжигал.

— Пойду сделаю так.

Идет старик, взял в руки солому, в карман спички. Встретился ему поп. Старик не узнал, что это поп, он думал, что это свинья идет, и стал подкладывать под хвост попа солому и разжигать.

Поп бьет его палкой и ругает, но старик знай своё: подкла-

дывает под хвост солому. Загорелась поповская грива, поп скинул свою длиннополую рясу и давай по голове бить этой рясой. Устал старик, весь в саже идет домой, плачет.

— Что, старик, текут слезы? Кто тебя сажей вымазал?

— Длиннополый поп, греха не побоялся.

— А за что он тебя вымазал?

— Я думал, это свинья, под хвост ему клал солому и разжигал её. Он меня своей горелой рясой и почесал по голове.

— Эх, старик! Взял бы ты его руку и поцеловал.

— Пойду поцелую.

Надоела старику дорога, по которой он ходил, пошел по другой дороге — через лес. Навстречу вместо попа медведь. Медведь на старика, а старик обрадовался, он думал, что это поп, и поцеловал его лапу. Помял медведь старика, чуть живого оставил. Идет старик опять жене жаловаться.

— Что, старик?

— Вместо попа медведя поцеловал, он и помял меня.

— Ты бы его из ружья.

— Пойду догоню.

Взял старик своё ружьё и ушёл. На пути парни и девушки, он и пальнул в них. Но руки старика дрожали, он не попал ни в кого.

Парни пуще других избили старика. Старик опять пришел к старухе жаловаться.

— Что, старик?

— Выстрелил в парней, думал, что медведь идет мне навстречу, и вот они избили меня.

— Взял бы ты свою скрипку и пошел бы сыграл им.

— Пойду сыграю.

Взял старик скрипку и играет. На дороге собаки. Ему нужно было бы посторониться или кинуть в них палкой, а он играет и играет. И разорвали собаки на нем всю одежду, только лоскуты оставили.

Идет старик и плачет.

— Ты что, старик, плачешь? — спрашивает его старуха.

— Собаки одежду изодрали.

— Если у тебя дело не идёт, не ходи, без соли поедим.

КОДА ДУРАКСЬ ШАВОЗЕ ПОПТЬ

Эрясть-ащесть атят-бабат кафонест. Синь ульсть колма цёрасна. Кафта цёратне ёнюфт, а колмоцесь дураколь. Вот ёнкс браттне явсть, дуракське ёрай явомс и корхтай алянцты:

— Аляй, дай монга яван.

— Коза, дурак, пеце маштоза, тон яват? Мезе дурак прясот тон тият?

— Яван, аляй, дай тейне колма пильгса алашать, и туян. Лия тейне мезевок аф эряви.

Максозе аляц дуракти колма пильгса алашать. Дураксь сявозе и тусь мархтонза вири, лоткась вирь крайса пиче ваксс, а пичесь цяторды: цятор, цятор.

— Алашазень рамсесак?

— Цятор, цятор, цятор,— пичесь.

— Сисем сятт, мярьгат, макссят? Стане так стане, коза сотнеса?

— Цятор, цятор,— пичесь.

— Эзот? Ладна.

Дураксь сотозе алашать пичети и тусь куду, а тумстонза нинге ювадсь:

— Корхтат, ванды самс ярмакнень мельге? Саян ванды, тямак васькафне ватт!

Сась дураксь куду и корхтай алянцты:

— Мон аф яван, мон меки мархтот шоворян.

— Воляце,— мярьги аляц,— а коза алашать тиить?

— Алашазень мон мийне.

— Мезьда?

— Сисем сятта. Мярьгсь ванды самда ярмак мельге.

Сась омбоце шинь шобдавась, дураксь ярхцась и тусь вири ярмак мельге. Сась пичети, варжакстсь лангозонза — алашац аш. Пичеть ваксса аф ичкозе врьгаст сонь порьсазь. Няезень синь дураксь и мярьги эстейнза: «Кода раднянзон ингольде ярмак анан, вдь визделгоды», и мрдась меки куду. Сась куду, аляц кизефнесы:

— Ну, дурак, ярмакнень туйть?

— Аш.

— А мес?

— Мезе тият. Тоса сонь раднянза, ингольдест визькс анамс ярмакт.

— Эх, дурак, пеце маштоза, алашать юмафтыть!

Сась колмоце шобдавась. Дураксь срхкай ярмак мельге, а сонць алянц кядьста анай кильтьф алаша.

— Коза, дурак, пеце маштоза, молят алашать мархта? Юмафтсак тяка алашазень.

Сюцезе аляц дуракть, но макссь тейнза кильтьф алаша. Дураксь сявсь мархтонза узерь и тусь. Пачкодсь пичеть ваксс и корхтай:

— Пиче, дай ярмак!

— Цятор, цятор,— пичесь.

— Ага, тон аф максат!— и кармась пичеть кярома.

Керозе пичеть пяле видьге — и уставасть тоста шудема ярмакт. Дураксь маразе усфонц, кода алашати ускови, и тусь куду. Моли сон куду — каршезонза сай поп и кизефни:

— Дурак, мезе ускат?

— Ярмакт, бачка!

— Кяльготнят, дурак?

— Аф кяльготнян, аде хоть тонць варжайть.

Варжазе попсь, верна ярмакт.

— Дурак, дай тейне аф лама ярмак.

— Арафтт кяскав.

Попсь ладясь кяскав, дураксь маразе тя кяскавть ярмакта. Попти марявсь кржа, сон тага вешсь, штоба нинге пяшкотьфтемс ярмакта шляпанц.

— Ах, жаднай долготривай! Тага шляпацень пяшкодемс?

Фатязе попть, кярозе прянц, путозе попть усфонц лангс и мярьгсь эстейнза:

— Тя тейнек пенгянди пчкяй.

Дураксь ускозень ярмакнень куду и корхтай алянцты:

— Усконь ярмакт и попть прянц керыне.

— Мезенди, дурак, попть прянц керыть?

— Мезенди... максонь тейнза кяскав ярмак, а сон нинге шляпазонза анай.

Аляц кяшезень ярмакнень, кяшезе поптьке. Аф лама ётась, састь баярхт, кармасть попть вешендемонза.

— Тон, дурак, коза попть тиить?

— Мон прянц керыне.

— Мезенди?

— Жаднай пяк: тейнза кяскав ярмак максонь, а сон нинге шляпазонза анай.

— А коза попть тиить?

— Сейчас няфтьса.

Дураксь мольсь калдазу, керозе казаснон прянц, тердезе фкя баярть, штоба баня фталда няфтемс попть. Мольсь баярсь мархтонза, а дураксь казань пряса кодак лаподьсы сонь, толхт врьгятсть баярть сельмостонза.

— Аф эряви попсь, сявк сонь пенгянди,— корхтай баярсь.

КАК ДУРАК УБИЛ ПОПА

Жили-были старик со старухой. У них росли три сына. Два сына умных, а третий — дурак. Вот умные братья разделились, и дурак задумал отделиться.

— Батя, дай и я разделюсь.

— Куда, дурак, пропади пропадом, ты отделишься? Что ты с дурной головой будешь делать?

— Разделюсь, отец. Дай мне трехногую лошадь,— ничего другого мне не надо.

Отдал отец дураку трехногую лошадь. Дурак и пошел с ней в лес. Остановился на опушке леса у сосны, а сосна поскрипывает: чрр, чрр.

— Лошадь покупаешь?

— Чрр, чрр,— скрипит сосна.

— Семьсот, говоришь, даёшь? Семьсот так семьсот. Куда привязать?

— Чрр, чрр,— сосна.
— К тебе? Ладно.

Дурак привязал лошадь к сосне и пошёл домой, а уходя снова крикнул:

— Говоришь, завтра приходить за деньгами? Приду завтра, не обмани смотри!

Пришел дурак домой и говорит отцу:

— Я не буду делиться, я буду с тобой.
— Воля твоя,— говорит отец,— а куда лошадь дел?
— Лошадь я продал.
— За сколько?
— За семьсот.
— А где же деньги?
— Сказали: за деньгами приходить завтра.

Настало утро, дурак поел и пошёл в лес за деньгами. Подошёл к сосне, посмотрел — лошади нет. Недалеко от сосны волки её грызут. Увидел это дурак и говорит себе: «Как же я буду при родне просить деньги? Ведь стыдно». Вернулся домой. Пришел домой, отец спрашивает:

— Ну, дурак, деньги принес?
— Нет.
— А почему?
— Что сделаешь! Там ее родня, а при родне просить деньги стыдно.
— Эх, дурак, пропади пропадом, потерял лошадь!

Настало другое утро. Дурак отправился за деньгами, а сам просит отца запрячь ему лошадь.

— Куда ты, дурак, пропади пропадом, поедешь на лошади? Потеряешь и эту лошадь.

Обругал отец дурака, но дал ему запряженную лошадь. Дурак взял с собой топор, полог и поехал. Доехал до сосны и говорит:

— Сосна, дай деньги!
— Чрр,— скрипит сосна.
— Ага, ты не даешь!— и стал рубить сосну. Срубил сосну до половины — стали оттуда сыпаться деньги.

Дурак наклал воз, чтобы увезла лошадь, обернул пологом и поехал домой, а навстречу идет поп и спрашивает:

— Дурак, что ты везешь?
— Деньги, батюшка!
— Обманываешь, дурак?
— Не обманываю, иди сам посмотри.

Посмотрел поп — на самом деле деньги.

— Дай, дурак, немного денег.
— Подставляй мешок.

Поп подставил мешок, дурак наполнил его деньгами. Попу показалось мало, он просит, чтобы наполнил деньгами и шляпу.

— Ах, жадный долгогривый! И шляпу наполнить? Схватил попа, отрубил ему голову, положил голову на воз и говорит сам себе:

— Это нам на дрова пригодится.

Дурак привез деньги домой и говорит отцу:

— Привёз деньги и голову попу отрубил.

— Зачем, дурак, попу голову отрубил?

— Дал ему мешок денег, а он просит ещё наполнить и шляпу.

Отец убрал деньги, спрятал голову. Немного погодя пришли полицейские и стали искать попа.

— Ты, дурак, куда дел попа?

— Я ему голову отрубил.

— Зачем?

— Очень жадный. Я дал ему мешок денег, а он просит наполнить шляпу.

— А куда дел попа?

— Сейчас покажу.

Дурак пошёл во двор, отрубил козе голову и позвал одного полицейского, чтобы показать попа. Пошёл с ним полицейский, а дурак козьей головой как стукнет его по лицу — искры посыпались с глаз у того.

— Не нужен поп, возьми себе на дрова,— сказал полицейский.

ОБЕДНЯ

Эрясь-ащесь фкя велеса удавой бабаня. Сон эрясь аф козяста: улендсь аньцек фкя вазняц. Ся велеса эрясть поп, дьякон, дьячок аваснон, цёраснон мархта. Синь ульсть жаднайхть и якскекшнесть шобда вастова салама. Тя, кода корхнесть, обедняса служамда башка синь побочнай заработкасна. Весть попсь кундазе бабанять вазнянц и печкозе. Дьяконць няезе тянь и пяк обжавсь, мес тейнза попсь ашезь макса талека, но киндиге изь азонда.

Бабанясь мольсь обедняс, кармась тоса озондома и авардема вазнянц инкса. Дьяконць няезе бабанять и корхтай тейнза:

— Тят аварде, бабай, вазняце аф юмай: сонь попсь печкозе.

А попсь кулезе дьяконть и кармась морафтома:

— Дьякон, дьякон, во весь рот не крякай: будет тебе ножка. Подай, господи-й-и!

Дьячоксь обжавсь, што илядсь талекафтома и мярьги:

— Тят аварде, бабай, вазняце аф юмай: сонь салазь попсь и дьяконць.

Дьяконць морафтозь корхтай дьячокти:

— Тебе будут потро-о-ха...

— Бабай,— мярьги дьячоксь,— кивок тонь вазняцень ашезе токсе. Сонць юмась, стане, знать, эряви шкайти.

Сяконь мархта бабанясь а тусь авардезь церькавста.

Пономарьсь кулезень, мезе торайхть попсь, дьяконць и дьячоксь, и корхтай тейст обедняда меле:

— А мес монь доляфтома кадомасть?

— Тон салама ашеть яка. Вов роштувань карша мольхтяда монь цёразень мархта учань салама, эста сяват талека,— мярьги попсь.

Сочельниконь илядня попть цёрац пономарьть мархта тусть фкя бедняконь шири учань салама алашаса. Кильдсть кафта алашат и тусть лов мархнень ланга фкя бедняконь пирьф фталу. Беднякть кудняц ёмланя, пирьфоц сядонга аф оцюня. Пирьфть фтала сняра ловда, што сарайське аф няеви. Попонь цёрась пономарьть мархта мольсть ловть ланга и прасть пирьфти. А алашась илядсь пирьфть тона ширес.

Попонь цёрась пономарьть мархта юкстазь ни учань саламать, кармасть вешендема васта, кода ба лисемс ушу. Стане синь якасть пирьфть эзга шобдавас. Шобдава малати кой-как мусть лисема васта. Лиссть ушу, алашасна аш: кати-кие салазе

Церькавса мольсь ни заутреня. Попонь цёрась и пономарьсь мольсть видеста церькаву. Попонь цёрась ётась народть инголи, нолдазе прянц и ащи. Попсь няезе, что цёрац аф весёлай, кеподезень кядензон и кармась морафтома:

— Сыне, мой сыне, не привез ли бя-бя-а?

А цёрась отвечась тейнза морафтозь:

— Отче, мой отче, не привез я бя-бя и потерял иного твоего-о...

ОБЕДНЯ

Жила в одной деревне одинокая старуха. Жила она небогато: был у нее только упитанный теленок.

В том же селе жили поп, дьякон и дьячок со своими женами и сыновьями. Они были жадными и в темные ночи похаживали воровать мясо. Это, как говорится, кроме службы в обедне, получение побочного дохода. Вот однажды поп украл старухиного теленка и зарезал его. Дьякон это заметил и очень обиделся, почему поп не дал ему долю, но никому ничего не сказал.

Старуха пришла в церковь и расплакалась: теленочка жалко. Дьякон увидел это, подошел к старухе и стал ее утешать.

— Ты, бабушка, не плачь, теленок твой не пропадет. Его поп зарезал.

А поп подслушивает этот разговор и запел молитву:

— Дьякон, дьякон, во весь рот не крякай: тебе будет ножка... подай, господи-и-и!

Дьячок обиделся, что остался обделенным, говорит старухе:

— Ты, бабушка, не плачь, теленок твой не пропадет: его поп с дьяконом украли.

Тут дьякон запел молитву, обращенную к дьячку:

— Тебе будут потроха...

— Бабушка,— опять говорит дьячок,— никто твоего теленка не трогал. Пропал он. Так уж, видать, богу угодно.

С этим старуха и ушла из церкви, обливаясь слезами. А пономарь догадался, о чем переговариваются поп, дьякон и дьячок, он и говорит им после обедни:

— А почему меня без доли оставили?

— Но ведь ты и воровать не ходил. Вот с моим сыном пойдешь воровать овцу,— говорит поп,— тогда и долю свою получишь.

Вечером перед сочельником поповский сын и пономарь поехали красть овцу у одного бедного мужика. Запрягли хорошего коня и заехали ко двору с поля, не с улицы. А у бедняка домик низенький, изгородь тоже не выше. За двором столько нанесло снегу, что и сарая не видно.

Сын попа с пономарем шли-шли по снегу и свалились во двор. Сразу позабыли о краже, стали искать место, где можно было бы вылезть на улицу. Так они топтались-искали до утра. Наконец, выбрались на улицу, а лошади нет: видать, кто-то угнал.

В церкви идет заутренняя служба. Поповский сын и пономарь, не заходя домой, направились прямо в церковь. Попович пошел вперед, повесил нос и стоит. Поп заметил, что сын невесел, поднял вверх свои руки и запел молитву:

— Сыне, мой сыне, не привез ли бя-бя-а?

А сын отвечает ему нараспев:

— Отче, мой отче, не привез я бя-бя, а потерял и го-го твое-го-о-о.

КИЕ СЯДА ЕНЮ

Атять колма цёранза. Емлась пяк дураколь, лемоцоль Егор.

Атясь весть корхтай:

— Ну, цёране, курок кулан. Айда тумонень няфтьсайне.

— Аде няфтить,— мярьгсь оцюсь.

Тусь атясь оцю цёранц мархта.

— Ва, цёра, фкя тумозе.

Шарфтозе делянкать омбокова, тага сякоти вятезе.

— Ва, цёрай, омбоцесь. Мусайть тяни?

— Мусайне, аляй, сельмонень конезь.

Сайхть ни куду, самстост цёрац корхтай:

— Тяки, аляй, кулат, а Егоронь месендьсаськ?

— Тясть када юмама-арама, шкайсь аф юкстатядязь.

Омбоце шиня омбоце братсь корхтай:

— Аляй, патязе аф угадяви кудса, а мон аф муса. Аде няфтить тейнеге тумотнень.

— Да аде, цёрай, ина.

Тусть. Мольсть тумоти, и няфтезе. Делянкать перьф шарфтозе и сяка тумоти тага вятезе.

— Ва омбоцесь. Тяни мусайть?

— Мусайне, ляй прясот.

Сайхть меки куду. Цёрась и корхтай Егорть кувалмова:

— Тон кулат, аляй, а Егорть месендьсаськ?

— Тясть када ни юмама-арама.

Састь куду колмоце шиня, Егорсь корхтай:

— Аляй, мондейне няфтить тумотнень.

А омбоце цёрась корхтай:

— Мезенди тага тейть?

— Мес мле, молян, цёрай, тейнзовок няфтьсайне.

Кармасть срхкама, и дураксь сявсь узерь. Омбоце братсь корхтай:

— Мезенди узерть юмафтомс сявсак?

— Вири узерьфтома аф якайхть. Локша недь керан или лия мезевок,— отвечась дураксь.

Атясь сявозе, и тусть вири. Мольсть тумоть ваксс.

— Ва, цёрай, фкя тумозе.

Дураксь цяподезе тумоть боконц узерьса и кувалманза ваны: тумоть бокса коське тарад.

— Ну, цёрай, аде омбоцеть няфтьса.

Делянкать перьф шарфтозе дуракть, вятезе сяка тумоти.

— Ва омбоце тумозе.

— Аф, аляй, тя сякось. Няйсак, нява коське тарадоц.

— Ну, цёрай, молемда меле браттненди тят азонда, мярьк, кафта.

Састь куду. Атясь корхтай цёранзонды:

— Букать печкость поминканди.

Атясь эрясь кафтошка ков и кулось.

— Тяни букась печкома колма шинцты. Эряви тердемс кумсь,— корхтайхть оцю браттне.

Тердезь кумснон, курендакшнесть.

— Ну, айда букать печксаськ.

Сявсть пикс, сотнезь букать пильгонзон, сюронзонга, кармасть печкомонза. А сон кодак нотфтай — пиксне сязевсть, и сон ардозь куду. А дураксь печксь кши печф.

— Молян букать мархта прощандама.

А нят рахайхть.

— Архт пращак.

Сон мольсь букать инголи, кши печфть максозе букати. Букась кармась кшида ярхцама, а сон инзамаста таргась пей, букать сюронзон ёткс арафтозе, пенгянь керома колунца цятадезе, и букась прась.

Сувась куду, а нят пеедихть.

— Пращать мархтонза?

— Пращань.

Лиссть — букасна печкф. Кармасть дивандама.

Омбоце шиня тусть тумотнень керома. Дураксь корхтай:

— Аряда сявомасть мархтонт.

— Местема тон молят? Тят яка.

Тусть кафта братт. Оцюфне мольсть, и тумоть кярозь. Тусть омбоцеть вешендема. Якасть-якасть — изезь му. Састь, и дураксь синь кизефнесыне:

— Керость?

— Фкять кероськ, а омбоцеть ашеськ му.

— Вдь тумода фкяль,— корхтай дураксь.

А нят аф верондайхть:

— Коста мле тейнек кафцьконь аляньке няфнезень?

Омбоце шиня синь тага тусть керома.

— Айда моньге сявомасть.

Мольсть сяка тумоти, а дураксь корхтай:

— Вага аньцек и тумоц, а лия аш, тянь мон лац содаса.

А нят аф верондайхть. Вешендсть, вешендсть — шоподсь.

— Тяни ужин пидема,— корхтайхть эсь ётковаст браттне.

Керсесть сиволь, анокласть шонгарям. Кркшнесть, кркшнесть — изь крьвястев тол: начкт сардонясна.

— Ну, тяни коста сяфтяма тол?

Оцю братсь куцсь шуфта пряс, няйсь землянка, эсонза тол.

Валгсь и мольсь толти. Толть вакссa ащи атяня, пиди шонгарям.

— Атяй, бог помоч!

— Спасиба, цёрай.

— Дай тейне толня.

— Кштйк, максан толня.

— Атяй, мон сроду изень кшни.

— Ну, кда аш, толга аш.

Оцю братсь сась меки. Омбоце братсь кизефнесы:

— Мес изеть ту тол?

— Тоса ащи атяня, сон мярьгсь: «Кштик — максан, аф кштият — аф максан».

— Молян мон тейнза, мон няфтян, кода аф максомс тол,— корхтай омбоцесь.

Мольсь атяти.

— Бог помоч, атяй!

— Спасиба, тейть мезе эряви?

— Толня дай.

— Кштик, максан толня.

Тя кодак ушедсь кштима и веляфтозе атять шонгарямонц. Атясь цётмарнянц мархта цятадезе кштийть копорь ланга, тона сась меки толфтома.

— Мес толня изеть ту?

— Кштима стянь и веляфтыне атянять шонгарямонц, сон монь и панемань.

Дураксь кулхцондсь-кулхцондсь и мярьги:

— Молян мон.

— Коста тейть максы ни?! Пикссетянза, и туят.

Дураксь мольсь атяти.

— Мезяма, цёрай, якат?— кизефни атясь.

— Дай толня.

— Морак.

— Морама аф маштан.

— Ну, кодамовок небылица азонтт.

— Аньцек, атяй, уговорсь тяфтама: кодак полаксасамак, эрьхтте копорь ланга цётмарса.

— Ладна, ладна,— мярьгсь атясь.

— Мес мле, азондан.

И дураксь кармась корхтама:

— Алязевок нинге ашезь шаценда, тядязевок изь шаценда, а мон щятязень мархта якань вирьге. Муме оцю шуфта, эсонза варя. Варяти сувась шякшан. Шаштоме шуфтть малас, шякшан лефксне чильнязевсть. Мон кядезень тонгине варяти — аф тяльги, сявонь да сувань тоза монць.

— Мес тон васькафнят?— мярьгсь атясь.

Дураксь сявсь цётмар и стазе атять копорь ланга. Тяда меле кармась азондома тага.

— Мольхтяма тумоналга, ваттама: церять эзда тума касы и касы. Мон кармань куцема тумоть пряс. Куцен мянь менельти. Якань-якань менельге, мольсь мялезе и арьсень валгомс меки. Ся пингть, мзярс мон якань, шеерсь порезе церять, и тумось велясь. Мезе тиемс?

Ванан — модать лангса атя понжафни сура. Мон валгонь ся аляти, рамайне сура ювонзон, понань пикс и кармань валгома алу пиксть кувалмова. Валгонь-валгонь — сязевсь пикссь, и мон прань, пезонь шяйс. Фкя карга тись прязон пиза. Мольсь весть врьгаз алонь салама. Мон кундань врьгазть пулос, врьгазсь эводсь и кодак нотфтай — таргамань плманжань серес. Аньцек тусь врьгазсь, мольсь офта. Мон кундань офтть пулос. Офтсь эводсь, нозордась — пула алдонза прась сёрманя. Тя сёрманяса ульсь сёрматф тонь лемце.

— Ах, шяйтан, коса монь лемозе, кода сон угадявсь офтонь пула алу! Сяфть тол и ворьхть эздон тяста!

Дураксь сявсь тол и тусь брадонзонды.

Вов тейть и дурак.

КТО УМНЕЕ

Было у старика три сына, младший — дурак. Звали его Егор. Однажды старик говорит:

— Ну, сынки, я скоро умру. Пойдемте свои дубки покажу.

— Иди, покажи,— сказал старший.

Пошел старик со своим старшим сыном.

— Вот, сынок, один дуб.

Потом он обошел делянку с другой стороны, подвел сына к этому же дубу.

— А вот, сынок, второй. Найдешь теперь?

— Найду, отец, закрыв глаза.

Идя домой, старший сын спрашивает:

— Теперь ты, отец, умрешь, а что мы будем делать с Егором?

— Не оставляйте его, бог вас не забудет.

На второй день второй брат говорит:

— Отец, покажи и мне дубы.

— Да пойдем, сынок.

Подошли к дубу, показал его. Обошёл делянку, снова привёл его к этому дубу.

— А вот второй. Теперь найдёшь?

— Найду, здесь на пригорке у реки.

Возвращаются домой. Сын заговорил о Егоре:

— Ты, отец, умрешь, а что с Егором нам делать?

— Не оставляйте его на погибель.

Пришли домой. На третий день говорит Егор:

— И мне покажи твои дубы.

Средний сын заметил:

— А тебе зачем?

— Ну, что же, пойду покажу и ему.

Стали собираться, дурак взял топор. Средний брат заговорил:

— Зачем ты берешь топор, потерять?

— В лес без топора не ходят, кнутовище срублю или ещё что-нибудь,— отвечает дурак.

Старик взял его, и они пошли в лес. Подошли к дубу:

— Вот, сынок, один дуб.

Дурак тесанул топором ствол дерева, посмотрел на вершину, заметил сухой сук.

— Ну, сынок, пойдем, я тебе покажу другой дуб.

Пошли. Обошли делянку, вернулись к этому же дубу.

— А вот второй дуб.

— Нет, отец, это тот же. Видишь, вон сухой сук.

— Ну, сынок, дома об этом не говори.

Пришли домой. Старик говорит сыновьям:

— На мои поминки зарежьте быка.

Пожил старик месяца два и помер.

— Надо быка зарезать на третий день. Позовем кума,— разговаривают между собой старшие братья.

Позвали кума, покурили.

— Ну, теперь, господи, благослови.

Взяли верёвку, перевязали быку ноги, стали его резать. А он как дрыгнет — веревка порвалась, и все побежали в избу.

Дурак отрезал ломоть хлеба.

— Я пойду попрощаюсь с быком.

— Иди, попрощайся.— А сами смеются.

Он пошёл к быку, протянул ему ломоть хлеба. Бык стал есть хлеб, а дурак из бороны вытащил зуб, поставил его между рогами быка, ударил по нему колуном, и бык свалился.

Вошёл он в дом, а те смеются.

— Простился с ним?

— Простился.

Вышли — бык зарезан. Диву дались.

На второй день пошли рубить дубы. Дурак говорит:

— Возьмите меня с собой.

— Зачем ты пойдешь? Не ходи.

Пошли два старших брата. Они срубили дуб и стали искать второй. Ходили, ходили — не нашли. Вернулись домой, дурак их спрашивает:

— Срубили?

— Один-то срубили, а другой не нашли.

— Ведь дуб-то всего один и был,— говорит дурак.

А они не верят.

— А как же отец нам два показал?

На следующий день они снова пошли в лес, дуб искать.

— Возьмите и меня.

Пришли к тому дубу, дурак и говорит:

— Другого не было, это я хорошо знаю.

А эти не верят. Искали, искали — стемнело.

— Теперь будем ужин варить,— говорят между собой братья.

Нарезали мясо, приготовили похлебку. Чиркали, чиркали, огня не добыли: спички отсырели.

— Ну, где теперь добудем огня?

Старший брат залез на дерево, увидел землянку, в которой горел огонь. Слез с дерева и пошел туда. У огня сидит старик, варит кашицу.

— Бог в помощь, дедушка!

— Спасибо, сынок.

— Дай мне огоньку.

— Попляши — дам.

— Дедушка, я никогда не плясал.

— Ну коль нет, то и огня нет.

Старший брат вернулся. Средний брат его спрашивает:

— Почему не принёс огня?

— Там старик сидит, он говорит: «Спляшешь — дам, не спляшешь — не дам».

— Пойду-ка я к нему, я покажу, как не давать огня,— говорит средний.

Пошёл к старику.

— Бог тебе в помощь, дедушка! Огня дай.

— Спляши — дам огня.

Этот как начал плясать, опрокинул кашицу старика. Старик его дубиной по спине, и парень вернулся без огня.

— Почему ты не принес огня?

— Стал я плясать да опрокинул кашицу, он меня и прогнал. Дурак слушал-слушал и говорит:

— Пойду-ка я.

— Куда уж тебе! Побьёт тебя и вернёшься.

Дурак пошёл к старику.

— Что ходишь, парень?--спрашивает старик.

— Дай огоньку.

— Спой.

— Петь не умею.

— Ну, какую-нибудь небылицу расскажи.

— Только, дедушка, такой уговор: как перебьёшь меня, ударю тебя по спине палкой.

— Ладно, ладно,— согласился старик.

— Что ж, расскажу.

И дурак стал говорить:

— Когда ещё и мой отец не родился, не было на свете и моей матери, я со своим дедушкой ходил в лес. Набрели на большое дерево. В нем дыра. В дыру влез дятел. Подошли мы к дереву, а в нем птенцы дятла чирикают. Я сунул руку в дыру — не лезет, взял да сам туда полез.

— Что ты врешь?— возразил старик.

Дурак взял палку, стукнул ею по спине старика. Стал продолжать:

— Идем по дубняку, смотрим: растет дуб. Я стал лазить по стволу. Лез, лез, до неба долез. Ходил, ходил по небу, надоело мне, и я решил спуститься снова. В то время, когда я ходил по небу, мышь съела желудь, и дуб свалился. Что делать?— думаю. Смотрю: на земле один старик просо веет. Я слез к нему, купил у него просяную мякину, свил из нее верёвку и стал по ней спускаться. Спускался я, спускался, оборвалась веревка, и я упал в болото, где и завяз. Один журавль на моей голове сделал гнездо. Пришел волк яйцо есть, я ухватился за хвост волка, волк перепугался и как дёрнет — вытащил меня до колен. Только отбежал волк, медведь пришёл. Я схватил за хвост медведя. Оторопевший медведь рванулся и из-под хвоста вылетела записка. В ней упомянуто твое имя.

— Эх, шайтан, где моё имя? Как оно попало под хвост медведя? Бери огонь да уходи скорее отсюда.

Дурак взял огонь и пошел к братьям.

Вот тебе и дурак.



ПРИМЕЧАНИЯ

Этот том сказок составлен из материалов рукописного фонда Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР и из текстов, взятых из книг, изданных в дореволюционное и советское время. В зависимости от содержания произведений одни из них комментируются подробно, другие — конспективно. Комментарии учитывают не только публикуемые в данной книге сказки, но и их близкие и далекие варианты, опубликованные в ранее изданных фольклорных сборниках. В примечаниях ко всем помещенным произведениям даются сведения: где, когда, от кого и кем записаны они, где напечатаны, если такие сведения имеются.

Источники публикуемых в сборнике сказок называются полностью. Другие источники известных составителю вариантов указываются в сокращенных обозначениях.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

РФИ — рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

ЕВС — Эрзянь ёвкст (М. Е. Евсевьев), М., 1928.

ЭЁ — Эрзянь ёвкст (А. Маскаев), Саранск, 1940.

ЭФ — Эрзянь фольклор (Л. С. Кавтаськин), Саранск, 1939.

МФ — Мокшень фольклор (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940

МЁ — Мокшень ёфкст (А. Маскаев и С. Потапкин), Саранск, 1940.

МН — Мордовская народная сказка (А. Маскаев), Саранск, 1947.

ШМ — Мордовский этнографический сборник (А. А. Шахматов), СПб., 1910.

ОМ — Образцы мордовской народной словесности, вып. II, Казань, 1883.

РР — Proben der Mordwinischen Volksliteratur (Zweites Heft), gesammelt von H. Paasonen. Helsinki, 1894.

ПС — Mordwinische Volksdichtung, gesammelt von H. Paasonen. Bd. IV gnomalais-ugrileisen seuran toimituksia XCI, Helsinki, 1947.

Все мордовские тексты печатаются в оригинале и переводе на русский язык.

Переводы на русский язык сделаны работниками сектора литературы и фольклора Мордовского научно-исследовательского института языка, лите-

ратуры, истории и экономики, частично составителем сборника. Переводы смысловые.

Каждая сказка снабжается № сказочного каталога. Сказки, восходящие к известным в фольклористике сюжетам или приближающиеся к ним, сопровождаются ссылками на соответствующие №№ сюжетов сказочного каталога или «Указателя сказочных сюжетов» Н. А. Андреева по системе Анти Аарне, Л., 1929.

Тувоня (Свинка)

Сказка записана в селе Большие Мордовские Пошаты Ельниковского района Мордовской АССР от 62-летней колхозницы Евдокии Семёновны Цибизовой; напечатана на мокша-мордовском языке в «МФ», стр. 21—22.

«Тувоня» приближается к сказкам сюжета № 20А-С «Звери в яме», бытующим в детской среде, иногда в сочетании с мотивами сюжета № 21. Варианты сказки, находящиеся в различных рукописных фондах, напечатаны в сборниках: ЕВС, стр. 110—120; ОМ, 39—40, РР, 100—101, «Мордовские народные сказки» (С. Аникин), СПб, 1909, стр. 56—58.

Большинство этих сказок повествует о том, что лиса, попавшая вместе с другими зверями в яму, остается победительницей. Советует медведю съесть собственные внутренности, предлагает съесть тонкоголосого партнёра, велит вытащить себя из ямы и т. д. В некоторых вариантах продолжением сказки служит: «Лиса велит сойке (вороне) насмешить, напоить брагой» (№ 56 с). С этим добавлением сказка обычно заканчивается мотивом «Лиса и хвост» (Лиса вытаскивает из норы свой хвост на съедение собакам, собаки съедают лису. № 153 1).

Сказка «Тувоня» несколько отличается от традиционных сказок упомянутой сюжетной группы: здесь лиса не остается победительницей; добродушный медведь убивает всех своих партнеров по несчастью, в том числе и лису.

Шавача (Сойка)

Сказка записана в 1936 году в селе Большие Мордовские Пошаты Ельниковского района Мордовской АССР от 72-летнего Конст. Степ. Калеева.

Сказка относится к числу распространенных детских произведений, известна читателю по напечатанным текстам: ЕВС, стр. 56—57; МФ, стр. 53—54; Мордовские народные сказки (С. Аникин), СПб, 1909, стр. 51—52.

В отличие от русских сказок (лиса грозится свалить дерево, залезть на дерево и съесть птенцов дрозда, сойки или синицы. Ворона дает хорошие советы; лиса мстит, притворяясь мёртвой, ловит ворону (№ 56 АВС), в мордовских, как правило, лиса остается обманутой.

В этой сказке лиса дает сойке добрые советы, чтобы сойка не подчинялась волку, и вместе с волком остается в проигрыше. С досады ударяется головой о ствол дерева.

Мотив самоизбиения лисы в мордовских сказках о животных встречается редко, обычно обманутая вороной лиса бессильно злобствует, но себя не бьет.

Казаня (Козочка)

«Казаня» — широко распространенная в детской среде сказка, приближающаяся к русской народной сказке «Волк и козлята». Сказка записана в 1948 году в селе Карсаевка Поимского района Пензенской области А. И. Карасевым. Как и многие другие мордовские детские сказки, построенные на сочетании стиха и прозы, эта сказка рассказывается нараспев и нередко поётся, заменяя в этом случае колыбельную песню.

Сказка «Казаня» легла в основу популярной мордовской сказки в стихах «Сире бабанясь и дикай казанясь» (Старая старуха и дикая козочка), написанной поэтом Ф. Фроловым.

«Козочка» восходит к сюжету № 123, иногда с прибавлением № 333 А (волк съедает козлят, из распоротого живота похитителя извлекают их живыми), и распространена повсеместно, где живет мордва. Кроме большого количества вариантов, хранящихся в различных рукописных фондах, сказки этого сюжета напечатаны в различных фольклорных сборниках, в том числе ШМ, 251—253, 309—318; «Идень ёфкст» (М. Бабина), Саранск, 1940 г., стр. 12—14; МФ, стр. 19—20; ЕВС, стр. 127—128.

Сире врьгазсь и Костя атя (Старый волк и старик Костя)

Записана в августе 1948 года в селе Кишалы Атюрьевского района Мордовской АССР от В. Майорова.

Сказка известна во многих вариантах, см. ЭФ, стр. 44—45; ОМ, стр. 98—106, но все они приближаются к русской народной сказке «Старая хлебсоль забывается». Сюжет № 155: старик спасает волка, а потом волк угрожает старику смертью, по совету лисы волк залезает в мешок, и его убивают.

Гурь сей, нурдонязе (Бойкие саночки)

Записана в 1948 году в селе Карсаевка Поимского района Пензенской области от 35-летней М. И. Кисткиной. Записал А. И. Карасев. Кисткина слышала эту сказку от своей бабушки Ст. Пищулиной, жившей в селе Данчино Белинского района Пензенской области. Сказка «Туда-сюда, саночки» в какой-то мере напоминает русские сказки «Звери в санях» (№ 158), однако отлична от них: мальчик заманивает зверей в санки и убивает их.

Сказка популярна у мордвы-мокша Пензенской области, на территории современной Мордовии сказка не зарегистрирована.

Ёфкся (Сказочка)

Записана в селе Кулевчи Варненского района Челябинской области со слов Завалишиной Е. К. Записал Л. И. Инчин.

«Сказочка» относится к распространенным в детской среде эрзянской и мокшанской дерезни произведениям. Мокшанский текст сказки находится в рукописном фонде Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Текст сказки восходит к сюжету «Пение медведя» (№ 162). Эрзянский вариант сказки напечатан в ШМ, 158—161, «Эйкакшонь ёвкст» (А. Маскаев), Саранск, 1940, стр. 11—13.

Сказки этого сюжета, особенно такая часть, как речь медведя, чаще всего исполняются в форме пения и нередко начинаются с междометий, выражающих медлительность, нерасторопность.

Кода пинесь эстейнза ялга мусь (Как собака друга себе нашла)

Текст перепечатан из сборника «Мокшень ёфкст» (К. Т. Самородов), Саранск, 1964, стр. 10—12. Сказка относится к популярному циклу «Человек и животное», однако данный сюжет у мордвы встречается редко.

Оцязоронь цёра-богатырь (Царевич-богатырь)

В 1936 году записана И. Чумаковым в селе Новая Самаевка Рыбкинского района Мордовской АССР от 50-летнего колхозника С. Михейкина. Сказка перепечатана из сборника «Мокшень фольклор» (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940 г., стр. 39—50.

Сказка «Царевич-богатырь» восходит к сюжету № 300 В о бое богатыря на мосту. Продолжением сказки является повествование о сватовстве чудесной невесты; герою помогают чудесные помощники, умеющие много пить, есть, мыться в жаркой бане. В мордовском фольклоре зарегистрировано несколько вариантов этой сказки, однако напечатанных мало. В вариантах сказки победителем чаще выступает не царевич, а чудесно рожденный богатырь (№ 513А) или крестьянский сын (солдат), умеющий пользоваться чудесными предметами и помощниками.

В преобладающем большинстве мордовских сказок богатырь-царевич своим поведением не отличается от чудесно рожденного героя или солдата, поэтому царевичем он остается только по имени. Слово «царевич» в мордовскую сказку вошло из русской сказки и порой осознаётся как собственное имя героя. Этому способствует и то, что значение слова «царевич» по-мордовски выражается только «оцязоронь цёра», «инязоронь цёра», что дословно означает «царский сын».

В сказке ошибочно называются снохи ведьмы-старухи то снохами, то дочерьми.

Кафта солдатт (Два солдата)

Записана в 1940 г. в деревне Лесные Сиялы Темниковского района Мордовской АССР от Ив. Ив. Мурзаева. Записал Л. С. Кавтаськин. Сказка заимствована из личного фонда Л. С. Кавтаськина.

«Два солдата» относится к числу популярных сказок о змее и приближается к № 300 (победитель змея) и № 302 (смерть Кащея в яйце.)

Иван Горохин (Иван Горохин)

В 1960 г. записана А. Г. Аношкиным в селе Старое Бадиково Зубово-Полянского района Мордовской АССР от колхозника А. Г. Сурдина. Сказка приближается к сюжету о чудесно рожденных и иных богатырях, побеждающих змея и освобождающих царевн. Сказка «Иван Горохин» отличается от других вариантов неполнотой соблюдения обрядности. Обычно в сказках герой выступает с двумя товарищами, здесь — с одним; змей (Кащей), как правило, похищает три царевны, здесь — две; герои борются с тремя противниками, здесь — с двумя; обычно змеи имеют: первый — три головы, второй — шесть, третий — девять или двенадцать. Здесь оба змея — по двенадцать голов, хотя и подчеркивается, что первый змей менее сильный, чем второй. Сокращение количества противников исходит из тенденции сделать сказочное повествование более кратким, компактным, сжатым.

Офтонь цёра (Медвежий сын)

Перепечатка текста из книги «Mordwinische Volksliteratur» (H. Paasonen), Bd —IV, Helsinki, 1947, стр. 868—874.

Сказка приближается к №№ 300 А+513 А (о победителе змея и сватовстве героя, которому помогают чудесные помощники). Варианты сказки напечатаны в книгах: ЭЕ, стр. 60—68; ЭФ, стр. 76—81.

Выполнение свадебных поручений, сватовство, изображаемые в сказке, во многом воссоздают мордовский обряд. В сказке дочери царя позорят жениха и свата, когда те приходят сватать невесту. Этот эпизод взят из мокшанской свадьбы. В традиционной мордовской свадьбе девушки —

представительницы рода невесты и ее подруги в форме импровизационных песен и выкриков позорят, укоряют жениха, его род, сватов, едущих за невестой. Родственники жениха, в свою очередь, корят невесту, срамят укорщиц (корильщиц), чтобы те ушли с пути жениха и его свиты. Этот эпизод в свадьбе называется «паряфнемат» (укоры), смысл которых заключается в том, чтобы доказать право на привилегии. Родня невесты пытается доказать, что невеста хороша, хорошего рода, а засватана к плохим людям, в плохой род, поэтому те пусть радуются ей, создают хорошие условия, а сторона жениха пытается доказать, что невеста никудышная, но берется в хороший род, поэтому пусть она будет довольна тем, что её призрели, одинокую, как осеннюю полевую былинку (А. Маскаев, Н. Черапкин, Мордовскяй советскяй литература. Саранск, 1952, стр. 41).

Прошась — оцязор (Царь Проша)

В 1948 году сказка прислана Мордовскому отделению Союза советских писателей жителем села Анаево Зубово-Полянского района Мордовской АССР Данилом Павловичем Рыбиным. Д. Рыбин слышал эту сказку от своего деда и рассказывал ее своим сельчанам.

Сказка «Прошась — оцязор» включает различные мотивы, встречаемые и в других мордовских сказках и легендах, особенно в сказках о змееборцах, в сказках сюжетов «Вий» №№ 307 и № 810 («В сетях злого духа»). Сказки, напоминающие «Вий», в мордовском фольклоре, особенно в мокшанском, относятся к популярным. Но эти сказки не включают мотивы о том, что черт приковал девушку к постели. Необычным для большинства мордовских сказок является и то, что противником героя выступает многоглавый черт. Обычно в чудесных сказках, в которых говорится о похищении чудесным противником девушки, похитителем девушки и противником героя бывает многоглавый змей, а не многоглавый черт. Не случайно, видимо, в данной сказке черт по своему поведению ничем не отличается от традиционного змея.

Мордовская сказка, богатая поэтической концовкой, не имеет присказки. Сказка «Царь Проша» имеет её. Это чрезвычайно редкое явление — влияние русской сказки, которая обогащает мордовскую не только сюжетом, но и поэтическими приемами повествования, традиционными формулами.

В этой сказке характерным являются отношения между богатырем (крестьянином) и царем. Царь, чтобы быть влиятельным, сильным, уговаривает богатыря перейти к нему на службу, обещая ему всяческие блага. Взяв богатыря на службу, царь забывает свои обещания, нарушает договор, недобросовестно, неблагодарно относится к своему защитнику, избавителю. Здесь видим резкое обострение социальных конфликтов. Нередко такой конфликт является или завязкой сказки, или темой самостоятельного сказочного повествования.

Ивашка Приметльф (Ивашка Приметлев)

Записана в июне 1948 года в селе Карсаевка Поимского района Пензенской области от 72-летней Анны Сергеевны Аляпкиной. Записал И. А. Карасев.

Сказка «Ивашка Приметлев» приближается к сюжетной группе «Победитель змея» № 300 А и прикреплена к историческим событиям на Руси — к периоду борьбы русского народа против татаро-монгольского ига. В образе Ивашки Приметлева, по объяснению сказочницы, выступает Иван Грозный, как собиратель Руси и организатор похода на Казань, освободивший Русь от татарского владычества. Рассказчица соединяет в одно сказочного богатыря и историческую личность.

Поиски героем исчезнувших небесных светил — явление для мордовской сказки редкое. В данной сказке понятие исчезновения небесных светил осознается в переносном значении, как исчезновение социальной, исторической

правды, исчезновение света, национальной свободы, наступление иностранного, иноплеменного ига на Руси. Герой сказки Ивашка Приметлев является всенародным героем, ибо возвращает народу свет и свободу.

На территории Мордовии сказка не обнаружена, она до сих пор оставалась для мордовской фольклористики малоизвестной.

Охотник (Охотник)

В 1936 году записана в селе Адашево Инсарского района Мордовской АССР от колхозника В. А. Коворяшкина. Записал Я. Борискин. Текст перепечатан из книги «Мокшень фольклор» (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940 г., стр. 55—64. Сказка «Охотник» относится к числу распространенных в эрзянском и мокшанском фольклоре и приближается к сюжетам №№ 222+313 А+С (об обещанном нечистому юноше, которому помогает его невеста). Варианты сказки напечатаны в книгах «Идень ёфкст» (М. Бабина), Саранск, 1940, стр. 3; ОМ, стр. 40—50; ЕВС, стр. 110—116, 3—14, 90—94; ШМ, стр. 275—283, 357—370.

В преобладающем большинстве вариантов этой сказки поработителями бывают хозяйка воды Ведява, ее муж Ведятя или водяной старик, напоминающий Водяного русских сказок. В сказке «Охотник» поработителем является старик-волшебник. Он обманывает доверчивого старика, отца героя (велит обещать то, что в доме своем он не знает) в то время, когда тот переходит через водный рубеж. Таким образом, старик-волшебник проявляет свою силу, что роднит его с древнемордовскими традиционными водяными (мифологическими существами).

Равжа тракс (Черная корова)

В 1936 году записана А. Маскаевым в селе Лемдяй Ст.-Шайговского района Мордовской АССР от 16-летней М. И. Перфиловой. Текст перепечатан из сборника «Мокшень фольклор» (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, стр. 27—30. Сказка относится к числу распространенных и приближается к сюжету 314+315 А (о корове, помогающей сиротам—брату и сестре бежать в лес, в лесу по наущению змея (разбойника) сестра пытается погубить брата, которого спасают животные или незнакомая девушка (женщина).

Варианты сказки напечатаны в ЕВС, стр. 26—30; ОМ, стр. 18—23; «Мордовские народные сказки» (С. Аникин), СПб, 1909, стр. 18—20; «Мордовская народная сказка», А. Маскаев, Саранск, 1947, стр. 175—179; ПС—111, 1941, стр. 224—228, 236—257.

Вирьбаба (Лесная старуха)

В 1940 году записана в селе Мордовское Вечкенино Ковылкинского района Мордовской АССР от 58-летней М. А. Кавкайкиной. Записал К. Т. Самородов.

Сказка «Вирьбаба» относится к числу наиболее распространенных эрзя- и мокша-мордовских сказок, бытующих как в детской среде, так и в среде взрослых.

«Вирьбаба» напоминает русскую сказку «Звериное молоко» (сестра посылает брата за звериным молоком, чтобы погубить его), сюж. № 315 А.

Многие варианты этой сказки (см., например, «Равжа тракс» (Черная корова) включают мотивы сказки «Бычок-спаситель» (корова помогает сиротам убежать в лес, воспитывает их), известны как популярные самостоятельные сказки.

Тексты различных вариантов сказки «Вирьбаба» напечатаны в сборниках, ЕВС, стр. 26—30; МФ, 27—30; ОМ, стр. 18—23, «Мордовские народные сказки» (С. Аникин), СПб, 1909, стр. 18—20.

Сказка «Вирьбаба» представляет большой интерес для изучения мордовской народной мифологии. В говоре сказочницы Кавкайкиной слово «Вирьбаба» означает хозяйка-покровительница леса, что соответствует в эрзя-мордовской мифологии Виряве. Она выступает как хранительница леса, зверей и птиц, в то же время является почитательницей словесного искусства.

В дохристианских мордовских представлениях Вирьбаба (Вирява) была только покровительницей леса, в наши дни это не мифологический, а сказочный образ, напоминающий чудесного противника или чудесного помощника. Являясь в данной сказке чудесной помощницей, Вирьбаба сохраняет черты богини — покровительницы искусства. Она помогает герою сказки прежде всего потому, что он рассказывал ей сказки.

Перинпай чуда (Чудо в перьях)

В 1936 г. записана Ст. Родькиным в селе Адашево Инсарского района Мордовской АССР от 75-летнего колхозника М. В. Шичинова. Текст перепечатан из сборника «Мокшень ёфкст» (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940, стр. 81—83. Сказка приближается к сюжету № 510 В (о неудачных попытках отца жениться на своей дочери). В отличие от других сказок этого сюжета (девушка убегает от отца, служит у царевича, на балу теряет свой башмак, по которому ее находит царевич) в данной версии совершенно отсутствует мотив потери башмака.

Бедняконь цёра (Сын бедняка)

Записана в селе Большой Толкай Подбельского района Куйбышевской области от известного мордовского сказочника Т. Пятанова, который строит рассказываемые им сказки на соединении многих мотивов. Сказка «Бедняконь цёра» — перевод с эрзя-мордовского языка, ибо в данном варианте она полнее, нежели в других, на мокша-мордовском языке. В публикуемом варианте сказка включает мотив трех-четырех сказок:

а) хитрая наука (отец отдает сына неизвестному человеку в учение, три раза узнает его среди одинаковых товарищей), (325);

б) обманутые нечистые (черти) дерутся из-за волшебных предметов — ковра-самолета, шапки-невидимки, кошелька-самотряса; герой задает им невыполнимые поручения и завладевает чудесными предметами (518);

в) царевна посещает нечистого, заказывает жениху костюм, туфли и кольцо; герой добывает это (507).

Все эти компоненты, входящие в сказку «Бедняконь цёра», бытуют и как самостоятельные сказки, и обычно все они заканчиваются повествованием о женитьбе героя. В данной сказке жених пренебрежительно относится к деньгам, славе, предпочитая личную свободу, путешествия, подвиги.

Маштыкс (Лихорадка)

Записана в 1936 году в селе Новая Толковка Ковылкинского района Мордовской АССР от Е. М. Кяжина. Запись Н. И. Черапкина.

Сказка напечатана в сборнике «Мокшень ёфкст» (Мокшанские сказки), Саранск, 1940, стр. 136—138. По содержанию приближается к известным фантастическим сказкам (человек заманивает дух (смерть) в бутылку (табакерку) (сюжет № 331), но воспринимается как бытовая. Этому способствует и то, что героем подобных мордовских сказок выступает реальный человек (мужик, солдат, охотник). Обычно противником героя в мордовских сказках бывает дух, смерть. В данной сказке к лихорадке выработалось явно насмешливое отношение, как ко многим сильным, но неумным противникам героя-человека.

Алашань кедь (Лошадиная шкура)

В 1948 году записана в селе Кишалы Атюрьевского района Мордовской АССР от Степана Егоровича Надеждина.

Сказка «Алашань кедь» построена на соединении мотива о победителе змея (сюжет № 300) и о коне-помощнике. В этой и во многих мордовских сказках о победителе змея фиктивный герой хочет присвоить себе славу героя, воспользоваться наградами, обещанными настоящему герою, но истина выясняется, виновник наказан.

Не совсем обычной для сказок этого типа является развязка. Обычно герой, став царем, царствует до старости. В этой сказке говорится, что в стране произошла революция, царя прогнали с престола, и народ начал строить новую жизнь.

Переосмысление старой сказки — явление в наши дни частое. Царь, как единовластный правитель, в глазах народа перестал быть идеалом и выразителем правды, силы, справедливости, несмотря на свои личные заслуги.

Пяштень тараткя (Ветка орешника)

Записана в 1936 году в селе Адашево Инсарского района Мордовской АССР от 70-летней Е. Н. Якушкиной.

Сказка более популярна в мокшанских районах, нежели в эрзянских (см. А. Маскаев, Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, стр. 144). Все известные мордовские варианты сказки приближаются к русской сказке «Аленький цветочек» (сюжет № 425 С): младшая из трех сестер просит отца привезти в подарок цветок, она должна стать женой медведя или какого-нибудь чудовища, который ночью превращается в юношу; юноша исчезает, жена ищет и находит его.

Од ава (Мачеха)

Записана в 1948 году в селе Старые Мордовские Пошаты Ельниковского района Мордовской АССР от Пелагеи Николаевны Естиновой.

Сказка «Од ава» относится к самой популярной сюжетной группе «О мачехе и падчерице» (сюж. № 480). Зарегистрировано более тридцати вариантов сказок этой группы, в том числе по печатным источникам: ЕВС, стр. 66—69, 69—72, 79—83, 117—119; ШМ, 345—350, 350—356; «Мордовские народные сказки» (С. Аникин), СПб, 1909, стр. 3—11; МФ, стр. 34—35.

Сире авань стирь (Девушка-падчерица)

Записана в 1940 г. в деревне Песочное Конаково Темниковского района Мордовской АССР от М. И. Сайкиной. Сказка находится в личном фонде Л. С. Кавтаськина.

Сказка «Девушка-падчерица» напоминает русскую народную сказку «Золушка». (Покойная мать помогает девушке, которая в роскошном платье идет на гулянье. Девушка теряет башмачок, царевич женится на сироте.) Варианты сказки напечатаны в сборнике «Эрзянь фольклор» (Л. С. Кавтаськин), Саранск, 1939, стр. 97—100, «Мокшень фольклор» (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940, стр. 81—88.

Наряду со сказками о Золушке (сюж. № 510, № 480) в мордовском фольклоре имеются эпические песни этих сюжетов (например, песня «Уроз Тятюша» (Сирота Танюша), напечатанные в различных мордовских фольклорных сборниках и хрестоматиях.

Наличие песенных вариантов волшебно-фантастических сказок не является в мордовском фольклоре редким явлением. (См. А. И. Маскаев, Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964), стр. 58—62.

Кельме-атя (Мороз)

Записана в 1940 г. в деревне Песочное Конаково Темниковского района Мордовской АССР от М. И. Сайкиной. Сказка взята из личного архива Л. С. Кавтаськина.

Сказка «Кельме-атя» относится к числу популярных, особенно среди мордвы-мокша. «Кельме-атя» напоминает русскую сказку «Чудесные дары» (человек получает чудесную скатерть-самобранку, чудесную козу; эти подарки выменивает на простые; наконец, возвращает их обратно). Сюжет № 563.

Ленгянь и сиянь кошяльня (Лыковый и серебряный кошели)

Текст взят из фонда З. Ф. Дорофеева (РФИ). Он является вариантом сказки «Кельме-атя».

Кафта братт (Два брата)

Записана в 1939 году в селе Колышлеево Кадошкинского района Мордовской АССР от 50-летнего Александра Сергеевича Кичайкина. Сказка напечатана в сборнике «Мокшень фольклор» (Мокшанский фольклор), Саранск, 1940, стр. 36—38.

«Два брата»— широко распространенная сказка о богатом и бедном братьях, приближающаяся к русской сказке «Правда и кривда». Богатый брат выкалывает глаза бедному брату, слепой подслушивает разговор чертей, возвращает себе зрение и богатеет (сюжет № 613). Сказка, несмотря на наличие волшебных мотивов, воспринимается как бытовая, реалистическая, в ней особенно резко изобличается жадность богача: богач враг не только сельчан, но и своего родного брата.

В эрзя-мордовской сказке этого сюжета (А. Маскаев, Мордовские народные сказки, Саранск, 1941, стр. 105—108) бедный и богатый братья меняются ролями, и богач узнает жизнь бедняка.

Варианты этой сказки напечатаны в Саратовском этнографическом сборнике (Б. М. Соколов, Т. М. Маркелов), Саратов, 1922, стр. 158—159; ЭФ, стр. 114—116.

Колма братт (Три брата)

Записана в 1940 году в деревне Песочное Конаково Темниковского района Мордовской АССР от Марии Ивановны Сайкиной. Сказка взята из личного фонда Л. С. Кавтаськина.

«Колма братт» приближается к известной сказке «Сивка-бурка», в которой повествуется о том, что герой (дурак) женится на царевне.

Сказка «Колма братт» относится к числу наиболее популярных (см. А. Маскаев, Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, стр. 148—149).

Пяльхкяня (Пальчик)

Сказка записана в июне 1948 года в селе Карсаевка Поимского района Пензенской области от 70-летнего колхозника И. И. Пищулина. Записал А. И. Карасев.

Текст данной сказки приближается к традиционным сказкам «Мальчик-с-пальчик». Мальчик помогает отцу на пашне, его покупает барин и сажает в карман, он бежит, нагадив в карман барина.

Традиционная сказка «Мальчик-с-пальчик» (сюжет № 700) очень популярна в мордовской деревне и, несмотря на мотивы волшебности, осознается как бытовая. Мордовские сказки этого сюжета в большом количестве находятся в различных рукописных фондах, а также напечатаны в сборниках: «Сказки народов СССР», М., 1939, стр. 82—83, «Мордовский этнографический сборник», Саратов, 1922, стр. 140—149; ЕВС, стр. 85—86.

Сказка «Пяльхкяня», хотя и относится к традиционным, но вместо неведомого барина в ней выступает лорд, полагающий всех и всё купить и любящий похвастаться необычным. Лорд, как и барин, изображается хвастливым, самонадеянным, но недалеким человеком, как и всякий антипод трудового человека.

Тядясь (Мать)

Записана в 1948 году в селе Карсаевке Поимского района Пензенской области от А. И. Пищулиной. Записал А. И. Карасев.

Сказка приближается к традиционным произведениям «Наказание за непочитание матери» (дети дурно обращаются с матерью; купец (барин) берёт её к себе; дом детей проваливается. Сюжет № 766). Традиционная сказка представляет собой легенду, где наказание за непочитание матери осознается в плане религиозном.

Сказка «Тядясь» иная по восприятию. Сказочница говорит, что эта сказка сложилась в период войны советского народа против гитлеровской Германии. Сказка стала более конкретной, поэтому напоминает собой не религиозную легенду, а реалистический рассказ.

В сказке понятия «родина» и «мать» объединяются, измена матери осознается как измена Родине. Не случайно поэтому во вступительной части сказки говорится, что эта сказка рассказана матерью своим сыновьям, уходящим на защиту Родины, на фронт.

Исчезновение земли из-под дома изменников, как повествуется в сказке, осознается как моральное осуждение изменников, изгнание их из общества в болото, кишащее змеями и жабами.

Попсь и купецонь стирсь (Купеческая дочь и поп)

Записана в 1940 году в деревне Мордовское Вечкенино Ковылкинского района Мордовской АССР от 50-летнего пильщика — колхозника Лунькова. Записал К. Т. Самородов.

«Поп и купецонь стирь» напоминает русскую сказку «Оклеветанная девушка». (Во время отсутствия отца поп хочет соблазнить девушку. Это не удается, он клевещет на нее отцу, отец поручает сыну убить сестру, но она спасается. Сюжет № 883). В отличие от русских сказок соблазнителем девушки и клеветником во всех мордовских сказках этого сюжета выступает поп. (А. Маскаев, Мордовские народные сказки, Саранск, 1947, стр. 159).

Вместе с тем во многих бытовых сказках купец и особенно дети купца изображаются положительными.

Куйгорожть дейканза (Проделки Куйгорожа)

Записана в 1948 году в селе Карсаевке Поимского района Пензенской области от А. А. Аляпкиной. Записал А. И. Карасев.

Куйгорожсь (Куйгорож)

Записана в 1948 году в поселке Ковылкино Ковылкинского района Мордовской АССР от Аксиньи Федоровны Ермаковой. Текст сказки записал и прислал И. Сезин (РФИ).

Слово «Куйгорож» известно только у мордвы-мокша. Так называют гнома, имеющего вид цыпленка, но невероятно сильного, большей частью невидимого никому, кроме его хозяина. У мордвы-эрзя мокшанскому «Куйгорож» соответствует гном «Трямка», «Тирямка», «Тиряминьге». Слова «Трямка», «Тирямка» происходят от «трямс» — воспитать, выкормить.

В прошлом считалось, что гномы (трямка, куйгорож) обогащали своего хозяина, чаще всего ворованным у односельчан имуществом. Они воруют и

приносят хозяину деньги, зерно, сено, ухаживают за скотом. Поэтому сельчане недоброжелательно относились к семье, которая, по предположениям сельчан, держала гномов.

У мордвы сложились многочисленные легенды о том, как избавиться от гномов, худых соседей. В легенде, записанной в 1948 году от Евдокии Андреевны Кирюшкиной в селе Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР, говорится, как один мужик, заметивший, что из его закрома исчезает зерно, пересыпал все зерно из этого закрома в другой, а сам спрятался в амбар. Ночью он услышал, как кто-то завопил тоненьким шепелявым голосочком: «Вай, каяским, вай, каяским» (ой, моя спинушка, ой, моя спинушка). Это трямка свалился в пустой закром и ушиб себе спину.

В легендах говорится, что трямки (куйгорож) требуют от хозяина хорошего ухода, ласкового обращения и постоянной работы: без работы они сидеть не могут. При плохом или неумелом обращении с ними трямки сердятся, разоряют хозяина, растаскивают его добро по соседям, подвергают порче продукты (в кадки с рубленой капустой насыпают песок, зерно перемешивают с навозом, гадят посреди избы или на столе). Изгнать же их невозможно или почти невозможно. Поэтому будто бы легко обнаружить тех, кто держал гномов. По загрязненности избы, стола будто бы можно узнать, кто держит гномов. Мордовское население Теньгушевского района (б. Темниковского уезда Тамбовской губернии) считало, что в доме, где держатся трямки, вкусную кашу непременно съедали гномы, оставляя верхнюю корку нетронутой. Хозяйки, о которых шла молва, будто они держат трямок, в большие религиозные праздники ставили на стол горшок каши, и священник, прибывший справлять богослужение, надавливал рукой на корку. Если рука проваливалась, то считалось, что под коркой горшок пуст: кашу съели «тиряминьгить» (гномы), значит, в этом доме держат гномов. В деревне Баево Теньгушевского района бытовали местные рассказы, будто поп получал от богатых людей вознаграждение, чтобы не давить рукой на корку каши, чтобы не разоблачать перед соседями держателей гномов. Следует тут же заметить, что вплоть до XX века во многих мордовских деревнях считалось, что богатые семьи обогащаются через трямок, ворующих чужое.

В сказках о куйгорожах, а также бытующих почти до нашего времени легендах, говорится, что Куйгорож (трямка) выводится человеком из куриного яйца, если держать яйцо под мышкой. Для этого нужно, говорится в легендах, снесенное весной черной курицей яйцо (чтобы Куйгорож был черным, невидимым) положить под мышку и держать его до тех пор, пока не выведется Куйгорож. Куйгорож, высиженный из яйца, имеет вид цыпленка, но, говорится в поверьях, он может принимать вид маленького человека, размером с палец. Гномы, являясь телесными, могут быть вместе с тем и невидимыми, когда они этого захотят сами. В упомянутых выше легендах и сказках говорится, что как бы не оберегали горшок праздничной каши держатели трямок, трямки непременно ее съедят, где бы эта каша не находилась, как бы она не охранялась: гномы превращаются в невидимые существа и проникают куда угодно.

В легендах, записанных нами от жителей Теньгушевского района Мордовской АССР, говорится, что гномы могут принимать вид цыпленка, но постоянной их формой является человекообразность. При этом они не высиживаются из яиц, а приглашаются хозяином дома, который в первую весеннюю темную ночь должен для этой цели идти на кладбище.

Пришедший на кладбище человек должен уметь обратиться к гномам. Тогда они вылезали из земли и обступали просителя. Гномов было много и все маленькие, а ночь темная, и выбирающий их не мог хорошо различить, он слышал только множество пискливых голосов, умоляюще просивших:

— Алей, монь зазимак, алей, монь зазимак (дяденька, возьми меня, дяденька, возьми меня).

Взятые на работу гномы были довольны, смеялись, а другие уходили с плачем. Человеку, говорится в этих легендах, каким-либо способом сумевшему прогнать когда-то приобретенных тирямингов (например, они сбежали, когда хозяин заставил их вить из песка веревку) и захотевшему приобрести

других, непременно попадались те же, которые у него были. Это было замечено по отдельным физическим недостаткам тирямингов. Как-то крестьянин прогнал двух гномов, один из которых был кривой, другой — хромой. Когда он снова захотел иметь гномов и выбрал на кладбище других, то оказалось, что он пригласил тех же: кривого и хромого.

Приглашение с кладбища маленьких человеков-помощников наводит на мысль, что они осознавались когда-то как предки, продолжающие помогать живым сородичам. По былым мордовским воззрениям отношения к предкам и трямкам было одинаково, считалось, что одинаково нужно кормить и предков, и приобретенных трямок.

Мордва Теньгушевского района считала, что тирямингить по своим психологическим качествам неодинаковы: есть озорные, есть и смирные, есть веселые, смелые, есть боязливые.

Это снова подтверждает догадку, что трямки в далеком прошлом осознавались как помогающие живым сородичам предки.

Нередко население старшего поколения к рассказам о «трямках» (Куйгорож) относится как к бывальщинам. Основное мордовское население в наше время считает подобные рассказы волшебными, фантастическими сказками. Образ гнома воспринимается как сказочный персонаж.

В отдельных районах Горьковской области (Лукояновский, Шатковский, Смирновский) слова «трямка», «трямо» понимают как «нечистая сила».

Если в легендах-бывальщинах «куйгорож», «трямки», как правило, не производят, а воруют, то в одной из сказок, называемой «Куйгорож», Куйгорож работает, обрабатывает землю, сеет хлеб, строит дом, двор. Куйгорож, таким образом, напоминает чудесного помощника, чудесного дарителя, хотя и злого, мстительного, имеющего склонность к разрушению.

Сеелень гальцят (Ежовые рукавицы)

Сказка записана в 1960 г. в селе Старое Бадиково Зубово-Полянского района Мордовской АССР от 80-летнего А. Г. Сурдина. Записал Г. В. Аношкин.

Сказка восходит к сюжету № 901-л и имеет широкое бытование, как и другие сказки об исправлении жены (сюжет № 901 1 и 902). Однако записанных текстов немного.

В публикуемом варианте остро звучат социальные вопросы. В сказке настоящим человеком является обутый в лыковые лапти бедный мужик, противопоставленный безвольным, трусливым богатым купцам.

Петр I и солдатсь (Петр I и солдат)

Сказка записана в 1960 г. в селе Старое Бадиково Зубово-Полянского района Мордовской АССР от А. Г. Сурдина. Записал К. Т. Самородов.

Сказка приближается к сюжету № 952 и воспринимается как рассказ о действительных событиях. Этому содействует и популярное имя царя Петра I, о котором у мордвы встречаются и другие рассказы и сказки. Текст сказки взят из рукописного фонда Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики № Л-296, стр. 318—319.

Фокась и Прокофий попсь (Фока и поп Прокофий)

Сказка напечатана в журнале «Якстерь галстук» (Красный галстук) № 4—5 в 1938 году, а также в сборнике «Мокшень фольклор» (Киняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940, стр. 68—72, в обработке А. Чекашкина. А. Чекашкин записал сказку от своего отца, известного в Мордовии сказочника Чекашкина, проживающего в селе Парапино Ковылкинского района Мордовской АССР. «Фока и поп Прокофий» относится к наиболее распространенным антирелигиозным сатирам, напоминающим русские сатиры «Уговор: не

сердиться» (сюжет № 1000), «Сторожи хорошенько дверь» (сюжет № 1009), «Скупой хозяин и хитрый работник» (сюж. № 1567—1), а также к сказкам сюжетной группы «Жадный поп на кабальных условиях нанимает работника и морит его голодом», «Скупой хозяин и хитрый работник».

Мотивы «Сторожи хорошенько дверь», «Уговор: не сердиться» нередко бытуют под различными названиями или без названия, как самостоятельные сказки. См. ЭЕ, 61—62; МФ, 67—73; ЭФ, 134—136.

Кяжи ава (Злая женщина)

Записана в 1948 году. Текст сказки записан в поселке Красный Ковылкинского района Мордовской АССР от К. Ф. Ермаковой. Записал И. Сезин.

Мордовская сказка «Кяжи ава» приближается к русской «Злая жена в яме» (сюжет 1164) и относится, по свидетельству собирателей народных сказок, к числу наиболее популярных. Но рассказывается она, как правило, со значительными отклонениями от текста «Кяжи ава». Обычно отсутствуют мотивы пребывания злой жены в преисподней, запугивание черта женой мужика. В сказке повествуется, что жена мужика делала все наоборот, наперекор мужу. Муж, желая избавиться от нее, не велел ей переходить по жердочке через реку, а уж если вздумает переходить, то пусть не кладет себе за пазуху камней. Жена делает наоборот, идет по жердочке, падает в реку и тонет. Муж ищет в реке жену, зайдя от места ее падения на много сотен шагов против течения воды: покойница делала только напротив. В этих вариантах она приближается к сказке «Упрямая жена».

Хитрай баба (Хитрая жена)

Записана М. Е. Бабиной в 1939 г. в селе Старая Пичиморга Торбеевского района Мордовской АССР от Г. И. Евдокимова. Сказка напечатана в сборнике «Мокшень ёфкст» (А. Маскаев и С. Потапкин), Саранск, 1940, стр. 114—116.

Мокшанская сказка «Хитрай баба» по содержанию приближается к русской народной сказке «Бабьи увертки» (сюжет № 1406).

Глупай баяр (Глупый барин)

Записана в 1936 г. в селе Каньгуши Краснослободского района Мордовской АССР от В. С. Чаторова и напечатана в сборнике «Мокшень фольклор» (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940, стр. 79—80. Мокшанская сказка «Глупый барин» приближается к русской сатирической сказке «Сокол под шляпой» (Аарне — Андреев, № 1528).

Сказка «Глупай баяр» относится к числу наиболее распространенных и бытует под различными названиями или без названия в эрзянской и мокшанской среде.

Шут Иван (Шут Иван)

Записана в 1936 году в селе Старые Мордовские Пошаты Ельниковского района Мордовской АССР. Сказка напечатана в сборнике «Мокшень ёфкст» (А. Маскаев и С. Потапкин), Саранск, 1940, стр. 58—66.

Сказка относится к числу наиболее популярных и напечатана в различных фольклорных сборниках: ЕВС, 41—51; ОМ, 248—270; ЭЕ, 82—94; МФ, 39—45, 76—77. Сказки Саратовской области, Т. М. Акимова, Саратов, 1937, стр. 174—184.

Почти во всех вариантах этой сказки противником хитрого мужика выступает барин или поп, поэтому сказка осознается как сатира на попов и бояр.

Ёньфтома (Дурак)

Записана в 1936 г. в селе Адашево Инсарского района Мордовской АССР от Н. Т. Кирдяшкина. Записал И. Чумаков. Текст сказки напечатан в сборнике «Мокшень фольклор» (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1939, стр. 84—87.

Сказка относится к числу распространенных и восходит к сюжету № 1681 I (дурак делает покупку). Данный вариант приближается к русской сказке «Набитый дурак» (сюж. № 1696), в которой герой делает и говорит невпопад, несообразуясь с конкретной обстановкой.

Кода дураксь шавозе попть (Как дурак убил попа)

Записана в 1940 г. в деревне Акшанаево Пурдошанского района Мордовской АССР от В. И. Чугунова.

«Кода дураксь шавозе попть» относится к числу распространенных сказок о дураках. Дурак продает лошадь дереву, которое скрипит от ветра; приходит за деньгами, начинает рубить дерево, из дерева падают деньги (сюж. № 1643). Мотив же убийства жадного попа восходит к сюжету № 1600. В других вариантах этой сказки обычно отсутствует то, что дурак прячет убитого попа, головой козла бьет в лоб полицейского.

Обедня (Обедня)

Записана от сказочника-колхозника Е. И. Сурдина из села Старое Бадиково З.-Полянского района Мордовской АССР. Текст сказки перепечатан из сборника «Мокшень ёфкст» (А. Маскаев и С. Потапкин), Саранск, 1940, стр. 74—76.

Сказка «Обедня» приближается к сюжету № 1831. (Священнослужители воруют крестьянский скот и переговариваются об этом за обедней под видом церковной службы.) Как и во многих сказках цикла «Мужик и поп», здесь речь служителей церкви передается по-русски. Такой прием приближает сказку к реальной действительности. В мордовских селах священниками были русские и говорили с прихожанами на русском языке.

Кие сяда ёню (Кто умнее)

Записана в 1938 г. в селе Старые Мордовские Пошаты Краснослободского района Мордовской АССР от 72-летнего Колеева С. Родькиным. Сказка на мокша-мордовском языке напечатана в сборнике «Мокшень ёфкст» (А. Маскаев и С. Потапкин), Саранск, 1940, стр. 99—106.

Сказка, особенно вторая часть, напоминает русскую небылицу «Состязание во лжи или ложь на пари» (сюжет № 1920 Д), начало же напоминает сказку о трех братьях, из которых один оказывается мнимым дураком. Именно он, презираемый всеми, даже родными братьями, оказывается сильнее, выносливее, опытнее, умнее тех, кто его считает дураком.

СОДЕРЖАНИЕ

Мордовская сказка 5

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Тувоня 17
Свинка 18
Шавача 20
Сойка 21
Казаня 23
Козочка 25
Сире врьгазсь и Костя атя 27
Старый волк и мужик Константин 29
Гурь сей, нурдонязе 31
Бойкие саночки 33
Ёфкся 35
Сказочка 37
Кода пинесь эстейнза ялга мусь 39
Как собака себе друга нашла 40

ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Оцязоронь цёра-богатырь 45
Царевич-богатырь 56
Кафта солдатт 66
Два солдата 70
Иван Горохин 74
Иван Горохин 80
Офтонь цёра 86
Медвежий сын 88
Ивашка Приметльф 90
Ивашка Приметлев 95
Прошась—оцязор 100
Царь Проша 110
Охотник 119
Охотник 128
Равжа тракс 136
Черная корова 139
Вирьбаба 143
Лесная старуха 148
Периннай чуда 153
Чудо в перьях 155
Бедняконь цёра 158
Сын бедняка 174
Маштыкс 189
Лихорадка 190

Аламань кедь 191
Лошадиная шкура 199
Пяштень тараткя 207
Ветка орешника 210
Од ава 213
Мачеха 216
Сире авань стирь 218
Падчерица 223
Кельме-атя 227
Мороз 229
Ленгянь и сиянь кошяльня 230
Лыковый и серебряный кошели 233
Кафта братт 236
Два брата 238
Колма братт 240
Три брата 247
Пяльхкяня 254
Пальчик 255
Тядясь 256
Мать 257
Попсь и купецонь стирсь 258
Поп и купеческая дочь 265
Куйгорожть дейканза 272
Проделки Куйгорожа 273
Куйгорожсь 275
Куйгорож 288

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Сеелень гальцят 305
Ежовые рукавицы 306
Петр I и солдатсь 308
Петр I и солдат 309
Фокась и Прокофий попсь 311
Фока и поп Прокофий 315
Кяжи ава 319
Злая женщина 328
Хитрай баба 337
Хитрая жена 339
Глупай баяр 340
Глупый барин 341
Шут Иван 342
Шут Иван 346
Еньфтома 350
Дурак 353
Кода дураксь шавозе попть 355
Как дурак убил попа 357
Обедня 359
Обедня 360
Кие сяда ёню 361
Кто умнее 364
Примечания 368